Юсуф Акобиров

Земля отцов Юрек

Юсуф Акобиров

Земля отцов Нурек

РОМАНЫ

Перевод с таджикского

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1984

Акобиров Ю.

А 40 Земля отцов. Нурек: Романы. Пер. с таджикского.— М.: Советский писатель, 1984 г.— 416 с.

Таджикский писатель Юсуф Акобиров посвятил свой роман «Земля отцов» покорителям и создателям «Золотой долины». Так назвали ее те, кто в 30-е годы превратил бесплодные земли Вахша в цветущий край, прославившийся позднее рекордными урожаями ценного тонковолокнистого хлопка.

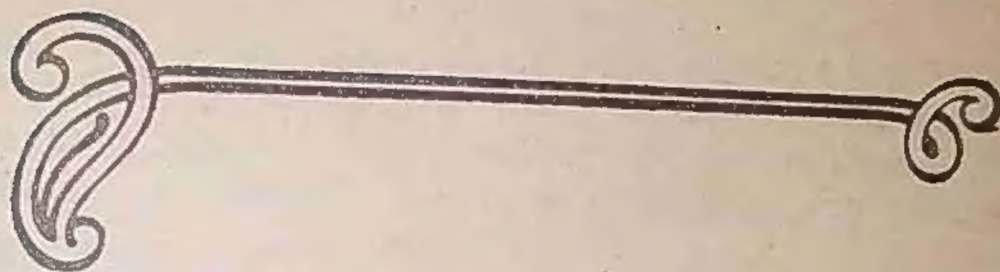
В романе «Нурек» Ю. Акобиров рассказывает о строительстве Нурекской ГЭС в горах Таджикистана и о том, как эта стройка уже в наше время преобразует край и меняет жизнь горцев.

А $\frac{4702500200-078}{083(02)-84}$ 324—84

С(Тадж) 2

Художник АНАТОЛИЙ МЕШКОВ

Земля отцов



Эту землю не Вахша водою —
потом отцы оросили,
каплями крови горячей
для нас ее освятили...

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

— Завтра, около одиннадцати, в Душанбе будет землетрясение...

Удивленный отец повернулся к сыну. «Неужели наука теперь может с такой точностью это предсказать? — подумал он, но, вспомнив ашхабадское и ташкентское землетрясения, вздрогнул.— Нужно скорее вывозить людей. Почему же никто не торопится?!»

Сын спокойно смотрел в окно, покуривая сигарету. Не замечая встревоженности отца, он продолжал:

— Сегодня мы с вами выедем в Нурек...

— В Нурек?

— Да. Взрыв-то будет там, он и вызовет землетрясение. Вахш завтра перекроем.

— Ах, так...— успокаиваясь, протянул отец.

— По этому поводу состоится большой митинг. Его будут транслировать по всесоюзному телевидению. Вам тоже надо подготовиться, брат просил вас сказать «пару слов»...

Братом Толиб Джахонгиров называл начальника строительства Сергея Фадеева. Его отца, Игоря Степановича, Умархон Джахонгиров знал с тридцатых годов. Тогда Фадеев работал на Вахшстрое, потом стал первым директором Вахшской МТС... После войны Умархон нашел друга в Туркмении — он возглавлял строительство Большого Туркменского канала.

В начале шестидесятых Игорь Степанович вернулся опять в Таджикистан строить Нурекскую ГЭС. И вот уже новое поколение пришло на смену отцам — маленький Сережа Фадеев, названый брат Толиба, стал одним из руководителей строительства Нурекской ГЭС...

Он-то и просит Умархона Джахонгирова сказать на митинге «пару слов».

«Пару слов»... А легко ли сказать эту «пару слов»? Разве все то, что старый Умархон видел и пережил на берегу Вахша, можно вложить в короткое выступление?.. Это ведь целая жизнь...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

В распахнутую дверь чайханы ворвался свежий ветерок — предвестник дождя. Прохожие прибавили шагу. В чайхане было малолюдно, Диловар тяготился одиночеством и ругал себя за то, что не сел поближе к двери — там скорее бы нашелся собеседник. Торопиться ему было некуда. Маленькими глотками прихлебывая чай, он обдумывал свою нескладную жизнь.

Вдруг к нему подошел мужчина среднего роста с веснушчатым лицом:

— Можно присесть?

Диловар так обрадовался, что приветствовал его, как старого друга,— привстал и протянул обе руки:

— Присаживайтесь, ака! [1]

Мужчина вежливо поздоровался, сел, неуклюже сложив длинные ноги, и заказал чаю. Потом повернулся к Диловару:

— С виду приезжий, можно спросить — откуда?

— Из Ходжента, ака! Из кишлака Ёва...

Диловар пригладил пальцами усики, радуясь, что вид у него приличный и лицо хорошо выбрито. Вчера парикмахер решил, что клиенту пойдут усики. Так Диловар стал «усатым», но к усам еще не привык и невольно их все время поглаживал.

— Если из Ходжента, то мы земляки,— сказал мужчина.— Я с улицы Карнайчи, Умархон Джахонгиров,— представился он и помахал светлолицему русому парню, который осторожно пробирался между топчанами, держа дымящиеся — с пылу с жару — лепешки.

— Коля, сюда! — И, обернувшись к Диловару, пояснил: — Наш шофер, недавно получил новую машину.

Диловар обрадованно тряхнул Колину руку. Он мечтал об одном собеседнике, а тут подбиралась приятная компания.

Разлили чай. Сначала поговорили о погоде, которая в этом году выдалась дождливой. Джахонгиров и Коля были обеспокоены: нужно сегодня же возвращаться в Вахш, а ливень размыл и без того раскисшие дороги.

---

[1] А к а — брат, уважительное обращение к сверстнику или к старшему по возрасту.

Джахонгиров спросил, что делает Диловар в Сталинабаде.

— Я? Да ничего... Так, хожу, смотрю... Если найду подходящую работу — останусь, нет — вернусь...— отвечал Диловар.

Джахонгиров подумал, что было бы неплохо взять с собой этого крепкого парня. Если машина застрянет в дороге — поможет, да и на Вахше люди позарез нужны. Интересно, что он умеет делать?

— А какая у вас специальность, додар?[1] Чем вы до приезда сюда занимались? — спросил он.

Диловар, поглаживая усики, чуть смутясь и будто посмеиваясь над своим положением, ответил:

— О специальности не спрашивайте, ака! Специальность моя, можно сказать, бродяжничество...— Диловар посмотрел на обоих и, налив чаю, продолжал: — Есть у меня брат, старший. До восемнадцати лет я с ним жил в кишлаке, потом поссорился и ушел из дома, в Ташкент подался...

О причине ссоры Диловар умолчал. Он никому об этом не рассказывал и не расскажет. Даже вспоминая, он краснел и от стыда готов был сквозь землю провалиться. Где это слыхано, чтобы старший брат ревновал свою жену к младшему?

Что делать, если брат Диловара ревнует жену даже к нему? За год своей женитьбы он рассорился почти со всеми соседями. Дело дошло до того, что никто не осмеливался смотреть в сторону его дома. Все обходили стороной — «упаси аллах!» — никто не ходил к ним в гости и к себе не приглашал.

Невестка иногда зазывала Диловара в отсутствие мужа и просила то потолок обмести, то достать что-нибудь с верхней полки или забить гвоздь.

Однажды попросила она прибить на стену сюзане. Диловар стал прибивать, а она смотрела и командовала — повыше или пониже. Но когда сюзане прибили, оказалось, что висит оно неровно. Оба расхохотались. Вдруг ворвался в комнату брат и без всяких предисловий влепил Диловару пощечину: «Чтоб я тебя здесь больше не видел, а то ноги переломаю!»

Вот такое несчастье. Диловар не смог рассказать об этом ни отцу, ни матери, но решил уехать из дому.

Сейчас, вспомнив о том горьком дне, Диловар немного помолчал и, вздохнув, стал рассказывать дальше:

— Два года был рабочим на товарной станции. Нашел хороших товарищей, но соскучился по родным и, взяв отпуск, поехал домой. Отец был тяжело болен, получилось, что проститься с ним приехал. Вскоре мы его похоронили, и я хотел вернуться в Ташкент, но мать воспротивилась: «Пока меня не похоронишь, никуда не уйдешь!» Маму жена брата, да и сам он нередко обижали. Остался я в кишлаке и занялся обычными сельскими делами.

---

[1] Додар — брат, обращение к младшему по возрасту. Додарджон — братишка, уменьшительно-ласкательное.

Мать после смерти отца прожила недолго... Опять начались раздоры с братом, и я снова уехал в Ташкент...

Диловар умолчал о причине второго отъезда из дома. Стыдно ему было говорить, что после смерти матери брат предложил Диловару делиться. Диловар вспылил, но сдержался и ответил, что делиться незачем, потому что он покидает кишлак. «Как хочешь»,— сказал брат и, повернувшись, ушел к себе. Диловар всю ночь не спал, а утром покинул родное гнездо, теперь уж навсегда. Со смертью родителей он остался бездомным...

— В Ташкенте меня приняли на старое место, но товарищи мои поразъехались,— продолжал Диловар.— Короче, на этот раз Ташкент мне не пришелся по душе, и я направился сюда...

Диловар залпом выпил давно остывший чай.

Джахонгиров, внимательно выслушав рассказ Диловара, сказал решительно:

— Давайте, додарджон, я вас с собой на Вахш возьму! Конечно, в какую-нибудь товарную контору такого молодца и здесь с удовольствием примут. Но сегодня вы нужнее на Вахше. В новых колхозах Вахшской долины очень нужны хоть сколько-нибудь грамотные люди. Мы предоставим вам выбор: МТС, хлопкозавод, любой из колхозов — куда угодно можете идти, везде дело найдется... Великое будущее у Вахшской долины. Она станет долиной белого золота — египетского хлопка! Весь мир будет нам завидовать...

Диловар, не ожидавший такого серьезного предложения, растерялся. Поехать в Вахшскую долину? Если там такие люди, как собеседник,— это же здорово! Сердце его радостно забилось.

— Если у нас вам не понравится, вернетесь, никто вас насильно держать не будет,— улыбнулся Джахонгиров. Он был хорошим агитатором. В прошлом году за неделю целый кишлак уговорил переехать с гор в долину.

— Ладно, ака, будь по-вашему, поеду с вами,— Диловар почему-то засмеялся и, устыдившись неуместного смеха, затеребил усики.

— Молодец! Вот это разговор! — просиял Джахонгиров.— Давай руку!

Пока они обменивались рукопожатиями, в чайхану вошел и сразу направился к ним пожилой мужчина с короткой бородой:

— Здравствуйте, товарищ агроном!

— Здравствуйте, Джамолбек-ака! — Джахонгиров протянул руку.— Родину навещать приезжали?

— Родина моя теперь в Вахшской долине. Янги-Базар был родиной отца,— засмеялся Джамолбек.— Два года один, надоело, решил семью перевезти.

Джахонгиров представил его Диловару:

— Знакомьтесь, это Джамолбек-ака, тоже мой земляк — из Вахша, арбакеш[1] колхоза «Труд».

---

[1] Арбакеш — возчик.

— Нет, додар, теперь я не арбакеш,— уныло сообщил Джамолбек.— Раис[1] отобрал у меня арбу, другому парню отдал, своему земляку...

Диловар подал Джамолбеку пиалу чая, пригласил сесть. Тот, завернув на колене полу халата, устроился в углу суфы[2].

— А откуда родом ваш раис? Не гармский[3] ли? — спросил Джахонгиров.

— Да, из того же кишлака, что и Фузайл Махсум[4]. Люди говорят, что все его родственники были басмачами и убежали за границу,— простодушно сообщил Джамолбек.— Он один здесь остался...

— А он не собирается вслед за ними? — не сдержавшись, вставил Диловар.

— Кто знает, додар... Захочет — убежит,— отвечал Джамолбек.— Из Кургана до границы на хорошей лошади — одна ночь...

— Там же река. Как они переправляются? — удивился Диловар.

— Говорят, у них человек есть в Сарай-Камаре, он их ночью на мехах перевозит.

— И пограничники ничего не знают? — еще больше удивился Диловар, чувствуя, что становится назойливым, но не в силах сдержать любопытство.

— Может, и знают, додарджон, да не всегда ведь поймаешь... В прошлом году один гад сжег колхозное зерно и бежал. Не поймали...— развел руками Джамолбек.

— Да, не так это просто,— вздохнул Джахонгиров и, допив чай, поднялся.— Ну, а семью-то из Янги-Базара вы забрали или только еще едете за ними?

— Забрал, додарджон. Они на улице барахлишко караулят. А я и зашел сюда потому, что увидел — машина стоит, дай, думаю, узнаю, не попутная ли?

— Так пожалуйста, грузите вещи — вместе поедем, это машина нашей МТС. Верно, Коля? — сказал Джахонгиров.

Молчаливый Коля приветливо улыбнулся, кивнул и, сказав, что ждет у машины, вышел.

— Спасибо, додар,— Джамолбек торопливо допил чай, сказал протяжно «омин» и еще раз поблагодарил Джахонгирова.

— И вы тоже, додар, собирайтесь,— повернулся к Диловару Джахонгиров,— поедем!

— Он тоже на Вахш? — с интересом спросил Джамолбек. И, получив утвердительный ответ, откровенно обрадовался.

— Вот, если хотите, в колхоз Джамолбека пойдете,— сказал

---

[1] Раис — председатель.

[2] Суфа — помост, обычно деревянный, в чайханах, во дворах под навесом, у арыка или над арыком. На помосте-суфе отдыхают, едят, ночью спят в жаркое время года.

[3] Гарм — горный район Таджикистана.

[4] Фузайл Махсум — главарь басмачества. Родился в Гарме.

Джахонгиров полушутливо.— Он тоже наш брат. Будет вам в помощь и защиту...

— Да, да, давайте в наш колхоз, не ошибетесь,— закивал Джамолбек.— В нашем колхозе люди нужны, сейчас мы будем еще новые земли осваивать...

— Спасибо, ака,— поблагодарил Диловар.— Посмотрим. Как говорится в пословице, «домашняя цена с базарной не сходится»... Посмотрим на «базаре» — может, и нам цена возрастет?

— Молодец, додар,— сказал Джамолбек.— Действительно, снимай сапоги по воде — убирай хлопок по погоде!

— Если вы мудрость собираете, то и я вам подкину,— поморщился Джахонгиров, недовольный двусмысленным ответом земляка.— Кто гуляет от безделья, а горемыка — по нужде, говорят. Вы прогуляться собрались, вот и отлично — посмотрите наш обновляющийся край, а если нужда случится — не пострадаете, ничего не потеряете...

— Точно, додар,— вставил Джамолбек.— Да вам у нас и понравится: оживить пустое место — дело святое...

Диловар почувствовал, что Джахонгиров на него сердится, и поспешил сказать:

— Умархон-ака, я не планировал переселяться в Вахшскую долину, все получается как-то неожиданно. Но сейчас я еду с радостью. Понравились вы мне. Хочется быть с вами вместе. Не использовать такую возможность — все равно что плюнуть в колодец...

— Вот это толковый разговор! — успокоился Джахонгиров.— Теперь быстрее собирайтесь. Давно пора, поедем, поздно уже. А то дождь вроде собирается.

У Диловара был самодельный чемодан да старая кожаная сумка, купленная на базаре. Все эти вещи были при нем, так что сборы много времени не потребовали.

Диловар подошел к толстопузому усатому чайханщику с полотенцем через плечо, рассчитался за чай и попрощался. Подхватил чемодан, Джахонгиров поднял сумку, и вскоре все уже были возле машины.

Невдалеке, под огромной чинарой, лежали пожитки Джамолбека. Там же, у расписного деревянного сундука, сидели на корточках его жена и взрослая дочь. Обе в белых платках, надвинутых на самые брови,— прятали лица от «недобрых» глаз. [illegible]летний сынишка Джамолбека уже забрался в кабину.

По знаку Джамолбека женщины встали и, еще плотнее закрывшись платками, отошли в сторону.

Джахонгиров и Диловар взялись помочь Джамолбеку перетащить вещи в машину.

— На попутной довез все это сюда, шофер даже денег не взял, торопился куда-то,— засмеялся вдруг Джамолбек.

Он ухватил одной рукой большой узел с постелью, узел с посудой — другой и пошел к машине, на ходу рассказывая, как до-

бирался сюда из кишлака. Джахонгиров с Диловаром вдвоем тащили большой и тяжелый сундук.

Поравнявшись с дочерью Джамолбека, Диловар взглянул на нее.

Девушке интересно было смотреть, как мужчины тащат вещи, она приоткрыла платок, и ее глаза встретились с глазами Диловара. Устыдившись, она прикусила губу и спрятала лицо. «Дурной глаз, наверно, у него...» — подумала девушка, почувствовав, как горят ее щеки. Она прижала к ним прохладные ладони и отвернулась.

Диловар же точно опьянел. «Тьфу ты, даже в глазах потемнело — точно утром взглянул на солнце»,— подумал он. Сердце его забилось, а тело охватило приятное тепло. Диловар с надеждой оглянулся на девушку, но она уже закуталась платком. Мужчины погрузили вещи в кузов, и Джахонгиров предложил Джамолбеку посадить супругу в кабину.

— Хайригуль, ты садись рядом с шофером,— распорядился Джамолбек, но Хайригуль не повиновалась: она не желала сидеть рядом с «посторонним мужчиной».

— Отказывается,— сказал Джамолбек, повернувшись к Джахонгирову.

— Ну тогда сами садитесь,— баззаботно предложил Умархон. Джамолбек смутился и промолчал: он не желал оставить жену и дочь с двумя чужими мужчинами.

Поняв мысли Джамолбека, Джахонгиров со смехом вылез из кузова: «Ты посмотри на них, а...» — и залез в кабину, усадив рядом сынишку Джамолбека Закирджона: «Давай, дружище, поедем вместе!»

Поскольку женщины были из кишлака и с машинами дела до сего дня не имели, да еще держали руками спасительные платки, то сами, без посторонней помощи, залезть в кузов они не могли. Джамолбек, встав на колесо, забрался в кузов и протянул руку жене:

— Давай скорее, держись за руку!

Хайригуль — сухощавая некрупная женщина, стесняясь посторонних, сжалась в комок. Джамолбек поднял ее легко, как ребенка, затащил в кузов. Растерявшись, она споткнулась о чемодан Диловара и, еще больше сжавшись, присела в уголке. Сколько ни уговаривал ее муж сесть на сундук или на одеяла, она не соглашалась.

Джамолбек снова посмотрел вниз. Теперь была очередь дочки. Но та руки не подала и, сказав «я сама», уцепилась двумя руками за борт и полезла в машину. Ее платок соскользнул с головы и белой птицей упал на землю, обнажив черную головку. «Ой, горе мне!» — воскликнула девушка в сильном смущении и обеими руками закрыла лицо.

Диловар нагнулся, бережно поднял платок и, встряхнув его, протянул Джамолбеку, который передал его дочке. Девушка наки-

нула его на голову и, прежде чем закрыть им лицо, улыбнулась юноше.

Сердце Диловара застучало, он глубоко вздохнул и одним прыжком взлетел в кузов.

Высунувшись из кабины, Коля предупредил:

— Садитесь получше! Дорога неровная, смотрите за вещами, чтоб не вылетело чего!

Дважды просигналив, машина тронулась в путь.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Миновав усаженную деревьями Комсомольскую улицу, машина свернула на Ленинский проспект.

— Вон там, у базара, большой магазин — «Люкс» называется,— объяснил Диловару Джамолбек.

— Да, я вчера туда заходил,— задумчиво ответил Диловар.— Сталинабад мне понравился — красивый город, зеленый...

— А это новое здание — гостиница,— продолжал Джамолбек.— Вон видишь, перед ним фаэтоны стоят...

Когда машина свернула на другую улицу, Джамолбек опять пояснил:

— Это шоссе ведет к хлопкозаводу, а сейчас спустимся вниз и пересечем железную дорогу...

Поравнявшись с хлебозаводом, Джамолбек, держась за кабину, привстал:

— Отсюда весь Яккачинар виден. Раньше здесь посреди кишлака стояла большущая чинара. Со всех сторон ее видно было. Поэтому и назвали Яккачинар — единственная чинара.

Железнодорожный переезд был закрыт. Проходил товарный, загруженный лесом и углем.

— Нам бы такого леса...— размечтался Джамолбек.— Домов бы настроили... Вместо камышовых мазанок...

— Поезда день и ночь везут лес, и вам, наверно, достанется...— сказал Диловар.

— Конечно, додар,— согласился Джамолбек.— Советская власть для нас ничего не жалеет. Ведь мы даем государству самое ценное — египетский хлопок. Скоро и до нас очередь дойдет. Говорят: подождешь — и из зеленого винограда халва поспеет.

Прогрохотал последний вагон с углем, и переезд открылся. Коля газанул, но тут же резко затормозил. От толчка узлы поехали в разные стороны. Джамолбек кинулся наводить порядок, но споткнулся о старенький чемодан Диловара. Еле державшиеся замки открылись, и из чемодана вывалились три ножа в ножнах.

Джамолбек бросился поднимать ножи.

— Ничего, ничего, замки еле держались, чемодан старый,— пытался успокоить его Диловар.

Джамолбек взял в руки один из ножей и, полюбовавшись ножнами, вытащил лезвие. Ручка была сделана из слоновой кости, хорошо обточена и удобно ложилась в ладонь.

— Это «индийский клинок»,— сказал Диловар и, кинув взгляд в сторону девушки, добавил: — Если слышали, есть такой стих: «Пусть руки отрежут индийским клинком, если не добьюсь я руки твоей...»?

— Нет, не слышал, додар,— с восхищением поглаживая нож, сказал Джамолбек,— но стих хорош! Ты мастер по ножам, что ли?

— Нет, ака, у меня два увлечения: красивые ножи и быстрые лошади. Где бы ни встретил красивый нож — куплю. Этот «индийский» я купил в Ташкенте у сына купца. Его предки раз в год в Индию ездили. Тут еще много разных...— Диловар открыл чемодан и стал показывать ножи. Джамолбек смотрел, и глаза его горели от восторга.

— Жаль, что ты, додар, не мастер их делать. Я бы тебе заказал...

— Не жалейте, ака. Если нравится, берите любой...

— Честно говоря, додар, очень нравится, не смогу отказаться, только уж и не знаю, какой лучше...— засмеялся Джамолбек.

Диловар выбрал пару ножей и протянул Джамолбеку:

— Этот чустский, а этот из Ура-Тюбе. Выбирайте...

Джамолбек вытащил их из ножен и долго рассматривал. Оба были хороши, только чустский поуже...

— А можно ими баранов резать? — спросил Джамолбек, трогая лезвие.

— Можно. Но мне не хотелось бы пачкать их кровью. Я собираю их для того, чтобы любоваться и удивляться человеческим рукам.... Преклоняюсь я перед людьми умелыми...

— Хорошо сказал, додар! — ответил Джамолбек.— А я, старый дехканин, до сих пор думал, что нож нужен, только чтобы резать. И человека, который ножи собирает для любования, впервые встречаю.

— От отца мне только это и осталось в наследство,— усмехнулся Диловар.— Он в молодости игроком был. Потом получил от деда взбучку и стал дехканином. Азартные игры бросил, но до конца жизни любил красивые ножи. Собирал их. В Чуст и Ура-Тюбе специально к ножовщикам ездил, на базаре всегда сначала заходил в ножовый ряд, толковал с ножовщиками, а уж потом по делам шел... Вот отсюда и моя страсть к ножам. А вторая моя страсть... Был у нас конь. Соловый, а грива и хвост белые. Очень красивый. Я его так любил, что утром, прежде чем сесть завтракать, бежал к коню, чистил его, расчесывал гриву, задавал корму. Ветроногим скакуном был соловый. Все соседи на него заглядывались. Украли его у нас... А вора так и не нашли. Долго я горевал. До сих пор жалко. Больше нигде я не встречал такого красивого коня и с тех пор мечтаю найти такого...

— На курган-тюбинском базаре туркмены иногда продают хороших лошадей,— отвечал Джамолбек, увлеченный рассказом.— Даст аллах, купим тебе лошадь. Я ведь тоже лошадей люблю. Прежнему и колхозную лошадь, как ребенка, ласкал. Да раис отобрал

у меня. Отдал Аброру, бандиту этому, одна рожа у него чего стоит! О колхозном коне он не будет заботиться! Нехорошо сделал раис...— Джамолбек огорченно покачал головой.

Машина проехала ровную долину и теперь взбиралась на крутой склон по извивающейся, как змея, дороге. Посуда в узлах снова задребезжала.

— Папа, заберите от нас этот узел! — обратилась дочь к Джамолбеку.

Диловар опередил Джамолбека и быстро подтянул узел к себе:

— Больше не беспокойтесь, я буду крепко держать.

Девушка натянула платок на глаза и подумала: «Нахальный парень!»

— Так какой нож вы себе выбираете? — напомнил Диловар, положив на ладонь ножи.

— Ой, никак не решу,— признался Джамолбек.

— Ну тогда я. Вот этот, ура-тюбинский, возьмите себе. Им и барана можно зарезать...

— Ну, добро... Спасибо.— Джамолбек задумался.— А сколько он может стоить?

— Цены ему нет, я вам даю на память, – ответил Диловар, укладывая остальные ножи в чемодан.

— Так не пойдет, самое меньшее — одного барана стоит...

— Ладно,— засмеялся Диловар,— каждый раз, как я приду к вам в гости, будете угощать меня пловом,— пошутил он.

— Согласен. Сегодня же вы с Умархоном будете моими гостями, я зарежу барана...

— Спасибо, ака,— снова засмеялся Диловар,— от угощения я никогда не отказывался... Но еще требуется согласие Умархона...

Умархон мне брат. Мой дом для него — его дом. Хоть он и ученый агроном, а когда приезжает в наш колхоз, от нашего стола не отказывается...

— Ладно, вот доберемся живы-здоровы, там видно будет...

— Э-э, не дело говоришь,— обиделся Джамолбек.— Мы, дехкане, зря не болтаем. У нас одно слово, одна открытая душа и накрытый стол...

— Хорошо, ака, не принимайте близко к сердцу мои слова,— извинился Диловар. Он не ожидал, что Джамолбек так обидится.— Я здесь еще новичок, порядков местных не знаю, где спать-есть буду, пока и понятия не имею... Кто ведает, как все сложится? Может, еще уезжать придется...

— Не говори так, додар! Ты молодец добрый, гору толкнешь — свалится, мне шестьдесят, а я везу свою семью с согретого места черт-те куда. Потому что в душе есть надежда, мечта, огонь. А ты намного меня моложе, додар. Неужели тебе говорить о том, куда голову приклонить? Где твоя молодая энергия? Нет, додар, тебе так говорить стыдно! Ты видел, как в горах орел летает? Ты сейчас подобен молодому орлу, так раскрой крылья пошире, взлети повыше! Чтоб другие с тебя пример брали! Вот как ты должен

жить, додар! — Джамолбек ласково потрепал Диловара по плечу тяжелой, крепкой рукой.

Коля вел машину медленно и осторожно. Путники притихли, даже Джамолбек замолчал, окунувшись в свои мысли.

Он думал о том, что сразу по приезде зарежет барана. Надо устроить хороший праздник. Новоселье справить — недавно с помощью товарищей он слепил дом с навесом — и гостей угостить. Весь колхоз позвать, и раиса с Аброром тоже. Как не позвать? Раис есть раис. Ему колхоз доверили. Жаль, что человек плохой. На людей он напрасно шумит, права свои показывает. Весной хаитского переселенца обидел, даже плеткой ударил. А тот собрал пожитки и ушел. «Раз и в колхозе басмаческое отродье командует,— сказал,— то мне такой колхоз не нужен!» Через несколько дней его родственники тоже ночью ушли из колхоза. Но раису Нусратходже хоть бы что. Он заявил, что «всякий может убираться». Хотите — все удирайте!». Люди спрашивают: «Весна идет, кто пахать-сеять будет?» А он: «Не ваша забота, власть найдет людей!» Странно! Если не дехканину заботиться о себе, то кому же? А если председатель будет настраивать против колхоза людей, все разбегутся. Нет, ты подлый, Нусратходжа, не друг нам. Род твой басмаческий, и сам ты в их сторону тянешь. И почему Нусратходжа здесь остался, комсомольцем себя называет? Удивительно! И председатель исполкома Урупов на всех собраниях его хвалит. А как приедет в колхоз, так прямо в дом к раису, который бежит встречать его, будто век не видел. Урупова перед людьми так превозносит, что изо рта прямо мед течет.

Диловар думал о своем и не сразу заметил, что девушка украдкой поглядывает на него. Он улыбнулся и с опаской взглянул на Джамолбека. Тот сидел, опершись спиной о кабину и прикрыв глаза. Обидевшись на улыбку Диловара, девушка показала ему язык и, снова закутавшись платком, прижалась к матери.

Диловар решил подкараулить следующий взгляд. Вскоре девушка осторожно сдвинула платок, показался большой черный глаз. Диловар быстро высунул язык. Девушка пугливо отвернулась, положила голову на плечо матери.

— Не спи, Адолат! — сказала Хайригуль.— Ночью не выспалась, что ли?

«Адолат зовут! — обрадовался Диловар.— Какое хорошее имя[1]. Живи сто лет, тетушка Хайригуль! Это-то мне и нужно было!..»

В кабине Закирджон давно уснул. Умархон, устроив мальчика поудобнее, вспомнил о своей жене и дочери. Три дня он не был дома, как они там одни? Кумрихон ждет ребенка, не совсем здорова. Умархон хотел привезти из города мать, жившую у сестры. Но она наотрез отказалась. Не ладят они, мать с его женой. Осенью старая из-за пустяка рассердилась и уехала. Умархон пытался примирить их, но мать была непреклонна. Теперь Умархона

[1] Адолат — справедливость.

особенно волновали семейные неурядицы. Скоро в колхозах начнется посевная. Его сутками не будет дома. Когда Кумри придет пора рожать, что она будет делать одна? Вблизи нет ни одного роддома, нет и соседки, которой можно было бы на время оставить дочку.

«У меня дом есть, зачем я буду чужие пороги обивать!» — заявила Кумри в ответ на предложение мужа поехать рожать в город. Плохо, что у нее нет матери — давно она умерла, а отец женился на другой. Кумрихон терпеть не может мачеху — в детстве ей здорово от нее доставалось...

Коля остановил машину и прервал раздумья Умархона:

— К парому подъехали. Зайдем чайку попить?

— Пошли,— согласился Умархон и, посмотрев на темное небо, добавил: — Но нужно быстрее дальше ехать. Не доедем засветло — плохо придется...

— Сухая дорога кончилась, за паромом болота начинаются, так что надо подкрепиться,— сказал Коля.

Он свернул с дороги к чайхане. Вылез, открыл дверцу Умархону, который вышел со спящим мальчиком на руках. Из кузова выпрыгнули Джамолбек и Диловар. Женщины остались сидеть, не рискуя взбираться второй раз.

— Пусть сидят,— сказал Джамолбек,— я им сюда принесу чайник чаю, еда у них есть.

Он взял сына и передал на руки матери, и мужчины отправились в чайхану.

В маленькой чайхане народу было много, посуды не хватало, поэтому чайханщик — приземистый, толстогубый мужчина — с ворчанием выдал Джамолбеку один чайник и треснувшую пиалу.

Умархон поторапливал спутников. Давясь, они съели по куску лепешки и выпили по пиале чая.

Диловар первый влез в кузов и встал во весь рост, чтобы взглянуть на Вахш. На кофейного цвета воде паром покачивался, как качели. Других машин не было, и паромщик сразу их перевез.

Едва переправились, редкие капли дождя застучали по кабине.

— Дождь мелкий,— значит, не скоро перестанет,— Джамолбек натянул брезент на поклажу. Хайригуль концом платка прикрыла спящего сына.

Машина с трудом пробиралась по сырой узкой колее среди камышей. Скользили колеса, грязь хлюпала и летела в стороны. В очередной ямине машина застряла.

— Начались наши беды! – проворчал Джамолбек и, опередив Диловара, спрыгнул на землю.

— Сначала машина нас везла, теперь мы ее потащим! — засмеялся Умархон, подставляя плечо под завалившийся борт.

— То ты на седле, то седло на тебе,— в тон ему ответил Диловар, толкая машину.

— Попробуем! — Коля сел за руль, включил мотор, дал газ, но машина с места не стронулась.

Все трое дружно уперлись в борта — машина немного пропол-

ла и снова села. Мужчины повторили попытку, но бесполезно — машина и не качнулась.

— Передохнем! — Джахонгиров тяжело дышал.

— И дальше дорога такая? — спросил Диловар.

— Двенадцать месяцев в году живем, додар,— ответил Умархон.

— Думаешь, государство даром за наш хлопок такие деньги платит? — добавил Джамолбек.— Узнаешь теперь, с какими мы трудностями в тугаях и болотах разрабатываем новые пашни и выращиваем египетский хлопок...

— Теперь я понял, куда вы своего земляка заманили,— пошутил Диловар.— «Золотая долина», «Весь мир нам завидует!»

— Да, золотая, – серьезно сказал Умархон.— Вахшская долина — золотая, но для таких, как Джамолбек! Трусы бегут и рвачи убегают отсюда в первый же день!

Диловар оглянулся:

— А если машина откажет, на диких свиньях поедем, а?..

Джамолбек с Умархоном рассмеялись.

— Так и будем стоять? — спросил Коля, высунувшись из кабины.

— Подожди немного, отдохнуть надо,— улыбнулся Умархон.

— Ладно, ребята, давайте, а то поздно, скоро совсем стемнеет,— сказал Джамолбек.

Они втроем поднажали, машина вылезла из грязи и остановилась на довольно сносной дороге.

Диловар посмотрел на свои заляпанные грязью штаны.

— Вот так, земляк! — поймал его взгляд Умархон.— Весь твой фасон кончился!

— Ничего, додар, Хайригуль выстирает,— утешил Джамолбек.

— Не волнуйтесь, ака, грязь высохнет и отвалится,— спокойно сказал Диловар.— Я тоже рабочим был, грязи и пыли не боюсь.

— Браво, додарджон! — хлопнул в ладони Умархон.— Ну, по местам и поехали.

Машина снова тронулась в путь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

К вечеру машина доехала до Курган-Тюбе. Джахонгирова высадили около банка — единственного приличного кирпичного здания в городе. Он жил неподалеку, в доме из двух маленьких комнат. Джахонгиров пригласил всех к себе выпить хоть чаю, но Джамолбек запротестовал, попытался уговорить Умархона поехать к нему. Прощаясь, Джахонгиров хотел увести с собой Диловара, но тут Джамолбек возмутился, и Диловар остался в машине.

До колхоза «Труд» ехать было недалеко — всего шесть фарсангов.

Дорога шла среди болот и камышовых зарослей, которые тянулись вдоль обочин, как крепостные стены. В тугаях водились

волки, шакалы и дикие свиньи. Машина медленно ползла по раскисшей дороге, то и дело буксуя и надсадно гудя мотором. Из зарослей доносилось кабанье хрюканье и шакальи всхлипы, от которых мороз подирал по коже.

— Пешком я бы давно был дома,— ворчал Джамолбек.— Еще застрянем здесь на ночь...

Закирджон проснулся и хныкал, требовал пить, Хайригуль его утешала, объясняя, что скоро они приедут домой и там мама напоит сыночка.

Внезапно камыши расступились, четыре большие собаки кинулись к машине.

— Приехали! — как ребенок, обрадовался Джамолбек.

Машина остановилась у камышовой мазанки.

— Это ваш дом? — высунулся из кабины Коля.

— Это старый дом, новый там,— Джамолбек показал рукой в сторону.

Коля включил газ, и вскоре машина подъехала к невысокому глинобитному строению. Тотчас собрались соседи, принесли лампу, дружно перетащили в дом пожитки.

В комнате побольше поверх наложенного на пол камыша расстелили привезенные одеяла и подушки — приготовили место для гостей.

Джамолбек шумно умылся и торжественно вывел из хлева жирного барана. Сосед услужливо посветил ему.

Отведя барана к яме, Джамолбек свалил его и, дунув на нож, сказал:

— Благослови, аллах!

А в дом входили все новые и новые гости. Последним пришел молодой парень с плоским лицом и узкими воспаленными глазами. Был он высок и нескладен.

— С новосельем! — развязно сказал он.

— Ты, как хорошая ищейка, быстро унюхал, где мясом пахнет,— пошутил весельчак Идрис.

— От воя таких шакалов, как вы, мертвые проснутся,— парень шумно и неряшливо высморкался.

— Аброр,— миролюбиво сказал хозяин.— Сам-то он, наверное, не пожалует...

— Ему только запах жареного учуять, на четвереньках приползет! — выкрикнул Идрис под общий смех.

— Заткнись, брехливая собака,— взвизгнул Аброр.— Вот сведу Нусратходжу, все увидят, как ты хвостом вилять будешь...

— Это тебе хвост и уши обрезали,— быстро нашелся Идрис.— А у меня они целы. Хочу — верчу хвостом, не хочу — не верчу...

— Да твой язык хуже жала пчелиного,— завелся Аброр.— Попробуй только ужалить раиса, тут же подохнешь...

— Эй, глупец, пчелиный укус полезен,— засмеялся Идрис.— Не знаешь, что ли? Пчелиный укус — от всех болезней лекарство. Да только умная пчела тобой побрезгует. Твоя поганая кровь только болотным комарам по вкусу...

В это время комар впился Аброру в шею, и он невольно прихлопнул его ладонью.

— Вот видишь, я прав,— засмеялся Идрис.

Вокруг хохотали. Побежденный Аброр со злобой сказал:

— Очень не радуйся. Скоро и твое чистое мясо суслики слопают!

Это звучало угрозой. Но Идрис беспечно ответил:

— Джамолбек-ака, бросьте ему кость, чтоб перестал брехать!

Джамолбек отмахнулся от спорщиков и пригласил гостей в дом, потому что держать их столько времени на улице было неучтиво.

Идрис сел первым и усадил рядом с собой Диловара. Обозленный Аброр пошел за раисом. Но раис появился сам. Он приехал верхом совсем с другой стороны.

— Возвращался из района, увидел машину, завернул,— объяснил он свое появление.

Раис колхоза «Труд» Нусратходжа Низомов оказался высоким красивым мужчиной лет сорока. Помня все, что говорил о нем Джамолбек, Диловар с особым интересом присматривался к нему. Однако Нусратходжа совсем не был похож на «тайного басмача». Спокойный, выдержанный и не в пример Аброру приветливый. С Диловаром он поздоровался дружелюбно, задержав его руку в своей.

Пир был в самом разгаре, когда на пороге возник Аброр и объявил:

— Дяди нет дома...

Он был далеким родственником Нусратходжи, но перед людьми называл раиса дядей.

— Дядя твой давно здесь сидит, а ты где-то мух считаешь! — не удержался от реплики Идрис.

Гости засмеялись. Аброр, поняв, что стал предметом насмешек, поспешил уйти, ругая Идриса.

Проводив его взглядом, Идрис откинулся на подушку и задумчиво сказал, вроде бы ни к кому не обращаясь:

— Молодой еще, наставлений таго[1] не хочет слушать.

— А вы ему тоже немного сродни, амаком[2] приходитесь,— быстро нашелся Нусратходжа,— могли бы хоть сморкаться научить.

Раис намекал на длинный нос Идриса, все дружно захохотали.

— Удивительно бестолковый у вас племянничек, таго,— продолжал Идрис, будто не замечая смеха. — Ему и советы не помогают. Сколько раз я ему говорил, что сопли высмаркивать нужно, а он их в себя втягивает.

— Если ученик не понимает, значит, учитель плохой,— отвечал Нусратходжа, не собираясь складывать оружие.— Дядя племянника любить должен. Когда племянник не слушается и нос за-

---

[1] Таго — дядя по матери, считающийся вторым отцом.
[2] Амак — дядя по отцу, более дальний родственник.

дирает, он обязан его за нос веревкой привязать, как верблюда, и вниз потянуть.

— Ну, если уж плох амак, то о таго и говорить нечего,— сказал Идрис,— племянника не жалеете, советуете ему в нос кольцо пропустить, как верблюду. А ведь ему нос поранишь, свою душу болеть заставишь.

Слушатели смеялись над поражением Нусратходжи в аскии [1]. Однако Нусратходжа не сдавался:

— Ладно, амак, давайте не будем терзать нос племянника, а поговорим о ваших делах. Вчера утром я видел вас куда-то спешащим, а за пазухой у вас что-то живое было. Не знаю, змея или голубок...

— Конечно же невинный голубок,— вывернулся Идрис.— ощипанный и с поломанными крыльями... Жаль мне его стало. «Да это же голубок раиса»,— сразу догадался. Очень уж он напоминал мне вашего племянника. И за пазуху спрятал. Пригрел, значит.

Все захохотали. Даже Нусратходжа засмеялся:

— Ну, а если этот невинный голубок, согревшись за пазухой, вылетит и на плечо сядет, что будете делать?

— Я его в носик поцелую [2], таго,— ответил Идрис.

— Хорошо,— притворно зевнул Нусратходжа.— А если этот невинный голубок опять вспорхнет и сядет вам на другое плечо, что вы тогда будете делать?

— Стоит ли заботиться об этом, таго! Если голубок сядет мне на другое плечо, я ему хвостик покороче подрежу. Всего и делов...

— Хорошо, амак,— сказал Нусратходжа, предчувствуя свою победу.— А скажите мне, если невинный голубок снова вспорхнет и на нос вам сядет, что вы тогда будете делать?

Слушатели затаили дыхание, уставившись на Идриса.

— Будьте здоровы, таго,— ответил Идрис, мужественно принимая поражение.— Жаль только, что ваш невинный голубок давно уж вспорхнул и вылетел из дому...

Нусратходжа решил не заводить новую аскию, поэтому поднял руку и сказал:

— Поиграли, и будет! Сейчас угощение принесут.

Шурпа [3] уже сварилась, но посуды не хватало, хотя Джамолбек собрал все чашки и тарелки у соседей. Пришлось только раису и Диловару подать в отдельных тарелках. Мясо положили в два больших блюда.

— Зачем столько жидкости,— не унимался Идрис, которому досталась чашка на двоих.— Вы мне мясо поближе поставьте...

---

[1] Аския — соревнование острословов.

[2] Шутка основана на детской песенке:

Невинный голубок,
Сядь на плечо —
В носик поцелую,
Хвостик подержу.

[3] Шурпа — бульон из свежего мяса.

— Зачем тебе мясо? Подожди немного — все кости твои будут,— поддержал шутку молодой колхозник.

— В костях ты лучше меня понимаешь,— тут же отбился Идрис.— Так перемывать кости, как твоя жена это делает, никто не умеет...

Аския возобновилась, но Нусратходжа в ней больше не участвовал. Он увлекся беседой с Диловаром. Парень понравился раису своей скромностью и сообразительностью. Когда он узнал, что Диловар грамотный, то начал уговаривать его остаться в колхозе.

— Нам нужен табельщик,— сказал он.— Наши ребята все неграмотные. В колхозе всего один счетовод. Вон около Идриса сидит, молчаливый такой, Лутфулло Машрабов. Но он говорит, что не может ходить по полям, работу учитывать... Не успевает свое дело выполнять. Вот так. Если хотите, вступайте к нам в колхоз, табельщиком будете, близким мне человеком, уважаемым лицом...

Нусратходжа старался расположить к себе Диловара, ему нужен был человек, на которого можно положиться,— на Аброра надежды было мало, а верный человек в колхозе раису был необходим. Машрабов был малоподвижен и мало общался с людьми, а Аброр в последние месяцы вообще стал всеобщим посмешищем. «Невинный голубок раиса»—так все чаще называли его колхозники. «Диловар не такой,— думал Нусратходжа, разговаривая с новым знакомым.— Он не даст себя в обиду. Его только нужно на путь истинный направить, своим сделать, и в учете тогда порядок будет...»

Диловар почувствовал доброжелательность раиса и невольно расположился к нему.

— Ладно, ака,— сказал он.— Я не из тех, кто добивается должностей и чинов. Куда сочтете нужным послать, туда и пойду.

— Спасибо вашему отцу, додар,—обрадовался Нусратходжа.— Надо думать, Умархон не станет возражать. Агроном Джахонгиров — парень правильный, знающий. За хлопок жизни не пожалеет. Летом ночами не спит, по полям ходит — проверяет. Районное начальство в тепле по домам ночует, а он пешком по колхозам бегает...

Около полуночи, после благодарственной молитвы над дастарханом [1], раис объявил, что утром состоится хашар [2]: нижний канал нужно хорошо прочистить и углубить, а то летом там не пройдет на полив вода...

Люди поднялись, стали прощаться. Раис подозвал Джамолбека и в присутствии Диловара спросил:

— Гостя мне забирать или вы сами о нем позаботитесь?

— Гостю мы в мазанке постель приготовим,— ответил Джамолбек.— С Аброром жить будет.

---

[1] Дастархан — скатерть, накрытый стол.

[2] Хашар — общественная добровольная работа, обычно на постройке дома, рытье и расчистке канала и т. п.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Старая мазанка Джамолбека была похожа на казахскую юрту: ни дверей, ни окон, вход прикрывался кошмой, которую на день откидывали. Вечером мазанку освещала чадящая керосиновая лампа.

Аброр лежал в постели, но не спал. Мельком глянув в его сторону, Диловар заметил, что одеяло у Аброра безобразно грязное. Джамолбек принес Диловару два своих одеяла и большую подушку. Аброр с завистью на них посмотрел и, торопливо запихнув свое одеяло в темный угол, спросил Диловара:

— Чаю выпьете?

— Нет, спасибо,— отказался Диловар и с удовольствием вытянулся на чистой постели.

— Погасить лампу? — снова спросил Аброр.

— Как хотите. Я темноты не боюсь.

Аброр поднялся, прикрыл вход кошмой и, задув лампу, предупредил:

— Ночью довольно холодно. Я сплю не раздеваясь.

— Сегодня, по-моему, не так холодно,— возразил Диловар.

— Конечно, какие сейчас холода! — согласился Аброр.— Вот два месяца назад — это был холод! Ночью такой ветер со снегом, что утром из мазанки не выйти. Я с головой в чакман[1] закутывался и думал, что, если до весны дотяну, обязательно женюсь. С женою теплее. Таго Нусратходжа не гонит бездетную жену потому, что ночью один спать не может, мерзнет...

Диловар слушал вполуха. Он так устал, что глаза закрывались сами собой, но ему не хотелось быть невежливым.

— Что же вы до сих пор не женились? — спросил он.

— В этой глухомани и жениться-то не на ком,— заныл Аброр.— Ни в одном доме взрослой девушки нет. Хорошо, Джамолбек дочку привез...

«Вот собака! Заметил!..» — встревожился Диловар. Сон у него мгновенно пропал.

— Вы раньше в этой мазанке с Джамолбеком жили? — помолчав, спросил он.

— Ага. Я сюда осенью приехал. Новый дом Джамолбека был почти готов, но он жил здесь. Берег дом для семьи.

— А у вас есть родители? — поинтересовался Диловар.

— Какие родители? Сирота я,— тяжело вздохнул Аброр, скрывая, что родители его, братья и сестры бежали за Пяндж в Мазари-Шариф. Аброр тоже собирался туда, но Нусратходжа и его сообщники задержали парня. Он был им нужен...

Диловар вспомнил разговоры у Джамолбека и осторожно спросил:

— Нусратходжа вам родственник?

— Нусратходжа... Нусратходжа... Дядей моим его считают, ка-

---

[1] Чакман — широкий халат из жесткой верблюжьей шерсти.

кой он мне дядя? — раздраженно откликнулся Аброр.— Просто земляк. Он начальник и с начальством якшается. А я что? Я сам по себе. Бескрылая птица...

«Невинный голубок»,— вспомнил Диловар слова Идриса.

— Я ничейный,— сказал Аброр,— поэтому надо мною насмехаются... Ладно, придет и мой черед,— в голосе его послышалась угроза.

«Что он говорит? — подумал Диловар.— Что значит — настанет и мой черед? Может, прав был Джамолбек, говоря о Нусратходже? Неужели родичи Фузайла Махсума и Ибрагимбека все еще на что-то надеются? Или «невинный голубок» от обиды болтает? Возможно... Но ведь и споря с Идрисом он угрожал. А если не сболтнул, а проговорился? Он, конечно, поглупее Нусратходжи... Надо, пожалуй, за ним понаблюдать».

Аброр давно уже храпел, натянув на голову одеяло, а у Диловара сон совсем пропал. Он вглядывался в ту сторону, где спал Аброр, и ему чудился запах крови. «Может, и его руки в крови»,— Диловар даже вздрогнул от этой мысли, повернулся на бок и с усилием закрыл глаза. Тревога не покидала его.

«Аброр явно недоволен Нусратходжой. Может, завидует ему? Нусратходжа — человек хитрый, скрытный, дальновидный... Он с руководством в ладах, ведет себя умно, жену нерожающую не выгоняет, с такими, как Идрис, не ссорится... И, наконец, хочет держать около себя таких, как Диловар. «Невинный голубок» действительно бескрылая птица, а с Нусратходжой надо ухо держать востро, вдруг это змея притаившаяся».

Диловар повернулся на другой бок...

«А на Адолат ему нечего глаза пялить,— распалялся он.— Адолат — девушка чистая, честная. Не хватало еще, чтобы этот бескрылый напал на голубку? А я-то на что?! Не зря же Джамолбек сравнил меня с оперившимся молодым орлом. Да я... я...— Диловар опомнился и с грустью подумал: — Что я-то? Кто я ей? Не брат, не нареченный. У нее отец есть, и, если потребуется, он десяти коршунам шеи свернет...— И тут же одернул себя:— Нет, я не просто знакомый, я больше, чем знакомый. Я, обидевшись на брата, ушел искать хороших людей и нашел их. Вот они: Умархон-ака, Джамолбек-ака, Хайригуль-апа... И Адолат... Разве могу я оставить их и уйти? Никогда!.. Разве я гость, разве просто случайный знакомый? Нет! Раз Адолат тут, зачем мне еще искать что-то в жизни? Тот рай и ад, что я искал, там, где Адолат... А Нусратходжа если кому делал плохо, то уже сделал. Я здесь ни при чем. Против меня-то он пока ничего дурного не совершил. Он пригласил меня в колхоз: табельщиком, говорит, стань. Чудак, он не понял, что мне в этом колхозе любая должность подойдет. Но если он обидит Джамолбека и его семью, я ему не прощу...»

С этими мыслями Диловар заснул.

Разбудил их Джамолбек:

— Вставайте, молодцы. Поздно уже. Раис давно на ногах.

— Раис? Где? Что? — не открывая глаз, пробормотал Аброр.

— Раис у меня дома,— ответил Джамолбек.— Быстро умывайтесь и приходите.

Аброр неохотно встал, напялил на голову свой черный чакмал и, зевая во весь рот, вышел на улицу.

Диловар собрал постель, аккуратно сложил ее в углу, оделся и, выйдя на улицу, увидел Аброра: он оправлялся тут же, на берегу арыка.

«Этот «невинный голубок» и воду испоганил»,—брезгливо передернулся Диловар и, пройдя вверх по арыку, умылся. На другом берегу арыка стеной подымались камышовые заросли. Диловар свистнул. Из камышей с шумом вылетела какая-то птица и, описав над водой круг, скрылась. Диловар успел разглядеть красивую головку и золотые крылья фазана. «Жаль, что спугнул, может, он на водопой прилетал»,— подосадовал Диловар и долго еще стоял на берегу, вглядываясь в заросли.

Взошло солнце, и камышовая чаща преобразилась — теперь она уже не пугала, а манила к себе и, колыхаясь под утренним ветром, казалась зеленым морем.

Взобравшись на крутой берег, Диловар осмотрел кишлак—среди камышовых мазанок выделялись глинобитные дома. У одного из них закричал петух. Две большие собаки промчались по дороге. В сторону арыка шла женщина с кувшином.

Диловар направился к Джамолбеку. Адолат возле дома пекла лепешки и, захлопотавшись, не заметила приближающегося Диловара. Зато Диловар не сводил с нее глаз: на Адолат был бархатный расшитый камзол, мелко заплетенные, достававшие до колен косы колыхались в такт ее движениям и, свешиваясь, закрывали лицо. Выпрямляясь, девушка отбрасывала их назад. Диловара она увидела внезапно и, смутившись, опустила ресницы.

Ласково и тихо Диловар произнес ее имя:

— Адолат!..

Девушка встрепенулась и подняла глаза.

— Здравствуйте,— улыбнулся Диловар.

— Здравствуйте...

Голос Адолат дрожал. Она оглянулась, не видят ли родители, что она разговаривает с мужчиной, и робко вымолвила:

— Вы проходите в дом...

— А лепешками угостите? — шутливо спросил Диловар.

Девушка засмеялась и вдруг испуганно осеклась: к ним приближался Аброр.

В каракулевой шапке и черном чакмане он выглядел внушительно. В руке он небрежно держал плетку.

Адолат, подхватив блюдо с лепешками, убежала.

Аброр, осмотрев удалявшуюся девушку с ног до головы, по-хозяйски подмигнул Диловару:

— Ну что, только во сне, наверное, такую красавицу видели?

Его шутка Диловару не понравилась.

— Я видел, что вы молились, не стал мешать и один пошел сюда,— сказал он, меняя тему разговора.

— Да, я читал утреннюю молитву...

Аброр стряхнул пыль с сапог.

— Но и вы не терялись,— засмеялся он.— Утром увидеть красивое лицо — богоугодное дело. Если ангел небесный спускается для нас на землю, а мы, рабы, не придем утром приветствовать его, великий грех будет...

Диловар упорно не хотел говорить с Аброром об Адолат и после минутного молчания заметил:

— Раис давно нас ищет. Нехорошо...

Аброр громко кашлянул.

— Джамолбек-ака! — крикнул он.

— Заходите,— тотчас появился на пороге Джамолбек.

Парни вошли в дом.

Нусратходжа в красивом белом чакмане сидел, опершись на подушку. Привстав, он подал руку Диловару.

— Не замерзли?

— Спасибо, нет.

— Жена меня ругала, почему не привел гостя.

— Таго, а супруга ваша обо мне хоть иногда спрашивает? — жалобно спросил Аброр.— Или мне так и подохнуть в этом хлеву?

— Моему племяннику всегда чего-нибудь да хочется...— подмигнув Диловару, засмеялся раис и, повернувшись к Аброру, сказал: — Подожди, племянник, как только появится какая-нибудь цыганка, поймаем и к тебе отведем...— засмеялся Нусратходжа.

— В ожидании цыганки состарюсь я, таго,— убежденно заявил Аброр, с ожиданием поглядывая на дверь.

Но в дверях показался только Джамолбек с большим чайником в руках.

— Сегодня, племянник, оставь свою лошадь и арбу и вместе со всеми выходи на хашар,— прекратив шутки, строго сказал раис.

— Что, арбакеш больше не нужен? — вскипнулся Аброр.

— Не говори так, Аброр,— сказал Джамолбек, протягивая ему чай.— Я ведь тоже до недавних пор был арбакешем! Арбакеш всегда нужен!

— Вы нашего раиса лучше послушайте,— сказал Аброр.— Он арбакеша за человека не считает...

— Мужчина не должен быть таким капризным. Где надо, там и будешь работать,— рассердился Нусратходжа.

— Понятно,— угрюмо насупившись, протянул Аброр.— Раз так, можете забирать вашу арбу хоть сейчас.

— А за цыганкой ты пешком пойдешь? — усмехнулся раис.

— Это уж мое дело,— сердито ответил Аброр.

— Ну ладно, прекратим этот разговор,— Нусратходжа раздраженно отвернулся от племянника.

Но Аброр продолжал что-то бубнить, никак не желая успокаиваться.

— Перестаньте, Аброр,— вмешался Джамолбек.— Маленькому человеку надо слушаться большого...

Аброр еще больше взъерошился:

— Да, я человек маленький! Поэтому раис и сделал меня козлом отпущения. А сам наблюдает. Хватит! Надоело! Больше терпеть насмешки не намерен! Хорошо смеется тот, кто смеется последним, между прочим.— Аброр уставился на Нусратходжу и вдруг закричал: — Не делайте вид, что ничего не понимаете. Помните еще меня, да поздно будет...

— Прикуси язык,— скрипнул зубами Нусратходжа.— Посмотри на себя! Кто тебя мужчиной назовет? На словах — орел, а на деле? От муравьиного укуса на стену лезешь!

Аброр залпом выпил пиалу чая, протянутую Джамолбеком, и притих. Он уже жалел о своей горячности, ибо лучше других знал, что для него этот выпад против раиса бесследно не пройдет... Конечно, Аброр имел основания для недовольства: Нусратходжа мог бы создать ему лучшие условия, поселить у себя и хотя бы на время женить... А он и думать об этом не хочет! Каждый раз, когда Аброр заводит разговор о женитьбе, он отделывается шуткой или говорит, что в колхозе нет пока свободной женщины... Теперь невеста появилась, а он и в ус не дует, и в голову ему не приходит, что Адолат — хорошая жена для Аброра...

Нусратходжа после стычки с Аброром был молчалив. Глупое поведение парня не только унизило его. «Нельзя на такого опереться, нельзя ему доверять»,— думал раис.

Джамолбек протянул ему пиалу с чаем, но раис отказался:

— Хватит чаевничать. Люди, наверное, уже собрались. Пора работать.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Колхозники со своими кетменями, собравшись у большого арыка, ожидали раиса. Идрис, как всегда, был в центре. Взяв за руку паренька из Каратегина и глядя ему прямо в глаза, он говорил:

— Деды твои были благородного происхождения. Лошади ваши были чистой породы... Мать твоя была умной женщиной... Некоторые сомневаются, и напрасно: ты действительно сын своего отца.

Люди захихикали.

— А сам ты чей сын? Ну-ка себе погадай...

— Как, вы до сих пор не знаете моей биографии? — удивился Идрис.— Появился я на свет в год Быка, в кишлаке Синелинг, в долине Ясмана, Хаитского района. Это известный в Каратегине горный край. От своего собственного отца. Но у нас в кишлаке соседских детей любят больше, чем своих. Потому что не знают, которые из этих детей ихние, а которые нет. И меня соседи любили больше, чем родной отец.

Слушатели с удовольствием смеялись:

— Ох, не умирай, Идрис!

— Долго живи, Идрис!

— Ах, чтоб тебе фаланга язык прикусила, Идрис!

Ободренный смехом и возгласами, Идрис продолжал представление:

— Подрался я как-то с соседским мальчишкой и разбил ему нос. Так отец Теши как цыкнет на него, зачем, мол, с Идрисом дерешься, он ведь твой брат! А мой отец вступился за курносого Тешу и, влепив мне оплеуху, сказал: Теша твой братишка, зачем его бьешь?

Люди хохотали.

— Отец Теши был таким же длинноносым, как ты? — спросил кто-то из-за спины Идриса.

— Во всяком случае, не таким противным, как ты,— не оглядываясь, ответил ему Идрис.

— Ребята, тихо! Идрис, рассказывай! — пытался кто-то восстановить тишину.

— Расскажите лучше, как вашего отца соседи от басмачей прятали,— попросил каратегинский паренек. Он знал Идриса давно и многие его истории помнил назубок.

Идрис засмеялся и, погладив свою черную бороду, сказал:

— Пожалуй, не будем тревожить дух моего несчастного отца.

— Рассказывайте, чего там! Мы за него помолимся,— настаивал паренек.

— Ну ладно, ребята, слушайте,— согласился Идрис.— Однажды ночью басмачи отрубили голову отцу моего братишки Теши. А на следующую ночь отец мой домой не вернулся. Мать моя, конечно, всю ночь проплакала. А утром вышла по воду и в соседнем дворе мужской голос услыхала. «Кто бы это мог быть? — подумала мать.— Друг или враг?» Тихонько подкралась и — в объятиях соседки увидела своего мужа.

«Это что такое?» — спросила она в гневе.

«Его басмачи искали, а я его в доме спрятала»,— объяснила соседка.

— Отец твой хорошим петухом, видно, был,— хихикнул кто-то.

— Ну-ну, так об чью же голову разбила кувшин твоя мать?— напомнил неугомонный земляк Идрису.

— Кувшин моя мать разбила о голову соседки, а сама к мужу бросилась: «Слава аллаху, что тебя басмачи не убили! Что бы я без тебя делала!»

Слушатели были в восторге, хлопали в ладоши и подзадоривали Идриса продолжать представление.

— Да будет место в раю твоей матери, Идрис!

— Чтоб тебя за язык повесили, Идрис!

Каратегинский паренек снова вмешался, успокоил всех и попросил Идриса рассказать о том, как он учился и как женился.

— Как-нибудь в другой раз,— взмолился Идрис.

— Друг, милый, не упрямься,— уговаривали его, умильно заглядывая в глаза.

Идрис стянул с головы баранью шапку, погладил бритую макушку и, водрузив шапку на место, вздохнул.

— Идрис, ты давай рассказывай, а то мы тебя свяжем и в канал бросим,— шутливо пригрозили ему, устав упрашивать.

Идрис вздохнул, продолжал молчать.

— Ну расскажите, как мула вас учил,— опять вмешался земляк.

Идрис, видя, что от него не отвяжутся, начал рассказывать:

— В нашем кишлаке долго не было учителя. А потом явился гнусавый мулла, который вместо «алиф» [1],— Идрис для полноты впечатления зажал нос,— говорил «аниф». Вот посадил он как-то меня перед собой и говорит: «Пиши «аниф»!» Я на товарищей оглядываюсь — что такое «аниф», а гнусавый как трахнет меня по голове, у меня аж искры из глаз посыпались, и говорит: «Пиши «аниф»,— Идрис опять зажал нос.— Сжал я зубы, вытерпел, а когда вышел во двор, вижу, осел муллы орет. Тут меня и осенило. Побежал домой, взял отцовский нож и ослу гнусавого хвост отрезал. В горах, вы знаете, если человек распутный или гулящий, его ослу хвост отрезают. Мулла, конечно, рассвирепел и ушел из нашего кишлака, а мы так и остались неграмотными...

— Не печальтесь, Идрис! Если деньги будут, я их вам сам сосчитаю,— пообещал каратегинский паренек и, оглянувшись, объявил: — Раис идет!

По дороге шли раис с Диловаром, а за ними следовали Аброр и Джамолбек.

— Поворожите, Идрис-ака, «невинному голубку»,— со смехом попросил каратегинец.

— Его судьбу я давно предсказал,—беспечно ответил Идрис.— Своей смертью он не умрет.

— Почему? — одновременно спросили несколько человек.

— Потому что так ему на роду написано! — серьезно заявил Идрис.

Нусратходжа, приблизившись, поздоровался и, взяв кетмень, пошел к арыку...

Это понравилось Диловару: «Молодец раис, показывает людям, как надо работать».

Но Нусратходжа просчитался и обнаружил свое неумение: он слишком сильно замахнулся, и кетмень застрял в глине. С трудом вытащив его, раис выбросил землю на край арыка и подозвал Идриса:

— Ты помоложе, ну-ка давай!

— Извините, конечно, раис,— будто смутившись, смиренно ответил Идрис.— Племянничек ваш еще моложе.

Аброр сделал шаг назад, будто увидал под ногами змею.

Люди засмеялись.

Диловар выступил вперед и взял кетмень из рук раиса. Острое лезвие кетменя сверкнуло на утреннем солнце. Присутствующие

---

[1] Алиф — название первой буквы арабского алфавита.

с любопытством следили за Диловаром: как-то проявит себя горожанин. В глазах у них возникли веселые искорки. Откуда им было знать, что на товарной станции в Ташкенте стокилограммовые мешки Диловар выгружал одной рукой.

Диловар не спеша спустился в арык. Для начала немножко подровнял края арыка. Потом опустил кетмень, выпрямился, поплевал на ладони и покрепче ухватил рукоять. На этот раз он вонзил кетмень в землю и, выворотив груду глины, отбросил ее далеко в сторону. Диловар работал ритмично, четко, без передышки, и все с удовольствием следили за каждым его движением.

— Будь здоров, додар! — громко сказал Джамолбек.

Эта дружеская похвала придала Диловару сил, работать ему стало легче. Захотелось петь в полный голос, и только взгляды людей немного смущали его...

— Раис-ака! — заметил Идрис.— Нам бы еще парочку таких гостей, и трактор не потребуется.

— Диловар не гость, а член нашего колхоза. Прошу любить и жаловать,— торжественно объявил раис.

Колхозники дружно захлопали. Диловар улыбнулся, продолжая кидать землю. Он стосковался по крестьянской работе и с удовольствием орудовал кетменем. Джамолбек вдруг сообразил, что стоит без дела. Он протянул кетмень Идрису.

— Зачем? — удивился тот.— Мы с Диловаром одним кетменем будем работать, по очереди.

— То, что ты съешь, и в его желудок не попадет,— засмеялся Джамолбек.

— Ничего, ака, мы, прежде чем обедать, поработаем вместе.

— Хоть ты с виду и костляв, но язык у тебя без костей,— пошутил Джамолбек.

— Ой, акаджон, не говорите о костях, а то Аброр на них зубы точит,— не остался в долгу Идрис.

Люди весело смеялись.

— Аброр — невинный голубок. Ты его не тронь, а то он возьмет в руки кетмень и покажет тебе, как работать надо,— поддал жару каратегинец.

Идрис усмехнулся и обратился к раису:

— Раис-ака! Разметьте участки мне, Аброру, Диловару и моему земляку — состязаться будем.

— Хорошо,— согласился Нусратходжа.— Я всем поровну отмерю — по пятьдесят шагов. Идет?

Идрис оказался между Аброром и каратегинцем. Аброр обливался потом, но дело у него двигалось плохо. Он злился, и больше всего на раиса: с арбы снял, на черную работу поставил...

Аброр не хотел понять, что Нусратходжа не мог поступить иначе: колхозники тут же заметили бы, что племянник освобожден от хашара. Аброр же думал только о том, что раз Нусратходжа знаком с самим председателем исполкома Уруновым, то чего

бы ему опасаться своих подданных? Выгнал бы из колхоза таких, как Идрис, и порядок!

Каратегинский парень копал, не поднимая головы. Видно было, что работа ему не по силам, но он старался не отстать от товарищей.

Идрис работал споровисто, ровно, соразмеряя силы. Он знал, что только Диловар сможет опередить его. Так оно и случилось. Диловар кончил первым. Подняв кетмень на плечо и проходя мимо Идриса, он сказал добродушно:

— Не уставайте!

— Будь здоров, додар! — выпрямился Идрис. Он впервые обратился к Диловару на «ты».

— Хочу помочь Джамолбеку,— объяснил Диловар, не останавливаясь.

— Живи долго, додар! — крикнул ему вслед Идрис.— А у меня помощники: за столом слоны, а за работой хромые козлы...

— Э-э, Идрис-ака! — ответил каратегинец.— Не пыли впереди стада. Еще неизвестно, кто кого позади оставит.

Все слышавший Аброр вдруг почувствовал ненависть к Диловару. «Этот парень и перед людьми хочет выслужиться и к Джамолбеку подлизаться. Значит, на Адолат виды имеет. Разговаривает с ней. С утра еще сорока трещала, а они уже болтали. Нет, не позволю ему вырвать у меня из рук эту пери»,— думал Аброр, лениво ковыряясь в сырой земле.

— Эй, Аброрджон! — услышал он голос Идриса, выполнившего свою норму.— Как дела, дядин голубок? Помочь?

Аброр, увидев его усмешку, со злостью ответил:

— Я, что ли, состязаться придумал? Мне все равно, когда я доделаю свою полосу. Помогите лучше своему земляку.

— Земляк! — не стал связываться с Аброром Идрис.— Сам грязь вытащишь или помочь?

— Справлюсь! — отвечал каратегинец, поднимая голову.— До сих пор за меня никто не работал.

— Молодец, земляк! — похвалил Идрис.— Я же говорил, что ты сын своего отца!.. Никто не хочет моей помощи!..

— А ты немного передохни, потом расскажешь нам что-нибудь интересное.

— Ладно, так и быть,— согласился Идрис. — Жаль, что чая до сих пор нет...

Он бережно положил кетмень и с наслаждением растянулся на свежей траве. Вскоре, закончив полосу Джамолбека, подошел Диловар.

— Очень устал? — спросил Идрис.

— Нет, не слишком,— Диловар присел рядом, обняв колени.

Со стороны кишлака появились долгожданные раис и Джамолбек с кувшинами кислого молока, узлами с лепешками и большими чайниками в руках.

— О, они и чайники тащат. Разве нельзя здесь чай вскипятить? — удивился Диловар.

— А где ты здесь возьмешь чистую воду? — вопросом на вопрос ответил Идрис.— Воде из канала нужно дать сначала отстояться. Она состоит из грязи и золота. Что улыбаешься? Я не шучу. Вахш хоть и грязная река, но в ней на самом деле золота много.

— Ну,— недоверчиво протянул Диловар,— если так, то колхоз наш скоро богатым будет...

— Колхоз наш и сейчас не беден,— сказал Идрис с гордостью.— В прошлом году с двадцати пяти гектаров хлопок сняли. В этом на сорока посеем, а может, и все пятьдесят осилим...

— А кроме хлопка?

— Ячмень сеяли, пшеницу, кукурузу, клевер. Но самый большой доход от хлопка. Главная задача — больше выращивать хлопка. Правда, на новых землях хлопок сразу не вырастет: солончаки мешают, да и камыш забивает. Поэтому сначала сеем кукурузу или джугару, потом хлопок...

— А вы когда сюда приехали?

— Мы, хаитские, на Вахш еще до Советов приходили. Ячмень и пшеницу сеяли. Посеем и — домой. А летом за урожаем приезжали. Отсюда до Хаита три дня верхом. В горах-то земли для посева мало, а та, что есть, давно поделена. Поэтому дехкане победнее сюда и приходили. Когда здесь колхоз организовали, мы и пришли. Осенью, правда, многие назад вернулись. С раисом не поладили...

Нусратходжа и Джамолбек сложили узлы около Идриса с Диловаром, аккуратно поставили рядом чайники и сели, вытирая пот. Раис оглядел сделанное:

— После обеда поднатужимся и очистим арык.

Вымыв руки, колхозники расселись вокруг дастархана. На аппетит никто не жаловался: знай только макали горячие лепешки в кислое молоко и набивали рты. Отсутствие Аброра заметили, только когда увидели, что от кишлака скачет всадник. Приглядевшись, узнали Аброра.

Аброр сообщил раису, что из района приехали к нему несколько человек и с ними агроном Умархон.

— А ты как в кишлаке оказался? — хмуро спросил Нусратходжа.

— Я ходил лошадь поить,— нехотя объяснил Аброр.

Раис, оставив Джамолбека за старшего, поспешил в кишлак, захватив с собой Диловара.

— Да у Джамолбека ноги что у верблюда! Уж он нам намеряет! — покачал головой Идрис.— Лучше бы моему земляку Розику поручили — у него ноги как у козы...

— Идрис-ака,— не выдержал наконец каратегинец,— благодари аллаха, что твою судьбу он не мне поручил, а то бы пришлось тебе с бородой попрощаться...

— Воистину мудр аллах, что ослу рогов не дал,— невозмутимо макая в кислое молоко лепешку, ответил земляку Идрис.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Контора колхоза размещалась в глинобитном доме, состоявшем из двух комнат. Одна из них служила раису кабинетом, в другой и работал и жил холостой счетовод Лутфулло Машрабов. Он занимал гостей, разливал чай.

Приезжих было четверо. Троих — председателя райисполкома Урунова, районного агронома Джахонгирова и заведующего земельным отделом Вохидова — Нусратходжа хорошо знал. Четвертый — маленький, темнолицый человек в пенсне — был ему незнаком. Урунов представил его:

— Представитель Наркомзема — товарищ Акмалзода. Только что из Сталинабада.

— Добро пожаловать! — сладко улыбнулся Нусратходжа, протягивая гостю обе руки.— Чаще бы к нам представители Наркомзема приезжали, земли бы наши быстрее благоустраивались...

— Будьте покойны, еще надоем,— пошутил Акмалзода и поправил пенсне.

— Чем чаще видишь, тем крепче любишь, говорят мудрые,— тут же нашелся Нусратходжа.

— Благодарю вас, раис,— поклонился польщенный Акмалзода.

— Раис наш далеко не прост,— тихо, вроде бы только для Акмалзода, но так, чтобы услышал Нусратходжа, сказал Урунов.— Он из тех, кто понимает толк и в золоте и в людях...

— Советская власть умеет подбирать кадры! — в тон ему ответил Акмалзода.

— Да, да, товарищ Акмалзода, вы в самую точку попали,— Урунов потряс руку представителю Наркомзема.

Выждав момент, Нусратходжа представил гостям Диловара, скромно стоявшего в сторонке:

— Это новый член нашего колхоза Диловар. Самый молодой. Сегодня выдержал испытание — лучше всех работал на хашаре. Колхозники остались очень им довольны. Богатырь!

— Здравствуйте,— сказал Урунов, пожимая руку Диловару.

Акмалзода слова быстро поправил свое пенсне и, улыбнувшись, заметил:

— Товарищ Нусратходжа, по-моему, богатыри кетменем не орудовали. Они больше палицей махали...

— Диловар — богатырь нашего времени. Он совершает подвиги кетменем,— рассмеялся Нусратходжа.

— Сдаюсь, товарищ Нусратходжа,— сказал Акмалзода уважительно.— С вашего разрешения, я пожму руку богатырю нашего времени.

Диловар чувствовал себя неловко. Здороваясь с Умархоном, он нечаянно задал нелепый вопрос: «И вы тоже приехали?» И еще больше смешался. Только выпив пиалу чая, он немного пришел в себя и разглядел Урунова. Встреча с ним поразила Диловара. «Неужели это тот Урунов? — думал он.— Высокий, лицо длинное, и часто мигает, как тот, и улыбка та же. Он? Он самый?..»

Диловар вспомнил митинг рабочих в клубе железнодорожников Ташкента. Рабочие не стали слушать некоего Урунова, они подняли шум, стащили его с трибуны и вытолкали вон. Тот жалко улыбался из-под красивых усов, нервничал, часто моргал...

Диловар только приехал и мало что понимал в политике. «Почему не дали ему говорить?» — спросил он стоявшего рядом рабочего. Тот объяснил, что Урунов — отъявленный троцкист и что рабочим с ним не по дороге. Диловару ясно стало одно — троцкисты против рабочих...

Теперь, узнав Урунова, Диловар удивился: как это он, оказавшись здесь, стал председателем райисполкома? Ему хотелось тут же обо всем рассказать Умархону, но он не решился. «Может, это другой Урунов? — засомневался вдруг Диловар.— Ведь бывают же похожими люди».

Джахонгиров был рад, что Диловар так быстро завоевал расположение колхозников. Но в душе вспыхнула тревога: как бы не поддался Диловар Нусратходжае и Урунову, не попался в их сети.

Джахонгиров хорошо знал, что представляет из себя Урунов, который скрыто враждовал с первым секретарем райкома Бурхоном Доннёровым. «Бурхон Доннёрович — партийный руководитель. Дела Советов и хозяйств знает неплохо,— говорил он в частных беседах.— Но его работа — только партийные дела. Делами же района ведает райисполком». Утверждая свое «полновластие», Урунов усиленно противопоставлял советское руководство партийному, расставил во всех районных организациях и в колхозах своих людей, которые действовали согласно его указаниям. Он умел ловко привлекать на свою сторону новых людей и изо дня в день укреплял свою «антипартийную группу».

Так Умархон называл про себя сторонников Урунова — «антипартийная группа»...

В первый год работы Умархона в районе Урунов не раз пытался вовлечь его в свою группу, но Джахонгиров упрямился, встреч с ним избегал, хотя и не шел на открытый конфликт. Урунов понял затаенную враждебность агронома и стал выжидать подходящий момент, чтобы расправиться с Умархоном. Однако внешне свое отношение он никак не проявлял...

— Ну-ка, додар, открой свою карту! — обратился Урунов к заведующему земотделом.

Вохидов достал из желтой кожаной папки карту района и расстелил на столе.

Урунов склонился над ней, пытаясь отыскать земли колхоза «Труд», и, не найдя, снова обратился к Вохидову:

— Эй, парень, помри твой отец, найди-ка гектары Нусратходжи!

Зная, что Бадалбек Вохидов родом из Куляба, Урунов в разговоре с ним старался подражать кулябскому наречию.

Бадалбека задела эта фамильярность, и он решил отплатить Урунову той же монетой.

— Товарищ Урунов,— сказал он, также нарочно подражая «кулябскому» выговору самого Урунова,— если вы глазами ослабли, одолжите пенсне у гостя...

— Гг... гм...— Акмалзода по привычке поправил пенсне и склонился над картой.

Урунов обозвал про себя Вохидова «собачьим сыном», но в лице его ничего не дрогнуло, и он с достоинством произнес:

— Ай, парень, счастье твоему отцу! Что делать с чужим пенсне? Покажи лучше, где гектары Нусратходжи!

Бадалбек, обведя карандашом границы колхоза «Труд», пояснил:

— Вот освоенные уже земли колхоза, эти пятьдесят гектаров «Труд» должен засеять нынче, а эти сто — в будущем...

— Ах, сердце мое, додар! — воскликнул Урунов.— Товарищ Нусратходжа, вы слышите эти слова кулябского сироты? Скоро вы будете богаче каратегинского бека! Хе-хе-хе!

— Благодарю, дорогие,— поклонился Нусратходжа, будто принимая подарок эмира.— Благодарный раб ваш на всю жизнь...

Акмалзода, наблюдая сквозь пенсне за Уруновым и Нусратходжой, улыбался. «Это все свои люди»,— с удовлетворением подумал он и, спрятав улыбку, сказал:

— Товарищ Урунов, я приехал из Сталинабада как представитель Наркомзема, чтобы увидеть собственными глазами освоенные земли. Если вам и брату нашему Нусратходже не покажется трудным, мы вместе с товарищем агрономом...— Он замялся.

— Умархоном Джахонгировым,— нехотя подсказал Урунов, и Акмалзода по интонации понял, что Умархон не свой, и уже суше продолжал:

— Извините. Вместе с товарищем Джахонгировым хотели бы взглянуть на возрожденные земли.

— Пожалуйста, товарищ Акмалзода,— заторопился Урунов.— Мы будем вас сопровождать, куда бы вы ни пожелали идти...

— Я очень тронут вашей любезностью, дорогой брат,— Акмалзода по обычаю приложил руки к груди.— Я не хотел, чтобы вы из-за меня утруждались, блуждая по пустыне...

Урунов, рассердившись на Акмалзода за его расшаркивания перед агрономом и желая поставить его на место, будто извиняясь, сказал:

— Товарищ Акмалзода впервые в нашей «Золотой долине». Поэтому он не знает, что Вахшскую долину теперь нельзя называть пустыней...

— Извините, дорогие,— сказал Акмалзода,— мое упущение...

«Ишь какой стал бдительный, четырехглазый,— подумал Урунов.— Я тебе еще так глаза открою, что ты и в пенсне нуждаться не будешь!..»

Акмалзода встал, достал из кармана пачку дорогих папирос и, вытряхнув одну, прикурил ее от красивой зажигалки.

Все поднялись.

— Может, пешком пройдемся? — спросил Нусратходжа.

— Можно и пешком,— пожал плечами Урупов.

Нусратходжа пропустил гостей вперед, а сам приотстал и, нагнувшись к Маштабову, шепнул:

— Пойди скажи Зеварой, чтобы плов готовила.

Погода переменилась. Весеннее солнце спряталось, подул холодный ветер...

— Не пошел бы дождь,— с опаской сказал Вохидов, приехавший налегке.

— С чего это вы дождя испугались? Не из глины, не размокнете,— насмешливо ответил ему Нусратходжа.

— Что, уже замерз, колябский сирота? — спросил Урупов.— Хочешь, спою? Может, согреешься?

И, не дожидаясь ответа, запел хриплым голосом:

О небеса, вы меня в оборот пустили.
В Кулябе был, меня в Балх отпустили.
Сладкой в Кулябе вода была.
Судьба меня горькой водой напоила...

— Товарищ Урупов,— еле сдерживая раздражение, проговорил Бадалбек,— вы поете так печально, что люди подумают — покойника оплакиваете.

Урупов рассмеялся: хорошее настроение вернулось к нему.

Акмалзода молча шел следом за Нусратходжой и размышлял. Он думал, что зря Урупов напал на Вохидова. Если так себя вести, легко можно нажить врагов среди простого народа. А это ни к чему. Но как ему объяснить это. Скажешь — рассердится.

Диловар с Джахонгировым шли немного в стороне от других и разговаривали. Умархон расспросил о новоселье у Джамолбека и ночлеге Диловара. Потом вдруг весело засмеялся:

— Не удивлюсь, если Джамолбек вас зятем сделает.

Диловар покраснел:

— Не шутите так, ака!

— Почему? — удивился Умархон.

— Нехорошо. Ведь я еще, по обычаю, гость...

— Все еще гость? Раис сказал, что вы уже приняты в колхоз.

— Так-то оно так. Но человек я еще новый. Джамолбек-ака услышит, расстроится.

— А может, наоборот, обрадуется? Старшего сына у него нет, дочь — на выданье...

— Не надо об этом...— тихо попросил Диловар.

Умархон замолчал.

По узкой тропинке они вышли на большую кургантюбинскую дорогу, и Бадалбек Вохидов, подойдя к Акмалзода, показал на заросшую камышом низину:

— Здесь начинаются новые земли колхоза...

Акмалзода, поправив пенсне, осмотрел низину и недоумевая спросил Умархона:

— Товарищ агроном, неужели на этом болоте можно вырастить египетский хлопок? И сколько на это потребуется лет?

Джахонгиров усмехнулся:

— Все зависит от Нусратходжи. Если он выгонит из тугаев диких свиней и посеет кукурузу или джугару, то следующей весной можно будет и хлопок сеять.

Акмалзода не поверил. Он пристально посмотрел на Джахонгирова:

— Вы шутите, дорогой? Посеять кукурузу? Да это все равно что сделать кормушку для диких свиней!

— Успокойтесь, — товарищ Акмалзода, — вмешался в разговор Урунов. — Тот, кто посеет кукурузу, тот и сторожить ее будет.

— Самое трудное сейчас, — объяснял Джахонгиров, — прокопать дренажные канавы. Нужно осушить землю, потом — освободить ее от тугаев. Иначе ничего не вырастет.

— А кто будет копать канавы? — поинтересовался Акмалзода.

— Один экскаватор мы дадим, — вмешался Бадалбек Вохидов. — Но основную работу колхоз должен сделать собственными силами.

— А где я возьму людей? — недовольно буркнул Нусратходжа.

— Люди у вас есть, — спокойно ответил Урунов. — А если не хватит, поедете в Хант или Ховалинг — переселенцев привезете.

— Для переселенцев деньги, пища, дома нужны. А у нашего колхоза их нет, — возразил Нусратходжа.

Акмалзода улыбнулся, показывая нижние, желтые от табака и неприятно короткие зубы:

— Брат Нусратходжа, этот вопрос решит Наркомзем. Мы вам поможем.

— Тогда другое дело, — успокоился Нусратходжа.

Акмалзода повернул обратно к кишлаку и, увлекая за собой Урунова, спросил:

— Ну, теперь мы в другой колхоз поедем или сядем на машину и вернемся в Курган?

Нусратходжа поторопился вмешаться и пригласил гостей на плов. Однако Урунов, сославшись на недостаток времени, не захотел идти к раису. Плов гости съели прямо в конторе, выпили по пиале чаю и поднялись.

Урунов попросил раиса поехать с ними. В районе должно было состояться собрание, на котором будет обсуждаться вопрос о подготовке к севу.

Когда садились в машину, Нусратходжа подозвал к себе Диловара и велел ему замерить сделанную колхозниками работу и доложить Маирабову. А Умархон взял с Диловара слово, что тот приедет к нему в гости.

Машина тронулась, Диловар и Маирабов помахали вслед руками и, кивнув друг другу, отправились по делам.

Недели через две после переезда Адолат заболела. Три дня она лежала в постели, и мать не отходила от нее. Хайригуль очень сожалела о переезде на новое место. Если бы Джамолбек согласился, она завтра же собрала бы пожитки и подалась обратно. «Климат здесь неподходящий, вот уже и Адолат заболела»,— твердила она мужу. Но беспокоили ее не столько климат и новое место, сколько судьба дочери.

Глядя на побледневшее личико Адолат, Хайригуль думала, как сложится жизнь ее единственной девочки среди чужих людей. Однажды ночью она заговорила об этом с мужем. Но Джамолбек не разделил ее опасений. «Не беспокойся, все устроится. Как аллах пошлет, так и будет».

Равнодушие мужа обидело Хайригуль. «Мужчины бессердечны»,— с горечью думала она, прислушиваясь к неровному дыханию Адолат.

Хайригуль беспокоило и то, что Джамолбек, имея дочь на выданье, каждый день приводил в дом Диловара — то к завтраку, то к ужину, будто без этого нельзя было обойтись. Он говорил, что Диловар приезжий, хороший человек, а гость — от аллаха, ему надо делать добро. «Но ведь он все-таки чужой человек! Мужчина,— возражала Хайригуль.— Как знать, что у него на уме? А у нас дочь — невеста».

Адолат об этих разговорах не знала. Но она тоже много думала и о себе и о том, как сложится ее судьба. Ей шел восемнадцатый год. В десять лет она пошла учиться в новую советскую школу. Первым учителем ее был приехавший из Самарканда Мухаммед Каримзода. Он очень любил детей, и дети любили его. Но проработал он всего год: враги советской школы его отравили. На некоторое время школа закрылась, потом из Душанбе прислали другого учителя. Это был стройный рослый юноша, и мулла кишлака сказал дехканам, что новый учителишка испортит их дочек. Родители поторопились забрать своих девочек из школы. На этом и кончилось образование Адолат, но она успела научиться читать и писать...

Растянувшись на курпаче[1], ослабленная болезнью Адолат думала о Диловаре.

При знакомстве Диловар показался ей зазнайкой. Но потом все изменилось. Чем чаще видела его Адолат, тем больше он ей нравился. Если утром или вечером Диловар не приходил к ним или запаздывал, она огорчалась, все валилось из ее рук. Но она очень не любила, когда Диловар приходил к ним вместе с Аброром. От одного воспоминания о бесстыжих красных глазах Аброра по коже Адолат пробегал мороз.

Диловар был совсем другим. В его присутствии душа девушки наполнялась счастьем, а если он приближался к ней, сердце Адо-

[1] Курпача — матрас, специальная подстилка.

лат вздрагивало от радостного волнения. Она, краснея, признавалась себе, что ни за кого, кроме Диловара, не хотела бы выйти замуж. По его нежным взглядам она давно поняла, что и он об этом мечтает. Мечтает, но почему-то тянет. Может, он ее родителей опасается, боится, что получит отказ? Напрасно! Отец, если Диловар станет зятем, будет от души рад, а уж о матери и говорить нечего... Почему же молчит тогда Диловар? Может быть, нужно помочь ему как-то?

Адолат хотела встретиться с Диловаром и поговорить, но боялась, что не сможет сказать то, что нужно. Долго мучилась в раздумьях Адолат и наконец пришла к твердому решению написать Диловару письмо и назначить свидание...

После болезни Адолат постоянно хотела пить. За последние дни она побледнела, похудела, совсем лишилась аппетита и только все пила воду. Джамолбек приписывал нездоровье дочери укусу комара: «Все вначале здесь так плохо себя чувствуют, болеют с непривычки, а потом ничего — привыкают»,— беспечно говорил он, а в душе его нарастала тревога за дочь.

Выпив пиалу сладкого чая, Адолат почувствовала прилив сил и поднялась с постели.

Обрадованная Хайригуль поцеловала дочь.

— Слава алаху! Поправляешься! Что ты хочешь, что тебе приготовить?

— Ничего не хочу,— покачала головой Адолат.

— Не говори так, доченька,— расстроилась Хайригуль.— Три дня ничего не ела, как цветочек, завяла. Если и не хочется, насильно поешь чего-нибудь. Поправишься быстрее...

— Ничего мне не хочется,— наотрез отказалась Адолат.

— Папа утром свежего мяса принес: сосед барана зарезал,— уговаривала мать.— Хочешь, я тебе шурпу сварю или пельмени приготовлю, с кислым молоком поешь. Жена Идриса-ака кислого молока прислала.

— Ну, разве только пельмени,— нехотя согласилась Адолат.

Успокоенная Хайригуль бросилась готовить.

Воспользовавшись уходом матери, Адолат достала припрятанный карандаш и, положив под чистый листок бумаги книгу Саади «Гулистан», начала старательно, как учил ее Мухаммед Каримзода, выводить арабские буквы. Письмо было без обращения: Адолат не знала, как обратиться к Диловару. Обычные «ака» или «товарищ» были неуместны, а такие книжные выражения, как «любовь моя» или «бесконечно любимый мой», казались ей слишком нескромными, хотя душа ее была полна самых пылких и нежных слов любви. Письмо получилось простым и безыскусным:

«Начались лунные ночи. В пятницу, если сможете, после восхода луны ждите меня под большим тутом на берегу канала. С приветом, Адолат».

Кончив писать, Адолат глубоко вздохнула: до пятницы целых два дня! Потом спрятала письмо и задумалась, как теперь передать его Диловару.

Вечером, после ужина, когда Диловар стал прощаться, Адолат напомнила матери, что та забыла отдать ему выстиранные рубашки. Хайригуль всплеснула руками и тут же передала узел с бельем. Диловар принял белье, долго благодарил Хайригуль и ушел, а Адолат, успокоившись, легко вздохнула — в кармане одной из рубашек лежало ее письмо.

Следующие два дня Адолат провела в тревоге. Обнаружил ли Диловар ее письмо? И если обнаружил, то прочитал ли? А если прочитал, то что подумал о ней, Адолат?

«Нет, не может Диловар подумать обо мне плохо,— решила было Адолат.— Не такой он человек!»

А утром, будто нарочно, Диловар запоздал на завтрак, волнение девушки усилилось. «Неужели он рассердился? — мучилась Адолат.— Или теперь стесняется прийти? Не хочет больше меня видеть? Опасается папы? Вот глупый!»

Диловар явился как ни в чем не бывало и на вопрос Джамолбека — «почему опоздал?» — ответил спокойно и, как показалось Адолат, равнодушно: «Проспал».

Она растерянно поглядывала в его сторону. Наконец взгляды их встретились. Девушка вся загорелась, а Диловар, как всегда, ласково улыбнулся. Но сегодня Адолат его улыбку поняла посвоему: значит, он прочитал письмо и тоже считает оставшиеся до встречи часы.

В пятницу вечером Адолат ожидала прихода Диловара в сильном волнении. Диловар был спокоен и приветлив, как всегда. «Он мужчина. Не хочет выдать тайну перед отцом и матерью»,— решила Адолат. В этот вечер она особенно внимательна была к Диловару: взяла его полукафтан, который лежал в углу комнаты, вынесла на улицу, вытряхнула, вычистила и повесила в комнате на гвоздь. Диловар заметил ее внимание, посмотрел на нее глазами, полными любви, и, чтобы Джамолбек не подумал ничего плохого, быстро повернулся к нему:

— Я пойду, пожалуй. Раис в контору велел зайти.

Услышав эти слова, девушка сделала свой вывод: «Он хочет пораньше покончить с делами, чтобы не опоздать на свидание...»

Адолат торопливо вымыла посуду, постелила постели и хотела уже задуть лампу, но ее остановила Хайригуль:

— Еще рано, дочка. Отец к Идрису пошел. Пока не придет, не туши лампу.

Вздохнув, Адолат прикрутила фитиль и забралась в постель. Джамолбек вернулся поздно, быстро разделся и мгновенно уснул. Адолат выждала еще немного. Потом осторожно поднялась, накинула на голову большой материнский платок и выскользнула из дома. Она вдохнула холодный ночной воздух, завязала на спине длинные концы платка и заторопилась к тутовнику. От дерева навстречу ей шел человек, но, видно передумав, вернулся. «Не хочет выходить на освещенное место»,— догадалась Адолат и, не чуя под собой ног, заспешила к любимому.

От волнения сердце девушки громко стучало, заглушая ночные шорохи.

Человек под деревом стоял неподвижно, напряженно вглядываясь в приближающуюся Адолат.

— Я задержалась, извините,— робко сказала, подходя, Адолат.

Человек пошевельнулся. На нем был длинный черный чакман, низко, на глаза надвинута тюбетейка.

— Диловар? Это ты? — испуганно вскрикнула Адолат.

Человек в чакмане подхватил девушку на руки и понес в камыши. Адолат пронзительно закричала:

— Ты не Диловар! Дилова-ар!

— Какая тебе разница, потаскуха! — прошипел мужчина и зажал ей рот.

Адолат рванулась и укусила жесткую ладонь. Мужчина выругался, разжал руки. Адолат побежала. Но человек в чакмане ударом кулака свалил ее на землю. Адолат вывернулась и вдруг увидела занесенный сапог с ярко блестевшей подковой. Удар пришелся прямо в грудь, и девушка закричала — от боли, ужаса, отвращения.

Крик переполошил собак, собаки разбудили людей. Проснулся и Диловар и, увидев, что Аброра нет в мазанке, выскочил на улицу.

Аброр, поминутно оглядываясь, тащил девушку к каналу — пусть думают, что она утонула! Но в этот момент сильные руки схватили его и оторвали от девушки.

— А-а, и ты подоспел! — скрипнул зубами Аброр и хотел ударить соперника головой в подбородок. Но Диловар так ударил его коленом, что Аброр, согнувшись пополам, опустился на землю.

Диловар еще одним ударом ноги столкнул его в камыши и нагнулся над девушкой:

— Адолат, это я, не бойтесь...

— Диловар, умираю я,— простонала Адолат.

Диловар осторожно поднял девушку с земли. Опираясь на руку Диловара, Адолат сказала:

— Прогоните этого двуногого волка...

Из камышей донесся голос Аброра:

— Ты, тварь, не выгораживай себя! Сама позвала...

— Неправда это...— пробормотала Адолат, теряя сознание.

Диловар молча понес ее домой.

— Воды! — уже около дома очнулась Адолат.

— Сейчас придем домой, напьешься,— отвечал Диловар.

— Пустите, я сама пойду,— попросила Адолат.

И когда он поставил ее на землю, сквозь слезы попыталась объяснить ему случившееся.

— Не надо плакать, Адолат,— утешал ее Диловар.— Это и в самом деле двуногий волк, а вовсе не «невинный голубок»...

Разбуженные беспокойным лаем, Джамолбек и Идрис тоже вышли на улицу. Хайригуль зажгла лампу. Осветились и другие

домишки. Скоро почти все женщины, узнав о несчастье с дочерью Джамолбека, собрались у его дома.

Хайригуль рыдала.

Подошел Аброр и, обращаясь к толпе, громогласно объявил:

— Люди, не верьте Диловару. Мне сама Адолат письмо прислала, на свиданье вызвала. А Диловар выследил нас и избил.

— Где письмо, кровосос? — набросился на Аброра Идрис.

Аброр, торжествуя, достал бумажку:

— Вот. Я сам и прочитать-то не смог, к Машрабову ходил...

Диловар, не веря, взял бумажку из рук Идриса, поднес к лампе, быстро прочитал и обратился к Адолат, сжавшейся в объятиях матери:

— Это действительно вы писали?

Адолат плакала, не поднимая головы.

— Отвечай, дочка! — приказала Хайригуль.— Правду скажи!

— Клянусь аллахом, я это письмо на своей постели нашел,— закричал Аброр.

— Ты слышишь, дочка? — заволновался Джамолбек.— Скажи людям правду.

— Да, это мое письмо. Но я не Аброру писала. Он вор.

— Врет она! — заверещал Аброр.

Идрис молча двинул ему в подбородок.

И только тут Диловар вспомнил, что накануне вечером, когда он надевал рубашку, какая-то бумажка упала на пол, но он торопился в контору и не поднял ее. Вот, значит, как: письмо, написанное ему, попало в руки Аброра.

Диловар тяжело вздохнул и пошел на Аброра. Тот попятился. Но Диловар, поймав его за ворот, бросил под ноги Джамолбека.

— Пес поганый! Если сейчас же, при всех, не попросишь прощения у Джамолбека и Адолат, убью!

— Оставьте, пусть убирается,— едва сдерживая себя, сказал Идрис.

Аброр поднялся, отошел на несколько шагов и, отряхнувшись, выкрикнул:

— Ладно, Диловар! Я это тебе припомню! И ты, Идрис! Я буду мстить!

Аброр исчез неслышно, как тень.

Хайригуль и Адолат, поддерживая друг друга, вошли в дом. Идрис пригласил к себе Джамолбека и Диловара, но Диловар, извинившись, пошел в свою мазанку.

Люди молча разошлись по домам.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В мазанке горел свет. Значит, Аброр дома. Диловар не хотел с ним встречаться.

Пройдя мимо мазанки, Диловар направился к большой дороге, потом, раздумав, повернул к каналу. На душе было смутно. Он

чувствовал себя виноватым перед Адолат. «Если бы я не выронил письмо, ничего бы не случилось. А теперь? В каком положении оказалась Адолат! Что скажут люди? Как девушка будет смотреть им в глаза? Эх, Адолат, что ты наделала?!»

Но мысль о том, что свое письмо девушка написала именно ему, заставляла неистово биться сердце, и губы растягивались в радостной улыбке.

Поглощенный своими мыслями, Диловар шел, не разбирая дороги. Топот лошади пробудил его. В слабом свете луны Диловар разглядел всадника — кто-то скакал в сторону Курган-Тюбе. «Кто бы это мог быть? — недоумевал Диловар.— Лошадь вроде колхозная. Но раис так поздно никуда не поедет. Вернее всего, это Аброр. Убегает на единственной колхозной лошади». Не раздумывая, Диловар кинулся наперерез:

— Аброр, стой! У меня к тебе есть разговор! — Он уже не сомневался, что это был именно Аброр.

Всадник попридержал коня и ответил:

— Мы с тобою в другое время поговорим! И в другом месте! — И, подстегнув лошадь, умчался.

«Трус — он во всем трус!» Диловар быстрым шагом направился к своей мазанке.

«Раису и Машрабову сообщить надо,— по дороге сообразил он.— Ведь они ничего не знают. Странно, что не проснулись от шума. Или из теплой постели не захотели вылезать?»

Приблизившись к мазанке, Диловар почувствовал запах гари. Вход в мазанку был похож на отверстие печи. Огонь внутри полыхал. Диловар палкой вытащил горящее одеяло, с трудом выхватил из огня свой чемодан и сумку и, бросив вещи на землю, забил ползучие языки пламени на рукавах, потом на одеяле. Камышовая мазанка вдруг вспыхнула и запылала костром. Ветер разбрасывал огонь во все стороны. Диловар испугался — могли загореться соседние домишки. Нужно было что-то срочно предпринять, но что? Кричать? Бесполезно. Утомленный ночным переполохом, кишлак спал мертвым сном. И Диловар не оглядываясь кинулся к дому Идриса. Бежать было недалеко. Он тихо, но настойчиво постучал. Идрис тут же откликнулся и, догадавшись, что случилось еще что-то, накинув чакман, вышел на улицу. Он хмуро выслушал Диловара и коротко распорядился:

— Разбуди раиса, а я подниму соседей.

На стук Диловара откликнулась Зеварой и сразу испуганно затормошила мужа. «Кто это так поздно? — не сразу сообразил Нусратходжа.— Не с той ли стороны реки?» А когда услышал голос Диловара, удивился еще больше.

Выслушав сообщение Диловара, раис изумился: он никогда и предположить не мог, что Аброр наделает столько глупостей.

Когда Нусратходжа и Диловар появились на пожарище, мужчины забрасывали землей тлеющие останки мазанки.

Раиса встретили молча, с явным отчуждением. Нусратходжа сразу не нашелся что сказать, потом, откашлявшись, заявил:

— Люди! Как же вы допустили, чтобы этот проклятый таких дел наделал?

— Мы же еще и виноваты, раис? — удивился Идрис.

— Конечно! — сказал Нусратходжа.— Все мы виноваты. Вы, я! Его надо было в милицию сдать!

— Вот как! — насупился Джамолбек.— А вы что же, не знали, на что способен ваш родственник?

— Видно, не знал,— оборвал его Нусратходжа.— Если вы что-нибудь знаете о его прошлом, скажите. Сообщим в милицию.

— Пока милиция его найдет, он три раза за Пянджем побывает,— присвистнул Идрис.

Этих слов раис «не услышал». Он сказал Диловару, чтобы тот собрал пожитки и следовал за ним. Диловар вопросительно глянул на Джамолбека, но тот молчал. Подхватив вещи, парень уныло поплелся за раисом.

Зеварой встретила его приветливо. Она вообще держалась свободно, не прятала лица, не опускала глаз. Диловар невольно залюбовался ею: веселая и кокетливая, жена раиса выглядела не по годам молодо, хотя жизнь ее была совсем не легкой. Увидев ее стройную фигуру, красивые миндалевидные глаза, круглое лицо, Диловар невольно вспомнил слова Аброра: «Таго Нусратходжа не разводится с женой, хоть она и бездетная, потому что ночью не может спать один, замерзает...»

«Аброр-то не прав,— подумал Диловар.— Таго Нусратходжа, по словам Урунова, знаток золота, товара и людей. С такой женой, как Зеварой, разлучиться не просто...»

Родом Зеварой из горного Муминабада. Четырнадцати лет ее выдали за богатого старика четвертой женой. В восемнадцать она овдовела. А дней через сорок после смерти бая его пятидесятилетний брат Абдурахман, навестив невестку, силой взял ее себе третьей женой. Но и это замужество оказалось недолгим. Абдурахман вместе с людьми бежавшего эмира выступил против Советской власти и в Кулябе получил пулю в живот. Зеварой увели с собой басмачи, потом она попала в плен к красным. Те определили ее поваром в душанбинский детдом. Там она и работала, пока не встретилась с Нусратходжой...

Зеварой расстелила дастархан, принесла чай и лепешки. Вскоре появился Машрабов. Раис протянул ему пиалу чая и рассказал о событиях ночи.

— Нужно составить акт и передать в милицию,— сказал Машрабов, выслушав раиса,— а то и на нас с вами могут подумать.

Этот совет пришелся всем по душе.

Машрабов взял карандаш и бумагу и сочинил длинный акт, в котором перечислил все преступления Аброра.

— Убедительный документ,— удовлетворенно потирал руки Нусратходжа, незаметно наблюдая за Диловаром: ему хотелось понять, что думает о нем этот спокойный, сдержанный и, по всему видно, неглупый парень.

— А теперь, додар, ты должен постараться,— неожиданно не-

решел на «ты» раис.— Джамолбек, конечно, опечален позором дочки. Может даже, испугавшись, уехать отсюда. Этого нельзя допустить. Ты должен жениться на Адолат.

Диловар молчал. Он не ожидал, что раис заговорит с ним о женитьбе.

— Не рано ли это делать, раис? — вмешался Машрабов.— Сначала надо бы скандал с Аброром уладить...

— Причина скандала — девушка. Выдадим ее замуж, и все успокоятся.

Вошла Зеварой с двумя чашками ширчая. Машрабов, быстро вскочив, взял у нее чашки и, поставив одну перед раисом, другую перед Диловаром, шутливо сказал:

— Сестрица Зеварой, мне масла побольше положи.

— Вам вредно, растолстеете,— рассмеялась Зеварой.

— Верно говорит. И без того ты жиром обрастаешь,— поддержал жену Нусратходжа.— Целыми днями в конторе сидишь, даже в поле не выйдешь свежим воздухом подышать.

— Не критикуйте меня, раис,— сказал Машрабов.— Груз, который я тащу, и три верблюда не поднимут. Счетоводческое дело не шуточное.

Зеварой принесла третью чашку жирного ширчая — специально для Машрабова.

— Дай аллах тебе такого сына, как я! — поблагодарил ее счетовод.

Зеварой, смутившись, убежала.

— Сын вам нужен, раис. Той бы справили!

— Молитесь, может, и получится,— недовольно пробурчал Нусратходжа. Сейчас он меньше всего думал о детях.

Все трое молча накрошили в ширчай лепешек, быстро поели. После чая раис сказал Диловару:

— Я сейчас с этим актом поеду в Курган, а вы в поле распоряжайтесь. Если дренаж быстро не закончим, опоздаем с севом. Видимо, придется за людьми в Хаит съездить. Земли у нас в колхозе много, а людей не хватает. Посоветуюсь на этот счет с товарищем Уруповым и представителем Наркомзема...

— Постойте-ка, раис, мазанку-то Аброр сжег! Где теперь будет жить Диловар? — напомнил Машрабов.— Что же, нашему табельщику под небом оставаться?

— Временно поживет у нас,— сказал беспечно Нусратходжа.— Потом построим дом.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

На новом участке кипела работа. Конечно, большой дренажный канал лучше было бы рыть экскаватором, но капризная американская машина, поработав два дня, испортилась, а время уходило. Решили, не ожидая, когда наладят экскаватор, продолжать работу старым, но более надежным способом — вручную.

Работа была нелегкой: нужно было одним замахом кетменя отхватить кусок тяжелой глины и выбросить ее наверх, а канал глубокий, полтора метра. Джамолбек, расстроенный ночными событиями, был молчалив и угрюм. Работал он сегодня вяло, с трудом ворочал глину, погруженный в невеселые думы. За одну ночь он сильно постарел.

Диловар посматривал на него и страдал еще больше — хотелось облегчить душевную боль Джамолбека, но как подступиться к нему? Попросить приготовить чай? Колхозники по очереди готовили чай для всех — это давало возможность немного отдохнуть.

Но Джамолбек отказался наотрез:

— Сегодня очередь Идриса!

— Ну, он помоложе...— пытался убедить Джамолбека Диловар.

— Я еще не так стар, чтобы искать работу полегче...— отрезал дядя Джамолбек.

Обескураженный Диловар взял кетмень и перебрался поближе к Идрису. Ему необходим был толковый советчик. Если бы здесь был Умархон! Нусратходже легко говорить: «Женись!» А что чувствует Адолат после истории с Аброром? Да и дома, наверное, попреки, слезы. А Джамолбек? Неужели действительно, испугавшись Аброра или устыдившись за дочь, он уедет отсюда? Конечно, Аброра опасаться приходится — от такого мерзавца ничего хорошего не дождешься... Диловар пожалел, что выпустил «невинного голубка». Связать надо было бы и сдать в милицию...

Он разогнулся и снова посмотрел на Джамолбека. Тот, обливаясь потом, копал с остервенением, тяжело дыша. «Обиду работой выгоняет,— подумал Диловар.— Нет, не прав Нусратходжа. Такой человек, трудолюбивый, уважаемый... не может он уйти из колхоза из-за всяких там разговоров!..»

Диловар вспомнил, что так и не назначил еще, кому готовить чай. Посмотрел на Идриса — тот усердно трудился, с лица его струился обильный пот. «Если его освободить — кому же тогда и работать? Но ведь и хорошему работнику нужно дать отдохнуть!»

— Идрис-ака! — сказал Диловар.— Давайте-ка я на ваше место встану, а вы чаем займитесь...

Идрис поставил кетмень, полой халата вытер потное лицо и улыбнулся Диловару:

— Ты что, пожалел меня, додар?

— Нет,— серьезно ответил Диловар,— сегодня ваша очередь...

— Тогда я уступаю свою очередь Джамолбеку,— спокойно заявил Идрис, подкручивая усы.

Диловар тоже невольно притронулся к своим усикам и вспомнил, что давно не брился.

— Джамолбек отказался.

— Тогда пусть будет кто-нибудь другой, а то и сам займись...

— Не справлюсь я...— смущенно засмеялся Диловар.

— Справишься! Набери побольше сырого камыша — дыма много будет. Чем больше дыма — тем чай вкуснее.

— На наше счастье вы родились, Идрис-ака! А то в этой пустыне от скуки сдохнуть можно...— расхохотался Диловар.

— Не говори так, додар! Пусть враги наши дохнут, а нам жить надо...

Диловар предложил еще нескольким колхозникам быть сегодня дежурными, но люди уже втянулись в работу, и никто не захотел прерывать начатое дело. Пришлось Диловару самому браться за приготовление чая. Он набросал хвороста для костра, взял чайник и пошел в село за чистой водой.

По дороге он думал об Адолат, надеясь на нечаянную встречу. Сам того не заметив, он свернул с дороги и пошел вдоль канала мимо дома Джамолбека.

Мужчины были в поле, женщины занимались домашними делами, на улице не было ни души.

Еще издали он увидел женскую фигуру на берегу канала. «А вдруг Адолат? Не ушла бы!» Диловар прибавил шагу — сердце будто чувствовало, что он спешит не напрасно.

Девушка, задумавшись, сидела на берегу. Услышав шаги, она вскочила и хотела бежать, но увидела в трех шагах от себя Диловара и растерялась. От волнения ноги ее подогнулись, и она села, обняв кувшин.

— Адолат! Не убегайте от меня! — Диловар сделал еще два шага и присел напротив, с состраданием лаская взглядом ее бледное, исцарапанное камышом лицо.— Простите меня... Во всем, что случилось, виноват я... Не смог найти письмо, которое должен был беречь как зеницу ока... Но я ведь не знал...

— Что было, то прошло...— тихо ответила Адолат, и на глаза ее навернулись слезы.

Диловар понял, какая глубокая рана нанесена нежному, незащищенному сердцу девушки. В горле его встал комок. Чем утешить несчастную, как помочь ее горю?

— Адолат!..— Диловар вложил в свои слова всю нежность, какую испытывал к девушке.— Я много думал и решил, что если вы...— он тихонько дотронулся до ее руки, заглянул в глаза. Адолат сквозь слезы посмотрела на него и, покраснев, опустила голову. Рука ее дрожала, щеки горели... «Господи, чего он хочет?» — Если вы согласитесь — мы с вами поженимся...

Диловар бережно сжал пальцы девушки и, умоляюще глядя на нее, ожидал ответа.

Всем сердцем, всем существом своим радуясь предложению Диловара, Адолат не могла произнести ни слова. Она молчала, не смея взглянуть на парня, косички ее рассыпались...

— Адолат! Одно только слово... Я полюбил вас с того дня, с того часа, как увидел... А теперь люблю еще больше! Только из-за вас я и решил остаться здесь... Все готов вытерпеть...

Диловар умолк, беспокойно вглядываясь в ее лицо.

Адолат хотела, ждала, чтобы он говорил еще, говорил эти хорошие, такие нужные сейчас слова... Они наполняли ее счастьем, вливая здоровье, бодрость, вселяя надежду...

Но он молчал, и тогда она подняла голову, взглянула в его взволнованные глаза и улыбнулась:

— Говорите же! Говорите!

— А вы... Вы согласны?

— Согласна? Конечно, согласна! Разве вы забыли, что я первая пригласила вас на свидание?..

— Да, родная, да, я забыл! Сейчас, когда ты со мной, я забыл обо всем на свете! — Диловар ласково гладил волосы девушки.

— А почему вы не на работе? — опомнилась Адолат.

— Да я дежурный сегодня, нужно чай людям приготовить...

— Вас, наверное, уже ждут?

— Да-да,— заспешил Диловар.— Но вечером, после восхода луны... Ты сможешь?

Адолат засмеялась и отрицательно покачала головой.

— Теперь ты боишься?

— Мама не пустит...

— Она что же, всю ночь тебя караулит? — удивился Диловар.

— И папа тоже! Аброра боятся...

«Да, об Аброре никак нельзя забывать!» — подумал Диловар, и настроение у него тотчас же испортилось.

— Я пойду...— вставая, сказала девушка.

Диловар протянул руку, чтобы еще раз дотронуться до ее волос.

— Нет, нет... Мама может увидеть! — Адолат легко подняла кувшин и побежала к дому.

Диловар смотрел ей вслед, пока она не скрылась, потом глубоко вздохнул: «Она согласна! Она меня любит...» — и сердце его наполнилось счастьем. Ему захотелось поделиться с кем-нибудь своей радостью, объявить всем, что Адолат любит его, любит!..

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Не обнаружив Урунова в райисполкоме, Нусратходжа пошел к нему домой: секретарша сказала, что председатель заболел. В действительности дело обстояло иначе. Накануне состоялось бюро райкома, на котором Бурхон Дониёров неожиданно для Урунова заговорил о том, что из многих колхозов группами постоянно убегают переселенцы. Он сделал замечание Урунову за равнодушное отношение к этому факту и потребовал, чтобы тот с утра выехал на места и лично разобрался в происходящем. Рассерженный Урунов произнес в ответ пылкую речь, обвинив партийную организацию, райком и лично Дониёрова в том, что партийно-воспитательная работа среди переселенцев ведется плохо. Именно поэтому и уезжают. Они не понимают великое политическое и патриотическое значение освоения Вахшской долины...

Спорили долго, но ни до чего не договорились. А утром Урунов не вышел на работу. Жене своей, Надежде Ивановне, он ве-

зел никого к себе не пускать, кроме Акмалзода, которого пригласил сам.

Надежда Ивановна, стройная, привлекательная женщина лет тридцати, мужа очень любила и никогда не противоречила ему. Тот, кто видел ее лет десять назад, ни за что не узнал бы в этой красавице ту худенькую, невзрачную девушку. Урупов, по его собственным словам, был знатоком «товара». Он с первого взгляда понял, что из незаметной девушки получится прекрасная женщина. Он знал, что красота русских женщин проявляется постепенно; что год от года они расцветают и хорошеют...

Встретились Урупов и Надя случайно, в поезде. Урупов возвращался из Москвы с учебы. Надя тоже в Москве только что закончила медицинскую школу и впервые ехала в Ташкент в гости к своему дяде, зубному врачу. На Казанском вокзале ее провожал отец, доктор Иван Прохорович Григорьев. Иван Прохорович, познакомившись в вагоне с Уруповым, обрадовался, что нашел Наде попутчика до самого Ташкента, и со спокойной душой поручил ему дочь.

Когда в Ташкенте Федор Прохорович, встречая Надю, спросил: «Ну, как ты одна добралась до нас?» — девушка покраснела и представила дяде Урупова как будущего мужа. Пятидесятилетний дядя был человеком, повидавшим жизнь. Он сам женился скоропалительно, быстро понял, что племянницей руководит любовь, и не стал противиться браку. Через два дня отец Нади получил телеграмму из Ташкента, сообщавшую, что дочка его вышла замуж и навсегда остается в Туркестане...

Надя любила Урупова самозабвенно и преданно. Урупов же, кроме любви, имел и свой расчет. Он полагал, что во внутренней политической обстановке Туркестана тех лет русская жена поможет ему быстрее войти в доверие к русским, а это даст ему возможность занять должность повыше. Поэтому каждый раз, когда начинали сомневаться в его верности политике большевиков и Советской власти, он тут же говорил о своей жене, и всем становилось ясно, что он — свой человек.

Уруповы жили вместе почти десять лет. В первый же год супружества Надя родила мальчика. Но мальчик вскоре умер, и Надя по неизвестной причине больше не рожала. Урупова, как и Нусратходжу, это не беспокоило, о детях он и не думал — занят был другими заботами.

На стук Нусратходжи дверь открыла Надежда Ивановна и, нарушив приказ мужа, ласково пригласила его в дом: она знала, что муж выделял Нусратходжу.

Урупов полулежал на железной кровати в просторной высокой комнате, а за обеденным столом сидел Акмалзода и наливал ему чай.

Оба, увидев Нусратходжу, обрадовались.

— Что случилось? Друг сглазил или враг? — здороваясь с Уруповым, спросил Нусратходжа.

— Блоха его лягнула,— засмеялся Акмалзода.

— Покажите-ка мне эту блоху, я ее...— погрозил кулаком Нусратходжа.

— Садитесь, пожалуйста. До этой блохи ваши руки пока не достанут,— сказал Урупов Нусратходже, указывая ему на стул рядом с Акмалзода.

— Сильная, значит, блоха! — покачал головой Нусратходжа, усаживаясь.— Не Бурхон ли Донпёров?

— Он самый! — Акмалзода нервно поправил пенсне.

— А ведь я давно предлагал вам свои услуги, господа,— Нусратходжа сделал недвусмысленный жест.

Акмалзода заволновался, снял пенсне и снова водрузил его на нос, вопросительно глядя на Урупова. Он боялся даже запаха крови. Во время гражданской войны и войны с басмачами он учился в Берлине, а вернувшись из-за границы, предпочитал заниматься «тихими» делами. Он очень боялся прямых столкновений и кровопролитий, а здесь пахло кровью...

Урупов, допивая остывший чай, спокойно и пристально разглядывал гостей и вдруг зло сощурил умные глаза:

— Оба вы глупы! Один думает, что без кровопролития ничего не добьешься, другой трясется от запаха крови! Оба вы ошибаетесь. Во-первых, господин Нусратходжа, убить Донпёрова — дело не шуточное. А если убьете, пощады не ждите.

— Будьте покойны! — беспечно улыбнулся Нусратходжа.— Отсюда до границы ночь пути.

— Это не выход,— холодно проговорил Урупов.— Если каждый из нас, убив по одному человеку, будет убегать за границу, кто же здесь будет делать основную работу? Наша основная цель не избавление от Донпёрова. Убьем его — другой придет, может быть, хуже этого...

— Тогда и другого уберем,— ворчливо сказал Нусратходжа.— Пусть приходят, кому жизнь не дорога.

— Нет, господин Нусратходжа, большевиков этим способом не уничтожишь! Их и до нас с вами, и на наших с вами глазах столько убивали, что и счету нет. Только в нашем Таджикистане Ибрагимбек и Фузайл Мухсум, да и другие «святые» сколько их перебили! Ибрагимбек с большими войсками нападал, тысячами убивал. Но большевики не погибли. Их стало еще больше, они стали еще сильнее. Как будто из праха одного возникают сотни других. В чем причина? Думали ли вы об этом?

Акмалзода в сильном волнении смотрел то на Нусратходжу, то на Урупова. Он удивлялся, как они могут так спокойно говорить об убийстве человека, словно ведут речь о покупке барана.

Нусратходжа замолчал. Рассуждения Урупова были для него слишком сложны.

— Корни они в душу народа пустили,— продолжал Урупов.— Если вы хотите их уничтожить, нужно сначала вырвать эти корни!

— Тогда что же делать нам? — просто чтобы не молчать больше, спросил Нусратходжа.

— Бороться. Но — хитро,— подмигнул Урунов.— Мы должны убедить людей, что в Вахшской долине хлопок не вырастет, что Советская власть обманула их, чтобы переселить в болотистый край. Мы должны все сделать, чтобы народ с сомнением смотрел на решения правительства. Тогда мы достигнем цели и скинем дониёровых их же руками. Ясно?

— Вот это голова! — восторженно воскликнул Нусратходжа и тут же осекся.— Почему же осенью, когда я группу переселенцев выгнал из колхоза, вы меня ругали?

— А потому,— терпеливо объяснил Урунов,— что вы их лично выгнали. Они могли на вас пожаловаться, и вы бы понесли наказание... Такие дела нужно делать чужими руками, а не своими...

— Благодарю! Хороший урок! На будущее,— выразил признательность Нусратходжа.

— А что думает господин Акмалзода? — подмигнул Нусратходже Урунов.— Их в центре инструктируют так: «Берегите свою жизнь!»

— В центре в основном заботятся о вас,— задумчиво сказал Акмалзода,— потому что там на вас возлагают большие надежды. Потому и просят, чтобы вы берегли себя, ибо... Вы хорошо знаете положение: если большевики усомнятся в вашей преданности, пули они не пожалеют...

— Ну и напугали,— расхохотался Урунов.— Сразу видно, что вы в Европе, по заграничным учебникам тактику большевиков изучали. Но там большевиков не знают. Нам было бы куда легче, если бы красные занимались резней и не жалели пуль! В разгар басмаческого движения знаете что они сделали? Объявили, что, если басмачи добровольно сдадут оружие, их простят. И что получилось? Басмачи добровольно сдались большевикам! Они не на силу винтовок опираются! Увы, дорогие господа, у них есть оружие посильнее пуль и бомб...— Урунов задумался, взял протянутую Нусратходжой пиалу, отпил глоток чая и продолжал: — Вы забыли первые декреты Ленина? Большевики, захватив власть, заявили, что дают мир народам, землю крестьянам и тому подобное. И — сразу сильно выиграли! Народ пошел за ними.

Урунов сделал паузу и, повернувшись к Акмалзода, сказал:

— А проанализируйте-ка их теперешнюю политику... Что такое Таджикистан? Девяносто три процента территории республики занимают горы, на которых вырастить ничего нельзя. Веками горцы вели полуголодное существование. Многие из них уходили в города на заработки и умирали вдали от родных мест. Да и равнинную землю нельзя было целиком использовать под посевы, потому что большую часть занимали болота и туган. Возьмите Вахшскую долину. Гиблое место, не приносившее никакой пользы, и Вахш бессмысленно нес свои воды в Амударью, ни в чем не помогая человеку. А большевики пригласили специалистов из Америки, купили экскаваторы в Канаде, построили на Вахше плотину и, направив по каналам воду, превращают болота и туган в плодородные земли, на которых вырастает отличный хлопок. По-

нимаете ли вы, что это значит для Таджикистана, и не только для него? Конечно, нет! Вы об этом и думать не хотите! Вы день и ночь упиваетесь своими недозрелыми идеями. А ту правду, в которую вы каждый день лбом тычетесь, понять, увидеть не хотите или не можете. Вот потому-то невозможна ваша победа, и отсюда причина провалов всех предприятий вашего центра!..

— Это и ваш центр! — буркнул себе под нос Нусратходжа, но Урунов не обратил на его слова никакого внимания.

— Что же мы должны делать, по-вашему? Пойти и сдаться в ГПУ? — совершенно упав духом, спросил Акмалзода.

— Раз ничего другого не умеете,— Урунов с откровенной издевкой посмотрел на Акмалзода.

Отпив из пиалы холодного чая, Акмалзода ответил с подчеркнутым достоинством:

— Господин Урунов! В центре предупреждали меня, что вы человек откровенный. Но я и предположить не мог, что до такой степени. А если бы на моем месте оказался другой человек...

— Наш разговор был бы уже сегодня известен в ГПУ? — перебил его Урунов.

— Допустим...— немного помедлив, ответил Акмалзода.

— С этой стороны я спокоен,— усмехнулся Урунов.— Ведь я с вами говорю, не с другим. А вы даже просто пройти мимо ГПУ боитесь.

— Вместо меня может появиться и более храбрый человек,— с обидой сказал Акмалзода.

— Несомненно...— сказал Урунов, посерьезнев.— Жизнь — это сцена, дорогой! На ней каждый играет свою роль и у каждого своя судьба. Поэтому в жизни нужно рисковать! И если твой меч не достанет голову врага, меч врага не пощадит твоей головы...

— А законы диалектики и логика жизни? — речь зашла о теории, и Акмалзода почувствовал себя увереннее.

— Пусть о них порассуждают будущие поколения, если у них будет, конечно, свободное время... У нас нет времени для болтовни. Мы действуем! Мы вынуждены рисковать! Ведь мусульмане говорят: «Аллах всемогущ!» Может, аллах и нас защитит?..

— Вы верующий? — удивился Акмалзода.

— А вы в этом сомневались? — Урунов отошел от Акмалзода.— Верить во что-то надо же, иначе...

Акмалзода растерянно смотрел на Урунова:

— Я-то считал вас революционером и даже немного марксистом!

Урунов лукаво усмехнулся и туманно ответил:

— Говорят ведь: «Иса идет своей дорогой, Муса — своей...» Я же сказал вам: на сцене жизни каждый играет свою роль...

— Значит, вы за то, чтобы в школах ввели религиозные дисциплины? — никак не мог успокоиться Акмалзода.

— Нет! Это запрещено законом Советской власти,— сухо отрезал Урунов, давая понять, что ему не нравится этот спор, но,

подумав, добавил: — Вас, господин Акмалзода, заботит судьба мусульманства. А меня — будущее родины, будущее нации.

— Но без религии нет нации! Русские сначала растоптали нашу веру! Растоптали нашу честь! — На этот раз Акмалзода не собирался отступать.— Если мусульмане поймут, что мы отвернулись от религии ислама, они нам никогда этого не простят...— Он оглянулся на Нусратходжу, ища поддержки.

Нусратходжа откашлялся.

— Оставьте. Сейчас не время для отвлеченных споров.

— Господин Акмалзода, вероятно, хочет, чтобы мы создали Наркомат религии! — с нарочитой развязностью засмеялся Урунов.

Акмалзода замолчал и задумался.

Урунов оперся на подушку и, вспомнив что-то важное, торжественно провозгласил:

— Господин-товарищ Низомов,— Урунов протянул руку в его сторону,— у меня для вас есть хорошие новости. Скоро вы пойдете на повышение. Девять колхозов вокруг вас хотят объединить в один сельсовет. Вас выдвинули председателем. Поздравляю!

Нусратходжа с поспешностью, не идущей к его статной фигуре, вскочил и, прижав руки к груди, рассыпался в благодарностях.

— Вчера еще комсомольцем были! — ласково сказал Урунов, обрадованный признательностью Нусратходжи.— Сегодня станете председателем сельсовета, а завтра, может, председателем республики!..

— Дай аллах! Дай аллах! Вашими благословенными молитвами всего достигнем. Для моего счастья нужно только ваше здоровье!..

— И вы будьте здоровы! — Урунов обернулся к Акмалзода, спросил: — Господин Акмалзода, чем вы так расстроены? Разве вы не рады?

Акмалзода очнулся от своих размышлений, повернулся к Нусратходже и холодно сказал:

— Поздравляю...

— Благодарю! — Нусратходжа и ему поклонился.

— Господин Нусратходжа, теперь вы как можно скорее найдите себе заместителя, но такого, который был бы не менее верен нам, чем вы,— порекомендовал Урунов.

— Хорошо, хорошо, постараюсь...

Он задумался: кого же предложить в раисы? Машрабов? Человек грамотный, преданный, но... пожалуй, не согласится. Он боится, что его имя узнает народ,— тогда могут всплыть его преступления. Машрабов участвовал в убийстве первых учителей Гарма! Здесь он прячется, таится. Да у него и так место неплохое. Нет, пусть пока Машрабов остается счетоводом.

Нусратходжа вспомнил Диловара, но Диловар — человек новый, неиспытанный. Может, Идрис? Что и говорить — хорош во всех отношениях: люди его уважают, дело он знает, работящий...

Но только слишком уж на язык острый! Нет, не пойдет!.. А Джамолбек? Простой, уважаемый, спокойный... Но когда арбу у него отобрали — рассердился. Джамолбек и Диловар!.. Тот или другой?.. Вероятнее всего, кто-нибудь из этих двоих. Диловар молод, он холост и одинок... Хорошим обращением его нетрудно перетащить на свою сторону. Кроме того, грамотный... Диловар подойдет. Колхозникам он уже понравился, так что они согласятся на его председательство.

— Долго вы еще будете размышлять? — не выдержал Урунов.

— Нашел я одного кандидата...— начал Нусратходжа.

— Ну-ка, послушаем, кто такой? — оживился Урунов.

— Вы его видели, когда приезжали в колхоз. Диловар...

— Да, да, помню — «богатырь»...— И, повернувшись к Акмалзода, спросил: — Что думает господин? Помните богатыря? Нусратходжа предлагает его в раисы...

— Какая мне разница? Это ваше внутреннее дело,— отмахнулся Акмалзода.

Урунов, догадавшись, что Акмалзода обижен, со смехом сказал:

— Их превосходительство несколько утомлены. Лечением послужит хорошая горькая шурпа!

Нусратходжа тоже засмеялся:

— Господин Акмалзода, не печальтесь. Когда я стану председателем республики, во всех школах заставлю изучать религиозные науки, а вас рекомендую на пост наркома веры и религии!..

— Вот и решен вопрос...— сказал Урунов.

Но Акмалзода продолжал хмуриться.

— Надя! — позвал Урунов.

Надежда Ивановна появилась тотчас же. Поверх шелкового платья на ней был вышитый передник,— видимо, она занималась стряпней.

— Шурпа готова? — по-русски спросил Урунов.

— Я борщ приготовила. Специально для Нусратходжи. Можно подавать?

Урунов кивнул и, подождав, когда выйдет жена, обратился к Нусратходже:

— В колхозе «Труд» нам нужен свой человек. Кроме Диловара, у вас что, никого больше нет? А Аброр?

— Есть еще несколько человек, но, по-моему, самый подходящий все же Диловар,— ответил Нусратходжа, доставая акт, написанный Машрабовым.— У меня для вас неприятная новость.

— Хорошо, я буду иметь в виду, а вы еще подумайте.

Урунов развернул акт и пробежал по нему глазами.

— Он без вашего ведома сбежал? — Глаза Урунова остро блеснули.

— В том-то и дело. Натворив дел, убежал, и я вынужден был в присутствии Диловара написать акт и попросить его тоже подписать бумагу, чтобы люди ко мне не цеплялись...

Урунов подумал и заметил:

— Дело не в бумаге, бумагу легко порвать...

— По-моему, он уже за Пянджем. Родители-то его в Мазари-Шарифе...

— Ничего, вернется. Его заставят вернуться...— сказал Урунов.

Акмалзода, не принимавший участия в разговоре, вышел под предлогом вымыть руки.

— Настроение у четырехглазого испортилось,— презрительно проговорил Урупов, глядя ему вслед.

— Напрасно вы его злите, он свой человек в центре, у него там друзья...— напомнил Нусратходжа.

— Не волнуйтесь...— Урупов небрежно махнул рукой.— Этот очкастый «зода» из бухарских праццев. Хоть он и учился в Европе, я не думаю, чтобы он имел связи. В Самарканде существует группа, которая хочет принять ислам с некоторыми изменениями, приспособив его к современности. Акмалзода, по-моему, один из них.

— Ни правоверный, ни неверный...— усмехнулся Нусратходжа.

— Да. Узбеки называют их «обманщиками двух миров». А я — разрушителями двух миров...

— Как же так: учился в Европе, а ума не набрался? — с удивлением спросил Нусратходжа.

— Сам удивляюсь...— Урупов предупредительно кашлянул: входил Акмалзода.

— Сегодня прохладно! — Акмалзода зябко поежился.

Надя внесла борщ.

— С кого начнем? — весело спросила она.

— С Акмалзода, он замерз.

Урупов ласково, явно любуясь ею, улыбнулся жене и жестом гостеприимного хозяина пригласил гостей к столу.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Потеплело только в конце марта, внезапно, как часто бывает после затяжной и дождливой весны. Земля быстро прогрелась и была готова к севу. Однако во многих колхозах района из-за недостатка людей и тягловой силы сев шел медленно, и это серьезно беспокоило секретаря райкома Дониёрова. Поинтересовавшись по телефону у директора хлопкозавода, сколько колхозов вывезли хлопковые семена, Дониёров совсем расстроился — директор назвал несколько ближайших колхозов да около двадцати единоличных хозяйств. Из дальних колхозов вообще еще никто не появлялся. Причины были понятны Дониёрову: нет транспорта, не налажена организационная работа, председательствуют случайные люди. Дониёров распорядился отпускать семена единоличникам беспрепятственно,— в прошлом году они сдали государству по семь-восемь центнеров с гектара, а колхозы едва вытянули по четыре...

Допиёров положил трубку и задумался. Прав Урунов: воспитательная работа в колхозах поставлена слабо; может, потому и не ладится дело...

Поразмыслив, секретарь райкома решил, что дальним колхозам семена необходимо доставить. Но где взять машины? В районной МТС на ходу лишь два грузовика. Если забрать их на перевозку семян, то что делать с доставкой запчастей тракторам? Опять сев задержится! Нет, трогать их нельзя! А вот если попросить трактористов, чтобы они кроме запчастей захватывали и семена,— вероятно, возможно. Надо посоветоваться об этом с Фадеевым...

Бурхон Допиёров и директор МТС Игорь Степанович Фадеев работали вместе на строительстве Вахшского канала, там подружились и оба знали, что всегда помогут друг другу в трудную минуту... Но сейчас для Допиёрова двух машин Фадеева было мало. Требовалось найти еще хотя бы одну машину.

Секретарь задумался, перебирая возможные варианты, и вдруг вспомнил, что в Курган-Тюбе работает большая геологическая экспедиция. Начальник ее, Захаров, бородатый, широкоплечий и громогласный мужчина, несколько раз заходил к Допиёрову с просьбой о дровах. Допиёров безотказно и во всем им помогал. Неужели Захаров не пойдет ему навстречу? Допиёров тут же попросил соединить его с начальником экспедиции. Услышав голос Захарова, он поинтересовался делами, нуждами и заботами экспедиции. Захаров обрадовался звонку и снова попросил дрова. «Это становится уже навязчивой идеей,— засмеялся Допиёров.— Все наши разговоры сводятся к дровам... Ну что ж, дрова найдутся, если есть на чем их вывезти». Захаров сказал, что у него есть грузовая машина и арба и что за дровами они могут подъехать хоть завтра. «А поможете нам привезти семена?» — спросил Допиёров, и Захаров выразил полную свою готовность оказать услугу.

Оставалось договориться с Фадеевым, и Допиёров решил пройтись в МТС. Однако уйти он не успел — в кабинет торопливо вошла секретарша, пожилая русская женщина, которую все звали тетей Шурой, и подала ему письмо. Пробежав бумагу, расстроенный Допиёров снова опустился на стул. Заныла раненная в бою с басмачами нога... Опять анонимка! Вызвав секретаршу, он спросил, кто привез письмо. Тетя Шура сказала, что человек торопился, с лошади не слез, а разглядеть его она не могла — пол-лица было закрыто.

Вторая за последнюю неделю анонимка. Первая лежала в сейфе. Он достал ее, придвинув ко второй, сравнил. Обе написаны арабским шрифтом, очень четко, но сразу видно, что разными людьми. А текст один и тот же: если тронешь Урунова, распрощаешься с жизнью, если сообщишь ГПУ, тебе же будет хуже! Только одна разница бросалась в глаза: в первой написано «товарища Урунова», а во второй — «господина...».

Расхаживая по кабинету крупными шагами, Допиёров размышлял: кто же он, этот Урунов? Товарищ или господин?

В автобиографии Урунов писал, что родился в 1889 году в Катта-Кургане, в семье медника. В детстве обучался ремеслу отца, потом переехал в Когон, где несколько лет работал в железнодорожных мастерских, позже перебрался в Самарканд и Ташкент...

Но как он попал в Таджикистан, оставалось неизвестным. Сам он говорит, что его направило Средне-Азиатское бюро... Многие руководящие кадры направлены в Таджикистан Средазбюро. Они имеют опыт организаторской работы. Урунов тоже хороший организатор. За короткое время он сплотил вокруг себя группу людей, опираясь на которых может проводить свои решения в райкоме, направлять его работу и даже — угрожать, как на вчерашнем бюро. И эти анонимки...

«Да, темный ты человек, господин Урунов! Извини, может, товарищ Урунов! — шагал по кабинету секретарь райкома.— Хотя если ты в действительности товарищ Урунов, какая тебе нужда организовывать анонимные письма? Ведь ты, как всякий советский руководитель, в трудные моменты должен опираться на райком, на партийные организации. Если ты недоволен лично мною, то и этот вопрос надо решать по-другому — на бюро райкома, а если не хочешь, обращайся в вышестоящую партийную организацию. Может, ты уже и туда анонимки написал?»

Секретарь остановился у стола, посмотрел на анонимки, потом взглянул на часы и заторопился. Он сложил письма, закрывая их в сейф, — пусть полежат, развернул свежие, принесенные тетей Шурой газеты. «Тоджикистони Сурх» и «Коммунист Таджикистана» призывали бороться с саранчой. Донцёров усмехнулся: «Саранча и двуногая бывает...»

...На улице царствовало солнце, теплое, ласковое. Весна одела деревья в зеленый праздничный наряд. Радостно щебетали пташки. Даже низенькие глинобитные домишки выглядели приятно. Все недостатки городка маскировала красавица весна, но острые глаза секретаря отмечали: на этой улице необходимо посадить еще ряд деревьев, для отбросов необходимо выкопать специальные ямы, дороги засыпать гравием. Он вздохнул — много работы...

В большие двустворчатые ворота МТС входили и выходили люди. Во дворе стоял грохот: механизаторы готовили трактора к весенне-полевым работам. Донцёров подошел к группе рабочих. Те узнали его и уважительно приветствовали.

— Ну как, товарищи,— спросил Донцёров,— трактора в поле не подведут?

— Некоторые хороши, а некоторые как хромые козлы,— сказал веселый парень.

Механизаторы засмеялись.

— Если как хромые козлы, то хорошего мало,— подхватил шутку секретарь райкома.— Что же вы до сих пор не отремонтировали как следует трактора? Колхозники ждут их, на вас надеются...

— Мухтор неверно говорит, ака,— вмешался в разговор ши-

рокоплечий парень в замасленной спецовке.— Все наши трактора на ходу, давно отремонтировали. Куда скажете, туда и поедем. А вот Мухтор действительно лодырь, поэтому его вчера в комсомол не приняли.

— А сам-то ты, Саид, не лодырь? — вспыхнул Мухтор.— Если бы тебе вчера Саша не помог, плакал бы. Инженер тебе трактор починил.

— Конечно, я еще молодой тракторист! Мне трудно. От помощи товарищей я не могу отказаться. А ты сам себе на уме, нос задираешь! Ни сам не знаешь, ни других не слушаешь! — ответил Саид.— Поэтому на тебя инженер и ребята сердятся. Правильно сделали, что тебя в комсомол не приняли.

Донпёров молча слушал спор молодых трактористов и в душе радовался, что механизаторы серьезно относятся к делу и к поведению товарищей. Вот это и есть принцип социализма в действии. Один за всех, все за одного...

Спор, наверное, продолжался бы долго, если бы не сторож, короткобородый старик с ружьем за плечами. Шикнув на парней, он предложил секретарю пиалу чая. Донпёров поблагодарил старика и отказался, он увидел входящего во двор МТС озабоченного агронома Джахонгирова. Донпёров любил Умархона, как брата. Два года назад он прибыл на Вахш по путевке комсомола и уже завоевал уважение. Авторитет его рос и укреплялся год от года. И вот теперь у него здесь родился сын. Донпёров поспешил ему навстречу, пожал руку, поздравляя:

— Слышал, что сын у тебя?.. Как здоровье Кумрихон?

— Спасибо! Она еще лежит. Соседи помогают.

— Мать не приехала?

— Нет!.. Вроде бы и не собирается,— рассеянно ответил Умархон.

— Невестки и свекрови редко ладят,— утешал его Донпёров.— Внуки их примиряют. Не волнуйся, никуда не денется — приедет... Доктор навещает?

— Вчера приходил. Сегодня — не знаю.

— Если не придет, сам приведи.

— Я в колхоз еду.

— Сначала доктора повидай, потом в колхоз поедешь,— посоветовал секретарь и спросил: — А в какой колхоз собираешься?

— В «Труд».

— Кстати, в каком состоянии их новые земли? Вспахали?

— Дренажные каналы выкопали. Можно трактора пускать... Но Фадеев не дает трактор. Из-за этого мы даже немного поспорили,— сообщил Умархон.

«Так вот почему он такой хмурый»,— понял Донпёров и поинтересовался, где найти Фадеева. Узнав, что он в конторе, направился туда вместе с Умархоном.

Игоря Степановича Фадеева они нашли в темном коридоре. Примостившись у окна, он просматривал какие-то бумаги. Донпёров осторожно положил руку на широкое плечо друга. Фадеев

поднял свою крупную рыжеволосую голову, и обрадованная улыбка осветила его круглое мясистое лицо. Широким жестом он пригласил Доннёрова и Умархопа в кабинет.

— Хорошо, что пришли, я хотел идти к вам жаловаться,— на ходу говорил Игорь Степанович.

— А мне на вас жалуются,— пошутил Доннёров.

— Да, верно...— засмеялся Фадеев и предложил Доннёрову стул. Глянув на Джахонгирова, он подумал, что и этот на него наверняка пожаловался, и холодно предложил ему сесть.

Дониёров оглядел просторную неуютную комнату и, заметив в углах и на потолке паутину, пошутил:

— Игорь Степанович, а вы бдительность потеряли — над головой у вас паутину плетут, а вам и дела мало!

— Дорогой мой Бурхон Доннёрович, нет времени голову поднять, где уж тут на потолок глядеть...

— Вот видите, а вы не верили, когда я говорил, что у вас ослабло классовое чутье. Поднять голову некогда — не видите, что в мире делается. Откуда же вам знать, как идет в колхозах подготовка к севу, чем нужно помочь колхозам?

— Ну-ну, Бурхон Доннёрович,— слегка обиделся Фадеев.— Вы — мастер критиковать. Товарищ Урунов после вашей критики неделю с постели не поднимался. Вы хотите, чтобы и я заболел? Не поддамся!..

— Урунов приходил сюда? — удивился Доннёров.

— Утром,— Фадеев достал кисет и начал сворачивать цигарку.— Требует, чтобы поскорее отправлял трактора в колхозы!.. Я-то что, я готов, а вот готовы ли к севу в колхозах. Я отвечаю партийным билетом за каждый час простоя! И за своих людей тоже, между прочим, отвечаю. В некоторых колхозах и к трактористам относятся враждебно. Бывает, что даже питьевой воды не дают!.. Месяц назад в колхозе «Пахтакор» двух трактористов связали и зарезали, как баранов, а убийцы до сих пор не пойманы. Начальник милиции говорит «хоп, хоп», а дела не сдвинулись, никто убийц даже и не ищет!..

— А об этом вы Урунова спрашивали?

— Спрашивал...— холодно ответил Фадеев,— говорит, что революция без жертв не бывает...

Игорь Степанович затянулся цигаркой и, вспомнив, что Дониёров не курит, попросил Умархона принести чаю от счетовода Фатхулина.

Когда агроном вышел, Фадеев тихо произнес, поглядывая на дверь:

— Мне давно хочется сказать вам...— Он замялся.

— Говорите...

— Я сомневаюсь в честности Урунова...— Фадеев умолк, снова затянулся и продолжал: — Он, по-моему, общается с какими-то подозрительными людьми...

Дониёров хотел было рассказать Фадееву об анонимках, но раздумал.

— Мы с вами большевики, Игорь Степанович, и не имеем права делать выводы только на основании сомнений и подозрений.

Директор МТС ответил не смущаясь, твердо:

— Это я понимаю... Но мои наблюдения ведут именно к таким выводам. Я, конечно, догадываюсь, разоблачить Урупова — дело не простое. У него есть сторонники даже среди членов бюро райкома. Потому он тогда на бюро и вел себя так нагло. Ведь он хорошо знает, где и что можно сказать.

— Для критики у него были основания...

— Потому что во многих партийных организациях есть люди Урупова! — не сдавался Фадеев.— Я лично с ними не раз спорил. Об этом и Джахонгиров кое-что знает. По работе он связан с колхозом Нусратходжи и часто там бывает. А Нусратходжа — один из ставленников Урупова... Как раз сегодня утром Урупов ругал меня за то, что я не отправил трактор в колхоз Нусратходжи.

— Кстати, а почему вы не захотели дать трактор этому колхозу?

— Хотел, чтобы сам Джахонгиров еще раз посмотрел земли. Там болота, дренаж сделан недавно, кроме того, там тугаи, землю нужно не только просушить, но и очистить...

— Хорошо, давайте сегодня туда проедем и посмотрим вместе,— предложил Фадеев.

— Ладно, можно сейчас же и поехать вместе с агрономом,— быстро согласился Фадеев, которому и самому хотелось посмотреть на новые земли.

— У меня еще одна просьба. У дальних колхозов нет транспорта перевезти семена. Что, если б твои шофера кроме запчастей прихватывали с хлопкозавода и семена для колхозов?

— Пожалуйста, это совсем несложно организовать,— охотно согласился Фадеев.

Дониёров обрадовался и сказал появившемуся с чаем Умархону:

— Выпьем по пиале да поедем. Поедем в колхоз с вами, Умархон. Не возражаете?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В колхоз «Труд» они добрались к полудню. Нусратходжи в конторе не оказалось, встретил их Диловар.

— А где же раис? — спросил Дониёров, знакомясь с Диловаром. Он уже слышал о нем от агронома и с интересом присматривался к новому человеку.

— Уехал вчера с Машрабовым на гиссарский базар — покупать для колхоза коня...

— Ну, как вы устроились? — спросил секретарь.— Живы ли у вас родители, где ваша семья?

Диловар смутился и сбивчиво начал рассказывать о себе.

Донийёров внимательно слушал: парень вызывал симпатию, был он серьезен, застенчив и, видимо, неглуп.

Игорь Степанович, слушая разговор, тоже подумал, что Умархон прав — этого парня неплохо было бы взять в МТС.

Диловар повел гостей на новый участок. Пятьдесят гектаров земли было покрыто слоем пепла. Но поверхность была неровной: через канавы и ямы не перебрался бы и трактор. Виднелись недогоревшие корневища кустарников, которые плуг не возьмет...

— Трактору пока здесь делать нечего,— сухо сказал Фадеев, укоризненно взглянув на Умархона.

Это был не только вывод опытного специалиста, но и строгий упрек директора МТС агроному, который был виновен в плохой подготовке поля.

Умархон молча принял упрек: Фадеев был прав. Умархон поверил Нусратходже, который заявил, что земля «вылизана», как площадка для боя, и остановка за тракторами.

— Товарищ агроном! — распорядился Фадеев.— Вы останетесь здесь и проследите за ходом работ. Если до завтра землю подготовят — пришлем трактор...

Джахонгиров угрюмо молчал.

Донийёров и Фадеев попрощались с Диловаром и уехали в другой колхоз.

Земляки остались одни у покрытой золой земли, отдаленно напоминающей поле. Умархон молча размышлял: дома лежит больная жена, а он вынужден сидеть здесь и ликвидировать огрехи этого подлого Нусратходжи, который поставил его в положение лжеца...

Диловар проводил взглядом эмтээсовскую машину. Потом осторожно предложил Умархону чай.

— Нет,— хмуро отказался Умархон,— сначала нужно организовать людей и начать работу.

— Тогда вы подождите здесь, а я быстро оповещу людей и приведу их.

И Диловар побежал в сторону кишлака. По дороге он решил снять колхозников со всех работ, чтобы до заката солнца они выровняли землю под пашню.

Расстроенный Умархон лежал ничком на куче сухого камыша, когда услышал голоса. По дороге шли Джамолбек и Идрис с кетменями на плечах. Поздоровавшись с Умархоном, Джамолбек сказал, что Кумрихон с новорожденным одной трудно и пусть она с детьми переедет на время к ним. За детьми Адолат присмотрит, Хайригуль поможет — все легче. Идрис сказал, что и его семья будет рада видеть Кумрихон у себя. Умархон слушал, благодарил, и настроение у него заметно улучшалось. Колхозники подходили группами и поодиночке. Вскоре большинство мужчин из кишлака с кетменями в руках собрались вокруг агронома. Все они его знали, уважали и здоровались с ним радостно, как с бра-

том. Последним пришел Диловар с кувшином кислого молока и узлом с лепешками. Колхозники поняли, что это еда для Умархона, и наперебой начали приглашать его к себе в дом. Агроном отмахнулся, сказав, что прежде надо начать работу, а потом уж он перекусит вместе с Диловаром.

— Вы у меня на новоселье не были. Ваша доля ожидает вас,— напомнил Джамолбек, берясь за кетмень.

— Спасибо! Если на ночь останусь, то съем свою долю,— шутливо ответил Умархон.

— Я тоже могу устроить новоселье! Вчера в новую мазанку переехал,— похвастался Диловар.

— Поздравляю! — обрадовался за земляка Умархон.

— Вы не мелочитесь, ака, что́ новоселье! Мы ждем от вас большого тоя,— заговорил веселый каратегинец, глядя на Диловара. Его дружно поддержали колхозники.

Пообещав «не мелочиться», Диловар тоже взялся за кетмень. Умархон объяснил собравшимся задачу. Часть мужчин Диловар повел вырубать корни кустарников. Другие встали по два-три человека около каждой канавы.

Идрис, с удовольствием наблюдая за работой Диловара, сказал своему постоянному товарищу по шуткам Розику:

— Ну-ка, каратегинец, покажи-ка свои способности! Обгони Диловара!

— Эх, ака, ты до сих пор сомневаешься в моих способностях? — Розик закатал рукава и поплевал на руки.— Хочешь, чтобы я тебе снова показал? Ты меня с Аброром, верно, спутал!

— А куда Аброр делся? — спросил пожилой бородатый дехканин.— Говорят, на него составили акт, а он пропал — ни слуху ни духу.

— Подожди, Нусратходжа тебе о нем расскажет,— заметил Идрис.

— Вот оно что! — засмеялся колхозник.— А я гадаю, где его черти носят! Колхозные дела совсем забросил.

— Э-э, простофиля! Когда это Нусратходжа работал в колхозе? — хихикнул Розик.

— В колхозе мы с тобой работаем, додар. Джамолбек, Идрис, Диловар работают. Вон, взгляни, как он кетменем переворачивает землю! А Нусратходжа руководит. Понял?

Умархон слышал весь этот разговор и, заинтересовавшись, подошел поближе. Люди уже подметили перемену в поведении Нусратходжи. Острые глаза у колхозников. Всё видят! Из всего делают правильные выводы! Нусратходжа действительно почему-то охладел к колхозным делам, и совпало это с побегом Аброра. Ведь два дня назад Умархон объяснял ему, в каком виде должно быть поле, чтобы трактор мог на нем работать. Он обещал, а ничего не сделал! Сам не сделал, так хотя бы Диловару поручил! С чего бы это Нусратходжа так охладел к колхозу? Умархон кашлянул и спросил:

— Ака, вы сказали, что раис охладел к колхозным делам, а почему так, не знаете?

Дехканин нахмурил брови:

— А это вы должны знать лучше нас, вы агроном! — Он в сердцах высморкался и продолжал: — По правде говоря, колхоз ему никогда не был нужен! Хаитские из-за него ушли из колхоза. Он и меня выживал всяко, да я не захотел возвращаться в горы! В горах жизнь трудная! Здесь она, конечно, тоже нелегкая, но все-таки вода, земля, надежда есть!

— И правильно сделали, ака! — задумчиво ответил Умархон.— Все верно! Выполним план по хлопку, и еда и одежда — все будет!.. Советская власть заботится о нас! Колхозу деньги дает. МТС трактора выделяет!

— Спасибо, додар! За хорошее слово спасибо! — поблагодарил крестьянин.— Если бы Нусратходжа, как ты, говорил с нами, сил бы у нас прибавилось. И работали бы мы всегда сколько надо!

— Не печальтесь, ака! — твердо сказал Умархон.— Если вас Нусратходжа не поддержит, Советская власть поддержит. Советская власть всегда знает о наших нуждах.

— А скажи, додар, Советская власть — это Урунов ваш? Ведь защитник Нусратходжи — это он и есть!

Неожиданная постановка вопроса смутила агронома. Ему хотелось объяснить, что Урунов — не Советская власть, но он понимал, что не имеет права на подобное заявление: непойманный — не вор. Поэтому после некоторой заминки Умархон сказал так:

— Ака, поймите меня правильно, Советская власть не состоит из одного человека. Советская власть — это власть народа... Товарищ Урунов — председатель исполкома, и, если он сделает ошибку, его поправят, вызовут на бюро райкома.

— Значит, если чего натворит, то его все-таки накажут? — недоверчиво смотрел на агронома колхозник.

— Конечно. Каждый, кто «натворит», особенно от имени Советской власти, получит по заслугам! Народ его не простит и Советская власть тоже! — пояснил Умархон.

— Хорошо, коли так,— успокоился крестьянин.— А я уж, откровенно говоря, начал думать, что здесь только Нусратходжа и Урунов хозяева. Делают что хотят, говорят что хотят!

— А не преувеличиваете ли вы, ака? — не поверил Умархон.

Дехканин исподлобья глянул на агронома и отвернулся. Но Идрис подбодрил его:

— Мирзо-Хол, не бойся, говори прямо!

— Зимой, когда я с Нусратходжой поругался, он мне так прямо и заявил...

«Вот в чем дело!» — подумал Умархон, но промолчал, ожидая, что скажут другие. Диловар, тоже перестав копать, смотрел на Умархона.

— А вы не сказали, что он много на себя берет? — спросил Идрис Мирзо-Хола.

— Честно говоря, я испугался, чтобы беды на свою голову не накликать...

— Больше не бойся, брат Мирзо-Хол,— значительно произнес Идрис.— Ведь революция для чего делалась? Для того, чтобы такие, как мы с тобой, дехкане, никого не боялись! Свободно жили, свободно говорили!

— Нет, додар, нам с тобой с Нусратходжой равняться трудно,— сказал задумчиво Мирзо-Хол.— Они сильны, и сейчас еще сильны...— Он хотел сказать что-то еще, но, видно, не решился, побоялся: слишком многие слышали его слова. Кто знает — могло случиться и так, что лишишься головы за свои слова и оставишь осиротевшую семью. «Лучше промолчать,— думал Мирзо-Хол.— Красный язык может погубить зеленую голову, говорят».

А сказать ему было что. В ту ночь, как сбежали хаитские, Аброр зашел в мазанку к Мирзо-Холу и проболтался, что «на той стороне», за Пянджем, собирается большое войско. Англия дает войску хорошее оружие, вещи и деньги. И ждет войско только сигнала Нусратходжи и Урунова. Как только Нусратходжа даст сигнал, войско в одну ночь перейдет реку и разгромит всю Вахшскую долину, никого в живых не оставит... Пока же Нусратходжа и Урунов сигнала не подают, выжидают, когда их советчики из Сталинабада и Ташкента дадут на это дело свое согласие.

Вот какую страшную тайну знал Мирзо-Хол, но никому не мог решиться ее поведать. «Сказать — язык сгорит, не сказать — душа сгорит»,— мучился он. Не раз он думал бессонными ночами о том, что надо как можно скорее уехать отсюда, спрятаться в труднопроходимых горах от Нусратходжи и его разбойников. Недаром ведь говорят, вспоминал Мирзо-Хол пословицы, что даже если с неба и пшеница посыплется, то бедняку лишь половина лепешки достанется, что бедняка и на верблюде собака укусит, что, если бедняку плов в рот попадет, из носа кровь пойдет... Однако в прошлом году Мирзо-Хол собрал с новых земель столько ячменя и пшеницы, сколько и семь хозяйств в его родном кишлаке не собирали. Завод за каждый собранный килограмм хлопка давал три килограмма муки. Из подъемных денег, полученных от государства, Мирзо-Хол корову купил. Корова попалась удойная, и его семья впервые досыта пила и ела молоко, простоквашу, масло. Даже было чем с соседями поделиться... Как от всего этого отказаться?

Умархон, конечно, не мог предполагать, что известно простому колхознику Мирзо-Холу. Но он хорошо понял, что тот до смерти боится Нусратходжу и живет в постоянном страхе.

— Вы говорите, ака, что они сильны, а мы слабы,— сказал Умархон.— Я с вами не согласен. Если бы Советская власть не была сильна, эмир Олим-хан не убежал бы за границу, не бросил бы свой трон, не сдались бы Махсум, Ибрагимбек и им подобные. Если бы Советская власть не верила в свои силы, то не стала бы обводнять долину Вахша, осушать болота и осваивать туган. Советская власть сильнее всех. И секрет ее силы в том, что она

опирается на народ, на трудящихся и борется за справедливое дело. Советская власть всегда победит.

Мирзо-Хол не хотел спорить с Умархоном. Он вообще не любил ни с кем спорить. А в данном случае он и не сомневался в верности его слов: Умархон силу Советской власти доказывал понятными и достоверными примерами. Мирзо-Хол и сам знал, что Советская власть защищает бедных и под ее защитой крестьянин может спокойно жить. Но страх, посеянный в его душе Аброром, не проходил. Выслушав Умархона, Мирзо-Хол почувствовал себя спокойнее и вроде бы даже посмелее.

— Если они сильны, то и мы сильны, ака! — сказал Идрис, переводя разговор в шутку.— Вот ударьте-ка кетменем землю, посмотрите, какая у вас сила!

— Тебе бы только смеяться, додар! — недовольно пробурчал Мирзо-Хол.

— Ну вот уж и обиделись! — огорчился Идрис.— Если не шутить, то как жить? Хотите послушать моего совета? Побольше смейтесь, здоровее будете!

— Это верно, додар! — улыбнулся Мирзо-Хол и попросил у Идриса нас[1].

— Вот это другое дело! Пожалуйста, наслаждайся! — Идрис достал из-за пазухи круглую табакерку.

Мирзо-Хол насыпал на ладонь щепотку наса, бросил его под язык, затем, вернув табакерку хозяину, виновато взглянул на Умархона и молча ушел в камыши.

Умархон взял кетмень Мирзо-Хола и принялся за работу. Диловар вспомнил, что агроном до сих пор не ел, и у него самого заныло в животе.

— Умархон-ака, надо бы вам съесть хоть кислого молока.

Джамолбек, Идрис и другие дружно поддержали Диловара, заверив агронома, что не стоит работать на голодный желудок.

Но Умархон опять отказался. Ему хотелось закончить работу сегодня, чтобы к ночи вернуться домой. Работал он быстро, сноровисто, с удовольствием ощущая свои силы.

Солнце давно уже спряталось за горой, а колхозники все еще не ушли с поля: Умархон и Диловар, обливаясь потом, работали без остановки, и все невольно равнялись на них. Наконец Джамолбек, как самый старший по возрасту, опустил кетмень и, вытирая пот, сказал:

— Хватит на сегодня! Остальное завтра доделаем!

Агроном осмотрел сделанное и, убедившись, что поле готово к пахоте, согласился с Джамолбеком.

Однако колхозники разошлись не сразу — собирали вырубленные корни, относили их на дорогу, складывали в кучи. Позже просохшие корни можно будет использовать как топливо.

[1] Нас — особый жевательный табак, распространен в Узбекистане и Таджикистане.

Умархон собрался было отправиться домой в райцентр пешком, но Джамолбек, Диловар и Идрис его не пустили.

— Времена неспокойные, додар, дорога опасная,— сказал Джамолбек.— Утром пойдешь! А переночуешь у меня.

Дехкане дружно поддержали Джамолбека, но каждый стал приглашать Умархона к себе в дом. Умархон знал: люди соберутся в том доме, куда он придет. Таков порядок: когда в дом приходит уважаемый гость, хозяин приглашает соседей. Даже если он, замешкавшись, не пригласит, соседи придут сами. Умархон подумал, что, если он пойдет сегодня в дом Джамолбека, Диловара там не окажется: по обычаю, зять не должен до свадьбы встречаться с тестем и тещей. Днем, разумеется, Диловар встречался с Джамолбеком на работе, но это не в счет. Поэтому-то Умархон, не долго думая, принял приглашение Идриса, пообещав Джамолбеку, что в новый его дом придет обязательно в другой раз и не с пустыми руками.

По дороге Идрис жаловался Умархону, что к нему шакал повадился. Вчера утащил цыпленка.

— Теперь шакал нашел дорогу и всех перетаскает. А у меня двенадцать индюшек. Лучше уж мы их сами съедим.

Агроном думал, что Идрис шутит, как всегда, но оказалось — нет. Идрис зарезал индюшку, мясистую, килограммов на десять весом.

— По правилам, для дорогого гостя барана режут,— сказал Идрис.— Я бы и верблюда зарезал для вас, ака, но, поскольку верблюда нет, придется обойтись верблюжьей курицей...

— Очень даже неплохо,— засмеялся Умархон.

Его дружно поддержали подошедшие соседи. А Розик, всегдашний пересмешник Идриса, тут же пошутил:

— Идрис-ака! Если у тебя есть верблюд, побереги его для Аброра!

— Оставь! Не упоминай даже имени этого подонка! Не порть аппетит людям! — не приняв шутки, ответил Идрис.

Но Розик не сдавался:

— Об аппетите не печалься, Идрис-ака! Неси-ка скорее жаркое! Потом увидишь, какой у нас аппетит!

— Твой-то аппетит я знаю! Тебе не то что верблюжью курицу, но и самого верблюда проглотить ничего не стоит.

Около полуночи соседи помолились и разошлись по домам. Диловар повел Умархона в свою новую мазанку, Идрис провожал их.

Небо затянуло тучами, не было видно ни одной звездочки. Дул прохладный ветер.

— Вроде бы дождь собирается! — заметил Идрис.

— Дождь пойдет — опять хорошего мало, земля размокнет, нельзя будет трактора пускать,— тревожно сказал Умархон и подумал, что Фадеев ни за что не пошлет трактор, если земля размокнет.

— Сейчас дождь не страшен. Солнце выглянет, земля в мо-

мент высохнет,— успокоил Идрис и показал на дом Джамолбека: — Смотрите, свет горит. И так каждую ночь: Аброра боятся... Джамолбек сегодня ушел от нас пораньше и в последнее время ни к кому не ходит, потому что Хайригуль боится одна дома оставаться. Пока Адолат замуж не выдадут, не успокоятся...

— Ну, а жених как на это смотрит? — спросил Умархон, вроде бы ни к кому не обращаясь.

Диловар молча шел рядом, будто разговор его не касался. Заботы дяди Джамолбека и тети Хайригуль были близки и понятны ему, но приходилось выжидать. Переживал он молча, совсем стал неразговорчивый. Если обратятся к нему — отвечал, а не спросят — мог молчать целыми днями.

— Этот вопрос вы должны решить! — сказал Идрис Умархону.— Раис велит не торопиться со свадьбой, посылает в Хаит за переселенцами.

— Пусть сам едет, а Диловар-то при чем? — удивился Умархон.

Идрис развел руками.

— Хорошо, я поговорю с раисом,— пообещал Умархон.

— Может, тогда и уладятся твои дела, додар, не горюй,— Идрис обнял Диловара, но Диловар упорно молчал.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Нусратходжа велел Идрису запрячь в арбу Пегого, чтобы везти в район жениха с невестой. В колхозе «Труд», а может, и во всей долине такое торжественное событие происходило впервые. Поэтому не только счастливые невеста и жених, Адолат и Диловар, но и весь кишлак был в радостном волнении. Событие примирило обиженных и враждующих в общей подготовке к торжеству. Женщины и девушки всю ночь не спали: мыли головы, заплетали волосы в сорок косичек, подбирали под цвет волос подвески. Черные и карие глаза девушек от сурьмы сделались еще загадочнее. Лунообразные брови от усьмы стали темнее ночи. В каждом взгляде затаился целый мир, каждая улыбка несла с собой столько обещаний, что в десятках юношеских сердец вспыхивал огонь...

В колхозной конюшне, вырытой в земле и крытой камышом, две лошади, одна лучше другой, похрустывали ячменем. Идрис постоял минуту, любуясь ими и дивясь умению Нусратходжи разбираться в лошадях. Этих он с Машрабовым, по их словам, приобрел в Гиссаре и Янги-Базаре...

Пегий действительно больше подходил для свадебной повозки. Усыпанный белыми и рыжими крапинками, он казался разукрашенным специально для торжественного дня. Ничего не скажешь — есть вкус у раиса!

Идрис вычистил Пегого и, надев узду, вывел из конюшни. Пегий оглянулся на Гнедого и послушно пошел за Идрисом. Идрис повел коня к арыку и, ласково посвистывая, напоил до-

сыта. Напившись, Пегий поднял голову и, скосив сливовые глаза, фыркнул. Идрис погладил его, поцеловал в морду.

— Теперь я тебя запрягу, Пегий! Сегодня мы с тобою будем служить жениху и невесте. Понимаешь? Сегодня пусть все кони и конюхи мира завидуют нам! Сегодня мы повезем арбу счастья!..

Идрис запряг коня в сияющую чистотой арбу. Потом, взяв за узду, подвел его к дому Джамолбека.

В один миг женщины и девушки окружили арбу и начали ее украшать: стелили циновки и одеяла, устраивая место для невесты и ее подружек, оплели арбу и коня цветами и разноцветными лентами. Потом под руководством Зеварой принялись одевать невесту. Когда свадебный туалет был закончен, Зеварой взяла дойру[1]. Покачивая разукрашенной, как у невесты, головой и поводя тонким станом, Зеварой заиграла на дойре, а девушки захлопали в ладоши и запели свадебную песню.

Жена Идриса, красавица Шакаргуль, обняв зардевшуюся Адолат, вывела ее на улицу. Тотчас подбежали девушки и, осыпав невесту цветами и монетами, усадили в арбу. Шакаргуль и Зеварой сели рядом с нею.

Идрис, повернув Пегого в сторону большой дороги, посмотрел на столпившихся мужчин. Диловар был там, но, видимо, никак не решался подойти к арбе. Идрис протиснулся сквозь толпу и потянул его за руку. Женщины расступились, давая жениху дорогу.

Идрис посадил Диловара рядом с собой и оглянулся, ожидая приказа трогаться.

— Раиса дождаться нужно! — шепнул ему кто-то.

Вскоре появился Нусратходжа. Верхом на Гнедом, он был похож на полководца, ведущего в бой свои войска. Он проехал вперед и скомандовал:

— Поехали!

Снова загремела дойра и зазвучала свадебная песня. Арба тихонько тронулась.

Идрис наклонился к Диловару:

— Как, додарджон, сердце пляшет?

Диловар, застенчиво улыбаясь, покачал головой.

— Ай, додар! Что за сердце у тебя? Невеста рядом, а он как истукан сидит!

— Не все же такие прыткие,— подкузьмила мужа Шакаргуль.

— Сердце мое, как только тебя увижу, сразу в пляс пускается, дорогая! — улыбнулся Идрис жене.— Посмотри-ка на себя! Чем ты хуже невесты! Ты для меня красивее всех невест!..

— Какая вы счастливая! — с завистью шепнула Зеварой.— Мне ни один мужчина таких слов не говорил!

— И вы еще жалуетесь! — всплеснула руками Шакаргуль.—

[1] Дойра — перепончатый ударный музыкальный инструмент, род бубна, у таджиков, узбеков и уйгуров.

Ведь раис вокруг вас бабочкой вьется! На лошади сопровождает, чтобы, не дай аллах, никто не вздумал украсть.

— Дела у него в районе,— грустно усмехнулась Зеварой.— А так, хоть волки съешь меня по дороге, он и не побеспокоится.

Нусратходжа первым выехал на большую дорогу и придержал лошадь, чтобы пропустить вперед свадебную процессию.

Женщины, проводив с песней арбу до поворота, отстали.

Пропустив арбу вперед, Нусратходжа поехал следом. Перед ним плыло счастливое лицо Адолат. Не сводя с него глаз, раис подумал: рай можно увидеть, а потрогать нельзя.

Словно почувствовав, Адолат оглянулась и, встретившись со взглядом Нусратходжи, испуганно сжалась и быстро закрыла лицо платком. «Тебе глазки строить — мне с ума сходить»,— рассердился Нусратходжа и, сделав над собой усилие, хрипло сказал:

— Зеварой, в чем дело? Что вы примолкли?

— Раис! Они все эту ночь не спали,— вместо Зеварой ответил Идрис.— Их укачало, уснули.

— А ты что же, сам себя потерял? Чего сидишь, будто воды в рот набрал? Или тоже не спал? — Нусратходжа приблизился к Идрису.

— Положение обязывает, раис! — объяснил Идрис.— Лошадь со мной не знакома, не могу же я вожжи бросить.

— Эта лошадь умнее тебя,— засмеялся Нусратходжа.— Понимает, что везет жениха с невестой. Брось поводья, спляши!

— Спляшу, раис, спляшу, но только не сейчас. В загсе или дома...

— Воля твоя,— нехотя согласился Нусратходжа и потихоньку взглянул на Адолат, но она резко отвернулась, и Нусратходжа не смог поймать ее чарующего взгляда.

Гнедой снова шел следом за арбой. Нусратходжа предоставил ему волю. Все его мысли были заняты Адолат. Проницательная Зеварой сразу поняла, в чем дело. Она гневно смотрела на мужа, но Нусратходжа не обращал на нее никакого внимания. Сейчас он не видел Зеварой. Ничего не видел, кроме Адолат! Зеварой и это поняла. Назло ему она прикрыла лицо невесты и едва от обиды сдержала слезы. Только тогда Нусратходжа немного пришел в себя и тяжело вздохнул.

В районном центре Нусратходжа не пошел по своим делам, а отправился вместе с молодыми в загс. Понимая бессмысленность и безответственность своего поведения, он ничего не мог с собой поделать. Он не мог оторвать от Адолат глаз, голова его кружилась, точно он слегка был пьян.

В загсе, когда заведующая, полная, светлолицая женщина, вручила Диловару «Свидетельство о браке», Нусратходжа первым зааплодировал, ему хотелось, чтобы все поверили, что он искренний друг молодых. После регистрации Умархон пригласил к себе «выпить чаю». Здесь бы раису извиниться и отправиться по делам, но он не сделал этого, а, взяв Гнедого под уздцы, пешком поплелся за свадебной арбой. В доме Джахонгирова Нусратходжа вел

себя глупо: лебезил перед хозяином, суетился, смеялся не к месту. На него посматривали с удивлением, он ничего не мог с собой поделать.

Увидев директора МТС Фадеева, раис неожиданно подсел к нему, начал благодарить за отправку в колхоз тракторов. Заметив удивленный взгляд Фадеева, Нусратходжа остановился — действительно, чего это он разоряется. Директор МТС обязан своевременно присылать трактора в колхозы. И чего Нусратходжа ему так угодливо улыбается? Эх! Была бы его воля, он давно бы выгнал этого «поганого уруса», а все его трактора утопил бы в реке. Пусть не будет ни тракторов, ни хлопка на Вахше!

Вот ведь как в жизни бывает! Вдруг, ни с того ни с сего, человек начинает ощущать, что его поведение не подчиняется разуму! А причина этого понятна и заметна окружающим, и называется она — любовь! Да, да! Любовь! Нусратходжа неожиданно и безумно влюбился в Адолат. Влюбился с первого взгляда и, пожалуй, в первый раз. Даже самому страшно от этого стремительно ворвавшегося в душу чувства.

Той справляли по всем правилам. Вначале мужчины с факелами и свадебной песней провели жениха вокруг кишлака, затем шествие направилось к дому невесты. Во дворе невесты Диловар бросил свой факел в огромный костер, чтобы загорелся еще ярче, символизируя любовь молодых. Вокруг костра плясали и пели, ожидая угощения. Женщин усадили в доме Джамолбека, мужчин — в доме Идриса. И наконец с «заздравной» песней повели жениха в дом невесты...

Нусратходжа вместе со всеми проводил Диловара к Адолат и уныло остался за дверью. Он представлял себе, как женщины введут Диловара под полог, где низким поклоном встретит его прекрасная невеста, как потом перед молодыми будут держать зеркало, чтобы счастье их было чистым подобно этому волшебному стеклу. Жених и невеста впервые увидят в зеркале свои лица рядом и улыбнутся друг другу счастливой, ясной улыбкой...

Сердце Нусратходжи сжалось. Стиснув голову руками, он стремительно зашагал к каналу. Ударив себя кулаком в лоб, он воскликнул: «Что я наделал? Прозевал свое счастье! Своими руками отдал Диловару! И раисом будет этот голодранец! И тоже по моей воле, моими стараниями! Понимает ли он это? Останется ли верным мне?»

Поднявшись на откос, Нусратходжа посмотрел на огни кишлака. В доме невесты продолжался пир. Звенела дойра, звучали веселые песни... «Был бы повод — всю ночь пропляшут»,— раздраженно бормотал Нусратходжа, уходя все дальше по берегу канала. В эту ночь он впервые заставил себя взглянуть в лицо реальности. «Кто я такой? — с горечью и отвращением к самому себе подумал раис.— В моей шкуре два человека. Один — коммунист, председатель колхоза, а в будущем видный советский руководитель. А другой — злейший враг этой самой Советской власти! Таких людей называют двуличными, их презирают! Но что

делать? Путь мой определен, дороги назад нет. Бесполезно что-либо менять, потому что даже если попробовать, где гарантия, что не засыплются Урунов или его сообщники и не предадут его, Нусратходжу. И что тогда?!» Раису стало жутко. Он знал, прощения ему не будет: «господина Нусратходжу» советские люди изгонят из своего общества с презрением. Впрочем, и «друзья» с не меньшим презрением повесят его за ноги. Урунов и прочие, ему подобные, в случае чего, с удовольствием приготовят шашлык из мяса Нусратходжи.

Сейчас Урунов силен, в «центре» его поддерживают, потому он и господином Акмалзода играет как кот мышью. Он может убрать Донниёрова, но не хочет из-за него попасть под подозрение. Он намерен поиграть с ним, вынудить его заявить в Сталинабаде, что не справляется с работой, что из него ничего не получится. Тогда повышение Урунова обеспечено.

Звуки дойры становились все тише. Нусратходжа понял, что ушел слишком далеко, и повернул обратно. На мгновение мозг обожгла шальная мысль: а что, если подхватить сейчас Адолат на коня и умчать ото всех! Но куда он увезет ее? За границу? Кому он там нужен? Там курбаши Исламбек. Он считает себя не ниже Ибрагимбека. Его величество сейчас надеется на него. Оружие все там английское... Исламбек ждет сигнала Урунова — тогда он в одну ночь пересечет границу и во всей Вахшской долине не оставит ни одной живой души. И плотину разрушит...

Но Урунов не торопится. У него другие планы. Считает, что не плотину, а Советскую власть уничтожать нужно. Исподтишка, но постоянно, каждодневно. А когда эти планы удастся осуществить? До тех пор и Адолат состарится, и сам Нусратходжа... Раис тяжело вздохнул. Сколько лет он будет носить эту овечью шкуру? Товарищ Низомов... Товарищ Низомов... Невыносимо каждый день видеть Адолат. Ничего худшего быть не может! Надо найти выход. Какой? «Если время не за тебя, ты приспосабливайся к времени» — так говорят мудрые. А приспособиться — значит научиться ладить с Диловаром. С Уруновым. С Донниёровым. С агрономом Умархоном. Со всеми. Даже с языкатым Идрисом! Может, тогда и Адолат с Нусратходжой «поладит»? Что ж, когда нет выхода — это тоже выход.

С этими мыслями раис вернулся домой. Зеварой была уже в постели, но не спала.

— Не дождавшись конца свадьбы, пришла? — удивился Нусратходжа.

Зеварой не ответила. Нусратходжа пощупал подушку — мокрая.

— Тебя кто-нибудь обидел? Почему плачешь?

Жена не ответила.

«Женщины всегда знают, что у мужчины на сердце»,— горько подумал Нусратходжа. А ведь несколько минут назад он твердо решил ладить со всеми!.. Значит, и с Зеварой? Да! А что же делать? Нусратходжа жену не любил и не хотел любить. Потому-то

он и не расстраивался из-за ее бездетности, даже радовался — при необходимости это легко освобождало его от жены. Без скандала и суда. Причина веская — бездетная! Но сейчас нет смысла идти на разрыв. Зеварой — женщина красивая и привлекательная, за много лет они привыкли друг к другу, она всегда была ласковой и заботливой женой, в холодные ночи теплом своего тела согревала его...

«Необходимо поладить!» — повторил про себя Нусратходжа. Не спеша он снял чакман, повесил его на гвоздь, разделся, задул огонь и лег рядом с Зеварой. Но та отвернулась.

— Ты на меня обиделась?

— Я на аллаха обижена.

Нусратходжа хотел утешить жену:

— Не убивайся напрасно, дорогая! Чем ты хуже других? Сыта, одета...

— Да я согласна в лохмотьях ходить,— заливаясь слезами, шептала Зеварой.

— Неблагодарная,— журил Нусратходжа, не предполагая, что его ждет.

— Неблагодарная? — вскинулась Зеварой.— А вы? Только и ждете случая, чтобы от меня отделаться! И предлог хороший — бездетная...

— Эй, женщина! Что ты несешь, я ведь тебе никогда ничего не говорил!

— Вы-то не говорили, да я сама все знаю...

Она уже не плакала, а смотрела на него широко открытыми глазами. Нусратходжа смутился и, благословляя спасительную темноту, обнял жену:

— Не говори глупости! Лучше поцелуй покрепче...

— Почему это я говорю глупости? Слепая я, что ли? Сегодня, глядя на невесту, душа ваша задрожала. Сознание потеряли...

Но Нусратходжа не дал ей говорить:

— Такая женщина со мною рядом, а я буду на чужих невест заглядываться? Да ты лучше их всех!

Зеварой притихла: «Значит, не собирается бросать меня»,— и, повернувшись к мужу, она положила голову ему на грудь.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Диловар, проснувшись рано, открыл глаза — нежная, обнаженная до плеча рука крепко обнимала его за шею. Диловар осторожно повернул голову. Адолат крепко спала, тесно прижавшись к нему. Диловар поцеловал жену в лоб. Она, не открывая глаз, придвинулась еще ближе, обняла за шею и продолжала спать.

Улыбаясь, Диловар долго лежал, боясь пошевелиться. Он был пьян от счастья. Он подумал, что теперь каждый день его жизни будет праздником. Потом тихонько убрал руку жены и, прикрыв Адолат одеялом, выскользнул из постели.

Солнце только что поднялось, и первые его золотые лучи, про-

никая в щели мазанки, придавали новую прелесть растрепавшимся волосам и нежному лицу Адолат. Диловар, придя в восторг от прелести своей жены, долго стоял над ней, не в силах оторвать взгляд от любимой. Он нагнулся и ласково поцеловал прядку ее волос, набросил на плечи полосатый жениховский халат и вышел на улицу.

В воздухе чувствовалась утренняя весенняя прохлада. Диловар вдохнул полной грудью и, услышав голоса, взглянул в сторону дома тестя. Там Хайригуль оживленно беседовала о чем-то с женой Идриса. Заметив Диловара, женщины вошли в дом. Диловар мысленно поблагодарил их — сейчас ему ни с кем не хотелось разговаривать, даже с тещей, — и медленно пошел к каналу. Он был признателен Джамолбеку и Хайригуль за то, что они сделали его своим зятем, отдали ему прекрасную Адолат. Он теперь на всю жизнь их должник. Он должен стать им хорошим сыном! Для Адолат он сделает все, что может! Однако он испытывал сильное смущение от того, что Джамолбек взял на себя все свадебные расходы, да и камышовую мазанку его так убрали, обставили всем необходимым, что любо-дорого.

Раздумывая над этим, Диловар не спеша умылся в канале и, возвращаясь, столкнулся с Нусратходжой.

Взгляд Нусратходжи показался Диловару странным. Глаза его были красные, припухшие, — видимо, он недоспал. Раис старался не глядеть на парня — боялся, что молодой муж прочтет тайну его души, которая разрывалась от зависти и ревности к Диловару. В то же время Нусратходжа чувствовал, что ему нравится Диловар, похоже, он даже любит его, как сына, как брата. То, что чувствовал раис, было для него самого необъяснимо.

— Сегодня будем сеять хлопок! Жена пусть дома сидит, а ты давай на работу,— распорядился Нусратходжа.

Он впервые так холодно обращался к Диловару. Но Диловар, не обратив на это внимания, засмеялся:

— Вы, конечно, решили, раис, что я теперь из дома не выйду.

От такого ответа Диловара Нусратходжа смутился и шутливо сказал:

— Не знаю. Когда курица клушкой становится, то сорок дней сидит на яйцах.

— Не беспокойтесь, раис! Я не клушка.

— Ну и прекрасно.— Сделав над собой усилие, Нусратходжа улыбнулся, полез в карман и за цепочку вытянул оттуда золотые часы.— Возьми! Это мой свадебный подарок!

Диловар от неожиданности даже попятился:

— Ака, не нужно! Вы для меня и так много сделали!

— Ты брось извиняться, бери! — настаивал Нусратходжа.— Ты меня чужим не считай! Ты для меня как младший брат!

— Спасибо, ака! — Диловар покраснел.— Я и так ваш должник!

— Какой еще должник! — рассердился Нусратходжа.— Я же тебе не в долг даю! А подарок невесте еще за мной! — Нусратход-

жа снисходительно похлопал Диловара по плечу и, меняя тему разговора, спросил: — Умархон у Идриса?

— Не знаю. Может, поискать?

— Сам найду, а ты не задерживайся.

Нусратходжа ушел, оставив Диловара в полной растерянности. Что за человек этот Нусратходжа? Почему он так добр к нему? Братом называет. Диловар, рассматривая массивные часы, взвешивал их на руке, удивляясь такому дорогому подарку и приходя к выводу, что, безусловно, и подарок, и слова, сказанные раисом, несут в себе скрытый смысл. «Поживем — увидим»,— решил Диловар и, спрятав часы за пазуху, направился к своей мазанке.

Адолат уже встала, умылась, прибрала в доме и с нетерпением ожидала Диловара. Она не раз выглядывала из-за прикрывающей вход занавески и, видя, что Диловар все еще разговаривает с Нусратходжой, сердилась и хмурила чистый лоб.

Когда Диловар зашел в дом, Адолат, как учила ее мать, поклонилась ему. Диловар обнял и поцеловал жену.

— Чай поставить? — спросила Адолат.

— Нет! — улыбнулся Диловар.— Я сам! По обычаю, молодая жена должна быть в доме мужа три дня гостьей...

— А сегодня на работу пойдете? — с робкой надеждой на то, что муж останется дома, спросила Адолат.

— Да, сегодня начинается сев.

Адолат вздохнула. Диловар опять обнял жену:

— В обед приду навестить тебя. А сейчас, если хочешь, приведу Закирджона.

— Нет, никого не нужно! Я и одна не буду скучать! Я буду вас вспоминать!

Диловар с улыбкой глядел на Адолат и с тоской думал о том, что день без Адолат будет долгим и скучным. Диловар всей душой хотел, чтобы Адолат всегда была рядом: в поле, на работе. Но в поле ее сейчас брать нельзя. Люди плохо подумают про молодого мужа, скажут, что одного дня дома не держал и сразу на работу выгнал. Да еще дело и в том, что ни одна женщина в поле не работает. Таков обычай. Плохой обычай. Пожалуй, давно пора бы об этом поставить вопрос. Если бы женщины вышли в поле, отпала бы нужда в переселенцах. Но все это мечты. Пока, видно, придется ехать в Хаит... Что будет делать без него Адолат? Пожалуй, до возвращения Диловара лучше отправить ее к родителям. А если она откажется? Адолат и так может сделать. В сказках говорится, что царские дочери предпочитали хижины своих возлюбленных родительским дворцам...

— О чем вы задумались?—спросила Адолат, лукаво улыбаясь.

— Я думаю о тебе! — серьезно ответил Диловар.

— Вы чем-нибудь обеспокоены? — заволновалась Адолат.

— Да нет! Все хорошо, дорогая! И свадьба была у нас прекрасная!

— А мама очень Аброра боялась! — задумчиво сказала Адолат.— Опасалась, что, узнав о свадьбе, он придет и испортит все.

Диловар махнул рукой: вот еще, бояться Аброра!

— Мать твоя напрасно волновалась. Аброр — трус! Он бы не посмел!

— И после свадьбы не посмеет?

Адолат подошла к мужу, и он совсем близко увидел ее большие встревоженные глаза.

— Ты боишься его?

— Раньше не боялась, а теперь боюсь! За тебя боюсь! — ответила Адолат, впервые назвав мужа на «ты». Она обняла Диловара, прижалась головой к его груди.— Я очень боюсь за тебя! Я без тебя больше и часа жить не хочу! Если узнаю, что кто-то хочет сделать тебе плохо, то я его зубами разорву, ногтями глаза выцарапаю!

— Вот видишь,— Диловар поцеловал руки Адолат,— теперь нам с тобой нечего бояться! Мы защитим друг друга от врагов! Да и что враги, если вокруг нас так много хороших людей! Они тоже нам помогут.

— Ты думаешь, что и Нусратходжа хороший? — спросила Адолат, пытливо глядя на мужа.— О нет. У него страшные глаза. Я боюсь его. Он родственник Аброра.

— Что ты! Он не желает нам плохого! — воскликнул Диловар.— Вот утром он мне свадебный подарок преподнес.— Диловар показал Адолат часы.

Подарок Адолат понравился. Но тут же она подумала, что вряд ли он приобретен Нусратходжой на собственные деньги,— уж что-то очень легко он расстался с дорогой вещью.

— Я их взять-то взял, но что-то не верю я в его бескорыстие! — поделился своими сомнениями Диловар.— Он тоже надеется что-то получить от меня. Выходит, я теперь его должник...

От этих слов Диловара Адолат вздрогнула:

— Сейчас же верни ему часы!

— Нехорошо получится, Адолат! — покачал головой Диловар.— По обычаю, если дарит друг, то нельзя не принять подарок.

— Но это же не подарок, а головная боль!

— Да, иногда дарят и головную боль! — засмеялся Диловар и, положив часы в карман, начал готовить чай. Пора было идти на работу.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Поле было готово к севу.

Умархон, присев, взял горсть земли, проверил влажность, потом понюхал ее: рассыпчатая черная земля пахла весной.

— Можно начинать! — объявил Умархон, повернувшись к Нусратходже.

Все только и ожидали этих слов. Идрис тотчас же пошел за Пегим, чтобы запрячь его в сеялку. Мирзо-Хол с мешком отправился за размоченными семенами, которые Джамолбек и еще один парень вынимали из воды...

Диловар по знаку агронома поднял сеялку. Вместе с Умар-

хоном он поставил ее в начале поля, потом Умархон наладил ее.

Идрис торжественно подвел к сеялке коня. Умархон с Диловаром впрягли Пегого. Мирзо-Хол наполнил бункер семенами и шутливо сказал Диловару:

— По обычаю, жениху с невестой в первую ночь постель стелет многодетная женщина, чтобы у молодых было много детей. Может, если первые семена посеет молодой муж, хороший хлопок уродится.

— Да, да, дядюшка! — согласился Идрис.— А если бы молодые вместе пришли сеять, еще лучше было бы.

— Это дело недолгое. Диловар живо за молодой сбегает! — снова пошутил Мирзо-Хол.

— Похоже, ака, что вы хотите лишить Диловара домашнего очага и с первого дня супружеской жизни заставить молодую украшать колхозное поле,— засмеялся Умархон.

— Неплохо было бы! — воскликнул Нусратходжа, стоявший до этого в сторонке и занимавший позицию наблюдателя.— Да если бы она пришла, мы бы ей все двадцать гектаров, приготовленных к севу, подарили!

— Щедрость ваша всем известна, раис! — усмехнулся Идрис.— Не зря говорят, что за чужой счет легко быть щедрым на свадьбе.

Мирзо-Хол был рад, что Идрис опять поддел Нусратходжу, и, сохранив серьезность, со значением сказал:

— Щедрость раиса действительно безгранична!

Нусратходжа вспыхнул, но вовремя остановил себя: сейчас он должен со всеми, даже с Идрисом, ладить.

— Идрис! Каждый щедр по своей возможности! — заметил миролюбиво раис.— Например, я для гостя барана режу, ты индюка. А Мирзо-Хол олененка.

— Мирзо-Хол-ака! — Идрис поднял многозначительно палец вверх.— Раис хочет вашего олененка попробовать.

У Мирзо-Хола был прирученный олененок. Он любил его, как ребенка, кормил, холил, берег от волков.

Нусратходжа намеренно задел старика, и тот не захотел остаться в долгу. Он невозмутимо сказал:

— Я предполагал, что раис захочет отведать моего олененка: для бездетных мужчин и женщин мясо оленя — лучшее лекарство...

Мирзо-Хол добился своего: Нусратходжа оскорбился,— но старик продолжал с усмешкой:

— Но раз зашла речь о щедрости, я, так и быть, дарю олененка раису. Но что может мне подарить Нусратходжа взамен?

— Двадцать гектаров земли! — выпалил Идрис.

— Хорош подарок — все лето на солнце жариться!

— Ты подожди, додар, пусть раис сам ответит! — потребовал Мирзо-Хол.

— Ака, зачем ссориться из-за пустяка? — примирительно ответил Нусратходжа.— Вы требуйте, что хотите, а я подумаю, смогу ли ответить вам.

Умархон почувствовал, что Идрис и Мирзо-Хол поставили Нусратходжу в трудное положение, и если не вмешаться... И он, перебив спор, обратился к Идрису:

— Ты поведешь лошадь?

— Давайте сначала торговлю закончим! — засмеялся Идрис.

— Торговаться вечером будете! Сейчас работать нужно.— Умархон нахмурился, взглядом призывая Идриса прекратить спор.

Нусратходжа облегченно вздохнул. Все молча принялись за дело.

Идрис взял лошадь под уздцы, Диловар ухватился за рукоятки сеялки и направил ее. Нусратходжа поплелся сзади, проверяя, как ложатся семена в землю. А Мирзо-Хол время от времени наполнял бункер сеялки из своего мокрого мешка. Умархон пошел рядом, наблюдая, как идет сев.

Работа была в разгаре, когда на дороге показалась райисполкомовская машина. Нусратходжа заспешил ей навстречу. Идрис, усмехнувшись, посмотрел ему вслед и обернулся к Умархону — остановиться или нет. Агроном жестом велел продолжать.

Урупов, медленно шагая по рыхлой земле, приблизился к сеятелям. Идрис невольно остановил лошадь и поздоровался. Урупов холодно кивнул и обратился к Умархону:

— Товарищ агроном! Мы со вчерашнего дня ищем вас по колхозам. Увидели замок на вашем доме, подумали, что вы сбежали всей семьей.

Тон Урупова задел Умархона, но он попытался отшутиться:

— Раис, разве можно от вас убежать?

— От меня можно, а от Советской власти нет! — резко ответил Урупов и, глянув на стоящего рядом Акмалзода, продолжил: — Вчера мы с представителем Наркомзема в колхоз «Октябрь» заезжали. Там люди говорят, что агроном к ним глаз не кажет. Хотели уже самостоятельно начинать сев, да мы запретили.

— Хорошо сделали! — улыбнулся Умархон.

— Плохо ли, хорошо ли — не знаю! Вы не меня учите! — Урупов дрожал от гнева.— А вот если вы агроном, то учите колхозников, как хлопок сеять! Работайте так, чтобы вас уважали! Вы должны были быть сегодня в колхозе «Октябрь», а вы здесь по полю гуляете, самовольничаете! В теперешних условиях подобное поведение рассматривается как преступление и не должно оставаться безнаказанным!

Ища поддержки, Урупов снова посмотрел на Акмалзода. Тот снял пенсне, вытер платком слезящиеся глаза, водрузил пенсне на переносицу и, прносапившись, сказал:

— По-моему, здесь и говорить не о чем! Он должен сейчас же ехать в колхоз «Октябрь».

Урупов кивнул, Акмалзода не то приказал, не то попросил Джахонгирова:

— Садитесь в машину.

— Сегодня я не смогу поехать в колхоз «Октябрь»,— глядя в сторону, сказал Умархон.

— Почему? — теряя терпение, спросил Урупов.
— Потому что сегодня надо засеять это поле! Влага уйдет, завтра поздно будет. Погода благоприятствует.
— Поздно будет — ваша вина. А вчера о чем думали?
— Вчера нельзя было сеять, слишком много влаги было в земле. Сегодня в самый раз! А завтра будет поздно! Кроме того, здесь колхозники не имеют опыта хлопкосеяния. Без агронома не управиться!..
— Колхоз «Октябрь» сеет семенной хлопок, вы там нужнее,— Акмалзода пришел на помощь Урупову.
— И здесь будет семенной хлопок,— вызывающе ответил Умархон.
— Кто это сказал? План я утверждаю или ты? — Урупов в гневе перешел на «ты».
— У колхоза с хлопковым заводом договор заключен. Спросите у товарища Низомова, он знает,— не сдавался Умархон.
Нусратходжа сделал шаг назад, чтобы не попасться на глаза Урупову, но Урупов повернулся к нему:
— Это так?
Нусратходжа молча отступил еще на шаг.
— Это мы еще посмотрим! — пробурчал Урупов и переглянулся с Акмалзода, который слегка кивнул.
— Короче говоря, садитесь в машину! — требовательно сказал Урупов Умархону.
Тот не двинулся с места.
— Два дня назад я был в колхозе «Октябрь». Земля у них совсем сырая. Раз вы запретили сеять, хорошо сделали! Рано там еще сеять.
— Это мы на месте проверим! — нервно сказал Урупов.
— Товарищ Джахонгиров,— мягко обратился Акмалзода,— у нас нет времени для споров. День уходит...
— Я сегодня в колхоз «Октябрь» поехать не могу! — категорически заявил Умархон.
— Тогда сейчас же поедете с нами в МТС,— в голосе Урупова звучала угроза.
— И в МТС не поеду! — беспечно рассмеялся Умархон.
— Самовольничаете? Представителя власти унижаете перед людьми? — закричал Урупов.— Не зря говорят, что «красный язык губит зеленую голову». Поехали! — обернулся он к Акмалзода.
Оба, широко шагая, отправились к машине. Нусратходжа трусил за ними, пытался что-то говорить, успокаивал и долго стоял, глядя вслед отъезжавшей машине.
Умархон проводил взглядом машину и, когда она скрылась, вздохнул с облегчением:
— Ну, давайте работать!
Идрис молча потянул за собой лошадь. Диловар ухватился за рукоятки, сеялка с шумом заработала. Мирзо-Хол, бросив на плечо пустой мешок, пошел за семенами.

Нусратходжа злыми глазами смотрел на колхозников. Как он ненавидел их! Ненавидел за то, что они ничего и никого не боятся, любят землю, сеют хлопок. За то, что Советская власть дала им землю и право вот так свободно работать на ней. Как им не любить Советскую власть, если начинается она от любви к земле и крестьянскому труду? Она крепка и основательна, как земля, и уничтожить ее трудно, разве что перебив всех по одному, распоров им животы... Да, но как это непросто! Ведь какая сила нужна, чтобы противостоять Советской власти, народной власти! Приходится это признать. Разве посмел бы Умархон так разговаривать с Уруновым, если бы не чувствовал поддержку народа, свою силу! Хотя, впрочем, агроном недооценивает Урунова. Он совсем не так слаб, Урунов, и Умархону придется жестоко поплатиться за дерзость, за то, что он не дал Урунову затянуть сев хлопка. А как нужен был этот день! За сутки земля бы просохла, и сеять было бы уже нельзя. Половина бы семян не взошла, пришлось бы пересевать, а перед этим снова поливать землю, готовить ее к севу. Однако Умархон хорошо знает свое дело. Достаточно понюхать горсть земли, чтобы определить, можно сеять или нет. Восхищаюсь я тобой, выродок, думал Нусратходжа, и мужеством твоим восхищаюсь! Но берегись! Как бы тебе твое мужественное сердце не вспороли и соли туда не насыпали! Урунов пока что с вами играет как кот с мышами. Но придет его час — в одну ночь не станет ни тебя, ни Бурхона Доппёрова. А пока радуйтесь, гады! У вас сейчас еще есть время! Можете землю засевать, каналы копать, даже можете спорить с нами и насмехаться над нами! Пока ваше время не истекло! Мы подождем!.. Подождем! Кипя злобой, Нусратходжа шагал в кишлак — нужно было ладить с колхозниками, и он шел, чтобы прислать им обед.

Ноги сами несли его к дому Диловара.

Адолат в красном бархатном камзоле, в золотошвейной бухарской тюбетейке, рассыпав мелко заплетенные косы, сидела на солнышке около мазанки и колола своему братишке Закирджону миндаль. Малыш складывал в шапку зернышки и требовал еще и еще: он наотрез отказывался съесть хоть один орешек, пока не наберется полная шапка.

Нусратходжа появился как раз в тот момент, когда Адолат выходила из мазанки с новой порцией орехов, свесив косички, как ветки плакучей ивы. Молодая женщина не видела раиса. Изящным движением она поправила две запутавшиеся косички, подошла к Закирджону и снова с увлечением принялась колоть своему капризному братишке орехи. Больше ничто не занимало ее внимания.

Нусратходжа смотрел на Адолат, и сердце его так билось, что он не мог дышать.

Почти лишаясь рассудка, он сделал несколько неслышных шагов к Адолат и несмело произнес:

— Келин[1], а меня не угостите орешком?

Адолат, вздрогнув, подняла голову и увидела Нусратходжу. Ей захотелось убежать, но она сдержалась и спросила:

— Разве вы ребенок?

— Ох, келин! — воскликнул Нусратходжа.— Если бы я был вашим братишкой...

Закирджон, испугавшись, схватил шапку, орехи рассыпались, и мальчик громко, обиженно заплакал.

— Не плачь, маленький! Сейчас все соберем и положим опять в твою шапку! — Нусратходжа, нагнувшись, начал собирать орехи.

Адолат не знала, как себя вести. Ей очень хотелось сказать этому чужому мужчине, степняку, чтоб он шел своей дорогой, но... но она не осмеливалась.

Рассерженный Закирджон прижал к груди шапку и, не дожидаясь, пока дядя соберет ему с земли орехи, побежал к матери.

Адолат увидела, что осталась одна с Нусратходжой, и убежала.

Нусратходжа уже пришел в себя и ужаснулся: а вдруг его увидят? Увидят, как он ползает по земле у дома новобрачных? А вдруг вернется Диловар? Нужно немедленно уходить отсюда! Но он, словно его притягивал магнит, подошел к двери мазанки, кашлянул и сказал:

— Келин! Успокойтесь! Я ухожу!

Раис подождал, не выглянет ли Адолат, затем, приосанившись, пошел. А оглянуться ему очень хотелось.

«Не рассердилась ли она на меня,— думал Нусратходжа,— но я ведь ничего плохого не сделал. Конечно, нехорошо было подходить к ней. Все-таки молодая... Но ведь я ничем ее не обидел. Что ж теперь делать, раз я влюбился. Пусть и она поймет...»

Довольно усмехнувшись, он почесал свои усы. Все-таки он повидал Адолат. Остальное сделает время. Мирзо-Хол степного олененка приручил, неужели он не сможет приручить домашнюю лань? Сможет! Конечно, Диловара надо будет устранить. Но не сейчас. Пока Диловар ему нужен. Очень даже. Он не должен сомневаться в Нусратходже! Нужно завоевать его сердце.

Эх, тяжела жизнь! Вынужден дружить с соперником, врагу в любви объясняться. Всем услуживать, честь свою ронять. Но что делать — не зря говорят, что в жизни ни случится, все к лучшему. Невзгоды проходят, забываются, а хорошее память надолго задерживает, навсегда. Имя Адолат означает «справедливость»! Должна же она и ко мне быть снисходительной и справедливой. Скоро Диловар уедет за переселенцами. Да! Как только закончим сев, так и поедет. Отправлю его вместе с Идрисом. Пусть сердчишко Адолат немного пострадает в разлуке. Пусть красавица поймет, что я — повелитель ее мужа! Тогда и ко мне поласковее будет. А там постепенно приручу девочку...

Нусратходжа, предвкушая столь сладостную победу, подкрутил усы и вошел в контору, к Машрабову.

---

[1] Келин — дословно «пришедшая», невестка (*тюркск.*).

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Умархон и весь следующий день провел в колхозе «Труд» — руководил севом, обучал колхозников тонкостям этого дела. К вечеру засеяли почти половину подготовленных земель. Убедившись, что теперь колхозники сами, без него смогут завершить работу, агроном оставил Диловара наблюдателем и отправился в колхоз «Октябрь».

Накануне здесь произошли важные события. Урупов и Акмалзода провели собрание, на котором, обвинив в самовольстве и вредительстве председателя и двух бригадиров, освободили их от работы. Урупов сумел так организовать разбор дела, что запутал присутствующих, и те вынесли решение — отдать их под суд. Обвиняемые, видя, что дела плохи, скрылись в неизвестном направлении.

Новый, назначенный Уруповым председатель, угрюмый бородатый дехканин, встретил Умархона неприветливо.

— В этом году мы хлопок сеять не будем! — заявил он.

— Почему? — с улыбкой спросил агроном, приняв эти слова за шутку.

— Ты не смейся! — рассердился новоявленный раис.— Все беды от хлопка. Пока я раис, хлопок я сеять не буду!

— Ну, а что говорят колхозники? — поинтересовался агроном.

— Что им говорить? — ответил раис.— Если я объявлю, что мы будем сеять пшеницу и ячмень, они даже обрадуются, спасибо мне скажут. Потому что нет дела труднее, чем хлопок. Всю душу выматывает. Так что, пока я раис, хлопок колхоз сеять не будет!

Умархон подумал, что этот раис либо глубокий невежда, либо хитрый враг, прикидывающийся простаком.

— Значит, пока ты раис, в «Октябре» хлопка не будет? — задумчиво переспросил он.

— Да, не будет!

— В таком случае и ты раисом не будешь! — спокойно заявил Умархон, глядя прямо в глаза собеседнику.

Тот, не ожидавший такого оборота, вначале растерялся, потом, не долго думая, решил припугнуть агронома:

— Ты, парень, иди-ка своей дорогой и ко мне не цепляйся! А то я скажу кое-кому, и тебя камнями забьют!

— Не пугай, приятель! — твердо сказал агроном.— Камней я не боюсь. Пойдем-ка лучше земли смотреть. Если готовы, начнем сеять!

Бородатый не двинулся с места.

— А мы сеялки ночью в канал побросали... Иди вылови...

— Ничего, новые из МТС привезем.

— А я и семена уничтожил!

— И это не беда...

— Нет семян!

— Найдешь! — сказал Умархон насмешливо.— Иначе тебя арестуют.

— Кто арестует? — прикинулся простаком борода.

— Потом узнаешь,— засмеялся Умархон.— Ну, а если хочешь точнее — Советская власть...

— Урунов, что ли?

— Может, и Урунов...

Новоиспеченный раис недоверчиво смотрел на агронома — что-то, видимо, никак не укладывалось в его мозгу.

— Ну, пойдем, пойдем, не будем терять время,— Умархон направился в поле, и раис, как привязанный, поплелся за ним. Так они и шли на расстоянии нескольких шагов друг от друга, пока не спустились по берегу арыка к отведенному под семенной хлопок участку. Агроном присел на корточки, набрал горсть земли, помял, понюхал и обернулся к раису:

— Если завтра не начнете сев, поздно будет!

— Оглох ты, что ли! — разозлившись, закричал бородач.— Не будем мы хлопок сеять!

— Хватит шутить, раис! — твердо заявил Умархон.— Вернемся в кишлак и проведем собрание. Только на этот раз я сам объясню колхозникам, зачем надо сеять хлопок и почему ты не хочешь этого делать.

— Ну и проводи,— с издевкой сказал раис.— Только сам себя и унизишь. Кто будет доверять такой власти, которая что ни день, новое объявляет?

Умархон понял, что этот бородач не так прост. Он на все может пойти: и сеялки уничтожить, и семена. Вот результат деятельности господина Урунова! Настоящих специалистов по хлопку выжил, а этого раисом сделал!

Умархон проклинал себя за то, что вчера не поехал в «Октябрь». Он бы не допустил такого! И тех, отстраненных от работы дехкан, сумел бы защитить, удержать от побега... Что теперь делать? Время уходит! Запоздаешь с севом — земля пересохнет. Любым способом нужно завтра же начать сев! Где могут быть сеялки? Семена несколько дней назад были замочены в канаве — не сгнили ли? Надо посмотреть...

— Пошли,— сказал он раису.

— Еще куда? — ехидно спросил тот.

— Семена посмотрим...

— А где они? — раис пустым взглядом уставился на агронома.

— Ты не знаешь, где семена? — повысил голос Умархон, едва сдерживая гнев.

— Не знаю! — вызывающе ответил бородач.

— А кто их замачивал в канаве около большого арыка!

— В канаве так в канаве, откуда мне знать? — пожал плечами раис. В голосе его в этот момент не было ни удивления, ни насмешки, так что легко было поверить, что он и вправду не знал, где семена. Но Умархона теперь трудно было обмануть.

— Хорошо, пойдем, я тебе покажу.— Умархон взял себя в руки и пошел по краю арыка. Раис поплелся следом. Умархон был раздражен, скользил и спотыкался, но шел быстро и уверенно.

Добрались до канала, и Умархон чуть не заплакал от бессильного гнева — канава, в которой несколько дней назад были замочены семена, была засыпана землей.

Тихий, гадкий смех раздался за спиной.

Не помня себя от бешенства, Умархон резко повернулся и, схватив раиса за шиворот, влепил ему по круглой толстой физиономии. Тот отлетел и свалился в грязную канаву. Поднимаясь, раис поскользнулся и, нелепо взмахнув руками, провалился в жидкую грязь. Он тяжело дышал и что-то бормотал, но агроном гневно кричал:

— Что сделал с семенами? Отвечай, сволочь!

— Не знаю...

— Чего ты не знаешь?

— Про твои семена.

— Не мои, а колхозные!

— Мне все равно чьи...

— Говори, куда ты их дел? А то эта канава станет твоей могилой!

— Ты мне их не сдавал...— хрипел мужик.— С прошлого раиса и спрашивай!

И только тут Умархон все понял. Урупов имел факт для обвинения прошлого руководства во вредительстве: уничтожены посевные семена. Теперь он сможет и Умархона обвинить в оскорблении и избиении «законного» раиса!

С отвращением отвернувшись от ставленника Урупова, Умархон зашагал к кишлаку, чтобы там попытаться что-то выяснить.

— Стой, агроном! — вдруг завопил бородатый.— Теперь у меня к тебе разговор есть...

Умархон остановился.

— Сначала вытащи меня...

Умархон вернулся и брезгливо протянул ему руку. Тот с трудом выбрался. Он был в грязи с головы до ног. Умархон невольно рассмеялся.

— Рано смеешься, агроном! — сказал мужик, тяжело дыша.— Теперь ты у меня в руках. Не ублажишь — плохо тебе придется...

— Это почему же?

Бородач хмыкнул:

— Потому что ты мне помог. Теперь меня с должности не снимут, а ты с партийным билетом расстанешься!

— Ты так считаешь? — осторожно спросил Умархон: пусть выскажется до конца.

— Да, агроном! — Раис вытер рукавом лицо, длинно сплюнул.— Мы тоже кое-что знаем о ваших порядках. Какой ты партиец, если председателя колхоза избил! За это отвечать будешь, агроном! Твои же друзья и воздадут тебе за такое! Худо тебе придется! Может, ты пойдешь сообщить, что я семена уничтожил? А где доказательства? Тебе никто не поверит, потому что вчера прежнего раиса и бригадиров обвинили во вредительстве, судить хотели, а они сбежали. А раз сбежали, значит, виноваты. Ясно?

Значит, и семена они уничтожили, а не я! И сеялки они в канал бросили, а не я! Вот так, агроном! Не будем мы в этом году хлопок сеять!

Умархон махнул рукой и пошел в кишлак. Здорово его запутали — кругом виноват. А ведь еще вчера он был спокоен за этот колхоз. И потому еще возразил Урунову и не поехал с ним сюда. И директора МТС уверил, что в колхозе «Октябрь» дела идут неплохо. Что теперь скажет Игорь Степанович? Вот к чему привела самоуверенность. Утратил бдительность и получил. Враги действуют умело. Сейчас выигрыш в их пользу.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Около конторы колхоза «Октябрь» он увидел знакомую легковую автомашину и обрадовался: Фадеев! Как вовремя он появился!

Раис тоже увидел машину и побежал вперед. С ног до головы в грязи, с разбитой физиономией, он производил страшное впечатление.

В этот момент в дверях конторы возникли Урунов, Акмалзода и Фадеев.

— А, товарищ агроном наконец появился? — с иронией произнес Урунов.— Каким ветром вас сюда занесло?

— Весенним! — дерзко ответил Умархон.

— Товарищ агроном упорно мне грубит,— Урунов обернулся к Фадееву, выразительно глянув на Акмалзода: тому следовало обратить внимание на раиса, который остановился поодаль.

Фадеев молчал, с недоумением переводя взгляд с агронома на раиса.

— Что случилось? Кто вы такой? — с наигранным изумлением воскликнул Акмалзода.

— Эй, приятель! И я вас не узнаю! — наконец-то «заметил» раиса Урунов.— Уж не новый ли вы раис колхоза «Октябрь» товарищ Кодыров? Почему в таком виде?

— Да, джаноб! [1] — поклонился бородач.— Вчера меня председателем колхоза избрали, а сегодня едва не убили!

— Странно, странно! — с удивлением произнес Урунов.— Кошмар какой-то! Говорите, кто вас собирался убить? Что случилось?

— И сказать боюсь, джаноб! — топтался на месте мужик.— Думаю, что это друзья прежнего раиса. Возможно, они не хотели, чтобы я занял его место. Лучше я сейчас же откажусь от председательства. Ведь я тоже жить хочу! Пожалейте моих детей, джаноб! Освободите меня от председательства и оставьте в покое, джаноб! Не буду я раисом, джаноб! Боюсь!..

Урунов перебил его:

---

[1] Джаноб — почтительное обращение к вышестоящему по положению, господин.

— Оставьте эти разговоры. Кто эти люди бывшего раиса и за что они вас били?

— Сначала рассказывать, джапоб?

— Да, расскажите подробно! — кивнул Урупов.

Умархон, сжав кулаки, молчал.

— Я, джапоб, дома сидел, когда один человек позвал меня,— кротко начал бородач.

— Кто это был?

— Сейчас, джапоб, подождите. Потом назову!

— Хорошо, продолжайте!

— Тот человек, обманув меня, вывел из кишлака и подвел к грязной канаве. Потом без всяких разговоров врезал мне по уху и бросил в грязь. Потом потребовал, чтобы преступления бывшего раиса я взял на себя. Я, конечно, отказался, тогда он пригрозил меня убить. Во имя спасения жизни я пообещал ему, что на все согласен...

— Какие преступления? Говорите яснее! — нервно теребил пенсне Акмалзода.

— Например, он потребовал, чтобы я сознался, что уничтожил семена, подготовленные для посева, что бросил сеялки в канал и другое... Под страхом смерти я принял его условия, он вытащил меня из грязи и привел сюда, джапоб!

— Назовите имя этого негодяя, товарищ Кодыров! — потребовал Урупов.

— Я боюсь назвать имя! — бородач бросил взгляд на Умархона.— Вы его хорошо знаете: вот он сам перед вами стоит.

— Ты о ком говоришь? — с деланным удивлением спросил Урупов.— Об агрономе МТС товарище Джахонгирове?

— Да, джапоб! Он хотел убить меня! Я его очень боюсь!

— Что вы на это скажете, товарищ Фадеев? — Урупов повернулся к директору МТС.— Это же черт знает что такое! Агроном МТС, член партии! В моей голове не укладывается, что речь идет о товарище Джахонгирове.

— И в моей тоже! — спокойно ответил Игорь Степанович.

— А что скажет сам агроном? — спросил Акмалзода, сняв пенсне и нервно вытирая вспотевшее лицо.

— Товарищ Джахонгиров! — Урупов уставился на побагровевшего Умархона.— Вы слышали слова раиса колхоза?

— Слышал.— Странное спокойствие охватило Умархона.

— Что вы на это скажете? Не считаете нужным объясниться?

Умархон молчал.

— Молчание — знак согласия, говорят! — сказал Урупов.— Значит, вы признаете себя виновным?

— Да, виноват. В том виноват, что вытащил его из грязи!

— Но ведь вы его сами в грязь столкнули! Не так ли?

— Совершенно верно. Сам. И правильно сделал! А вот вытащил зря!

— Что, испугавшись за себя, вытащили? — поджал и без того тонкие губы Акмалзода.

— Это понимайте как хотите! Как вам совесть подсказывает! — Умархон понимал, что усугубляет обвинение неосторожными словами, но не мог остановиться.

Урунов и Акмалзода хладнокровно добивали его.

— О какой совести вы говорите? — с усмешкой спросил Урунов.— Законного председателя колхоза вы... извините, я не нахожу слов, чтобы обозначить ваше поведение...

— Все ясно! Какие еще слова искать! — вмешался Акмалзода.— Агроном и не скрывает, что намеренно выманил раиса из кишлака, завел в уединенное место и, столкнув в канаву, угрожая убийством, требовал, чтобы он принял его условия. И условия неприемлемые — заметьте! По-моему, здесь продуманное и очевидное преступление, и не одно. Совершенно необходимо, чтобы этим серьезно и немедленно занялись соответствующие органы.

— Товарищ Джахонгиров,— укоризненно покачал головой Урунов,— видите, к чему приводят ваши поступки! Вы так еще молоды! Мне жаль вас! Возможно, вы попались в ловушку врага, возможно...

— В ловушку врага я, думаю, еще не попал,— перебил его Умархон,— но, пожалуй, был излишне доверчив. Теперь все становится на свое место. И скрытые враги становятся для меня явными, джаноб Урунов!

— Прекрасно! — кивнул Урунов.— Мне, например, совершенно ясно, что с вами надо серьезно разобраться, агроном! Выяснить, кто вы и каковы ваши истинные намерения. Потому — говорите обдуманно!

Умархон усмехнулся — Урунов его отлично понял.

— А вы что молчите, товарищ Фадеев? — обратился Урунов к директору МТС.— Ведь Джахонгиров ваш подчиненный, хваленый агроном!

Фадеев, казалось, спокойно наблюдал разыгравшуюся перед ним сцену, и только побелевшие костяшки пальцев, зажавших кожаную фуражку, выдавали скрытое волнение. Он ответил:

— Я вижу здесь умело организованный саботаж. Требуется серьезная проверка. Только после проверки потери семян и сеялок можно поставить вопрос о поведении Джахонгирова. Здесь все очень запутано и, главное, взаимосвязано.

— То есть вы хотите защитить своего агронома? — холодно улыбнулся Урунов.

— Безусловно! — Фадеев, сощурившись, твердо смотрел в злые глаза Урунова.— Мы, большевики, как вам известно, всегда готовы защитить своих товарищей от нападок и клеветы врагов!

— То есть... вы... - растерявшийся Урунов не нашелся что сказать.— В каком смысле понимать ваш ответ?

— В самом прямом!

Воцарилась тяжелая тишина. Фадеев шагнул вперед и спросил бородача, пытающегося очистить себя от грязи:

— Ну, раис, готова земля колхоза к посеву хлопка?

Тот явно растерялся от неожиданного вопроса директора МТС.

— Да, джаноб! Нет, джаноб! Как же мы будем сеять хлопок, джаноб, семян нет! И сеялок нет, джаноб! Я не буду раисом!

Фадеев поморщился:

— У нас принято обращение «товарищ». Какой я вам «джаноб»? Нехорошо, товарищ Кодыров! Так, насколько я понял, вы категорически отказываетесь от председательства?

— Так, джаноб, извините, товарищ директор. Я боюсь!

— Кого и чего?

— Врагов...

— Ну что ж,— Фадеев повернулся к Урунову: — Я предлагаю удовлетворить желание этого раиса и созвать общее собрание.

Урунов и Акмалзода переглянулись. Представитель Наркомзема, откашлявшись и поправив пенсне, солидно сказал:

— В этом колхозе вчера уже было собрание. Раиса выбрали. Теперь сегодня собрание? И завтра, возможно, тоже? Что ж, каждый день заседать? А работать когда? Хлопок сеять когда будем?

— Совершенно с вами согласен,— торопливо вступил Урунов.— Ничего хорошего не получится, если мы каждый день будем выбирать нового раиса.

— Что же делать? — спросил Фадеев.— Раис просит отставки! С кем нам работать?

— А мы не примем отставку раиса,— обрадовался повороту в разговоре Урунов.— Пусть работает.

— Нет! Я боюсь, джаноб! — закапючил бородач.— Сначала избавьте меня от врагов, джаноб. Иначе я работать не могу.

— Не беспокойтесь, врагов мы найдем! — Фадеев глядел прямо в глаза раиса.— Найдем и под суд отдадим! Будьте уверены!

Бородач опустил голову, пряча глаза. Он начал сомневаться в силе Урунова. Этот «урус» держался слишком, на его взгляд, независимо и уверенно и ничуть не боялся Урунова. Слово «суд» страшило его. Он подумал, а не уйти ли ночью за границу, но тут же вспомнил, что и там неспокойно. Поразмыслив, он решил согласиться быть раисом. «До прихода топора и пень спокоен», — говорится в старой пословице. Пока «урус» разберется, как да что, в суд подаст, времени много утечет, и всякое может случиться — Урунов не любит, когда ему перечат. Это-то бородач хорошо знал...

— Ну, что вы так долго думаете? — прервал его размышления Фадеев.— Будете председательствовать или отказываетесь?

— Мне очень трудно, джаноб! — стал мяться бородач.— Если вам угодно, чтобы я был раисом... Разве можно ослушаться, когда власть приказывает?

— Раиса не власть назначает,— пояснил Фадеев.— Его выбирают на общем собрании колхоза.

— Да, да, джаноб! — закивал головой бородач.— Меня собрание избрало, джаноб! Я законный раис, джаноб!

— Очень хорошо! — усмехнулся Фадеев.— Раз вы законный раис, то, посоветовавшись с агрономом, начинайте сеять. Время уходит. Весна нынче теплая, земля высыхает...

— Да, джапоб! Сеять будем, джапоб! Только пришлите нам другого агронома, джапоб!

— Товарищ Джахонгиров — очень хороший агроном. Других у нас нет. Извольте работать с ним,— жестко сказал Фадеев.

— Джапоб! Но ведь он друг сбежавшего раиса! Он ненавидит меня! Я боюсь его! Он меня убить хотел, джапоб! — ныл раис.

— Не убьет, не беспокойтесь.

— Но получается, что вы мышь и кошку в один кувшин сажаете, джапоб? — Раис повернулся к Урупову и Акмалзода, вопросительно глядя на них: — Вы представляете власть! Скажите, пожалуйста, разве можно волка и овцу в одном стаде держать?

— Товарищ Кодыров! — рассердился Урупов.— Исполняйте свои обязанности. С агрономом мы без вас разберемся!

— Ладно, джапоб! — поклонился Урупову раис.— Вам виднее.

— Завтра приезжайте в МТС. Я дам вам новые сеялки,— сказал Фадеев.— А с семенами они решат,— он кивнул на Урупова и Акмалзода.

— Завтра, когда будете в Кургане, сначала зайдите ко мне,— предупредил Урупов.

— Конечно, джапоб, конечно! — снова поклонился Кодыров.

Считая инцидент исчерпанным, Урупов и Акмалзода стали прощаться с раисом.

— Как же можно, и чаю не выпили — опомнился бородач: он явно надеялся получить от них новые инструкции.

— В другой раз! — Урупов направился к машине, за ним немедленно последовал Акмалзода.

— Ну, пошли и мы,— сказал Фадеев агроному, улыбнувшись ему одними глазами.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Керосиновая лампа замигала и погасла. Фитиль чадил, распространяя по кабинету удушливый запах.

— Тетя Шура, лампа моя погасла! — сказал Бурхон Донииёров секретарше, появившись с лампой на пороге кабинета.

— Керосин, верно, кончился! — Тетя Шура взяла лампу.— Сейчас налью, а вы пока мою возьмите.

Она выходила, когда зазвонил телефон. Донииёров поднял трубку:

— Я... Да, пожалуйста!

Директор МТС просил срочно принять его. Донииёров положил трубку и подумал, с чего это вдруг Фадеев так официален. Ведь ему отлично известно, что секретарь райкома до полуночи сидит в кабинете и всегда готов принять его и любого другого. Неужели наступит время, когда к секретарю райкома даже руководители не смогут прийти без предупреждения, без предварительного разрешения, не говоря уже о рабочем и колхознике? Если такое случится, секретарь превратится в подобие эмирского чиновника! Нет, такое нельзя допустить. Ленин всегда свободно принимал

рабочих, крестьян, представителей интеллигенции, беседовал с ними на любые темы. Он и сам нередко приходил к рабочим на заводы и фабрики, старался быть ближе к народу, знать думы и чаяния трудящихся... Надо помнить об этом великом примере большевистского руководства.

Погруженный в размышления, Дониёров уселся на стул тети Шуры, достал из кармана блокнот и записал: «Дополнение к апрельскому плану. Особо обсудить на бюро райкома вопрос о приеме трудящихся в советских и партийных учреждениях». За этим занятием и застали секретаря райкома неожиданные посетители — Урупов и Акмалзода. Урупов вместо приветствия пошутил:

— Вы сократили секретаршу?

— Тетя Шура вышла,— засмеялся Дониёров.— Пройдемте ко мне, прошу вас.

Урупов и Акмалзода, войдя в полутемный кабинет, уселись друг против друга.

— В колхозах были? — спросил секретарь райкома.

— Только что вернулись из «Октября»,— Урупов нахмурил брови и сделал огорченное лицо.

— Ну, и как там дела? Сев начали?

— Нет! — сказал Урупов и значительно помолчал, всем видом своим показывая, что разговор предстоит неприятный.— Они еще не могут приступить к севу. Положение там очень серьезное, товарищ Дониёров! Происходят нехорошие, даже трагические события! — Урупов опять замолчал.

— Ну, рассказывайте, что там случилось?

Урупов метнул на Дониёрова гневный взгляд:

— Вы, товарищ секретарь райкома, на бюро меня обвиняете в том, что я не беспокоюсь о переселенцах, и потому они бегут из колхозов. Вы и не предполагаете, что переселенцы бегут именно из-за вашего невнимания. Известно ли вам, что ваши люди бьют и пугают колхозников, клевещут на них и даже пытаются убивать! Разве в таких условиях переселенцы останутся? Конечно, будут убегать, спасаться от самосуда горе-руководителей! А вы на бюро райкома возводите вину на меня, обманывая тем самым партию, вышестоящие организации, и пытаетесь таким путем прикрыть преступления ваших людей! — Урупов остановился и выжидательно посмотрел в лицо Дониёрова, стараясь понять, какое впечатление произвели на него его слова.

Лицо Дониёрова было бесстрастным, он терпеливо и спокойно ждал, что скажет Урупов дальше. Секретарь догадывался, что Урупов хорошо подготовился к разговору, наверняка подобрал факты для обвинения, и, кто знает, может, у него и есть для этого серьезные основания.

— Товарищ Урупов,— Дониёров сел поудобнее,— если не трудно, объяснитесь понятнее. И конкретнее, пожалуйста. Что сделал мой человек? И кто он?

Урупов многозначительно взглянул на Акмалзода и, повернувшись к Дониёрову, спросил:

— Скажите, пожалуйста, агроном Джахонгиров приходится вам родственником?

Донниёров пожал плечами:

— Агроном Джахонгиров прибыл сюда по путевке комсомола и по счастливой случайности оказался моим земляком. Только и всего. А чем вам не угодил Джахонгиров?

— Отпираетесь, товарищ Донниёров! — усмехнулся Урунов.— Нехорошо! Родственников надо в беде защищать, потому что они родственники. Разве можно отделять кожу от костей!

— Пусть будет по-вашему! Считайте, что Джахонгиров мой родственник. Это делает мне честь, я люблю этого парня...

— Понятно! — усмехнулся Урунов.— Так вот, этот ваш землячок, которого вы любите, которым вы гордитесь, показал себя в колхозе «Октябрь» далеко не с лучшей стороны. Выслушайте, пожалуйста, живого свидетеля, представителя Наркомзема товарища Акмалзода.

Акмалзода откашлялся и начал.

— Бурхон Донниёрович! — обратился он и по привычке ткнул пальцами в дужку пенсне.— Я человек незаинтересованный! Поэтому расскажу все, как есть! Когда мы трое — я, товарищ Урунов и директор МТС — пришли в контору колхоза «Октябрь», там никого не было...— Акмалзода остановился, взглянул на Урунова. Тот напряженно смотрел на него. Акмалзода поежился.— Потом вышли на улицу... И знаете, что мы увидели? Это было ужасно!.. Впереди шел агроном Джахонгиров, а за ним этот несчастный раис. Как его фамилия? — обратился он к Урунову.

— Кодыров! — зло ответил Урунов.

— Да, да! Кодыров! Несчастный Кодыров! С ног до головы он был вывалян в грязи!..

Акмалзода вошел в раж, с артистическим волнением изображал он врага колхозного строя, агронома Джахонгирова, от одного вида которого переселенцы разбегаются в ужасе. Получалось, что если агронома немедленно не арестовать, то последствия будут кровавыми, а отвечать за них придется Донниёрову.

Появление в кабинете тети Шуры на несколько минут прервало гневный рассказ Акмалзода. Воспользовавшись паузой, он вытер лоб и исподтишка глянул на Урунова — доволен ли тот им.

— Заправила лампу,— тетя Шура не торопясь поставила ее на стол, покрутила фитиль, чтобы прибавить света, и забрала свою лампу.

— Нельзя ли организовать чай? — спросил Донниёров.

— Сейчас принесу, но, боюсь, он остыл.

— Ничего! Принесите, какой есть.

Тетя Шура вернулась с чайником и пиалами. Но Донниёров не стал предлагать его посетителям, налил себе и жадно выпил холодного зеленого чая. Он утолил жажду, чай успокоил его и вроде прибавил сил.

— Там Фадеев с Джахонгировым,— сообщила секретарша.

— Пусть войдут! — приказал Донниёров.

Акмалзода вздрогнул, услышав о приходе Фадеева. Урунов поднял руку, хотел что-то сказать секретарше, но не решился.

В кабинет вошли Фадеев, за ним Джахонгиров. Они молча пожали секретарю руку и, будто больше никого в кабинете не было, сели у стены.

На миг воцарилась тяжелая тишина.

— Продолжайте, товарищ Акмалзода,— сказал Донпёров.

— Мне больше нечего сказать,— ответил Акмалзода и, отвернувшись от секретаря райкома, нервно снял пенсне.

— А вам товарищ Урунов?

Урунов немного помолчал, потом, указав на Фадеева и Умархона, потребовал:

— Теперь пусть говорят они. Товарищ Джахонгиров, расскажите, за что вы били председателя колхоза?

В тоне Урунова звучали плохо скрытая насмешка и пренебрежение, и Умархон сразу вспыхнул:

— Потому что он вредитель!

— Вах, вах! — усмехнулся Урунов.— Нехорошо, товарищ агроном. Если он вредитель, вы должны были это доказать, сообщить нам, не так ли? Ведь вы член партии и знаете, что самоуправство запрещено. Я, конечно, понимаю ваше положение. Вам пришлось нелегко. Кодыров — человек упрямый, не хотел принять ваши условия... Не так ли?

— Допустим, что так!

— Тогда...— Урунов повернулся к секретарю райкома и развел руками: — По-моему, разъяснять тут нечего.

В горле Донпёрова снова пересохло. Он пожалел, что вернул чайник тете Шуре.

— Если разрешите, я скажу несколько слов,— обратился Фадеев к Донпёрову.

Секретарь кивнул. Фадеев повернулся к Урунову:

— Товарищ Урунов, видя ваши поступки, я удивляюсь...

— Товарищ Фадеев, речь не обо мне! — перебил его Урунов. — Мы говорим о поведении вашего хваленого агронома!

Акмалзода поддакнул.

— И об агрономе поговорим,— оборвал Урунова Фадеев.— Слов нет, Умархон поступил неправильно. Бить Кодырова он не имел права. Должен был сдержаться. Об этом мы поговорим на своем партийном собрании. Но сейчас, в райкоме, я хочу заявить о ваших неблаговидных поступках...

— Вот тебе и раз! — засмеялся Урунов.— При чем здесь я?

— Сейчас не будем выяснять, кто совершил преступление...

— Почему? — спросил Урунов.

— Потому что еще неизвестно, кто преступник,— нахмурился Фадеев.— Я удивлен, что вы, выслушав только Кодырова, не разобравшись в обстановке, тут же объявили Умархона преступником!

— Разве вы не видели, в каком состоянии был Кодыров? — повысил голос Урунов.— И не слышали, что говорил там Джахонгиров? Это вы удивляете меня безответственными заявлениями.

— Нет, товарищ Урупов! Я очень сомневаюсь в правдивости Кодырова и поэтому в виновности Джахонгирова. По-моему, вам, как председателю исполкома, прежде чем объявить Джахонгирова преступником, необходимо было все серьезно проверить! Только особые органы правомочны квалифицировать преступление, а в ваших устах это звучит клеветой...

— Товарищ Фадеев, было бы лучше, если бы вы не учили меня, а наладили работу МТС!

Доппёров постучал карандашом:

— Товарищи, не забывайтесь!

Покрасневший Урупов привстал с места:

— Я требую, чтобы дело агронома передали в суд!

— Точно! Передать в суд! — подтвердил Акмалзода.— А то все председатели колхоза начнут отказываться от должности, положение очень сложное...

Секретарь райкома усмехнулся:

— Вот как! Существует уже «дело Джахонгирова»? И председатели колхозов грозятся бросить колхозы? Или это вы, товарищ Акмалзода, грозите нам? А что вы думаете по этому поводу, товарищ Фадеев?

Акмалзода втянул голову в плечи. Фадеев гневно ответил, сопровождая каждое слово резким взмахом руки:

— Я категорически против требований этих двух товарищей. Мы должны серьезно разобраться в действительном вредительстве в колхозе «Октябрь» и найти тех, кто им занимается. Чтобы народ знал, что Советская власть не прощает таких вещей! Это дело очень важно и с политической точки зрения, товарищи!.. Джахонгиров — прекрасный работник и коммунист, я ему верю! Безусловно, он виноват, сорвался, его проступок мы обсудим и — я уверен — осудим на своем партийном собрании, но в том, что Джахонгиров честный человек,— я убежден. И убежден в том, что его умело опутали, прикрыв им это вредительство.

Фадеев замолчал, устало облокотился на спинку стула.

В кабинете стало тихо. Все смотрели на Доппёрова. Умархон волновался. Неужели секретарь райкома поддержит Урупова? Ведь этого раиса расстрелять нужно. Умархон всем сердцем чувствовал, что раис подлый и коварный враг! Но как доказать это? Факты имеются, но ответственность за них возлагается на сбежавших.

Наконец Доппёров сказал:

— Если Джахонгиров действительно преступник, мы отдадим его под суд! Но прежде следует разобраться.

— Вот следователь пусть и разбирается,— вылез Урупов.

— Нет! — возразил Доппёров.— Весь ход проверки мы — райком и исполком — возьмем под контроль. Джахонгиров — коммунист, кроме того, он один из немногих хороших специалистов. Мы не можем безразлично отнестись к его судьбе.

— Короче, вы, используя свое положение, берете под защиту своего земляка? — насмешливо спросил Урупов.

— Подумайте о последствиях такого решения, Бурхон Доппёрович! — наставительно произнес Акмалзода.

У Доппёрова снова пересохло в горле и заныла раненая нога. Он опустил голову, помолчал и как бы между прочим заметил, мельком глянув на Акмалзода:

— Полагаю, что каждый из нас должен думать о последствиях своих высказываний.

Акмалзода нервно поправил пенсне, заерзал на стуле, но промолчал.

— Товарищи,— спокойно продолжал Доппёров,— поскольку вопрос поставлен остро, обсудим его на бюро райкома завтра же.

Урупов, быстро взвесив «за» и «против», решил принять предложение. Среди членов бюро у него есть свои люди, они скажут, что потребуется, и это станет уроком секретарю райкома. Он поймет наконец, в чьих руках власть в районе. Заодно и с Джахонгировым будет покончено.

— Хорошо, обсудим на бюро! — Урупов направился к двери. Вслед за ним тенью двинулся Акмалзода.

Доппёров, облегченно вздохнув, позвал тетю Шуру и попросил принести еще холодного чаю. Тетя Шура принесла чайник и, налив пиалу, рассмеялась:

— Извините, я хотела принести вам чаю, да решила не мешать беседе...

— Наоборот! — засмеялся Доппёров.— Унесенный вами чайник очень ей помешал...

— Шурочка, а нам? — жалобно попросил Фадеев.

— Сейчас заварю,— тетя Шура протянула пиалу Фадееву.

— Спасибо, мне и этого хватит, в горле пересохло,— Фадеев залпом выпил чай и вернул пиалу.

Тетя Шура налила Умархону и вышла из кабинета.

Доппёров немного помолчал, потом, будто ничего не случилось, обратился к Фадееву:

— Сколько колхозов вы сегодня посетили?

— Три. В «Труде», если постараются, завтра с севом закончат...

— И на новых землях?

— Нусратходжа объявил, что на новых землях будут сеять ячмень и кукурузу, но пока еще ничего не делали, говорит, людей не хватает...

Доппёров задумался, потом сказал:

— На бюро обсудим ход сева, как директор МТС вы будете делать сообщение...

— Хорошо,— кивнул Фадеев.— Я завтра проверю еще несколько колхозов и доложу на бюро...

— В «Октябрь» поедете?

— Обязательно. Положение там тяжелое. Утром приедет ко мне новый раис, я обещал ему две новые сеялки...

— А если и эти сеялки он в канал выбросит? — спросил Умархон.

Фадеев растерянно обернулся к Умархону.

— Не исключено,— сказал агроном.— Новый раис заявил мне, что в этом году он хлопок сеять не хочет и потому нарочно уничтожил семена и выбросил сеялки. Он хитер и упрям, и, пока стоит у руля, в колхозе хлопок не вырастет.

— А раис говорит, что, пока не заменят агронома, он работать не будет...— улыбнулся Фадеев.

— А что говорят колхозники? — поинтересовался Доппёров.

— До разговора с колхозниками дело не дошло. Раис просил освободить его. Я предложил удовлетворить его просьбу и собрать общее собрание, но Урунов с Акмалзода воспротивились, стали говорить, что нельзя ежедневно проводить собрания и что, мол, раиса надо заставить работать. На первый взгляд все верно, но что-то здесь не чисто. Похоже на спектакль...

Фадеев замолчал.

— Я завтра поеду с вами в «Октябрь»...— сказал секретарь райкома.

Фадеев и Умархон, почувствовав, что разговор окончен, встали. Доппёров, проводив их до двери, прибавил огня в лампе. Он стал приводить в порядок бумаги на столе, когда появилась тетя Шура с пачкой новых писем. Одно из них было из Сталинабада — решение ЦК о народном образовании и ликвидации неграмотности, а три других — опять анонимные, подобные тем, что лежали в сейфе. Доппёров отложил их в сторону и задумался: «Товарищ Урунов!», «Господин Урунов»... Два человека в одной шкуре... Два лица в одном образе... Да... Борьба продолжается и становится все острее.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Заседание бюро райкома закончилось ровно в полночь. Умархон первым выскочил из прокуренного кабинета. С удовольствием вдыхая прохладный ночной воздух, он нырнул в темноту. Ему не хотелось никого видеть, ни с кем разговаривать. В ушах звучало одно слово: «Выговор!»

Накрапывал дождь, но Умархон шел не разбирая дороги, прямо по лужам. Он пытался убежать от голоса, который жестко произнес: «Вам объявляется выговор». Но голос не отставал, преследовал, вошел с ним в дом. Если бы дома ждали родные, Умархону стало бы легче, но жена с детьми спокойно спала сейчас в доме Джамолбека. Умархон обессиленно опустился на табурет, уронив лицо в ладони, и вдруг подумал: хорошо, что один, пусть семья не видит его униженным, не знает о его позоре.

Болела голова. Хотелось пить. Он зажег лампу, напился и вспомнил, что с утра ничего не ел. В хлебнице он нашел две сухие лепешки. Разломил, положив в касу [1], залил водой и, немного подождав, начал есть.

---

[1] Каса, кесе — большая пиала, чашка под первые блюда: шурпу и прочее.

Расправившись с разбухшими в воде лепешками, Умархон, не раздеваясь, только сбросив сапоги, повалился на кровать. Но уснуть не мог. «Какой же я недальновидный человек,— думал Умархон, вновь переживая случившееся.— Своим поступком я помог только врагам. И как получилось, что я попался на такую явную провокацию и ввязался в драку? — Умархон даже застонал от стыда.— Ничего не доказал! Кодыров остался раисом. Урунов произнес пламенную речь, закончив ее словами: «Люди, будем хлопок сеять! Советской власти нужен хлопок! Уничтожим вредителей!..» Мне объявили выговор. Вот и все. Хорошо одно: Кодыров, видимо, получил от Урунова новые инструкции и согласился сеять хлопок. Да, мы много говорим о классовой бдительности, но ведем себя так, словно врагов и в помине нет. Почему? Мы думаем, что революция победила, Советская власть окрепла, басмачей уничтожили. Теперь все! Теперь, на десятом году Советской власти, враги сами откажутся от борьбы, больше не посмеют... Но жизнь показывает, что мы ошибаемся!.. Сколько еще запуганных, колеблющихся, не знающих, к кому примкнуть...»

Умархон вспомнил Мирзо-Хола. Нусратходжа его сильно запугал... Пока есть нусратходжи и уруновы, трудно будет бедным дехканам в Вахшской долине. Ведь эти господа действуют от имени Советской власти, и каждого, кто выступит против них, они называют врагом Советской власти! Неужели Дониёров не знает этого? Знает, конечно, вернее догадывается, но он, подобно Умархону, не полезет в драку, если не будет уверен в победе. Прав, тысячу раз прав Бурхон: если действовать, то действовать обдуманно! Ведь у Урунова повсюду «свои люди». Связи у него большие! Непонятно только, почему он застрял именно в Вахшской долине? Мог бы и повыше место занять, в Сталинабаде, например. Или там ему почему-то не «климат»? Близость границы — вот что имеет значение! Кто-то ведь переводит через границу людей Ибрагимбека и Фузайла Махсума. Кто-то постоянно держит с ними связь. Кто-то снабжает их свежими силами, конями и продовольствием. Все это, без сомнения, не обходится без Урунова и его друзей. Кто знает, чем они, например, сейчас заняты этой ночью?

Умархон подумал об этом и похолодел: ведь его семья в кишлаке, в доме, на который «точит зуб» Аброр! Кто такой Аброр? Разбойник, прислужник Нусратходжи и Урунова. Совершил преступление, украл колхозную лошадь и скрылся безнаказанно. Почему? Да потому, что его никто не искал. Не исключено, что он может в любую минуту вернуться, и не один, а с молодцами Неламбека. Не напрасно Джамолбек и Хайригуль волнуются. Хорошо еще, что Адолат и Диловар поженились, теперь у Адолат одним защитником больше. Но и за Диловара боязно. Нусратходжа, как паук, плетет вокруг него сети, Умархону его намерения ясны с первого дня. Нусратходжа, пожалуй, это понимает, но продолжает делать свое дело. Диловар должен быть очень осторожен. Умархон вспомнил: Нусратходжа послал Диловара в горы за переселенцами. Почему именно Диловара? Странно! Парень ни ме-

стных условий, ни характеров и обычаев горских не знает. И молод — где ему хаитских тугодумов на новую жизнь повернуть! Почему Нусратходжа не поехал, остался? Просто не хочет утруждать себя? Или у него свои планы?

От раздумий голова Умархона гудела. Он приподнялся и прикрутил фитилек лампы, стало совсем темно. Он крепко закрыл глаза и постарался прогнать тревожные мысли. Но сон не приходил. Умархон долго еще ворочался, перебирая в памяти события последних дней...

Проснулся Умархон от стука.

За воротами верхом на лошадях гарцевали Диловар с Идрисом. Увидев их, агроном встревожился:

— Что случилось?

Гости привязали коней под навесом, умылись, вошли в дом.

— Все в порядке, ака, не беспокойтесь,— сказал Диловар, здороваясь с Умархоном.

— Какой порядок? Люди говорят, что Умархон жену с детьми на Джамолбека бросил, а сам удрал! — сообщил Идрис, пряча веселые глаза.

— Понятно...— горько усмехнулся Умархон.— Вы, значит, выехали меня искать?

— А то зачем же? — Идрис по-прежнему смотрел в сторону.— Кумрихон надоела, что ли, почему забыли о ней?

Шутки Идриса имели под собой почву. В кишлаке действительно разнесся слух, будто агроном арестован как вредитель... Кумрихон рыдала. Джамолбек, Диловар, Идрис и другие забеспокоились и снарядили в райцентр гонцов. Поэтому Идрис, увидев Умархона, обрадовался и сразу начал шутить.

Усадив друзей, Умархон жадно принялся расспрашивать о семье, о Джамолбеке, колхозных делах. О себе он молчал, стесняясь рассказать, что с ним приключилось.

— Ну, а с вами что же произошло? Где вы столько дней пропадали? — не выдержал наконец Идрис.

— Извините, я сейчас чай поставлю...— поднялся Умархон.

— Не затрудняйтесь, мы уже позавтракали,— остановил его Диловар.

— А я еще не завтракал. Разоспался,— смущенно признался Умархон и извинился, что и постель не прибрана.

— Ничего,— сказал Идрис,— позавтракаете не торопясь, без нас — мы торопимся, в Хаит едем...

— За переселенцами. По пути к вам заехали,— кивнул Диловар.— Попроведать и попрощаться...

— Очень хорошо сделали. Я и сам сегодня в кишлак собирался...— улыбнулся Умархон.

Он взял большой чайник и, сбегав в чайхану хлопкозавода, быстро вернулся со свежими лепешками и чаем.

— Прямо из печи вытащили? — спросил Идрис, перебрасывая с ладони на ладонь горячие лепешки.— Доля путешественника, говорят, по дороге рассыпана. Вот и наша доля поспела!..

Гости разломили аппетитные лепешки и с удовольствием приняли из рук Умархона пиалы с чаем. Агроном немного воспрянул духом, настроение у него поднялось. Вместе с гостями он смеялся, шутил, будто и не было всех этих неприятностей. И, только вспомнив Урупова, Умархон помрачнел: он был убежден, что Урупов — враг номер один, но ведь это нужно еще доказать...

— А вчера к нам начальство приезжало,— рассказывал Идрис, не замечая перемены в настроении Умархона.— Акмалзода и Урупов... Нусратходжа и нас с Диловаром пригласил, говорит, что райисполком на Диловара большие виды имеет...— Идрис остановился и взглянул на Диловара.

Диловар всегда, если начинали говорить о нем, краснел. И сейчас он почувствовал себя так, будто в чем-то провинился перед Умархоном, на лбу у него выступил пот...

Умархон слушал слова Идриса с особым интересом:

— А что они еще сказали?

— Что они скажут! — воскликнул Идрис.— Начальство хочет нас словами накормить, а еду себе оставить. Сами не желают в трудную дорогу пускаться, вот и послали нас, обласкав хорошим словом.

— На сколько дней вы едете? — поинтересовался Умархон.

— Нусратходжа неделю дал, а вот Идрис-ака считает — не уложимся, не меньше десяти дней нужно,— пояснил Диловар.

— Как можно в неделю? — всплеснул руками Идрис.— Три дня туда, три обратно. Три-четыре дня людей собирать. Это Нусратходжа думает, что там все готовы к переселению и нам их только построить надо и отправить в дорогу...

— Да-а...— протянул Умархон.— Задача у вас трудная. Разумного человека одним разговором с места не стронешь. Каждый, прежде чем уехать, сто раз подумает, примерит, взвесит...

— Вот видите, вы правильно рассуждаете, а Нусратходжа этого не понимает,— пожаловался Идрис.

— Нам руководители Хаитского района должны помочь,— вмешался Диловар.— Товарищ Акмалзода на имя председателя райисполкома письмо дал. Вот,— Диловар вынул из-за пазухи пакет, показал его всем и снова спрятал.

«Неужели и в аппе у Урупова есть «свои люди»?» — встревожился Умархон, но постарался, чтобы ни Идрис, ни Диловар не догадались о его сомнениях: зачем тревожить людей, да еще перед такой дальней и опасной дорогой.

— Пора ехать. Спасибо хозяину,— поблагодарил Диловар, поднимаясь.

— В самом деле — пора! — поддержал его Идрис.

Умархон не стал их удерживать. Он вышел вместе с ними за ворота, по очереди обнял их и пожелал доброго пути.

Долго он смотрел вслед всадникам, и тревожные предчувствия все сильнее охватывали его.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Давай-ка, додар, здесь передохнем,— у родника.

— А долго еще добираться-то?

— Даст аллах, к вечеру приедем в Сельгузар [1]... А все же отдохнуть надо.

— Ну и названия у этих горных кишлаков,— удивился Диловар,— Макушка селя, Белая Вода, Голубиное Гнездо, Перепелиный Ход...

— Упрямый народ в Сельгузаре,— сказал Идрис.— Каждой весной сель сносит почти половину кишлака, но люди уходить не хотят, снова строят дома...

— Если этих упрямцев сель с места не сдвинет, то как же мы уговорим их переселиться? — засомневался Диловар.

— Посмотрим, додар... Нусратходжа велел заехать сюда обязательно,— сказал Идрис, слезая с лошади.

На склоне зеленой горы бил родничок. Какой-то добрый человек расчистил ему выход, и родничок весело бурлил, накапливая чистую воду.

Диловар с Идрисом напоили коней и, спутав им передние ноги, пустили пастись, а сами сели в холодке перекусить.

— Проголодался? — Идрис участливо посмотрел на Диловара.

— Еще как! У нас осталось что-нибудь мясное?

— Мясо еще утром кончилось. И я бы не отказался... Дикую свинью подай — и то съел бы,— пошутил Идрис, доставая изюм и пышки.

— Жена брата стряпала! — сказал со смехом Диловар, откусывая пышку.— Сами во рту тают, жевать не надо...

— Моя жена знает, что нужно путнику! — с гордостью произнес Идрис.

— Жена моего брата только о том и заботилась, чтобы вам в далеком пути голодно не было...

— А как же? — засмеялся Идрис.— Где она еще найдет такого мужа?

— Но и вам не найти такую, как Шакаргуль! — слегка поддел товарища Диловар.

---

[1] Сельгузар — буквально «Макушка селя».

— Верно, додар! — признался Идрис.— Такой, как Шакаргуль, больше нет!

Диловар тут же подумал о своей жене: «И такой, как моя Адолат, тоже не сыщешь!»

Запивая пышки, замешенные на молоке и сливках, родниковой водой, друзья с удовольствием съели их и, насытившись, растянулись на траве.

— Как прекрасны горы! — не удержался Диловар, вглядываясь в снежные вершины. Он впервые видел их так близко.— Честно говоря, если бы я родился в этих горах, ни за что не ушел бы отсюда, да еще в горячую, полную мух долину...

— Сейчас в горах лучшая пора,— задумчиво сказал Идрис.— Зелень и цветы. Не насмотришься... Но зимой, когда у тебя кончаются запасы, жить здесь ох как тяжело, додар!.. Ты думаешь, почему люди за Сельгузар держатся? Да потому, что у них здесь хоть немного плодородной земли есть. А повыше — сплошные камни, там землю мешками на скалы носят, чтобы хоть что-то выросло. Зерно горстями сеют...

— Коли так, нужно всех переселить в Вахшскую долину! — загорячился Диловар.

— Всех невозможно...

— Почему?

— В Вахшской долине места не останется,— отшутился Идрис.

— Тогда хоть Сельгузар переселим!

— Там видно будет! — Идрис посерьезнел.— Если окажемся сильнее эшона[1] Кори Зиёдулло...

— А какое дело эшону до переселенцев? Что, они без него переселиться не могут?

— Не могут, додар,— Идрис повернулся к Диловару.— Люди кишлаков Сельгузар, Верхнее Село, Святыня Мулло и Благодарный считаются мюридами[2] эшона Кори Зиёдулло. Если он запретит переселение, ни один человек с места не тронется, потому что люди его боятся...

— Но ведь руководство района поможет нам,— сказал Диловар.— Акмалзода дал нам письмо на имя председателя райисполкома.

Идрис усмехнулся: наивный человек Диловар.

— Нет, додар, тут ни письмо Акмалзода, ни руководители района не помогут.

— Как же тогда быть? — взгляд Диловара стал тревожным. Но он еще пытался шутить: — Может, попробовать сначала уговорить переселиться самого эшона? Если он согласится, все его послушники последуют за ним.

Но Идрис не принял шутки. Он всерьез подумывал о том, что-

---

[1] Эшон (ишан) — первоначально: глава суфийской общины, здесь — духовное лицо высокого ранга.

[2] Мюрид — солдат, подчиненный, ученик, послушник.

бы уговорить эшона переселиться в Вахшскую долину. Обдумывая предстоящий разговор с эшоном, Идрис сказал:

— Перво-наперво надо заглянуть к эшону. Посмотрим, как он нас примет...

— А вы тоже были его мюридом? — со смехом спросил Диловар.

— Конечно, додар.— Идрис встал и, отряхивая полы халата, добавил: — Правда, мюридом я был плохим. Из тех, кого он пристрелил бы, дай ему волю.

— Не тот ли это заика мулло, у которого вы ишака на хвост укоротили?

— Он и есть! — кивнул Идрис и засмеялся.— Раз уж ты историю эту запомнил, то сам эшон ее и подавно не забыл... Собирайся, додар, пора ехать.

Проплутав полдня по тропам и без троп, к закату солнца Идрис и Диловар добрались до Сельгузара.

Над глинобитными домишками высились четыре мощные чинары. Идрис объяснил Диловару, что растут они по четырем углам большого бассейна около мечети, а за мечетью — дом эшона.

— Что-то я не вижу мечети...— сказал Диловар, разглядывая кишлак.

— Из-за деревьев не видно. Мечеть здесь большая. Каждую неделю жители окрестных кишлаков собираются сюда на пятничную молитву, а после молитвы эшон Кори Зиёдулло читает им проповедь. Завтра как раз пятница, и большинство мужчин из ближайших кишлаков будут здесь.

— Это нам на руку,— обрадовался Диловар.

— Так-то оно так! — согласился Идрис.— Да только мы в мечети без разрешения эшона и рта раскрыть не посмеем. А если он, проклятый, не согласится и восстановит против нас людей, то нам здесь делать нечего.

— Как же быть?

— Надо что-нибудь придумать!

— Что придумать?

— Пока не знаю.— Идрис натянул повод Гнедого.— Подкупить бы его подарком. На золото он падок. Да где нам его взять, золото?

Помолча́ли.

— А это не подойдет? — Диловар достал из кармана подаренные Нусратходжой золотые часы. Они тускло блеснули в лучах заходящего солнца.

Идрис подержал часы на ладони:

— Жалко, додар. Свадебный подарок все-таки. Оставь пока у себя. Я своего «учителя», может быть, каким-нибудь другим способом заставлю согласиться...

Проехав по узкому переулку позади мечети, Идрис показал Диловару на резные ворота:

— Вот его дом.

По обычаю, Идрис прокашлялся, чтоб дать знать, что за воротами мужчина, и звякнул дверным кольцом.

— Кто? — спросил женский голос.

Идрис с удивлением оглянулся на Диловара и еще раз кашлянул... Но женщина и после второго покашливания Идриса не убежала, а подошла к калитке еще ближе.

— Кто там?

Идрис подмигнул Диловару: «Ну и жена у эшона!» И, еще раз нарочно кашлянув, ответил:

— Это я, мулло Идрис, один из учеников хазрата[1].

— Не мог сразу, что ли, сказать? Раскашлялся, как чахоточный. Или глотка луженая? — засмеялась женщина и открыла ворота.

Идрис вспомнил, что эшон Зиёдулло хоть и женился три раза, но детей не имел, поэтому, естественно, дома могла быть только его жена.

— Хазрат дома? — Идрис не решался войти.

— Их милость одевается,— весело ответила женщина.— Заходите!

Идрис внимательно посмотрел на нее. Женщина стояла, чуть изогнув свой стройный стан и полуприкрыв лицо платком. Черные глаза с любопытством глядели на мужчин. Она была очень привлекательна. «Неужели эта красавица жена запки Зиёдулло?» — подумал Идрис. Женщина, будто прочитав мысли «ученика» эшона, лукаво улыбнулась и, отвернувшись, приказала:

— Привяжите лошадей под навесом и заходите в дом! Я доложу...

Обогнув длинную суфу, она ушла во внутренний двор. Идрис остолбенело глядел ей вслед.

— Ака, что с вами? — спросил Диловар, заглянув в озадаченное лицо Идриса.

Идрис немного пришел в себя:

— Красотка будь здоров! И не заметишь, как влюбишься...

— Побойтесь аллаха, ака! Она ведь жена хазрата,— засмеялся Диловар, с любопытством осматриваясь.

Внешний двор был довольно просторным, с двух сторон тянулись длинные навесы, посреди был разбит большой цветник и росли плодовые деревья.

Привязав лошадей, Идрис и Диловар сняли переметные сумы и остановились у входа в дом — несмотря на приглашение женщины, они все-таки не решались перешагнуть порог...

В дверях появилась жена эшона. Усмехнувшись, она спросила:

— Чего стоите?

---

[1] Хазрат — здесь «его святейшество».

— Боимся, сестра,— Идрис хитро сощурил смоляные глаза.— Но твоему велению зайдем в дом, а хазрат выгонит!

— А если боитесь, зачем пришли? — насмешливо сказала женщина.

— Ну и язычок у тебя, сестра! — пришел в восторг Идрис.— Представилась хотя бы — зовут-то тебя как?

— А тебе что за дело? — женщина вроде бы рассердилась.

— Да ведь мы тебя сестрой назвали! А ты имени сказать не хочешь! — обиделся Идрис.

Женщина посмотрела на Идриса и, встретившись с ним глазами, опустила голову:

— Малика...[1]

— Малика! Красивое имя, и ты его достойна! — Идрис не знал, что еще сказать, и неожиданно для самого себя спросил: — Ты дочка эшона?

— Нет! — потупилась Малика.— Жена!

— Жаль!

— А чего жалеть-то? — не выдержала любопытная женщина.

— Так...— промямлил Идрис.— Я бы хорошего мужа тебе нашел.

— Ну и нахал же ты! — покачала головой Малика и, повернувшись, ушла во внутренний двор.

— Вот так! — Идрис забеспокоился.— Не пожаловалась бы мужу.

— Не пожалуется! — успокоил его Диловар.

— Пожалуй, ты прав, додар! — Идрис воспрянул духом.— Ну, пошли. Будь что будет!

Они подняли свои сумы и вошли в раскрытые двери полутемной мехмонханы[2].

Идрис нарочно положил свою суму на видном месте, сверху пристроил суму Диловара, чтобы видно было, что они полные, чтобы эшон подумал, что они явились не с пустыми руками. Затем расстелил одеяло, старательно расправил его, по-хозяйски расположился и пригласил Диловара садиться. Диловар робко присел на краешек.

— Нет, додар,— улыбнулся Идрис.— Так не пойдет. Садись-ка как следует. Главное сейчас — показать свою цену, не ударить лицом в грязь. Эшон уважает людей только сильных. Иначе и слушать не будет. Держи себя с ним надменнее, говори солидно... Понятно? Короче говоря, я буду вести дело, додар, а ты сиди и слушай! Не робей! — И, подстелив Диловару еще одно одеяло, Идрис положил ему под локоть две подушки.

Диловар улыбнулся и, оперпись на подушки, принял независимую, свободную позу. После трехдневного путешествия приятно было сидеть на мягких одеялах.

---

[1] Малика — царица.
[2] Мехмонхана — комната для гостей.

Вскоре послышалось сухое покашливание и шарканье ног, затем в проеме двери появился высокий, длиннобородый, в большой чалме человек. Он вошел не торопясь и с достоинством поздоровался. Это и был эшон.

Идрис и Диловар встали.

— Не вставайте, сидите,— по обычаю гостеприимства произнес эшон, спокойно оглядывая гостей огромными выпученными глазами.

Зиёдулло-эшону уже перевалило за шестьдесят, но был он еще довольно крепким и сильным.

По каким-то чуть заметным признакам Идрис и Диловар догадались, что эшон волнуется, но старается скрыть это от них. Веки у него слегка вздрагивали, ноздри тревожно шевелились.

Эшон поставил в угол свой посох, сбросил у порога большие деревянные кавуши [1], потом неожиданно высунулся наружу, будто хотел посмотреть, не подглядывает ли кто за ним, сплюнул и, стерев рукой попавшую на бороду слюну, наконец приблизился к гостям.

— Ассалому алейкум,— сказал Идрис, делая шаг вперед и протягивая руки для приветствия.

Он на мгновение задержал мясистые горячие руки эшона, чтобы спросить:

— Как здоровье дорогого хазрата?

Эшон, не ответив, подал руку Диловару. «А это еще кто такой?» — подумал он. Зиёдулло ненавидел Идриса, особенно после случая с ишачьим хвостом. Однако истинное отношение к нему эшон скрывал. Опасаясь острого языка Идриса, он всегда приветливо здоровался с ним, называя «мулло Идрис». Два года не появлялся Идрис в кишлаке, и эшон надеялся, что больше не увидит его. И вдруг...

Глядя на «полные» сумы гостей, эшон гадал, какая нужда привела их к нему. Разумеется, не принесли они эшону амулеты и молитвы. Хорошего от них ждать нечего: злосчастный Идрис никогда не одарит его добрыми вестями...

В душе Зиёдулло снова и снова ругал Малику за то, что открыла ворота этим пришельцам. Внешне же он был вежлив — «добро пожаловать», «пожалуйста, садитесь» не сходили с его уст. Расхаживая по комнате, он с тоской думал, что ему некуда и присесть — Идрис нарочно постелил все одеяла Диловару и себе.

Эшон вообще отличался неразговорчивостью: из-за своей гнусавости многие слова он произносил неверно и смешил собеседников. Хотя верные ученики эшона даже и гнусавость принимали за одно из его необычных свойств.

Поразмыслив, эшон опустился на колени на холодную циновку и, молитвенно склонив голову, погрузился в молчание...

---

[1] Кавуши — туфли типа калош.

Идрис с Диловаром переглянулись, потом Идрис так же, как эшон, встал на колени:

— Ваша милость! Мы приехали сюда по очень важному делу, но прежде решили посетить вас, чтобы получить ваше благословение...

Зиёдулло-эшон недоверчиво посмотрел на Идриса: «Когда это ты, сорвиголова, просил у меня благословения?!»

Идрис ничуть не смутился и с увлечением продолжал:

— По правилам, мы должны были обратиться к руководству района. Но наш раис Нусратходжа предупредил, чтобы сначала взяли благословение у вас, ибо вы наставник Хаита. Вы должны знать джаноба Нусратходжу, он родня...— Идрис замялся, и эшон, забыв, с кем беседует, радостно закончил фразу:

— ...борца за веру, павшего в священной войне Фузайла Максума...

— Да, да...— обрадованно подхватил Идрис.— Он самый...

— Я знаю всю родословную этого уважаемого. Не раз наслаждался беседой с ним... Сейчас он, говорят, занимает высокий пост?

— Нусратходжа — председатель нашего колхоза,— вмешался Диловар.

Эшон удивился:

— Разве у вас еще не распустили колхозы? У нас все ликвидировали... Приказ из Сталинабада был.

Идрис несказанно удивился и не нашелся что сказать. Диловар, читавший газеты и беседовавший о политике с Умархоном, понял, откуда ветер дует, и осторожно проговорил:

— Не совсем такой приказ был. Там, где колхозы были созданы насильно, правительство распустило их, потому что насильно строить колхозы нельзя. Это дело добровольное...

— Вашими устами да мед бы пить! — воскликнул эшон. Ответ Диловара ему понравился, и он подумал, что э т о т дело знает, и выразил ему внимание: — Я бы хотел знать священное имя моего уважаемого гостя...

— Их священное имя Диловар Мирзоев,— Идрис с трудом удержался от насмешки.— Он табельщик нашего колхоза.

— Табельщик? — переспросил эшон, не понимая эту «русскую» должность.— Скажите, а как вас надо величать: Диловар Мирзо или Мирзо Диловар?

— Как вам нравится, так и называйте...— скромно потупился Диловар.

Эшону понравилась скромность Диловара. Он почувствовал себя увереннее.

— Диловар Мирзо, Мирзо Диловар... Мне больше нравится Диловар Мирзо. В истории было много великих Мирзо[1]: Хусайн Мирзо, Мумин Мирзо, Бобур Мирзо, а вы будете Диловар Мирзо...

— И он войдет в историю? — Идрис почти смеялся.

[1] Мирзо — писец, грамотный человек, сын правителя.

Эшон мгновение смотрел на Диловара, потом глубокомысленно сказал:

— В истории остаются имена плохие и хорошие. Аллах даст — этот человек оставит о себе добрую память...

— Благодарю, домулло! [1] — чистосердечно сказал Диловар.

— У вас добрый глаз, хазрат! — воскликнул Идрис, почувствовав, что настал момент, когда можно говорить о деле.— Диловар Мирзо действительно приехал с добрыми намерениями. Он хочет переселить безземельных горцев в плодородную долину Вахша. Здесь два угодных аллаху дела: невозделанные земли станут плодородными и безземельные и малоземельные дехкане обретут землю и хлеб. Поэтому мы надеемся, что вы, их наставник и попечитель, поможете нам в этом добром деле...

Эшон помолчал, боясь попасть впросак.

— Что я должен делать? — вежливо поинтересовался он.

Идрис незаметно подмигнул Диловару и, покашляв, сказал:

— У нас только одна просьба, высокородный хазрат! Завтра, в пятницу, дайте благословение тем из ваших мюридов, которые захотят переселиться...

«Вон что!..— смекнул Зиёдулло-эшон.— Я же знал: Идрис никогда не принесет доброй вести...»

Он задумался: «Как выйти из положения? Что сказать?» Наконец решил схитрить.

— Мулло Идрис! Ваша просьба не так проста, как кажется. Выполнить ее весьма трудно... Ни в одной из древних книг я не читал, чтобы кто-нибудь из эшонов давал благословение на переселение. Сомневаюсь, чтобы об этом говорилось в шариате... [2]

— О, хазрат! — не выдержал Диловар.— В наше время происходит так много событий, о которых ни в одной древней книге даже не упоминается. Деды наши и предположить не могли, что когда-нибудь удастся освоить земли Вахшской долины. Почему вы не допускаете, что решение этого вопроса они оставили на ваше богоугодное рассмотрение?

Эшон усмехнулся, сосредоточенно разглядывая переметные сумы гостей.

Снаружи донесся шум шагов и голос Малики:

— Возьмите дастархан...

Эшон вскочил и подбежал к двери.

— Не темно? Принести лампу? — спросила Малика.

Эшон что-то неразборчиво буркнул и внес дастархан. Идрис помог ему расставить угощения — несколько тонких лепешек, несколько пышек и много фисташек и орехов. Эшон в душе выругал Малику: «Неэкономная баба! Нашла кому принести дастархан!»

Вскоре в дверях мелькнул свет. Эшон сидел спиной к двери и не сразу отреагировал. Только когда Идрис поднялся за лампой,

---

[1] Домулло — учитель духовной школы, вежливое обращение к ученым людям.

[2] Шариат — приложение к Корану, свод религиозных правил.

эшон оглянулся и, опередив Идриса, поставил лампу на полку. Не успел эшон сесть, как Малика опять подошла к двери. Эшон принял из ее рук чайник, пиалы и что-то недовольно проворчал.

— Дайте мне, я буду разливать чай,— предложил Идрис свои услуги, забирая у эшона чайник.

Зиёдулло снова уселся на прежнее место и, по привычке опустив голову, замолчал.

Идрис не спеша несколько раз перелил чай из пиалы в чайник и обратно и первую пиалу протянул хозяину.

— Дайте гостю,— не поднимая головы, эшон указал на Диловара.

— По обычаю, первую пиалу должен выпить хозяин,— пошутил Идрис.— Нет ли там яда...

— На тебя и яд не подействует...— пробормотал эшон и взял пиалу.

— Хазрат оказывает вам милость! — Идрис повернулся к Дилovару.— Говорят, что, если яд принимать понемногу, он перестает действовать. И точно, я ведь сколько времени провел рядом с моим наставником, одним воздухом с ним дышал, принимая наставления...

Эшон недовольно посмотрел на Идриса. Диловар едва сдерживал смех.

— Хазрат сегодня не в духе? — с невинным видом спросил Идрис.— Отчего?

— Псиной воняет...— проворчал эшон.

— С чего бы это? — прикинулся непонимающим Идрис.

— А с того, что собака, когда подлизывается, головой трется...

— Говорят, собаки различают людей по запаху,— невозмутимо заявил Идрис.— Может, бессловесное животное искало своего задушевного друга?..

Эшон нервно выпил чай и, отдав пустую пиалу Идрису, спросил Диловара:

— А есть ли в вашем кишлаке мечеть?

— Вы тоже собираетесь переехать? — Диловар даже привстал.

— Нет, дело не в этом... Я забочусь о тех правоверных, которых вы хотите стронуть с теплого места. Куда вы их поведете и что с ними будет? Если не будет мечети, эшона и благочестия, все обратятся к неверным.

Диловар не ожидал такого поворота разговора. Но он сразу понял, что эшон не шутит.

— Ваша святость, скажите по совести, что важнее голодному — хлеб или мечеть?

— Мечеть! — твердо ответил эшон.— А о пропитании рабов своих аллах позаботится!..

— Тогда почему мюриды ваши живут впроголодь? — не выдержал Идрис.— Почему каждую весну половину кишлака сносит сель, а аллах все никак не сжалится над несчастными?

— На все воля аллаха...— задумчиво ответил эшон.— Человек — червь ничтожный. Как только набьет брюхо, об аллахе за-

бывает. Поэтому и необходима мечеть, чтобы люди о душе помнили...

— Извините меня, конечно, достопочтенный хазрат,— взорвался Идрис,— но если вас кто-нибудь назовет «ничтожным червем»? Вам это будет приятно?

— Пес паршивый! Да как ты смеешь?! — разгневался эшон.

— Вот видите, хазрат! — обрадовался Идрис.— Вам не нравится. Зачем же людей обзываете?

— Но ты не человек! — кипятился эшон.— Хоть ты и сын мусульманина, но давно от веры отошел, совсем неверным стал. И сюда приехал, чтобы совратить правоверных, оторвать их от родины, от религии. Не выйдет! Пока я жив, не допущу этого! Завтра же, когда люди соберутся в мечети, я в проповеди призову, чтобы вас, неверных, выгнали из кишлака или забили камнями в самой мечети!

— Э, нет, хазрат! Кусок не по своим зубам схватили,— усмехнулся Идрис.— Времена нынче другие. Разве Советская власть позволит, чтобы нас побили камнями?

— Советская власть разрешает делать все, что хотят сами люди! — заявил эшон.— Что сказал твой товарищ? Колхозы — дело добровольное, и переселение тоже. Нам и колхозы надоели, и переселения.

— Ваша святость! — с достоинством произнес Диловар.— Мы никого к переселению не принуждаем. Мы по-хорошему хотим потолковать с людьми...

Эти слова привели эшона в чувство. Он хотел еще что-то сказать, но с улицы послышались легкие шаги. Эшон встал и пошел к двери.

— Зачем им еще угощение? — резко сказал он.— Они и без того пьяны и не видят дороги!..

Не пытаясь убрать гримасу брезгливости с лица, он появился в комнате с новым блюдом.

— Ну, раз своими руками принес, хочешь — съедим и не хочешь — съедим,— засмеялся Идрис, по обычаю горцев переходя на «ты» и начиная есть.— Мой желудок не только это, но и камни переварит.

— Иногда хлеб бывает тверже камня,— с намеком сказал Диловар, не притрагиваясь к еде.

— Ты что, не слышал? Эшон ведь только что говорил, что о пропитании рабов своих сам аллах заботится,— с набитым ртом пробурчал Идрис.— Значит, и это угощение он послал через какого-нибудь своего ангела.

Упоминание об ангеле не понравилось эшону. Он сразу понял, что Идрис имеет в виду его младшую жену. А эшон и так не знал, что с ней делать. Хотел как-то выдрать, не вышло. Он ей слово, она ему — десять. Он ей затрещину, а она такую ему оплеуху залепила, что еле на ногах устоял. Выгнать бы совсем, но что люди скажут? Знал, что на такой «товар», как его младшая жена, покупатели тут же найдутся. Молодая, красивая, и руки золотые...

нет уж, лучше день и ночь охранять жену и не выпускать ее за ворота. И охранял. Даже на праздники и торжества к соседям не пускал. Зато дома Малика делала все, что хотела. Могла, например, постелить мужу у порога или вообще во дворе. Эшон после этого обычно не спал всю ночь и страстно умолял Малику простить его.

Но пылкость мужа не трогала ее. Сердце Малики день ото дня каменело, ненависть ее к эшону возрастала. Эшон все сильнее опасался, что Малика сбежит от него с каким-нибудь негодяем... А тут еще Идрис со своими намеками на «доброго ангела»! На мгновение ему показалось, что Идрис и есть тот джигит, который украдет у него Малику. С трудом он взял себя в руки, пробормотал «упаси аллах», внушая себе, что от предположений до дел далеко.

Успокоившись, эшон сделался приветливым, даже предложил Диловару угощение. Но у Диловара давно пропал аппетит.

— Мне сейчас ничего не хочется, устал очень,— извинился Диловар.

— А я вот наелся, слава аллаху и его ангелу,— сказал Идрис, вытирая руки о край дастархана.

Эшон выдержал небольшую паузу и, произнеся «аминь», поднял руки для молитвы.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Малика и на этот раз постелила мужу у порога и, когда он, постукивая кавушами, вошел в комнату, притворилась спящей. И хотя керосиновая лампа была прикручена, эшон отлично видел, где его постель, он нарочно громко покашлял, дабы известить жену о своем приходе. Малика даже не пошевелилась. Эшон, давно привыкший к капризам младшей жены, безропотно повесил чалму и халат на гвоздь, на цыпочках прошел к ее постели и, приподняв одеяло, собрался лечь рядом. Малика сердито вырвала у него одеяло.

— Твоя постель во-он там!

— Не говори так, сердце мое! Нельзя молодой женщине спать в одиночестве — к ней черт подляжет... Так в древних книгах писали,— эшон снова потянул одеяло, но Малика с ненавистью схватила его за бороду:

— Всю выдеру!

Она сказала это так убедительно, что эшон не усомнился — выдерет.

— Не шути, душа моя, отпусти, нехорошо! Чем я перед тобой провинился? — испугался эшон.— Ведь я твой законный муж...

— Мне такой муж давно надоел, понял? — дерзко заявила Малика.— Надоел! Видеть не могу твою рожу!

— Не дразни беса! Не делай глупости! Я муж твой. Не позорь меня! — продолжал уговаривать жену эшон.

— Убирайся от меня! — Малика от гнева привстала.

С непокрытой головой, с растрепанными волосами, свисающими на трепещущую грудь, в белой шелковой рубахе, она была похожа на ангела, но ангела возмездия.

Протянув руки, эшон взмолился:

— Прикажи, что сделать? Сжалься надо мной! Не убивай меня прежде смерти! Все, что хочешь, исполню! Все, что прикажешь, сделаю!

— Ничего мне от тебя не нужно! — с тихой безнадежностью сказала Малика. Ей пришла в голову странная мысль, что гости приехали неспроста и их приезд может что-то изменить.

Эшон увидел, что жена успокоилась и, тихо тронув ее за плечо, ласково проворковал:

— Спи, дорогая! Устала, наверно!

Малика, не обращая внимания на ласку мужа, спросила повелительно:

— Зачем приехал мулло Идрис?

— А, он... аллах его накажи...— Эшон смутился, не зная, что ответить.

— Я тебя спрашиваю, что он говорил? — снова потребовала жена.

— Он, о аллах, приехал переселять нас...— Эшон и сам не знал, как это у него сорвалось с языка. Сказал и ужаснулся: что теперь будет? Предки недаром говорили, что у женщин волос длинен, а ум короток, поэтому говорить ей все никогда не следует, а то мир перевернется.

— Куда? В Афганистан? — испугалась жена, знавшая о желании мужа убежать за границу.

— Нет! Нет! В Вахшскую долину, на новые земли. Туда, где летом от солнца мозги сворачиваются...

— Твои мозги и без того давно прокисли! — сказала Малика и подумала: может, и в самом деле переехать? Все-таки новое место, люди новые... Сердце ее забилось.

— Ладно, спи, дорогая! — Эшон заискивающе обнял ее плечи.

— Стой! — Малика толкнула его локтем в живот.— Я согласна переехать!

— Что ты говоришь? Ты с ума сошла! — ужаснулся эшон и, повернувшись лицом к Мекке, воззвал к всевышнему: — О аллах, зачем ты послал мне такой черный день! Устыди эту безумную женщину!

— Сам ты безумный! — беспечно махнула рукой Малика.— Значит, такова воля аллаха!.. Ведь я тебе все равно не нужна! Ты собираешься в Мекку, и неизвестно, вернешься или нет. А я в этих четырех стенах гнить не желаю! А может, и ты вместо Мекки поедешь на Вахш? Возродить мертвую землю — тоже дело святое!

— Что ты будешь делать на Вахше, жена мусульманина? — запричитал эшон.— Там нет ни мечети, ни веры. Неверные и мусульмане перемешались!

— Ничего! Говорят ведь: пойдешь в город одноглазых, становись одноглазым.

Зиёдулло-эшон кусал губы, чтобы не закричать и не привлечь внимания людей. Наконец он решил, что лукавством и обманом сумеет отвратить жену от ее намерения.

— Я знаю, тебе скучно,— сказал он.— Если хочешь, я пока не пойду в Мекку, переедем в Афганистан. Там и мечети и медресе на месте, все-таки страна мусульман, народ спокойный. Не зря же и бухарский эмир выбрал из всех стран Афганистан и там успокоился... Мы посетим его там...

— Нет! — поспешно перебила Малика.— Бухарский эмир не дядя мне, чтобы я скучала по нему. До Афганистана мне дела нет. Если хочешь — переедем вместе на Вахш. Не хочешь — я сама уеду!

Эшон совсем растерялся. Жена без совести — меч без жалости. Скажешь — поедем, она за это уцепится, скажешь — не поедем, сама убежит. Он попытался ее урезонить:

— Дорогая, ты разумная женщина. Прогони беса, не поддавайся его чарам, не позорь меня. Все, что скажешь, что попросишь — исполню! Куплю еще золотые серьги, булгарские кавуши куплю, бархат и парчу — все найду. Царицей сделаю...

Но Малика не слушала — она лихорадочно прикидывала, как выполнить задуманное. Надо встретиться с Идрисом и спросить совета. Смогут ли они взять с собой одинокую женщину? Если она поедет, дадут ли ей там кров? Малика готова была стать их рабыней, лишь бы избавиться от старого эшона.

А Зиёдулло все гладил Малику, целовал, уговаривал, чтобы она легла, уснула и образумилась. Малике надоела его болтовня, она легла, положив голову на подушку. Эшон решил, что жена одумалась, и, радуясь, попытался прилечь рядом.

— А ну, убирайся! — закричала Малика с отвращением.

Испугавшись ее гнева, эшон покорно поплелся к порогу. Малика глубоко вздохнула. От волнения и раздумий голова ее разболелась. Она крепко закрыла глаза, пытаясь уснуть, но тревожные мысли не давали покоя.

Малике вспомнилась вся ее печальная жизнь, и в ней все сильнее разгоралась ненависть к родному кишлаку, к покойному дяде, к старому мужу и все крепче становилось желание переехать на Вахш.

В семь лет Малика осталась без отца. Отец был пастухом у эшона, и в одну из весенних гроз его убило на пастбище молнией. Тогда старший брат его Гайбулло, жадный до чужого добра, сосватал за себя мать Малики второй женой и прибрал к рукам дом и хозяйство брата. Старшая жена Гайбулло возненавидела мать Малики за красоту и после ее смерти всю свою ненависть перенесла на племянницу, которой было тогда одиннадцать лет. Тетка с утра до вечера находила ей работу и по любому поводу била. Поскольку ее дочь уродилась некрасивой, красота Малики раздражала старуху. Малике не было еще и пятнадцати, когда соседи начали засы-

лать сватов. Но Гайбулло с женой ждали зятя побогаче, чтобы отхватить калым побольше за племянницу. Как-то Гайбулло захворал, и Зиёдулло-эшона позвали прочитать молитвы. На другой день эшон послал сватов. Эти сваты больше помогли выздоровлению Гайбулло, чем молитвы эшона: он получил за Малику двадцать баранов и одну корову. Гайбулло быстро поправился, начал готовиться к свадьбе и вскоре выдал пятнадцатилетнюю девочку за пятидесятилетнего эшона. Малика стала его третьей женой.

Жизнь Малики в доме эшона сначала была несладкой. Старшие жены не только свалили на нее всю работу, но настраивали против нее эшона. Да и сам эшон, желая припугнуть младшую жену, довольно часто поколачивал ее.

С годами Малика набралась опыта, силы, ума и стала вести себя независимо. Старшие жены от нее отстали, а эшон даже начал побаиваться. Детей у всех трех жен от эшона не было. Старшие жены давно примирились с этим, но Малика была молода. Ее волновали и стон пастушьего ная[1] и соловьиные песни. Прислушиваясь к голосам идущих по улице мужчин, она то злилась, то плакала. Долгими ночами ворочалась она без сна в постели... Особенно сегодня, после встречи с двумя молодыми мужчинами, после шутливых намеков Идриса, душа ее вновь взбунтовалась. «Почему я не дочь эшона? — с обидой думала она.— Как было бы хорошо!» Засылали бы сватов, вышла бы она замуж за какого-нибудь веселого парня, вроде Идриса, и была бы счастлива!..

Ей хотелось разом отбросить все старое — опостылевший дом, старших жен, старого мужа. Сердце Малики полнилось сладкой мечтой, жаждало свободы, любви, счастья.

А что думал Зиёдулло-эшон? Он тоже не спал, представляя себе, как завтра Малика бросит его и удерет из кишлака. Что тогда будет?! Завтра пятничная молитва, со всех сторон соберутся люди. Раньше стоило эшону произнести: эта женщина «вышла из веры» — как ее забивали камнями. А теперь за это судить будут. Плохие времена настали! Неверные натравливают мусульман друг на друга, всех совращают...

Эшон жалел, что не сбежал в Афганистан под предлогом путешествия в Мекку. Может, и Малика ушла бы с ним. Теперь не пойдет. И утром опозорит его перед людьми. Эшон сжал кулаки: «Я тебя сам, своими руками убью, дерзкая женщина!..»

Но эшону еще не приходилось убивать, он и на мертвых-то смотреть боялся. Но, взвинчивая себя, он не мог отказаться от этой мысли: «Убью, нужно убить!»

Он посмотрел в ее сторону — Малика, видимо, уснула: лежала лицом вверх.

Эшон тихонько поднялся.

Малика, услышав, что муж встал, притворилась спящей. Даже ресницами не дрогнула. В тишине ночи слышалось ее ровное дыхание.

---

[1] Н а й — примитивный музыкальный инструмент типа свирели.

Эшон минутку постоял, прислушиваясь, и, уверившись, что жена крепко спит, подошел к ней. Он весь дрожал, задыхался, чувствовал, что обливается холодным потом, но отступать не хотел. Подойдя к ней, он нагнулся и протянул дрожащие руки к горлу жены. Малика, будто догадавшись о его намерении, вздрогнула и со страхом открыла глаза. Эшон навалился на нее. Собрав все силы, Малика высвободила одну руку и схватила эшона за длинную бороду. Эшон трясущимися руками уже сжал ее горло, но Малика так дернула его за бороду, что из глаз эшона посыпались искры, кровь ударила в голову, и руки вдруг ослабели. Он схватился за подбородок — тот был в крови: жена вырвала ему кусок бороды вместе с кожей.

— Исчадие ада, что ты наделала? — взвыл эшон от нестерпимой боли.

— Сам ты дьявол! — с ненавистью крикнула Малика и с отвращением вытерла руку об одеяло. Потом, оттолкнув от себя эшона, быстро схватила с полки ножницы:

— Еще полезешь, глаза выколю!

— Ты с ума сошла, я прикажу связать тебя! — кричал эшон, прикладывая простыню к кровоточащему подбородку. Он был в ужасе — как теперь появится в мечети? Что скажут люди? По шариату, безбородых вообще не пускают к алтарю, а у него всего полбороды осталось.

— Тебя следует забить камнями! — заявил эшон Малике.

— Я больше ничего не боюсь! — Малика встала, вывернула фитиль в лампе, осветив комнату, и начала одеваться.

— Куда ты пойдешь ночью? — эшон вскочил и загородил собой дверь.

— Убирайся с дороги! — Малика приблизилась к мужу.

По ее виду эшон понял, что решения своего жена не изменит, и обнял ее за ноги:

— Не пущу! Пока жив — не пущу!..

— Пусти! Пусти, говорю! — Малика пыталась высвободиться из ненавистных рук.

Но старик не отпускал ее.

— Куда ты хочешь идти? Скажи мне! — канючил он.

Малика и сама не знала, куда она хочет пойти. Но ей хотелось бежать, чтобы не видеть ни этого надоевшего дома, ни опротивевшего старика, и тут же она поняла, что уйти ей сейчас не удастся.

— Отпусти, никуда я не пойду.

Эшон не поверил:

— Обмануть меня хочешь?

— Правду говорю... Пусти, устала я...

— Тогда ложись спать!

— Ладно, отпусти...

Зиёдулло-эшон, облегченно вздохнув, поднялся и почувствовал, что с подбородка все еще каплет кровь. Он испугался, а вдруг борода не вырастет! Что он будет делать без бороды?! Позор на старости лет!

— Что ты сделала с моей бородой? — заплакал он.

Малика не ответила. Она сидела на постели, повернувшись к нему спиной. Внезапно эшон услышал, что Малика всхлипывает. Плач ее очень удивил эшона: несколько лет жена не плакала.

— Ты плачешь? — Эшон сделал шаг к Малике.

Вместо ответа она разрыдалась так, как не рыдала даже на похоронах матери. В душе Малика радовалась слезам. Значит, не совсем очерствело ее сердце. Обильные слезы свидетельствовали о пробуждении ее души, возрождении в ней надежды. Все существо ее жаждало любви, она была подобна озимой пшенице, дождавшейся долгую зиму весны, чтобы пробудиться для жизни.

Эшон забеспокоился, что громкие рыдания Малики разбудят старших жен, соседей и даже «гостей». Словами, мольбами и увещеваниями он попытался успокоить ее, но женщина рыдала все громче и сильнее...

Не понимая истинной причины ее слез, эшон решил, что это «бабья истерика», стал на колени и начал читать подходящую к случаю суру из Корана.

На громкий плач пришли старшие жены. Старшая, которую звали Бибиотун[1], прикинувшись непонимающей, спросила:

— Кто укусил Отунчу[2], змея или скорпион?

Вторая жена, за тонкую талию прозванная Химча[3], спокойно сказала:

— Если скорпион, ничего страшного, с утренней молитвой все пройдет...

Малика ничего не ответила женщинам, даже не глянула на них, но плакать прекратила.

Эшон, не закончив суру, подул в сторону Малики, встал и посмотрел на старших жен:

— Зачем пришли?

— Ее плач весь кишлак разбудил! — объяснила Бибиотун.— Мы подумали, что ее змея укусила...

В этот момент Химча увидела поредевшую бороду мужа, испачканную кровью, и истошно закричала:

— Ой, умереть мне, какая собака укусила вас?

Бибиотун обеспокоенно оглядела подбородок эшона.

— Кровь течет, нужно сажи привязать! Химча, пойди наскреби с котла сажи!

— С мясом вырвано, борода больше не вырастет! — тихо прошептала Химча на ухо Бибиотун.

— Вижу, вижу, иди быстрей, принеси сажи!

Химча побежала исполнять приказание. Бибиотун подвела эшона за руку к лампе и, осмотрев его рану еще раз, сказала:

— Слава аллаху, что вместе с бородой вам челюсть не оторвали!..

---

[1] Бибиотун — начетчица, учительница духовной школы.

[2] Отунча — от отун — ласкательное от «учительница», маленькая учительница.

[3] Химча — прут, веточка, лоза.

— Нет, челюсть на месте...— Эшон осторожно приподнял остаток бороды.

— Слава аллаху, слава аллаху...— повторила Бибинотуп.— Но если борода больше не вырастет, что делать будете? Козлиную подвязывать?

— И ты надо мной насмехаешься? — рассердился эшон.

— Нет, я говорю то, что есть.

— Все вы неблагодарные! — воскликнул эшон с обидой.— Аллах накажет вас!

Бибинотуп замолчала, надувшись.

Химча на конце своего кисейного платка принесла сажи. Бибинотуп прижала сажу к подбородку эшона, он вздрогнул и застонал от боли.

— А теперь завяжитесь этим платком,— посоветовала Химча.

Бибинотуп обмотала голову и шею эшона большим женским платком.

— Ой, вид у вас — испугаться можно...— всплеснула руками Химча.

Еще больше обиженный, эшон гневно закричал на нее:

— Заткнись! Пойди согрей воды для омовения!

Химча исчезла за дверью.

Бибинотуп только сейчас увидела постель эшона у порога и подумала: «Чтоб ты сдох, если дожил до того, что при трех женах, как собака, валяешься у порога!» Но вслух ласково проворковала:

— Может быть, вас отвести в мою комнату?

— Нет, сначала я совершу омовение,— сказал эшон и, опираясь на плечо старшей жены, вышел из комнаты.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Рассвело. Проснувшись, Малика испуганно огляделась — в комнате было пусто. После ухода эшона и обеих жен она долго лежала без сна и не заметила, как уснула.

«Интересно, куда старый козел пошел — к Химче или к старухе? — причесываясь, подумала Малика, но тут же оборвала сама себя: — А не все ли мне равно, куда он пошел? Теперь я свободная женщина, куда захочу, туда и пойду». Повеселев, она вскочила с постели и вспомнила про гостей. Вспомнила и встревожилась: «Не прогнал ли их эшон?» Она быстро сложила постель, сполоснула лицо водой из кувшина, вытерлась платком. Посмотревшись в потрескавшееся зеркало, надела старинные серебряные серьги — единственную память о матери — и вышла из комнаты.

Во внутреннем, малом дворе никого не было. «Неужели эшон ушел на молитву? Нет, наверное, сказался больным. Без бороды неудобно... Здорово вышло! Так ему и надо!..»

Пройдя через маленькую дверцу, Малика выскользнула на внешний двор — под длинным навесом стояли лошади, и она обрадовалась: «Значит, гости здесь? А где они? Спят или ушли в

мечеть?» Малика встала на суфу, оглядела двор — гостей не было. «Значит, в мечети!» Тогда надо ждать — за лошадьми все равно вернутся. Интересно, что они намерены делать после молитвы?

Она посмотрела на лошадей: покормили их или они с вечера стоят голодные? И подошла к коням:

— Ну что, милые, есть хотите?

Пегий, будто понимая, повернул к ней голову и внимательно слушал. Гнедой, чтобы привлечь внимание Малики, тихонько заржал и начал рыть копытом землю. Малика погладила их, насыпала в ясли сухого клевера. Кони дружно принялись хрумкать, изредка приподнимая головы и косясь на Малику.

Она все еще смотрела на лошадей, когда постучали в ворота. Малика выглянула в щелку — у ворот стоял запыхавшийся мальчишка.

— В чем дело? — Малика приоткрыла калитку.

— Где дедушка эшон? Меня причетник прислал... Беги, говорит, позови эшона... Скажи, говорит, причетник прислал... В мечети, говорит, двое чужих проповедуют... Я бегом бежал...

— А что, люди не молятся?— удивилась Малика.

— Нет, молитва была... А после молитвы те стали говорить. Уговаривают всех переселяться!

Малика поняла, что в мечети «мулло Идрис» и его товарищ агитируют людей ехать на Вахш, а причетник хочет вызвать эшона, чтобы помешать им.

— Ты хороший парень,— Малика погладила мальчика по голове.— Пойди и скажи причетнику, что эшон нездоров и прийти не может. А гости пусть говорят, и пусть причетник не вмешивается.

Мальчишка с готовностью побежал выполнять поручение.

Малика вышла за ворота, осмотрела пустынную улицу, ведущую к мечети, и, закрыв лицо платком, тоже пошла туда. «А ну-ка и я послушаю, что они там проповедуют?»

У входа в мечеть толпились женщины и ребятишки. Женщины одергивали расшалившихся детей и прислушивались к тому, что говорилось в мечети. Никто не обратил внимания на Малику, кроме мальчишки, который только что прибегал за эшоном. Узнав Малику, он вскочил и, будто единомышленнику, прошептал: «Я все передал причетнику, а он рассердился и ушел домой...» Малика ласково дотронулась до его плеча: «Молодец!» Она заглянула во двор мечети, забитый мужчинами. Большинство стояло, только старики и немощные сидели. В середине, взгромоздясь на большой камень, Идрис и Диловар по очереди отвечали на вопросы. Все внимательно слушали, ловили каждое слово, спрашивали и переспрашивали.

Малика еще ниже опустила платок с головы на лицо, подтолкнула мальчишку вперед, а сама устроилась за его спиной на пороге. Отсюда ей было все хорошо слышно.

Худощавый, средних лет мужчина, стоявший недалеко от Малики, выплюнул нас, вытер губы ладонью и крикнул:

— Джапоб Мирзоюф![1]

Идрис сейчас же поправил:

— Зариф-ака, не называй гостя «господин», а то обидится... Говори «товарищ». Он рабочий, наш с тобой товарищ. Говори «товарищ Мирзоев».

— Или просто: «додар, додар Диловар»...— добавил Диловар.

«Значит, Диловаром его зовут»,— поняла Малика.

— Ну что ж, раз ты рабочий, будем считать тебя братом...— согласился худощавый.

Дехкане одобрительно закивали.

— Благодарю! — Диловар прижал руку к груди, выражая признательность.

«Люди уважают его...— подумала Малика.— Значит, понравились его речи. Жаль, что я не слышала...»

— Зариф-ака, ты забыл, о чем хотел спросить? — напомнил Идрис.

— Нет.— Зариф прокашлялся.— Мирзоюф-ака сказал, что переселенцев на три года от всех налогов освобождают, верно это?

— Верно,— подтвердил Диловар.— Правительство освобождает всех переселенцев на три года от всех налогов. Кроме того, дает ссуду на покупку скота, на постройку дома...

— И сколько хочешь земли! — добавил Идрис.— Сажай дыни и арбузы, овощи, ячмень и пшеницу...

— А хлопок? — спросил старик по прозвищу Большая Чалма.— Ведь урусам хлопок нужен!..

Идрис переглянулся с Диловаром:

— Этот из рода эшонов...

Диловар понимающе кивнул головой и ответил:

— Амак, вы, наверно, нас не поняли! Мы сеем хлопок, много хлопка сеем... Хлопок не «урусам», как вы говорите, а всем нам нужен. Нужен для того, чтобы народ кормить, одевать, страну благоустраивать. Русские братья помогают нам в хлопководстве. Я бывший работник железной дороги. Несколько лет работал на Ташкентской товарной станции и своими глазами видел, сколько поездов из России день и ночь везут к нам, в Узбекистан, Киргизию, Туркмению трактора, зерно, уголь, лес, руду, железо...

Выслушав Диловара, Большая Чалма рассердился и, не скрывая гнева, выкрикнул:

— Этого нечистого из мечети гнать надо!

— Этот нечистый в тысячу раз лучше таких, как ты, мусульман! — мгновенно отреагировал Зариф, бывший батрак Большой Чалмы.

Поднялся шум, одни поддерживали старика, другие дружно заступались за гостей. Не выдержав, Большая Чалма, проклиная «неверных» и намеренно громко стуча посохом, покинул мечеть. Люди немного успокоились. Посовещавшись с Диловаром, Идрис обратился к собравшимся:

---

[1] Мирзоюф — искаженное «Мирзоев», фамилия Диловара.

— Братья! Кто хочет говорить, говорите. Все, что вас интересует, спрашивайте!..

Но люди молчали, обдумывая и взвешивая услышанное.

— Если вопросов нет,— сказал Идрис,— пожалуйста, кто желает переселиться, пусть записывается у товарища Мирзоева...

Диловар достал из кармана тетрадь и карандаш, приготовился записывать. Установилась тишина. Люди, склонив головы, задумались. И вдруг раздался взволнованный женский голос.

— У меня вопрос...— произнесла Малика и, увидев, что все обернулись к ней, оробела и запнулась.

— Пожалуйста, сестра! Говори смелее!— шагнул к ней Идрис, узнавший Малику.

Малика приободрилась и дрогнувшим голосом спросила:

— А одинокой женщине можно записаться?

Идрис повернулся к Диловару, в его глазах была тревога: как бы Диловар не отказал. Диловар все понял по его взгляду и тепло улыбнулся женщине:

— Вы хороший вопрос задали, сестра. Я должен вам и всем объяснить, что Советская власть дала женщинам и мужчинам одинаковые права. Если и женщины имеют желание переселяться, мы с радостью примем их и поможем.

— Тогда первой запишите меня! — громко сказала Малика.

Диловар хотя и знал, кто она, но для порядка спросил:

— Назовите ваше имя и имя вашего отца...

— Мое имя Малика, имя отца — Хайрулло.

Кто-то добавил: «Младшая жена эшона!» И эти слова, как эхо, облетели двор. Люди с любопытством смотрели то на женщину, то на гостей. Старики в ужасе шептали слова молитвы.

— Так и запишем...— Диловар с карандашом склонился над тетрадкой,— Хайруллоева Малика...

— Умница, сестра! — улыбнулся Идрис.— Хоть ты и женщина, а храбрее мужчин!..

Малика хотела поправить платок и нечаянно открыла лицо. Глаза ее светились счастьем. Она чувствовала, что вокруг шепчутся о ней, может, проклинают, считают бесстыдницей. Но не обращала на это внимания. Решение ее было твердым и окончательным — ехать! Она хотела отомстить эшону. Опозорить его. Она хотела жить.

— Когда вы будете готовы к отъезду? — спросил Идрис.

— Хоть сейчас,— спокойно ответила Малика.

Кто-то выкрикнул:

— Ну и потаскушка! Значит, у тебя и лошадь оседлана?

Люди снова заволновались, поднялся шум.

— А высокородного эшона с собой возьмешь? — подскочил к Малике какой-то низкорослый хилый старик.

— Он в Мекку пойдет! — отрезала Малика.

— Вы посоветовались, что ли, скажи! — усмехнулся старик.

— Да, амак, посоветовалась...

— Эшон разошелся с тобой, что ли? — не выдержал один из молодых парней.

— Я с ним разошлась!— ответила Малика.

Мужчины засмеялись.

— Милушка, не захватишь ли меня с собой? — спросил тот же низкорослый старик, подкручивая свои тонкие, как мышиные хвостики, усы.

— Чтоб ты сдох! Что мне с тобой делать? — рассердилась Малика.

Старик смутился, люди захихикали над ним:

— Что, Султонбек, не вышло?

— Хорошо она тебе выдала?

— А что, тебе муж не нужен? — покраснев, спросил Султонбек Малику, не желая признавать себя побежденным.

— А ты себя мужчиной считаешь? — презрительно дернула плечом Малика.

Дехкане хохотали, хлопая в ладоши. Султонбек вспотел от смущения и прикусил язык.

— Тихо, братья! — Диловар поднял руку, призывая к порядку.— Кто еще хочет записаться?

— Пожалуйста, запишите меня,— сказал Зариф, закладывая под язык нас.

— Не забудь прихватить с собой побольше наса! — крикнул кто-то Зарифу из толпы.

— Эй, Салим-собака, не лай понапрасну! — узнал голос Зариф.— У меня своя голова на плечах...

— Салим, а сам-то ты не собираешься на Вахш? — спросил Идрис.

— Нет, Идрис-ака, все прелести Вахша я дарю тебе...

— Воля твоя, но потом жалеть будешь!

— Жалеть не буду...— усмехнулся Салим.— Все в рай пойдут — кто же в аду-то останется?

— Сынок, можно мне сказать? — Совсем немощный старик, опираясь на палку и держась за поясницу, с трудом встал и шагнул к Диловару: — Из твоих слов я понял, что человек ты разумный и людей на доброе дело зовешь. Это не всякий сообразит. А я понимаю. Слава аллаху, восемьдесят лет прожил. Из них шестьдесят лет на других батрачил. Несколько лет служил отцу вот этого Салимбая. И всю жизнь мечтал, чтобы был у меня клочок земли... Вахш я хорошо знаю. До революции ходили мы туда, весной ячмень и пшеницу сеяли, а летом урожай собирали, молотили, а чистое зерно в амбары баев ссыпали. За двенадцать манов пшеницы бай давал нам с сотней оговорок мешок ячменя. Тогда там не было ни воды для питья, ни жилья. Но земля на Вахше плодородная. Мы сеяли без полива... Был бы я помоложе, поехал. Работал бы с вами и наслаждался. Советская власть хорошее дело начала: благоустроите вахшскую землю — станет богатым Таджикистан... Но ты, сынок,— старик заговорил еще тише и доверительнее,— не со всяким говори. Пусть переселяются на Вахш

лишь те, кто знает цену хлебу и земле. Я стар, сам не могу. Но у меня два сына. Пиши обоих. Обоих пошлю с вами.

— Честь твоим сединам, Назар-бобо! — низко поклонился Идрис.— Тысячу лет живи.

К старику бочком протолкнулся Салим и сказал вроде бы только ему, но так, чтобы и другие слышали:

— Дед Назар, ты думаешь, на Вахше власти хлеб даром дают? Двух сыновей туда посылаешь, а кто тебя завтра здесь хоронить будет?

Вокруг зашумели: слова Салима удивили всех своей жестокостью.

Старик, опершись на палку, выпрямился, задумчиво помолчал, потом обратился к Салиму:

— Ты, змееныш, прежде времени о моей смерти не беспокойся:

Согбенный стан еще не признак смерти,
Как лук таит в запасе сотни стрел!

Со всех сторон послышались одобрительные голоса:

— Не умирай, старик!

— Так ему, старик!

— Меду тебе в уста, старик!

Дед Назар в упор посмотрел на Салима и повернулся к Диловару:

— Теперь, сынок, и меня запиши. Я, если на то пошло, ночами буду колхозный амбар сторожить...

Последние слова старика потонули в возгласах одобрения. Диловар записал сначала старика, затем и его сыновей Ходи и Шоди. Потом, оторвавшись от тетради, посмотрел на взволнованных, раскрасневшихся людей:

— Кого еще записывать?

— Ну, кому еще нужна земля? — громко крикнул Идрис.

Его возглас словно пробудил худощавого дехканина в сильно поношенном, потерявшем цвет чакмане. Он вздрогнул и, встретившись взглядом с Диловаром, робко произнес:

— И меня запиши...

— Хорошо,— отвечал Диловар с улыбкой,— назовите ваше имя и имя вашего отца.

— Мардон, сын Махмуда...

— Его не пишите, тощ больно,— пошутил кто-то,— не выдержит вахшского солнца!..

— Успокойся, друг,— спокойно сказал Мардон,— кости наши на солнце давно прокалились.

Вслед за Мардоном записалось еще человек пять, и на этом поток желающих ехать на Вахш иссяк. Тщетно Идрис и Диловар приглашали записываться — желающих больше не находилось.

Выждав некоторое время, Идрис объявил:

— Братья! Мы сегодня поедем в Синолинг. Все, кто записался, завтра к полудню на ослах или лошадях пусть приезжают в Синолинг. Захватите с собой еды дня на три-четыре. А те, кто еще

не записался, пусть подумают и завтра, если решатся, пусть тоже приходят в Сиполинг. Там мы и их запишем...

— Можно один вопрос? — спросил Зариф.— Жен и детей тоже брать?

На этот вопрос ответил Диловар:

— Воля ваша. Но лучше будет, если вы сначала поедете сами, осмотритесь, дом подготовите, а потом, осенью или весной, и семьи перевезете...

— Подходит!

— Это хорошо!

— Разумный совет!

— Ладно, завтра приедем в Сиполинг.

Люди зашумели, сидевшие поднялись с земли и начали отряхиваться — собрание окончилось, можно было идти по домам.

— Братцы, не пылите! — закричал кто-то.

Диловара и Идриса плотным кольцом окружили переселенцы. Лишь Малика одиноко стояла в углу двора, не зная, что ей делать. Она очень хотела спросить у «мулло Идриса», повезут ли они ее сразу с собой в Сиполинг, или ей тоже завтра придется идти туда вместе со всеми. Идрис заметил Малику и, оставив Диловара с дехканами, поспешил к воротам. Сердце его радостно билось, ему хотелось обнять Малику, но, приблизившись к ней, он только спросил прерывающимся от волнения голосом:

— Ты, сестра, действительно с нами поедешь?

— Если возьмете...

— Тогда иди, быстро собирайся и выходи! Мы сейчас тоже зайдем за лошадьми.— Идрис снова побежал к Диловару.

Малика мгновение помедлила, провожая глазами Идриса, потом быстро повернулась и, натянув на лицо платок, заспешила к дому.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Эшон Зиёдулло, занятый своими горькими мыслями, лежал в комнате старшей жены и не знал, что произошло в мечети. Старшая жена сказала: «Отунча, как всегда, сидит сердитая в своей комнате». И эшон поверил. А про себя решил, что вытащит из сундука Бибиотун парчу и отдаст Малике, вернув себе таким образом ее расположение. Бибиотун, правда, рассердится: она за тряпки готова душу отдать. Пока эшон размышлял, как умилостивить старшую жену и отнять у нее парчу для младшей, в комнату вбежала Химча и, путая от волнения слова, сказала, что Отунча ушла. До эшона не сразу дошел смысл этих слов, и вначале он беспечно переспросил:

— Куда ушла-то?

— Ушла! Совсем ушла! Собрала узелок и ушла! — в ужасе заломила руки Химча.

Бибиотун помчалась в комнату Малики и тотчас же вернулась, подтвердив известие.

Эшон только теперь понял, что произошло. Он всегда опасался Малики и был уверен, что когда-нибудь она изменит ему с каким-нибудь негодяем. Но он и подумать не мог, что она вот так, неожиданно, уйдет за совершенно незнакомыми мужчинами! О аллах! Какой позор! Люди всего мира будут смеяться!..

— Не пускайте ее! За волосы притащите сюда! — кричал старик своим женам, которые в душе обрадовались уходу «любимой» жены эшона.

— У нас силы не хватит...— пробормотала Химча.

— Она уселась на лошадь мулло Идриса и уехала с ним...— добавила Бибиотун.

— Врешь! — завопил эшон. Он бестолково крутился по комнате, оглядывая стены и не находя того, что ему было нужно. Он что-то искал, но не мог вспомнить что.

Бибиотун и Химча переглядывались друг с другом, с трудом сдерживая смех.

Эшон в длинной белой рубахе и штанах, обвязанный платком, метался по комнате. Наконец он сорвал платок и отбросил его в сторону. Потом закричал женам:

— Что стоите, как пугала?! Идите, принесите мне халат и чалму!

Жены помчались в комнату младшей жены — верхняя одежда эшона была там.

Старик, не дождавшись их возвращения, выскочил во двор и направился к конюшне. На ходу он посмотрел под навес: чужих лошадей не было. «Далеко ли они могли уехать? Куда?»

Тяжело дыша, он быстро оседлал своего коня. Бибиотун и Химча появились во дворе с чалмой и халатом в руках.

— Давайте! — не помня себя от ярости, заорал эшон и повертел плеткой перед носом испуганных женщин.

Бибиотун метнулась к эшону и мгновенно водрузила на его голову чалму. Химча набросила на мужа пестрый халат.

Эшон, путаясь в длинных рукавах, подтянул полы, вытер окровавленный подбородок и перемазанное сажей лицо рукавом и сел на коня.

Химча забежала вперед и, широко распахнув ворота, пропустила эшона. Обе жены с треском захлопнули ворота и бросились обнимать друг друга: слава аллаху, в доме не будет этой проклятой Малики!

Эшон рысью объехал кишлак — Малики нигде не было. Встречные, видя почерневшее лицо эшона, опускали глаза: все они боялись эшона, и никто не решался сказать ему о том, что произошло в мечети. Женщины торопливо уходили домой, а мужчины склонялись в поклоне и прикидывались незнающими. Но между собой открыто говорили о том, что эшон в одну ночь почернел. Вряд ли кто-нибудь искренне жалел эшона, даже бывшие его ученики и те исподтишка посмеивались...

Причетник мечети Халимходжа, восполнявший невежество хитростью и проворством, услышав о позоре эшона, вышел на

улицу и, молча взяв коня за узду, завел к себе во двор. В душе он ненавидел Зиёдулло, особенно после того, как тот прошлой осенью три четверти урожая мечети забрал себе, бесчестно обманул Халимходжу. Однако причетник понимал: бесчестье эшона и ему не на пользу. Упадет авторитет хазрата, и доход мечети уменьшится, а Халимходжа существовал в основном за счет этих доходов. Распутная Малика, нагло бросившая мужа, дурной пример подает остальным женщинам кишлака... Если сегодня же ее не наказать, то завтра и другие женщины начнут изменять своим мужьям и убегать с чужими мужчинами. Сам причетник, как и эшон, имел трех жен и, несмотря на приближающееся шестидесятилетие, собирался сосватать четырнадцатилетнюю дочку соседа. В доме у него не проходил мирно ни один день: жены постоянно спорили, ругались, царапались и драли друг другу волосы. Частенько они и мужа не слушались. Вторая и третья жены были нахальны, остры на язык и за словом в карман не лезли. Причетник не любил вспоминать эти слова. Вчера вечером вторая жена без всякого стеснения взяла его за шиворот: «Если не будешь сегодня спать со мной, приведу себе сторожа из мечети!» — «Побойся аллаха, женщина! — воскликнул причетник, стукнув себя по лбу.— Старого, дряхлого сторожа с вытекшим слезящимся глазом? Что ты с ним будешь делать? Ведь он, несчастный, едва ноги таскает». Но жена только дерзко захихикала. И небо не обрушилось на ее голову. Младшая тоже заявила: «А если и меня будешь обижать, то, как Малика, опозорю тебя и уйду!» Причетник попробовал припугнуть ее: «Чего завидовать Малике? Увезут и продадут русским!» Но дерзкая баба, вместо того чтобы ужаснуться, засмеялась: «А что, русские не мужчины, что ли?» Халимходжа в гневе влепил ей пощечину и выскочил на улицу...

«Нет, эти неблагодарные совсем от рук отбились,— с обидой думал причетник,— с жиру бесятся... Необходимо что-то предпринять!..»

Потому-то завел причетник эшона в дом, усадил на грязное одеяло — женам, занятым ссорами, было не до стирки. Потом заботливо подложил под локоть эшону еще пару грязных подушек.

— Успокойтесь, господин мой,— причетник говорил шутливо, слегка улыбаясь и поигрывая глазами.— Товар пропал, жизнь-то у вас осталась...

— Честь дороже жизни,— простонал эшон.— Они совратили мою жену!..

— Господин мой, я в курсе дела,— спокойно продолжал причетник и, изложив весь ход утренних событий, постарался убедить эшона, что жена его порченая и что сейчас вся опасность в том, что ее пример может дурно повлиять на других женщин.

Но вместо того чтобы успокоиться, эшон пришел в ярость: получалось, что он виноват в падении нравов. Он закричал:

— А вы что делали? Вы были в мечети, почему позволили, чтобы они говорили? Почему не разогнали людей?

— Господин мой, я не мог этого сделать,— стал оправдывать-

ся причетник.— Я послал к вам мальчика. Он вернулся и сказал, что вы больны и пусть гости говорят...

— Да я ничего не знаю об этом,— смущенно признался эшон. Он понял, что и здесь Малика его перехитрила. Ясно, что она встретила мальчишку, отправила его обратно, а потом и сама пошла в мечеть...

— Возможно, господин мой, возможно...— задумчиво говорил Халимходжа, поглаживая бороду.— Но что теперь делать? Нужно действовать!..

— Не знаю, что делать,— угрюмо пробормотал эшон,— давайте подумаем.

Они помолчали.

— Вот что,— наконец сказал причетник,— далеко уйти они не могли.— Причетник пристально поглядел в лицо эшону и подумал: «Грязный какой! Умыться не мог, что ли?»

— У них хорошие лошади,— безнадежно махнул рукой эшон. Почувствовав внезапную слабость, он почти упал на подушки.

— Если захотите, догнать можно,— возразил Халимходжа.— Они направились в Сиполинг. Там ночевать будут. Можно захватить их ночью в Сиполинге. Но какая от этого польза?

— Мы им головы отрежем! Малику в мечети камнями забьем,— эшон привстал, выпученные глаза его налились кровью, все тело дрожало от гнева.

Халимходжа в душе был согласен с решением эшона, но он не верил, что тот отважится все так и сделать. Поэтому он, немного помолчав, с сожалением сказал:

— Сюда бы львов Фузайла Махсума.

— Не говорите, не говорите! — Зиёдулло-эшон мечтательно посмотрел вдаль. – Благородный Фузайл Махсум был защитой веры и шариата... Если бы действительно найти кого-то из его львов.— В душе эшона вдруг зажегся огонек надежды.

— Нет, господин,— решительно отверг этот план Халимходжа.— Сейчас мы их захватить не можем.

— Почему? — рассердился эшон.

Халимходжа, по привычке собрав бороду в кулак, усмехнулся:

— Успокойтесь, хазрат! Ваш верный раб не сторонник переселения и не противник справедливого возмездия. Но я думаю о последствиях...

— О каких еще последствиях? — все еще сердито перебил эшон.

— Господин мой, вы должны хорошо подумать... Эти двое, я даже не знаю их имен, представители власти и приехали к нам со специальным заданием. Если мы их убьем, нам придется отвечать за это. На советской земле власти нас везде найдут...

— Тогда перейдем границу...— решительно заявил эшон, готовый на все.

— А если не удастся? — насмешливо глядя в лицо эшону, спросил Халимходжа.— Тогда отправимся на тот свет без молитвы?

— Не накликайте беду,— вздрогнул эшон.

— Проглядишь несчастье, счастье упустишь, говорили великие,— напомнил Халимходжа.

— Что же тогда делать? — спросил эшон упавшим голосом.

— Самое верное,— причетник самодовольно усмехнулся,— на представителей власти пожаловаться самой власти. Тогда власть и станет на вашу защиту. У народа повысится ваш авторитет, а противники ваши окажутся опозоренными. «Стыд страшнее смерти» — так ведь говорят... Малику вам вернут, и станет она послушной рабыней. И это послужит уроком для других...

— Сомневаюсь, ох сомневаюсь,— вздохнул эшон.— Разве Советская власть станет защищать честь служителя веры? Она защищает голодранцев и никогда не будет защищать нас с вами!

— Хазрат мой, я все хорошо обдумал! — Халимходжа оглянулся на дверь, прикрыл ее плотнее, потом подошел поближе к эшону: — В правительстве есть хорошие люди, которые помогают таким, как мы с вами.

— Расскажите этот сон воде, господин причетник,— буркнул эшон.— Всех, кто раньше помогал Ибрагимбеку и Фузайлу Махсуму, да таких, как мы с вами, давно выгнали из государственных учреждений.

— Верно! Но не всех! — довольно захихикал Халимходжа.— Кроме того, хоть и исчезли старые наши защитники, но появились новые. Председатель Хаитского исполкома господин Хамдамуф[1] — наш человек. Я с ним недавно беседовал, и он меня успокоил: «Не волнуйтесь, мы всегда будем защитниками веры и обычаев...» Вот так-то. И еще он сказал, что неверные урусы сеют в нашем народе рознь... Господин Хамдамуф считает, что мы все потомки пророка и должны поддерживать друг друга. Причину разгона колхозов в горах он тоже так объяснил и даже добавил, что это хорошо...

— А откуда родом этот Хамдамуф? — с интересом спросил эшон.

— Из Канибадама. Из рода правоверных. Отец его, как и я, был причетником,— сообщил Халимходжа.— Но, оставшись сиротой, он вырос у чужих людей, в Ходженте и Ташкенте учился в русской школе, а потом стал работником советских учреждений...

Эшон обрадовался.

— Ладно, сходим и к нему. А если не поможет он, у меня на примете есть еще один хороший человек, пойду к нему.

— А кто он, человек этот? — оживился причетник.

— Гармский,— сказал Зиёдулло-эшон.— Господин Нусратходжа! Из приверженцев и родственников Фузайла Махсума. Сейчас в Вахшской долине один из больших людей...

— Хе-хе-хе!.. Значит, и нам прямая дорога на Вахш,— пошутил Халимходжа.

---

[1] Хамдамуф — искаженное «Хамдамов».

От неуместной шутки причетника эшон снова разгневался и косо поглядел на него:

— Надо мной насмехаетесь?

— Нет, нет, что вы! — Халимходжа виновато прижал руки к груди.— Я просто пошутил, да не будет вам в обиду, хазрат! Но прежде чем ехать к Хамдамуфу...— причетник выразительно посмотрел на черное лицо эшона.— Принести горячей воды?

Но Зиёдулло-эшон отказался: он решил не приводить себя в порядок.

— Не беспокойтесь, если идти с жалобой, то так лучше! Пусть все видят, как велико мое несчастье.

Причетник кивнул головой, подумав, что так действительно лучше.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

По узкой, как след змеи, горной тропинке шел Идрис, ведя в поводу Гнедого, на котором сидела Малика, закутанная в платок. Диловар ехал на Пегом. Он был погружен в собственные мысли и только иногда с опаской поглядывал на край пропасти, на дне которой шумела, перекатывая камни, река. Тропинка змеилась по склону ущелья к речке, и вскоре они перешли ее по узкому висячему мостику. Дорога стала шире и ровнее, и две лошади могли идти рядом.

Диловар подогнал коня и спросил Идриса:

— А застанем ли мы в середине дня Хамдамова на работе?

— Не застанем, так подождем немного, придет...— беззаботно ответил Идрис.

Но Идрис только казался беззаботным, на самом деле его серьезно беспокоила судьба Малики. Он знал, что эшон не стерпит обиды и постарается отомстить им. В этих узких горных долинах и темных ущельях всего можно ожидать...

Идрису, знавшему о горькой жизни Малики, очень хотелось помочь несчастной женщине, но он не мог придумать, как это сделать. Он назвал ее своей сестрой. Значит, надо будет привести Малику в свой дом. Но как отнесется к этому Шакаргуль? Примет ли она ее как сестру? Шакаргуль — женщина ревнивая. А если кто-нибудь со злости или ради шутки скажет, что Идрис привел вторую жену, что тогда? А как будет чувствовать себя Малика?

Размышления Идриса снова прервал Диловар:

— Вечером вернемся в Сиполинг или останемся в районе?

«Диловар, видно, тоже опасается эшона,— смекнул Идрис.— Лучше бы, конечно, остаться на ночь в районе. Не исключено, что эшон соберет своих мюридов и нападет на Сиполинг, чтобы расправиться с нами...» Но признаться в этом вслух ему было нелегко, и он ответил твердо:

— Ночевать мы должны в Сиполинге, как обещали людям. Что иначе о нас подумают?

— Верно, нас будут сегодня ждать в Сиполинге,— согласился Диловар. Он вспомнил, что Идрис, когда они уходили из мечети, сказал нескольким сиполингцам, один из которых даже приходился ему племянником, что сегодня они будут у них в гостях.

Малика ехала молча, опустив голову и прикрыв глаза. Казалось, она дремала. На самом деле она ловила каждое слово, искала в них скрытый смысл и делала для себя выводы. Она понимала, что навлекла на них опасность мести эшона. И за то, что они не бросали ее, сердце Малики переполнялось любовью к ним и благодарностью. Она была готова с радостью исполнить любые повеления Идриса. Она не представляла себе жизни без него. Правда, Малику настораживало то, что Идрис называл ее сестрой. Значит, у него есть жена. Конечно, есть! Разве такой мужчина будет холостым? Но Малика согласна быть второй, третьей, хоть пятой женой Идриса, лишь бы не разлучаться с ним. Она будет вести себя хорошо и завоюет сердце Идриса. Она не будет скандалить с другими его женами. Если захотят, она всем им будет прислуживать. Лишь бы Идрис был доволен, лишь бы Идрис был с нею!..

— Ну вот и до Ханта добрались,— сказал Идрис, останавливаясь.

Внизу на берегу полноводной речки раскинулось селение. На этом месте с давних времен располагался город Хант. Сейчас, после набегов басмачей, он превратился в небольшой заброшенный кишлак. Советская власть хоть и освободила Хант от разбойничьих банд Фузайла Махсума и войск Ибрагимбека, но была в этом районе очень слаба — замаскировавшиеся классовые враги, проникшие в советские учреждения, искажали политику властей и все еще угнетали бедняков в Гармской области. Дехкан, пришедших с жалобой на тяжесть налогов, местное начальство пугало: «Ты на Советскую власть жалуешься? Налоги утвердила Советская власть. Если у тебя нечем платить налоги, продай жену и детей в колхоз, а сам иди куда хочешь! Хоть за границу!» И некоторые забирали семьи и в страхе убегали за границу. Богачи, чтобы избежать раскулачивания, угоняли за границу скот...

Узкие кривые улочки городка были малолюдны, на дверях лавок висели замки, и даже богатый и пышный прежде базар был беден и заброшен. Люди жили подавленные страхом. Они недоверчиво смотрели на каждого, кто появлялся на дороге из Сталинабада. Женщины прятали лица и убегали, мужчины уклонялись от вопросов упорным «не знаю»...

Когда Диловар спросил высокого худого дехканина, где находится исполком, тот так растерялся, будто у него хотели выпытать страшную тайну, и полушепотом назвал какую-то улицу. Диловар, не поняв, переспросил. Но мужчина пробормотал: «Не знаю». Диловар попросил проводить их, но тот, изменившись в лице, даже не дослушал его, пятясь вошел в свои ворота, быстро захлопнул их и закрыл на запор. Диловар и Идрис с удивлением переглянулись.

— Ладно, проедем дальше, может, еще кто встретится,— сказал Идрис, растерянно оглядывая пустую длинную улицу.

Они проехали еще немного, когда навстречу им из переулка показался молодой всадник. У него было круглое лицо, черные с длинными ресницами глаза, густые брови; одет он был в длиннополый кафтан, поверх которого висела кожаная сумка на длинном ремне.

Натянув повод, парень придержал коня и поздоровался.

— Вы здешний? — спросил Идрис, почему-то усомнившийся в том, что юноша хантский.

— Да,— парень белозубо улыбнулся.— Я секретарь райкома комсомола Султонов.

Диловар протянул руку для приветствия, назвал себя и Идриса, сообщил о цели приезда и спросил, где исполком.

— Все наши учреждения в одном месте. Я вас провожу,— предложил Султонов.

Он поехал вперед, завернул в переулок, вывел гостей на широкую улицу и, остановившись у низкого глинобитного свежепобеленного дома, привязал лошадь к дереву и предложил гостям сделать то же самое.

Диловар привязал Пегого к дереву и, наклонившись к арыку, вымыл руки. Идрис остановил своего Гнедого в двух шагах от Пегого и, повернувшись к Малике, помог ей спуститься на землю.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Исполком виден был издалека — большой новый дом с огромными деревянными воротами.

Султонов, а за ним Идрис, Диловар и Малика вошли внутрь здания. Было тихо и темно. Приоткрыв какую-то дверь, Султонов спросил, на месте ли Хамдамов. Женский голос ответил, что председатель куда-то уехал. Тогда Султонов пригласил гостей в свой кабинет. Это была узкая длинная комната. Посредине стояли четырехугольный стол и две скамейки. Отодвинув скамейки от стола, секретарь предложил гостям сесть.

Малика, чувствовавшая себя неловко в обществе мужчин, хотела выйти на улицу, но ее остановил Султонов:

— Нет, сестра, здесь не мечеть, здесь комитет комсомола, и сюда входят и мужчины и женщины...

Малика вернулась, но, по обычаю, хотела сесть на корточки возле двери.

— Не садись на пол, сестра! — ласково обратился к ней секретарь.— Осознайте наконец свои права, вам революция и Советская власть дали равноправие с мужчинами и свободу. Сядьте рядом со своими братьями!

Малика нерешительно присела на краешек скамейки рядом с Идрисом.

— Вот так, хорошо! — сказал секретарь.

Малика с уважением взглянула на секретаря и, опять застеснявшись, склонила голову. Однако она успела заметить над голо-

вой секретаря на стене знакомый портрет. «Ленин»,— вспомнила Малика и обрадовалась, будто встретила в незнакомом месте знакомого человека.

Она снова подняла голову и посмотрела на портрет. На этот раз взгляд ее был смелее. Заметив это, секретарь райкома отвернулся, чтобы не смущать женщину.

Человек на портрете был совсем простым и приветливым, он был похож на уставшего дехканина...

Портрет напомнил Малике дни ее учебы и одно запомнившееся ей на всю жизнь происшествие. Малике было лет девять-десять, когда через два дома от них, в доме Наврузбека, открылась новая школа. В школе преподавали два учителя — мужчина и женщина, муж и жена. Муж был таджик, знавший узбекский и русский языки. В присутствии детей он разговаривал с женой по-русски... А учительница татарка, по имени Нурия. Все звали ее Нурия-апа или просто «сестра».

Нурия часто приходила в дом Малики за молоком. Мать Малики не брала деньги за молоко: в кишлаке это было не принято, но Нурия, не желая оставаться в долгу, никогда не приходила с пустыми руками. И каждый раз, обнимая Малику, говорила ей хорошие, ласковые слова.

Постепенно Нурия-апа подружилась с Маликой и ее матерью. Она и Малику затащила в школу и почти каждый день после уроков занималась с ней, чтобы девочка скорее освоила грамоту. Малика полюбила учительницу так сильно, что без нее не уходила из школы. Если Нурия задерживалась — проверяла тетради или читала,— Малика пристраивалась где-нибудь неподалеку и не сводила глаз с дорогого лица. Особенно нравилась девочке золотая коса Нурии. Теперь, если мать, вымыв голову, заплетала ей мелкие косички, то Малика плакала и просила сделать одну толстую косу.

Но эти хорошие для Малики дни продолжались недолго. В один из осенних дождливых вечеров кто-то тихо постучал в дверь дома. Матери Малики нездоровилось, девочка растирала ей руки. Обе вздрогнули.

— Малика, это я, Нурия...

Малика радостно вскочила, открыла дверь и едва узнала Нурию: растрепанная, босая, в грязи с головы до ног, учительница дрожала. Протянув черный чемоданчик Малике, Нурия бросилась к ее матери:

— Сестрица, спрячь меня! Басмачи мужа убили...

Мать уложила учительницу в постель, укрыла с головой одеялом.

Малика с ужасом смотрела, как дрожало под одеялом худенькое тело Нурии.

Вскоре снова раздался стук в ворота, на этот раз громкий.

— Вот, пришли! Идут! Басмачи идут! — в страхе вскочила учительница.

Уже слышались шаги у двери, когда Нурия, кинувшись к че-

модапчику, быстро открыла его и, достав оттуда что-то завернутое в материю, дала Малике.

— Береги это!..— прошептала она, глядя на девочку полными ужаса глазами.

Малика поняла, что учительница вручила ей что-то самое дорогое, и сунула сверток между одеял.

Нурия словно успокоилась и даже попыталась улыбнуться дрожащими губами.

— Малика! — грозно закричал из-за двери дядя Гайбулло.

Малика, не отвечая, обняла учительницу.

— Открой дверь! — крикнул дядя.

— Зачем пришли? — привстав, спросила больная мать.

— Учительница здесь?

— Нет, нет! Здесь нет Нурии-апа! — закричала Малика, крепче обнимая учительницу.

— А зачем она вам? — словно спросонья, спросила мать.

— Люди ищут...— сказал дядя.— Ну-ка, откройте дверь!

Тишина нависла над домом. Мать молчала. За дверью ждали.

— Открывай дверь, дура! — сердито заорал Гайбулло.— А не то они твой дом сожгут!..

Мать с трудом встала и, приблизившись к учительнице, обняла ее и прижала к груди.

— Я тебя никому не отдам, сестра!

— Нет, сестра, не получится! — Учительница поцеловала мать.— Будьте счастливы, и спасибо вам...

В дверь ломились, угрожали.

— Я сейчас! Сейчас выйду! — откликнулась Нурия. Прижав голову Малики к своей груди, она погладила ее по голове.

В этот миг Гайбулло, сломав дверь, ворвался в дом, подскочил к учительнице, одним ударом свалил ее с ног и, схватив за ногу и косу, поволок к двери. Малика, не помня себя, с визгом бросилась на него.

— Убирайся прочь! — рявкнул Гайбулло на девочку.

В бессильной ярости Малика вцепилась зубами в руку дяди. Он взвыл от боли и отпустил Нурию. Ударом ноги он отбросил девочку. Второй, ожидавший у двери мужчина подскочил на крик, схватил учительницу и, волоча ее за косу, вытащил на улицу...

Потом Гайбулло со смехом рассказывал, как басмачи издевались над Нурией и как, измученная, она молча умерла. Малика сберегла сверток. Через два года она отдала его новому заведующему школой. В свертке оказался портрет Ленина. Теперь он прибит над воротами школы...

Воспоминания Малики прервал веселый голос Султонова:

— И как же вам это удалось в мечети митинг устроить? — Блестящими глазами он оглядел гостей.— А куда же смотрел Зиёдулло-эшон?

— Да вот, Малика помогла. Без нее мы бы не справились,— сказал Диловар.— Она избавила нас от эшона...

Тут же Идрис изложил ход событий, по обыкновению расцветив рассказ шутками.

— Молодец, сестра! — воскликнул довольный Султонов.— Так ему и надо, эшону. Вы, сестра, совершили подвиг. Вы теперь женщина-революционерка! Я вам советую вступить в комсомол. И учиться надо. Товарищ Ленин,— секретарь поднял голову и взглянул на портрет,— велел нам «учиться, учиться и учиться»!

Малика молча кивнула, решив, что обязательно будет учиться, вступит в комсомол...

— Ну, а что вы теперь хотите делать? — Секретарь повернулся к Диловару: — Зачем вам нужен Хамдамов?

— Хотели попросить, чтобы он помог нам. Мы за переселенцами приехали.— Диловар порылся в кармане, достал свернутое письмо.

— Вот как! — засмеялся секретарь.— Вы от нас хороших людей и девушек наших,— он глянул на Малику,— увозите, а мы еще и помогать должны.

Идрис, поняв, что секретарь шутит, почесал затылок:

— О девушках не печалься, додар! Так издавна повелось: как только девушка подрастет, ее дома не держат...

— Тогда делать нечего,— развел руками Султонов,— тем более раз так уж повелось, да еще и решение правительства есть... Хотим не хотим, а помогать должны.

Диловар протянул Султонову письмо, данное ему Нусратходжой.

— Джаноб Акмалзода Хамдамову письмо передал...

— Товарищу Хамдамову? — переспросил, уточняя, Султонов.— Хорошо, передам. А кстати, кто такой «господин Акмалзода»? Почему вы называете его не товарищ, а господин?

— Потому что он из господ,— опередил Диловара Идрис.— У нас сейчас пока три господина: господин Урунов, господин Нусратходжа и господин Акмалзода. Первый — председатель исполкома, второй — председатель нашего колхоза, а третий — представитель Наркомзема...

— Понял! — сказал секретарь, и лицо его стало серьезным и озабоченным. Хамдамов был в районе человеком новым, и никто, в том числе и Султонов, не знал его хорошо. Но в душе комсомольского секретаря зародилось однажды сомнение — тот ли Хамдамов, за кого себя выдает?

И вот почему. Увидев как-то, что сын соседа свободно, у всех на глазах беседует с его взрослой дочерью, Хамдамов избил его плеткой и пригрозил, что завтра же арестует. А наутро пропала исполкомовская лошадь, и Хамдамов, заявив, что в краже виновен соседский парень, немедленно арестовал его. И до сих пор под арестом держит без следствия и суда и даже без серьезных улик.

Султонов хотел вмешаться в эту историю, но Хамдамов не стал его и слушать.

— Вы будете ждать Хамдамова здесь или вернетесь в кишлак? — спросил после некоторого молчания Султонов.

Диловар взглянул на Идриса: как быть?

— Лучше, пожалуй, нам сначала попить чаю где-нибудь в чайхане,— сказал Идрис.— Может, к вечеру-то и Хамдамов появится... А там уж решим...

— Идет,— Султонов положил письмо Акмалзода на стол.— Я буду здесь. Приедет Хамдамов — передам письмо. Еще увидимся...

Он проводил гостей на улицу и вернулся в свой кабинет.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Когда Диловар, Идрис и Малика, попив в чайхане чаю, вернулись в исполком, в приемной председателя сидели Зиёдулло-эшон и Халимходжа.

Увидев Идриса с Диловаром, эшон вскочил и бросился к секретарю с криком:

— Воры! Сами пришли! Задержите их! Сообщите в милицию!

Видя, что секретарь ничего не понимает и только переводит испуганный взгляд с одного посетителя на другого, эшон влетел в кабинет Хамдамова:

— Господин председатель! Воры! Сами пришли! Арестуйте их, чтобы не сбежали!

Халимходжа, бормоча молитву, схватился двумя руками за воротник и попятился к двери в кабинет. На пороге, гордо выпятив тугой животик, появился Хамдамов — мужчина лет сорока, низкий, толстый, со скуластым лицом и узкими хитрыми глазами.

Диловар и Идрис, заслоняя спинами закутанную в платок Малику, спокойно стояли посредине приемной.

— Эти? — недовольно спросил Хамдамов.

Диловар и Идрис шагнули вперед. Хамдамов, уставившись прямо в глаза Диловара, протянул ему вялую руку. Потом, холодно глянув на Идриса, небрежно коснулся пальцами и его руки.

— Ну, чем обязан?

Зиёдулло-эшон, прижав кулаки к груди, бросился вперед и, не давая раскрыть рот Диловару с Идрисом, зачастил:

— Господин раис, зачем спрашивать? Те самые... Это они украли мою жену и сбежали. Вот и она с ними! Прикажите их арестовать!..

Малика вежливо поклонилась Хамдамову.

Хамдамов чуть кивнул. Потом, покусав нижнюю губу, секунду подумал и вдруг сказал секретарше:

— Мы дали задание милиции найти их. Ну, а раз они сами явились, дело упрощается. Сообщите, пусть заберут!

— Слава аллаху! Справедливое решение! — радостно воскликнул эшон.

Диловар ошеломленно молчал, глядя на растерянного Идриса,— он не сразу понял, в чем дело, а когда понял, моментально собрался и сухо, с усмешкой произнес:

— Товарищ председатель, по обычаю говорят: «Сначала спроси, потом казни». Как же это вы, еще не выслушав нас...

Хамдамов взорвался:

— У меня сейчас нет времени выслушивать вас!

И хотел захлопнуть дверь, но в приемную с письмом в руках вошел Султонов.

— А вот и комсомол наш! — Хамдамов с иронией в голосе обернулся к Султонову: — Полюбуйтесь. Вчера коня украли, сегодня — жену у мужа. А что будет завтра? Не знаю!

Султонов внимательно огляделся, мгновенно разобрался в обстановке:

— Я в курсе дела.

— Вот как! Вы всегда в курсе,— ядовито усмехнулся Хамдамов.— Может, вы еще и защищать будете этих авантюристов?

— А вы полагаете, что я стану на защиту этих господ?

— Комсомол! Знай, что говоришь! — закричал Хамдамов.— Революционный закон защищает всех угнетенных!

— Нет, раис,— сжимая кулаки, гневно сказал Султонов.— Вы плохо знаете революционные законы. Советский закон защищает бедных от их классовых врагов!

— Так! — Хамдамов снова покусал нижнюю губу, потом раздраженно спросил: — А кто дал право этим вашим удальцам средь бела дня красть женщину?

Султонов подошел к Малике:

— Ну-ка, сестра, скажи сама и так, чтобы они слышали: разве тебя украли?

Малика неожиданно для самой себя осмелела и еще дрожащим голосом, но громко заявила:

— Нет! Никто меня не воровал! Я по своей воле переселяюсь на новые земли! Я высказала это свое желание в мечети, перед народом...

Халимходжа снова ухватился за воротник, а Зиёдулло-эшон ойкнул и приложил руки к груди.

— Слышали ответ женщины, товарищ председатель? — обратился к Хамдамову Султонов.

Раис молчал.

— Они даже наших объяснений не пожелали выслушать...— усмехнулся Идрис.

Председатель исполкома вспыхнул:

— Вы должны были своевременно ко мне обратиться! Кто дал вам право самостоятельно проводить собрания и митинги? Кто вы такие? Предъявите документы!

Диловар с Идрисом повернулись к Султонову.

— Есть у них документы,— спокойно сказал секретарь.— Они привезли вам письмо от представителя Наркомзема...

Он протянул письмо Хамдамову. Тот сердито взглянул на пакет, но взгляд его тут же потеплел.

Акмалзода писал: «Брат Хамдамов, все мы, ваши братья, джаноб Урунов, джаноб Нусратходжа (из коренных гармцев, вы его

должны помнить по Душанбе) и ваш покорный слуга, молимся за ваше здоровье, желаем успеха во всем. Надеемся видеть нашего друга и брата процветающим. Заодно сообщаем вам, что податели сего — представители вахшских колхозников. Мы послали их по необходимости для нужд Нусратходжи на сбор переселенцев. К вам просьба — своей властью помочь им уговорить человек 20—30 на переселение. Ваш покорный слуга давно мечтает побывать в Гарме, но, к сожалению, в ближайшее время обстоятельства не позволяют. Будьте здоровы, с искренним уважением, ваш Акмалзода».

Хамдамов еще держал в руках письмо, когда в приемную вошли два милиционера.

Эшон, показывая на Диловара с Идрисом, взвизгнул каким-то не своим высоким голосом:

— Ведите их!

— Спокойно! — поднял руку Султонов, вопросительно глядя на Хамдамова.

Хамдамов задумчиво вложил письмо в конверт и сухо сказал милиционерам:

— Идите к себе, если надо будет — вызовем...

Милиционеры откозыряли и вышли друг за другом.

Халимходжа тяжело вздохнул и оперся спиной о стену.

Эшон, недовольный таким оборотом дела, забегал вокруг Хамдамова:

— Господин раис, как же это получается... Воров отпускаете? Ведь...

— Перестаньте! — раздраженно оборвал его Хамдамов и повернулся к Диловару: — Ладно, если найдутся добровольцы, можете их забирать. Из уважения к Акмалзода и Урунову я вас отпускаю. Но о вашем самовольстве я напишу им. Пусть они сами принимают меры...

— Какое самовольство? — вскипел Идрис.

Диловар вопросительно посмотрел на Султонова:

— В чем дело?

Раис исполкома не собирался ничего объяснять, он попытался скрыться в своем кабинете, но его остановил Султонов:

— Товарищ Хамдамов! Об этом я доложу на бюро райкома.

Хамдамов важно оглядел всех и с презрительной усмешкой сказал:

— Знаю, комсомол, что ты мастер докладывать!

И, не дождавшись ответа Султонова, ушел в свой кабинет.

— Пойдемте отсюда, товарищи! — Султонов открыл дверь, пропуская вперед Малику.

Зиёдулло-эшон выскочил вслед за ними в коридор и схватил Малику за руку:

— Стой! Ты-то куда идешь?

Малика оттолкнула эшона. Он хотел снова схватить ее, но Идрис встал перед ним:

— Хазрат, хазрат, нехорошо!

5*

— Попадись мне только, негодяй! — тяжело дыша, пригрозил эшон Идрису.

— Вот тогда и поговорим, а пока всего доброго!

— Я твой поганый язык вот этими руками вырву! — подняв длинные руки, заверещал эшон.

— Господин причетник, и вам всего доброго! — Идрис вышел на улицу последним и прикрыл за собою дверь.

— Чтоб вам с землей смешаться! — крикнул им вслед причетник.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

После отъезда Диловара Нусратходжа стал очень внимателен к Джамолбеку. Каждое утро старался обязательно встретиться с ним, здоровался с ним почтительно, точно с лучшим другом. И для Хайригуль находил мягкие, приветливые слова. Закирджону Нусратходжа доставал из кармана лакомства или игрушку. Когда бы ни пригласил его Джамолбек, радостно соглашался, торопливо входил в дом, усаживался в переднем углу. Даже пообещал Джамолбеку, что по возвращении Идриса и Диловара назначит его арбакешем...

Неожиданная благосклонность Нусратходжи удивила и насторожила супругов. Они строили разные догадки, но раису своего удивления не выказывали. Наоборот, старались как можно радушнее принять его. Хайригуль заваривала чай покрепче, а Джамолбек при этом добродушно ворчал: «Жена, что за яд ты приготовила?» или «Опять горечь заварила?» И Хайригуль со смехом отвечала, что заварила чай «по-раисовски». Польщенный Нусратходжа рассыпался в благодарностях: «Спасибо, сестра Хайригуль!», «Вы настоящая женщина!», «Чтоб было вам хорошо!»

После ухода Нусратходжи супруги вопросительно посматривали друг на друга, стараясь при Адолат не обсуждать свою тревогу. Лишь ночью, когда дети засыпали, шепотом делились своими сомнениями.

— Хоть бы зять скорее вернулся, и мы бы сдали ему его сокровище,— начинала Хайригуль.

Под сокровищем она имела в виду Адолат. Диловар перед отъездом привел Адолат в дом отца, и теперь Джамолбек и Хайригуль стали догадываться, что Адолат, кажется, и есть тот магнит, который притягивает раиса. Первой это заметила Хайригуль, женщина сметливая, и тут же шепнула об этом мужу. Да и сам Джамолбек сообразил, почему Нусратходжа, точно надоедливая муха, кружит у их дома, но, чтобы жена не паниковала, успокаивал ее: «Домыслы от действий надо отличать, жена, Адолат ему в дочки годится...»

— Уж не с дурным ли умыслом отправил Нусратходжа Диловара с Идрисом? — поделилась вдруг Хайригуль с мужем.

— Тоже мне, выдумала,— делая вид, что сердится, ответил

Джамолбек, но в душе разделил опасения жены.— Они поехали за переселенцами. Это точно, не сомневайся.

— Если переселение такое нужное дело, почему же он сам не поехал?

— Не знаю,— задумчиво отвечал Джамолбек.— Есть на то, видно, причина...

— Конечно, не без причины...— согласилась Хайригуль и, немного помолчав, спросила: — А где может быть Аброр?

Джамолбек, совсем было задремавший, услышав имя Аброра, открыл глаза:

— Что ты сказала? Аброр? —Сердце старика застучало часто и сильно.

— Знает ли Аброр о выезде Диловара с Идрисом? — допытывалась Хайригуль.

— С чего это ты? — рассердился старик.— Аброр давно исчез.

— Оно конечно... Но когда я смотрю на камыши на той стороне канала, мне кажется, что Аброр прячется там и поджидает нас с Адолат...

— Ну-ка перестань, глупая! — сказал нарочно грубо Джамолбек.— Спи, завтра рано вставать...

Но Хайригуль не могла заснуть. Она, теперь всегда жившая в страхе, ночью боялась спать: прислушивалась, вставала, смотрела на спящую Адолат. Вот и сейчас услышала в соседней комнате шорох и бросилась к дочери.

Адолат, привстав, дрожащими руками крепко обняла мать:

— Мама, мамочка... Я видела во сне Диловара... Мне страшно...

Хайригуль, целуя глаза и лицо дочки, крепко прижала ее голову к своей груди:

— Ничего, доченька, молодая жена всегда скучает по мужу и видит его во сне...

Адолат засмеялась и натянула одеяло на лицо.

Мать с дочкой помолчали, думая о своем. Потом Адолат жалобно попросила:

— Давай вместе спать, а то одна я вижу плохие сны.

Мать протянула руку через Адолат, накрыла одеялом спящего Закирджона и, обняв Адолат, положила голову к ней на подушку.

— Слава аллаху, ты не одна, дочка. С одного бока братик, с другого я, в той комнате — отец. Не сегодня-завтра и муж твой приедет...— успокаивала она Адолат, ласково гладя ее по волосам.

— Завтра приедет? — спросила Адолат с надеждой в голосе.

— Приедет, обязательно приедет, не завтра, так послезавтра...

— Нет, мама, скажи, что завтра приедет, я не могу ждать еще два дня! — пробормотала Адолат, закрывая глаза и прижимаясь к матери.

Мать улыбнулась:

— Приедет, завтра приедет... Если ты сейчас будешь хорошо спать — завтра же и приедет...

— Ты смеешься? Не хочешь, чтобы Диловар приехал завтра? — приподняла голову Адолат.

— Почему? — удивилась Хайригуль.— Я тоже хочу, чтобы Диловар скорее приехал...

— Раз так, скажи, что завтра приедет, скажи серьезно, без смеха! —потребовала Адолат. Ей совсем по-детски хотелось поверить, что будет так, как скажет мать.

— Приедет, завтра приедет! — серьезно повторила мать и поцеловала дочку в лоб.

— Спасибо, мамочка! — сказала Адолат обрадованно.— Утром разбуди меня пораньше, чтобы я успела прибрать наш дом до приезда Диловара. И дай мне большое сюзане, чтобы я украсила стены нашей мазанки, а папа пусть даст мне новые циновки, я их постелю на пол. А потом Диловар купит вам другие циновки. Ладно, мама? Ты согласна?

— Ладно, ладно...— радовалась мать планам дочки.— Воля твоя, все, что хочешь, забери, все твое. Была бы ты только счастлива...

— Нет, нам больше ничего не нужно, циновка и сюзане — и все. Остальное мы сами заработаем. Приедет Диловар — я тоже выйду на работу. Дома скучно одной. Лучше я с Диловаром на поле пойду...— заявила Адолат.

— Не говори так, доченька,— остановила Хайригуль дочь.— Не делай ничего без согласия мужа, чтобы он не сердился.

— Он не рассердится! — уверенно сказала Адолат.— Все, что я захочу, он тоже захочет...

— Это хорошо, но старайся делать все, что мужу по сердцу,— Хайригуль делилась с дочерью собственным опытом семейной жизни.— Душа у мужчины нежная. Плохо, если его сердце не лежит к женщине....

— Его сердце лежит ко мне, мама,— теперь Адолат успокаивала свою мать.— Диловар очень хороший. Он никогда меня не бросит. Он любит меня!..

Хайригуль поглаживала мягкие, как шелк, кудри дочери, и глаза ее сами собой закрывались. Ее, целый день хлопотавшую по хозяйству, побеждал сон.

Адолат, увидев, что мать заснула, тихонечко встала и подошла к окну. Дул сильный ветер, лил дождь.

«Если Диловар в пути,— подумала Адолат,— то сильно промокнет. Хоть бы с утра солнышко появилось, обсушило бы путников. А то ведь могут и заболеть!»

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Проснувшись утром, Адолат увидела, что дождь перестал и появилось солнце. «Хорошо! — обрадовалась она.— Если ночью Диловар и промок, не беда. На солнышке теперь быстро просохнет...»

Адолат оделась, сняла со стены большое сюзане и аккуратно сложила его. Потом торопливо умылась и побежала к матери, хлопотавшей по хозяйству возле дома.

— Мама, сюзане я взяла. А циновки дашь мне?

— Ой, доченька,— виновато ответила мать,— я забыла спросить у отца, а он в поле ушел... Подожди немного, он придет завтракать...

— Нет, я сейчас хочу! — Адолат обиженно поджала губы.

— Аллах с тобой, бери.

Адолат схватила не развязанный еще сверток циновок и потащила все это к себе в мазанку.

— Ты бы поела...— крикнула вслед ей Хайригуль.— Я ведь лепешек напекла...

— Потом,— на бегу ответила Адолат, думавшая сейчас лишь об одном: как бы покрасивее убрать свой дом.

Вход в мазанку Джамолбек заложил камышом, прикрыл старой кошмой, а всю мазанку крепко обвязал веревкой.

Адолат попыталась развязать веревочный узел, не смогла, попробовала зубами — тоже безрезультатно. В бессилии она опустила руки и тут увидела, что рядом стоит отец и ласково улыбается.

— Папа, ну и завязал же ты!

Джамолбек поглядел на растрепанные волосы дочки, на ее раскрасневшееся лицо и рассмеялся:

— Не совладала?

— Такой узел и богатырь не развяжет!

— А я развяжу! — гордо объявил Джамолбек и, взяв жесткими руками веревку, сильно потянул, и узел развязался сам собой.

— Ну, убедилась, что я сильней богатыря?

— Убедилась! — Адолат двумя руками схватилась за кошму, пытаясь оторвать ее, но сил у нее и тут не хватило.

— Постой, дочка,— Джамолбек придержал Адолат за руку.— В жизни не все можно взять силой. Напрасное усилие спину ломает. А тут немного подумать нужно: потянешь резко — кошма порвется, а вход не откроется...

Все так же неторопливо и спокойно отец развязал все узлы, связавшие кошму с дверным проемом, и вход легко открылся.

— Можешь входить в свой дом! — Джамолбек был доволен собой.— Я ведь, доченька, так завязывал, чтобы ни один вор не влез...

— А что тут делать вору? — удивилась Адолат.

— Да мало ли? А вдруг? — Отец очистил вход от мусора.— Осторожность — половина жизни, говорят...

Он хотел внести циновки, но Адолат запротестовала:

— Не надо, я потом, сама... Вы идите, чай ваш остынет...

— Воля твоя,— взглянув на Адолат, Джамолбек ушел.

Адолат опустилась на старую кошму и немного посидела на солнышке, прислонившись к стене, пока не перестала кружиться голова.

«Неужели мама права? — с удивлением и радостью подумала Адолат.— Как сказать об этом Диловару? Обрадуется он или огорчится? Конечно, обрадуется! Но странно как-то: он отец, а я мать!

Как хорошо — дети! Бездетный подобен сухому бесплодному дереву. А мы с Диловаром будем деревом плодоносящим. Как это здорово! Хоть бы скорее Диловар приехал! Как я хочу, чтобы он сегодня приехал! Сегодня, сейчас... Ох, а я ведь еще не убрала наш дом!..»

Адолат вскочила и посмотрела на большую дорогу из Курган-Тюбе, по которой должен был приехать Диловар. На дороге никого не было.

«Почему никто не едет? —не отрывая глаз от дороги, шептала Адолат.— Зачем нужна дорога, если никто по ней не ездит? Хотя нет, хорошо, что сделали дорогу. Ведь Диловар по ней приедет! Ох, Диловар! Когда же ты приедешь? Скорее, я не могу больше ждать. Я так соскучилась по тебе!.. Я подмету полы, постелю новые циновки, украшу стены цветным сюзане. Так все будет красиво, что тебе завидовать будут все мужья, а мне все жены мира! Лишь бы ты скорее приезжал...»

Мысленно взяв слово с Диловара, что он скоро приедет, Адолат вошла в дом. От весенних дождей стены покрылись плесенью, было холодно и сыро, но Адолат ничего не видела. Она старательно поправила висящие над головой сломанные камышинки, потом сняла влажную кошму с пола, вынесла ее на солнышко и взялась за веник.

В тот день Диловар так и не приехал. И назавтра — тоже...

Каждое утро Адолат уходила в свою мазанку, убирала и чистила ее. А днем поднималась на высокий берег канала и часами смотрела на дорогу. И вот однажды к вечеру, перед закатом солнца, на дороге показались люди.

— Мама! Едут, едут! — закричала Адолат и стремглав бросилась к матери.

Радостная весть быстро разнеслась по кишлаку, и все от мала до велика высыпали встречать приезжих. Среди встречавших не было только Адолат: Хайригуль велела ей ждать мужа в своем доме: перед народом показывать свои чувства неприлично...

Адолат с обиженным видом стояла возле своей мазанки. Сердце ее стучало от нетерпения, ей хотелось бежать, лететь навстречу Диловару, но... Адолат вытягивала шею, но никак не могла разглядеть мужа среди множества незнакомых людей, которые медленно приближались к кишлаку. И вдруг решила: будь что будет, но она пойдет и уведет Диловара. Она сделала несколько шагов вперед и наконец увидела любимого. Диловар отделился от толпы, передал кому-то коня и быстро пошел к мазанке.

Адолат внезапно обессилела. Так и стояла, пока Диловар не подошел, не обнял ее и, легко подняв, прижал свои горячие губы к ее помертвевшим губам...

— Я так скучал по тебе, родная! Так скучал...— шептал он.

А Адолат не могла произнести ни слова. Диловар, обеспокоенный бледностью жены, внес ее в мазанку, уложил на постель.

— Сейчас пройдет, сердце мое. Полежи немного, пройдет...

Адолат, приоткрыв глаза, посмотрела на Диловара и улыбну-

лась. Потом, гладя горячими ладонями заросшее лицо мужа, сказала:

— Вот уже несколько дней голова кружится...

Диловар сразу все понял...

Руки Адолат потянулись к нему, и голова Диловара покорно склонилась. Счастливый муж горячо расцеловал ее, но с улицы кто-то позвал Диловара.

— Идрис-ака...— узнала голос Адолат.

— Сейчас выйду,— ответил Диловар и тут же вспомнил: переселенцев-то надо кормить, размещать...

Но Адолат не отпускала его.

— Пусти, милая, люди ждут...— Диловар ласково отвел ее руки.

— А я? — обиделась Адолат.— Сколько я тебя ждала? Пусть теперь и они подождут! Сейчас ты мой, и я тебя никому не отдам! — она крепко обняла его за шею.

— Адолат! —укоризненно сказал Диловар.— Что ты делаешь? Хочешь опозорить меня перед людьми?

— Подумаешь! — закапризничала Адолат.— Пусть все знают, что этот мужчина,— Адолат пальцем ткнула в грудь мужа,— такую молодую и красивую жену каждый день оставляет одну!

— Не шути, Адолат! — Диловар нахмурился.— Пусти, я пойду...

— Уходи,— рассердилась Адолат, отталкивая Диловара.— Ты меня не любишь! Я тебе не нужна! Даже в первое утро после свадьбы ты ушел в поле! Потом в горы сбежал! И теперь убегаешь! За столько дней ты меня даже не вспомнил! Не верю! Больше ничему не поверю!..

Адолат бросилась ничком на постель и заплакала.

Диловар пытался утешить ее, успокоить, объяснить, что она не права, что он любит ее, но Адолат не слушала, ничего не хотела понимать и рыдала уже в голос.

Вконец расстроенный, Диловар оставил плачущую жену и направился к переселенцам.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

С утра у всех на языке было только одно слово — «гулянье». Больше всех суетились ребятишки, разнося по кишлаку последние новости: выборы состоятся в колхозе «Октябрь»...

Четырехлетний Закирджон, в новых сапожках и новом пестром халатике, гордо заявил соседской девочке Олии:

— Я с папой на гулянье поеду!

— И я поеду...— ответила Олия.

— Нет, ты не поедешь! — Закирджон показал ей язык.

— Поеду!..— Олия тоже показала язык и убежала.

Закирджон догнал ее, схватил за косички.

— Мама! — закричала Олия.

Подоспевший Джамолбек разнял детишек, спросил, о чем спор.

— Я говорю Олии, что она не поедет на гулянье,— сердито ответил Закирджон.

— Поеду, я поеду! — на глазах девочки появились слезы.

Джамолбек засмеялся:

— Нет, сынок, ты не прав. Олия тоже поедет на гулянье. На гулянье поедут все. Чем больше народу, тем веселее.

Закирджон тут же согласился с отцом. Олия успокоилась, а после того, как Джамолбек пообещал посадить детей на свою арбу, совсем развеселилась. Помирив детей, Джамолбек дал им по рублю и велел бежать к арбе, где отец Олии Идрис подсадил детишек наверх.

У арбы уже собрался народ. Зеварой играла на дойре, какой-то парень с увлечением танцевал. Нусратходжа, надевший роскошный бекасамовый халат, гордо восседал на Гнедом с красным знаменем в руке.

Диловар стоял окруженный переселенцами, которые засыпали его вопросами. Диловар не знал больше того, что сказал ему Нусратходжа: на участке колхоза «Октябрь» будут проводиться выборы нового Совета, а потом состоится большое гулянье.

Диловар отвечал на вопросы и не сводил глаз со своей мазанки. Может, Адолат выйдет. Обидевшись на мужа в день его приезда, Адолат продолжала дуться и сегодня отказалась идти на гулянье. Не зная, как умилостивить жену, Диловар попросил тещу зайти к Адолат. Хайригуль давно уже вошла в мазанку...

Нусратходжа, втайне ожидавший Адолат, послал Джамолбека за семьей.

Джамолбек, не найдя жены дома, заглянул в мазанку Диловара.

— Мать Адолат, ты здесь? — спросил он у входа.

— Да, сейчас...— подала голос Хайригуль.

— Давайте скорее! Все вас ждут.

— Хорошо, хорошо...— отвечала Хайригуль, уговаривая дочь: — Быстрее собирайся, стыдно! Отец сам пришел...

Джамолбек немного постоял, подождал и, махнув рукой, решительным шагом направился к арбе.

Вскоре из мазанки показались тетя Хайригуль и Адолат. В красном шелковом платке, пылавшем на солнце, молодая женщина была очень хороша. Диловар с облегчением вздохнул. Нусратходжа не мог оторвать от нее глаз. Зеварой мгновенно уловила его состояние, сердито отбросила дойру.

Помогая друг другу, женщины взгромоздились на арбу. Нусратходжа протянул им знамя:

— Возьмите. Пусть будет у вас!

Хайригуль хотела передать знамя Зеварой, но та, бросив многозначительный взгляд на Адолат, отказалась.

— Сестра, дайте мне! — попросила Малика и, ухватившись за древко, подняла знамя.

— А с чего это дойра замолчала? — подкузьмил жену Нусратходжа.

— Руки заболели! — сердито ответила Зеварой.

Нусратходжа, стиснув зубы, сдержался:

— Тогда отдай дойру Шакаргуль!

— Шакаргуль, а ну-ка сыграй! — попросил жену Идрис.

Шакаргуль бойко заиграла на дойре. Хмурый, насупленный Нусратходжа ехал молча, люди с недоумением посматривали на него, веселье гасло на глазах. Заметив это, Идрис спросил:

— Раис, может, ёр-ёр[1] спеть?

Нусратходжа, приняв шутку за насмешку, зло посмотрел на Идриса и, обогнав арбу, поскакал к большой дороге. Джамолбек прикрикнул на Пегого, подстегнул его, за ними потянулись и остальные — кто на ослах, кто пешком.

Диловар с Идрисом шли рядом позади всех. Идрис, удрученный молчанием Диловара, спросил:

— Что случилось?

— Ничего...— усмехнулся Диловар.

— Раис что-нибудь сказал?

— Нет, так просто...

Видя, что Диловар упорно не желает говорить, Идрис перестал задавать вопросы.

В колхозе «Октябрь» праздник был в самом разгаре. Отовсюду доносились звуки карнаев[2]. Из окрестных колхозов подъезжали и подходили люди. Женщины и девушки были разряжены, как невесты. Дети в восторге носились между взрослыми. На большой площади раскинулась пышная ярмарка. Здесь кипели и дымили котлы с пловом и шурпой, пахло шашлыком и горохом.

Нусратходжа, спрыгнув с лошади, передал Гнедого и камчу с расписной ручкой Диловару и важно приказал:

— Смотрите за лошадьми и арбой, за людьми, а я пойду к начальству.

Диловар проводил его глазами и обернулся к Идрису и Джамолбеку: что делать? Посоветовавшись, они сняли с арбы женщин и детей, арбу отвели в сторону, коней распрягли и привязали неподалеку в кустах. Идрис с Розиком остались караулить добро, а все остальные отправились на ярмарку. Обошли длинный ряд лавок, накупили одежды и сладостей и уже собрались поесть шашлыка, когда встретили Умархона. Он радостно поздоровался с ними, а потом отвел Диловара в сторону.

— Вас-то я и искал. Товарищ Доннёров спрашивал,— тихо сказал он.

— Что-нибудь случилось? — удивился Диловар.

— Вы, вероятно, еще не в курсе дела.— Умархон испытующе посмотрел в глаза Диловару: — Нусратходжа ничего не говорил?

— А что он должен был сказать?

— Тогда поздравляю,— Умархон протянул руку Диловару.—

---

[1] Ёр-ёр — веселая песня, поется обычно на свадьбах.

[2] Карнай — духовой музыкальный инструмент, распространенный на Востоке.

Райком и исполком рекомендовали вас в раисы колхоза «Труд».

— Почему? А Нусратходжа? — широко открыл изумленные глаза Диловар.

— Нусратходжа стал председателем Совета,— пояснил Умархон.— А вас назначили вместо него. Но директор МТС возражает. Игорь Степанович очень хочет взять вас к себе в МТС...

— Может, на место раиса колхоза найдется человек поопытнее меня? Я все-таки здесь новый человек...

— Оставь эти разговоры! — рассердившись, Умархон перешел на «ты».— Все считают тебя бывшим рабочим, который сумеет быть организатором, справится с работой. Это большое доверие! Ты должен его оправдать.

Диловар задумался. Конечно, он постарается оправдать доверие... Только очень уж все неожиданно. Трудно представить себя на месте Нусратходжи...

— Ну, пойдем, с тобой хочет поговорить Дониёров, а то сейчас митинг начнется,— Умархон потянул Диловара за рукав.

Диловар подошел к своим, сказал, что его вызывает начальство и что шашлык им придется есть без него...

Адолат опять обиделась и, когда Диловар, извиняясь, посмотрел на нее, быстро отвернулась, будто не заметила его взгляда.

— Адолат, я скоро вернусь!..— неуверенно пообещал Диловар.

— Идите, какое мне до вас дело! — громко, капризным тоном ответила Адолат.

Диловар тяжело вздохнул и, опустив голову, пошел за Умархоном.

Агроном привел Диловара во двор правления колхоза «Октябрь». Там, под новым деревянным навесом, на суфе, устланной одеялами и подушками, сидели Бурхон Дониёров, Урунов, Акмалзода, Фадеев и еще несколько председателей колхозов нового сельсовета. Кодыров все время крутился около начальства, поминутно отдавал распоряжения чайханщику и бесконечно кланялся. Даже Умархона с Диловаром он встретил с поклоном.

— А, Диловар! — директор МТС поднялся навстречу с протянутой для приветствия рукой.— Нусратходжа с Уруновым никак не хотят отдавать тебя мне. Теперь выясняется, что и товарищ Дониёров их поддерживает...

— Вы опоздали, Игорь Степанович,— засмеялся Дониёров.— Нужно было заранее предупредить меня, что товарищ Мирзоев так необходим МТС. Может быть, тогда я и поддержал бы вас...

— Нет уж, Бурхон Дониёрович,— улыбнулся Фадеев.— Знаю я ваши планы. Вы хотели послать Диловара в Сталинабад на учебу. Вот и вся поддержка!..

— Ну ладно, ладно,— примирительно сказал секретарь райкома.— Диловар как председатель колхоза будет помогать и вам. А вы поставите его к себе в будущем на партийный учет.

— Вот это правильно! — согласился Фадеев.— И я не теряю надежды перетащить его в МТС.

— Значит, прежде всего ваши собственные интересы? — едко заметил Урупов. До сих пор он сидел молча, прихлебывая чай.

— Именно так! — холодно ответил Фадеев.— Вы в этих вопросах очень тонко разбираетесь! Но поскольку мои личные интересы в данном случае совпадают с интересами государственными, я не испытываю угрызений совести.

— Очень интересное признание, товарищ Фадеев.— Урупов поудобнее устроился на подушках.— Боюсь только, что вы своим партийным заявлением испортите мировоззрение беспартийного,— он глянул в сторону Диловара.— Предположите, что завтра все, подобно вам, заявят: «интересы мои и государственные едины»? Не слишком ли вы преувеличиваете роль своей личности? По-моему, это серьезная политическая ошибка, дорогой товарищ!

— Вот тебе и на! — Игорь Степанович раскинул руки в стороны.— Состав преступления: Фадеев предпочитает свои интересы общественным! Так?

— Да, так,— подтвердил Урупов, даже и не думая превращать разговор в шутку.

— А раз так, назрел вопрос для обсуждения моей персоны на бюро? — Фадеев изумленно посмотрел на Донпёрова.

Лицо секретаря было серьезным. Ему не нравился этот спор. Никчемный, ненужный, но злой. И сейчас он думал о том, как его прекратить.

— В данный момент перед нами стоят куда более важные вопросы, товарищи. И довольно посторонних разговоров. Люди ждут. Мы должны объявить народу о создании нового Совета. Собрание откроете вы? — обратился секретарь к Урупову.— Нужно, чтобы после вашего представления новый председатель Совета произнес несколько слов...— Донпёров повернулся к Нусратходже.

— Речь у председателя Совета готова,— буркнул Урупов.— Мы обсудили ее...

— Прекрасно.— Секретарь райкома немного помолчал и добавил: — Неплохо было бы, если б и Диловар сказал несколько слов.

Урупов вопросительно посмотрел на Нусратходжу: давать ли Диловару слово, не подведет ли он? Нусратходжа растерялся и пожал плечами.

— Предложение хорошее,— вмешался Фадеев и подмигнул сразу вспотевшему от волнения Диловару: — Ты должен показать свою рабочую сознательность и организованность.

Только теперь Диловар понял, зачем его вызвал Донпёров: он должен выступить на собрании. Что же сказать? В Ташкенте Диловар часто бывал на митингах и собраниях, но выступать ему не приходилось. Он хотел предложить кого-нибудь другого, но вспомнил слова Умархона и прикусил язык... Да, он, сын дехканина и рабочий, всегда хранит в душе гордость труженика. Об этом и надо сказать...

— Товарищ Акмалзода тоже выступит? — спросил Донпёров.

— Нет, нет,— откашливаясь, прохрипел Акмалзода.— Горло

болит, не смогу, прошу прощения. Всё, и от моего имени тоже, вы сами скажете...

Он поближе подошел к Диловару и прошептал:

— В Хант хорошо съездили?

— Да, хорошо...— коротко ответил Диловар, обдумывая предстоящую речь.

— Нусратходжа хвалил вас.— Акмалзода по привычке начал протирать пенсне.— Хамдамова видели?

— Видел...

— Письмо мое отдали?

— Отдал...— усмехнулся Диловар, вспоминая события в Ханте.— Хамдамов обещал написать вам и Урунову...

— А, хорошо, хорошо...— Акмалзода наконец посадил пенсне на переносицу.

Диловару почему-то не захотелось рассказывать представителю Наркомзема о том, что произошло в Ханте.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

На широкой площади народу собралось много.

Диловар, сидя между Нусратходжой и Кодыровым за столом, покрытым красной материей, пытался разглядеть в пестрой толпе Адолат. Наконец ему удалось это, Адолат держала на руках Закирджона и тоже поглядывала по сторонам — искала Диловара. Адолат, вероятно почувствовав взгляд мужа, резко повернула голову, и глаза их встретились. На лице Адолат отразилось недоумение: почему это ее Диловар сидит там, рядом с Нусратходжой, который смотрит на нее, как голодный волк? Молодой женщине стало смешно, она улыбнулась, опустила глаза. Надо же быть таким бесстыдным? Но Нусратходжа истолковал ее улыбку иначе.

«Потихоньку-полегоньку сдается...— подумал он.— Нужно только потерпеть. Но где взять терпение? Не зря великие говорили: «Терпение в сердце влюбленного как вода в решете...»

Адолат, увидев, что Нусратходжа снова ест ее глазами, рассердилась и нахмурилась. «Что хочет от меня этот нахал? Чтоб ветер унес твои глаза! У тебя жена есть, чего на чужую глаза вылишь?»

Чувствуя себя неловко под взглядом раиса, Адолат посмотрела на Диловара. Но он уже не смотрел в ее сторону. Он видел Урунова на трибуне и вспоминал Ташкент, митинг и своих друзей — рабочих-железнодорожников, освистывающих оратора...

Урунов торжественно зачитал решение районного исполкома о создании Октябрьского сельского Совета...

Собравшиеся дружно зааплодировали.

Диловар тоже захлопал и снова задумался. Он сравнивал двух Уруновых — того в Ташкенте и этого. Вспоминал манеры, лицо, движения. Теперь он не сомневался: тот оратор и этот — один человек. Да, осенью двадцать седьмого года рабочие железной дороги в Ташкенте стащили с трибуны Урунова, называя его

«отъявленным троцкистом». Что же произошло, если сегодня здесь тому же человеку аплодируют? Изменил он свои убеждения или хорошо их замаскировал? Выискивает у других политические ошибки, всем дает уроки, учит, критикует...

«Знает ли его Донпёров? — мучился Диловар.— Если знает, кто такой Урунов, почему молчит? Почему с ним мирится? Боится? Почему? Ведь он секретарь райкома! Нет, видимо, Донпёров не знает прошлого господина Урунова! Не знает! А знать не мешало бы. Да, он должен знать». Поверит ли он Диловару? Должен поверить. Большевики всегда верили рабочим. Диловар ведь рабочий!.. Только его почему-то называют бывшим рабочим. Какой же он бывший? Он и сегодня рабочий, хоть и трудится теперь в колхозе. Сердце-то у него рабочее! Разве можно забыть то, чему он научился, что понял на железной дороге, в депо? Тем более он, как рабочий, должен сказать Донпёрову об Урунове. Должен!..

Взрыв аплодисментов вновь прервал размышления Диловара. Урунов представлял собравшимся нового председателя сельсовета. Нусратходжа встал, раскланиваясь. Расцветший от безмерных похвал Урунова, он стоял на трибуне, скромно, как жених, потупившись. В этот момент он даже Адолат показался молодым и симпатичным. Покраснев до ушей, она пожалела Нусратходжу: «Видимо, не любит он Зеварой. Вот, бедный, и завидует другим...»

Нусратходжа с трибуны выразил благодарность исполкому, «председатель которого товарищ Урунов» обещал служить народу от всей души...

Потом Урунов предоставил слово председателю колхоза «Октябрь» товарищу Кодырову, а Донпёров шепнул Диловару: «После него ты...»

Кодыров, услышав свое имя, вскочил и побежал к трибуне, но, так как перед тем бросил в рот нас, быстро вернулся назад. Он был в растерянности — не знал, куда выплюнуть табак. Кто-то снизу посоветовал:

— В шапку!.. В шапку!..

Диловар узнал голос Идриса и взглядом нашел его. Идрис откровенно и весело хохотал.

Растерявшийся Кодыров выполнил совет Идриса: снял с головы свою грязную шапку и выплюнул в нее табак. Теперь он не знал, куда девать шапку...

— В карман засунь! В карман! — снова подал совет Идрис.

Раис тотчас же засунул шапку в карман. Раздался новый взрыв хохота.

Но он не обратил на это никакого внимания и, встав на трибуне, начал восхвалять Урунова и Нусратходжу. Урунова он так долго хвалил, что Идрис, не выдержав, опять посоветовал:

— Заложи еще табаку!

Люди снова засмеялись.

Урунов, поняв, что от подобных похвал ему только позор, тихо, но внятно приказал:

— Хватит! Садись!

— Хорошо, хорошо, раис! — закивал Кодыров, продолжая восхваления дальше.

— Я тебе что сказал? — вспыхнул Урупов.— Садись на место!

Кодыров снова закивал: «Хорошо, хорошо, раис!» — но трибуну не покинул.

— С сегодняшнего дня ваше имя «Хорошо, раис», садитесь теперь, мы все поняли! — закричал Идрис.

Люди громко хохотали: прозвище прочно прилипло к Кодырову.

— В конце я хочу пожелать, чтобы Нусратходжа всегда брал пример с Урупова!..— сказал он и покинул трибуну.

— Браво, «Хорошо, раис»! — пришел в восторг Идрис.

Чтобы прекратить неуместный хохот, Урупов быстро объявил:

— Слово предоставляется председателю колхоза «Труд» товарищу Диловару Мирзоеву!..

Ноги у Диловара внезапно стали как ватные, он с трудом добрался до трибуны и некоторое время стоял за ней молча. Люди думали, что Диловар дожидается тишины, а он еле справлялся с волнением.

— Товарищи! — Диловар вдруг совершенно успокоился.— Некоторые тут, прикрываясь именем Советской власти, занимали наше время восхвалением отдельных личностей. Но, дорогие товарищи, Советская власть состоит не из нусратходжей и уруповых. Советская власть — это власть рабочих и крестьян, и она всегда опирается на рабочий класс и крестьянство...

От неожиданности лица Урупова и Нусратходжи вытянулись. Акмалзода нервно затеребил пенсне. Зато Умархон с Доннёровым радовались, что не ошиблись в Диловаре. Игорь Степанович слушал его с особенным интересом, глаза его сияли, ему все больше и больше нравился этот смелый парень.

— ...Наш местный Совет,— продолжал Диловар,— это наша семья. Если мы будем укреплять свою семью, власть рабочих и крестьян тоже окрепнет...

Урупов незаметно достал из кармана платок и, наклонившись, вытер пот со лба, потом хмуро посмотрел на Нусратходжу: «Узнал, мол, тобой хваленного? Подожди, он тебе могилу выкопает!..»

Адолат поразила смелость Диловара. На ее глазах муж наживал себе злейших врагов в лице Нусратходжи и Урупова. Толстый усач рядом с Адолат сжимал кулаки от злости... Молодую женщину охватил ужас. «Лучше бы он остался со мной, а не пошел с Умархоном. Я бы не пустила его выступать!»

А Диловар между тем спокойно и уверенно говорил:

— Основа Советской власти — дружба и сотрудничество рабочих и крестьян. Рабочие шлют нам трактора, всякие машины и промышленные товары. А мы даем хлопок. Хлопок наш очень нужен для развития промышленности, товарищи. Если мы, дехкане, хотим, чтобы Советская власть укрепилась, мы должны работать как можно лучше и давать как можно больше хлопка государству!..

Диловар закончил речь под громкие аплодисменты. Когда он шел на свое место, Игорь Степанович крепко пожал ему руку.

После Диловара слово взял секретарь райкома. Бурхон Донпёров, опытный оратор и знающий человек, прежде чем заговорить, всмотрелся в собравшихся, потом начал:

— Товарищи! Видя сейчас ваши смеющиеся, возбужденные лица, я вспомнил осаду Душанбе в тысяча девятьсот двадцать первом году. В те ужасные дни, когда десятитысячное войско басмачей под руководствм Энвер-паши и Ибрагимбека окружило наш гарнизон, мы, красные солдаты, мечтали о том, чтобы поскорее разогнать басмачей и начать выращивать хлеб, чтобы накормить всех голодных. С оружием в руках мы боролись против басмачей и других внешних и внутренних врагов, за восстановление Советской власти в Таджикистане. В этой борьбе погибли лучшие сыны народа. Мы победили, но не надо забывать, что внешние и внутренние наши враги все еще не отказались от намерения ликвидировать Советскую власть. Они тайно собирают силы и выбирают момент для прямого нападения. Владимир Ильич Ленин не зря, товарищи, нас предупреждал: власть взять в руки легко, но ее нужно уметь защищать! Мы с вами, товарищи, сегодня хозяева в своей стране. Советская власть — наша власть! Но мы должны ее укреплять. Именно эта трудная и ответственная задача и стоит сегодня перед нами. Вы можете спросить, а что значит — укреплять власть? Что мы должны сделать, чтобы Советская власть в Таджикистане всегда была крепкой?

Здесь вчерашний рабочий железной дороги товарищ Диловар Мирзоев верно сказал, что если мы, крестьяне, искренне хотим укрепить Советскую власть, то должны лучше работать и давать стране больше хлопка! Да, наш хлопок — могущество Советской власти. Наша важнейшая сегодняшняя задача и состоит в том, чтобы укрепить и усилить могущество и экономику. С этой точки зрения освоение земель Вахшской долины и развитие хлопководства в этой долине имеет не только величайшее экономическое, но и большое политическое и международное значение. Потому что до сего дня наше государство вынуждено покупать хлопок как ценное техническое сырье за границей за золото. Если мы, таджикские дехкане, обеспечим промышленность Родины тонковолокнистым хлопком — мы внесем большой вклад в дело укрепления Советской власти. Говоря проще, сегодня борьба за вахшский хлопок есть борьба за укрепление Советской власти в Таджикистане. Каждый центнер нашего хлопка — удар по врагу!..

Собрание приветствовало речь секретаря райкома громкими аплодисментами. Донпёров, воспользовавшись моментом, заглянул в записную книжку, где после тезиса «экономическая мощь» стояли еще два пункта: «классовая бдительность» и «организационная работа».

— Другой важный вопрос, товарищи,— продолжал секретарь,— заключается в том, чтобы мы учились отличать друзей от врагов...

— Верно! Правильно! — выкрикнул кто-то.

Умархон с Диловаром, узнав знакомый голос, разглядели Мирзо-Хола, который привстал и тянул руку.

— Вы хотите что-то сказать? — спросил у него Доннёров.

— Да, я тоже хочу сказать,— громко сказал дехканин.— Ты прав, додар! Надо отличать друзей от врагов. А ведь даже сейчас среди нас есть враги.

Но Урупов оборвал Мирзо-Хола:

— Потом получишь слово, сиди на месте!

— Вот видите, он мне даже слова не дает сказать,— пожаловался Мирзо-Хол.

Люди возмущенно зашумели, поддерживая Мирзо-Хола. Урупов побледнел, но стоял на своем:

— Здесь тебе не чайхана и не базар, чтобы болтать. На собрании каждый говорит по очереди!

— Ладно, хорошо... Если я неправильно поступил, извините,— обратился к Доннёрову Мирзо-Хол.

— Извиняться не за что, говорите.— Секретарь райкома чувствовал, что крестьянин хочет сказать что-то важное.

— Ладно, додар, я потом тебе все сообщу,— Мирзо-Хол махнул рукой и опустился на место.

Урунов и Нусратходжа забеспокоились: что он хочет сообщить? Кого он считает врагом и почему? Уж не узнал ли он что-нибудь о них самих?

Урупов кое-как успокоил народ и повернулся к молчавшему на трибуне Доннёрову: продолжайте, мол!

Секретарь райкома спокойно, будто ничего не случилось, заговорил о необходимости усиления классовой бдительности, об улучшении организационной работы и дисциплины труда в колхозах.

Но Урупов больше не слушал. Он с нетерпением ждал, когда секретарь закончит речь и можно будет закрыть собрание. Голова его разболелась. Ему трудно было скрывать свое презрение к собравшимся и тяжело понимать, что игра, которую он вел столько лет, обречена на провал...

Мысли Урупова прервал взрыв аплодисментов. Доннёров, закончив речь, спускался с трибуны.

Урупов встал и торопливо объявил собрание закрытым.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Диловар понимал, что Нусратходжа не простит ему вчерашнего выступления на собрании, и удивился, когда тот встретил его как ни в чем не бывало. Вместе с ним он вошел к Лутфулло Машрабову и сказал, указывая на Диловара:

— Дай ему ключ от железного сундука!

Счетовод, спокойно пивший чай, мгновенно переменился в лице, посерел даже как-то и с явным неудовольствием достал из кармана длинный ключ. Диловар молча взял его.

— Печать и документы в сундуке,— пояснил Нусратходжа, пряча глаза.— А я уезжаю в Курган. До свидания. Пусть по тебе будет место!

Он быстро вышел.

Диловар смотрел на грязный, почерневший сундук и думал, что делать. Открыть и проверить, что есть и чего нет? Где могут быть колхозные деньги? Почему Нусратходжа ничего не сказал об этом?

— Где деньги? — он повернулся к Машрабову.

— Какие деньги? — как будто не понял счетовод.

— Колхозные.

— Ха-ха...— деланно засмеялся Машрабов.— Деньги в банке... Но на счету нашего колхоза и в банке денег нет. Колхоз столько должен банку, что и не счесть...

Диловар посмотрел в красные, глубоко посаженные глаза счетовода:

— Что будем делать?

— А что делать? — усмехнулся счетовод, отводя взгляд.— Вы раис! Все, что прикажете, мы исполним...

Диловар вспомнил про переселенцев:

— Вновь прибывшим пособие нужно выдать...

— Пожалуйста, если найдете деньги, я оформлю ведомость и раздам,— хладнокровно ответил Машрабов.

Диловар понял, что с ним говорить бесполезно, и вышел из конторы.

На улице нового раиса ожидал народ.

— Слыхали, что раисом стал, из конторы не выходишь...— пошутил Идрис.

— Еще не стал,— задумчиво произнес Диловар.

— Почему не стал? — посерьезнев, спросил Идрис.

— Потому что раиса должны колхозники выбрать...

— Это верно,— немного подумав, согласился Идрис и, обращаясь к колхозникам, предложил: — Если есть такие, кто против того, чтобы Диловар был раисом, пусть подымут руку!

Люди, удивленные таким голосованием, переглянулись. Никто не поднял руки, кроме самого Идриса.

— Теленок задом пошел!..— пошутил кто-то под дружный смех.

— Сейчас выправим,— расхохотался Идрис и, будто исправляя ошибку, сказал: — Кто хочет, чтобы Диловар был раисом, поднимите руку...

Первым поднял руку он сам, остальные тут же последовали его примеру.

— Единогласно! — сообщил Идрис и первым же поздравил Диловара.

Колхозники захлопали.

— Теперь слово новому раису...— объявил Идрис и, пропустив Диловара вперед, сам отступил в сторону.

Солнце тем временем поднялось высоко, было уже довольно

жарко. Диловар от волнения и жары весь взмок, пришлось ему расстегнуть верхнюю пуговицу ворота.

— Спасибо, товарищи...— поблагодарил он сдавленным от волнения голосом.— Я постараюсь оправдать ваше доверие и уважение. Буду раисом колхоза...— Диловар прижал руку к груди и поклонился, потом серьезно добавил: — Но, товарищи, правду сказать, нам трудно придется. Особенно переселенцам, которые еще крыши над головой не имеют... Но мы не должны отчаиваться. Государство дало колхозу землю, хлопковые семена, семенную пшеницу и кукурузу. Еще попросим — еще даст. Задача перед нами стоит большая и почетная. Мы должны превратить эти камышовые заросли и болота в плодородную землю, в родину «белого золота», оставить потомкам бесценное сокровище. Чтобы дети и внуки наши, придя после нас хозяевами в эту цветущую долину, с гордостью сказали: «Это земля наших отцов!»

Колхозники одобрительно зашумели.

— Вот для этой великой цели, преодолевая трудности, и будем работать, товарищи! — закончил Диловар.

Колхозники взволнованно откликнулись на призыв Диловара, повторяя: «Работать будем, трудиться будем! Сделаем Вахш садом!»

— Теперь, товарищи, обсудим некоторые организационные дела,— перешел к другому вопросу Диловар.— Поскольку в колхоз приехали новые люди и нас стало много, создадим две бригады. В каждой будет по двадцать человек: половина из опытных крестьян, половина из переселенцев...

Колхозники согласились и с этим предложением и выбрали бригадирами Идриса и Мирзо-Хола. Потом стали делиться на бригады. Поднялся невообразимый шум. Одни хотели попасть только к Идрису, другие к Мирзо-Холу, были и такие, которые не знали, в какую бригаду им вступить.

Тогда Диловар предложил, чтобы бригадиры сами набрали людей.

На этом стихийное колхозное собрание закончилось, и все, взяв в руки кетмени и серпы, направились в поле.

Только Малика, нерешительно отделившись от других, подошла к Диловару.

— А мне в какую бригаду идти?— спросила она, прикрывая лицо платком.

Диловар посоветовал ей идти в бригаду Идриса.

— Нет, я не хочу работать в бригаде Идриса,— сказала женщина и отвернулась, чтобы скрыть слезы.

— Коли так, идите в бригаду Мирзо-Хола,— развел руками Диловар, догадываясь о чувствах Малики.

— Но в этой бригаде тоже нет ни одной женщины...— печально вздохнула Малика.

Диловар понял, как нелегко женщине быть одинокой... И подумал, что придется решать и «женский вопрос». Людей в колхозе мало, мужчины не успевают обрабатывать поля, а женщины

с утра до вечера скучают дома и не знают, чем заняться. Вот и Адолат... Потому и капризничает, что не найдет себе дела...

— Будут женщины...— пообещал Диловар Малике.

— У меня еще просьба,— потупилась Малика.— Нельзя ли переселить меня? — Малика кивнула на дом Идриса.— У них и без меня тесно...

«И в самом деле, надо переселить Малику. Но куда? Если бы удалось уговорить Хайригуль...»

— Не горюйте, сестра, я найду вам подходящее место...— Диловар улыбнулся Малике, и она, повеселев, поклонилась. Диловар проводил ее взглядом. «Не удивлюсь, если за такой красавицей Зиёдулло-эшон притащится на Вахш...»

К полудню в кишлаке появился Умархон. Дониёров и Фадеев специально послали его, чтобы он проведал Диловара и вместе с Нусратходжой провел отчетно-выборное собрание.

Диловар засмеялся:

— Вы немного опоздали,— и рассказал, как сдал дела Нусратходжа.

— И ты принял? — нахмурился Умархон.

— Да.

— Прекрасно. Теперь установим в колхозе диктатуру пролетариата?

— Нет, почему? У нас демократия. Были выборы, и колхозники единогласно меня избрали...

Диловар весело изложил, как проходили выборы. Выслушав шутливый отчет раиса, Умархон засмеялся:

— Коли так, здорово! Но впредь будь осторожен с Нусратходжой и Уруповым! — серьезно предупредил он.— Они из вчерашнего твоего выступления хорошо поняли, кто ты есть. В общем, теперь у тебя появились и друзья и враги...

— Знаю, ака,— кивнул Диловар.— Я все понимаю... Урупова-то я раньше вас знал...

И он поведал о памятном митинге в Ташкенте. Умархон помолчал, обдумывая услышанное, потом спросил:

— Почему ты сразу не сказал нам об этом?

— Я его хоть и узнал с первого взгляда, но еще сомневался...— виновато признался Диловар, поглаживая усики.— А вчера на собрании понаблюдал за ним и убедился окончательно. Это тот Урупов!

— Интересное сообщение...— задумчиво проговорил Умархон.— Нужно поставить в известность Донiёрова. Для понимания того, как Урупов попал к нам в Таджикистан, это сообщение имеет большое значение...

— Возможно...— кивнул Диловар.— Но я не предполагал...

Умархон улыбнулся, дружески похлопал Диловара по плечу и перевел разговор на другое:

— Посмотри, как красиво!

Они стояли на краю хлопкового поля, по которому протянулись нежные зеленые дорожки взошедшего хлопчатника.

Умархон присел, вырвал росток, полюбовался им и показал Диловару кожицу семечка, которую вытолкнул стебелек из земли, появившись на белый свет.

— Этот росток, как осторожный человек, и летом не хочет снять тулуп, боится, как бы ветром не продуло...

Диловар рассмеялся, взял росток и хотел было снять с него кожуру, но стебелек сломался от неосторожного движения.

— Нехорошо, додар! —пожурил агроном, забирая у Диловара росток.— Хлопковый росток, как новорожденный, нежен и капризен. Ласки требует. Особенно в Вахшской долине, где лето очень жаркое...

— Если вы над одним ростком слезы проливаете, как же вы решитесь прореживать? — хитро прищурился Диловар.

Умархон взглянул на его смеющееся лицо и сам улыбнулся. Действительно, стоит ли так долго говорить об одном сломанном росточке, если вокруг, куда ни глянь, вылезла густая щетина?

— Нет, раис, прореживать придется, и сильно. На этой земле мы сеяли первый раз, и я велел заложить семян больше нормы. Сейчас вижу, что всходы хорошие, все семена взошли. Если вовремя не сделаем прореживание, растения не будут развиваться. Сегодня же начинайте прореживать! И сразу делайте арычки и пускайте по ним воду. Поливать надо. Жарко.

— На собрании мы решили создать две бригады,— сообщил Диловар.— Закрепим за ними участки...

— Хорошо...— сказал Умархон и, узнав, кто возглавил бригады, вспомнил, что Мирзо-Хол обещал что-то сообщить Доппёрову.

Агроном спросил, где сейчас Мирзо-Хол.

— Во-он в той стороне, за камышами,— показал рукой Диловар.— На новых землях арбузы и дыни сажает...

Мысленно запланировав себе обязательно поговорить с Мирзо-Холом, Умархон попросил Диловара обойти с ним поля, чтобы посмотреть всходы в низине. Разговаривая, они отправились в дальний конец поля.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Вечером Доппёрову позвонил Урупов и пригласил прийти завтра к нему домой. Звонок этот не понравился Доппёрову. В кабинете секретаря в тот момент были посторонние, поэтому, сдержанно поблагодарив, он положил трубку. Но когда все разошлись, Доппёров долго расхаживал по слабо освещенному кабинету, обдумывая, под каким предлогом отказать Урупову. Можно, конечно, сказать, что завтра он будет по горло занят — и это действительно так: предстоит поездка в Сталинабад, к которой необходимо заранее подготовиться. Но Урупов о ней ничего не должен знать.

Доппёрову вспомнилась зима 1921 года. Полномочный посол Народной Бухарской Республики в Душанбе Усмон Ходжа при-

гласил к себе командиров красного гарнизона и, сговорившись с авантюристом Энвер-пашой, арестовал гостей. Тогда из-за предательства одного представителя «правительства» чуть было не погиб в Душанбе весь гарнизон.

«Неужели Урунов хочет повторить хитрость Усмона Ходжи?» — спрашивал себя Донпёров, размышляя над приглашением. В последнее время Урунов и его люди стали вести себя активнее, перешли к тактике запугивания и угроз. И результат налицо — из многих колхозов начали группами убегать переселенцы. Как-то Фадеев серьезно заявил Донпёрову: «Я сомневаюсь в честности Урунова...» Тогда Донпёров, разделяющий в душе сомнения Фадеева, ответил: «Мы с вами коммунисты и не имеем права действовать, полагаясь на домыслы и сомнения...»

Но сегодня другое дело. Сегодня появились факты. Нельзя не принять во внимание сообщение Диловара о том, что Урунов был заядлым троцкистом. Нельзя обойти молчанием события, происшедшие в колхозе «Октябрь». Это же явный саботаж! А многочисленные угрожающие анонимки, хранящиеся в сейфе Донпёрова? А рассказ Мирзо-Хола о том, что за рекой собралось войско, которое ждет сигнала Нусратходжи? Все это Мирзо-Холу выболтал Аброр. А где, интересно, сейчас Аброр? Давно пора бы поймать этого преступника и устроить над ним показательный суд. Но, похоже, Аброр нужен Нусратходже и Урунову, и они его берегут... Начальник районной милиции тоже человек Урунова. Те убийцы, которые связали и зарезали двух трактористов в колхозе «Пахтакор», до сих пор гуляют на свободе. Игорь Степанович верно говорил — никто всерьез не искал!

Обо всем этом Донпёров и хотел поговорить в Сталинабаде, посоветоваться и получить соответствующие указания. Ведь если сообщение Мирзо-Хола близко к истине, необходимо принять срочные меры по укреплению границы. Донпёров хотел также выяснить, как попал Урунов в Таджикистан...

Да, вывести его на чистую воду будет трудно — ловок. Ловок, умен, хитер... Взять хотя бы этот его звонок — вежливое приглашение на чай. По-семейному, по-домашнему. «Надя тоже очень хочет вас видеть...» Что кроется за этой вежливостью? Хочет запугать или перетянуть секретаря на свою сторону? Или это будет сигналом для нападения? По спине Донпёрова пробежали мурашки. Неужели мы опоздали и враг опередил нас?..

От раздумий и сильного волнения у Донпёрова застучало в висках. Раненая нога, которая, чуть что, начинала ныть, сейчас совсем онемела. Он сел к столу и потер виски, чтобы унять боль. Посмотрел на часы. С минуты на минуту должен был появиться Игорь Степанович — он обещал зайти сразу же после работы.

В кабинет заглянула тетя Шура. Мгновенно уловив состояние Донпёрова, она участливо спросила:

— Болит?

— Немного! — с трудом улыбнулся Донпёров.

— Ничего. Я вам сейчас чаю покрепче заварю,— сказала тетя

Шура и протянула ему бумагу: — Телефонограмма из приемной товарища Музаффарова. Вызывают в Сталинабад.

Доннёров пробежал глазами телефонограмму. «Как кстати,— обрадовался он,— я точно чувствовал, что надо мне ехать...»

Секретарь Центрального Комитета Музаффаров был в гражданскую войну политкомиссаром в конной части Душанбинского гарнизона. В ту тяжелую зиму, когда красные, понеся тяжелый урон, прорвали окружение и отступали в сторону Байсунских гор, его тяжело ранило. Спас его Доннёров — вынес с поля боя и, положив на случайно подвернувшуюся арбу, отправил в тыл. Больше они не виделись, и Доннёров даже забыл об этом случае. Но однажды на Вахшстрое начальник участка представил Бурхона Доннёрова новому секретарю Центрального Комитета, а тот неожиданно обнял Доннёрова и расцеловал — узнал своего спасителя...

Музаффаров любил его, как брата, считал себя вечным должником, но, разумеется, это не мешало ему быть строгим и требовательным руководителем. Доннёров знал, что Музаффаров крепко спросит с него за участившиеся побеги переселенцев, и заранее обдумывал свой доклад о положении дел в районе...

Скрипнула дверь — на пороге возникла тетя Шура с неизменным чайником в руках и объявила:

— К вам женщина.

— Откуда она, не узнали? — спросил Доннёров.

— Здешняя, из Кургана. Жена начальника милиции. Говорит, дело важное.

Доннёров минуту подумал:

— Ладно, пусть заходит.

Вошла закутанная в платок женщина и робко присела на уголок дивана.

— Слушаю вас, сестра. Что случилось?

Женщина, приоткрыв лицо, быстро взглянула на Доннёрова и вдруг расплакалась.

— Муж меня каждый день бьет. Все тело в синяках,— она закатала рукав и показала истерзанную руку.— По ночам домой не приходит. Соседи мне посоветовали в райком пожаловаться. Вот я и пришла к вам...

— И сегодня бил?

— Каждый день бьет,— еще горестнее заплакала женщина.— И сегодня, в обед... Ногами...

— Сейчас ваш муж дома?

— Нет, в конторе, наверное!

— Ладно, сестра, идите домой, успокойтесь, а мы вызовем вашего мужа и побеседуем с ним.

Женщина ушла, а Доннёров тут же попросил тетю Шуру вызвать начальника милиции Гаффорова.

В это время появился Игорь Степанович. Столкнувшись в дверях с посетительницей, он пошутил:

— Что-то молодые женщины в нерабочее время стали в райком захаживать?

— Эх, дорогой Игорь Степанович! Это ведь прекрасно, что они идут сюда. Значит, доверяют и уважают.— Доннёров наполнил пиалы чаем и одну из них протянул Фадееву.— Ну, выкладывайте, какие у вас новости?

— Новость одна,— коротко ответил Фадеев.— Завтра еду в Сталинабад. Зашел проститься с вами.

— Завтра и я тоже еду в Сталинабад,— сказал Доннёров, с удовольствием прихлебывая крепкий чай.

— Значит, вместе? Очень хорошо,— обрадовался Игорь Степанович.

— Ничего хорошего,— сказал, глубоко вздохнув, Доннёров.— Лучше было бы, если бы один из нас остался здесь...

— Простите, Бурхон Доннёрович,— Фадеев нахмурился.— Но я не могу остаться. Должен ехать, и непременно завтра. В Сталинабаде у меня дела, не просто важные — неотложные.

Доннёров испытующе посмотрел на Фадеева, усмехнулся и перешел на «ты»:

— Хочешь услышать новости?

— Конечно! — Фадеев пересел поближе, придвинул чайник и потянулся за лепешками.— Извини за бесцеремонность... С утра не ел...

— Меня Урупов в гости пригласил...— сообщил Доннёров.

— Ну?! По какому случаю? — удивился Фадеев.

— Не ясно. Пока я еще не отказался. Нужно подумать...

— Странно! — Фадеев потер свою крепкую загорелую шею.— Может, «помириться» хочет?..

— Возможно! — Доннёров встал и, прихрамывая, заходил по кабинету.— Какой лисой прикинулся! Ты бы только послушал! Мы-де все о работе да о работе, даже в гостях друг у друга не бываем. Люди мы или истуканы. И так далее и так далее. Нет, дорогой мой Игорь Степанович... Что значит помириться? Мы с Уруповым вроде бы и не ссорились. Каждый день друг другу руки пожимаем, о здоровье справляемся... Урупов человек очень непростой. Он хорошо знает, что ему с большевиками никогда не договориться. Угощением здесь не поможешь, здесь другой замысел, а вот какой...

— Значит, заговор?— Игорь Степанович невольно привстал с места.

— Не думаю... Успокойся, друг! — Доннёров обнял Фадеева за плечи.— Садись! И мне налей чаю...

Игорь Степанович грузно сел, взял пиалу, налил. Рука его дрожала от напряжения, чай пролился на стол.

Сел и Доннёров. Помолчал.

— Как сынишка? Корь у него? — Доннёров живо представил себе Сережу, серьезного, щекастого и рассудительного.

— Да...— Глаза Фадеева потеплели.— Сегодня лучше. Температура упала. Ничего. Все пройдет. У тебя как дела? Все живы-здоровы?

— Все в порядке,— тепло улыбнулся Доннёров.— Скоро летние

каникулы, жену с детьми отправлю к родителям в Исфару. Летом там лучше...

— Мои тоже в Подмосковье собираются,— сказал Игорь Степанович.— Если бы ты знал, как красивы русские леса летом!

— Уши мне прожужжал, так что представляю... Даже запах белоствольной березки кажется знакомым. Знаю еще, что кора высоких сосен похожа на кожу смуглых таджичек. И еще знаю: в русских лесах много грибов, а ты больше всего любишь сыроежки,— Дониёров ласково толкнул друга в плечо.

Вошла тетя Шура и, забрав пустой чайник, сообщила, что начальник милиции в приемной.

— Пусть войдет.— Дониёров многозначительно посмотрел на Фадеева. Взгляд его как бы говорил: «Внимание, брат! Нам предстоит выяснить, кто перед нами: трус, которым вертит Урунов, или враг...»

Начальник милиции Абдуфаттох Гаффоров, мужчина крепкого телосложения, широкоплечий, с пышными усами, вошел в кабинет насупившись и, остановившись возле двери, исподлобья оглядел Дониёрова и Фадеева.

Дониёров объяснил Гаффорову причину его вызова. Возмущенно вскинув широкие плечи, начальник милиции удивился:

— Кто-то, видно, подговорил мою жену. Не имела она раньше такой привычки — жаловаться.

Дониёров усмехнулся:

— Но ведь есть на что жаловаться!

Гаффоров молчал, опустив голову, но про себя со злостью думал: «Что он лезет, куда не просят? Какое ему дело до моей семейной жизни?»

Дониёров тоже молчал.

— Нужно сначала проверить заявление жены Гаффорова и, если факты, в нем изложенные, подтвердятся, обсудить на бюро райкома. Член партии, избивающий свою жену,— это чрезвычайное происшествие! — сухо сказал Игорь Степанович, внимательно наблюдая за начальником милиции.

Гаффоров вдруг взорвался:

— Я знаю, что вы давно ищете повод, чтобы уволить меня с работы! Но знайте: мстить руками женщины — не мужское дело...

Дониёров дал ему выговориться и строго сказал:

— Товарищ Гаффоров, вы зря горячитесь. Мы вам поручили ответственный пост. И вы, как член партии, должны ответить перед райкомом за свое недостойное поведение!

Гаффоров молчал. Ему хотелось подняться и уйти, громко хлопнув дверью. Или наоборот— бросить открытой. Но он вдруг засомневался, сможет ли Урунов защитить его. И что потом делать? Бежать? Куда? За границу, в этот чужой Афганистан? Нет, нет, нет! Что он там будет делать? Воевать? Не хочет он воевать. Навоевался. Он хочет спокойно и безбедно жить. Но о каком покое может идти речь, если он меж двух огней! Если служить Урунову, от Дониёрова пощады не жди; перейти на сторону Дониёро-

ва — Урунов не пожалеет пули!.. До сего дня ему как-то удавалось лавировать — то Доппёрова обманет, то Урунова. Чаще, конечно, Доппёрова. Но сегодня, похоже, ему не удастся выкрутиться. Хромой Бурхон Доппёров, кажется, шутить не собирается... И похоже, его интересует не только семейная жизнь Гаффорова...

Словно прочитав его мысли, Фадеев повернулся к Доппёрову:

— Бурхон Доппёрович, если помните, я тоже жаловался в райком на начальника милиции. До сих пор не задержаны убийцы наших трактористов...

Гаффоров вздрогнул, будто его застали в момент преступления. На самом деле было иначе — они схватили убийц, но потом по приказу Урунова устроили им побег. Но как об этом сказать? Фадеев с Доппёровым не должны об этом даже и догадываться!..

— Вы прекратили поиски? — спросил Доппёров.

— Поиски продолжаются, но преступники скрылись бесследно,— пробормотал Гаффоров.

Секретарь райкома внимательно на него посмотрел:

— Ну что ж, напишите объяснения для бюро райкома: о жалобе вашей жены и о поисках убийц трактористов...

— С работы снимете? — хрипло выдавил из себя Гаффоров.

— Там видно будет,— холодно ответил секретарь райкома.

Гаффоров молча вышел из кабинета, тихо прикрыв дверь.

— Вы с ним слишком осторожно обращаетесь,— сказал Фадеев, кивнув вслед Гаффорову.— Видно ведь, что он за птица.

— Обстоятельства этого требуют, дорогой! — мягко напомнил секретарь райкома.— Мы не имеем права рубить сплеча, тем более сейчас, на десятом году Советской власти...

— А Урунову что ответишь? — снова переходя на «ты», спросил Фадеев.

— Он ни в коем случае не должен узнать о моей поездке в Сталинабад. Утром позвоню ему из дома и скажу, что заболел и на работе не буду. А потом ты заедешь за мной,— весело блеснув глазами, Доппёров шумно отодвинулся на стуле подальше от стола.— И мы скроемся в «неизвестном направлении»...

— Конспиратором ты стал, дорогой,— засмеялся Фадеев.

— Станешь тут,— улыбнулся Доппёров, задул лампу, и друзья вместе вышли из кабинета.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Приемная секретаря Центрального Комитета Шарофа Музаффарова находилась в самом конце длинного светлого коридора. Бурхон Доппёров минутку постоял перед двустворчатой, обитой дерматином дверью, вытер пот со лба, расчесал волосы, потом, приоткрыв одну половину двери, вошел в небольшую, но высокую прохладную комнату. Знакомая секретарша поднялась ему навстречу и, показав на кресло, попросила немного подождать.

— Товарищ Музаффаров беседует с американскими журнали-

стами,— объяснила секретарша.— Уже давно. Думаю, вот-вот кончит.

Доппёров понял, что секретарша не знает, скоро ли освободится Музаффаров, и что ждать, возможно, придется долго. Он придвинул кресло поближе к стене, поудобнее уселся и закрыл глаза.

Вскоре секретаршу вызвали, но она быстро вернулась и, улыбаясь, обратилась к Доппёрову:

— Товарищ Музаффаров ждет вас.

— А корреспонденты? — удивился Доппёров.

Секретарша, улыбаясь, развела руками.

В кабинете секретаря ЦК было накурено.

«Гости постарались»,— подумал Доппёров, зная, что сам Музаффаров не курит и не выносит табачного дыма.

Шароф Музаффаров, высокий мужчина лет пятидесяти, представил гостям Доппёрова как участника гражданской войны в Таджикистане. Рыжеволосая переводчица быстро перевела его слова на английский. Американские журналисты, оба долговязые, голубоглазые, один средних лет, другой совсем молодой, уважительно привстали и с любопытством оглядели Доппёрова. Поочередно протянув Доппёрову руки, они назвали свои имена: Майкл, Джонни. Доппёров повторил их про себя, чтобы запомнить.

— Извините, господин...— с акцентом произнес Майкл и вопросительно взглянул на переводчицу, чтобы она подсказала ему фамилию.

— До-пп-ё-ров,— по слогам пропела переводчица.

— Господин До-пп-ё-ров,— раскачиваясь всем телом, повторил Майкл,— у нас, к сожалению, мало времени, завтра улетаем в Москву и не сможем увидеть своими глазами вашу обновленную долину. Поэтому мы попросили господина Му-заф-фа-рова,— он осторожно, чтобы не ошибиться, по слогам назвал фамилию секретаря ЦК,— познакомить нас с вами. Мы бы хотели, чтобы вы ответили на некоторые наши вопросы...

— Пожалуйста, я отвечу на ваши вопросы,— сказал Доппёров спокойно.

Улыбнувшись, что-то быстро, по-английски, произнес Джонни. Переводчица перевела:

— Говорят, в Вахшской долине много комаров и от их укуса человек заболевает малярией и умирает. Поэтому Майкл испугался и не захотел поехать на Вахш.

— Еще говорят, что эти чудовищные комары прежде всего кусают корреспондентов,— шутливо добавил Майкл по-русски.

Доппёров, удивленно вскинув на корреспондентов глаза, весело рассмеялся.

— В Вахшской долине есть и болота, и заросли камыша, и комары, конечно, кусаются, особенно ночью. Дехкане, перед тем как лечь спать, разгоняют их дымом. Но вы зря испугались. От малярии умирают редко...

Корреспонденты переглянулись и разом кивнули.

— Вы переселили в Вахшскую долину много горцев, привыкших жить на высоте, в прохладном климате. Как они чувствуют себя в долине, где температура поднимается до шестидесяти и семидесяти градусов и нет ни одного дерева? — допытывался Майкл.

— Конечно, в первый год им трудно, но потом привыкают,— ответил Дониёров.— Но вы преувеличиваете. Деревья у нас есть, хотя их мало, конечно. Сейчас сажаем новые. Будут у нас сады. Специалисты утверждают, что в Вахшской долине можно вырастить не только египетский хлопок, но и цитрусовые — лимоны и апельсины...

— Вот как?! — воскликнул Майкл.

— Извините, но меня больше интересует хлопок.— Джонни раскрыл блокнот и приготовился записывать.— Переселенцы с гор чаще всего животноводы и хлебопашцы. Кто их научит сеять хлопок?

— У нас есть агрономы...— Дониёров подождал, пока переводчица кончит переводить первую фразу.— Кроме того, на Вахш добровольно переехали дехкане-хлопкоробы из северных районов республики...

— Для освоения Вахшской долины, видимо, нужны большие средства? — Майкл повернулся к Музаффарову.

Музаффаров улыбнулся и, откинувшись на спинку кресла, ответил:

— Вам, господа, хотелось побеседовать с представителем Вахша: пусть он и отвечает на ваши вопросы.

Майкл громко, заразительно рассмеялся и сосредоточил свое внимание на Дониёрове.

— По-моему, ответ на этот вопрос понятен,— сказал Дониёров.— Для освоения такой огромной болотистой, заросшей камышом долины, как Вахшская, необходимы большие средства, много специалистов и техники.

— Что же заставляет таджиков брать на себя такое трудное дело? — полушутливо-полусерьезно спросил Майкл.

— Русским нужен дешевый хлопок, не так ли? — прикинулся простачком Джонни.

— Нет, господа, вы ошибаетесь! — Дониёров сдвинул брови и секунду подумал.— Конечно, таджики своими силами в ближайшие годы не могли бы решиться на такое дело, как освоение Вахшской долины. Мы не имели необходимых средств, техники и специалистов. Но счастье наше в том, что у нас много братьев. Вахшстрой они объявили всесоюзной стройкой, и со всех сторон в Таджикистан приехали строители, специалисты, инженеры. Эшелоны везут лес, технику, строительные материалы. Вот так мы начали Вахшстрой.

— Русские, которым нужен хлопок, вынуждены были помочь,— снова подбросил реплику Джонни.

— Теперь, господа,— Дониёров был невозмутим,— о русских!.. Первым инженером на Вахше и первым экскаваторщиком были

русские. И впервые на вахшской земле рекордный урожай египетского хлопка вырастил тоже русский — агроном Артемов.

— И все же, по-моему, вам проще и легче было покупать хлопок на мировом рынке,— внезапно сделал заключение Джонни.

— Вы давно женаты? — неожиданно, явно озадачив всех вопросом, спросил Доннёров.

— Это имеет значение?

— Имеет,— уверенно сказал Доннёров.— По-моему, только обзаведясь семьей и хозяйством, человек начинает задумываться о том, где ему выгоднее и проще покупать хлопок...

— Вы так думаете? — Джонни растерянно посмотрел на Майкла, ища поддержки.

— Я думаю, ты стоишь такого ответа, дорогой,— засмеялся Майкл, хлопнув Джонни по плечу.

Переводчица, посмотрев на часы, что-то сказала корреспондентам, и они, смутившись, попросили у Музаффарова извинения. Визит явно затянулся.

Распрощавшись, корреспонденты ушли, и Музаффаров пригласил Доннёрова сесть поближе.

Бурхон Доннёров был слегка обижен на Музаффарова. Неужели для этой беседы его и вызвали? Секретарь ЦК и без него мог ответить на все вопросы!

Шароф Музаффаров, будто догадавшись о мыслях секретаря райкома, понимающе улыбнулся:

— Думаете, что я вас из-за этих американцев от дел оторвал? Нет, додар, у меня с вами другой разговор, поважнее...

Доннёров виновато улыбнулся, внутренне готовясь к тому, что придется выслушать много горьких слов о положении в Вахшской долине.

Но Шароф Музаффаров думал о другом.

— Товарищ Доннёров,— сказал он,— мы здесь, посоветовавшись, решили пригласить вас на работу в аппарат ЦК. Сейчас нужно получить ваше согласие и найти человека на ваше место...

Доннёров от неожиданности потерял дар речи, горло вдруг пересохло.

— Ну так как? — спросил Музаффаров.

— Работа в аппарате ЦК для меня была бы большой честью...— Доннёров немного помолчал.— Но обстановка на Вахше тяжелая. Я прошу ЦК, если мне доверяют... не искать сейчас человека на мое место. Боюсь, что новый руководитель может допустить серьезные ошибки, сразу не распознает людей...

И Доннёров, видя, что Музаффаров внимательно слушает, подробно рассказал о положении в долине, о том, что люди из колхозов группами убегают, что из сорока пяти тысяч переселенных в последние два года сейчас осталось всего тысяч пятнадцать! Доннёров подробно изложил все, что знал об Урупове и Нусратходже, поделился сомнениями в их честности и, наконец, сообщил, что, по слухам, людям долины с той стороны границы угрожает серьезная опасность... В конце Доннёров еще раз настойчиво по-

просил навести, и поскорее, справки об Урунове и в довершение выложил на стол анонимные письма.

Но Музаффарову и без этих писем уже все было ясно...

В душе он ругал себя за то, что, не зная хорошо положения в Вахшской долине, хотел перебросить Доппёрова на другой участок работы. А ведь действительно, в создавшихся условиях некому его заменить.

Музаффаров по привычке привалился к спинке кресла и закрыл глаза. Положение требовало серьезных раздумий. Все ответственные работники понимали, что борьба за вахшский хлопок — борьба за Советскую власть. Но ни они, ни сам секретарь ЦК никогда не предполагали, что из-за вахшского хлопка снова может разгореться гражданская война. А может, в Таджикистане она и не прекращалась, только приобрела другую форму? Теперь меньше стреляют, зато труднее распознать врага. Сегодня враг сидит с нами рядом на собрании, даже говорит от имени Советской власти, приходит в ваш дом и дружески шутит, приглашает к себе... Но война продолжается! Война не на жизнь, а на смерть. Война за Советскую власть в Таджикистане!..

Доппёрову вдруг показалось, что Музаффаров о нем забыл.

— Извините, есть ли в чайнике чай? — спросил он.

Музаффаров не ответил, продолжая думать о своем.

Доппёров привстал, поболтал чайником — что-то, кажется, есть, налил в пиалу холодного чаю и с удовольствием выпил.

— Пойдем ко мне! Жена свежий заварит,— улыбнулся Музаффаров и поинтересовался, когда Доппёров думает возвращаться.

Доппёров ответил, что на улице его ждет Фадеев и что у них есть еще кое-какие дела в городе, возвращаться они думают утром, но в гости идти, к сожалению, нет времени.

Прощаясь с ним, Музаффаров пообещал:

— Об Урунове мы подумаем и о границе тоже... А вам действительно пока лучше быть на Вахше. Доведите до сведения всех коммунистов и комсомольцев, что положение сложное. И все время следите за плотиной и каналом...

И вдруг крепко обнял Доппёрова:

— Береги себя!

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

— Опять бил жену?

— Бил...— Гаффоров скрипнул неровными зубами.— Ногами бил. Пистолет ко лбу приставил, хотел застрелить, да палец сплоховал...

— Слава аллаху,— помолился Акмалзода, который всегда боялся крови.

Гаффоров в милицейской форме, распахнув воротник, стоял перед Акмалзода, опираясь спиной о яблоню. Он был пьян, тяжело дышал.

Урунов, влепив ему крепкую пощечину, схватил за шиворот и, подтянув к себе, стукнул головой о ствол дерева так, что фуражка слетела с головы.

— Дурак!..

Гаффоров испуганно похлопал глазами, поднял фуражку и на всякий случай отошел подальше.

— Я тебя, собаку, сам с работы уволю и арестую! — кричал Урунов, не помня себя от гнева.

— Застрелю! — взвизгнул вдруг начальник милиции, хватаясь за пистолет.

Акмалзода, придерживая одной рукой пенсне и размахивая другой, бросился между Гаффоровым и Уруновым, уговаривая их не делать глупостей.

— Отойдите в сторону,— Урунов взял за узкие плечи Акмалзода и отодвинул его от себя. И, обернувшись к Гаффорову, приказал: — Стреляй!

Но тот уже опомнился и, спрятав руки за спину, попятился и прижался к стене.

— Трус! — бросил Урунов насмешливо и, схватив его за небритый подбородок, спросил: — Написал объяснение Донпёрову?

Гаффоров отрицательно покачал головой.

— Почему? — допытывался Урунов.

Гаффоров молчал.

— Боишься? — Урунов уставился в покрасневшие глаза начальника милиции.

Гаффоров тупо молчал.

— Иди к жене! Проси прощения! Скажи, что погорячился! Идиот! Если она еще раз пожалуется, плохо будет!

— А вы? Вы меня больше не будете защищать? — прижав руки к груди, заикаясь, выдавил из себя Гаффоров.— Ведь я всегда выполнял ваши указания!

— Хватит! — рявкнул Урунов и вдруг резко изменил тон: — Ладно... Ступай... и смотри — чтоб без глупостей. Объяснение не пиши. Жалоба-то не письменная, и Донпёров ничего не сможет сделать.

— Слава аллаху, что вы есть! — с подобострастием стряхивал пыль с рукава Урунова, воскликнул Гаффоров.— На всю жизнь я для вас преданней собаки...

— Иди, иди! И почуй дома, слышишь? — приказал Урунов.— Чтоб на улице тебя не видели в таком состоянии. Умойся холодной водой... И по ночам не шляться, понял? Почуй дома!

Гаффоров облегченно вздохнул и почтительно поклонился Акмалзода, который издали наблюдал за ними.

Акмалзода, с пенсне в руках, кивнул Гаффорову и, дождавшись, когда начальник милиции выйдет, обратился к Урунову:

— Я весьма сомневаюсь в результатах вашей деятельности... Вы всю долину задавили страхом и ужасом, но не подумали о последствиях. Вот сейчас ваша собственная собака чуть было не предала вас...

Урунов, удобно устроившийся в тени дерева на деревянной тахте, презрительно оглядел Акмалзода.

— Вы обо мне заботитесь? — с усмешкой спросил он.— Но, дорогой мой Акмалзода, срок вашей командировки, по-моему, давно кончился. Не пора ли вам возвращаться?

Акмалзода заморгал глазами, не понимая, куда клонит Урунов. В самом деле хочет от него избавиться или, по обыкновению, насмехается? Потом с обидой сказал:

— Вы, верно, забыли, что я тоже человек, терпеть ваши издевательства не намерен.

— Значит, собираетесь уезжать?

— Да, уеду! — решительно заявил Акмалзода.

— Уезжайте! И как можно скорее! — Урунов не спускал с него презрительного взгляда.— И скажите тем, кто вас послал, чтобы больше таких хлюпиков ко мне не посылали...

Акмалзода оскорбился:

— Я вас не понимаю...

— Нет, это мне нравится! — захохотал Урунов и, достав пистолет, протянул его Акмалзода.— Вот, возьмите! Мужчина, когда он поймет, что ни на что не годен, должен пустить себе пулю в лоб...

Но Акмалзода вдруг изменился на глазах — он весь подобрался, как зверь для прыжка, и проговорил четко и зло, глядя в глаза Урунову:

— Вы жаждете крови? Где ваша выдержка? Вы отвратительны!..

— Ах так! — Урунов скрипнул зубами, вскочил и направил на него пистолет.

Акмалзода, придерживая пенсне, сделал поспешный шаг к воротам. Урунов, не помня себя, заорал:

— Стой на месте!

Акмалзода остановился. Он стоял спиной к Урунову и боялся пошевелиться.

— Повернись! — приказал Урунов.

Акмалзода безвольно повернулся, ноги у него подкашивались.

— Сними пенсне! — приказал Урунов, не опуская пистолета.

Акмалзода снял пенсне.

— Вот так! Открой глаза пошире! — издевался Урунов.— Мне давно надоело твое пенсне...

Акмалзода упал на колени.

Урунов отвернулся от него, спрятал пистолет и медленно отошел в сторону.

Акмалзода встал и молча пошел к воротам. Урунов видел, что он уходит, но не задерживал. Он слышал, как Акмалзода открывал ворота и как захлопнул их. Потом забрался на широкую суфу, развалился в мягких подушках, налил в пиалу остывшего чаю, выпил.

События последних дней, особенно отказ Доннёрова прийти в гости, вывели Урунова из себя. Задуманный им план — расстать-

ся с Доннёровым по-хорошему — рухнул. А ведь он хотел сказать ему: «Дорогой брат, ты человек знающий и осторожный. Но работать вместе мы не можем. Один из нас по собственному желанию должен перебраться на более спокойное, прохладное и приятное место...» Но Доннёров не пришел. Значит, он не хочет идти ни на какие сделки... Акмалзода твердит, что ему жизнь надоела. Дурак! Нужно сделать так, чтобы жизнь надоела Доннёрову и он добровольно покинул Вахш...»

Урупов посмотрел на ворота. «Уже полдень, а этот проклятый Нусратходжа так и не явился,— с раздражением думал он.— От Акмалзода тоже толку мало. Пыль ему на голову! Ничего, обойдемся и без представителя Наркомзема... Тоже мне умник, считает, что я не думаю о последствиях. А о чем раздумывать? Последствия известны с начала: либо большевики нас уничтожат, либо мы их выгоним из Таджикистана! Но пока я жив, не допущу, чтобы большевики хозяйничали на Вахше. Скорее соглашусь с Нусратходжой, что пора вызвать из-за границы курбаши Исламбека и разнести всю долину! Или сломать плотину и пустить воду. Она так промоет поля, что и земли не останется! Но это — последнее средство! Если им воспользоваться, всем нам придется бежать. А бежать на чужбину — все равно что проститься с жизнью! Значит, нужно искать другие пути... Может, убрать Доннёрова? Тогда и его сторонники растеряются».

Мягкая подушка клонила Урупова ко сну. Ночью его преследовали кошмары, он просыпался и с трудом опять засыпал. Поэтому сон и одолевал его сейчас на свежем воздухе, в прохладной тени. Но подремать ему не удалось: кто-то громко постучал в ворота.

— Открыто! Заходите! — крикнул Урупов и подумал, что Надя где-то слишком задерживается.

Во двор вышел Нусратходжа. Он был весел. Почтительно поздоровался с Уруповым, осведомился для приличия о здоровье и достал из кармана золотистую расписную, красивую табакерку:

— Это вам...

Урупов полюбовался ярким узором и тихо спросил:

— С той стороны?

— Да, джаноб! От господина Исламбека! — еще тише сказал Нусратходжа и, улыбаясь, добавил: — Хороший табак!..

— Кто принес?

— Утром Аброр приходил,— объяснил Нусратходжа.— Я отвел его в дом Кодырова и предупредил, чтобы тот не выпускал его из дому ни на минуту.

Урупов, все еще сонный и рассеянный, не понял, почему нужно так тщательно наблюдать за Аброром, и недоуменно посмотрел на Нусратходжу.

— По многим причинам! — усмехнулся Нусратходжа.— Во-первых, потому, что, если его увидят, шум поднимется и мы будем вынуждены, чтобы успокоить людей, сдать его в милицию.

Да и сам он, желая отомстить Адолат и Диловару, может наделать глупостей...

Урунов открыл табакерку. Молча обдумывая услышанное, он насыпал щепотку табака на ладонь, бросил под язык, потом протянул табакерку Нусратходже:

— Ломай!

— Очень красивая,— с сожалением сказал Нусратходжа, рассматривая табакерку.

Урунов, посасывая табак, сделал знак рукой: «Ломай!»

Нусратходжа высыпал на одеяло табак и сильно ударил табакерку об угол суфы. Табакерка разлетелась на куски, на землю выпало послание курбаши.

Урунов выплюнул табак и вытер губы. Нусратходжа развернул тонкую шелковую бумагу и протянул ее Урунову. От письма крепко пахло табаком.

Письмо было написано красивым почерком в традиционном пышном стиле. Вначале — обращение к «благородному господину Суннатуллоходже, сыну Урунходжи, от их сердечного и навеки неразлучного брата, защитника ислама и эмирата, верного полководца войск правоверных, господина Исламбека, сына Асорбея Саидходжи». Бесчисленные благословения и молитвы, описания здоровья Исламбека, состояния его войск, расспросы о здоровье и самочувствии господина Суннатуллоходжи, сына Урунходжи, заполняли письмо, которое завершалось надеждами на получение ответного послания.

Урунов небрежно просмотрел послание курбаши от начала до конца, потом вернулся к середине и перечитал ту единственную фразу, ради которой была послана табакерка: «Наши джигиты полны энергии и с нетерпением ожидают прогулки». Тут же он отбросил письмо Нусратходже, как что-то ненужное и надоевшее.

По недовольному виду Урунова решив, что в письме курбаши содержатся недобрые вести, Нусратходжа внимательно перечитал его. Перечитал и не понял, что могло расстроить Урунова. На его взгляд, письмо было дружеское и доброжелательное. Что ему так не понравилось в письме? Нусратходжа с письмом в руках молча стоял в ожидании разъяснений.

Урунов о чем-то размышлял, опершись на подушки. Потом повернулся к Нусратходже, тяжело вздохнул и спросил:

— Прочитали?

— Прочитал, но...— Нусратходжа замялся.

— Невразумительное какое-то...— Урунов опять замолчал.

— По-моему, обычное дружеское послание,— Нусратходжа осторожничал, боясь навлечь на себя гнев Урунова.

— Письмо бессмысленное! — сердито прервал его Урунов.— Сплошные изъявления верности исламу и эмирату и ни одной толковой мысли...

Нусратходжа только теперь понял причину гнева Урунова. Он и прежде знал, что Урунов недолюбливает эмира. Высмеивает Акмалзода за его «реформу веры»... Но он не понимал, чего же

хочет Урунов от «бедного» Исламбека, который только большевиков ненавидит, а этот и большевиков, и эмират...

Урунов словно услышал мысли Нусратходжи. Он привстал, переложил подушку на колени и устало сказал:

— Эмират бесперспективен так же, как и Советы, у них нет будущего! Я сторонник республики, парламента, в котором не будет ни русских, ни большевиков. Я за самостоятельный и свободный Таджикистан! За свободную торговлю. Внутри страны и вне ее. Мы и с Россией хотим торговать, при условии, что русские добровольно уйдут из нашей страны!..

— Добровольно? — не поверил своим ушам Нусратходжа.

— Да, добровольно! — подтвердил Урунов.— А если не захотят добровольно, заставим! Оружием!

— Значит, снова потребуются ибрагимбеки и исламбеки? — спросил Нусратходжа, не вполне понимавший сложной для него политической программы Урунова.

— За голову Ибрагимбека я не дал бы и одного барана! — с горячностью сказал Урунов.— Несмотря на десятитысячное войско, он обречен на провал.... И Исламбек ничего не сделает. Он ведь тоже, как Ибрагимбек, мечтает об увеселительной прогулке. Вот если бы среди этих безмозглых удальцов нашелся бы хоть один человек с головой!

— А среди ваших людей здесь вы не могли бы найти кого-то, способного заменить Исламбека? — с интересом и не без задней мысли спросил Нусратходжа.

Но Урунов глубоко вздохнул и с сожалением сказал:

— Дорогой мой Нусратходжа! Несчастье наше в том и заключается, что нет у нас дальновидных и дельных людей. Оглянитесь вокруг себя! Никто не видит дальше своего носа, живут сегодняшним днем... А великие говорили: «Садишься на верблюда — подумай, как будешь слезать с него...»

Нусратходжа хотел спросить, будет ли ответ на послание. Что делать с Аброром? Пошлют ли его снова на ту сторону или нет? Но пока он раздумывал, в воротах появилась смеющаяся, нарядная, оживленная Надежда Ивановна. Урунов будто только и ждал момента, чтобы прекратить нежелательную беседу, поднялся с суфы и пошел навстречу жене.

Нусратходже ничего не оставалось, как подняться для встречи...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Нусратходжа уходил от Урунова с тяжелым сердцем и с неприятным ощущением того, что ожидаемая светлая дорога ведет его в темный тупик.

До сих пор он верил, что Урунов — сильная личность, человек, знающий, как и куда идти, и за ним можно идти без оглядки. Но оказалось, что сам Урунов ни во что и никому не верит. Называет других недальновидными, а сам тешит себя несбыточными меч-

зами. Презирает Ибрагимбека и Исламбека, ненавидит эмира, а сам верит, что русские «добровольно» уйдут из страны! Расскажи свой сон воде, ублюдок! Не умирай, козочка, весна придет! Конечно, и он, Нусратходжа, не очень-то доверяет Исламбеку. Уж слишком тот надменен и высокомерен. А уж если невзлюбит кого — держись... Давно пора его заменить — это верно. Некем — считает Урунов. Так уж и некем? А чем плох он, Нусратходжа? Будь у Урунова голова на плечах, он бы увидел это. Но где ему увидеть? От ненависти совсем ослеп! Всех ненавидит. Всех проклинает, высмеивает, обижает. Если дальше так пойдет, всех распугает и сам в свою же ловушку попадется! Что тогда будет делать Нусратходжа?

Выехав на большую дорогу, он опустил повод, предоставив Гнедому волю. Понятливый конь, будто чувствуя состояние седока, шел ровной иноходью.

День клонился к вечеру, стало прохладнее. Дул легкий прохладный ветерок. Он освежал вспухшую от мыслей голову Нусратходжи.

Он невольно посмотрел на поля. Хлопок, прореженный, взрыхленный и политый, тянулся ровными рядками, образуя зеленый ковер. Большие поля казались бескрайними...

«В этом году хороший хлопок вырастет,— думал Нусратходжа.— Идут дела у Умархона. Везет ему. Да и не только ему. Фадееву, Доннёрову, Диловару, Идрису, Мирзо-Холу... Всем им. Люди пойдут за ними. Скажут: «Да здравствует Советская власть...» Да, они перетягивают народ на свою сторону. А Урунов всех раздражает, отталкивает от себя. И неминуемо погибнет... Что же мне делать?»

Нусратходжа невольно снова и снова возвращался к этой мысли. Она мучила его постоянно, даже ночью он просыпался, как от толчка, от неразрешимого вопроса: «Что же делать?!» Нусратходжа чувствовал, что попал в темный тупик, из которого нет выхода. И действительно, ни Урунов, ни Акмалзода, ни Исламбек для него не опора. Пока Урунов у власти, он личность. Председатель исполкома. Все его боятся, все перед ним заискивают. Такие, как Акмалзода, лижут ему пятки. Исламбек без его согласия тоже ни на что не решится... Так обстоят дела сегодня. Но завтра может все измениться. Даже если Исламбек перейдет границу, не исключено, что его план провалится, да и сам он наверняка попадет в плен. Тогда-то все и раскроется. Большевики, конечно, устроят над Уруновым и его сообщниками показательный суд: «именем Таджикской Советской Социалистической Республики...» будет объявлен смертный приговор. И народ будет хлопать и радоваться, что наконец-то с врагами покончено...

Нусратходжа так ясно представил себе эту картину, что по спине у него пробежали мурашки и в глазах потемнело — ведь среди имен сообщников Урунова будет названо и его имя! Пожалуй, надо сделать все возможное, чтобы войска Исламбека как можно дольше оставались там, за Пянджем. Пока они там, он

может радоваться жизни, хоть издали любоваться на прекрасную Адолат...

Нусратходже всегда казалось, что жизнь обделила его. Он ни разу не влюбился, не нашел своей Лайли. Все женщины, с которыми сводила его судьба, не волновали его, были несчастными вдовами или оставленными другими. И вдруг появилась Адолат. Бесценное сокровище Адолат! Женщина, достойная сидеть на семи мягких одеялах. Женщина, на которую можно смотреть часами, потакать каждому ее капризу, улавливать малейшее ее желание... Нусратходжу серьезно тревожило появление Аброра. Этот «голубок» приехал весьма некстати, и, если за ним не проследить, возможны большие неприятности. Диловар не успокоится, пока не упечет Аброра в тюрьму... Эх, Диловар, Диловар! Жаль, что он перешел в лагерь Донийёрова. «Он оказался изнутри красным» — так про него сказал Урунов. Конечно, пролетария не подкупишь, но кто же знал... И это — еще одно наше поражение.

...В кишлак Нусратходжа въехал, когда уже стемнело. В домах, кибитках и временных шатрах переселенцев зажглись огни. Стояла тишина, которую нарушало только редкое кваканье лягушек, доносившееся из камышей. Даже собаки сегодня не лаяли, как обычно.

У въезда в кишлак Нусратходжа остановился. Его волчий взгляд быстро отыскал в темноте мазанку Диловара. Из открытой двери ее лился свет.

«Они дома...— с горькой завистью подумал Нусратходжа.— Диловар, вероятно, после работы, умывшись и переодевшись, пьет чай. Адолат ему наливает. Они счастливы... Это я, болван, живу в вечном страхе. А им-то чего бояться?»

Нусратходжа глубоко вздохнул. Сейчас он завидовал не только Диловару с Адолат, но и Идрису, и Джамолбеку, и Мирзо-Холу, даже новым переселенцам, у которых не было и крыши над головой. Завидовал их спокойствию, уверенности в будущем, вере во все хорошее. Да, он знал, что может зайти в любой дом, и его приветливо встретят, усадят за дастархан, окажут должные почести. И все равно ненавидел этих людей, ненавидел за то, что они могут быть довольны жизнью, веселы, искренне гостеприимны...

Не желая никого встретить, Нусратходжа направил лошадь по тропе вокруг кишлака в колхозную контору. Ему необходимо было встретиться с Машрабовым, узнать последние новости. А потом можно и домой ехать. Пора ужинать. Пустой желудок уже напоминал об этом.

В комнате Лутфулло Машрабова было темно.

«Куда бы ему деваться? Или уснул?» Нусратходжа толкнул дверь — заперта. Он отвел Гнедого в колхозную конюшню, привязал рядом с Пегим и, взяв охапку травы из яслей Пегого, бросил Гнедому.

В доме Нусратходжи были гости. Машрабова хозяин узнал сразу, а кто второй, понял не сразу. Керосиновая лампа горела слабо, больше чадила, чем светила.

Вглядываясь в гостя, Нусратходжа подошел ближе. Навстречу ему поднялся худой старик с четками в руках.

— Здоров ли господин душой и телом? Как поживают его родственники? Семья? Аллах всемогущий да ниспошлет благодать и благополучие, аминь...

Только сейчас Нусратходжа узнал эшона Кори Зиёдулло. Тот молитвенно провел руками по лицу и стал перебирать четки, ожидая ответа от хозяина.

Нусратходжа слышал о бедах Зиёдулло-эшона, но никак не предполагал, что старик пустится на поиски сбежавшей жены. Усмехнувшись, Нусратходжа повернулся к Машрабову:

— Эшон тоже добровольно перекочевал на Вахш?

— Нет,— отвечал Машрабов с нехорошей улыбкой,— их святость распродал свое хозяйство, подвязал деньги к поясу и направляется в Мекку... По пути заехал нас навестить...

— И все? — лукаво сощурился Нусратходжа.

— Все вроде,— притворился простаком Лутфулло Машрабов.— Какие могут быть дела у хаитского эшона в нашем колхозе?

Эшон, обидевшись на их шутки, покрутил четки в руках и серьезно сказал:

— У меня к вам, господин, важное дело...

— Ну-ка, послушаем,— Нусратходжа незаметно подмигнул Машрабову.

Зиёдулло-эшон, распалившись, начал жаловаться:

— Ваши люди уводят чужих жен, а вы, правители, правоверные мусульмане, не принимаете мер! Разве можно потворствовать такому безобразию?

Нусратходжа, поняв, что эшон может втянуть его в неприятную историю, решил сделать вид, что не придает случившемуся особого значения.

— Ничего не случилось, хазрат. Малика ваша жива, здорова, работает в нашем колхозе. Завтра позовем ее, и вы сами в этом убедитесь. Если пожелаете, можете вместе с женой здесь остаться, в колхоз вступить...

— Я слышать не могу о колхозах,— снова вспыхнул эшон.— Подавитесь вы ими! Я письмо привез от господина Хамдамуфа к господам Акмалзода и Урунову...— Эшон достал из-за пазухи завернутое в грязный платок письмо и протянул Нусратходже: — Здесь жалоба на недостойное поведение ваших посланцев в Хаите. Я требую, чтобы мне вернули жену и наказали тех, кто сбил ее с истинного пути. Я сам поговорю с господами Акмалзода и Уруновым...

— Жаль, что Акмалзода вы не застали,— посочувствовал будто невзначай Нусратходжа.

— Почему? А где он? — торопливо спросил эшон.

— Уехал в Сталинабад,— пояснил Нусратходжа.— Здесь он был временно... Если он вам очень нужен, поезжайте в столицу.

— А Урунов?— безнадежно выдавил из себя эшон.

— Господин Урунов пока еще здесь.— Нусратходжа распечатал письмо и начал его читать.— Его вы можете увидеть.

Эшон замолчал, чтобы не мешать Нусратходже. Содержание письма полностью совпадало с рассказом эшона. Диловар и Идрис обвинялись в том, что без разрешения руководителей района, самостоятельно провели митинги и наделали много шума. В том числе сбили с пути жену эшона Малику и без согласия мужа увезли с собой, чем весьма недовольны мужчины Ханта и руководители района...

Нусратходжа прочитал письмо и тут же обратился к эшону:

— Ну что ж... Предположим, что на основании этого письма и вашей жалобы мы накажем Диловара и Идриса. Но если Малика заявит, что она приехала добровольно и больше никуда не поедет, что вы будете делать?

— А вы заставьте ее уехать со мной! — воскликнул эшон, воодушевленный доброжелательным тоном собеседника.— Заставьте! Если останется без крова и пищи — поедет! Как не поехать — деваться некуда! А если вы будете ее поддерживать, конечно, не поедет. Она женщина, у женщины волос длинен, а ум короток...

— Из этого ничего не выйдет,— решительно заявил Нусратходжа.— Как я слышал, у вас еще две жены есть. Советская власть запрещает многоженство...

Эшон задумался. Но через минуту снова оживился:

— Вы скажите, что со старыми женами я развелся, теперь у меня только одна жена — Малика.

Нусратходжа расхохотался:

— Не выйдет. Никто не поверит...

— Почему не выйдет? — упал духом эшон.— Если Советская власть вы и Урунов, то все получится. Или вы сами не хотите? Ведь вы сын мусульманина, из благородного рода, мы с вами еще пригодимся друг другу... Счет друзей ведется в душе, говорят...

— Нет, господин эшон Кори,— перебил гостя Нусратходжа.— Все дело в том, что Советская власть состоит не только из меня и Урунова. Есть и другие. А в этом колхозе раисом теперь Диловар, на которого вы жалуетесь...

— Что же мне тогда делать, господин? — в отчаянии протянул руки к Нусратходже эшон.— Укажите мне дорогу! Ведь Малика моя законная жена, верните мне ее...

Нусратходжа, которому было и смешно, и жалко эшона, задумался:

— Есть только один выход...

— Какой? — дрожащим голосом произнес эшон.

— Единственный выход — поговорить с самой Маликой, найти такие слова, которые смягчили бы ее сердце. Она сама должна захотеть вернуться. Только тогда мы можем разрешить вам увезти ее с собой...

— Ладно, ладно,— не раздумывая, торопливо согласился эшон.— Я с ней поговорю...

— Поговорите,— может, что и получится.— Нусратходжа еще и пошутил: — А если она согласится, свадебный пир будет?

— Будет, будет! Такой той справлю...— пообещал обнадеженный эшон.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Малика мыла около очага посуду, когда вошла Зеварой и сказала, что ее вызывают в контору колхоза. «Муж тебя разыскивает...» — добавила она.

Медный чайник выпал из рук Малики.

— Из уважения к двум раисам нужно пойти.— посоветовала Зеварой.

— Диловар там? — спросила Хайригуль.

— В конторе...— подтвердила Зеварой.

Малика вопросительно посмотрела на Хайригуль.

С того дня, как по совету Диловара и с согласия Джамолбека она переехала к ним в дом, Хайригуль стала ей вместо матери. Малика с удовольствием помогала ей по хозяйству, хотя наравне с мужчинами работала в поле,— успевала нарвать траву для коровы и двух баранов Джамолбека. На жизнь себе Малика зарабатывала и нисколько не была в тягость названым родителям. Но Джамолбек с Хайригуль много думали о ее судьбе. «До каких пор, такая молодая и красивая, она будет жить одна?» — с печалью в голосе говорили они друг другу.

Особенно беспокоился Джамолбек, который побаивался, как бы какой негодяй не позарился на беззащитную Малику. Втайне от жены он присматривал ей жениха и, не находя достойного, временами думал, что лучше бы ей вернуться к эшону — какой-никакой, а все же муж, защитник. Хайригуль не разрешила мужу заводить разговор на эту тему с Маликой, чтобы бедная женщина не подумала, что они хотят избавиться от нее.

Но сейчас инициатива исходила не от них, и Хайригуль сказала с легким сердцем:

— Пойди, дочка, не бойся. Послушай, что скажут.

Но про себя удивилась: зачем муж жену в контору вызывает? Не лучше ли было домой прийти?..

Хайригуль согласна была из-за Малики принять эшона и уважить...

Услышав совет Хайригуль, Малика сникла. У нее не было никакого желания встречаться со старым мужем. Как птице, вырвавшейся из клетки, ей милее всего была свобода. Даже из дома Идриса она ушла прежде всего потому, что не чувствовала себя там свободной. Потому и его теперь избегала: в его присутствии она чувствовала себя связанной, неловкой, краснела, бледнела, спотыкалась, терялась, не знала, что делать и что сказать...

Малика понимала, что и для Идриса ее присутствие обременительно. У него жена, двое детей... Он явно избегал встреч с Маликой, и она на него не обижалась. Она понимала, что здесь нет его вины, уж такая она невезучая. Что поделаешь? Судьба.

— Пошли, пошли,— потянула ее за руку Зеварой.

— Сейчас, сейчас, пусть только переоденется,— Хайригуль увела Малику в дом.

Зеварой проводила Малику глазами и тяжело вздохнула: эта бедная женщина несчастна так же, как она сама.

Хайригуль наряжала Малику в цветистое платье, как невесту, приговаривая: «Не чужой человек, твой муж, если мириться захочет, не отказывайся, доченька».

Малика, не выдержав, обняла Хайригуль за шею и заплакала. Ей хотелось сказать Хайригуль: «Ведь я тебя матерью называю, ты меня дочкой считаешь. Почему же ты безжалостна ко мне? Или надоела я тебе? Лучше выбрось меня собакам на улицу, но не отдавай старому эшону».

Ей многое хотелось сказать, но она все плакала и плакала... Сердце Хайригуль разрывалось от жалости. Только теперь поняла она, как тяжело Малике встречаться со старым мужем и как ошибаются они с Джамолбеком, думая, что ей нужно мириться с эшоном. Сами того не подозревая, терзали они сердце названой дочери. А раз так — пусть не идет несчастная в контору, пусть и близко не подходит старый эшон к Малике. Сама Хайригуль поговорит за Малику...

С материнской любовью поцеловала она Малику в глаза, ласково погладила по растрепавшимся волосам и, успокаивая, крикнула Зеварой:

— Идите и скажите им, что Малика не придет. Если есть разговор, пусть сами и приходят...

Зеварой молча ушла, и вскоре к дому подошли трое мужчин: Нусратходжа, Диловар и Кори Зиёдулло-эшон с четками в руках. Вслед за ними появились Джамолбек и Идрис. За ними потянулись другие, и вскоре у дома собралась большая толпа.

Хайригуль вышла и объявила, что Малика никого не хочет видеть. Если эшон Зиёдулло или кто другой хочет поговорить, пусть говорят с ней. Она считает себя матерью Малики и будет отвечать за нее.

Но эшон не согласился. Он сердито заявил, что Хайригуль женщина бесчестная и нарочно не хочет позвать его жену, прячет ее в доме против ее воли.

Услышав такое, Джамолбек побелел от гнева и хотел прогнать эшона от дома, но сдержался и, сжав зубы, ушел в дом.

Диловар, Идрис и все те, кто знал семью Джамолбека, с недоумением смотрели на эшона, решившегося назвать бесчестной почтенную Хайригуль. Зиёдулло-эшон, сообразив, что допустил оплошность, растерялся и забеспокоился. Озираясь по сторонам, он отыскал глазами Нусратходжу.

Но Нусратходжа, нахмурив брови, отвернулся в сторону. Тогда эшон открыто обратился к нему:

— Господин председатель Совета, почему эти люди не на работе, кто их собрал здесь?

Нусратхожда, презрительно посмотрев на эшона, только хмыкнул в ответ.

А находчивый Идрис подал голос:

— Ваше святейшество, это все ваши мюриды, они пришли повидать вас...

— Ты еще не сломал себе шею? — вскипел эшон.

— Нет, ваша святость.— Идрис потрогал шею и приблизился к эшону.— А что это с вами? Почему у вас такой ощипанный вид?

Люди, уже знавшие историю, приключившуюся с бородой эшона, захихикали.

— Мы-то думали, что он всего лишь бесхвостый, а он еще в придачу и безбородый! — крикнул Розик.

Его слова утонули в дружном хохоте. Эшон готов был провалиться сквозь землю. Он попятился и хотел уже повернуться и убежать, но в это время из дома вместе с Джамолбеком вышла Малика.

Увидев ее, эшон застыл на месте.

Малика, печально опустив голову, стояла рядом с Джамолбеком, прислонясь спиной к двери. В белом платке на голове, в красивом, вышитом на рукавах и по подолу платье, с загорелым открытым лицом, с глазами, полными слез, она никого не оставила равнодушным. Идрис невольно вздохнул. Нусратходжа, будто ему что-то попало в горло, кашлянул и подумал: «Проклятый эшон не зря терзается, это не женщина, ангел небесный, сошедший на землю...»

На мгновение воцарилось тяжелое молчание. Все невольно сравнивали красавицу Малику со старым эшоном, и эшон чувствовал, что это сравнение было не в его пользу. Для него это молчание было страшнее любого крика и ругани. Но люди молчали. И он не решился заговорить. Язык будто прилип к гортани...

Диловар вопросительно посмотрел на Нусратходжу, как бы советуясь, что делать дальше, но Нусратхожда быстро отвернулся. Он понимал, что стоит ему принять сторону эшона, как он опозорится перед всем кишлаком навечно. Сейчас он еще больше почувствовал силу Диловара. Нусратходжа не может разогнать людей, потому что Диловар этого не хочет. Он не может ничего сказать Малике, потому что присутствует Диловар. Он не может ничего сделать в пользу эшона, потому что боится Диловара. Да, он боится Диловара! Видеть его не хочет, но не может не считаться с ним.

Диловар между тем, сообразив, что на Нусратходжу рассчитывать нечего, обратился к эшону:

— Что вы молчите, хазрат? Вы же заявили, что мы нарочно прячем Малику. Вот она, перед вами...

Кори Зиёдулло зло посмотрел вытаращенными глазами на Диловара и перевел взгляд на Малику. Дрожащими руками он перебирал четки, стараясь этим привычным движением успокоить себя...

— Значит, вам нечего сказать? — усмехнулся Диловар.— Тогда в вашем присутствии мы спросим Малику.

Малика глубоко вздохнула и, подняв голову, сказала:

— Ничего не нужно спрашивать. Их милость мой ответ знает давно. Неужели для того, чтобы услышать его еще раз, они изволили утруждать себя такой длинной дорогой?

Ни в голосе, ни в словах Малики не было ни угрозы, ни упрека. Казалось, она сочувствует эшону, жалеет его. В душе эшона вновь затеплилась надежда, и он шагнул к Малике.

— Ведь я, тебя жалея, приехал,— проникновенно прошептал он.— Я знаю, что ты в этой пустыне обездолена. Ведь тебя, дорогая моя, плохие люди совратили, с пути сбили. Я прощаю тебя. Ты больше никого не слушай, никого! В этой толпе у нас с тобой нет друзей. Согласись, и я увезу тебя...

— Куда? — тихо спросила Малика, не сводя глаз с подбородка эшона.

— Куда хочешь! — воскликнул Кори Зиёдулло, радуясь ее вопросу. Он поспешно вытащил из-за пазухи кожаный мешочек, протянул его Малике: — Это золото. Здесь не все, еще есть... Много еще... Все твое. Только согласись. Мы уедем из этих мест, совсем уедем. Мы с тобой будем жить по-царски.

— Благодарю, ваша святость...— еле заметно усмехнулась Малика.— Мне золота не нужно. Моя свобода дороже всякого золота!

— Бери, Малика,— пошутил Розик.— Ведь это все у верующих отнято. Значит, народное добро. В колхоз сдашь...

Эшон, испугавшись, быстро спрятал мешок за пазуху.

Люди снова рассмеялись.

Кори Зиёдулло в страхе покосился на присутствующих и проворно схватил Малику за руку:

— Скорее пойдем, родная. Лошади оседланы.

Малика с отвращением оттолкнула эшона. Но эшон, не помня себя, бросился к ней вновь. Диловар и Идрис подошли к эшону.

— Ваша святость,— сказал Диловар,— слышали, что народ говорит? Ваше золото — народное добро. Мы вас можем сейчас арестовать, ибо вы с народным добром хотите бежать за границу. Народный суд конфискует ваше золото. И за клевету вы ответите!

Дехкане одобрительными возгласами поддержали Диловара.

— Что, ваша святость, тяжело приходится? — засмеялся Идрис.

Эшон закричал изо всех сил:

— Ну, смотрите, голытьба голодная! Аллах вас накажет! Пустите меня! Отпустите...

Кори Зиёдулло рванулся вперед и, не разбирая дороги, побежал к конторе, где Машрабов держал его оседланного коня...

Подростки с криками: «Не пускайте его», «Держите...» — из озорства побежали за эшоном, но их остановил Нусратходжа:

— Остановитесь! Пусть едет. Нужно будет — милиция арестует...

— Киньте ему камень вслед, чтоб больше не возвращался,— сказал кто-то.

Идрис, нагнувшись, поднял кусок земли и бросил вслед эшону. Малика, вытирая слезы, убежала в дом.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Через три дня в камышах у большой дороги нашли тело Кори Зиёдулло. За пазухой у него обнаружили письмо Хамдамова к Акмалзода и Урунову, в котором тот жаловался на Диловара с Идрисом.

Конь эшона безмятежно пасся неподалеку. Он был оседлан, хурджины полны — можно было подумать, что хозяин остановился здесь на минутку.

При осмотре трупа мешочка с золотом не нашли.

Вечером начальник милиции Абдуфаттох Гаффоров по приказу Урунова приехал с несколькими милиционерами в кишлак и арестовал Диловара с Идрисом.

Диловар, понимая, что его увезут, и, может быть, надолго, передал круглую печать и ключ от железного сундука Мирзо-Холу и попросил до его возвращения присматривать за колхозным добром, и особенно за хлопком. После прополки хлопок следует хорошенько полить, ну а потом лучше всего посоветоваться с агрономом. Затем Диловар обратился к Машрабову, беседовавшему с начальником милиции:

— Ведомость распределения муки готова?

— Э, додар, ты сама простота,— усмехнулся Машрабов.— Какое тебе дело до муки? О себе хлопочи, парень!

— Ведомость должна быть готова не позже сегодняшнего дня,— распорядился Диловар.

Машрабов откровенно рассмеялся, в глазах его сияла радость.

Диловар с отвращением посмотрел на него и пожалел, что не успел уволить этого лжеца и тупицу, беззастенчиво запутавшего финансовые дела колхоза. Да, много не успел сделать Диловар... Когда начальник милиции объявил, что он вынужден арестовать его и Идриса по подозрению в убийстве эшона, Диловар даже не рассердился. Только удивился. Он был убежден, что произошла ошибка и ее быстро исправят. Но, видя откровенную радость Машрабова, он засомневался. Может, таким образом враги просто мстят ему? Опозорить хотят перед народом? Диловар — убийца, грабитель. Хорошо придумали! Найдется убийца — прекрасно, но если не скоро найдется или совсем не найдется? Или просто его и искать не будут? Тогда Диловара и Идриса судить будут? Это же беззаконие!.. Клевета и бесстыдство...

Но понимал — сопротивляться бессмысленно.

Диловар поискал глазами Нусратходжу. Его не было видно.

«Значит, знает,— с обидой подумал Диловар.— Нарочно ушел...»

Босая, с непокрытой головой, прибежала Адолат и повисла на шее мужа.

— Что я теперь буду делать? Я не пущу тебя, не хочу, чтоб тебя уводили...— плача кричала она.

— Не плачь, родная, береги себя...— сказал ей ласково и спокойно Диловар.

Два милиционера с трудом оторвали Адолат от Диловара. Джамолбек и Хайригуль подхватили ее.

— Неприлично, дочка, перестань...— шептал ей Джамолбек.

— Подлые! Да чтоб у них, клеветников, дом сгорел...— рыдала Адолат.

Жена Идриса Шакаргуль с двумя малышами плакала рядом. Малика, обнимая ее, концом платка вытирала слезы — то себе, то Шакаргуль.

— Все несчастья из-за меня,— говорила она Шакаргуль.— Нигде нет мне покоя, несчастной...

Колхозники, удивленные и подавленные, молча смотрели на то, что происходит. Они не понимали, почему арестовали Диловара и Идриса, почему связали им руки. Разве они собираются бежать? Никто в это не верил...

Идрис хотел еще раз поцеловать своих детей, утешить жену, но толстый пузатый милиционер преградил ему дорогу. Идрису пришлось плечом оттолкнуть его и подойти к детям. Тот рассердился и грубо оттащил Идриса.

— Бессовестный, с детьми-то дай проститься...— вскипел Мирзо-Хол.

Но толстый милиционер упирался. Люди зашумели, их точно прорвало. «Оставьте», «Они не виноваты», «Освободите их!» — кричали колхозники.

Мирзо-Хол, ободренный поддержкой, стал развязывать руки Идрису. Из толпы вышли два колхозника и развязали руки Диловару. Народ вмиг окружил арестованных, отгородив их от милиционеров.

Адолат снова обняла Диловара.

Идрис, прижав к себе детей, целовал их, ласкал. Шакаргуль одной рукой обвила шею мужа, другой прижимала к себе Малику. Теперь она совсем не ревновала ее...

Солнце садилось, надвигалась темнота, но люди не расходились. Гаффорова охватил ужас: если дехкане не разойдутся, он не сможет увести арестованных! И он приказал милиционерам, чтобы они опять связали Диловара и Идриса. В этот момент кто-то уколол его лошадь так, что она взвилась на дыбы и чуть было не сбросила Гаффорова.

Начальник милиции выхватил наган и выстрелил в воздух. Колхозники на секунду замолчали. Потом кто-то выкрикнул:

— Бейте этих скотов... Камнями... Не бойтесь...

Несколько человек, окружив Гаффорова, хотели стащить его с лошади, но он хлестнул ее и, вырвавшись, закричал:

— Люди, вы своим поведением увеличиваете вину арестованных...

Диловар подумал, что так, силой, решать вопрос нельзя. Все-таки Гаффоров — начальник милиции, он исполняет приказ председателя исполкома, действующего от имени Советской власти. Но он понимал и другое: нельзя добровольно отдаваться в руки врагов. После того как их увезут из кишлака, легко будет взвалить на них любую вину. Нужно что-то предпринять, чтобы достойно закончить этот страшный день, чтобы колхозники были убеждены — ни Идрис, ни Диловар ни в чем не виноваты, что все это страшная ошибка, которая быстро выяснится.

— Товарищ Гаффоров,— взяв себя в руки, спокойно сказал Диловар,— забирайте своих людей и возвращайтесь в район. Мы с Идрисом никуда не убежим. А завтра утром, закончив здесь дела, сами приедем в Курган...

— Диловар,— начальник милиции подъехал поближе,— я не из тех дураков, которых ты привык за нос водить. Кто поручится, что ты ночью не сбежишь?..

— Мы поручимся,— вмешался Мирзо-Хол.— Весь колхоз поручится. Завтра мы сами проводим Диловара с Идрисом в район.

Колхозники поддержали: «Верно, согласны... Все поручимся...»

Гаффоров растерялся. Если он не арестует сейчас Диловара с Идрисом, получит нагоняй от Урупова. «Ты,— проскрипит он,— не справляешься со своими обязанностями...»

Но как арестовать Диловара и Идриса, он не знал. Без шума не обойтись. А это сейчас совсем ни к чему. Урупов не раз повторил, что Диловара нужно взять «тихо». К тому же и Дониёров «зуб» на Гаффорова имеет. И Диловара он ему не простит.

Поразмыслив, начальник милиции решил принять условия Диловара и Мирзо-Хола, но предупредил:

— Помните, что от меня не убежите. А ты,— обратился он к Мирзо-Холу,— если жить хочешь, не дашь ему убежать...

— Будь спокоен, здесь трусов нет...— поглаживая бороду, ответил Мирзо-Хол с усмешкой.

Гаффоров, раздосадованный и злой, развернул коня. За ним двинулись его люди. Он знал, что Диловар с Идрисом никуда не денутся и утром он арестует их. Но дехкане, особенно Джамолбек и Мирзо-Хол, много повидавшие на своем веку, не очень верили Гаффорову. В эту ночь они не могли уснуть и посоветовали Диловару с Идрисом не ночевать дома. Поразмыслив сообща, мужчины решили до рассвета по двое, по трое дежурить у въезда в кишлак и, если кто появится на дороге, поднимать всех на ноги...

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Летняя ночь была теплой. Парило. Обычно в такие тихие ночи молодежь шумела, пела песни, призывая ночной ветер:

Хайдар, Хайдар,
Пошевели кудрями,

Пошевели кудрями.
Хайдар, Хайдар,
Ребенка водой унесло,
В сон склонило жену,
Пошевели кудрями,
Пошевели кудрями...

Джамолбек осторожно выглянул из густых камышей — осмотрел дорогу, потом кишлак. Все было спокойно. Но Джамолбек знал — в кишлаке не спят, хотя ни в одном доме нет света. Все, экономя керосин, с вечера потушили лампы, уложили детей и легли сами, но лежали в темноте без сна, с открытыми глазами, напряженно прислушиваясь к ночным звукам и обеспокоенно думая о завтрашнем дне.

Мирзо-Хол потянул за полу товарища, чтобы тот сел рядом. Джамолбек наклонился к нему.

— Не шевелите камыш, комаров разбудите,— прошептал Мирзо-Хол.

Комары с гудением садились на шею, на лицо и руки и тут же пускали свои жала. И друзья мазали укушенные места слюной, чтобы уменьшить нестерпимый зуд.

Немного подальше, на зеленой полянке, лежали на траве Диловар с Идрисом. Они давно хотели сменить Мирзо-Хола и Джамолбека, но те не соглашались. Они велели им спать до восхода луны, чтобы потом поменяться местами. Они понимали, что Диловару с Идрисом нужно получше отдохнуть,— неизвестно, что будет завтра.

В полночь на звездном небе показался узкий, изогнутый, как бровь красавицы, месяц. Воздух посвежел, и комаров стало меньше. Диловар с Идрисом лежали с закрытыми глазами, но заснуть не могли. Увидев месяц, Диловар толкнул Идриса.

Идрис, ради шутки сделав вид, будто крепко спал, лениво повернулся на бок, прикрывая глаза руками.

— Если так любишь спать, почему не пошел с Гаффоровым? — засмеялся Диловар.— Выспался бы спокойно в доме, и комары не кусали бы...

— Тише, додар,— прислушался Идрис.

В ночной тиши послышался далекий топот лошади.

— Из Кургана,— заволновался Идрис.

— Может, проезжий? — предположил Диловар.

— А если люди Гаффорова? — Идрис даже охрип от волнения.— Пугнем?

— Нет, зачем? — остановил его Диловар.— Будут жаловаться, что напали на представителя власти.

— Они и так и этак будут жаловаться. Но если мы их не припугнем, ворвутся в кишлак, напугают женщин...

Диловар потихоньку нажал на плечо Идриса, чтобы тот замолчал. Идрис повиновался.

Теперь хорошо было видно верхового. Гнавший лошадь намётом, он, поравнявшись с ними, вдруг чего-то испугался и оста-

новился, прислушиваясь. Диловару даже показалось, что он сейчас повернет назад. Но всадник секунду постоял, потом подстегнул лошадь и поскакал дальше.

Диловар с Идрисом его узнали. Всадник был в чустской тюбетейке, в гимнастерке, подпоясанной широким ремнем. «Нусратходжа! На Пегом. Но откуда так поздно?»

Мирзо-Хол с Джамолбеком со своего наблюдательного пункта тоже узнали Нусратходжу и затаились, чтобы не испугать: а вдруг за ним другие едут?

Через несколько минут, подождав, пока Нусратходжа въедет в кишлак, подошли Диловар с Идрисом.

Мирзо-Хол рассердился:

— Вы что, спокойно спать не можете? Так и проезжего человека напугать недолго...

Идрис добродушно рассмеялся:

— Мирзо-Хол-ака, с каких это пор ты так о Нусратходже заботишься?

— Тебе бы все зубоскалить,— серьезно ответил Мирзо-Хол.— А если они Нусратходжу послали вперед, для разведки? Сначала он, за ним люди Гаффорова...

— Вряд ли,— возразил Диловар.— Среди ночи они не приедут. Сообразить должны: если днем не вышло, ночью и подавно не получится...

— Нет, додар, ты их не знаешь,— покачал головой Мирзо-Хол.— Все они из воровской шайки, потому и действуют, как воры. А воры в основном по ночам на охоту выходят...

— Мирзо-Хол дело говорит. Осторожность не помешает,— поддержал друга Джамолбек.

— Не знаю почему, но душа у меня неспокойна,— сказал Мирзо-Хол.— Кажется, этой ночью нехорошее случится. Я обычно и хорошее и плохое заранее чувствую...

— Вы сегодня просто устали, ака,— мягко сказал Диловар, питавший к этому самоотверженному человеку теплое чувство. Он хорошо понимал, что причин для волнения у Мирзо-Хола было достаточно, и хотел как-нибудь отвлечь его:

— Теперь наша с Идрисом очередь сторожить, а вы, друзья, идите домой...

Но Мирзо-Хол и Джамолбек не согласились. Они решили до рассвета оставаться вместе с Идрисом и Диловаром.

— Если уж Нусратходжа по ночам лошадь гоняет,— проговорил задумчиво Мирзо-Хол,— значит, враг не спокоен. А если враг не спокоен, и мы с вами не можем быть спокойными. Всякое может случиться...

Теперь они сидели вместе, чутко вслушиваясь в тишину ночи. Внезапно со стороны Кургана опять послышался топот.

— Слышите? — прошептал Мирзо-Хол.— Это не одна лошадь! Несколько лошадей скачут!

По дороге ехали трое в чалмах. Они оживленно и громко разговаривали, ничуть не опасаясь, что их услышат.

— Неужели люди Гаффорова чалмы надели? — удивился Идрис.

— Помолчи-ка,— остановил его Мирзо-Хол, внимательно наблюдавший за всадниками. Они, не завернув в кишлак, проехали мимо.

— Обычные проезжие,— сказал Идрис.

— Откуда ты знаешь? Может быть, они, чтобы нас обмануть, проехали прямо, а потом назад вернутся,— высказал предположение Мирзо-Хол.

— Дорогой Мирзо-Хол,— развеселился Идрис,— а они случайно с тобой не советовались?

— Собирались, додар,— усмехнулся Мирзо-Хол.— Давно хотели посоветоваться. Только все подходящего момента не выберут...

Через некоторое время снизу, оттуда, где скрылись трое всадников, выехал верховой. Он тоже был в чалме и халате, а за плечом у него виднелось дуло ружья, поблескивающее в свете луны.

«Кто бы это? — думал Мирзо-Хол.— Может, один из тех троих? Нет, у тех не было ружей. Или они их прятали под халатами?..»

— Или басмач, или вор,— прошептал Идрис.

Мирзо-Хол ладонью закрыл ему рот. Всадник был близко.

«Лошадь вроде гаффоровская,— подумал Джамолбек.— Не он ли это?..»

Верховой задержался на повороте, осмотрелся и, убедившись, что все спокойно, направился к селу.

— А вот этого непрошеного гостя надо задержать,— решительно сказал Мирзо-Хол, повернувшись к Диловару.— Не иначе, вор...

— Детей напугает...— Джамолбек от волнения привстал.

— Нет, нужно подождать,— остановил его Диловар.— Попробуем сначала разгадать его намерения. Пойдем следом...

— Правильно,— согласился Идрис.

— А здесь кто останется? — спросил Мирзо-Хол.— Всем уходить нельзя: вдруг он не один, а вслед за ним другие едут?

Диловар сказал, что в кишлак пойдет он один, остальные пусть остаются. Мирзо-Хол тотчас же возразил: одному идти нельзя — человек на лошади вооружен. Поспорив, друзья решили, что на месте останется Джамолбек, а Диловар, Идрис и Мирзо-Хол отправятся в кишлак. Пригибаясь к арыку, друг за другом, бесшумно, они двинулись вдоль дороги.

Всадник, въехав в кишлак, слез с лошади, снял с плеча ружье, взял лошадь под уздцы и пошел пешком.

«Сейчас собаки подымутся»,— подумал Мирзо-Хол. Но собаки не лаяли. Значит, запах пришельца был им знаком или гость знал, где идти...

Стараясь идти в тени, незваный гость направился к мазанке Диловара. Его преследователи проворно выскочили из арыка и, перебежав дорогу, укрылись за одним из домов. Человек постоял

около мазанки, оглянулся по сторонам и, согнувшись, просунул голову внутрь.

«Аброр...— осенило Диловара.— Хорошо, что теща увела Адолат к себе».

Идрис прошептал Мирзо-Холу: «Невинный голубок». Мирзо-Хол дернул его назад — слишком уж он высовывался.

Не обнаружив никого в мазанке, Аброр секунду прислушивался к тишине, оглядывался. Похоже, обдумывал, что делать. И вдруг, повернувшись, направился к дому Джамолбека.

Диловар, сжимая кулаки, хотел броситься за ним, но Мирзо-Хол, крепко ухватив его за рукав, не пустил:

— Стойте здесь. Я один выйду.

Аброр, услышав шорох и дыхание сзади, резко повернулся и вскинул ружье:

— Кто?

— Не узнал меня, Аброр? — Мирзо-Хол, остерегаясь, стал за лошадью.

Аброр щелкнул затвором, собираясь стрелять. Мирзо-Хол, собрав всю свою выдержку, миролюбиво сказал:

— Побойся аллаха, Аброр, ведь мы с тобой побратимами были. Неужели забыл?

— Побратимы...— скрипнул зубами Аброр, но выстрелить не решился.

Мирзо-Хол, воспользовавшись моментом, нырнул под лошадь и дернул Аброра за ногу. Аброр замахнулся, но испуганная лошадь, подпрыгнув, ударила его копытом по руке. Охнув, Аброр выронил винтовку. Подбежавшие Диловар и Идрис прижали Аброра к земле. Он отчаянно кусался, но вырваться не смог.

Идрис нащупал на земле чалму Аброра и с помощью Диловара и Мирзо-Хола стянул ему руки сзади, вторым концом они связали «невинному голубку» ноги.

— Теперь ты не Аброр, а дух...— объявил Идрис.

Тут только залаяли собаки и подняли на ноги весь кишлак. Мужчины повыскакивали из домов.

Зеварой и Нусратходжу заставили выйти на улицу. Приблизившись к толпе, Нусратходжа спросил, в чем дело, но люди вместо ответа молча раздвинулись, и бывший раис увидел связанного Аброра. Закусив губу, он молча влепил ему две пощечины.

Аброр и без того понял, что допустил оплошность,— Нусратходжа не раз говорил ему, чтобы в кишлаке он не смел показываться.

— Чего это вы, таго! — тотчас же отреагировал Идрис.— «Невинный голубок» вернулся в свое гнездо и колхозную лошадь привел... Нехорошо, конечно, что он с оружием приехал, но это, наверное, просто так...

Нусратходжа ничего не ответил, только скрипнул зубами, повернулся и ушел.

В темной сырой комнатушке всю ночь скрипела деревянная кровать: Лутфулло Машрабов ни на минуту не сомкнул глаз. Он постоянно жил в страхе, зная, что советские органы продолжают разыскивать убийц гармских учителей и рано или поздно он попадется в их руки. Машрабов давно хотел потихоньку исчезнуть, перебраться на тот берег Пянджа... Нусратходжа мешал. «Не спешите, еще не настало время!» — говорил он. Машрабов не стал бы слушать Нусратходжу, если бы у него были деньги. Он понимал, что с пустыми руками ему за границей делать нечего. Машрабов давно решил: если в колхозную кассу попадет крупная сумма, то он ее заберет и скроется. Потому и взял на себя и счетоводство и обязанности кассира. Но в кассе колхоза никак не скапливалось больших денег. Банк контролировал все расходы и никогда не выдавал сразу крупных сумм. К тому же Диловар с первых дней взял под личное наблюдение всю бухгалтерию колхоза и ключ от железного сундука носил у себя в кармане.

Машрабов совсем было отчаялся, когда в его доме появился Кори Зиёдулло-эшон. Он рассказал о своих бедах и даже показал Машрабову тугой мешочек с золотом. Сообразив, что деньги почти в его руках, Машрабов предложил эшону быть его попутчиком в Мекку. Кори Зиёдулло насторожился и ответил, что поедет не один, а вместе со своей супругой.

Машрабов понял свою ошибку, преувеличенно беспечно засмеялся и сказал:

— Нет, нет. Будьте спокойны, хазрат. Я пошутил. Мекка не для меня. Кроме того, я ведь в колхозе работаю. Разве раис позволит, чтобы я по своей воле уехал куда-то?

Эшон немного успокоился, подумав: «Слава аллаху, что тебя, висельника, колхоз привязал...»

С того вечера Лутфулло Машрабов потерял покой. Он твердо решил любым способом отобрать деньги у эшона и покинуть «золотую долину». Даже если придется отправить на тот свет эшона и его супругу.

Машрабов следил за эшоном, как кот за мышью, и в любой момент готов был наброситься на свою жертву. Вел он себя хитро — выказывал ему всяческое почтение и любезность, старался завоевать его расположение и доверие.

В тот день, когда эшон потерял надежду увезти с собой Малику, Машрабов помог ему сесть на лошадь и, взяв ее за повод, предложил:

— Хазрат, если не возражаете, я провожу вас до большой дороги. Мало ли что может случиться. Те, кто отобрал у вас жену, могут и вас крепко обидеть.

Эшон действительно боялся, что Идрис с Диловаром арестуют и отдадут его под суд или же отберут у него золото. Поэтому он с радостью принял предложение Машрабова, читал по дороге ему благодарственные молитвы...

Но Машрабов не слышал молитв эшона. Он воровато оглядывался по сторонам, заботясь лишь о том, чтобы никто не увидел его с эшоном. Оставив в стороне прямую дорогу, он повел эшона по тропе среди камышей, объясняя, что нужно скорее скрыться, а то нагонят. Тогда и ему, Машрабову, плохо будет.

Эшон ехал в страхе, прижимая к себе мешочек с золотом и благодаря аллаха за то, что тот послал ему в трудный момент доброго человека.

А Машрабов все дальше углублялся в камыши, обдумывая, где и как совершить задуманное.

В одном месте эшон попросил Машрабова на минутку остановиться.

Машрабов остановился. Эшон быстро слез и, пройдя вперед несколько шагов, отвернулся в сторону.

Машрабов понял, что момент настал. Он отпустил повод, достал из-за голенища длинный острый нож и, спрятав его за спину, направился к эшону.

Эшон, почувствовавший опасность, невольно вздрогнул и оглянулся — его телохранитель стоял с ножом в руке. В глазах эшона потемнело, и он застыл на месте. Машрабов концом подкованного сапога слегка толкнул свою жертву — эшон свалился как подрубленный. Машрабов повернул упавшего лицом к небу, потом, наступив ему на грудь, заглянул в глаза. Широко раскрытые глаза эшона уже побелели и блестели, как фарфоровые.

— Вы оказали мне хорошую услугу, хазрат,— сказал Машрабов с усмешкой и сплюнул.— Даже нож не потребовался... Сам сдох...

Он убрал ногу с груди эшона и не спеша вложил нож в ножны. Распрямившись, поправил полы халата:

— Ну, а где золото? — спросил он у эшона.

Эшон молчал — уже ничто не волновало его в этом мире.

Машрабов нагнулся и вытащил из-за пазухи покойника тугой кожаный мешочек, подкинул его: «Тяжелый. Но неужели это все?»

Он обшарил не только карманы Кори Зиёдулло, но тщательно осмотрел подкладку халата, простучал подошвы сапог и даже пояс распорол. Это дало ему еще несколько золотых десятирублевок и дорогих колец. В одном из карманов Машрабов обнаружил завернутое в грязную тряпицу письмо. «От господина Хамдамова...» Прочитал и положил его на место: «Оно еще сделает свое дело...»

Повернув уже совсем остывшее тело эшона лицом к земле, Машрабов подошел к лошади.

Карий, будто понимая происходящее, стоял в напряженной позе, насторожив уши. Машрабов взял коня за узду. Конь испуганно рванулся, но, почувствовав крепкую руку, остановился.

Машрабов вывернул хурджины наизнанку, в них он обнаружил запасы еды и воды на дальнюю дорогу, но золота там не оказалось. Трогать запасы эшона Машрабов не стал, он перекинул хурджины через седло, отпустил узду. Вытер пот со лба, огля-

нулся на покойного Кори Зиёдулло и спокойно вздохнул — теперь можно было вернуться в свою лачугу...

До вчерашнего дня Машрабов был уверен, что, как только обнаружат тело эшона и при нем письмо Хамдамова, подозрение тут же падет на Идриса и Диловара. Их арестуют. Пока будут разбираться в этом темном деле, он прихватит золото и в одну прекрасную ночь исчезнет из кишлака.

Однако расчеты Машрабова не оправдались — Гаффоров не смог арестовать Идриса и Диловара. А потом колхозники задержали Аброра, да еще с винтовкой в руках.

И вот тут-то Машрабов испугался. Он знал, что начнется разбирательство и — доберутся до него. Пока здесь никто, кроме Нусратходжи, не знал о прошлом Машрабова. Он столько прятался, что выдержка начала изменять ему.

Лутфулло Машрабовым нарек его Нусратходжа. Родители называли его Нодирхон. Родился он в древнем городе Пешаваре, в семье известного купца Кудратуллохона. В семье было девять братьев. Старшие пошли по стопам отца и жили в достатке, а Нодирхон с детства стремился быть военным.

Кудратуллохон дружил с английским губернатором и как-то пожаловался ему, что не может справиться с сыном, не хочет он торговать, а желает поступить в военную школу. Губернатор похвалил мальчика и даже пошутил: «Такие широкие плечи созданы для погон! Быть ему генералом...»

В Пешаваре, который английские колонизаторы превратили в военный центр, была специальная военная школа, готовившая преданных Англии офицеров из местного населения. По рекомендации губернатора Нодирхона приняли в эту школу. Благодаря богатству и положению отца Нодирхон мог рассчитывать на блестящую карьеру. Но перед всеми выпускниками школы ставилось серьезное испытание: все они должны были проявить себя в набегах на советскую землю.

Пришлось и Нодирхону возглавить сотню «защитников ислама» и переправиться через Пяндж.

Вылазка оказалась неудачной. Через день в отряде Нодирхона осталось всего четыре человека. Сам Нодирхон был ранен в правую ногу выше колена и потерял много крови. Молодой басмач Рахмонкул, которого Нодирхон по возвращении в Пешавар обещал устроить в военную школу, отнес его в дом знакомого бая. Там старый табиб[1] промыл ему рану, перевязал и сказал, что раненый должен несколько дней полежать под его наблюдением.

Рахмонкул, поручив наблюдение за Нодирхоном баю, пообещал, что через несколько дней обязательно заедет и сам перевезет господина через границу. Больше Рахмонкул не появлялся.

«Где-нибудь подстрелили его,— с тоской думал Нодирхон,— и умер он собачьей смертью, и, непохороненный, достался шакалам и воронам...»

---

[1] Табиб — врач, лекарь.

В доме бая Нодирхон прожил два месяца. Сначала бай был очень внимателен к нему. Нодирхона одели с ног до головы, хорошо кормили, полностью взяли на себя расходы на табиба. «Приютить иностранца — дело святое,— говорил хозяин.— Да воздаст мне аллах...»

Но скоро Нодирхон надоел ему. Разговаривать им было не о чем, и бай все реже появлялся в комнате, где лежал раненый. Младший сын бая приносил пищу Нодирхону и убегал по своим делам. Нодирхон и сам понимал, что стал обузой. Понял и то, что Рахмонкул не вернется. Войска «защитников ислама» давно были разбиты, остатки их, отступая, уничтожали все по пути, как саранча, и, прихватив самое ценное, убегали за границу. Что-то надо было делать... Оставаться нельзя. Но и домой он вернуться не мог, потому что пришлось бы отвечать за бессмысленную гибель доверенных ему людей. Никакие объяснения не снимут с него вину. Даже если он сумеет как-то оправдаться, с мечтой о военной карьере придется распрощаться. Отец не простит ему такого позора и, возможно, выгонит его из дома.

Поразмыслив, Нодирхон решил отправиться в горный Гарм. Как-то отец говорил ему, что там у него есть близкий друг Низомходжа.

По рассказам отца Нодирхон знал, что его дед и прадед родом из Бухары, которую вынуждены были покинуть после одного из государственных переворотов, перебраться в Пешавар и осесть там. В их доме царила бесконечная любовь к истинной родине, священной Бухаре, преданность которой отцы передавали детям.

До бухарской революции Кудратуллохон много раз с большим караваном приезжал в Бухару, где у него было много друзей. Сын богатого гармского купца Низомходжа в то время изучал науки в известном бухарском медресе Мири-Араб. На одной из вирушек у бухарского купца он познакомился с индийским торговцем Кудратуллохоном, и вскоре они стали закадычными друзьями.

Нодирхон решил, что в этом чужом для него краю ему остается найти друга своего отца и передать ему привет. Может быть, он поможет Нодирхону выбраться из создавшегося положения...

Низомходжа был известный в Гарме человек. Нодирхон легко нашел его дом с большими воротами в центре кишлака Мотапиён. Но оказалось, что Низомходжа еще в первый год бухарской революции вместе со всем семейством перебрался за границу. Слуги его перегнали за ним стада баранов, коров и лошадей. Только один из сыновей бая, Нусратходжа, учившийся в Бухаре, не успел уехать с отцом и, затаившись, пошел на службу к Советской власти.

В доме Низомходжи жил сейчас его племянник Кори Атоуллохон. Он открыл здесь мусульманскую школу и сам в ней преподавал.

Атоуллохон радушно принял нежданного гостя. Собрав стариков, он устроил той в честь сына пешаварского купца. Эта вып-

ная и торжественная встреча обрадовала Нодирхона, но на душе было по-прежнему беспокойно. Что-то надо было предпринимать, куда-то идти, у кого-то просить помощи...

Он вынужден был поделиться своими печальными мыслями с Атоуллохоном.

— Ничего, сынок,— участливо сказал Кори,— не печальтесь. Вы сын знатного человека, аллах не обидит вас. Мужчина должен быть твердым в испытаниях, которые посылает нам аллах...

У Кори Атоуллохона было три дочери. Ему давно хотелось выдать старшую замуж и взять зятя в дом, чтобы тот заменил ему сына. Найти такого человека в Гарме было трудно: здесь считалось унизительным войти в дом невесты.

Вот почему Кори Атоуллохон, выслушав печальную историю Нодирхона, обрадовался: вот он, будущий зять! И действительно, Нодирхон как нельзя больше подходил для этой роли. Прежде всего, он был знатен. Как-никак сын пешаварского купца. К тому же не надеется вернуться на родину. И, наконец, Нодирхон вроде бы послушный парень. Он с удовольствием помогал по хозяйству: колол дрова, таскал из родника воду, подметал двор.

Выдержав для приличия срок, Кори, давно называвший гостя сыном, завел речь о предначертаниях судьбы, процитировал притчи из древних книг, не забыл упомянуть и о том, что все свое состояние собирается завещать зятю, высказал свое пожелание.

Нодирхон, никак не ожидавший такого предложения, с радостью согласился. Вскоре состоялась пышная свадьба.

Жизнь Нодирхона как будто наладилась. Жена пришлась ему по душе. Долгими часами он любовался ее цветущим личиком и не мог поверить, что эта пери — его законная жена. За что всемогущий создатель послал ему такую милость?

Однако вскоре все изменилось...

Как-то вечером Кори вернулся домой очень рассерженным. Нодирхон, как заботливый сын, взял его под руку, усадил на мягкие одеяла, подал пиалу горячего чая и только после этого позволил себе осторожный вопрос. Выяснилось, что учителя вновь открытой советской школы начали решительное наступление на религиозную школу Атоуллохона. Они не только сбивали с пути учеников Кори и их родителей, но и от имени трудящихся (Кори называл их голодранцами) написали коллективное письмо, в котором просили власти закрыть все, в том числе и его, Кори, религиозные школы.

— Этих смутьянов нужно уничтожить! — дрожа от гнева, кричал Кори.

Ночью в доме Атоуллохона собрались служители веры, посоветовались и дали благословение на убийство неверных учителей. Привести приговор в исполнение должен был Нодирхон с двумя незнакомыми ему людьми.

Нодирхон, чувствуя себя обязанным тестю, принял его повеление безропотно. Он понимал, что, отказавшись, тотчас лишится всего и будет выгнан на улицу, как паршивая собака.

В длинных черных чакманах, с лицами, полузакрытыми концами чалмы, Нодирхон с подручными проникли в дом, где жили «неверные», и отрезали им головы...

Вернувшись домой, Нодирхон сбросил окровавленную одежду, вымылся, переоделся и, войдя к тестю, вместо приветствия попросил благословения на дорогу.

Кори и сам сообразил, что Нодирхон не мог оставаться в его доме в качестве «домашнего зятя».

— Куда? — спокойно спросил он.

— Куда ноги унесут...

— Ноги далеко не унесут. Коня дам...— тяжело вздохнул Кори.

Нодирхон не понял — о коне вздохнул тесть или о нем. Он молча ждал, что еще скажет Кори.

— Я напишу письмо своему племяннику Нусратходже. Найдешь его в Душанбе...

— Благодарю... Будете довольны мной...

— Я доволен... Когда устроишься, приезжай и забери свою жену. Она в положении...

Нодирхон с трудом нашел в Душанбе Нусратходжу. Он работал инструктором в отделе ЦК комсомола.

Из письма Кори Нусратходжа понял, что Нодирхон теперь его родственник и что нужно помочь ему.

Вот тогда-то Нусратходжа и состряпал официальную бумагу, согласно которой Нодирхон стал Машрабовым Лутфулло, направлявшимся в Бухару «на учебу». Он поклялся Нусратходже, что, пока не перейдет границу, никому не откроет своего настоящего имени...

Несколько месяцев Машрабов жил в Бухаре, работая грузчиком и занимаясь мелким воровством. Однажды на базаре он залез в карман продавца дынь и попался. Пострадавшему пришли на помощь соседи по рынку и крепко побили Лутфулло. Кто-то из толпы посоветовал сдать вора в милицию. Двое поволокли Машрабова в милицию, но он по дороге сумел вывернуться и убежать. И в тот же вечер он уехал в Душанбе.

Там он снова нашел Нусратходжу, который собирался переезжать на Вахш. Машрабов поехал с ним.

Сам Машрабов почти забыл свое настоящее имя, но Нусратходжа всегда его помнил. Ему нужен был именно Нодирхон — сын известного пешаварского купца, офицер английской школы. Именно Нодирхон, а не тихий счетовод Машрабов...

Нусратходжа считал, что такой человек пригодится и в добрый день, и в плохой. Много надежд было связано у него с Нодирхоном. Если его «дело» выгорит (то есть произойдет переворот и он достигнет больших чинов), тогда необходимо станет наладить связи с англичанами. И Нодирхону, знающему язык, обычаи и нравы англичан,— цены не будет.

И наоборот, если «дело» не выгорит и придется бежать за границу, Нусратходжа при помощи Нодирхона и его родни смо-

жет занять какое-нибудь пристойное место в обществе и даже, кто знает, с их помощью познакомиться с самим английским губернатором и так далее и тому подобное...

Вот поэтому-то Нусратходжа и не соглашался, чтобы Нодирхон прежде времени переходил границу. Каждый раз, когда тот жаловался на трудности своего положения, Нусратходжа утешал его и убеждал, что «мужчина, вышедший в путь, должен вернуться с победой...».

Так проходили дни, месяцы, а надежды на победу становилось все меньше. Чаша терпения Нодирхона давно переполнилась. Теперь он готов был вернуться на родину даже под градом насмешек. Пусть выгонит его отец из дома! Пусть отвернутся братья! Пусть не ласкает его больше губернатор, пусть не дают ему воинских чинов! Лишь бы остаться в живых, убежать из этой проклятой страны, где он не мог спокойно спать.

...Всю ночь Машрабов ворочался с боку на бок, мучился от кошмаров, вскакивал, курил, снова ложился, но не мог уснуть. Расшатанная деревянная кровать пронзительно скрипела под ним, точно и она была недовольна.

К утру Машрабов решился — пора бежать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Рано утром кто-то сильно постучал в дверь. Машрабов вздрогнул, прислушался. Сердце бешено стучало в ребра. Он почему-то подумал, что пришли его арестовать...

— Машрабов,— снова стук в дверь и голос Нусратходжи.

«Слава аллаху»,— облегченно вздохнул счетовод и прокашлялся:

— Я... Я проснулся...

— Завидую,— мрачно пошутил Нусратходжа из-за двери.

Машрабов, у которого все еще дрожали руки, поспешно открыл дверь. Нусратходжа был верхом, с плеткой в руках, он явно спешил.

— Я в Курган. А вы узнайте, что делается в кишлаке, вечером расскажете.

— Хорошо, хорошо,— закивал головой Машрабов.

— Да смотрите не проспите удачу,— усмехнулся Нусратходжа и ускакал.

«Что-то странно он себя ведет...— закрыв дверь, подумал Машрабов.— Я и так всегда докладываю ему обо всем, что творится в кишлаке. Видимо, что-то его сильно беспокоит. Что? Аброр попался. Идриса с Диловаром арестуют, и концы в воду. Кишлак успокоится...

Нет, не успокоится,— остановил сам себя Машрабов.— Наоборот... Народ поднимется и пойдет всем колхозом в Курган — выручать Диловара и Идриса. Похоже, этого-то и опасается Нусратходжа... Вот если бы все они отправились в Курган, тогда я смог бы уйти отсюда...»

Размышления его прервал внезапный стук в дверь.

— Кто? — спросил он сердито.

— Я... Откройте скорее...

Узнав голос Зеварой, Машрабов распахнул дверь и втащил женщину за руку в дом.

Зеварой тяжело дышала.

— Все мужчины ушли, повели Аброра в Курган. И Нусратходжа куда-то уехал. В кишлаке только женщины...

Зеварой выпалила новости залпом и замолчала, вопросительно глядя на Машрабова.

Машрабов понял ее правильно: Зеварой догадывалась, что он собирается бежать, и хочет идти с ним. «Этого только мне не хватало!» — с раздражением подумал он, но виду не подал, а спросил обычным тоном:

— Людей Гаффорова нет?

— Милиции? Будьте покойны. Ни один не появится. А если и приедут, какое им дело до нас?

Машрабов с облегчением вздохнул и, притворяясь взволнованным близостью женщины, обнял Зеварой. Она доверчиво прильнула к нему.

В этой чужой стране его единственной отрадой и утешением была близость с этой женщиной. Но он и ее не любил. Он вообще никого не любил. Даже о своей законной жене, с которой с удовольствием проводил время, он не вспомнил ни разу. Сердце его очерствело за годы скитаний по стране, где ему все было чуждым и враждебным, где он убивал и прятался, поминутно ожидая ареста. Страх уничтожил в нем все человеческое, теперь ничто не трогало его — ни проявления ума, ни ласка, ни женская красота...

Зеварой он взял силой, а потом каждый раз угрожал, что, если она не отдастся ему, расскажет об ее измене Нусратходже. Позже и Зеварой, ревнующая Нусратходжу к Адолат, покорилась судьбе, даже стала нежнее относиться к Машрабову: то ли привыкла к нему, то ли поверила в его любовь. Однажды даже сказала, что готова бежать с ним куда угодно и жить с ним как с мужем...

Машрабов, чтобы успокоить ее, обещал подумать. В последнюю встречу словно черт дернул за язык, и он сказал, что, как только кишлак успокоится, можно отправляться. И вот теперь...

Машрабов погладил волосы Зеварой, заглянул в ее глаза. И вдруг шальная мысль мелькнула в его мозгу: а не взять ли ее действительно с собой? Женщина красивая, молодая... Там, за границей, на такой товар покупатели найдутся. Можно неплохо подзаработать — торгашеский дух родственников давно вытеснил в нем воинские наклонности.

Вдохновленный этой мыслью, он крепко расцеловал женщину:

— Дорогая моя, я готов. Мы уйдем отсюда. Мы с тобой везде будем счастливы...

Женщина горячими дрожащими руками обвила его шею и страстно поцеловала его. Машрабов поднял ее легкое тело и понес к кровати. Но Зеварой сказала:

— Что мы делаем? Время зря теряем...

— Сейчас, сейчас, золото мое,— прошептал Машрабов, осторожно опуская ее на скрипучую кровать.

— Что? У вас и золото есть? — кокетливо спросила Зеварой.

— Есть, дорогая, все у меня есть и все будет...— слабея, пробормотал Машрабов и тут же опомнился. Опомнился и испугался. Что за существа эти бабы? И не заметил, как проговорился. Недаром говорят: в объятиях женщины язык развязывается, а ум и осторожность засыпают...

Освободившись от объятий Зеварой, Машрабов встал.

— Пора? — доверчиво глядя на него, спросила женщина.

— Да, собирайся,— избегая ее взгляда, ответил Машрабов.

Зеварой лениво потянулась, накинула на голову блестящий платок и удивилась, что Машрабов вдруг стремительно нагнулся к кровати и поправил на ней одеяло.

У женщин глаз острый. Зеварой увидела кожаный мешочек, который заметила давно, но внимания на него не обратила. Только после того, как Машрабов поспешил прикрыть его, голова ее заработала. «С чего бы это? — думала она.— Почему он прячет его от меня? Не золото ли это несчастного эшона? Неужели это Машрабов убил эшона? Вот почему он хвастался, что у него есть золото...» Не очень соображая, зачем она это делает, Зеварой подошла к кровати и, откинув одеяло, схватила мешочек.

— Это ведь золото эшона!..— в ужасе воскликнула она.

Машрабов молча взял из рук Зеварой мешочек, спокойно бросил его обратно на кровать, а другой рукой, уже сжавшейся в кулак, ударил женщину по голове. Зеварой упала. В ужасе Машрабов прыгнул к двери и схватился за запор. Руки не слушались его, замок не открывался.

До крови прокусив себе нижнюю губу, Машрабов вдруг не столько увидел, сколько почувствовал, что Зеварой поднялась и помогает ему открыть запор. Отскочив, счетовод пнул женщину в спину. Несчастная, издав душераздирающий крик, вместе с дверью вылетела на улицу.

В это время мимо правления шел Джамолбек, вел Гнедого с водопоя. Услышав истошный вопль, он бросился на помощь.

И едва успел — Машрабов уже занес над головой Зеварой кованый сапог.

— Подлец! — крикнул Джамолбек и рукоятью кнута ударил Машрабова. Удар тугим кнутовищем по колену был так силен, что Машрабов задохнулся от боли. Но тут же пришел в себя и, изогнувшись как кошка, всем телом, прыгнул на Джамолбека и вцепился в шею. Оба свалились на землю. Длинные грязные ногти Машрабова впились в шею Джамолбека, и он хрипел, едва дыша.

Зеварой растерялась. Хотела броситься на Машрабова, но споткнулась о камень и упала. Трясущимися окровавленными руками она подняла этот камень, подошла к ним и, собрав все свои силы, ударила Машрабова по голове. Машрабов обмяк, руки его ослабели, но продолжали сжимать шею Джамолбека.

Зеварой с трудом удалось их разжать, но Джамолбек почему-то не шевельнулся — так и продолжал лежать на земле в странной, неудобной позе...

И Зеварой вдруг поняла, что он умер. Панический ужас охватил женщину. Она наклонилась к Джамолбеку и закрыла ему глаза, но они открылись снова. Зеварой еще раз попыталась их закрыть, но они снова открылись и пристально, не мигая, смотрели на женщину. Зеварой вдруг расхохоталась. Она смеялась безостановочно, взахлеб. Потом, прихлопывая в ладоши, начала плясать, приговаривая: «Оба они умерли, оба они умерли, ха-ха-ха...»

Так, с растрепанными волосами, исцарапанным и окровавленным лицом, подпрыгивая и напевая, она и пошла по кишлаку...

Малика и Хайригуль, стиравшие на солнцепеке, увидев танцующую Зеварой, глазам своим не поверили. Позвали Шакаргуль и втроем побежали за Зеварой. Но она не обращала ни на кого внимания, смеялась, танцевала и хлопала в ладоши.

Малика и Хайригуль пытались добиться от Зеварой ответа:

— Что с вами, сестра?

— Нусратходжа бил?

Зеварой будто и не слышала их вопросов.

Вдруг их окликнула какая-то женщина:

— Идите сюда, тут двое мертвых...

Малика и Хайригуль, оставив Зеварой, бросились на голос... Толпа сбежавшихся людей окружила тела Джамолбека и Машрабова. Их облили водой. Машрабов застонал, дернулся, а Джамолбек так и остался неподвижным.

Малика крепко держала Хайригуль, боясь, что она упадет.

Адолат истошно кричала: «Папочка, папочка!..»

Занятые Джамолбеком, все забыли про Зеварой. А она, танцуя и смеясь, все кружилась, кружилась, пока не оказалась на берегу большого канала, где поскользнулась и съехала в воду.

Ее вздутое тело через несколько дней выловили и привезли в кишлак поливальщики из соседнего колхоза.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Урунов, после очередного разговора с Доннёровым, вернулся к себе совершенно подавленный.

Секретарша тотчас же уловила его состояние и несмело протянула ему пакет:

— Для вас важное письмо...

— Откуда ты знаешь, что важное? — нахмурил брови Урунов.

Секретарша смутилась:

— Посыльный так сказал...

На письме не было обратного адреса, но Урунов по почерку узнал — письмо от Акмалзода. «Очередные глупости...» — с раздражением подумал Урунов.

Войдя в кабинет, он с шумом захлопнул дверь, бросил письмо на стол, сел на диван...

Сегодняшний разговор с секретарем райкома был весьма серьезным. Пришло время, как понял Урунов, сделать выводы.

В последние месяцы планы Урунова рушились один за другим. В довершение неприятностей влип в скверную историю с золотом эшона Машрабов. И Джамолбека убил. Зеварой сошла с ума и погибла. Попался проклятый Аброр... И афера с арестом Идриса и Диловара провалилась. Дурак Гаффоров прошляпил, не смог вовремя арестовать их. На другой день об этом уже знали Дониёров и Фадеев. Естественно, ареста Диловара не допустили. Фадеев и Умархон (конечно, по совету Дониёрова) поручились, что Диловар с Идрисом до конца расследования никуда не исчезнут, поэтому нет нужды увозить их из кишлака.

А сегодня Дониёров потребовал, чтобы самого Гаффорова сняли с работы и отдали под суд...

Урунов не согласился. Дониёров привел веские доказательства: Гаффоров до сих пор не поймал убийц трактористов, ясно, что теперь и не поймает; Аброра тоже не арестовал вовремя, зато хотел по пустому подозрению арестовать Диловара с Идрисом, а настоящий убийца эшона в этот момент совершил еще два тяжких преступления... В общем, Гаффоров — человек безответственный и настоящий вредитель. И с женой обращается, как феодал. Бьет ее, пьет, гуляет...

Урунов, видя, что все у него трещит по швам, уходя из райкома, сказал Дониёрову:

— Мы не можем работать вместе. Один из нас должен уйти...

Урунов полагал, что эти слова должны сразить Дониёрова и принудить его изменить политику.

Дониёров секунду помолчал, подумал, потом спокойно спросил:

— Вы на этом настаиваете?

— Да,— надменно ответил Урунов, хотя уже понял, что промахнулся.

Дониёров встал, прошелся по кабинету, остановился и, глядя на Урунова в упор, не то попросил, не то приказал:

— Вы должны дать мне время на обдумывание...

Урунову вдруг стало не по себе; стараясь не показать этого, он заставил себя небрежно кивнуть и отвернуться, показывая, что разговор окончен.

Вспоминая эти минуты, Урунов поежился, нехотя поднялся с дивана и вскрыл письмо.

«Дорогой брат,— писал Акмалзода.— Ваши друзья обеспокоены. Считаю своим долгом сообщить, что в последнее время вами слишком интересуются соответствующие органы. Что-то им известно о Ташкенте. Будьте бдительны и осторожны...

Ваш друг».

«Дурак! — рассердился Урупов, кинув письмо на стол.— «Будьте бдительны... Осторожны...» Эти идиоты в центре ни на что не годятся. Дрожат только за свою шкуру. Боятся слететь с теплого местечка. Трусы... Богатыри у котла... Молодцы против овец...» Урупов смял письмо и бросил его в корзину под стол.

У него разболелась голова. Он снова сел на диван и мысленно перечитал письмо. «Вами интересуются соответствующие органы». «Ну и стиль!» По привычке он уже пропиздировал, но тут всплыла одна строка из письма, и он похолодел. «Что-то им известно о Ташкенте...» — писал Акмалзода.

Этого Урупов боялся больше всего. Тогда, в Ташкенте, его объявили троцкистом и хотели исключить из партии. Друзья спасли его, направив в Таджикскую автономную республику. Урупов понимал, что, если все это всплывет, его могут даже отдать под суд. Если начнут копать, найдут в чем обвинить. Он вдруг подумал, что Доннёров все знает, потому-то и попросил об отсрочке. Ему нужно получить указания сверху.

Никогда не предполагал Урупов, что попадет в такое жалкое положение. Он на мгновение представил себя со связанными руками и пришел в ужас.

«Нет, нет... Ни за что... Ни ареста, ни суда, ни тюрьмы... Лучше пулю в лоб!» Он встал с места, ухватившись рукой за кобуру. «Самоубийство — тоже мужество»,— прошептал он и оборвал себя, поняв, что в нужный момент у него дрогнет рука.

«Нужно предупредить события...— решил Урупов.— Необходимо уничтожить Доннёрова... Потом написать письмо курбаши Исламбеку. Пусть его львята выйдут на охоту... Пусть разнесут эту «золотую долину». Сломают плотину и пустят воду на хлопковые поля. Все уничтожат. Массовое убийство... На земле большевиков объявим массовое истребление...»

От сильного волнения Урупову стало трудно дышать, с лица его стекал пот, но он ничего не замечал. Секретарша уже несколько раз толкалась в закрытую дверь, но Урупов никак не мог заставить себя подняться.

Выждав некоторое время, секретарша постучала еще раз.

— Вам чего? — голос Урупова звучал хрипло.

— Там пришли Нусратходжа с Гаффоровым...— несмело доложила секретарша.

— Пусть войдут,— разрешил Урупов.

Через минуту в кабинет вошли Нусратходжа и Гаффоров. Урупов холодно поздоровался с ними и жестом пригласил их сесть на диван. Сам сел за стол.

Нусратходжа был бледен и печален.

— Похоронили? — хмуро спросил Урупов.

Нусратходжа кивнул.

— Не печальтесь,— разыгрывая участие, проговорил Урупов.— Судьба...

— Да раис, если захочет, завтра же женится! — подхихикнул Гаффоров.— Хорошо бы, и моя жена утонула. Я бы помоложе взял. Х-хе...

Нусратходжа зло глянул на Гаффорова, но промолчал. Он не очень печалился о Зеварой, особенно теперь, когда узнал о ее связи с Машрабовым. Но его потряс сам факт этого неожиданного и трагического конца.

Урунов бросил на Гаффорова сердитый взгляд, давая понять, что шутки тут неуместны.

Гаффоров, устыдившись, попросил прощения:

— Извините, раис. Я пошутил... Говорят, она была хорошей женщиной...

— Ничего...— задумчиво ответил Нусратходжа и вдруг остро почувствовал, что Зеварой была единственным человеком, которому он действительно был нужен.

— Как состояние Машрабова? — поинтересовался Урунов.

— Хорошо,— Гаффоров воспрянул духом.— Живуч, проклятый. Очнулся и начал орать на меня. То мыло требует, то полотенце. Веди, говорит, в баню. И мозги в порядке...

— Ну, сводите его в баню,— посоветовал Урунов.

— Боюсь, не убежал бы...— засмеялся Гаффоров.

— Сам себе не веришь...— усмехнулся Урунов.— А золото сдал в банк?

Гаффоров пожал плечами:

— Раис, в такие времена какой человек по своей воле отдаст золото?...

— Сдайте, за это золото Донийёров с вас голову снимет,— предупредил Урунов.— Сегодня Донийёров потребовал, чтобы мы освободили вас от должности и взяли под арест...

— Не пугайте меня, раис,— не поверил Гаффоров.— Пока ваша голова цела, никто не посмеет сбрить мои усы. Хе-хе...— Он льстиво засмеялся.

— Не обольщайся,— холодно сказал Урунов.— На этот раз, по-моему, твои усы снимут вместе с твоей головой...

— Ох, не накликайте беду, раис...— начальник милиции замахал руками.

— Если хочешь жить...— Урунов сделал паузу.— Сегодня же ночью разделайся с Донийёровым...

— Я должен его застрелить? — дрогнувшим голосом спросил Гаффоров.— А что потом?

— Потом? — Урунов опять пронизировал.— Потом мы арестуем тебя, будем судить и расстреляем. Хуже этого не будет. Понял?

Гаффоров бессильно опустился на диван.

— Еще вопросы есть?

Гаффоров отрицательно покачал головой.

— Хорошо, в таком случае не хлопочи прежде времени о своей смерти и выполняй приказ,— спокойно сказал Урунов.

Гаффоров недоуменно смотрел на него. Урунов, подмигнув ему, засмеялся; мол, не печалься, все будет в порядке.

Гаффоров, опираясь рукой на диванную подушку, с трудом поднял свое грузное тело и, что-то вспомнив, снова вопросительно посмотрел на Урунова.

— Что еще? — раздраженно спросил Урунов.

— Я бы...

— Говори...

— ...Если вы не против, я поручу это дело Машрабову...— несмело предложил Гаффоров.— Если пообещать, что его освободят, он не одного — десятерых убьет...

— А у тебя что, руки дрожат?— едко процедил сквозь зубы Урунов.— Но в общем-то все равно. Но имей в виду: если Машрабов убьет Доппёрова, тебя мы все равно арестуем как отпустившего преступника...

Гаффоров минуту подумал, взвешивая ответ Урунова, и, кивнув, направился к двери.

Проводив его взглядом, Нусратходжа обернулся к Урунову:

— По-моему, он не выполнит ваш приказ.

— Возможно. Но нас он не предаст...— уверенно ответил Урунов.

— Курбаши Исламбеку письмо отослали? — поинтересовался Нусратходжа. Он знал, что убийство Доппёрова и есть тот сигнал, которого так давно ждут за Пянджем.

— Нет еще...— Урунов медлил, словно что-то взвешивал, решал.— А кто мог бы отвезти письмо?

— Аброра освободим из-под ареста, отвезет...— подсказал Нусратходжа.

— Да, я забыл про него,— обрадовался Урунов.— Он привез, он и отвезет...

Помолчали. Оба понимали, что опасное решение принято ими вынужденно, под давлением обстоятельств, а не потому, что они уверены в успехе. Им нельзя было сидеть сложа руки дальше.

— Садитесь сюда, у вас почерк лучше,— Урунов поднялся, освобождая Нусратходже место за столом.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Растерянный и испуганный Гаффоров медленно брел по дороге. Внезапно из переулка появился Доппёров. В белой рубашке с расстегнутым воротом, с непокрытой головой, с фуражкой в руке, он, легко ступая, шел прямо на Гаффорова. Гаффоров от неожиданности остолбенел, словно вор, застигнутый на месте преступления. Невольно он схватился за кобуру, прокашлялся и оглянулся назад — на кривой улочке не было ни души, будто все жители городка в эти жаркие дни покинули свои жилища; стояла неправдоподобная тишина — ни звука, ни шума, ни голоса.

Гаффорова вдруг объял ужас. Показалось: не он Допиёрова, а Допиёров собирается убить его! Рядом с этим человеком он особенно остро чувствовал свое ничтожество. «Нет, я никогда не смогу застрелить его»,— сознался он себе, покрываясь холодным потом.

— Добрый день! У вас что-то случилось? — участливо спросил Допиёров, приблизившись к Гаффорову.

— Нет, нет, ничего,— начальник милиции даже попытался поднять голову и взглянуть в глаза секретарю, но не смог, не посмел...

— Вы кого-то здесь ждете? — поинтересовался Допиёров, внимательно всматриваясь в начальника милиции и стараясь понять причину его замешательства. Он догадался, что Гаффоров только что вышел из исполкома,— значит, был у Урупова, и тот, конечно, известил его о требовании секретаря райкома. Но предположить, что этот усатый верзила с пистолетом только что получил от своего хозяина приказ застрелить его, что сейчас он в смятении оттого, что никак не решается выполнить этот страшный приказ, Допиёров все-таки не мог.

— Нет, нет, я никого не жду,— испуганно ответил начальник милиции.— Так просто, увидев вас, остановился.

— Значит, из уважения ко мне остановился? — засмеялся Допиёров и хотел было спросить, почему это начальник милиции, увидев секретаря райкома, хватается за наган, но передумал: подозрение шевельнулось в его душе.

— Да, да, из уважения к вам,— согласился Гаффоров и, не зная, как вести себя дальше, старательно поправил ремень на гимнастерке.

— Спасибо,— поблагодарил секретарь райкома, вспомнив почему-то, как две недели назад Урупов приглашал его к себе в гости, слова были те же — «из уважения к вам». «С чего бы это они так меня вдруг зауважали?»

— В МТС, что ли, идете? — осмелился спросить наконец начальник милиции.

— Угадали,— спокойно сказал Допиёров.— Не проводите ли вы меня? По дороге и поговорим.

— Конечно, с удовольствием провожу,— с готовностью закивал Гаффоров.— Это моя обязанность заботиться о вас. Тем более что я не раз предупреждал вас, что в такое смутное время нехорошо ходить одному.

— Смутное? Почему? — притворился непонимающим Допиёров.

Начальник милиции прикусил язык. «Черт меня дернул,— терзался он,— надо теперь найти подходящий ответ». Помолчав, он объяснил:

— Да ведь сами знаете. Год... немного... неспокойный... Убийств много... Вот вчера этого сукина сына Машрабова арестовал... Проклятый... Он...

Допиёров не слушал, ругая себя за то, что потащил за собой

начальника милиции: разговора никакого не получится, ведь давно ясно, что это враг. Нехорошо!

Дорога кончилась, теперь по тропинке нужно было идти друг за другом — кругом степой стояли густые колючие кустарники. Доппёрову стало не по себе, захотелось остановиться и пропустить Гаффорова вперед... Гаффоров — блюдолиз, слуга и, возможно, даже агент Урупова. Невольно вспомнились слова Музаффарова: «Береги себя...» Что имел в виду секретарь ЦК?

Гаффоров, видя, что секретарь райкома задумался, не обращает на него внимания, молча шел сзади и обдумывал, как выполнить приказ Урупова. Иначе в гневе он пристрелит самого Гаффорова или, обвинив его в измене, арестует и отдаст под суд. Но как выполнить приказ?

Тропинка миновала кустарники и побежала теперь по степи среди солончаков. Впереди показались невысокие постройки МТС. Гаффоров сбоку взглянул на секретаря райкома и незаметно оглянулся — никого. Вот он, подходящий момент! Больше такого не будет!

Начальник милиции немного приотстал... Доппёров будто почувствовал опасность и оглянулся. Гаффоров вздрогнул и, споткнувшись о кочку, чуть не упал. Со лба его тек пот.

— Идите по тропе. Чего вы на траву вылезли? — голос Доппёрова звучал спокойно.

Начальник милиции пробормотал:

— Я не хотел стеснять вас...

Доппёров усмехнулся и пошел дальше, в который раз за сегодняшний день вспоминая сынишку Джамолбека. По обычаю, мальчику, как мужчине, на похороны отца сшили халатик по росту и подвязали цветным платком. Взяв в руки палку, он стоял у гроба. Детское лицо его, как у взрослого, было серьезным и печальным. Но в глазах застыло недоумение. Малыш, как единственный сын, хоронил отца и, несмотря на свой возраст, соблюдал обряд...

Эта картина вот уже два дня стояла перед глазами Доппёрова. Нет-нет да и всплывало в памяти среди разговоров и важных дел лицо Закирджона, с палкой в руках стоящего у гроба. Доппёров очень скучал по своим детишкам, которые, если заставали дома отца, не слезали с его рук. Неделю назад он проводил их в прохладную Исфару, к родителям жены. До сих пор от них нет вестей. Как они доехали? Наверно, замучили мать в эту жару своими капризами? Как там его рыженький Фарходжон? Что-то после краснухи он стал раздражительным и непослушным, надо будет посоветоваться с врачом... Доппёров пожалел, что отправил семью,— были бы они все вместе. Фадеев тоже проводил семью в Москву, а теперь жалуется на одиночество...

— Вот и МТС,— Гаффоров сказал это таким тоном, будто закончил тяжелую работу.

Прислонившись к ограде и с удовольствием ощущая горячей спиной прохладу камня, Доппёров смотрел на начальника мили-

дии. Гаффорова снова объял ужас: «Ну конечно же он обо всем догадался! Нужно было убить секретаря там, среди солончаков, а я, идиот, упустил подходящий момент, струсил. Что теперь будет?»

— Ну что ж, будьте здоровы,— Донпёров испытующе глядел в глаза Гаффорова.— Спасибо, что проводили. Теперь можете заняться своим делом.

Гаффоров решил подождать, когда Донпёров войдет в ворота МТС, но тот не торопился, по-прежнему стоял у стены, спокойно и невозмутимо. Приложив руку к фуражке, начальник милиции повернулся и пошел назад.

Нагнув голову, с трудом, будто считая каждый свой шаг, переставлял он ноги, прислушиваясь к тому, что происходит за его спиной. Он боялся, что Донпёров выстрелит ему в спину. Но выстрела не было. Не выдержав, Гаффоров оглянулся. Донпёров входил в ворота МТС.

«Нет, сам стрелять не будет,— убеждал себя Гаффоров.— Зачем ему это нужно? Зайдет в МТС к своему другу Фадееву и из его кабинета по телефону сообщит обо мне куда следует. Остальное понятно...»

От этих мыслей по спине Гаффорова побежал холодный пот — гимнастерка сразу прилипла к телу.

«Что я наделал? — в страхе подумал он, шагая по тропинке.— Аллах меня наказал. Пропала моя голова... Даже Урунов не сможет меня спасти...

Что же теперь делать? Куда бежать? Разве теперь можно убежать? Нет... Это глупая мысль. Наверняка за мной уже следят...»

Гаффоров огляделся — вокруг не было ни души. Земля тонула в тишине. И это тоже пугало начальника милиции. Безлюдье, звенящая, невыносимая тишина казались зловещими. Крадучись, переулками, Гаффоров направился к дому.

«Нет, живым не дамся... Не дамся... Не дамся!..» — повторял он, задыхаясь, как заклинание. Свернув на кривую, неровную улицу, он побежал, спотыкаясь и шатаясь как пьяный. Ему чудилось, что чекисты догоняют его. Вот-вот поймают. Не помня себя от ужаса, добежал он до своего дома и остановился перед раскрытыми воротами. Ему показалось, что кто-то притаился за воротами. Он выхватил наган из кобуры. А тут затопал козленок, подбиравший во дворе солому...

От страха у Гаффорова потемнело в глазах — сейчас появятся чекисты, и все будет кончено. Он зажмурился, поднес дрожащей рукой дуло пистолета к груди и выстрелил.

Жена Гаффорова, услышав неожиданный выстрел, замерла на месте, потом, придя в себя, побежала к воротам. Она увидела, что муж ее весь в крови и корчится в судорогах. Истошно закричав, несчастная женщина склонилась над ним. «Ой... сгори дом врагов, муженька моего убили»,— причитала она. Заметив, что муж с трудом дышит, расстегнула ему ворот рубахи.

Гаффоров с трудом приоткрыл затуманенные глаза и, облизнув пересохшие губы, проговорил:

— Донпёрову передай...

— Что, что? — Женщина вся превратилась в слух, чтобы услышать последние слова мужа.

Гаффоров собрал остатки сил:

— Урупов... мне... приказал... Донпёрова... убить...

Гаффоров хотел еще что-то сказать, но только хрипел.

У женщины дрожали руки. В ужасе она сбросила с колен мертвую голову мужа с отвисшей челюстью и, как была, босая и простоволосая, помчалась в райком.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Тетя Шура снова и снова пыталась внушить жене Гаффорова, что никто не должен знать о последних словах ее мужа, что она сама немедленно сообщит о случившемся секретарю райкома.

Прощаясь, женщина хотела поцеловать руку тете Шуре, но та не разрешила этого и, сама обняв ее, поцеловала:

— Вот так, мы с тобой теперь сестры...

В этот тяжкий день тетя Шура оказалась единственным другом растерянной вдове Гаффорова. Она утешила ее и помогла советом. С волнением следила она из окна за женщиной, беспокоилась, не увидел ли кто, как она выходит из райкома. После того как вдова Гаффорова скрылась из виду, тетя Шура вышла на улицу и еще долго смотрела ей вслед — не остановил ли ее кто и не спросил ли о чем-нибудь. Тетя Шура понимала: если враг узнает о последних словах начальника милиции, неизбежны новые жертвы.

Но как поставить в известность секретаря райкома? Тетя Шура знала, что Донпёров сейчас в МТС. Но по телефону, естественно, говорить о таких вещах нельзя. И в то же время Донпёров должен узнать о приказе Урупова сейчас же, не выходя из МТС. Но там он в окружении друзей, и сегодня он не должен нигде появляться в одиночестве. Хотя говорить об этом Донпёрову бесполезно. Наверное, по этому вопросу нужно решение бюро райкома. Но и бюро райкома в настоящем составе не может вынести такого решения, поскольку в его состав входят Урупов и его сторонники. Может быть, Фадеев повлияет на секретаря? Во всяком случае, примет какие-то меры.

Тетя Шура подняла трубку и попросила телефонистку соединить ее с директором МТС.

— Фадеев слушает...— услышала она знакомый глуховатый голос.

Тетя Шура поздоровалась и как можно спокойнее спросила, где секретарь.

Фадеев ответил, что Донпёров во дворе, а он сам на минуту забежал в кабинет. Тетя Шура обрадовалась и попросила Фадеева до ее прихода в МТС обязательно задержать Донпёрова и ни в коем случае не выпускать одного на улицу...

Фадеев, знавший и положение в районе и характер секретаря Донпёрова, понял, что тетя Шура не зря подняла тревогу. Он по-

просил ее поторопиться — Доппёров собирался в обратную дорогу.

Положив трубку, тетя Шура собрала бумаги, спрятала их в сейф и, выйдя из райкома, заперла дверь на ключ.

Бурхон Доппёров, увидев появившуюся на тропинке тетю Шуру, глазам своим не поверил. Тетя Шура тоже узнала его и, прикрываясь газетой от солнца, попыталась улыбнуться. Но было видно, что быстрая не по годам ходьба утомила ее.

— Идемте,— дотронулся до ее плеча Фадеев.— У меня в кабинете холодная вода, напьетесь, посидите чуток...

Секретарь райкома шумно обрадовался и пошел вслед за ними.

Тетя Шура намочила платочек и вытерла лицо и шею, но все еще не могла унять волнения и так, волнуясь, поминутно прикладывая мокрый платок ко лбу, рассказала обо всем, что услышала от жены Гаффорова. И в заключение, повернувшись к Фадееву, заявила:

— По-моему, в эти дни товарищу Доппёрову нельзя ходить одному, вы должны принять меры...

Фадеев согласно кивнул и посмотрел на секретаря.

Доппёров молчал. Ему вспомнились недавние слова Гаффорова об опасности. Это были слова врага. Доппёров понимал, что переход врага к террору показывает его слабость... Враг понял — другого выхода нет. Дни Урунова и его сторонников сочтены... Вот они и мечутся. Потому и хотят отомстить, и, конечно, не только Доппёрову, но и райкому, партии большевиков, трудовому народу, поддерживающему политику Советской власти... Урунов ненавидит не только директора МТС Фадеева, агронома Умархона, Диловара, Идриса, Мирзо-Хола, он готов убить всех — каждого тракториста, поливальщика, любого честного колхозника, изничтожить всю Вахшскую долину. Он не хочет, чтобы на вахшской земле рос хлопок и укреплялась власть Советов. Значит, от него можно ожидать всего...

Доппёров снова вспомнил слова секретаря ЦК Музаффарова о том, что особо бдительно нужно смотреть за плотиной и каналом.

Первым наступившее молчание нарушил Фадеев:

— Без сомнения, этот приказ — сигнал к нападению... Насколько я знаю Урунова, мы должны быть готовы ко всему.

Доппёров поднял голову, поглядел на взволнованное лицо друга и ободряюще улыбнулся:

— Не паникуй. Одним неосторожным движением легко спугнуть врага. Не осложнить бы положение...

— Дорогой Бурхон Доппёрович, положение и так достаточно сложное, и я не могу быть, как ты, спокойным и хладнокровным.

— Можешь...— не согласился секретарь.— Должен мочь.

— Как же я могу быть хладнокровным, когда тебя хотят убить... Я требую, чтобы Урунов сейчас же был арестован...

Бурхон, обдумывая слова друга, налил себе из кувшина воды, отпил глоток и с пиалой в руке прошелся по кабинету.

— Дорогой Игорь Степанович, мы сейчас не можем арестовать Урунова...

— Почему?— спросил Фадеев. Отобрав у Донпёрова пиалу, он выпил оставшуюся воду и, наполнив, передал пиалу тете Шуре и в ожидании ответа уставился на усталое от бессонницы, работы и жары лицо друга.

— Потому,— секретарь повернулся к Фадееву и положил руку на его широкое плечо,— что не имеем права. Он пока еще председатель исполкома...

— А он имеет право приказывать расстрелять?

— И он не имеет... но мы пока не можем доказать это его преступление,— усмехнулся Донпёров и, убрав руку, задумчиво продолжил: — Гаффоров не воскреснет и не придет на суд. А жена его не может быть свидетелем. Урупов докажет, что женщину подкупили, что это клевета... Кроме того, мы не имеем права подвергнуть несчастную женщину мести врагов... И еще,— Донпёров опять зашагал по кабинету.— В создавшемся положении мы имеем возможность созвать бюро райкома. Но мы должны оповестить всех верных людей и через них — всех коммунистов и комсомольцев района о чрезвычайном положении. Чтобы каждый из них на своем месте усилил классовую бдительность, чтобы днем и ночью они стерегли колхозное добро, плотину и хлопковые поля. На плотине необходимо усилить охрану...

— А в Сталинабад не сообщим?

— В Центральном Комитете знают о нашем положении... И с пограничниками мы имеем связь...

— Хорошо...— Фадеев немного успокоился.— Во всяком случае, Бурхон Донпёрович, я очень прошу тебя: ночью не оставайся один. Приходи ко мне, или, хочешь, я к тебе приду. Оба мы с тобой сейчас холостые,— пошутил Фадеев,— лучше быть вместе. Я буду чай кипятить, ты плов варить...

— Ты лучше борщ свари,— подхватил шутку Донпёров.

— С помощью тети Шуры, пожалуйста...

— Так и быть, принимайте в артель, не пожалеете,— засмеялась тетя Шура. Она, с тех пор как убили ее мужа в бою с басмачами, жила одиноко.— Но с одним условием: дома все будут подчиняться мне.

— Вот тебе раз,— развел руками Фадеев.— Снова в рабство к женщине... Даже временную свободу потеряли...

— Не волнуйся. Во всяком случае, тетя Шура, если поздно придешь, не оставит тебя, как твоя Галя, на улице,— припомнил Донпёров рассказ Фадеева о временах его молодости.

Фадеев грустно улыбнулся и украдкой вздохнул — он уже скучал по своей семье.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Диловар проснулся на рассвете и отчетливо вспомнил свой сон. Джамолбек, нарядный, в праздничной одежде, торжественно подвел к Диловару оседланного скакуна. Лоб коня был украшен золотыми бляхами.

«Это для тебя, ведь ты мечтал о таком коне...» — говорил Джамолбек. «Угадали, ака. Именно о таком коне я и мечтал!» Диловар берет из рук тестя узду и ласково гладит лоб и длинную белую гриву... Потом Джамолбек протягивает зятю нож в ножнах: «Это тоже твое...»

Диловар взял нож из рук тестя... и проснулся.

«Конь и нож... Что бы это значило?» — лежа в постели, думал Диловар. Он не раз слышал, видеть во сне лошадь — к удаче в делах, а нож — к рождению сына. Конь и нож — это богатство. Но нож, который во сне подарил ему Джамолбек, был в ножнах. Что бы это значило? Может быть, то, что сын Диловара еще не родился?

Диловар улыбнулся и посмотрел на посапывающую в сладком сне Адолат. Жена спала, положив ладонь под голову. Диловар подумал, что ей неудобно, и хотел потихоньку освободить ее руку, не удержался и, нагнувшись, нежно поцеловал. Адолат приоткрыла глаза и сонно обняла Диловара горячими руками. Диловар собрался было рассказать жене свой сон, но она прикрыла его губы ладонью, потом взяла его руку и положила себе на живот.

— Слышишь? — прошептала Адолат.

— Да,— Диловар бережно погладил ее круглый живот и, заглянув в глаза любимой, улыбнулся: — А я сон видел сейчас. Будто отец твой подарил мне коня и нож. Нож к сыну, говорят. У нас с тобой будет сын...

— Хорошо бы...— Адолат прижалась крепче к мужу, прислушиваясь, как будущий сын толкается в животе.

— А как мы его назовем? — спросил Диловар.

— А ты как хочешь?

— А ты? — Диловару хотелось, чтобы имя придумала жена.

— Нет, ты сам придумай,— настаивала Адолат.

— Но ведь ты мать...— Диловар шутливо прижал пальцем кончик ее носа.

— А ты отец...— Адолат поцеловала мужа в ухо и зубами тихонечко укусила его за мочку.

— По правилам, первого сына называет дед,— вспомнил Диловар.

— Да...— Адолат всхлипнула.

Диловар обеспокоился — он не должен был говорить о тесте. Адолат нельзя расстраиваться. И так слишком много горя обрушилось на нее в эти дни. Каждое утро начинается со слез...

— Не надо, милая...— Диловар целовал ее, вытирая слезы.— Тебе вредно плакать... Вот видишь, ребенок забеспокоился...— Он снова держал руку на животе.— «Мама, не плачь», — говорит...

Адолат улыбнулась сквозь слезы и положила голову на грудь мужа.

— Назовем его Джамол... В память отца...

— Хорошо... Я согласен...— Диловар пальцами расчесывал ее кудри.

— Маме не говори пока...— предупредила Адолат.— Опять плакать будет...

Диловар понял, что пора перевести разговор, быстро вскочил с постели и выглянул на улицу.

— Ого, давно уж рассвело, а мы все еще спим...

Даже сквозь войлок в мазанку проникал пыльный афганский ветер — так называют его в этих краях. Он всегда обрушивался на кишлак с неистовством, точно сердился, что не может сорвать и унести с собой камышовые мазанки, и от этого выл, облизывая сухую землю...

Диловар вышел на улицу и чуть было не задохнулся: нос, глаза, уши сразу забило пылью. Упрямо тряхнув отросшими волосами, Диловар нагнул голову и, преодолевая ветер, пошел к каналу умываться. «Да, некстати эта непогода,— думал Диловар,— хлопок только начал цвести, ему влаги сейчас побольше, а поливать нельзя. Польешь — земля размокнет, и ветер растение вырвет с корнем. Нужен Умархон — только он сейчас может подсказать, как спасти хлопок».

С этими мыслями Диловар подошел к каналу и наклонился к воде. Внезапно из-за камышей до него донесся смех женщины. Она смеялась заливисто, как колокольчик. «Малика, что ли?» — прислушался Диловар.

«Зачем нам кувшин? — донесся голос мужчины.— Вот спустят воду...»

«А это кто? — насторожился Диловар.— Вроде голос Ходи... Да, он самый...»

Диловар, чтобы не помешать свиданию, потихоньку пошел в другую сторону. Он вспомнил, что старший сын деда Назара холостой... Вот бы и женился на Малике. Оба из одного кишлака, оба молоды, оба стоят друг друга... Должны быть счастливы... И дед Назар будет рад. Какой живой старик! Несмотря на старость, решил переселиться на Вахш. Ведь ему восемьдесят. Так и заявил: если сыны здесь приживутся, то и он совсем переедет. И хорошо сделает... Но Ходи и Шоди до сих пор еще дома не имеют. Живут пока в одном шатре со своим земляком «Мардоном, сыном Махмуда». Так и записался он в списки переселенцев, так его все теперь и зовут.

Если бы им помог колхоз лесом, то они бы дом построили. Но колхоз пока сделать этого не может. Нет леса... Придется ждать. Им-то, может, и ничего. Молодые. Для них жизнь только начинается... Но «Мардон, сын Махмуда» уже не молод, ему нужно семью забрать. Ему дом прежде всех нужен... Зря его пугали, что очень тощ, не выдержит жары. Сейчас он сам говорит, что на Вахше даже поправился...

Умывшись, подгоняемый ветром в спину, Диловар возвращался домой, когда увидел недалеко от своей мазанки Умархона на коне и удивился: никогда так рано агроном не приезжал в колхоз. Что-то случилось. Что?

Умархон, заметив Диловара, поскакал к нему. Лицо его было бледным.

— В кишлаке все в порядке? — спросил он, слезая с лошади.

— В порядке... Только о хлопке беспокоюсь,— сказал Диловар.

— А что с хлопком? — не понял Умархон, занятый другими мыслями.

— Хлопок воды просит. Дать воды — ветер с корнем вырвет, не дать — высохнет...

— Сегодня поливать нельзя. Завтра или в ночь, когда утихнет ветер, немного можно смочить... Именно смочить,— сказал Умархон.

— Ясно...— Диловар вопросительно смотрел на агронома. Он уже понял, что Умархон приехал не из-за хлопка. Он хочет что-то сказать и не решается.— Что все же случилось? — Тревога охватила Диловара.

— Вчера вечером... товарища Доппёрова... в райкоме... застрелили...— Умархон отвернулся, пытаясь скрыть слезы.

Сердце Диловара сжалось.

— Тетя Шура тоже ранена тяжело...

— Убийцу она опознала? — взволнованно спросил Диловар.

— Да... Сначала вошел Машрабов. Он ее первую... Из маузера. Почти в упор. Она упала. Доппёров, услышав выстрел, выбежал в приемную. Машрабов выстрелил в него и убежал, не оглядываясь. И сейчас же появились с наганами в руках Урунов и Нусратходжа. Они перевернули тело Доппёрова, и Урунов на всякий случай выстрелил еще раз... В лоб... Приставив наган прямо к голове...

Диловар содрогнулся:

— Их поймали?

— Нет... Урунов, Нусратходжа, Машрабов и еще несколько неизвестных ускакали в сторону границы. Пограничники заметили их, бросились в погоню — хотели взять живыми, но преступники стали отстреливаться и ранили двоих, одного убили. Тогда и пограничники открыли стрельбу. Но Урунов ушел. Нусратходжа и Машрабов ушли. А вот бывший председатель колхоза «Октябрь» Кодыров попал в плен раненый...— Умархон перевел дух и продолжал: — Но это еще не все. Ночью большая банда басмачей перешла границу, и сейчас идет бой между ними и пограничниками, к которым присоединились отряды «краснопалочников» из пограничных районов. Басмачи на своем пути уничтожают все живое, все ломают, сжигают. Они, по-видимому, решили уничтожить Вахшскую долину. И хотят разрушить и большую плотину.

— Там есть вооруженная охрана?— с тревогой спросил Диловар.

— Есть... Еще утром туда отправился Фадеев с небольшим отрядом. С ним сильные ребята, трактористы... Мы с тобой тоже должны собрать надежных людей и пойти им на помощь...

«Так вот как начинается война...— понял Диловар.— Значит, во всей долине началась всеобщая мобилизация. Мы будем защи-

щать воду и землю, жен и детей, честь и достоинство. Война за хлопок Вахша, за нашу Советскую власть...»

Новости, привезенные Умархоном, подняли на ноги весь кишлак. Женщины плакали. Мужчины торопливо собирались в путь. Они брали с собой все, что хотя бы отдаленно напоминало оружие,— ножи и серпы, лопаты и кетмени и даже просто длинные палки.

Диловар с Умархоном, отобрав тех, кто помоложе и попроворнее, сформировали отряд, который должен был идти на охрану плотины. Из оставшихся создали другой отряд во главе с Мирзо-Холом для защиты имущества колхоза и колхозников, женщин и детей.

Диловар хотел и Идриса включить в этот отряд, но тот воспротивился.

— Нет, додар,— твердо сказал он, поглаживая черную бороду,— мы с тобой старые товарищи по путешествиям. Давай и в этот раз будем вместе.

Диловар понял, что Идрис обидится, если он ему откажет. Он с благодарностью похлопал друга по плечу. Теперь предстояло самое трудное — проститься с Адолат. В мазанке кроме Адолат Диловар застал и тещу с Закирджоном. Адолат рыдала, спрятав лицо на груди у матери. Увидев Диловара, она рванулась к нему.

— Не пущу, не пущу! — кричала Адолат.— Никуда не пущу!

— Ты меня задушишь,— пытался успокоить ее Диловар.

— Ну и пусть задушу,— Адолат еще крепче прижалась к мужу.— Ни за что не отпущу... Никуда не пойдешь!..

Диловар растерянно оглянулся на Хайригуль, не зная, что делать, но та закрылась фартуком и всхлипнула. Тогда Диловар обратился к Закирджону:

— Ты, храбрый мой, теперь единственный мужчина в доме. Смотри хорошенько за мамой и за сестрой.

Закирджон серьезно, как взрослый, кивнул головой и был в этот момент так похож на отца, что Диловар вздрогнул.

— Ну, давай простимся, как мужчины!

Закирджон молча, с достоинством пожал ему руку.

Хайригуль вытерла заплаканные глаза и по-матерински поцеловала зятя в лоб, торопливо прочитала напутственную молитву, чтобы возвратился живым и здоровым.

Но Адолат никак не могла оторваться от Диловара. Она твердила одно: «Нет, не пущу...»

— Хватит,— пытался усовестить жену Диловар.— Люди меня ждут. Нехорошо.

Но Адолат ничего не слышала. Диловару пришлось с помощью Хайригуль расцепить ее руки и быстро, чтобы Адолат снова не бросилась ему на шею, выскочить на улицу.

Отряд был готов в путь. Умархон нетерпеливо поглядывал на мазанку Диловара. Мирзо-Хол по-отечески напутствовал его, Идрис подвел ему оседланного Пегого.

— Садитесь сами,— сказал Диловар.

— Нет, додар, раз ты наш командир, значит, твое место на коне впереди отряда.

Диловар вскочил на коня и, обогнав отряд, оглядел свое войско... Умархон пристроился рядом с ним.

— Пусть сопутствует вам удача...— громко крикнул Мирзо-Хол.

— Будьте здоровы...— ответил Диловар.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Обороной Большой Вахшской плотины руководил директор МТС Игорь Степанович Фадеев, бывший командир роты, имеющий опыт борьбы с басмаческими бандами. Фадеев давно работал на Вахше, сам строил плотину и прекрасно знал окрестности. Обдумав план обороны, он расположил своих бойцов по берегам канала за отвалами земли. Тех, кто имел огнестрельное оружие, он разделил на две группы и разместил по краям линии обороны. Это было необходимо для прикрытия безоружных и, кроме того, позволяло, если потребуется, окружить противника и стрельбой с двух сторон ошеломить его, разобщить и создать условия для рукопашной атаки «краснопалочников».

Линия обороны с правой стороны шла вдоль реки Вахш, с тыла отряд прикрывали широкий канал и земляные валы, а спереди — открытая заболоченная пустошь. Враг мог напасть на плотину только слева, со стороны машинной дороги, и, попав в окружение, должен был неминуемо, в растерянности, отступить на болота...

Сигнал для атаки был для всех один — выстрел Фадеева. Сам командир занял место слева, в конце линии обороны, откуда он хорошо видел и врагов, и свое «войско».

После полудня погода совсем испортилась. Ветер усилился и стал еще горячее. Небо потемнело от пыли. Даже на близком расстоянии трудно было что-то разглядеть, вдали же вообще ничего не было видно.

Через час всех бойцов, лежавших на земле, засыпало слоем пыли. Фадеев радовался этому: для врага они незаметны. Маскировка — лучше не придумаешь. Плохо только, что все кашляли — дыхательные пути забивались пылью. Фадеев приказал, чтобы все намочили платки или тряпки водой и закрыли ими носы и рты.

Отряд Диловара Игорь Степанович разместил в самом центре линии обороны. Идрис, не переносивший неподвижности и молчания, с тоской смотрел на Диловара, который, закрыв лицо красным вышитым платочком, спал.

— Эй, додар,— наконец не выдержал Идрис,— мы сюда воевать пришли или спать?

Диловар немного приспустил платок с глаз, взглянул на зевающего Идриса и спросил:

— Проголодался, что ли?

— Проголодался,— признался Идрис.— Дадут они нам чего-нибудь поесть-то?

— Хурджин во-он там внизу, за большим кустом...— показал рукой Диловар туда, где он оставил по приказу Фадеева коня.

— Принести?

— Только тихо, чтобы Фадеев не видел,— прошептал Диловар,— а то ругаться будет.

— Тогда не пойду,— Идрис почесал шею и снова улегся рядом с Диловаром.

Оба они утром не успели позавтракать.

— А в хурджине-то, наверно, лепешки на масле,— поддразнил Идриса Диловар.

— Да, были...

— Шакаргуль испекла?

Идрис не ответил. Он сердился, что приходится напрасно лежать за насыпью и прятаться. Да еще и шевелиться не велели. Даже хурджин нельзя принести...

— Слушай, додар,— не выдержал Идрис.— Мы здесь спокойно лежим, а в кишлаке в это время, может, басмачи хозяйничают...

— Не беспокойся, Идрис,— утешил Диловар.— Там Мирзо-Хол. У него отряд «краснопалочников»...

— А если басмачей много?

— Идрис-ака, что с тобой? — полушутливо спросил Диловар.— Сам на себя не похож. Мы ведь не одни! Басмачей преследует большой отряд пограничников.

Идрис молча выслушал утешительные слова Диловара, потом заговорил опять:

— Я не вообще басмачей боюсь. Я Нусратходжу и Аброра боюсь, додар. Джамолбек не зря называл их подлыми. Прав он был! А к нам у этих подлецов особый счет, додар...

На этот раз Диловар ничего не возразил Идрису: тревожно было и у него на душе. Он вспомнил, как грубо оторвал Адолат от себя, и казнился этим. Сердце его разрывалось: зачем он оттолкнул ее, почему не обнял, не поцеловал... Почему ушел, не оглянувшись?

А Идриса мучил голод. Теперь уже он твердо решил, что пойдет за хурджином. Даже не посоветовавшись с Диловаром, он поднялся. Диловар понял, в чем дело, и ничего не сказал.

Взобравшись на насыпь, Идрис посмотрел налево и увидел, что кто-то машет ему — «ложись»... Идрис понял — это Фадеев. Из осторожности он поглядел на дорогу: если там все спокойно, он все же сползает за хурджином... Глянул, и дух у него захватило от волнения: по большой дороге в тучах пыли скакали всадники в чалмах.

«Басмачи...» — понял Идрис и в тот же миг, забыв о голоде, лег на землю и пополз к Диловару.

— Вставай, гости пришли, додар,— шепнул он и взял в руки колун на длинной рукояти — единственное свое оружие.

— Раз гости пришли, будем угощать,— Диловар, приподняв голову, посмотрел на дорогу.

Голоса басмачей раздавались совсем близко.

Приподнявшись, Идрис сообщил:

— Ого, Нусратходжа с Аброром тоже пожаловали.

Диловар не ответил. Увидев рядом с Нусратходжой на рыжем коне Машрабова, он не поверил своим глазам. Счетовод ли это?

Да, группой басмачей руководил убийца Джамолбека и Дониёрова Лутфулло Машрабов, превратившийся опять в Подирхона, воспитанника английской военной школы.

И еще больше удивился Диловар, когда увидел, что конь под Машрабовым похож на того коня, которого подарил ему во сне Джамолбек. «Точно такой,— понял Диловар свой сон.— Джамолбек, даря именно этого коня, хотел, чтобы я отомстил за него...»

Он невольно вытащил нож с расписной рукояткой из ножен и гневно прошептал: «За Джамолбека... За товарища Дониёрова...» Вот и пригодился ему этот нож из коллекции.

— Смотри, они уже почти у плотины. Почему Фадеев молчит? — тревожился Идрис, дрожа от гнева.

— Потерпи, Идрис-ака. Терпение... прежде всего,— Диловар коснулся его руки.— Жди приказа.

От сильного волнения Диловар тяжело дышал, с лица его тек пот. Но глаза его, не моргая, следили за каждым движением Машрабова. Он прицеливался, как удобнее бросить нож, чтобы попасть в цель.

Машрабов будто чувствовал, что его ждет смерть,— он что-то говорил, приказывал, но придерживал коня и не лез вперед...

Вдруг раздался выстрел. Это Фадеев, заманив врага в ловушку, дал сигнал к атаке. В ту же секунду слева и справа началась стрельба. Передние ряды басмачей, уже достигшие плотины, шарахнулись назад. Задние еще напирали. Басмачи ругались и лупили друг друга и коней плетками.

В этот момент из-за насыпи поднялись «краснопалочники». Басмачи, не ожидавшие засады, бросились к болоту. И завязли. Цеплялись за кусты, колючки, падали и, вскочив, снова вязли. Бойцы били их топорами, кетменями, лопатами и просто дубинками.

Машрабов, выхватив маузер, грозил, кричал, приказывал — все было бесполезно, паника овладела его воинством.

Прячась за насыпью, Диловар не сводил глаз с Машрабова и наконец, выбрав удобный момент, запустил нож. Машрабов охнул и, как мешок, свалился с лошади.

Диловар подбежал к коню, топтавшемуся около хозяина, вырвал узду из окровавленных рук Машрабова. Потом поднял маузер.

Теперь у него были лошадь и оружие! Окрыленный удачей, он забыл об осторожности и не заметил, что в него прицеливается Нусратходжа...

Умархон первый увидел, что Диловар упал. Вдвоем с Идрисом они побежали к нему.

Нусратходжа только этого и ждал. Он поднял руку, чтобы снова выстрелить, но тут увидел, что по большой дороге скачет

отряд пограничников, и рванулся к каналу. Наперерез ему бежал Фадеев. Тогда Нусратходжа быстро повернул коня к реке и бросился наутек.

«Конец... Всему конец...» — припав к шее коня, с ужасом думал он.

Нусратходжа гнал лошадь по берегу реки, среди густых сухих камышей. Камыши шуршали, с треском ломались под копытами коня, осыпая всадника пылью. Левая рука Нусратходжи висела как плеть. Из-под рубашки текло что-то горячее. Нусратходжа не помнил, когда и где был ранен. Пуля, видимо, попала в лопатку, поэтому рука не шевелилась. Сейчас ему казалось, что ранил его Фадеев,— он ощущал на себе и теперь взгляд его пронзительных голубых глаз, когда они внезапно столкнулись друг с другом.

«Вот и все... конец...— шептал Нусратходжа,— пришло то, чего я боялся...»

Его мучила жажда. Он глянул на реку. Великий Вахш был полноводен. Глотнуть бы этой желтой грязной воды, прижать бы распаленную грудь к влажному прохладному берегу и мгновенно отдохнуть! Но Нусратходжа понимал: если слезет с коня, вряд ли сможет сесть на него и тогда придется покорно ожидать смерти или утопиться. Другого выхода не будет...

Нусратходжа подумал о том, как хорошо жить на свете и как жалко расставаться с жизнью! И отчаянное, безудержное желание вдруг всколыхнуло его душу — он должен еще раз увидеть Адолат.

Весь во власти этой сумасбродной мечты, он здоровой рукой потянул узду и направил коня из высоких непроходимых камышей в сторону кишлака.

Последний раз Нусратходжа видел Адолат в день похорон ее отца, в траурной одежде. Она и в горе была прекрасной. Ее заплаканное лицо напоминало красную розу в росе...

Нусратходжа даже сейчас завидовал Диловару, даже после его смерти он не мог забыть, что Диловар целовал Адолат, прикасался губами к этому цветущему лицу, вдыхал запах ее кудрей... Увидит ли он ее в тот день, когда будут хоронить ее мужа? Доживет ли он сам до этого дня? Он, Нусратходжа, добился своего — устранил Диловара. А чего добился? Тот и после смерти вернется в объятия Адолат. Адолат будет помнить мужа и плакать о нем. А Нусратходжа? Да умри он хоть сто раз, никому до него дела нет. Особенно Адолат... Чужие они... Навсегда чужие.

«Чужие?»— удивился своей мысли Нусратходжа и, подумав, признался себе, что так и есть — конечно же чужие... Только один раз, в день выборов, она улыбнулась ему. Великий грех забыть ту улыбку. За один этот миг имеешь право в час смерти сказать, что и ты жил не зря, и с удовлетворением закрыть глаза... Потому что вся остальная жизнь— темный бездонный колодец, из которого он все эти годы так и не смог выбраться на белый свет. Урунов и Акмалзода только еще глубже толкали его. А он их считал друзьями... Нет! Не было у него друзей. Один он. Один!

«Ладно, ни к чему эти бесполезные мысли»,— оборвал себя Нусратходжа. Но невольно опять и опять возвращался к воспоминаниям о прожитом... Урунов небось уже перебрался через границу. Завтра или послезавтра будет в Пешаваре, с завистью вздохнул Нусратходжа. А несчастный Машрабов пропал без чести и имени. Его отец даже не сможет всплакнуть над его трупом... Аброра Идрис за ногу стащил с коня и бросил в канал. Это Нусратходжа своими глазами видел. Аброр не сопротивлялся,— значит, был либо без сознания, либо мертв. В руках у Идриса не было оружия... Хотя нет, у него был топор.

А Исламбека-курбаши при переходе границы пристрелили пограничники...

Так, рассеянно размышляя, Нусратходжа перебрался через труднопроходимые туган и заросли, холмы и овраги, болота и солончаки, выехал на тропу и поскакал по ней вдоль берега канала. Воздух по-прежнему был пропитан пылью, все казалось темным и тоскливым. Голова его гудела, сердце билось слабо. От жажды пересохли губы, язык прилипал к нёбу... Но он все же радовался, что выбрался из бездорожья на берег канала. Теперь будет легче — не так уж далеко и до кишлака. Может, удастся увидеть Адолат. Еще раз увидеть и тогда уж умереть...

Наконец Нусратходжа достиг узкого моста. По этому знакомому мосту он проезжал не раз. От этого места до кишлака пешком полчаса ходу. При хорошей погоде кишлак виден отсюда как на ладони.

Проезжая по мосту, Нусратходжа посмотрел на мутную воду — она текла, как всегда, спокойно, величественно. Будто ничего не случилось. Значит, не сломали плотину... Значит, будет хлопок расти на Вахше... Значит, Советская власть будет держаться вечно...

Вдруг остро кольнуло сердце, голова закружилась, в глазах потемнело. Нусратходжа потерял равновесие и вниз головой свалился в воду.

ЭПИЛОГ

Гроб с телом Диловара несли четверо: Фадеев, Умархон, Идрис и Мирзо-Хол. Около свежевырытой могилы они медленно опустили гроб на землю.

Фадеев помолчал, поджидая, когда подойдут люди, потом, сжав фуражку в руке, заговорил:

— Дорогие товарищи, сегодня мы предаем земле тело одного из лучших сыновей таджикского народа, героя Вахша Диловара Мирзоева. После гибели товарища Донийрова смерть Диловара для нас самая большая утрата. Но в эти горестные дни, товарищи, я не могу не сказать о том, что своей смертью Бурхон Донийров и Диловар доказали, что наше дело правое и за него стоит бороться. Советская власть в Таджикистане непобедима и будет с каждым днем все крепче и крепче...

Товарищи, сейчас нельзя забывать о том, что у нас еще много врагов. Победой Советской власти в Таджикистане очень недовольны наши недоброжелатели и на Западе и на Востоке. Они мечтают свергнуть Советскую власть и придумывают все новые козни. Мы знаем, что такой заклятый враг Советов, как Урупов, скрылся за границей. И он надеется, что с помощью мирового капитализма снова соберет силы и начнет новые интриги.

Мы должны всегда быть готовы отразить новые нападки врагов, а если нужно, то так же, как наши незабвенные товарищи, сложить свои головы в борьбе за народное счастье.

Прощай, дорогой Диловар... Мы никогда не забудем тебя! Ты будешь всегда жить в наших сердцах и в наших делах...

Фадеев отступил назад, чтобы дать место Умархону. Умархон тяжело вышел вперед и хрипло сказал:

— Дорогие друзья...— У него перехватило горло, и он, глубоко дыша, замолчал, собираясь с силами.— Жизнь Диловара для нашей молодежи, для всех последующих поколений — пример для подражания. Диловар приехал на Вахш по своей воле. Он был молод, у него было много сил и желания работать на совесть, честно, с энтузиазмом. Труд и борьба в Вахшской долине оказались для него большой школой жизни. В преобразовании Вахшской долины Диловар проявил себя и как человек и как гражданин. Я хочу сказать этим, что Вахшская долина для целого поколения является школой мужества. Диловар был достойным представителем этого поколения... В этот скорбный час отсюда, от могилы Диловара, я смотрю вокруг и вижу, как переливается зелеными волнами хлопок, посеянный Диловаром и любовно выращиваемый им. Он сеял семенной хлопок. А это значит, что в будущем от посеянного им хлопка мы получим семена и засеем ими новые гектары. Хлопок Диловара победит камыши и туган, превратит всю Вахшскую долину в одно великое зеленое море... И в каждом ростке хлопка, появившемся в долине, будет жить дух Доппёрова и Диловара. И мы продолжим начатое ими дело... Прощай, дорогой друг! Ты всегда с нами! — Умархон подошел к гробу и долго вглядывался воспаленными глазами в лицо Диловара.

Колхозники плакали, прощаясь со своим молодым раисом.

Когда гроб опустили в могилу, внезапно закапал дождь.

— По старому народному поверью,— напомнил Мирзо-Хол,— когда хоронят хорошего человека, в могилу попадает дождь...

— Верно, верно... Я тоже слышал,— сказал Фадеев и по русскому обычаю бросил в могилу горсть земли.

Не скрывая слез, рыдал Идрис. Плечи его тряслись. Он, который всегда смешил всех, плакал сейчас, как ребенок.

— Какого человека потеряли,— приговаривал он сквозь рыдания.

А дождь шел все сильнее...

1970—1974

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Я влюблен в Вахшскую долину издавна и думаю, что имею на это право.

Да, я не ходил по тугаям и болотам. Меня тогда не было на свете. Но я слышал о малярии и о змеях, кишевших в этих местах. Я читал о трудной горной дороге из Душанбе в Курган-Тюбе, по которой машины двигались с кипящими моторами. Ясно представляю себе арбакеша Хасана, который повез моего учителя из кишлака в город. В 17 лет я впервые увидел Вахшскую долину и навсегда полюбил ее и ее людей. С той поры я не раз и не два с журналистским блокнотом бродил из колхоза в колхоз и знакомился с покорителями Вахша, героями моих первых очерков и рассказов. Они сражались с басмачами и лопатами пробивали каналы знаменитого Вахшстроя. Рубили камыши, осушали болота, и на новой земле возникали поля, дороги, поселки. Строили гидростанции, сначала небольшие, а потом Головную, самую крупную гидростанцию на Вахше и во всей Средней Азии. Конечно, пока самую большую, потому что одна за другой входят в строй турбины Нурекской ГЭС.

Я чувствую себя наследником тех, кто одолел трудности, и хочу, чтобы частица моей души и труда моего тоже была вложена в жизнь моей земли, как некогда вложено было в плодородную землю Вахшской долины двадцать четыре хлопковых зерна, от которых пошел замечательный сорт таджикского тонковолокнистого хлопчатника, ныне известного во всем мире.

Я думаю об этом, перелистывая свои дневники и блокноты.

...3 октября 1954 года. Мы, студенты первого курса историко-филологического факультета Таджикского госуниверситета, отправились в первое общее путешествие. В Душанбе нас посадили в игрушечные вагоны игрушечного поезда, который двинулся по игрушечным рельсам. Это знаменитая узкоколейка. Ее прокладывали кетменями тысячи людей сквозь горы в десятках ущелий, над пропастями. Честно говоря, становится страшновато, когда оказываешься в узкой ложбине меж отвесных стен. Неба не видно. Вместо него лишь светлая щель, которая, кажется, вот-вот сомкнется. Но поезд двигается довольно быстро...

...Уже семь дней мы собираем хлопок. Болит поясница, саднят руки. Мы, конечно, понимаем, что это со временем пройдет, привыкнем. Махмуд Давлятов собрал семьдесят килограммов, получил премию и на поясницу не жалуется.

Совершенно неожиданно в нашей группе оказалось много поэтов. Один из них прочел мне три лирических стихотворения, говорит, что написал за ночь. Наши сокурсницы, которых поэты прошлого назвали бы луноликими пери, собирают по тридцать — пятьдесят килограммов. Они спокойно спят после целого дня работы. Ночью не спят только поэты. С каждым днем все меньше жалоб на поясницу и все больше стихов...

Вспоминаю. В те годы на полях Вахшской долины мы собирали не только «белое золото», но и зерна чистой любви и вдохновения. Нас приводили в волнение и легкий ветерок полей, и пение соловья в густой кроне садов, и обильные плоды долины, и горячее солнце, и нежная радость, которая небеспричинно наполняла наши сердца...

...Он поднялся из-за письменного стола, вышел на середину кабинета, оправил голенища сапог.

— Ну, поехали.

Среднего роста, средних лет, темное загорелое лицо. Прост в одежде, в разговоре, в движениях. Таков и должен быть первый человек. Секретарь райкома партии не важен, не заносчив, доступен. Иной бригадир, одетый так же, как он, разговаривает со своими бригадниками куда важнее. Этот — нет. Прост, как рядовой колхозник, секретарь райкома Мухитдин Зохиров.

Он торопился в колхоз имени Жданова. Сказал, что для меня там найдется немало интересного. Но мы не сразу поехали в нужном направлении. Мухитдин Зохиров решил вначале показать улицы небольшого районного городка Дусти. Он как бы представлял мне своих друзей.

— Новая средняя школа. Пятьсот восемьдесят учеников. Универмаг «Бахор». Новая столовая. Новое здание больницы. Мы вложили в его строительство миллион сто тысяч рублей. Детский сад. А вот эта зеленая улица — Узбекская. Здесь мы недавно построили бытовой комбинат. По всей улице таджикские и узбекские писатели в дни Декады литературы братской республики посадили чинары дружбы.

Я заметил, что новые универмаги называются одинаково — «Бахор». Секретарь райкома согласился:

— Вы правы. Строим красивые магазины, столовые, о названиях думать не успеваем, хотя понимаем: красивое имя украшает жизнь.

Зашел разговор о сельском строительстве.

— Вопрос весьма сложный,— сказал секретарь райкома,— все, что строим, строим по генеральному плану колхоза или поселка. Но на этом пути возникает огромное количество проблем. Хочется, чтобы дома были современными, с подземными коммуника-

циями, с водопроводом, газом, отоплением, а с другой стороны, приятно жить в домике, в котором и дети и родители передавали бы друг другу по наследству свою любовь к земле. А если такой домик, то, значит, он должен быть одноэтажным, и если сад с огородом, то, значит, поселок расползется на многие километры, и получится, что далеко до больницы, до школы.

— Есть же интересные типовые проекты,— не выдержал я.— Я видел на выставке макет...

— А сколько я видел макетов,— перебил меня Мухитдин Зохиров.— Все дело в том, что, когда колхоз приступает к строительству такого типового поселка, вопросы, о которых я сказал, не исчезают, а обостряются, ибо до сих пор наши проектировщики не решили проблему строительства домов для нашего климата. Строятся еще дома, в которых жить жарковато. И дело, пожалуй, не только в архитекторах и строителях, не так уж трудно найти общий язык с проектировщиками. Здесь возникают иные трудности. В новом доме люди должны жить по-новому, а ломать старые привычки очень нелегко.

И секретарь райкома рассказал, что в колхозе имени Жданова за последние шесть-семь лет освоено более тысячи гектаров засоленных земель в степи Верхнего Кумсангира. На этом участке по генеральному плану построен поселок. Своеобразный микрорайон со школой, здравпунктом, магазином, клубом. В домах электричество, водопровод, газ. Но однажды, осматривая новый поселок, секретарь райкома увидел, что почти все окна и двери, выходящие на улицу, наглухо завешаны мешками и кошмами. Многие люди, видя эту картину, смеялись,— мол, что за чудаки живут. Но Мухитдину Зохирову было не до смеха. Он тут же собрал жителей, в том числе женщин, поговорил с ними, и на собрании была выбрана комиссия, в состав которой вошли представители женского совета, комбината бытового обслуживания и члены правления колхоза. Комиссия обошла дома, сосчитала окна и двери, подсчитала, сколько нужно материала, записала, какие расцветки хотели бы иметь на занавесках хозяева домов, и вскоре улица преобразилась.

— Теперь нам надо обратить внимание на то, что делается в новых домах за этими новыми занавесками,— сказал секретарь райкома...

Очень хорошо запомнил я эту беседу. Вернувшись в гостиницу, сел записать впечатления дня. В комнате, где я остановился на ночлег, уже спали, и я не рискнул зажечь свет, хотя был уверен, что ничто не разбудит моих товарищей, уставших за день. Сидел у окна, и большая луна освещала листы бумаги. За окном ветер шевелил кроны деревьев и где-то неподалеку пел соловей. Как далеки были от этой идиллической картины — луна, соловей — те слова и мысли, которые я записывал в блокнот!

Я подумал, что при всех достоинствах и недостатках быта и культуры нашей жизни здесь, в Вахшской долине, очень хорошо видны многие, так сказать, положительные недостатки, свидетель-

ствующие о росте культуры и культурных запросов. Я записываю себе в блокнот, что рост культуры и рост культурных запросов не одно и то же. Рост культуры определяется количеством клубов, библиотек, а рост культурных запросов — сторона качественная, раскрывающая результаты работы тех же клубов и библиотек.

...Пригласили меня на свадьбу. Конечно, не вдруг, а задолго до нее. И мой друг Рузибой Максумов, преподаватель языка и литературы, заранее знал о дне и часе моего приезда. Он ждал меня не один.

— Прошу познакомиться, сотрудник газеты «Колхозабадская правда» Абдусаттор Абдувалиев — потомок первых переселенцев. Дед его был первым агрономом в колхозе, а отец — учитель в нашей школе.

Абдусаттор — круглолицый и, как бывает у круглолицых, с постоянной улыбкой на губах — решительно пожал мне руку, после чего я долго шевелил пальцами, стараясь восстановить кровообращение. Хотя Абдусаттор не рубил камыши, но дед его был первым, и он имел полное право чувствовать себя хозяином долины. Сначала мы приехали в школу, а потом уже двинулись на свадьбу вместе со всем педагогическим коллективом, ибо невеста была учительницей, школа считала свадьбу своей, и я был приглашен учителями от имени невесты.

«Все начинается с дороги»,— мудро говорит народ. Я вспомнил пословицу, увидев, как хороши стали наши колхозные дороги. Сравнение с ними наших городских улиц будет не в пользу последних. И вовсе не потому, что в Душанбе делают плохие улицы. Но попробуйте сначала проложить дорогу, потом ее разрыть, потом снова заасфальтировать, потом снова разрыть и так до бесконечности. Конечно, улицы станут хуже любой колхозной дороги, которую прокладывают один раз.

Абдусаттор объяснил мне, что колхоз «Коммунизм» — крупнейший в районе, имеет пять отделений и все дороги между отделениями также отлично асфальтированы.

Он представлял мне дома, как представлял потом своих друзей учителей. Он гордился своими домами так же, как гордился ими секретарь райкома. Мне показалось, что это тоже добрая традиция Вахшской долины — замечать новое, хорошее. А мне иногда казалось, или, вернее, я читал где-то, что хорошее быстро забывается, что, мол, человек всегда идет вперед, всегда старается преодолеть трудности, и поэтому все внимание направлено к этому, а все сделанное, добытое, достигнутое, мол, представляет собой уже пройденный этап и что нечего о нем вспоминать. Наверное, добрые традиции всех трех поколений покорителей Вахшской долины придерживаются другого принципа — лучшее не забывается, не исчезает, о нем помнят...

— Вот это большое здание — колхозная баня,— неутомимо объяснял Абдусаттор.— Очень хорошая у нас баня. Даже из райцентра приезжают...

Неподалеку стоял большой двухэтажный дом, а в нем разместились столовая, чайхана, парикмахерская, недалеко — стекло и бетон нового «Гастронома». Абдусаттор объяснил мне, что во всех отделениях колхоза открыты магазины, здравпункты, клубы. Кроме того, в колхозе своя больница и аптека, а на центральной усадьбе — дом бытового обслуживания.

Потом началось перечисление школ, построенных за последние пять лет: одна средняя и две восьмилетних. Все школы с паровым отоплением. Так же, в порядке информации, я узнал, что четыреста семей переселились в новые дома, в двухстах из которых уже проведен газ, и что во всех отделениях есть водопровод. Но в некоторых пока еще не работает... Мне было очень подробно рассказано, почему не работает водопровод, и о том, как его ждали, и о том, как все копали траншеи, ожидая водопровода, и о том, какую помощь в домашнем хозяйстве приносит водопровод и какие плохие люди сантехники, которые несколько раз приезжали, что-то разрывали, снова зарывали, но воду до сих пор так и не пустили. О них было сказано вежливо, но твердо.

Абдусаттор попытался обобщить это явление, но машина въехала в тутовую аллею, и вскоре мы оказались у дома невесты.

Я еще никому не был представлен, но уже узнал, что жених, Саидикром Бобосаидов, является начальником автоколонны третьей автобазы и что его семья весьма известна в районе, ибо отец жениха принимал активное участие в строительстве каналов и орошении долины.

Мы вошли в небольшой двор, заполненный множеством гостей, среди которых перемешались старики с молодыми, мужчины с женщинами. Мне понравилось, что не было обычного разделения, когда женщины садятся в свой уголок, старики и молодежь — в свой. Тут была толпа хорошо знакомых друг с другом людей, веселая, темпераментная. Пир был в полном разгаре. Между столов то и дело пробирались юноши и девушки с тарелками в руках. Ну, а на тарелках было всего полным-полно. И все-таки в этой атмосфере веселья чувствовалось, что все чего-то ждут. «Может, ждут приезда жениха?» — подумал я. Позже я понял, что гости ждали не столько приезда жениха, а скорейшего путешествия в его дом.

Вдруг во дворе поднялся шум, звуки музыки смолкли, столы быстро опустели. Лавки и стулья, стоявшие близко друг от друга, растащили во все стороны, и вскоре на освободившейся площадке начались игра и состязание одновременно. Взяли поясной платок, по обе стороны которого встали люди жениха и люди невесты. Всем интересно: чья сторона перетянет, тот и в доме будет верховодить. Игра началась. Обе стороны тянули к себе свой конец. И когда платок начинал поддаваться в какую-то сторону, к противоположной присоединялось еще несколько гостей. И так до бесконечности, пока почти все гости не превратились из зрителей в участников. Чем бы кончился этот спор, неизвестно, ибо хозяин ловким ударом ножа разрубил платок, и обе стороны остались довольны — почетная ничья!

Появился жених со свитой. Его торжественно усадили. Но вскоре жених поднялся. Он стоял в центре двора в ожидании невесты. Турсуной с подружками подошла проститься с отцом. Радостно-печальный, с глазами, полными слез, он дал свое благословение. Это были очень хорошие слова, простые, ясные, добрые. Потом поток девушек направился к жениху. Тот отделился от товарищей, подарил невесте букет цветов, и оба, взявшись за руки, пошли со двора.

У ворот стоял свадебный автопоезд. Машины украшены цветами и лентами, из-под каждой тюбетейки шофера выглядывали розы. На передних машинах сидели почетные гости и старики. Третья «Волга», самая новая и красивая,— для жениха и невесты. Остальные машины, украшенные совсем не хуже, если не лучше, приняли гостей вместе с их песнями, танцами, музыкой. Пока все уселись и устроились, прошло немало времени, а когда вскоре подъехали к дому жениха, то перед домом на небольшой площади, как символ пылкой любви, вспыхнул огромный костер, который осветил и все дома вокруг, и саму площадь, и машины, сбившиеся в кучу, и заиграл на лицах людей, певших и танцевавших вокруг огня. Гостей уже было много, потому что никого в домах не осталось, все пришли на празднество, как кто-то шутливо мне подсказал, «на огонек», и я тоже засмеялся, потому что «огонек» был высотой в трехэтажный дом. Все танцевали и пели, пока огневые струи не стали спускаться вниз, и тогда сотни людей сели за длинные столы.

На главное место, у ковра с портретом Ленина, под музыку и песни были водворены жених и невеста, по одну сторону — подруги невесты, по другую — друзья жениха. Начался пир, и я там был, и, как говорят, мед-пиво пил, и не спускал глаз с молодых, и видел, как невеста, смущаясь, опустила фату пониже, а жених потихоньку приподнял ее.

Мы поднимали бокалы за счастье молодых, за любовь, которая олицетворяет жизнь всей долины...

Я рассказал о свадьбе не потому, что был на ней, а потому, что увидел, как радостно и легко люди расстаются с чопорной стариной и как торжествуют традиции нового времени.

Вы спросите: что за новые традиции? Вы ждете, чтобы я перечислил факты. Ну, скажем, как разместились гости во дворе невесты или, скажем,— игры, костер. Неужели непонятно? Я не знаю, что скажут старики. Но я был во власти нового, когда увидел, как жених, улыбаясь, ласково глядя в глаза невесты, вернее, уже новобрачной, поднял фату, всем показывая, не скрывая милое личико Турсуной, своей жены...

...Слова Мухитдина Зохирова о том, что делается в домах за новыми занавесками, не давали мне покоя. И однажды...

Утром у меня была интересная беседа с главным бухгалтером колхоза Рустамом Тошпулатовым. Я сказал «беседа», но это

не совсем так. Говорил Рустам-ака, а я молчал и записывал цифры. О чем, как не о цифрах, может говорить бухгалтер?

В прошлом году колхоз «Коммунизм» засеял хлопчатником 1450 гектаров и продал государству 4590 тонн хлопка, на 840 тонн больше, чем предусматривалось по плану, собрав с каждого гектара по 31,6 центнера. Бухгалтер мне перечислил бригады, которые собирали и по 42 центнера с гектара. Были названы и передовые механизаторы, которые на своих «кораблях» убрали за сезон по 60—70 тонн хлопка. Годовой доход — 3 707 000 рублей. А за пятилетку только от хлопководства — 14 262 000 рублей. Хозяйство колхоза многоотраслевое, и немалые доходы принесли животноводство, сады, виноградники, цитрусовые.

От Рустама-ака я получил также справку о доходах колхозных семей и записал, что семья Хола Самадова в прошлом году получила 7889 рублей дохода, а в семье работают четверо — две женщины и двое мужчин. Естественно, мне захотелось посмотреть на быт семьи, месячный заработок которой равняется 657 рублям.

Вместе с председателем колхоза Ниязмухамедом Беговым идем в дом Хола Самадова. Председатель сказал, что несколько лет назад Хол купил мотоцикл, а в прошлом году выиграл по лотерее «Москвич». Это известие меня обрадовало. Значит, подумал я, хозяин дома уже не хлопочет о приобретении машины. Куда же он тратит деньги? Еще не увидев хозяина, я заключил, что он человек доброго нрава, открытой души, потому что двор его стоит у дороги, но ни ворот, ни забора не имеет, нет никакой надписи, что во дворе злая собака, как нет и самой собаки. Значит, двери всегда открыты для гостей.

Нас встретила мать Хола и сказала, что хозяин скоро должен быть. Председатель колхоза заметил, что матери уже далеко за семьдесят, но выглядела она совсем бодро, а быстрый, острый взгляд и, как я потом убедился, ясный ум свидетельствовали о большом запасе сил и энергии. Когда мы вошли, она хлопотала у большого котла, готовила плов, по видимому не только для всей семьи, а и для гостей.

Появился Хол и повел нас по дому. С женой Оим и восемью ребятишками Хол живет в двух комнатах, больших, очень теплых, на полу постелены ковры, прикрытые сверху, чтобы не пачкались, кусками кошмы. В углу, на старой тумбочке,— телевизор «Рекорд». Из-за отсутствия гардероба вся одежда домочадцев — взрослых, детей, старая, новая,— развешана на гвоздях по комнате...

— Ака Хол, у вас есть машина и мотоцикл, неужели трудно купить шкаф для одежды?

Этот вопрос так удивил Хола, что он не скоро нашелся что ответить.

— Верно говорите... Купим! Теперь купим...

В доме Хола четверо школьников. Учатся ребята хорошо. Но как готовят уроки четверо школьников в двух комнатах, где жи-

вет десять человек, если нет здесь не только стола для занятий, но даже уголка, полки, на которую можно было бы положить учебники и тетради? Хол — любящий отец, он всегда заботится, чтобы все были сыты, одеты, а учение, да еще чтобы поставить стол в комнату, да сколотить полку, это ему даже в голову не приходило.

— Верно говорите... Купим! Теперь купим...— отвечал он озадаченно.

А на вопрос: «Сколько у вас зубных щеток?» — Хол ответил не задумываясь:

— Три! Нет, две...

— Вас в семье десять человек. Почему же у вас только две зубных щетки?

Когда я спрашивал об одеждах, об уголке для школьников, Хол смотрел на меня серьезно и понимал, что разговаривает с деловым человеком, тем более что председатель колхоза представил меня писателем. Но когда я спросил про зубные щетки, Хол понял, что перед ним человек несерьезный — разве солидный человек будет говорить о таких мелочах, как щетки, ножи и вилки... Он снисходительно улыбнулся, и тогда я напомнил, что на пленуме ЦК Компартии Таджикистана весьма серьезно ставился вопрос о зубной щетке, о мыле и что все это совсем-совсем не мелочь...

Кусок мыла и проблема раскрепощения женщин. Где стирают? В какой воде? Чем? Как полощут белье? Вываривают? Гладят ли? Может быть, рядом с котельной и баней надо в колхозе построить прачечную?! Тогда решится проблема личной гигиены и освобождения женщин от тяжкого труда. В каждый дом водопровод и газ! А как с душем? С горячим душем?! А место для обуви в доме? Как дети моют ноги перед сном? Как умываются и чистят зубы. Сколько надо простыней, наволочек, пододеяльников в такой семье, как семья Самадова, для которой совсем не проблема приобрести все эти вещи сразу, без особого труда, ибо деньги есть, их много, они целы? Совсем не так много уходит на еду, хотя питаются очень хорошо и многое покупают в магазине. Есть ведь и усадьба, это тоже немалый доход. Я обратил внимание, что в доме нет зеркал, кроме одного маленького зеркальца. А уход за волосами? А прически взрослых и детей? А украшения в комнатах? Правда, висят две фотографии. А какие интересные домашние поделки скрываются в сундуках, какая мастерица жена Хола, как она прекрасно вышивает, да и сестра Хола, да и мать Хола, да им и самим многое нравится, когда они приходят в сельмаг. Мы об этом разговариваем. Знаем, что деньги скоро уйдут на строительство нового дома, хватит жить в тесноте. Но возникает бесчисленное количество «но». Ну хотя бы такое: разве трудно купить десять зубных щеток?..

Во время нашей беседы в комнату зашла Оим, жена Хола. Она вошла, закрыв лицо платком, и так же быстро и незаметно хотела уйти. Но мы не отпустили ее, усадили за дастархан. Жен-

щина чувствовала себя неловко. Она села, согнувшись, закутавшись в платок, и была похожа, если хотите, на кокон: Оим не привыкла бывать в обществе гостей-мужчин...

...Семья старика Абдусамада Носирова меня заинтересовала по двум причинам: во-первых, глава семьи один из первых переселенцев, из тех славных людей, кого мы называем ветеранами, во-вторых, семья интересна еще одной недавней историей.

Абдусамад родился в год Лошади, восемьдесят лет назад в кишлаке Туткаул. Да, в том самом кишлаке, который уже находится на дне Нурекского моря. Но Абдусамад оставил Старый Туткаул еще в начале тридцатых годов, когда переселился в Вахшскую долину, на земле которой можно было тогда увидеть следы волков, оленей, диких кабанов и даже тигров. То, что он рассказывает, удивительно. Прямо не верится, что на том месте, где стоят сейчас города, были когда-то непроходимые джунгли!

Абдусамад держится прямо, ему не дашь его лет. Правда, когда-то очень сильные руки теперь ослабли, но мозоли с ладоней все еще не сошли. Старик рассказывает о том, как пришел на Вахш первый трактор, и как не все были этому рады, и как копали кетменем землю и каналы.

Он сказал удивительную фразу:

— Сейчас крестьянская работа стала легче.

Мне это замечание показалось чрезвычайно важным. Действительно, за тот же труд сегодняшний колхозник получает больше продуктов, больше денег. Машина в руках человека совершила революцию. А ведь было время, когда люди не пускали трактор на поле, ложились перед ним на землю — не пустим!

Конечно, если убирать руками, то поле будет чище; если каждый колос срезать серпом, а потом очищать руками, то в результате, может быть, зерна окажется на сто граммов больше. Но сейчас никому не придет в голову так делать.

Я много раз был на уборке хлопка в Вахшской долине и подумал, что какое-то психологическое неприятие хлопкоуборочной машины еще не преодолено полностью. Еще раздаются голоса, что тонковолокнистый хлопок лучше убирать руками. Нет, лучше убирать машиной! Это быстрее, дешевле, и надо, чтобы женщина разогнула наконец спину, чтобы машина помогала человеку, а не человек заменял машину. А чтобы было меньше потерь и хлопок чище, необходимо что-то усовершенствовать, изменить. Пусть планировка полей, орошение, вся агротехника делается в расчете на хлопкоуборочную машину, как когда-то она делалась в расчете на серп, а потом на трактор.

Эти размышления были вызваны рассказом старика Абдусамада. Машина не только облегчила крестьянскую работу, но и сломила психологический барьер старых привычек, старых обычаев, которых многие годы придерживались хлопкоробы. А если люди преодолели этот барьер в производстве, то, значит, это возможно и в быту. Сегодня на месте былых бугров и ложбин в долине раски-

вулись ровные хлопковые поля, удобные для работы машин, а люди, предки которых, ходившие всю жизнь за четырьмя баранами по горам, никогда не сеяли хлопок, хорошо изучили хлопковую науку, и многие удостоены почетного звания мастера хлопка Таджикистана. Среди них вы найдете много награжденных орденами, медалями, удостоенных звания Героя Социалистического Труда...

Абдусамад — счастливый старик. У него шесть сыновей, четыре дочери и несчетное количество внуков. И конечно, все огромное семейство уважает и слушает отца. Но недавно сын Саидмурод такое сотворил, что все удивились.

Он учитель, преподает математику. Время, как говорится, шло, настала пора женить сына. Родители сосватали ему очень красивую девушку, но Саидмурод, услышав это, исчез из дому, а когда вернулся, то был в таком состоянии, что оставалось только раздеть его и уложить в постель. Никогда прежде ничего подобного за ним не водилось, и старик Абдусамад весьма встревожился.

Наутро Саидмурод вновь исчез из дому, а на следующий день, сияя, привел домой светловолосую, голубоглазую девушку, с головы до ног одетую в таджикские одежды.

— Познакомьтесь с моей невестой,— сказал он.— Я люблю ее.

...В этом месте мне хочется прервать рассказ и сказать два слова об одежде, которую надела молоденькая учительница — белоруска Нина Будкевич.

Итак, об одежде. Я не знаю, кто теперь будет претендовать на неказистые штаны и рубаху из грубого домотканого карбоса, какие носили в старину. То время давно ушло. Брюки и клетчатая ковбойка, изготовленная швейной фирмой «Гулистон», стали рабочей одеждой, а на досуге люди средних лет носят костюмы — городскую одежду. Я говорю о людях средних лет потому, что у молодых людей повсеместно всегда своя особая мода.

Что осталось от прежней одежды? Халат. Он удобен, как удобна шипель, как удобен глинобитный дом, прохладный летом и теплый зимой. Халат остался. Так обстоит дело у мужчин. Но одежда женщин — широкое цветастое платье и длинные цветные шаровары — остались как знак подчиненности, как утверждение старого порядка. Одежда — символ, одежда — ритуал, обряд, атрибут. Может быть, это несколько резко сказано,— во всякой одежде есть и своя история, смысл, привычки,— но мы сравниваем большинство таджикских женщин с меньшинством. Мы знаем, что в длинных шароварах в городе не ходят, что большинство женщин от этого давно отказались и что традиционная одежда — принадлежность сельских мест. Правильно сказал секретарь райкома Мухитдин Зохиров, что новое должно быть радостным и приятным, тогда оно войдет в жизнь, поэтому мы даже не агитируем, просто обратили внимание, что белорусская девушка, полюбившая учителя Саидмурода, захотела влиться в таджикскую семью искренне, чистосердечно, даже сохраняя старый обычай в одежде...

Словом, Нина Будкевич, одетая с головы до ног в таджикские

одежды, которые сейчас носят только в сельской местности, пришла в дом своего жениха Саидмурода. Мать Саидмурода, часто бывавшая в школе и дружившая со многими семьями учителей, знала Нину раньше и в сердцах сказала, может быть даже не сказала, а подумала, но ее мысль услышали:

— Чертова девчонка, завоевала не только сердце матери, но и сердце сына.

Абдусамад вынужден был просить у отца сосватанной невесты прощения. Надо было начинать приготовления к новой свадьбе. Она состоялась и прошла весело, при большом стечении народа, но после свадьбы не кончились хлопоты старика Абдусамада. То и дело приходят к нему то из школы, то из кишлачного Совета, а однажды приехал на машине один товарищ из районо,— все спрашивают:

— Почему одел невестку в таджикские наряды? Почему она так ходит в школу?

Но Абдусамад ничего не мог сделать с упрямой учительницей, она даже не слушалась мужа. Ее обсуждали на комсомольском собрании, и председатель женсовета специально приезжала к ней беседовать. А Нина всем отвечает одно:

— Мне нравится таджикская одежда.

Вот какая странная история.

По-моему, каждый может одеваться, как хочет. Что касается меня, то я думаю, что любовь часто с ума сводит...

Хотя Нине очень идет таджикское платье. Да и сама она красавица.

Забыл сказать, что из Белоруссии в семью Абдусамада приезжал отец Нины. Он несколько дней погостил и остался весьма доволен счастьем дочери.

— А костюмом?

— О костюме он ничего не сказал,— ответил Абдусамад.

Мне ничего не осталось, как в свою очередь пожелать доброго счастья счастливой семье.

— Эй, послушай, ты что, опять о свадьбе?

— Да, о свадьбе, но...

— Ты для чего приехал в Вахшскую долину — ходить с одной свадьбы на другую?

— Прочтите сначала, потом будете говорить...

Так мысленно я отвечал читателю, которого я представил себе перед тем, как приступить к новой записи в моем блокноте. Да и что ж такого? Начало года — время свадеб. Осенью оно принесет свои плоды. Ничего плохого не вижу и потому скажу, что о Сиддике Саидове из уст учителей 36-й школы я слышал только хорошее. Все говорят о нем с уважением и называют ака Сиддик. Он работает в колхозе, а зимой помогает в школе топить печи.

Вечером я встретился с ним в школе. Он топил печи. Лет пятидесяти от роду, худощавый, длиннолицый, он встретил меня

как-то странно, мне показалось, что он взволнован. Вскоре я понял, что взволнованность имела причины. Об этом мой рассказ.

Интересна и типична судьба дехканина Сиддика Саидова, участника Великой Отечественной войны, освободителя Румынии. Вернувшись домой в Дангар, он отремонтировал крышу, стены, посадил перед домом тополя, а женившись, переехал с семьей в Вахшскую долину. Построил дом и до сих пор живет счастливо. Сейчас у Сиддика-ака четыре сына, один в армии, двое учатся в школе, а старший, Тошбой, работает трактористом в колхозе.

Но все это присказка, предыстория. История же начинается с предстоящей женитьбы Тошбоя.

Тошбой собрался жениться. Его нареченная — красавица Оймох с участка «Комсомол». Отца у нее нет, мать и старший брат Сафар Гафуров, тоже тракторист, почти ровесник Тошбоя, взяли на себя хлопоты по делам свадьбы. Условия были такие: тысяча восемьсот рублей наличными, две коровы (обязательно жирные), двадцать комплектов одежды, всякие другие мелочи, в том числе подарки гостям, организация тоя,— и все. Такие были условия. Не обязательно их называть калымом.

В семье Сиддика-ака было накоплено семьсот рублей. Как быть? Продать дойную корову — все равно не хватит! Занять? Кто столько денег сразу одолжит? Отложить свадьбу? Ни в коем случае! Что же делать?

Кто-то посоветовал Саидовым зарезать козла, угостить родственников и членов бригады и попросить помощи. Этот совет понравился. Было устроено угощение, и каждый «по силе возможности» одолжил денег с тем, чтобы они были возвращены в течение года. Всего было собрано пятьсот шестьдесят рублей. Эти деньги да семьсот своих — сумма немалая, но до тысячи восьмисот еще далеко.

Сиддик-ака был погружен в эти расчеты и пересчеты, когда ему сообщили, что из Душанбе приехал писатель, который его разыскивает, чтобы поговорить о калыме.

Я удивился, куда девалось независимое достоинство фронтовика, воина, храбреца, хозяина. Он стоял передо мной как мокрая курица и отвечал на вопросы дрожащим голос. Что сделалось с человеком?

Мне очень хотелось понять его. Я спросил, как он выйдет из затруднительного положения.

Я понимал, что он человек честный, но будет стараться во имя счастья сына выполнить условия невестиной родни. Он прекрасно понимал, что после свадьбы он не год, а может быть, два и три будет отрабатывать долги. И семья его будет терпеть лишения. Но он не мог не выгораживать родню невесты. Как можно? Он сначала отрицал сам факт сватовства, но потом сказал, что готов терпеть любые лишения, лишь бы как следует справить свадьбу.

Я выразил желание поговорить с родными невесты и попросил его отвести меня к ним. Сиддик-ака, немного помолчав, ответил,

что, мол, сегодня поздно, а завтра в полдень он отведет меня в дом невесты.

На другой день я сел в колхозный «Москвич» и, подъехав к школе, попросил кого-либо из учителей поехать вместе со мной в дом невесты. Ни один из них не захотел показать мне дом Оймох, бывшей ученицы школы, а некий педагог даже посоветовал мне не заниматься такими делами, не ронять своего авторитета, добавив, что традиции нельзя уничтожить. Пришлось мне напомнить ему, что в свое время нелегко было уничтожить паранджу. В те трудные времена первых лет Советской власти учителя и колхозные активисты не дрожали перед традицией, а храбро боролись с ней, за разумную и честную жизнь.

Заехал за Сиддиком. Он сказал, что не может со мной поехать, потому что, мол, пришел трактор и надо убирать гуза-паю. Я попросил шофера, чтобы он повез меня на участок «Комсомол» в дом тракториста Сафара, но шофер сказал, что он не знает, где дом тракториста Сафара, сверстника и школьного товарища. Получалось, что все, кого я просил,— учителя, Сиддик-ака, шофер,— все боялись показаться на глаза трактористу.

Тогда я отправился к магазину, спросил у продавца адрес и через полминуты вошел во двор Сафара. Он перетаскивал гуза-паю, отряхнул пыль с рук, пошел ко мне навстречу, и по его обеспокоенному взгляду я догадался, что он извещен о моем визите. Было ясно, что Сиддик-ака предупредил его.

Широкий двор, две-три мазанки не отличались великолепием и не блистали чистотой, свидетельствуя, что здесь живет не самый зажиточный колхозник. Мать Сафара Бибихосият пригласила меня в дом. В небольшой комнате, заваленной одеялами, уложенными на сундуках, едва нашлось место на полу для нескольких человек.

Меня, непрошеного и, по-видимому, нежеланного гостя, тем не менее с уважением посадили в передний угол. Рядом сели мать, сводный брат Сафара Мамадсаид и он сам. Их было трое, я — один.

Сафар подал мне чай в тонкой пиале, пригласил отведать жаркого, которое сразу же было поставлено на дастархан. Я молчал.

— Сынок, мы сами ничего не выдумывали... Делаем то же, что и другие, почему на нас нападают? — это сказала Бибихосият.

Разговор начался так просто и легко, и я был рад, что начал его не я, а, как принято, старший. Бибихосият была для всех нас матерью...

Бибихосият со слезами на глазах стала рассказывать о своей жизни. Она была не легкой. Первый муж умер, оставив ее с грудным Мамадсаидом на руках. Потом она вышла замуж за бедняка Гафура. Он тоже умер, оставив ей Сафара и Оймох. Колхоз ей помог вырастить сирот. Мамадсаид и Сафар женились. У них все хорошо. Теперь у бедной старушки забота только об Оймох. Вот отдаст ее замуж и тогда может спокойно умереть.

— Это хорошо, что Оймох сосватали за Тошбоя,— сказал я.—

Его отец Сиддик-ака уважаемый человек. Справьте свадьбу, чего же печалиться?

Я обернулся к Сафару:

— Когда будет свадьба?

Похоже, что Сиддик-ака в прошедшую ночь хорошо обучил Сафара. Он, как попугай, повторял слово в слово все то, что сказал мне Сиддик-ака.

— Мы каждый день слушаем радио, читаем газеты, знаем, что брать калым плохое дело. Ни о каком калыме речи быть не может. Когда Оймох и Тошбой увидели, узнали, полюбили друг друга (обратите внимание на три глагола: увидели, узнали, полюбили), мы согласились справить свадьбу без всякого калыма.

— Браво, мулло Сафар! — сказал я невозмутимо.— Я доволен вашим наставником...

Сафар покраснел и опустил голову. Врать он не умел.

— Когда вы договаривались о свадьбе с Сиддиком-ака, кто был из руководителей колхоза? — спросил я.

Обычно в любой сельхозартели проблема свадьбы обсуждается в присутствии самых уважаемых людей колхоза, приглашается обязательно председатель, члены правления, старики.

— Никого, товарищ,— не раздумывая ответил Сафар. Он не хотел ввязывать в это дело руководителей.

— Ведь вы колхозник,— продолжал я.— Сиддик-ака тоже колхозник, Оймох— колхозница. Она должна перейти с участка на участок, в другую бригаду. Не так ли?

— Так.

— Как же вы начинаете свадьбу, не посоветовавшись с руководством колхоза?

— Так получилось...— пробормотал Сафар.

— Неужели вы не предупредили бригадира, заведующего агроучастком?

— Нет...— пробормотал совсем запутавшийся Сафар.

— Значит, вы поговорили с Сиддиком-ака, и все, вдвоем, не так ли?

— Мы оговорили условия свадьбы,— отвечал Сафар. Со лба и лица его ручьями стекал пот.

— И при этом не присутствовал ваш брат Мамадсаид?

Сафар, совсем потерявшись, и на этот вопрос ответил отрицательно.

— Значит, вы единственную сестру выдаете замуж, не посоветовавшись даже с братом?

Тут уже не выдержал Мамадсаид:

— Не ври! Разве так о свадьбе договариваются? И я был, и другие. Мы, конечно, кое-что запросили у Сиддика-ака.

Все замолчали, понимая, что дальнейшая ложь бессмысленна.

— Сафар,— сказал я,— вы недавно сказали, что Оймох и Тошбой увидели, узнали и полюбили друг друга. Поэтому вы согласились справить свадьбу без калыма. Не согласитесь ли вы позвать Оймох, я хочу спросить у нее кое-что?

— Оймох месит тесто,— отвечал Сафар.

— Ничего, мы подождем, пока освободится.

Мать встала и через некоторое время привела принаряженную Оймох. Нет, она не месила тесто, она, наверно, уже несколько часов наряжалась. Девушка поздоровалась с нами, улыбнулась и сразу же спряталась за спину брата.

— Сестра, не стесняйтесь,— попросил я.— Садитесь ближе. Сколько вам лет?

— Двадцать...— пробормотала Оймох.

Ей было явно меньше лет, но у меня не было основания не верить ей. Обычно женщины всегда уменьшают свой возраст, но Оймох решила сделать наоборот и выдать себя за старую деву.

— Оймох, вы знаете Тошбоя?

Девушка, застыдившись, сказала «нет» и спряталась за спину брата.

— Тошбой приходит к вам?

Девушка отрицательно покачала головой.

— Но вы хоть раз говорили с ним?

После этого вопроса Оймох совершенно исчезла за спиной брата.

Вместо нее ответил Сафар:

— Иногда они, конечно, беседовали.

Стыд и позор! По всем правилам полагается, чтобы жених и невеста до свадьбы не знали друг друга, а тут сам Сафар говорит другое. Вот так защитник!

Услышав его ответ, я с трудом сдержал смех и сказал, что Оймох может идти, а то тесто перекиснет.

Девушка ушла, и я сказал Бибихосият, что пришел к ним в дом с добрыми намерениями, рассказал, что думаю о калыме, то есть об условиях свадьбы, рассказал, как трудно Сиддику-ака найти столько денег, поэтому цель моего визита — удержать людей от лишних расходов и помочь счастью Оймох и Тошбоя...

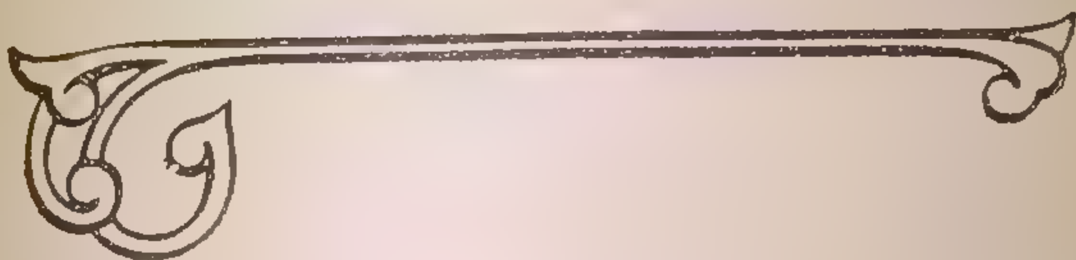
После этого разговор принял дружеский характер.

— Я сто тысяч калымов не возьму за один волос моей девочки,— сказала мать. Сафар тоже поклялся, что больше не произнесет слово «калым».

Когда я оставлял гостеприимный дом, с меня взяли обещание приехать на свадьбу Оймох и Тошбоя...

Когда уезжаешь из Вахшской долины, машина поднимается на пригорок, и долина открывается перед вами вся — в цвету или в вечерних огнях. Я был гостем во многих семьях долины, заходил к незнакомым людям и оказывался в объятиях друзей и братьев. Гостеприимство, открытость, дружелюбие — в характере таджиков, а не только жителей одной долины, благодатной и щедрой, сотворенной руками людей, поднятых на подвиг Великой Октябрьской социалистической революцией.

Юрек



ГЛАВА ПЕРВАЯ

I

— Стой! Стой! Почему сюда въехал?! — парень в замасленном комбинезоне бросился к машине и, решительно загородив дорогу, вытянул перед радиатором волосатую жилистую руку с гаечным ключом.

Рыжий парень, шофер «Волги», многозначительно подмигнул.

— На номер посмотри!

— Не имеет значения! Здесь ремонтируют трактора и посторонним машинам въезд воспрещен!

Шофер хмыкнул, но все же развернулся, выехал за ворота и там остановился. Из машины вылезла невысокая девушка. Она подошла к сердитому молодому человеку:

— Саидов?! Здравствуй, Анвар!

Узнав секретаря ЦК комсомола, механик смутился. Холида улыбнулась и протянула руку.

Анвар торопливо обтер свою о полу пиджака, поздоровался, а сам подумал: «Вымажу ведь! Ну ладно, мыло есть, отмоет...»

— Как дела? — спросила Холида.

— Ничего...— ответил механик нерешительно, потому что не понял, о каких делах она спрашивает, может, хочет узнать об отношениях с Зульфией, наверное, Зульфия что-то ей рассказывала...

Холида опять улыбнулась, но больше ничего не сказала. Анвар обрадовался, иначе пришлось бы признаваться, что Зульфия не отвечает на его письма, которые он упорно пишет каждый день.

В его дневнике этим утром появилась цифра 172. Вчера была 171... За шесть месяцев работы (после окончания института) столько писем он отправил Зульфии. Она ответила только на второе. Ответ ее был резким. Зульфия просила ей не писать — отвечать все равно не будет. И действительно на остальные 170 она не ответила. Но можно ли признаться в этом Холиде Джалиловне?!

Холида словно поняла смятение Анвара, она посмотрела на часы и шутливо попросила в честь старого знакомства помочь ее шоферу заменить один баллон, иначе ехать через перевал опасно.

Хоть у Анвара было много срочной работы — четыре трактора ждали ремонта,— но он не мог отказать Холиде. Тем более что секретарь сказала, что едут они в Нурек.

Анвар по рассказам знал, что ехать нужно через перевал

Чормагзак на высоте тысяча шестьсот метров. Очевидцы говорили, что на перевале лежит густой туман, даже если внизу солнце, ну а уж если внизу дождь, то на перевале снег, и дорога скользкая, как змея.

Анвар махнул рыжему шоферу, тот насмешливо сощурился и с видом победителя въехал в ворота. Баллон сменили быстро. Прощаясь, шофер опять подмигнул, видно, это у него вошло в привычку.

Холида, прощаясь с механиком, улыбнулась.

— Между прочим, есть о чем поговорить!

Почему она так сказала? Анвар ведь больше не был комсоргом института. На этой межколхозной базе он рядовой комсомолец. О чем ей беседовать с сердитым механиком, который не очень-то вежливо ее встретил? Интересно... А может быть, речь пойдет о Зульфии?

Анвар разволновался. Он работал и думал. Работал и вспоминал...

II

«Зульфия, Зульфия... ты сердце мое!

Я прекрасно знаю, что ты и на это письмо не ответишь. Но что делать? Боль моя неизлечима. И в эту ночь я не усну, если не напишу тебе. Ведь я себя только успокаиваю письмами. Напишу — и будто поговорю с тобой... Конечно, это самообман.

Сегодня в мастерскую приезжала Холида. Она, видимо, хотела поговорить о тебе, да обстановка была неподходящая... Если бы ты знала, как разбередила она мою рану!»

Анвар положил ручку на неоконченное письмо, закрыл руками лицо и задумался. В памяти опять всплыл тот вечер, шумное студенческое собрание, на котором Зульфию чуть не исключили из комсомола! Если бы не была тогда на собрании Холида Джалиловна, наверное, исключили бы. Вот этого Зульфия и не может простить ему.

Что делать, коли такая у него натура «корявая». «Корявая? Злая! Вредная!..» — бил он себя кулаками по лбу.

С первого курса, с первого взгляда у них все пошло наперекосяк.

Как только они встретились, Анвар помимо воли говорил ей одни неприятности — то «платье это тебе не к лицу», то «прическа эта тебе не идет!» и тому подобное,— нарочно сердя ее. Зульфия отвечала ему тем же. Хоть сто человек вокруг, она показывала ему язычок, подсмеивалась.

Три года у них были такие отношения. На третьем курсе на комсомольском собрании кандидатуру Анвара выдвинули в бюро факультета. Зульфия выступила против и только одна и голосовала против. Увидев это, она потребовала, чтоб в протокол записали ее особое мнение. С собрания Зульфия уходила обиженная, надутая, но, проходя мимо Анвара, она все же не удержалась и

показала ему язык... На четвертом курсе Анвара снова избрали комсоргом, на этот раз Зульфия не выступала, но голосовала против. И во всеуслышание заявила, что «пока я жива — буду голосовать против тебя!». Девушки смеялись. Анвару хотелось оттаскать ее за волосы — тогда, пожалуй, впервые он по-настоящему рассердился, сколько же можно терпеть эти выходки!

А вскоре эта дерзкая Зульфия пришла к своему комсоргу просить помощи. Да, она действительно нуждалась в помощи и защите Анвара. Он хорошо помнит ее слова. «Извините, мне нужна ваша помощь...— начала она, минуту помолчала и продолжила: — ...Я потеряла комсомольский билет. Два месяца взносы не платила. Нет билета, что делать?!»

Она говорила искренне, но Анвару казалось, что опять строит какую-то каверзу, поэтому он ей хладнокровно ответил: «Вот результат твоего легкомыслия и безответственности...»

Девушка вскочила как ужаленная и выбежала из кабинета.

Вопрос вынесли на общее собрание. Зульфия заявила, что в поезде, когда она ехала в Душанбе после каникул, у нее украли чемодан, а комсомольский билет, мол, был в чемодане.

Все молчали, никто не хотел выступать.

Глаза Анвара и Зульфии встретились. Она и в этом положении не желала мириться, смотрела презрительно и дерзко.

Две подружки рядом захихикали. Анвар вспыхнул. Он выступил горячо, сказал, что возвращалась Зульфия самолетом, а не поездом, и что все сказанное просто ложь.

Анвар предложил исключить девушку из комсомола.

Зульфия сейчас же вскочила. Ее речь тоже была горячей и гневной. Она говорила, что он давно зазнался, в нем не осталось ничего человеческого, он не комсорг, а диктатор, с ним нельзя поговорить по-товарищески. Он черствый, с каменным сердцем человек!..

Под конец Зульфия расплакалась.

Одна из ее подруг предложила отложить вопрос до следующего собрания, чтобы Зульфия еще раз хорошенько поискала билет. Все знали, что она рассеянная, что у нее, как говорят русские, «девичья память», забывает, куда что кладет.

Так оно и получилось. Через две-три недели студент нашел комсомольский билет в библиотечной книге, которую Зульфия перед каникулами поспешно сдала в библиотеку...

...Зульфия осталась в комсомоле. Но их отношения с Анваром стали еще хуже: она больше не показывала ему язык, просто не замечала его. На вопросы не отвечала, только хмурила свои красивые брови. Подругам сказала, что раньше она немного любила Анвара, но теперь видеть не хочет.

До Анвара дошли слова Зульфии, и, пожалуй, только после этого он вдруг понял, что давно и безнадежно любит эту капризную, ветреную девушку. Ему стало ясно, что никогда они не были равнодушными друг к другу и, надевая маску злого безразличия, пытались под ней скрыть истинные чувства. Анвар на лекциях,

на собраниях, в перерывах между занятиями ловил взгляд Зульфии,— может, он окажется красноречивей слов. Но Зульфия будто ничего не видела, она вела себя так, словно Анвара не существовало на свете.

Наконец он написал ей:

«Зульфия! Я прошу прощения за все оскорбления и выпады против тебя. Ты можешь придумать для меня самое жестокое наказание. Все снесу, как дорогую награду. Я люблю тебя! Жаль, что это поздно понял. Очень поздно!..

Умоляю, ответь мне.

Твой Анвар».

Он сложил лист бумаги и прямо так без конверта передал на лекции соседке впереди, чтобы она переправила Зульфии. А та тут же сунула нос в записку, показав ее еще и подругам. Через час чуть не весь институт узнал о написанном. Теперь каждый день десятки глаз с любопытством смотрели на Анвара и Зульфию, а Зульфия вела себя высокомерно и безразлично. Анвара она по-прежнему не замечала.

Шесть месяцев назад они закончили институт и расстались. Но мучения Анвара не кончились...

Анвар снова с надеждой берется за ручку. Он пишет в эту ночь сто семьдесят третье письмо. И знает, оно тоже останется без ответа!..

III

Анвара вызвали в Душанбе, в ЦК комсомола. В большом светлом кабинете его приняла Холида.

— Мы тебя знаем давно...— сказала она.— Два года был комсоргом в институте, опыт есть. Поэтому Центральный Комитет поручает тебе ответственное задание...

По привычке она говорила медленно, взвешивая каждое слово, пристально вглядываясь в лицо собеседника.

— Мы посылаем тебя в Нурек в качестве инструктора ЦК комсомола,— слова секретаря прозвучали просто, обыденно, и еще естественнее и проще прозвучал вопрос: — Сколько ты получаешь?

Анвар покраснел и еле слышно ответил:

— Сто двадцать рублей.

— В Нуреке ты будешь получать всего семьдесят рублей! — таким же ровным голосом сказала Холида.— Большей ставки у нас нет...

На пятьдесят рублей меньше... Анвар каждый месяц именно столько посылал своим старикам. Оставшихся денег ему хватало. Но из семидесяти для родителей уже ничего не выкроишь. Кто тогда им поможет? В кишлаке живут сестра с мужем, но у них семеро детей, так что излишков не бывает... А на небольшую пенсию отца вдвоем родителям трудновато...

— Почему молчишь? — спросила Холида Джалиловна и недоуменно приподняла брови.

Анвар пристально поглядел в глаза Холиде и твердо ответил:

— Раз вы считаете нужным, я согласен...

В Душанбе начиналась весна. Еще не работали фонтаны. Но в цветниках уже сажали первые цветы. Робкие светло-зеленые росточки из теплицы сегодня впервые попали в довольно еще прохладную землю и сжались, ожидая живительных лучей солнца...

Анвар смотрел на бледные стебелечки и думал о будущем Нурека. О Нуреке он много читал. Все газеты писали: «Величайшая ГЭС в горах!», «Плотина высотой с Эйфелеву башню!», «Водохранилище сможет обводнить миллион гектаров земли!»... Но Анвар и представить не мог, что окажется очевидцем, нет, даже участником строительства. Ему выпала великая честь. Он представитель ЦК комсомола в Нуреке! С этого дня и он отвечает за Нурек!..

IV

На кулябской дороге шофер грузовика с картошкой согласился за трояк подбросить Анвара до Нурека.

— Ты нурекский? — спросил шофер.

— Стану нурекским,— шутливо ответил Анвар.— Меня на работу туда направили.

— Поздравляю...— сказал шофер.— А я из Туткаула. Это немного повыше Нурека. Поговаривают, что, когда водохранилище построят, кишлак наш под водой останется...

— Так вам нужно переезжать заранее в Нурек,— посоветовал Анвар.

Он вспомнил, что в Туткауле проводились археологические раскопки.

Шофер вздохнул и грустно перевел на Анвара выпуклые овечьи глаза.

— Я-то не прочь, но старики в беспокойстве. Волнуются, что тысячелетние кладбища под водой останутся. Туткаул — древний кишлак. Когда-то Шелковый путь и через нас проходил. Были там и караван-сараи, и большие базары...— Шофер стянул с головы теплую каракулевую шапку и положил ее на сиденье.

Некоторое время ехали молча.

— Вон станция узкоколейки,— внезапно нарушил молчание шофер.— Там будет нурекская база...— он махнул рукой в сторону от моста через Кафирниган, по которому они ехали.

— Знаю,— сказал Анвар. Межколхозная ремонтная база была рядом. Теперь ему придется распрощаться с ней. Сердце его слегка дрогнуло. Ведь он там начал работать, привык уже...

Оставив далеко позади шумный пыльный городок Орджоникидзеабад, машина начала взбираться в гору, к перевалу. Мотор стонал от тяжести груза и крутого подъема.

— Через перевал дорога тяжелая,— пожаловался шофер.—

Если всерьез собираются строить Нурек, дорогу нужно переделывать...

— А вы что, сомневаетесь в серьезности этого строительства?

— Я? — с удивлением повернулся водитель к Анвару.— Я-то нет. Но старики говорят, что о строительстве в Нуреке давно идут разговоры. Еще в молодости моего отца, в тридцатых годах, один русский ученый все Пулисангинское ущелье тысячу раз обмерил и сказал, что будут строить здесь ГЭС. С тех пор и говорят о ГЭС, а ГЭС все нет. Старики себя этим и утешают. И мулло утверждает: могилы священны и еще тысячу лет простоят...

— Интересно...— Анвар высунулся из окошка, разглядывая дорогу. Внезапно ему в голову пришла мысль: — Слушай, а если мы перенесем кладбище в хорошее место, старики согласятся?.. Как полагаешь?

— Вот тебе и раз! — удивился шофер и даже притормозил.— Кто же кладбище переносит?

— Ну, я, ты, молодежь Нурека и Туткаула...

— Я не стану,— шофер сдвинул брови и покачал головой.

— Почему?

— Старики проклянут... Мне с ними жить...

— Понятно...

С трудом, петляя между скал, взобралась наконец машина на перевал Чормагзак. И сразу попала в плотные холодные облака. В щели кабины заползал холод. Анвару показалось, что по спине между лопаток пробежали ледяные струйки. Недавно потевший от жары, сейчас он чувствовал, что замерзает.

— Смотри,— сказал шофер,— снег идет... Полчаса назад внизу солнце светило, а здесь снег. Вниз спустимся, опять жара — миндаль зацветает.

— Да, я об этом читал — гора Мавлак и гора Нор, а между ними ущелье Пули Сангин, где построят плотину.

— Если построят...— пробурчал шофер.

— Извини, друг, а ты не сын того мулло? — пошутил Анвар.

— Нет! — ответил шофер.— Я сын партизана — Шарифа-командира! Если хочешь, давай познакомимся. Я Азиз Шарифов!

— Ну вот, будем друзьями. А я Анвар Саидов, инструктор ЦК комсомола на строительстве Нурекской ГЭС.

— Инструктор? — переспросил Азиз.— Хорошо. Меня в ЦК комсомола тоже знают. Я с Холидой фотографировался!..

— Вот как? Где?

— На съезде комсомола.

— Ты был делегатом?

— Да! — невольно выпрямился за рулем Азиз.

— Здорово! Так тебе прямая дорога работать в Нуреке...

— Сейчас? — не понял Азиз.

— Воля твоя, конечно. Хочешь, сейчас.

— Не выйдет...— засомневался вдруг шофер.— Я попозже...

— Если все мы будем выжидать, то мулло прав окажется,— насмешливо сказал Анвар.

Азиз пожалел, что разболтался: «Неудобно будет, если разговор дойдет до Холиды»,— вслух же произнес другое:

— Я должен у начальства автобазы разрешения просить, они так просто не отпустят...

Машина, бесконечно поворачивая и скрипя тормозами, спускалась вниз. Справа надвигались отвесные скалы, а слева открывались бездонные пропасти. Шофер вовсю крутил баранку, то и дело жал на тормоза.

— Эта дорога мне всю резину съест! —ругался он.

Вдали показалась извилистая полоска воды.

— Вот это и есть дикая река? — с недоумением спросил Анвар.

— Ты, друг, не оскорбляй Вахш! — обиделся Азиз.— Эта река священная. Один учитель доказал, что Вахш неверно толкуют как «дикий». Слово Вахш — древнее, вернее всего, что оно означало: сверкать, блистать...

— Может, это и верно,— согласился Анвар.— Но кто будет отрицать, что к тому же река и дикая...

— Тот учитель говорил,— продолжил шофер,— что в прошлом все реки мира были дикими... Кипеть, бурлить, стремиться — свойство рек. Вахш — молодой конь-стригунок в табуне гор, он взбрыкивает, скачет, несется, шарахается...

Анвар почувствовал, что горцы всем сердцем любят свою непокорную реку, от которой иногда и страдают... Как русские любят Волгу-матушку, так таджикам дорог их Вахш. Специалисты, изучив энергетические возможности Вахша, назвали его Волгой, лежащей на боку. Но теперь уж недолго дремать таджикской реке!

Машина спустилась в долину, и дорога пошла вдоль Вахша. Вблизи река казалась тихой и ласковой.

— Вас на «Казанском вокзале» высадить? — спросил шофер.

— Что? На вокзале? — не понял Анвар.— Ведь тут же...

— Да это так, в шутку,— усмехнулся Азиз,— строители прозвали. Тут всего-то и было, что чайхана и две чинары — единственное приметное место, где все останавливались. Сейчас увидите...

Подъехав к чинарам, Азиз резко затормозил и распахнул дверцу машины:

— Пожалуйста в Нурекград!

— Спасибо, Азиз, хорошо довез! До встречи в Нуреке? — серьезно спросил Анвар.

— Гора с горой не сходятся, а человек с человеком...— шутливо ответил Азиз.

— Но в Нуреке-то как раз и горы сойдутся!..— засмеялся Анвар.

— Да, но еще не скоро!..— Азиз захлопнул дверцу и дал газ. Анвар долго смотрел вслед машине — пыльный шлейф постепенно растворялся в горном воздухе.

V

На другое утро Анвар снова сидел в приемной Холиды. От вчерашней мечтательности не было и следа — голова опущена, глаза виноватые. В кабинет секретаря он вошел первым из посетителей. Холида удивленно подняла глаза на нового инструктора.

— Был в Нуреке...— тихо сказал Анвар.

— Ну и?..

— Там, кроме двух чинар, ничего нет. С чинарами мне делать нечего...

— Понятно...— улыбнулась Холида Джалиловна и попросила Анвара закрыть окно — лил дождь и в кабинет забирался холод. Выполнив просьбу, Анвар, по-прежнему сумрачный и нахохлившийся, сел за длинный стол, покрытый зеленым сукном.

— Понятно...— повторила Холида Джалиловна.— Будущего Нурека полностью нет еще даже на бумаге... Эх, Анвар! А ты бы спросил те чинары тысячелетние, в чем их сила, их долголетие? Они бы тебе, конечно, на корни свои показали... Понимаешь, корни пускать надо! Ведь чинары свои корни пускают очень глубоко и достают ими «воду жизни». А потом, даже очень часто, под чинарами родник пробивается — их корни помогают собираться влаге... Поэтому, наверное, и считает народ их священными... Только две чинары, говоришь. А ведь вокруг есть люди, кишлаки, в них молодежь. Нужно стучаться в двери, в сердца, говорить о стройке по радио, в газетах, то телевидению... Молодежь, несомненно, откликнется на призыв Нурека!

Холида с улыбкой взглянула на Анвара.

— Вопросы есть?

— Вопросов-то нет...— Анвар встал...— Разрешите приступить к выполнению задания Центрального Комитета комсомола!

Холида кивнула и тут вдруг сообщила новость:

— Вчера ко мне Зульфия заходила. Я ей сказала о твоем назначении. Она рада за тебя. Будет ждать писем из Нурека.

— Она в городе? — спросил Анвар, чтобы что-то спросить.

— Нет, вчера вернулась в район.

— Жаль...— Анвар опустил глаза.

— Так пригласи ее в Нурек. Думаю, она приедет,— будничным голосом заявила Холида, а Анвара словно бросили в кипяток, сердце его неистово билось.

«Приедет!..», «Писем ждать будет!..» Анвару захотелось немедленно в Нурек. Но прежде нужно было повидать секретаря парткома строительства. Управление пока еще помещалось в Душанбе.

Анвар легко разыскал это здание в центре города. В четырехэтажном доме разместились десятки разных ведомств. Второй этаж занимало управление строительством.

Секретарь парткома оказался пожилым полным человеком болезненного вида. Он представился:

— Рахмат Рахимович.— Затем объявил: — Холида мне звонила. Вы вчера напрасно в Нурек ездили...

Эти слова показались Анвару странными.

— Нурек с Душанбе начинается, мулло Анвар! — мягко объяснил Рахмат Рахимович.— Пойдемте, я познакомлю вас с начальником строительства,— пропустив вперед Анвара, он плотно закрыл за собой дверь кабинета.

Начальник строительства был совсем пожилым. Про него говорили, что он давно мог бы идти на пенсию, спокойно отдыхать, лечиться (сердце в последнее время частенько покалывало), но душа у него была молодая, и Антон Григорьевич Карпов взял на себя самую беспокойную работу — руководство огромной стройкой.

Анвару этот человек понравился с первого взгляда.

— А, комсомол! — обрадовался Анвару начальник.— Ну, раз комсомол пришел, дела наши пойдут!

Карпов усадил Анвара, а сам расхаживал по длинному кабинету и, жестикулируя, потирая свой широкий лоб, говорил о трудностях первоначального этапа строительства. Вдруг, остановившись против Анвара и наклонив большую лысоватую голову, доверительно сказал:

— Вы должны знать, что до сих пор противники строительства Нурекской ГЭС сильнее его сторонников. Они сидят в больших учреждениях и обладают большой властью. Но вы, молодежь Таджикистана, не сомневайтесь! Заверяю вас, Нурек для республики необходим, и именно сейчас настало время строить такое великое сооружение! И для этой стройки у нас есть силы!— Антон Григорьевич, будто для подтверждения своих слов, повернулся к секретарю парткома.

Рахмат Рахимович безразлично стоял около двери, в любой момент готовый уйти, но все же, услышав слова Карпова, согласно закивал седой головой.

— Нам придется еще долго бороться за право на существование Нурека! — подытожил свою пылкую речь Карпов.— И важнее всего то, чтобы мы сами не сомневались! К строительству нужно приступать уверенно!..

«Кладбище Туткаула, даст аллах, еще тысячу лет простоит...— невольно вспомнил Анвар.— Неужели? — с беспокойством подумал он.— Неужели после такой огласки не построят Нурек? О чем волнуется Карпов? Он старается втолковать ему, что не сомневался в необходимости строительства ГЭС. Значит, действительно многие сомневаются... Почему же тогда Холида этого прямо не сказала, почему ничего толком не объяснила?»

Антон Григорьевич в противоположность Рахмату Рахимовичу торопил Анвара ехать в Нурек! Скоро Карпов и управление тоже полностью переведет туда. Вот только трудно это — проектировщики из Ташкента неохотно приезжают в Нурек...

Анвар заверил Карпова, что он готов в Нурек ехать сей же час. Но на душе у него после этого визита стало тревожно.

Когда Анвар уходил от Карпова, Антон Григорьевич ласково, по-отечески положил ему руку на плечо.

— С вами вместе поедет Валерий Салахян. Валера — бывший матрос. Сейчас он приехал с Красноярской ГЭС, имеет опыт, я назначил его прорабом. Первый нурекский прораб! Вот вместе и начинайте!.. Он хороший, надежный товарищ!

VI

Валера был сложения богатырского. Заядлый спортсмен. Участвовал всегда во всякого рода соревнованиях и чаще всего выходил победителем. Когда он подал руку, Анвар подумал: «Ого! Не меньше ковша экскаватора!» Улыбка не сходила с губ Валерия, большие глаза весело блестели.

— Мне хвалили нурекский шашлык,— сказал Валера после знакомства,— может, там и пообедаем?

— А я еще и не завтракал,— тут же вспомнил Анвар.— В чайхане «Рохат» хорошо готовят люля-кебаб. В дальнюю дорогу, говорят, нужно выезжать на сытый желудок. Пока на перевал Чормагзак заберешься, десять порций люля-кебабов утрясутся!..

— Соображаешь,— пошутил Валера.— Не зря тебя инструктором назначили...

Тут же парни отправились в чайхану.

Валере очень понравилось сидеть на красных ковриках, поджав под себя ноги, на квадратной тахте, попивая зеленый чай из пиалы. Он начал расхваливать чайхану:

— Красиво тут! Мне нравятся традиционные таджикские орнаменты. В этом здании смешалось древнее и современное...

Официантка на расписном подносе подала две горячие ароматные лепешки и две миски с люля-кебабом.

Валера хотел взяться за лепешку и обжег руки.

— Ой, как же их есть?

— Не беспокойся, они сейчас остынут, чем горячее, тем вкуснее! — успокоил Анвар, открывая крышку.

Запах люля-кебаба с приправами дразнил аппетит.

Валера пошутил:

— Зачем ты, друг, меня сюда привел? Если в городе так много хороших мест, пожалуй, я не поеду в Нурек.

— Ничего, Нурек тебе еще больше понравится,— уверенно заявил Анвар и со смехом добавил: — В Нуреке хороший шашлык готовят, ты же слыхал. А едят его, сидя под высокими чинарами.

— Прекрасно...— Валера сунул в рот горячий кебаб, обжег рот, часто задышал и вытаращил голубые глаза.— Еще мне горы нравятся. Всегда мечтал жить в горах... Ну вот, теперь можно и ехать! — пробасил Валера, когда они плотно позавтракали.— Будем удивлять Восток!

— Только Восток?

— И Запад тоже! — махнул рукой Валера.

Салахян оказался действительно человеком деловым. У него уже были приготовлены палатка, раскладушка, спальный мешок и другие необходимые вещи. Парни купили раскладушку и для Анвара, погрузили имущество на машину и тронулись в путь.

— Жарко! — Валера сбросил куртку.

— Ничего, скоро замерзнешь...— сказал Анвар.— На перевале холодно.

— О, скорее бы! Хочу в горы! — воскликнул Валера.

— Будь спокоен, раз ты в Таджикистане, мечта твоя сбудется,— засмеялся Анвар.— Девяносто три процента нашей республики — горы.

— Да, сказочный край. Я на всю жизнь останусь в Таджикистане!..

— А как же насчет Армении? Ты ведь армянин? — спросил Анвар.

— Армянин, но в Армении я не был,— объяснил Салахян.— Я в Ленинграде родился. Отец солдатом был. Он собирался после победы перевезти нас с матерью в Армению. Но погиб под Ленинградом...

Валера нравился Анвару, Анвар любил таких открытых, восторженных людей. Валерий восторгался всем, что видел. Он уже любил таджикское солнце, таджикские горы и гостеприимных таджиков.

— А есть в нурекских горах дикие кабаны? — спросил Валера, страстный охотник, когда вдали возникли очертания гор.

— Много! — ответил вместо Анвара шофер.

— И охота разрешается на них? — от возбуждения Валерий даже привстал.

— В горах-то охоту на кабанов никто и не запрещал,— пожал плечами шофер.

— Прекрасно! Мы завтра же пойдем на охоту! — повернулся к Анвару Валера.

Анвар замялся, не зная, что ответить новому другу.

— Он не ест свинины,— вмешался шофер.— Таджики не едят свинину.

— А что, они охотятся только на газелей? — удивился Валера.

— На газелей запрещено. В горах их мало осталось.

— Жаль...— вздохнул Валера.

— Вот, смотри, смотри! — шофер сбавил скорость.

Дорогу перебежала лиса.

— Ну и край! — восторженно сказал Анвар.

Машина, натужно ревя, все время шла в гору.

— Мы уже на перевале? — с волнением спросил Валера.

— Нет, еще немного...

— Везде снег... В Нуреке тоже зима?

— Нет, в Нуреке вообще зимы не бывает,— ответил шофер.— Деревья в январе начинают цвести.

— Это сегодня ночью снег выпал,— добавил Анвар.— Вчера его тут не было...

Валера, увидев вдруг бездонный обрыв у края дороги, испугался:

— Эй, будь осторожен! Здесь опасно!..

— Не бойся! — засмеялся шофер.— Я ведь тут не первый раз! Потом и ты привыкнешь.

— На этой дороге часто несчастья случаются? — не мог успокоиться Валера.

— Иногда бывают, но только с глупыми людьми,— пошутил шофер.

— Я надеюсь, мы умные? — подмигнул Валера.

— Заранее сказать трудно,— снова засмеялся шофер.

К вечеру достигли Нурека. Валера походил вокруг машины, примерился, выбрал место посуше и, закатив рукава, сказал:

— Начали!

По указаниям Валеры парни забили колышки и втроем быстро натянули палатку.

— Сегодня палатка, завтра первый дом будет,— Валера говорил с полной уверенностью.— Давай, Анвар, улицу уточним, чтобы шофер передал наш адрес старику Карпову.

Анвару предложение пришлось по душе, и он с удовлетворением сказал:

— Отцы наши, когда строили Душанбе, первой улице дали имя Ленина. Мы продолжим эту традицию.

— Верно! Ура!

Валера на куске картона красным карандашом крупно написал «Улица Ленина, № 1» и прикрепил картон к палатке.

— Вот так! — сказал он и обнял Анвара.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

— Привет из Туркмении!

— Ох, Семен! Дорогой! Приехал?

Антон Григорьевич встал, придерживая рукой сердце, которое часто забилось от радости. Семен Алексеев обнял своего учителя.

— Спасибо тебе! — с волнением сказал Алексееву Карпов.— Честно говоря, не верил я, что приедешь. Сына приглашал, не поехал. Из института направился прямо в Красноярск. «Хочу счастья попытать без твоей помощи!» — написал. Я ничего не ответил...

— Ну и правильно, Антон Григорьевич,— поддержал Семен.— Володя — парень умный. На Красноярской ГЭС он многому научится. Может, потом и в Нурек приедет...

— Какое там! — махнул рукой Старик.— Он меня не слушает. Говорит, ты старый инженер, я хочу с молодыми работать. А вот ты, Семен, так не сказал. Приехал, уважил старика. Молодец! Садись.

Семен Алексеев, вытирая платком загоревшие на туркменском солнце лицо и шею, устало опустился на стул.

А Антон Григорьевич все стоял, с любовью глядя на своего ученика, приехавшего на его зов со строительства Большого Туркменского канала.

Семен заметил, что на лице Карпова прибавилось морщин и плечи повисли. Старик действительно нуждался в поддержке молодых. В великом деле, начатом им, нужно много помощников, и Алексеев пожалел, что сын Карпова не понял этого.

— От тебя Каракумами пахнет, Семен! — сказал Старик.— Часть моего сердца ведь там осталась...

— Да! Та часть сердца давно течет голубой рекой в туркменской пустыне! — улыбнулся Алексеев.

— Спасибо, Семен! Ты научился у людей Востока цветисто выражаться. Ну, это неплохо. На Востоке почтительно относятся к старикам...— Карпов сел и задумался, словно ушел в воспоминания.

Семен восхищался в душе смелостью и мощью Старика. Антон Григорьевич не раз в Туркмении, огорченный неувязками в работе, говорил Семену: «Этот канал — моя последняя стройка...» И тут вот вдруг взялся за еще более трудную.

Старик высоко ценил талант и организаторские способности молодого инженера Семена Алексеева. Он гордился им. Алексеев приобрел опыт на строительстве Туркменского канала, поэтому и любил его, как сына, Карпов.

— А как тебя туркменские товарищи отпустили? — вернулся к прерванному разговору Антон Григорьевич.

— Они, конечно, не хотели,— разглядывая свои жесткие ладони, ответил Семен,— но ведь не мог я не приехать...

— Но Берды они не отпустили же?..— вспомнил Карпов своего другого туркменского ученика, который пока никак не откликнулся на его приглашение.

— Приедет, Берды тоже приедет,— заверил Семен.— Сейчас на его участке трудно. Попозже его тоже отпустят в Нурек. В качестве «братской помощи»!

Эти слова почему-то не понравились Старику. Он нахмурил брови.

— «Братская помощь» — это верно, но туркменские товарищи должны знать, что больше десяти миллиардов кубометров воды нурекского водохранилища пойдет и на их земли! И на земли Узбекистана тоже! Нурек нужен для всех. И он должен стать всесоюзной стройкой...

Карпов заволновался. Всегда, когда говорил о Нуреке, он терял покой. Хотя несколько лет назад он так же говорил и о Туркменском канале. А еще раньше не менее горячо защищал Каттакурганское водохранилище, северный Ташкентский канал, каскад электростанций Нижнего Байсуна, Иркутскую ГЭС...

Но Вахш — дело особое, Вахш — первая любовь, река его молодости. Еще в тридцатых годах Карпов возглавлял «Вахшстрой»

и запомнил эту реку на всю жизнь. И вот в старости снова вернулся на берега Вахша. «Начало и конец мой на Вахше!» — говорил Старик.

— Семья-то у тебя где? — спросил он у Семена. Спросил, чтобы как-то успокоиться...

— В Туркмении. Дети в школу ходят.

— Добро. Придется пока вам в разлуке пожить... Школу еще не построили. Мы в Нуреке еще ничего не построили! Строители приезжают. Для них нужны дома. Для подвозки материалов и техники дорога нужна. А у нас даже нет пока хорошей дороги! В Нурек железную дорогу не проведешь. Все это усложняет дело. Прежде всего необходима хорошая дорога. Я тебя назначу пока начальником дорожного строительства! А там поглядим...

Карпов вопросительно посмотрел на Алексеева. Тот ответил не сразу. Подумал. Потом кивнул, соглашаясь.

— Когда к работе приступишь? — серьезно спросил Старик.

— Как считаете нужным,— развел руками Семен.

— Тогда с сегодняшнего дня! Сейчас же издам приказ! — Старик протянул Алексееву руку.

Алексеев с улыбкой бережно взял руку учителя в свои огромные горячие ладони.

II

Карпова срочно вызвали в Москву.

— Что-нибудь хорошее? — спросил шофер Женя, помогая Антону Григорьевичу вынести чемодан.

— Когда срочно вызывают, знай, ничего хорошего быть не может,— недовольно пробурчал Антон Григорьевич и с усмешкой добавил: — Наоборот, добрую весть сообщать не спешат.

Женя любил Антона Григорьевича как отца, жалел, видя его бесчисленные заботы. Карпов не признавал торжественных встреч и проводов. «Достаточно одного Жени! — говорил он товарищам, уезжая.— Незачем мероприятие устраивать!..» Сотрудники обижались, а Женя радовался, зная, что Карпову он нужен больше других. Женя для начальника был не только шофером. Одновременно он исполнял обязанности адъютанта (Карпов имел звание генерала), повара, кастеляна, утешителя и ходатая,— в общем, был незаменимым для Карпова человеком. Зарплату он получал только за шоферство, а все остальные обязанности выполнял добровольно, без вознаграждения, как сыновний долг, с непременным рвением и старательностью. Старик это знал.

На аэродроме Карпов забрал у Жени чемодан.

— Ну, будь здоров! — сказал Антон Григорьевич, подняв руку.— Домой всяких не води!..

Женя знал, что имел в виду начальник. Он застеснялся, покраснел и кивнул головой. Но не рассердился. Нельзя на Старика сердиться. Он говорит все открыто, прямо в лицо. Иногда это даже

грубовато получается, но всегда честно. Такая уж у него натура... Дерзкая, беспокойная душа...

Карпов и в самолете не мог бездействовать. Другие, откинув спинку кресла, засыпали. Антон Григорьевич не позволял себе этого. Он не имел права! Карпов и в обычные-то дни работал по десять — пятнадцать часов в сутки (до пятидесяти пяти лет ни разу не был в отпуске!). А сейчас, когда его волновала судьба Нурека, было совсем не до сна! Карпов знал, кто его противники! Все они люди с положением, знающие ученые, большие специалисты... Для того чтобы убедить их, нужны неопровержимые доказательства, веские основания, точные расчеты и еще уверенность, решительность и железные нервы! Ведь только из уважения к его сединам никто своего мнения менять не станет. Наоборот, как сын Володька, прямо скажут, что ты старый инженер, и на современные дела ума у тебя не хватает!..

Антон Григорьевич попросил у стюардессы бокал минеральной воды и, надев очки, открыл толстый блокнот. Большая часть его была заполнена расчетами, проектами, предложениями, номерами телефонов Госплана СССР, Госэкономсовета, министерств и проектных институтов Москвы, Ленинграда и Ташкента.

Он снова всматривался в наброски чертежей, в цифры, мысленно взвешивал их, сравнивал с тысячами других, умещавшихся в памяти, ум его работал, как мощная вычислительная машина. Доводы вроде бы были веские, но сомнение все равно не оставляло Карпова: а вдруг не все смогут правильно понять его расчеты или просто не захотят понять!..

Карпов устало потер лоб, перевернул еще страничку, и глаза его вдруг ожили — красным карандашом крупно было записано четыре строки:

Свечой стань, свечой, чтоб, сгорая,
Чей-то час торжества освятить.
Стань облаком, чтобы, себя проливая,
И цветок, и былинку сухую полить!..

Антон Григорьевич когда-то выписал это четверостишие из маленькой книжечки Абдурахмана Джами, переведенной на русский язык.

Из Внукова Карпов поехал прямо в Госэкономсовет и в коридоре столкнулся со знакомым сотрудником — экспертом по Нуреку.

— Читали наши последние бумаги? — спросил Антон Григорьевич, преграждая знакомому путь.

— Читали...— спрятав глаза, сказал эксперт. Он нервно снял некрасивые очки и стал протирать их, потом добавил почему-то шепотом: — Я пока ничего обещать не могу... Через полчаса обсуждение. Вы вовремя прибыли...

Полчаса Карпов прохаживался по длинному холлу, что-то обдумывая, потом остановился перед широким окном — за окном шел снег. А в Нуреке уже давно цвел миндаль...

Здесь собрались крупнейшие энергетики. Они решали судьбу Нурека.

— ...Я хорошо ознакомлен со всеми расчетами. Бесспорно, энергия Нурека будет самой дешевой в мире,— спокойно заявил с трибуны знакомый эксперт.— Но нужно учесть и другую сторону вопроса. Недавно в Узбекистане начато строительство новой ГРЭС. Очень большой мощности. В то же время в Киргизии будет построена Токтогульская ГЭС... Принимали ли это во внимание наши таджикские товарищи, ставя вопрос о создании еще одной мощной ГЭС? Куда мы будем девать столько энергии? Для самого Таджикистана два миллиона семьсот тысяч киловатт не нужны, это ясно. Не сможет он истратить столько энергии!..

Представитель Госплана согласно кивал головой. Сердце Антона Григорьевича дрогнуло... Он прижал руку к груди и тихонечко достал из кармана валидол.

Энергетики один за другим высказывали свои соображения. Большинство будто бы были согласны с Карповым: Нурек — идея интересная, энергия дешевая, ГЭС в горах — поэзия! Но после этого начиналось «но...». Но здесь не собрание поэтов. Это совещание производственников, финансистов, плановиков, которые каждую копейку рассматривают и с близкого и с дальнего расстояния. И результат: от Нурека нужно отказаться. Энергию Нурека некуда использовать!

— Как это некуда? — не выдержал наконец Карпов.— Мы проведем высоковольтные линии по горам и введем Нурек в энергетическое кольцо Средней Азии и Казахстана!..

Это предложение тоже стало причиной спора.

— Как? Где вы проведете? Через высокие Анзобский и Шахристанский перевалы? Или через труднопроходимые горы Байсуна?

Карпова не смущали эти вопросы. Он уверенно доказывал, что из Нурека можно провести линии и на север — к Ташкенту, и на запад — к Самарканду. Он не скрывал и трудностей обоих вариантов.

— Может быть, не все знают,— сказал Карпов,— что Анзобский перевал полгода закрыт для автомашин. Но здесь мы можем использовать вертолеты...

Старый инженер приводил много примеров из своей практики и практики известных советских энергетиков. Он рассказал, что когда проводили высоковольтную линию на Сочи, столкнулись с трудностями горных условий и тем не менее с успехом преодолели их, хотя там снега и непогоды гораздо больше, чем в Таджикистане...

Сейчас Карпов не был похож на солидного начальника,— встрепанный, раскрасневшийся, он стоял на возвышении, засунув руки в карманы. Медленно, вдумываясь в каждое слово, сказал:

— Одно время считали, что горы Памира молодые, поэтому месторождения полезных ископаемых залегают в глубоких пластах. Но сейчас геологи ежегодно поражают нас все новыми от-

крытиями. В окрестностях Нурека найдено столько полезного сырья для промышленности, что мы можем превратить Таджикистан в республику химии и цветной металлургии. Нурекская ГЭС в состоянии породить огромный промышленно-производственный комплекс! А что будет завтра? — Антон Григорьевич оглядел всех присутствующих и с новой энергией продолжал: — Сейчас трудно себе представить, но не исключено, что горнодобывающая промышленность станет в будущем основной отраслью в Таджикистане. А для этой промышленности не то что Нурекской ГЭС, а нескольких Нуреков не хватит. Я верю, что мы построим на Вахше еще более мощные ГЭС. Запасы гидроэнергии Вахша больше волжских. И мы должны будем их еще наращивать. Согласно моим расчетам и предположениям, повернув большинство рек Памира в Вахш, можно еще больше увеличить его мощь!

— Эй, дружище! — качали многие головами. — Все, что ты сейчас говоришь, нужно сто раз изучить, проверить и рассчитать! Ты думаешь, что люди сразу так и поверят твоей поэзии? Нет, ты еще подождешь!..

Судьбу Нурека снова не решили. Постановили послать новую представительную комиссию. В который раз? В сотый или сто первый? Это последняя комиссия, или им конца не будет?!

Думая об этом, Карпов расстраивался. Такие однообразные бесконечные споры отнимают время у специалистов и оставляют в сомнении строителей. Но что делать? В споре рождается истина!..

III

Карпов вышел с совещания расстроенный и усталый. Теперь можно отправиться домой. Взяв в гардеробе чемодан и пальто, он пошел понурившись.

На улице Горького у Карпова была квартира. Если захотеть, то и дачу можно получить в Подмосковье. Послушаться жену, Галину, и можно прекрасно жить. Гулять с женой по лесу, грибы собирать, солить, мариновать. Галина Ивановна мастерица на все руки: варенья наварит, а какие она пирожные делает — сами во рту тают! «Антоша,— говорит она,— не утруждал бы ты себя на старости лет! Ты много сделал для Родины! Для одного гражданина более чем достаточно. Пусть дальше молодые продолжают. Теперь Володина и Катина очередь...»

Но спокойная жизнь не для Карпова. Он даже вспомнить не мог, когда последний раз гулял с сыном и дочкой. Когда беседовал с ними, не торопясь. Хорошо, что есть у них хорошая мать. По сути дела, она одна вырастила детей. За это Старик был очень благодарен Галине Ивановне. Конечно, и он заботился о детях. Но забота его выражалась в телеграфных сообщениях, в звонках по телефону и «материально». А ведь дети кроме материальной помощи нуждаются в любви и ласке отца, в его внимании. Карпов знал, отцовский долг он не смог выполнить как следует. В Москву чаще всего приезжал вот так — срочно, большую часть для про-

падал в бегах по учреждениям и только к вечеру неожиданно, голодный и усталый, заявлялся домой. И дома его встречали не как отца, а как дорогого, но приезжего гостя.

...Катя открыла дверь и, увидев отца, бросилась ему на шею.

— Папа! Папочка! — говорила она, целуя его.— Как хорошо, что ты пришел! Я соскучилась по тебе. Мы теперь с мамой одни остались. Володя тоже нас бросил...

Антон Григорьевич обнял дочь, гладя мягкие золотистые волосы. Подошла Галина Ивановна, вытирая о передник мокрые руки. «Бедная девочка! — думала она.— Так и выросла без отца!»

— Галина! Родная! — Антон Григорьевич порывисто обнял и жену.

Она, обрадованная лаской, прижалась к его груди и всхлипнула.

— Катя, возьми чемодан! — попросил Карпов. Не отпуская жену, Антон Григорьевич усадил ее на диван, вытер ей слезы.

Галина Ивановна больше не плакала, только шмыгала носом, прижавшись к плечу мужа.

— Ну, успокойся! Не плачь! Ты у меня самая лучшая! — ласково гладил ее по голове Карпов и вдруг сказал: — А сын огорчил меня... Не послушался...

Галина Ивановна тут же выпрямилась, высвободила голову из-под руки мужа.

— Не послушался...— передразнила она.— Ты-то больно у нас послушный! А он весь в тебя. Никого не слушает. И меня в том числе. Ты ведь тоже такой был и такой до сих пор остался! Никогда не слушался меня...

— Успокойся, Галя,— утешал Карпов.— Ничего страшного, ты все же не одна, как я. У тебя Катя есть...

— Слава богу, что дочка есть! — снова рассердилась Галина Ивановна.— Если бы и ее не было, я бы не знала, что со мной было бы, ждать вас — не дождешься! Ты давно махнул рукой на меня! Ты ведь никогда, никогда только из-за меня не приезжал в Москву!.. Но я надеюсь, что один раз и ради меня приедешь. Только один раз, хоронить!..

— Галя, Галина! Родная! Хоть ты не расстраивай мое сердце!..

Антон Григорьевич, взяв в руки ее маленькую седую голову, внимательно посмотрел в когда-то голубые и сияющие, теперь поблекшие глаза. Потом тяжело вздохнул, привалился к спинке дивана. Левая рука его по привычке лежала на груди, он бессильно закрыл глаза: «Жена сказала правду. Правду!..»

— Папочка, чаю выпьешь? — в дверях появилась Катя. Но отец молчал.

Галина Ивановна приложила палец к губам, делая знак — не мешай. Девушка тихонько шепнула:

— Я в театр,— и вышла на цыпочках.

— Антоша, прости меня.— Галина Ивановна провела рукой по широкому лбу мужа.— Я напрасно разгорячилась и наговорила тут. Ты устал, давай я постелю тебе. Отдохни...

Карпов приоткрыл глаза.

— Тебе трудно, Галя! Знаю...

Она кивнула и руками прижала его ладонь к лицу.

Они посидели молча.

Галина Ивановна думала о том, что надо любым путем стараться перетащить Карпова в Москву. А то он помрет еще где-нибудь. Оба они состарились, лучше быть вместе.

Галина Ивановна очень хотела, чтобы дочка пошла по ее стопам и стала медицинским работником (так называла она себя — медсестру). Но Катя не пожелала быть медиком. Она стала актрисой одного из столичных театров. У нее тоже никогда не было времени спокойно посидеть с матерью. Всегда спешила, куда-то бежала и поздно приходила. Утром по десять раз выскакивает из квартиры и снова возвращается — всегда что-то забывает. Галина Ивановна уже устала собирать ее разбросанные вещи, складывать перед зеркалом в прихожей, чтобы Катя могла сразу видеть и захватить их с собой.

Как-то рассердившись, Галина Ивановна сказала Кате:

— Тебе нужен муж. Пусть бы он всю ночь составлял список необходимых тебе для следующего дня вещей, а утром собирал их и стоял наготове у двери!..

— Какая ты умница, мама! — весело отозвалась Катя.— Вот бы дал бог такого мужа! Если у кого есть такой муж, обязательно отобью...

— Это ты брось! — рассердилась мать.— Отбивать чужого мужа грех!

— Не волнуйся, мама! — говорила Катя, целуя ее.— Хорошие вещи, хорошие мужья всем нужны. Сумею — отобью, нет — так нет!..

Выпалив все это, Катя быстро ушла, но мать не могла успокоиться. Она и вообще-то всегда опасалась за Катю. Дочка очень уж беспокойная. То песни поет, то рисует, то в театр бежит, а если есть немного времени, машину заведет и умчится. Плохо сделал Володя, что научил ее машину водить. Сам уехал, а машину оставил. Теперь Катю не удержишь! Днем она на репетиции, вечером на спектакле. Возвращается за полночь. И еще часов до двух провозится у себя в комнате, а утром жалуется, что не выспалась. Вот так каждый день! «Хоть бы замуж вышла!» — думала Галина Ивановна. Особенно волновалась мать за Катю, когда та ехала на гастроли. Ведь и в чужом городе она вела себя так же — все бегала и бегала. Нисколько о себе не заботится! Одни кости уж остались да кожа. Как-то в Ялте упала без сознания, чужие ребята подобрали ее, хорошо, что при ней ключ был от гостиницы, принесли!

«Не девка, а чертенок в юбке!» — с болью вздыхала мать.

Карпова в этот момент мучили совсем другие мысли. Больше суток в Москве он задерживаться не мог. Нужно возвращаться — готовиться к приему комиссии. Управление срочно следует перебазировать в Нурек! Для этого необходимо подготовить какие-то

помещения. Комиссию тоже лучше принять уже в Нуреке! А туда ежедневно новые строители приезжают. Куда-то надо их вселять, устраивать их быт. А проектировщики тянут... Значит, надо будет еще и в Ташкент залететь на обратном пути...

— О чем задумался, Антоша? — спросила Галина Ивановна, заглядывая в глаза мужа.

— Так просто...— насильно улыбнулся Карпов.

— Выпьешь чаю или спать ляжешь? А то, может, чего-нибудь легонького приготовить?

— Нет, ничего не надо готовить,— все еще задумчиво ответил Карпов.— Стакан чаю с лимоном.

Утром Антон Григорьевич проснулся по душанбинскому времени. Там он всегда вставал в полвосьмого. В Москве было половина пятого!

Галина Ивановна спала на кровати рядом.

— Бедная Галя...— прошептал Карпов, с любовью всматриваясь в лицо жены.— Полжизни как вдова живет. Но что делать?

Карповы всегда любили друг друга, да и сейчас любят, конечно. Всегда они скучали друг по другу, но жить вместе не могли. Галина обожала город, Москву, а Карпов вечно скитался по пустыням, по рекам. Дети подрастали, их надо было учить. Тогда уже сам Карпов вынужден был оставить Галину с детьми в Москве. Сначала она сердилась, ревновала, но потом смирилась. Постепенно все привыкли. Только однажды упрекнула Галина Ивановна мужа: «Мы с тобой всю жизнь врозь!»

«Всю жизнь врозь, Галина...— грустно согласился Антон Григорьевич.— И в этом никто не виноват».

Решить семейный вопрос Карпову было, пожалуй, сложнее, чем утрясти все с Нуреком. Талантливый инженер и умелый организатор, он терялся в своих домашних делах.

Спать больше Карпов не мог. Он потихоньку встал и пошел в ванну облиться холодной водой. Потом крепко растерся полотенцем, накинул халат и прошел на кухню. Светом с улицы кухня освещалась слабо. Антон Григорьевич посмотрел в окно и удивился тишине этой вечно оживленной и суетливой улицы. Тишина была такая, что он услышал, как заскрипела под тяжестью снега ветка дерева и как посыпался с нее снег. Он шел беспрерывно уже сутки. Антон Григорьевич с беспокойством подумал, полетят ли завтра самолеты в Ташкент. Обычно в такую погоду люди по нескольку дней сидят в аэропортах. А времени нет, надо торопиться. Но что скажет Галя?

IV

Карпов не зря беспокоился. На аэровокзале уже после регистрации объявили, что рейс задерживается на три часа!

Антон Григорьевич нервничал с утра. Галина все время проводов молчала. Ни слова. Даже доброго пути не пожелала, как обычно. Когда Карпов хотел ее поцеловать, отвернулась. «Потеряла

надежду жить по-человечески»,— подумал Карпов и с опущенной головой вышел из двери. Ему хотелось скорее улететь в Ташкент, оттуда в Душанбе, окунуться в работу с головой и в хлопотах о стройке прийти в себя.

А тут еще и самолет задерживается. И Катя не появляется! Она ведь обещала приехать на аэровокзал. Собиралась специально для этого отпроситься с репетиции.

«Катя — все же мамина дочка,— расхаживая по длинному залу, рассуждал Карпов.— Она тоже не хочет никуда уезжать из Москвы. Молодежь из Москвы не выгонишь! Нет, это неверно,— остановил себя Карпов.— Я тоже, как некоторые мои ровесники, из ума выжил, что ли, как рассержусь, на молодежь нападаю? Неверно все это! Молодежь такая же, как мы. И старики не все разумны (а ведь им нужно быть разумными!), и молодые есть и поумней, и поглупей. Ведь они же наши дети. Вон Владимир Карпов по собственному желанию уехал после института на стройку в Сибирь! Не захотел под крылышком у отца быть. Хочет стать независимым, хочет своей головой до всего дойти. И правильно делает. Кому нужен безголовый инженер? И на Катю нечего жаловаться! — решил Антон Григорьевич.— Театр — ее призвание. Как рыба не может без воды, так Катя без театра».

Карпов поднял голову и увидел перед собой смеющуюся Катю с высоким симпатичным парнем под руку.

— Извини, папа, немного задержалась...— Катя подпрыгнула и чмокнула в щеку отца.

— Не огорчайтесь, это ее привычка — всегда опаздывать,— пошутил парень и, красиво поклонившись Карпову, представился: — Анатолий Казаков, актер.

— Папа, сообщить тебе хорошую новость? Мы с Толиком будем играть главные роли в новом фильме! — Глаза у Кати счастливо сияли.

— «Тайны сердца» называется...— добавил Анатолий.

«Толик...», «Тайны сердца» — эти слова почему-то резали слух Карпову. Он холодно поздоровался с Анатолием, нахмурил брови.

— Папа, ты уже сдал чемодан? — спросила Катя. Она была веселой, смахнула с пальто отца пылинки.

Антон Григорьевич проворчал, что рейс задерживается.

— Очень хорошо! — красиво взмахнув рукой, обрадовался Анатолий.— Сейчас пойдем в ресторан, вы нам расскажете про Нурек.

«Он спрашивает о Нуреке? — обрадовался Карпов.— Видимо, парень с головой!.. Или Катя рассказала ему про мою слабость?»

Анатолий действительно, может быть нечаянно, но нашел ключ к сердцу Старика. В те дни каждого, кто проявлял интерес к Нуреку, Карпов считал своим союзником. Как хорошо, что артист одного из лучших столичных театров интересуется Нуреком! Разве может Карпов не рассказать ему о Нуреке?! Тем более есть свободное время.

В ресторане Карпов совсем оживился, расцвел. Особенно после

того как Казаков сказал о желании приехать на гастроли в Нурек, когда там, конечно, будет построено подходящее помещение. Карпов живо рассказывал о грандиозной стройке, о плотине. Увлекшись, взял нож и на глянцевой поверхности пирожного, заказанного Катей, быстро прорезал каньон Вахша, поискал глазами, из чего бы сделать плотину, и воткнул в крем трехугольный кусочек свеклы.

Артиста он уже называл запросто Толиком, заметив, что Катя этому очень рада, и подумав про себя, что она не зря, видно, привела его.

После обеда Толик вытащил кошелек, но Старик не позволил ему рассчитываться.

— Воля ваша, но ведь я приглашал вас...— смутился Анатолий.

— В другой раз, Толик, в другой раз,— сказал Карпов.

Катя и Толик тепло проводили его, и Старик в самолете постоянно мысленно возвращался к ним. Он твердо верил, что в будущем городе Нуреке построят хороший Дворец культуры, на сцене которого смогут выступать столичные артисты.

Без сомнения, Катя показала ему жениха! «Интересно, согласился ли он каждое утро стоять у порога с Катиными вещами?» — вспомнив слова Галины, улыбнулся Карпов.

Взрослая дочь... Пора и жениха иметь, утешал себя Старик. И матери лучше будет, если Катя выйдет замуж. Появятся внуки, будет у Галины занятие. Она любит с детьми возиться. В этом она по-своему талантлива!

Так, мечтая о внуках, Карпов не заметил, как задремал в мягком кресле самолета.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

Светлая полоса только появилась из-за гор, а долина сразу же стала голубой, а затем в один миг голубизна точно растаяла и все ярко заиграло красками — розовыми, зелеными, желтыми.

Долина ожила. Заревели ослы, заржали лошади, слабо заблеяли бараны. Запахло кизячным дымком. Люди маленьких, близко расположенных друг к другу кишлаков Каратош, Кибил, Лангар, Сарибаланд, Нурек, Дисабур, Дахана, Чашма вставали рано. Нужно было выгонять коз и баранов в окрестные горы. Коров с мычащими телятами выгоняли во вторую очередь — после дойки и кормления.

Многие, многие годы день в этих местах начинался именно так. Весной жители долины сеяли немного богарной пшеницы, в последние годы развивалось табаководство. Выгодная отрасль — большие доходы дает. И все же уезжали отсюда, перебирались в богатые хлопковые долины или в города. И только те, кто остался

здесь навечно, живут, как жили предки, удовлетворяясь тем, что есть, всему предпочитая спокойствие.

Анвар, как и советовала Холида, обошел каждый дом в окрестных кишлаках, даже ходил в ущелье Пехо. Задерживался там подолгу, беседовал, знакомился, в особый список записывал комсомольцев и молодежь. Он узнал, что старики боятся строительства. Боятся, что на старости лет выселят их из дома. Молодежь хоть и радовалась переменам, но специальностей не имела, поэтому тоже была в смятении. Люди привыкли тут жить размеренной, неторопливой жизнью и неохотно шли на какие-либо перемены.

Анвара, беспокойного от природы, угнетала здешняя тишина. Ему хотелось скорее строить, взрывать, копать. Но, увы! Еще не настало время для этих дел. Валера утешал товарища: «Подожди немного! Как только Карпов приедет, начнется настоящая жизнь, начнутся большие дела!»

Известие о срочном вызове Карпова в Москву каждый толковал по своему понятию и разумению. Некоторые говорили, что его снова отзывают на Туркменский канал, надо начинать вторую очередь строительства, а пустыню Старик знает лучше всех. Другие думали, что его узбеки на свою ГРЭС переманивают...

«Чем наш Нурек хуже? Разве может Карпов уйти от нас?» — простодушно спросил паренек в чайхане. «Ты, парень, молод еще! — пояснил ему товарищ, сам не старше.— Тут твоего ума не хватит. Есть такие, что хотят законсервировать строительство, то есть положат в большую консервную банку и закроют! Понял?»

Валера и Анвар слухам, конечно, не верили. Они знали, Карпов от Нурека не откажется. Даже тот, с кем он хоть раз поговорит, навсегда становится верным Нуреку...

Но пока в Нуреке царила неразбериха. Каждый день приезжали новые люди. Большинство, не найдя подходящей работы, расстраивались и собирались в обратный путь.

Анвар, видя все это, переживал, он не хотел, чтобы молодые рабочие и специалисты, приехавшие по своей воле, уезжали обратно, но не находил средства удержать их.

На «Казанском вокзале» у входа в чайхану Анвар поставил стол, а над столом повесил вывеску: «Комсомольский штаб Нурека». И теперь в этот штаб обращались не только комсомольцы, но все — молодые и старые и по всем вопросам. Комсомольскому штабу приходилось отвечать и на такой простейший вопрос: «Где попить воды?», и на самые сложные— о жилье и работе по специальности. Комсомольцы здесь же сдавали свои учетные карточки. Поскольку у штаба не было сейфа и даже места, куда его поставить, то Анвар носил все документы с собой. И все время боялся потерять их.

Анвар и Валера жили все в той же палатке, их палатка служила одновременно и бесплатной гостиницей. Почетные гости — корреспонденты газет и радио, представители ЦК комсомола, все, кому требовалось по делам заночевать в Нуреке,— приходили в

палатку. Поэтому в ней было тесно и днем и ночью. Тут вечно спорили. Поводом для спора могло служить что угодно. Например, кому нести мутную воду из Вахша, чтоб до вечера она могла отстояться, очередность всегда путали, спорили о том, полезно или вредно спать на земле: когда бывало много народу, то раскладушки приходилось выносить. А если речь заходила о вкусах или о любви, то спор не утихал до утра.

Эта ночь для Анвара оказалась бессонной — Валера уехал в Душанбе, командировочных не было, и Анвар первый раз остался в палатке один. Ему казалось, что не только в палатке, не только в Нуреке, а во всем мире он остался один!

Растянувшись на раскладушке и прикрыв глаза, он вспоминал родителей. Анвар уже два месяца не посылал им денег. Последний раз перевел шестьдесят рублей, когда получил при расчете сто десять на руки. Из тех семидесяти, что он зарабатывает здесь, не может выкроить ни рубля. Едва хватает на еду. Хорошо еще, когда работал на ремонтной базе, приобрел дешевый черный костюм. С теперешней зарплаты и этого не купишь. Приходится хранить костюм для выездов в Душанбе. Все-таки люди на одежду смотрят: «Как выглядит представитель Нурека?»

«А что делает Зульфия? — думал Анвар.— Вспоминает ли меня?» Анвар понимал, почему он чувствует себя одиноким в целом мире! Без Зульфии, без ее любви он слаб и одинок. Холида говорила, если пригласить Зульфию в Нурек, то, может, она и приедет... Но ведь не ответила Зульфия на сто семьдесят одно письмо, разве приедет она по его зову в Нурек?

Она преподает в межрайонном техникуме. Допустим, приедет в Нурек, что будет делать? Согласится ли на любую работу? Выдержит ли? Ведь в Нуреке пока очень трудно, а она такая неженка.

Из Нурека Анвар Зульфии не писал. Почему, и сам не знал. Конечно, целый день он занят сотнями дел, а ночью не до писем. Хотя нет, это не причина. На ремонтной базе работы было не меньше и уставал он еще больше. А ведь писал!

Просто нечего писать. Не рассказывать же о необходимости организации складов? А он еще ничего такого не сделал, чтобы сообщить об этом с гордостью Зульфии! Зачем ей описание пейзажей Нурека? Или она не знает, как выглядят горы? Сказать с гордостью: «Я в Нуреке, завидуйте мне!» К чему бахвальство? Разве не спросит она: «А что ты сделал в Нуреке? Помог ли строительству?..»

И в эту ночь письма Зульфии Анвар так и не написал.

II

Утром Анвар проснулся с тяжелой головой. Он спал не больше двух часов и увидел во сне отца. «Ты тоже, как я, переживаешь»,— сказал отец. Голос его все еще звучал в ушах. Анвар ясно

видел морщинистое печальное лицо. Старик садовыми ножницами подрезал лозы виноградника.

«Разве не мог это сделать зять?» — спросил Анвар.

— «Зять твой — бригадир в колхозе, с утра до вечера в поле. До этого у него руки не доходят. Я сам потихоньку сделаю».

Анвар беспокоился, что вдруг у отца голова закружится (слабление у него!) или поскользнется — и упадет. Старик, догадавшись, успокоил: «Не волнуйся, сын, отец твой не первый раз этим делом занимается...» Потом он спросил Анвара о жизни. Анвар неопределенно пожал плечами. Отец внимательно посмотрел на сына и сказал: «Ты тоже, как я, переживаешь!»

Анвар давно проснулся, но все еще не вставал, думал, почему ему такой сон приснился. Говорят, утренний сон — правда.

И действительно, сон был очень реальным. Зять и сестра заняты на работе в колхозе, старики одни. Анвар тоже далеко. Отец всегда беспокоился об Анваре: где он, как он, здоров ли, устроен ли... Но сейчас? Откуда ему знать, что Анвар переживает? Ведь Анвар об этом ничего не писал. Может, он догадывается? Еще в тридцатые годы отец работал с Карповым на знаменитом Вахшстрое. Потом был директором одной из первых МТС, а после работал председателем колхоза и председателем сельсовета. Четыре года воевал на фронтах Отечественной. Был участником встречи с американцами на Эльбе! Сколько раз ранен был, вернулся живой, снова работал на разных должностях и вот уже лет шесть как на пенсии... А теперь говорит Анвару, что «ты тоже, как я, переживаешь»... Почему же переживает отец? Потому, что нет с ним Анвара? Или боится, что Анвар слабее его духом, не справится с трудностями?

Анвар встал, оделся, с ведром в руке вышел из палатки. Как всегда, спустился к реке, немножко пробежался, сделал несколько упражнений, умылся и, прихватив ведро воды, вернулся. Потом, вскипятив на примусе чай, позавтракал и побежал в штаб.

Сегодня Анвар ждал возвращения Валеры из Душанбе. Почему он так задерживается? Не может оторваться от Лидочки? Анвар улыбнулся, вспомнив секретаршу Антона Григорьевича. Он и предполагать не мог, что Валера приедет с Карповым. Поэтому, когда увидел, что из газика вылез Валера, а за ним Карпов, то от радости чуть не закричал «ура!».

Старик выглядел усталым и озабоченным. Он молча протянул Анвару руку.

— Антон Григорьевич! — решительно сказал Анвар.— В ваше отсутствие тут слухи всякие пошли. Вы нам честно скажите, будем строить Нурек или нет?

Карпов внимательно посмотрел на Анвара.

— Я вот тоже очень хочу знать твое мнение об этом. Нужно строить Нурек или нет?

Анвар, не ожидавший такого вопроса, на миг растерялся, но потом быстро выпалил:

— Нурек обязательно нужно строить!

— Вот видишь, мы думаем одинаково,— улыбнулся Антон Григорьевич.— Это хорошо, дорогой. С тобой мне будет легко работать.

— И мне тоже! — подхватил шутку Анвар.

— Это мы еще посмотрим! — подмигнув, Карпов погрозил пальцем.

Появился Семен Алексеев, быстро подошел к Карпову. Пока они разговаривали, Валера отвел Анвара в сторону.

— Ночью без меня не боялся? Кабаны не напали?..

— Ты лучше о себе говори! — ткнул его в бок Анвар.— В парфюмерном магазине спал? Весь пропах духами!

— А что в этом плохого? Или ты мне завидуешь? — засмеялся Валера, облизнув языком губы.

— Нет, только твоя новая привычка губы облизывать меня смущает. Это нехорошо. Лиде не понравится!

— А если она сама в этом виновата? — хитро прищурился Валера.— Если не будешь ревновать, то могу сказать правду. Лида о тебе много спрашивала. Говорит, что ты ей больше меня нравишься. Привет тебе передавала...

— Спасибо!..— Анвар обнял друга.

Настроение у Валеры было игривое, ему хотелось пошутить с Анваром, но Антон Григорьевич велел всем садиться в машину.

Газик, подпрыгивая на ухабах, проехал из кишлака Нурека до Сарибаланда и, повернув налево, через несколько минут остановился на краю кишлака Лангара.

Карпов вылез из машины и оглядел ущелье Каменного Моста. С этой высоты хорошо видно было место будущей плотины и ГЭС.

— Смотрите, какой красивый вид здесь!

И тут же подумал: сейчас в мире это единственное место, где ему спокойно. Потом Антон Григорьевич повернулся к Семену и велел в первую очередь заняться дорогами в ущелье. Предупредил, чтоб на кулябскую дорогу не надеялись, а строили новую — широкую, бетонку. Иначе нельзя будет подвезти тяжелую технику.

— В проекте этих дорог много неясностей,— пожаловался Алексеев.— В них нужно вносить изменения!

Антон Григорьевич посмотрел в спокойные голубые глаза Алексеева и устало сказал:

— Скандал у нас с проектировщиками будет большой... Я был в институте. Проектировщики полностью не закончили ни один проект основных сооружений. Руководители института рассчитывали, что все работы по строительству Нурека прикроют, они не верят в Нурек. Дирекция Нурека тоже вовремя деньги не перечислила...

— Значит, товарищ Акрамов прав,— развел руками Алексеев.— Раз они тянут с нашими заказами, зачем же деньги своевременно перечислять?

— Нет, Акрамов не прав! — не согласился Карпов.— Дал проектировщикам повод для отговорок...

По знаку Карпова все снова сели в машину и проехали еще выше. Антон Григорьевич выбирал места для строительства ремонтной базы, дизельной электростанции, общежитий и временного здания управления. Прораба Салахяна он попросил как можно быстрее поставить два деревянных дома для управления.

Анвар, слушая все это, радовался: Карпов будет с ними и они всерьез приступят к строительству. Когда Карпов заговорил о создании ремонтно-тракторной базы, Анвар тут же напомнил, что это его специальность и, если начальник сочтет нужным, он может поручить это ему!..

Антон Григорьевич нахмурился.

— Я от комсомола жду большего! — заявил он.— В частности, сейчас комсомол должен взять шефство над строительством дизельной станции.

Карпов объяснил, что с Головной ГЭС будут тянуть электролинию. Это дело непростое. Дороги нет, вести линию нужно через горы. А энергия для Нурека необходима как можно скорее. Скальные экскаваторы, башенные краны не могут работать без электроэнергии!

— По моему мнению,— поделился своими соображениями Карпов,— сегодняшним лозунгом комсомола Нурека должно быть: «Энергию строительству!» Так что действуйте!

III

«Энергию строительству!»

Все мысли Анвара были заняты теперь только этим. Вчера Карпов сообщил еще одну хорошую новость: метростроевцы Москвы взялись прокладывать первый строительный туннель, и, как только будут созданы условия для их работы, они приедут в Нурек и начнут бурить! На левом берегу сквозь гору Нор проложат новое русло для Вахша длиной в тысячу шестьсот метров! Таких туннелей потом потребуется несколько, но сейчас необходимо проложить самый трудный, первый. Пока он не будет готов, реку перекрыть нельзя. А это значит, что нет возможности начинать строительство уникальной трехсотметровой плотины и здания ГЭС. Для того чтобы все эти грандиозные планы осуществить, нужна энергия! Конечно, дизельная станция не сможет удовлетворить все потребности в энергии. Для этих целей будет направлена энергия Головной. Но сейчас и в ДЭС Нурек нуждается. Она приведет в движение первые электрические экскаваторы, первые башенные краны. Московские метростроевцы тоже начнут работать на этой энергии. Значит, все упирается в скорейшее строительство ДЭС!..

Анвар это хорошо понимал, но как было трудно обратить свои намерения в дело! Пока почти все на стройке еще делалось вручную. Канавы под фундаменты агрегатов копали лопатами и кирками, землю выносили носилками.

В первый день работы, увидев лопаты и носилки, ребята скис-

ли. У большинства были хорошие специальности — монтажники, бульдозеристы, экскаваторщики, электрики. Но сейчас им приходилось браться за «черную работу» землекопов. Анвар объяснил, что это временно. Пока нет техники и энергии. На всех великих стройках так начинали.

— Кроме того, молодежи полезно заняться физическим трудом — мускулы окрепнут, кровь быстрее будет течь!..— пошутил под конец Анвар и сам тоже взялся за лопату.

Рабочие удивились.

— Эй, комиссар, что с тобой? — участливо спросил средних лет рабочий.— Чем провинился, что тебя в «штрафники» послали?

— По-вашему, здесь только штрафники работают? — Анвар спокойно смотрел на рабочего, опершись на лопату.

— Ты от нас не скрывай, комиссар! — тем же сочувствующим тоном продолжал рабочий.— Если на тебя какая беда свалилась, говори прямо. Может, и мы поможем,— он глянул на товарищей,— мы все рабочие, будешь верить нам, мы тебя не подведем!..

Все с любопытством следили за Анваром. Большинство тоже так думали: раз начальство с лопатой, значит, провинилось. Иначе к чему оставлять тень чинары и идти на солнцепек?..

— Может, он нас вдохновлять пришел?! — громко предположил парень в новом комбинезоне.

— Ты, Микола, не глупи! — махнул на него рукой все тот же рабочий.— Может, человек в нашей помощи нуждается, он к нам как к людям относится, а ты, еще не узнав, в чем дело, насмехаешься!

— Ты, Олег Иванович, за ангела его не считай! — не сдавался Микола.— Я знавал таких. У нас в лагере были такие! Два дня с тобой подружит, влезет под шкуру, а на третий день продаст!..

Анвар вспыхнул, хотел резко ответить, но вовремя прикусил язык и только красноречиво взглянул на Миколу.

— Я твоего взгляда не боюсь! — обозлился Микола и даже скрипнул зубами.

— Перестань, Микола! — одернул парня Олег Иванович.— Не переходи границ!

В это время подвезли арматуру, и шофер, высунувшись из кабины, закричал:

— Эй, ребята, быстро разгружайте!

Микола, сообразив, что под этим предлогом можно избавиться от лопаты, воткнул ее в землю и повернулся к Олегу Ивановичу:

— Ну, пошли!

Олег Иванович оглянулся на Анвара. Тот, не обращая ни на что внимания, насыпал землю на носилки.

— Алик, а ты? —спросил Микола парня в тюбетейке. Алик был таджик, настоящее имя его было Ориф. Ориф должен был в паре с Олегом Ивановичем таскать носилки, потому на вопрос Миколы только пожал плечами.— Ну как знаешь! — усмехнулся Микола.— Таких, как ты, дураков и жалеть не надо.

Он спокойно отряхнул комбинезон и пошел к машине. Ориф с завистью смотрел ему вслед. Олег Иванович, кашлянув, указал на полные носилки. Ориф вынужден был взяться. Рукава его рубашки были закатаны по локоть, и на руках, как и у Миколы, Анвар заметил татуировку.

«Что это за люди?» — подумал Анвар, сгребая в кучу землю. Он должен был работать в паре с Миколой, теперь остался один.

Несколько рабочих, вызванных бригадиром, походили вокруг машины, потом вчетвером стали сгружать арматуру и относить под навес. Микола, подпрыгнув сбоку, влез на машину и оттуда, размахивая руками, давал указания. Сам он ни к чему не прикасался.

«Странно, зачем этот человек приехал в Нурек? — думал Анвар.— Про лагерь вспоминает. Откуда он знает Алика? Они в лагере вместе были или уже в Нуреке познакомились?»

Через час машина уехала, а Микола остался под навесом, делал вид, что считает арматуру. Потом, подойдя к Орифу, спросил, пойдет ли он пить.

— Давно пить хочу! — сказал Ориф, приободрившись.

Но Анвар и Олег Иванович и на этот раз не дали ему убежать. Анвар вмиг наполнил носилки заранее приготовленной землей. Олег Иванович заявил, что ради ведра воды двоим ходить нечего, пусть Микола один принесет!..

Ориф вынужден был снова поднять носилки. Микола присвистнул:

— Берегись, парень, они тебя ослом сделают!

Потом он надолго исчез и наконец появился с ведром воды. Ориф, увидев его, бросил носилки.

— Ох, и пить хочется! — сказал он Олегу Ивановичу и побежал к ведру.

Анвару тоже хотелось пить, но он продолжал нагружать носилки. Олег Иванович заметил это и пошел к Миколе и Орифу. Ориф, сидя на корточках, со свистом втягивал воду.

— Ну, хватит, а то лопнешь!— Микола толкнул в бок Орифа и сделал знак следовать за собой.

Ориф пододвинул ведро Олегу Ивановичу, поднялся и, вытерев ладонью подбородок, спросил:

— Теперь перерыв, наверно?

Олег Иванович пил. Ориф, не дожидаясь ответа, побежал за Миколой.

Микола, присев в тени старого глиняного забора, достал из одного кармана колоду карт, из другого пачку «Памира».

— Работа дураков любит,— заявил он.

Ориф взял у него сигарету, закурил и невольно посмотрел в сторону землекопов: Анвар пил из ведра, а Олег Иванович жестом показывал Орифу, что носилки полны.

— Ну, садись и сдавай,— приказал Микола, уже улегшийся на бок.

— Олег Иванович зовет! — нерешительно ответил Ориф.

— Садись, я сказал! — заскрипел зубами Микола и протянул Орифу колоду.

Ориф колебался, тогда Микола, вскочив, резко поддал ему коленом и тут же, развернувшись, ударил картами по лицу.

— Трус! Перед этим, что ли, выслуживаешься?

Ориф сел на землю, на Миколу не смотрел. Нахмурив свои черные брови, он молчал.

— Ну, говори, может, тебе комиссар пообещал что-нибудь?

Ориф снова не ответил.

— Ну, погоди, дрянь!

Ориф поднялся, чтобы идти, но Микола подставил ему подножку, и тот упал. Когда попытался встать, Микола кулаком двинул ему в подбородок. Зубы Орифа лязгнули, по губам потекла кровь.

— Отстань! — с усилием выдавил из себя Ориф.

— Торопишься посилки таскать?

— Да.

— Клятву забыл?— в голосе Миколы послышалась угроза.

— Какую клятву? — вздрогнул Ориф.

— По обычаю, каждый вор клянется, что всю жизнь не будет работать!

— Я такой клятвы не давал...

— Ведь ты же воровал? В лагере три года отсидел? — не отступал Микола.

Ориф молчал. Он не знал, что сказать.

— Вот так, браток! — Микола уже считал себя победителем.— Впредь знай, все люди нас ненавидят! Конечно, они стараются не показать этого. Но это так! А раз они нас ненавидят, то почему мы их должны любить? Мы их тоже должны ненавидеть!.. Ну?.. Так?..

— Пусти меня! — попросил Ориф.

Микола взял его за ворот.

— Ты не скули, как баба, а отвечай, как мужик! Я верно говорю или нет?

— Я не знаю...

— Чего?! — Микола тяжелыми кулаками уперся в грудь Орифа.— Говори: ты прав! А то сейчас задушу!

Орифу трудно было дышать, но он молчал. Видя это, Микола разозлился, пепельно-серые глаза его потемнели. Ориф испугался и изо всех сил закричал.

Олег Иванович и Анвар, издали поглядывая на возню парней, думали, что друзья силы пробуют, борются. Но когда услышали вопль Алика, побежали.

Микола понял, что дела плохи, и, отпустив Орифа, тихо сказал:

— Если продашь, в живых не оставлю!

Ориф, опершись на руку, привстал, а другой рукой вытер кровь с подбородка.

— В чем дело? — спросил Олег Иванович у Миколы, который полулежа собирал карты.

— У него спросите! — кивнул тот в сторону Орифа.

Ориф, будто ничего не случилось, молча встал и, отойдя на два шага, высморкался.

— Ну, перекур окончен? — обратился Анвар к Миколе.

Тот, будто увидел старого друга, с деланной радостью воскликнул:

— О комиссар!.. Конечно! Перекур затянулся...

Анвар с отвращением отвернулся от него и пошел к носилкам. Микола, усмехаясь, смотрел ему вслед, но вставать не собирался. Олег Иванович, наблюдавший за каждым его движением, угрюмо сказал:

— Ты встанешь или нет?

— А если не встану? — Микола нагло уставился на Олега Ивановича.

— Воля твоя! — Олег Иванович пожал плечами.

— Из бригады выгоните? — насмешливо закричал Микола.

Начался обеденный перерыв. Рабочие группами рассаживались там, где было хоть немного тени. Каждый приносил еду с собой, но сейчас все клали на общий стол — газеты служили дастарханами.

— Давай, братишка, и мы чего-нибудь пожуем! — предложил Олег Иванович, подойдя к Анвару.— Я не завтракал. С утра нет аппетита.

Анвар оглянулся на Орифа, тот сидел на куче сырой земли и выжидал: может, пригласят.

— Ну-ка, вставай! — сказал ему Олег Иванович.

— Я ничего с собой не принес...— засмущался Ориф.

— Привыкли в лагере жить на всем готовом? — пошутил Олег Иванович.— Теперь на свободе без воспитателя не знаете даже, как свой живот набить! Ничего, вставай, у меня в котомке кое-что есть...

Олег Иванович — человек бывалый. Проработав до этого не на одной стройке, в Нурек он приехал из Братска. По опыту знал, что на новом месте в первое время нелегко. Новое строительство — как новая семья, все надо начинать с нуля. Поэтому настоящие рабочие в такой период отвечают целиком и полностью сами за себя.

Жена Олега Ивановича тоже так считает. Она и сегодня положила ему в сумку жареную рыбу, хлеб, лук и большой термос чая, чтобы муж мог хорошенько пообедать. Вот это жена! Зоя Сергеевна уже девятнадцать лет ездит за мужем по стройкам. Как-то она сказала: «До конца буду с тобой!» Она привыкла к превратностям жизни больше, чем иной мужчина, и никогда ни на что не жалуется. И детей своих так воспитала. Дочка их Светлана сейчас в Братске заканчивает десятый класс, поэтому они вынуждены были оставить ее пока там. Друзей много, она не одинока. Скоро окончит школу и приедет...

Десятилетний сын Коля тоже хочет стать бульдозеристом, как отец. В Братске он часто после школы забегал к отцу, и тот катал его на бульдозере. Сейчас Коля каждый день спрашивает, когда папе дадут бульдозер. В Братске Олег Иванович, знатный бульдозерист, получил орден Трудового Красного Знамени...

Анвар тоже достал из своего старого студенческого портфеля хлеб, колбасу и бутылку кефира.

— Этого достаточно на четверых! — отметил Олег Иванович и велел Орифу разбудить Миколу, который в тени забора изображал спящего.

Ориф не пошевелился.

Олег Иванович вопросительно посмотрел на Анвара. Оба они уже догадывались, что между Миколой и Орифом что-то произошло.

— Самому пойти? — Олег Иванович наклонился к Анвару.

Анвар не знал, что ответить. Сказать «оставьте!», потом Микола заявит, что голодный, не станет работать, а то и вообще под этим предлогом уйдет. Еще будет ворчать, что на знаменитой стройке нет столовой для рабочих. Начальство только о себе заботится!

А если позвать Миколу, тот вдруг возьмет да и скажет: «Я брезгую с вами есть!» Голова-то ведь пустая, язык не контролирует.

Олег Иванович, видя, что Анвар не отвечает, за Миколой решил не идти, он отломил кусок хлеба и с удовольствием жевал.

Ориф сидел молча, ни к чему не притрагивался. В ушах его еще звенел голос Миколы: «...Все они ненавидят нас!.. А раз ненавидят, то почему мы должны их любить?..»

«Неужели Микола прав? — думал Ориф. — Но почему тогда так добр с нами Олег Иванович? Микола говорит, они стараются скрыть свое истинное отношение. Зачем? Не хотят нас обижать? Тогда почему мы должны быть недовольны ими?..»

— Бери, бери, Алик! — пододвинул Орифу еду Олег Иванович.— Не стесняйся. В рабочей семье нет твоего и моего, все общее.

— Спасибо...

Ориф понял, что Анвар наблюдает за ним, и немного смутился, но все же взял кусок хлеба, положил на него рыбы и осторожно откусил. Он был голоден. Вчера они с Миколой выпили бутылку водки, закусили двумя солеными помидорами. И с тех пор ничего во рту не было. Поэтому сейчас рыба показалась ему очень вкусной, он с наслаждением жевал и, глядя на Олега Ивановича, невольно улыбнулся.

— Родители-то у тебя есть? — спросил тот.

— Мать, санитарка в больнице в Курган-Тюбе...— Ориф перестал жевать. Что-то горькое появилось в его лице. Похоже, мелькнули слезы. Ориф опустил голову и прошептал: — Был бы отец...

Сбиваясь и останавливаясь, он рассказал о лагере, о том, как, видя в кино бунты хлопка, вспоминал отца и думал, что эти

бунты делал он. Отец работал на хлопковом заводе в Курган-Тюбе...

Ориф замолчал. На лбу и вокруг глаз появились морщины. Сейчас он был похож не на девятнадцатилетнего юношу, а на пожилого мужчину. Анвар догадался, что в душе у него много обиды и это как-то связано с родителями.

— А что с твоим отцом? — Олегу Ивановичу, видимо, тоже передалось волнение Орифа.

Ориф еще секунду помолчал, вздохнул и махнул рукой. В это время Микола поднялся и, отряхнув комбинезон, пошел в сторону, несколько раз оглянувшись.

— Позвать? — торопливо спросил Ориф. Он боялся Миколу. Боялся, что тот подумает, будто Ориф продал его комиссару...

— Пусть идет...— остановил его Олег Иванович. Ориф сидел теперь печальный. К еде не притрагивался и ни слова не говорил. Многие рабочие уже поели и приступали к работе.

— Пойдем и мы,— Олег Иванович повернулся к Анвару.

Анвар рассеянно кивнул, продолжая аккуратно собирать остатки еды и думая об Орифе и Миколе.

— Ладно, хватит, заворачивай,— сказал Олег Иванович,— какой-нибудь собаке отдам...

— Собаке? — очнулся от своих мыслей Анвар.

— А что?

— Да нет, ничего...

Анвар поднялся, отряхнул штаны и пошел к носилкам.

— Вставай и ты! — Олег Иванович потрепал Орифа по плечу.

Ориф нехотя встал и безучастно взял в руки лопату.

IV

Анвар вдруг поймал себя на том, что он думает об Орифе больше, чем о Зульфии. «Может, начал ее забывать?» — мелькнула мысль. И тут же от нелепости этой мысли Анвар улыбнулся. Увлечься настолько работой, обдумыванием отношений между Орифом и Миколой, что забыть Зульфию! Если бы так! Тогда успокоилось бы сердце. Наконец-то Анвар стал бы хорошо спать по ночам. Храпел бы до утра, как Валера. И не трещала бы потом голова от недосыпания...

Валера смеется над ним: «В мире нет, что ли, женщин, кроме твоей Зульфии? Вон Лида все время тебе приветы передает. Мог бы и проведать!» Похоже, любовь для Валеры — игра. Может, он любовь от хорошего настроения не отличает? Или нарочно так говорит, чтобы посмеяться?.. А то вдруг Валера становится мечтательным. Прикрыв голубые глаза и вздохнув, тихо повторяет: «Нет, я, кажется, женюсь на ней! Женюсь!»

Каждую субботу Валера уезжает в Душанбе. Потом возвращается и говорит Анвару: «От Лиды тебе привет. Она любит тебя! Не хочешь проведать?!» Вот тебе и дела! Как-то Анвар в шутку

спросил: «А если я возьму и поеду к ней, не станешь ревновать?» Валера расхохотался: «Ревность — безумство!. По-моему, человек должен быть свободен. И мужчина, и женщина. Если сумеешь отбить у меня Лиду, я поздравлю тебя!.. А сам только буду знать, что она не стоила моей любви!..»

Этот ответ не понравился Анвару. Помрачнев, он заметил:

— Видимо, ты сам ее недостаточно любишь! Иначе и не мыслил бы так легко с ней расстаться!

Валера опрокинулся на раскладушку, заложив руки за голову, с усмешкой сказал:

— Что сделаешь, если на всех базарах Средней Азии ныне не купишь паранджи с чачваном, чтобы на нее надеть!

— Дело не в парандже! — сердито ответил Анвар.— Если ты женщину действительно любишь, надо верить ей и незачем проверять!

— А умные говорят: «Доверять доверяй, но проверяй!..» Поехал я как-то в город. Вижу — мандарины продаются. Встал в очередь. Продавец объявляет, что будет отпускать только по три кило в руки, чтобы всем хватило. Передо мной стоит молодая симпатичная женщина. Она оборачивается и спрашивает, сколько я буду брать. Отвечаю ей, что мне и килограмма достаточно,— пусть побольше достанется семейным. Женщина удивилась: «У вас нет семьи?..»

— Ты с Лидой так познакомился? — перебил Анвар.

— Подожди, сейчас разговор не о ней. Эта красивая женщина просит меня, чтобы я уступил ей лишние два кило. Я, естественно, соглашаюсь. Мы наполняем ее сумку, и в это время я вижу, что у нее еще одна битком набитая покупками сумка. «Вам же тяжело!» — говорю. «Ну, а что делать?» — отвечает. «Как что! Давайте я помогу!» Словом, беру ее сумку — и мы вышагиваем рядом. «Какой вы хороший человек!..» — говорит она. Тротуар обледенелый, скользкий, и она то и дело хватается за мою руку. Мне это приятно, и каждый раз я так и жду, чтобы она поскользнулась. Один раз она чуть не упала, я поддержал ее, обнял и прижал к себе.

— И она тебе врезала пощечину! — рассмеялся Анвар.

— Ты сначала послушай!.. Мы быстро поняли, что нас влечет друг к другу...

— Всякая женщина рассчитывает найти себе мужа.

— Подумай сам, разве такая красивая женщина может быть без мужа? Муж есть! Весьма уважаемый и известный профессор. Но он в двухмесячной командировке. Жена, конечно, уверена, что он в чужом городе не живет святошей...

— И ты считаешь правильным такие отношения между супругами? — вскипел Анвар.

— По-моему, их обвинять нельзя,— сказал Валера.— Они до смерти надоели друг другу. Он ищет развлеченья в командировке. В этот момент она и встретилась с другим мужчиной, который ей приятен во всех отношениях...

— И она легко бросает мужа, детей и уходит к тому «приятному во всех отношениях»? — усмехается Анвар.

— Нет,— спокойно отвечал Салахян.— Не обязательно в таком положении разбивать семью. Во имя детей можно внешне сохранять семейные отношения. Только внешне...

— А разве это не бессовестно? — Анвар приподнялся, желая взглянуть в глаза Валерию, но в темноте не было видно его лица.

— Успокойся, друг мой! — задумчиво продолжал Валерий.— Мы говорим не о совести, а о «свободной любви».

— Снова об этом! Где ты такой белибердой пропитался?

— А тебе разве неизвестны случаи, о которых я говорю? Разве не бывает, что мужчина и женщина долгие годы живут совместно, а брак не регистрируют. Боятся, что регистрация ослабит их любовь... Они чувствуют себя свободными и еще больше привязываются друг к другу!

— Извини, дорогой! — не согласился Анвар.— В этом примере мужик боится не ослабления любви, а законных алиментов!

— Ну а женщина? — Валера вскочил, заскрипев раскладушкой.

— Женщина?..— Анвар не сразу нашел ответ.— Это не женщина, а легкомысленная самка. Сегодня ей этот мужик нужен, а завтра она найдет еще лучшего!.. Нет, приятель, в семейной жизни тоже порядок нужен. Ты, увлекшись «свободной любовью», не думаешь о воспитании детей, о судьбе потомков! Брак заключается не только для удовольствия, создатели новой семьи еще несут и большую ответственность перед потомством, перед обществом. И этот вопрос так легкомысленно решать нельзя!.. Так что эти твои примеры не годятся. В Нурек и семейные приезжают. Вот Олег Иванович, обыкновенный рабочий, а приехал с семьей и не жалуется!.. Впрочем, этот разговор с тобой не был бесполезным. Кажется, пора у нас организовать комсомольскую дискуссию на тему «Любовь и семья». Этот вопрос в нурекских условиях имеет особое значение. Ведь большинство строителей — молодежь. Они будут строить не только ГЭС и новый город, но и создавать сотни новых семей... И если кто-то попадет под влияние таких, как ты, то что же получится?

Валера громко расхохотался. Потом примирительно сказал:

— Ладно, не сердись... Проводи свои дискуссии.

— Я тебя больше не слышу! Я закрыл уши!

Микола пропадал два дня, а на третий явился и потребовал лопату.

— А носилки не возьмешь? — насмешливо спросил его Олег Иванович.

Микола выхватил у него из рук лопату, и ни слова не говоря, первым полез в яму. Другие рабочие нарочно не спешили и, собравшись на краю, с любопытством смотрели на Миколу. Он, закатав по локоть рукава, копал землю и бросал на носилки. Вмиг наполнил одни носилки, попросил подтащить другие. Работал он

легко. Будто играл. Через минуту наполнил и вторые носилки и стал выбрасывать из ямы землю наверх. Длинные и сильные руки Миколы были красивы в работе, даже смотреть со стороны было приятно.

— Вот черт, если захочет, может работать за четверых,— шепнул Олег Иванович Анвару.

Анвар радовался, глядя на Миколу. Но ему хотелось понять причину такой перемены отношения к делу. Три дня назад Микола решительно не хотел работать, а сегодня «рвет подметки на ходу». Может, за эти два дня он подумал и решил впредь жить честным трудом? Не возвращаться к прошлому?

Ориф тоже ничего не мог понять. Он, знавший Миколу лучше, чем кто-либо, больше всех и удивлялся. То упрекает Орифа за рвение в работе, а то сам демонстрирует трудовой энтузиазм.

Бригадир Степаненко, понаблюдав за Миколой, сказал, что, если так дальше пойдет, он ему за день две нормы запишет.

Микола оперся на лопату, вытер лоб.

— Я не привык спорить с начальством, делай как знаешь! У меня к тебе только одна просьба, начальник Степаненко, если можно, половину нормы записывай братишке моему, Алику. Я и за него буду работать!..

— По-моему, в этом нет нужды,— Степаненко, молодой, широкоплечий, плотный, вопросительно посмотрел на окружающих и обратился к Орифу: — Что ты скажешь на это, Алик? — Он не дал ответить и продолжил: —Алик и сам хороший рабочий. Он может вкалывать не хуже других.

Ориф молча хлопал глазами. Зачем это Миколе понадобилось освобождать его от работы?

— Пока я за братишку поработаю, он в магазин сбегает. Для нашего звена еду приготовит,— спокойно заявил Микола, беспрерывно махая лопатой.

Степаненко понял это как намек на плохую организацию работы, загорячился, объясняя, что руководство обсудило этот вопрос — теперь к месту работы будут привозить чай и горячую пищу.

— Спасибо, начальник! Это неплохо,— кивнул Микола, будто удовлетворенный ответом.

Цель его действия была другая — полностью подчинить себе Алика. Вначале изолировать его от работы, от коллектива, а потом заставить делать то, что нужно ему, Миколе. Ориф наконец об этом догадался.

Продолжая копать, Микола обдумывал план. Как будто осуществить его будет несложно, вот только комиссар может помешать. Микола незаметно взглянул на Анвара, тот сгребал в кучу камни и землю. Микола жалел, что поругался с комиссаром. Сделался его врагом. Нельзя было этого делать. Ведь теперь Анвар будет следить за каждым его шагом. И Алика вроде они уже на свою сторону перетягивают... Черт возьми, если совсем попадет под их влияние, не вырвешь!

Про себя он твердо решил: так просто им Алика не отдаст. Алик ему очень нужен. Хотя бы на время, пока Микола не найдет себе верных товарищей.

Размышления Миколы перебил Степаненко, он негромко говорил Анвару:

— Не знаю, вписать вас в наряд или нет. Пока вы не вписаны,— извинялся бригадир.

— И не надо! — коротко ответил Анвар.— Не вписывайте.

— Но вы же работаете не меньше других!

— Так уж мне полагается,— улыбнулся Анвар.

— Так-то оно так...— почесал в затылке бригадир.

— Лучше ты мне вот в чем помоги,— вспомнил Анвар.— Найдешь время, перепиши всех комсомольцев участка. И объяви, чтоб завтра после работы комсомольцы остались. Собрание проведем, повестку дня решим на месте. Вот такое тебе комсомольское поручение!

Степаненко пошел по своим делам. Анвар снова взялся за лопату. Но теперь все посматривали на него с любопытством. Из разговора Анвара с бригадиром каждый делал свои выводы. Олег Иванович, думавший раньше, что Анвара за какую-то провинность перевели в землекопы, теперь радовался: «Значит, сам сюда пришел! А я, простофиля, помогать ему собирался! Нашел кому!..»

Ориф не мог понять, как это человек может работать наравне с другими с утра до вечера — и бесплатно. И ведь это не один-два дня! Или у него зарплата большая? Если его в наряд не пишут, то кому идет его заработок? Может, Олегу Ивановичу? Может, у них договоренность такая, и поэтому каждый день тот приносит из дому что-нибудь для Анвара? То рыбу, то котлеты, то мясо вареное. Вообще у них пища ничего... Ладно, раз Микола говорит, чтоб полнормы ему, Алику, писали, почему Анвар не может свою норму на Олега Ивановича писать? Если захочет, сделает. Бригадир его послушает. Вот и сейчас бригадир куда пошел? Выполнять поручение Анвара. Значит, Анвар главный. А если так, то зачем он за лопату взялся? Или прав Микола? Хочет рабочим дух поднять?..

Микола понял разговор по-своему: «Если не зарплата, слава нужна! Он, наверно, каждую ночь во сне Золотую Звездочку видит!»

Теперь прежней энергии у Миколы не было. Поскольку работать он не привык, задор его быстро иссяк. Он облизал губы — хотелось опохмелиться. В этот миг ему пришла в голову мысль проверить, с ним ли еще Алик.

— Эй, комсомол, иди-ка сюда! — Микола обратился так к Алику нарочно, чтобы задеть Анвара.— Ты понял, что завтра собрание?

Ориф поставил носилки у ног Миколы, уставился ему в рот.

— Понял или нет? — сердито переспросил Микола.

— Слышал, ну и что?

— «Ну и что»!.. Дубина! На этом собрании будут тебя обсуж-

дать. Кишки вывернут! Ты понимаешь это? Сомневаешься, хе-хе...— засмеялся Микола и, достав из кармана кошелек, вынул и дал Орифу пятидесятирублевку.— На, сбегай в магазин! Купи все что хочешь!..

Ориф обрадованно взял деньги и хотел тут же выполнять распоряжение, но, глянув на Анвара и Олега Ивановича, растерялся. По их лицам он догадался, что они очень недовольны, но сдерживаются.

Микола скривил губы.

— Дураки! Я вас угощаю, разве это плохо?!

— Угощение во время работы не годится! — твердо сказал Анвар.— Кроме того, без разрешения бригадира Ориф никуда не пойдет.

— Эй, комиссар, ты не впутывайся! — разозлился Микола.— Я же сказал бригадиру, что и за Алика буду работать, он от работы освобождается!

— Его никто от работы не освобождал! — сказал Олег Иванович.— Он со мной носилки таскает.

— Алика я освобождаю! — подняв руку, объявил Микола и толкнул Орифа в плечо.— Ну, шевели копытами!

Ориф от толчка подался назад и снова застыл на месте.

— Эй, ты пойдешь или нет?! — заорал Микола и закатил ему оплеуху.

Анвар и Олег Иванович схватили Миколу за руки, но он длинной ногой лягнул Орифа. Ориф отскочил. Микола старался вырвать руки.

— Крути крепче! — сказал Олег Иванович Анвару и сам завернул руку Миколе.

Почувствовав боль, Микола перестал сопротивляться и утих.

Анвар отпустил его руку, но Олег Иванович еще держал. Микола зло посмотрел на него.

— Ты чего от меня хочешь?

— Ничего,— спокойно ответил Олег Иванович.— Бери лопату и нагружай носилки!..

— Тогда отпусти руку наконец!

Микола вырвался, помассировал свои бицепсы, подошел к Орифу, выхватил деньги. Глаза его налились кровью. Ориф трясся — боялся удара.

— Стоило вас угощать! — усмехнулся Микола.— Я знал, что вы добра не понимаете.

Он плюнул на землю и, будто ничего не случилось, взялся за лопату. С оскорбленным видом начал насыпать на носилки.

Анвар тоже молча принялся за работу. Олег Иванович с Орифом понесли носилки.

«Может, он из добрых побуждений хотел нас угостить, а мы его обидели? — раздумывал Анвар.— Может, достаточно было сказать Орифу, чтобы не приносил водки? Тогда и скандала бы не было. Но ведь этот несчастный высмеял комсомольское собрание! Что ты на это скажешь? — спрашивал себя Анвар.— Опять же,

чего ждать от человека, вчера вышедшего из тюрьмы? Он с первого дня не скрывал своего неуважения к начальству. Вероятно, и вообще ничего и никого не уважает. А зачем приехал в Нурек? Может, потому, что таких не везде берут? Нуреку рабочие руки нужны. И он думает, что здесь свободы больше! С первого дня бросил работу, два дня прогулял, а бригадир, вместо того чтобы выгнать, журит, уговаривает... Никто не выразил удивления. Чудесные условия для Миколы, где еще найдешь такие! Может, поэтому он и хотел сегодня всех угостить. Выразить признательность за «уважение»! — рассмеялся в душе Анвар.— А что с ним делать? Прогнать? Конечно, страна наша большая, место найдется. Иди куда хочешь, только нам в Нуреке не мешай! Так? А куда идти ему, в тайгу, в тундру? Ведь и там тоже наша родина! Нет, нельзя выгонять Миколу. На это нет у нас морального права. Может, старик Карпов поэтому и разрешил таким, как Микола и Алик, работать на стройке. Если они желают работать на Нуреке, пусть работают! Ребята они сильные, с любой работой справятся. Если приучатся к честному труду, станут полезными людьми для общества.

Сейчас мы работаем на строительстве фундаментов под ДЭС. Тяжелая физическая работа. А ведь не все понимают, что она почетна. Даже Олег Иванович думает, что сюда могут посылать только провинившихся. Строительство фундаментов ДЭС — строительство основы великой стройки! Поэтому сегодняшняя работа землекопов, бетонщиков на этом участке — дело исключительно ответственное! Это нужно объяснить каждому комсомольцу, каждому рабочему. Не растолковав этого, невозможно вдохновить рабочих на тяжелый труд! Завтра на комсомольском собрании необходимо говорить именно об этом. Увидев, как работают комсомольцы, может, и Микола спасует перед их силой?..»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

Наступило жаркое, сухое лето. На строительстве ДЭС пора эта была особенно горячей: бригада землекопов, работавшая круглые сутки, сдала котлованы под фундаменты двух первых агрегатов арматурщикам и бетонщикам намного раньше срока. Теперь стало легче — уже работали три новых экскаватора. Степаненко сообщил: в ближайшие дни их прибавится.

Бригаде бетонщиков тоже сначала доставалось — бетон готовился на месте в стареньких бетономешалках. Теперь его подвозили машинами с завода, дело пошло быстрее, и бетонщики сдали фундаменты под первый агрегат с отличной оценкой. Их тут же сменили монтажники, приступив к сборке деталей конструкций ДЭС.

Успехи стройки вдохновляли Анвара. Чаще всего его можно

было увидеть в отстающих бригадах или звеньях. Он никогда не ругал за плохую работу. Просто включался в нее сам. Анвар почернел на солнце, просоленная потом рубашка лоснилась, и вроде бы он ничем не отличался от рабочего, но строители узнавали его сразу. Они знали, что комиссар не зря пришел к ним! Анвар уже заслужил среди них уважение. Там, где работал Анвар, никто раньше него не начинал перекур; после обеда, если он вставал, все поднимались, отстать от комиссара считалось неприличным.

Как-то Олег Иванович сказал: «Ты, комиссар, напоминаешь маршала. На войне там, где появляется талантливый маршал, начинается наступление. А сейчас стоит тебе появиться в какой бригаде — там дело идет вперед!..»

«Вы все шутите...— смутился Анвар.— Дела движутся не потому, что я присутствую, а потому, что ребята хорошо трудятся! Один человек ничего не может, судьба стройки в руках коллектива!..»

«Твоя скромность нам тоже по душе, комиссар! — удовлетворенно заметил Олег Иванович и, потеребив свои рыжие усы, добавил: — Рабочие тебя уважают за то, что ты не заносишься, всегда на равных со всеми, не чураешься черной работы, а иногда и больше некоторых рабочих вкалываешь».

«Олег Иванович, не расхваливайте, а то зазнаюсь!» — улыбнулся Анвар.

«Нет, ты не зазнаешься. Ты не из той породы...»

Анвар был благодарен этому прямодушному человеку за добрые слова. Радовался, что подружился с удивительными людьми. Они верят ему, называют «своим комиссаром»! Так уж получилось, что с рабочими Анвар общий язык нашел, а вот с руководством...

Секретарь парткома Рахмат Рахимович приехал на стройку перед обеденным перерывом. Анвар в это время работал с арматурщиками. Они готовили арматуру для фундаментов второго и третьего агрегатов.

Рахмат Рахимович походил по участкам, знакомясь со стройкой вблизи. Некоторых похвалил: «Молодцы, молодцы!» Монтажников пожурил, что слабо работают, до сих пор ни один агрегат не дает тока.

Рабочие тоже высказали ему свои справедливые претензии: клуба нет, кинотеатра нет, до сих пор даже танцплощадки не сделали! Спросили, почему в Нурек мало девушек едет, большинство рабочих — молодые, неженатые! Семейные просили в первую очередь построить ясли и садики. Будут ясли — и их жены работать смогут.

Рахмат Рахимович серьезно всех выслушал и пообещал посоветоваться с начальником строительства и выполнить наказы рабочих.

На этом его знакомство «вблизи» окончилось, он сел в свой газик и кивком головы указал Анвару на заднее сиденье.

Анвар молча залез в машину. Рахмат Рахимович помахал на

прощание рабочим, и газик со стройки выехал на большую дорогу.

— Говорят, ты каждый день наравне со всеми работаешь? — повернулся к Анвару Рахмат Рахимович.

— Да, а что? — не понял Анвар.

— Что, зарплаты не хватает?

Анвар покраснел от обиды. Выходит, и секретарь парткома думает, что он только из-за зарплаты работает!

— Не горюй, придумаем что-нибудь, — проявил заботу Рахмат Рахимович, не вникая в эмоции Анвара.

Слова Рахмата Рахимовича еще больше обидели Анвара, но он сдержался и сказал:

— Не беспокойтесь, я не очень и нуждаюсь.

— Все это жизнь, браток! — наставительно произнес секретарь.— Если в чем-то есть потребность, меня не стесняйся, всем, чем могу, постараюсь помочь.

— Спасибо.

Анвар умолк. Ему хотелось, чтобы Рахмат Рахимович скорее оставил эту неприятную тему. Но секретарь парткома не собирался прекращать беседу о нем.

— Ты, мулло Анвар, теперь моя правая рука! — заявил он.— Я, поскольку человек больной, на тебя опираться буду...

Вытирая промокшим платком потное лицо и шею, будто между делом, Рахмат Рахимович спросил:

— А как комсомольская работа?

Анвар рассказал, что на участке строительства ДЭС, дорожном, СМУ и других созданы первичные комсомольские организации, скоро можно будет создавать комсомольский комитет строительства.

— Очень хорошо, в секретари комитета мы рекомендовать будем тебя.

Анвар понимал, что и Холида, возможно, с этой целью посылала его в Нурек.

Поглядывая в окно, Рахмат Рахимович вспомнил критику на пленуме: «Мало пополняются ряды партии из числа молодых рабочих, нужно выдвигать молодых в партию!..»

Повернувшись к Анвару, он все тем же заботливым тоном сказал:

— Тебе нужно будет собрать характеристики с прежних мест работы или из института, мы будем принимать тебя в кандидаты.

Анвар от этих неожиданных слов так обрадовался, что в волнении сначала не нашелся что и ответить.

— А как это? Ведь я же на учете в ЦК комсомола. Их инструктором числюсь.

— Верно,— спокойно улыбнулся Рахмат Рахимович.— Ты их инструктор в Нуреке. Если мы тебя примем в кандидаты партии, разве они будут против? Наоборот, должны радоваться. Я сам с Холидой поговорю об этом.

— Спасибо,— поблагодарил Анвар и вдруг обеспокоенно спросил, куда они едут. Ему нужно было вернуться на ДЭС.

Газик уже проскочил «Казанский вокзал» и ехал по дороге в Душанбе.

— Направо,— кивнул водителю Рахмат Рахимович и пояснил Анвару, что они едут в Дисабур. Туда привезли сборные деревянные дома из Волгограда, один из них выделен секретарю парткома, нужно посмотреть.

Карпов заставлял Рахмата Рахимовича скорее переезжать в Нурек. А он, ссылаясь на давление и диабет, не хотел уезжать из города. «Летом в Нуреке ад! — сказал он Карпову.— Нурекчане спрашивали у бога: разве мало было одного ада, что он создал еще и Нурек?» Но начальник строительства засмеялся: сказку эту он знает и полагает, что Рахмат Рахимович по сравнению с ним еще довольно молод.

Рахмат Рахимович, от природы болезненный и ленивый человек, долго работал тихо и спокойно в одном учреждении. Дело свое в меру знал, наград не удостаивался и замечаний не имел. Он думал, что так и доживет до пенсии. Но вышло иначе. Начальник его, старик, ценивший его, внезапно умер, и на его место пришел другой. Новым руководителем был тот самый молодой человек, что работал прежде под руководством Рахмата Рахимовича, заваривал чай и бегал за самсой. А теперь смотри как повернулось! Новый начальник стал выдвигать Рахмата Рахимовича на любые должности, лишь бы подальше! Он, видимо, догадывался, что худшее для Рахмата Рахимовича — уйти с насиженного места! Рахмат Рахимович тоже понял, что если не уйдет с почетом, то выгонят с позором — от нового руководителя всего можно было ожидать. Так и получилось, что из своего спокойного учреждения перешел Рахмат Рахимович на работу в Управление строительством Нурека. Тогда нужны были все, вплоть до уборщиц. В первые дни он был доволен. Карпов хорошо его принял. Кроме того, хоть и строительство, но контора в центре столицы. В Нуреке еще ничего не было, приезжали специалисты из Москвы и Ташкента, много говорили и уезжали. С ними до хрипоты спорил Карпов, а Рахмат Рахимович только молча наливал гостям чай. Спросят что, отвечал «да» или «нет», а в споры не вступал. В душе он осуждал Карпова за его нетерпеливость, за то, что себя не жалеет. «Зачем же столько хлопот,— думал он.— Если этот Нурек нужен, государство построит, не нужен — не построит. А нам с тобой что? Мы с тобой все равно не завтра послезавтра на пенсию выйдем! А придут после нас молодые, пусть и спорят!..»

Вот так они и жили: старик Карпов бился за скорейшее начало строительства, а Рахмат Рахимович не вмешивался, опасаясь, что больше станет забот, меньше тишины и покоя. Карпов его подгонял, как хорошего скакуна, а у него никакого желания скакать не было.

Сам Рахим Рахимович понимал, что на строительство он человек случайный. Но смелости пойти и признаться в этом не хва-

тало. Ибо неизвестно, найдет ли он в другом месте спокойную работу. А до пенсии совсем немного осталось — два года и три месяца. Два года и три месяца! Это сказать легко. А Карпов его заставляет в Нурек переезжать...

Газик остановился у только что поставленного дома. Из рабочих никого не было видно. «Может, они на обед ушли? — подумал Анвар.— «Казанский вокзал» рядом, не то что ДЭС».

Вокруг дома густо росли деревья, в тени журчали ручейки.

— Да здесь рай! — Анвар присел к ручейку, обмыл лицо, напился.

— Раньше здесь был колхозный сад,— пояснил Рахмат Рахимович.— Мы решили построить тут гостиницу и несколько жилых домов.

— Антон Григорьевич тоже сюда переедет? — спросил Анвар, достав платок и вытирая руки.

— Нет, он не пожелал,— неохотно ответил Рахмат Рахимович.— Он в Лангаре две комнаты построил, там и живут с шофером. Раз у него семьи нет, зачем ему сад?

— Почему у него нет семьи? — удивился Анвар.

— Есть,— сердито поправился Рахмат Рахимович,— в Москве. Жена переезжать сюда не хочет. Они всю жизнь врозь живут, привыкли.

— А-а...— протянул Анвар. Поведение супругов Карповых ему было непонятно. Но тут же про себя отметил: «Прав у Карпова больше всех, но он отказался от дома в хорошем месте ради многодетных семей!»

Перед домом лежали листы железа.

— А это зачем? — спросил Анвар.

— Это крыша,— недовольно ответил Рахмат Рахимович.— Дураки, не думают, как летом жить под такой крышей? Ведь баня получится.

Он был прав: для Нурека, где почти нет зимы, а лето очень жаркое, железную крышу делать нельзя.

— Да, такое доброе железо на крышу тратить! — потрогал лист Анвар.— Лучше бы покрыли шифером, а мы бы на этих листах лозунг написали и на горе прикрепили!

Рахмат Рахимович нахмурился и сердито обратился к Анвару:

— Комсомол, ты думаешь, что говоришь? Не достроить дом парткома, чтобы лозунг написать? Во имя коммунизма, да?!

— Ну и что? — простодушно пожал плечами Анвар.— Неужели для вас шифера не найдут?

— Эй, парень! — воскликнул Рахмат Рахимович.— Дело не в шифере. Дело в том, что ты хочешь опозорить меня перед людьми!

— Как это?

— Комсомол! Неужели ты не понимаешь, что делаешь политическую ошибку! — вдруг закричал Рахмат Рахимович.— Где ты видел, чтоб представитель комсомола брал то, что выделено для дома парткома, и писал лозунги! Сама мысль об этом постыдна!

— Не то вы говорите! — убежденно заявил Анвар.— Дом еще

не построен, вы еще не переехали. Поэтому еще никто не знает, чей это дом. И если вы замените крышу еще до постройки, ничего не случится. А и узнают люди, то скажут: «Правильно партком сменил железную крышу на шиферную!»

— Как это никто не знает? — не мог успокоиться Рахмат Рахимович.— А Карпов? Он знает! Ведь он сам выделил мне этот дом. На этот дом и Семен Алексеев рассчитывал. Он тоже хочет семью перевезти из Туркмении. Значит, и он все знает! Ты меня перед Карповым и Алексеевым хочешь посмешищем сделать! Ведь ты же таджик, неужели не понимаешь?!

Анвар опустил глаза, грустно и задумчиво сказал:

— Понимаю... Значит, я, таджик, вас перед русскими позорю. Мы с вами оба таджики, не должны так делать.

— Да, да! — обрадовался Рахмат Рахимович и обнял Анвара за плечи.— Вот теперь ты умница, братишка! Больше тебе нечего объяснять.

Анвар сердито вывернулся из его объятий и хотел уйти. Рахмат Рахимович схватил его за руку.

— Постой, у нас с тобой еще разговор не кончен...

— Оставьте, хватит... Все понятно! — Анвар отстранился.

— Ты что? Может, ты еще вздумаешь наябедничать на меня? — Рахмат Рахимович испугался.

— Я не привык ябедничать! — крикнул Анвар и пошел быстрыми шагами.

Рахмат Рахимович растерялся, он не знал, как удержать Анвара, как его успокоить. «А вдруг еще по глупости, в горячке пойдет к Карпову!» — с ужасом подумал он и закричал вслед Анвару:

— Комсомол, стой! Я тебя на машине отвезу!

Но Анвар не ответил.

II

Чтобы сократить путь, Анвар шел напрямик через пустырь, спотыкаясь о камни. Полуденное солнце теперь уже не жгло его загорелое лицо и руки, но ситцевая рубашка на спине взмокла, прилипла к телу. Анвар ничего не чувствовал — ни того, что спотыкался, ни промокшей от пота рубашки. Он был зол. «Видно, на старости лет из ума выжил,— думал он о Рахмате Рахимовиче.— Заботу решил обо мне проявить! «Я тебе помогу, чем могу... в секретари выберем... в кандидаты...» Купить меня хочет! «Ведь ты же таджик, неужели не понимаешь?!» Нет, Рахмат Рахимович, уважаемый! — продолжал негодовать Анвар.— Вы ошиблись! Я вас прекрасно понял. Я никогда не думал, какой национальности передо мной человек! Не все ли равно — таджик это, узбек, казах или грузин! Я не представляю расцвет Таджикистана без помощи русского народа и других братских народов! Без Карпова и Алексеева, без Валерия Салахяна, без Степаненко и Олега Ивановича разве можно построить Нурек? Если говорить по справед-

ливости, ни один таджик не боролся и не борется столько за Нурек, сколько Карпов! Если бы не смелость и талант инженера Карпова, строительство Нурека до сих пор вообще было бы под сомнением. В моем представлении Карпов — это Нурек!..»

Странно, что Рахмат Рахимович боится и всячески избегает Карпова! Или он в чем-то виноват перед ним?

«Я, Анварджан, человек больной, на тебя опираться буду». Почему на меня, а не на Карпова? Я — не начальник стройки! А если ты — больной, лечись на здоровье! А может, твоя болезнь в том, что с работой не справляешься? В условиях Нурека не всякий может работать, что тут поделаешь. И Карпов здесь ни при чем. Ничего плохого Старик Рахмату Рахимовичу не желает. Пока что ему в самом лучшем месте дом строят. Имел право взять этот дом себе, но не захотел, отдал Рахмату Рахимовичу, семейному. Значит, нужно благодарить этого человека, а не дуться на него и избегать...»

Анвар вышел на перекресток у «Казанского вокзала». Легкий ветерок донес до него аппетитный запах шашлыка из чайханы. Анвар почувствовал, что очень голоден. Он опустил руку в карман и нашарил там новенькую трешку. Это были последние деньги, а до зарплаты еще дожить надо. Но Анвар обрадовался — на эту трешку почти четыре порции шашлыка дадут!

Но поесть шашлыка ему так и не удалось. У входа в чайхану с ним столкнулась высокая худая девушка с рыжими волосами, перетянутая в тонкой талии узорным ремешком.

— Вы Анвар Саидов? — спросила она. Получив утвердительный ответ, девушка игриво засмеялась и, протянув руку, представилась: — Я Вероника, можно просто Вера. Из Душанбе. Представитель Центрального Комитета комсомола.

— Очень хорошо,— Анвар пожал ее длинные тонкие пальцы, вспоминая, видел ли ее раньше. Когда был комсоргом института, он знал многих работников ЦК. Но эту тонкую и длинную не помнит.

Вероника, проследив за безразличным выражением лица Анвара, сделала свой вывод: «Я ему не понравилась!»

— Хотелось бы с вами поговорить,— сказала девушка.

Анвар секунду помолчал и предложил сначала выпить чаю, потом уж разговаривать.

— Нет, я чай пила и шашлык ела,— сообщила Вероника,— давайте скорее приступим к делу, у меня времени нет, на ночь я здесь не останусь, должна вернуться в Душанбе. Хочу уехать последним автобусом, я уже с шофером договорилась.

— И какое же у вас ко мне дело? — устало улыбнулся Анвар.

Вероника и улыбку Анвара истолковала по-своему: парень заносчивый! Она сердито нахмурила тонкие брови.

— Вы не смейтесь! Я с вами серьезно собираюсь говорить!

— Ну, ну, я весь внимание! — Анвар шутливо оттопырил ухо.

Вероника вдруг обиделась.

— Вы смеетесь, шутите, а я должна к пленуму ЦК материал

готовить! Для шуток у меня времени нет! Поэтому прошу сейчас же показать мне все документы комсомольской организации строительства.

— Какие вам документы показать? — спросил Анвар.

Вероника подумала, что Анвар нарочно прикидывается непонимающим, и поэтому с расстановкой сказала:

— В первую очередь, конечно, протоколы комсомольских собраний!

Анвар засмеялся и почесал шею.

— Если так, то можете сейчас же спокойно садиться в автобус. Мы никаких постановлений не писали...

— Почему? — захлопала глазами Вероника.— Разве вы не знаете, что нужно писать решения собраний?

— Понимаю, знаю... Вы правы. Но у нас никто не хочет писать решения.

— Не хочет? — усмехнулась Вероника.

— Вернее, у нас нет такого человека, кто бы занимался этим. Если бы, предположим, вы, понимая важность этого дела, приехали в Нурек и взяли на себя такую обязанность, мы были бы рады...

— То есть, если тебе надо постановление, то садись и пиши, так?

— Допустим, что так,— невозмутимо ответил Анвар.— А что в этом плохого?

Вероника утратила всю свою выдержку. Она неожиданно выпалила:

— Ясно, что ты человек грубый!

— Ну, пусть так! — махнул рукой Анвар.

— Стыда у тебя нет! —закричала Вероника.— Я пожалуюсь Холиде Джалиловне, тебя нужно призвать к порядку!

Вероника решительно повернулась, и ее каблучки застучали в сторону автобусной остановки.

«И так высокая, зачем ей еще эти каблуки? — глядя вслед девушке, думал Анвар.— Жаловаться поедет, ну что ж, и это неплохо».

Он взглянул на часы — перерыв давно кончился. «Работа уже в разгаре!» — подумал он и, забыв о голоде и жажде, заспешил к ДЭС.

III

Сегодня должен войти в строй первый агрегат дизельной! Наверное, не было в Нуреке человека, который не радовался бы маленькой трудовой победе строителей. Эта победа свидетельствовала и о том, что на новой стройке рожден новый коллектив! Для Карпова самое важное — именно это. Нет ничего в мире сильнее людей, объединенных одной общей великой целью! Молодой коллектив строителей Нурека еще очень слаб, но это все-таки коллектив. В Нуреке сегодня засветятся первые лампочки Ильича!

И каждый труженик воочию убедится, что фантастические планы будущего начинают осуществляться.

Карпов этим утром особенно тщательно побрился, попросил Женю достать из чемодана и погладить новую белую рубашку и полосатый галстук.

— Разве мы сегодня поедем не в Нурек? — спросил Женя, не понявший причины торжественного одевания.

— В Нурек, в Нурек, дорогой! — радостно рассмеялся Карпов.— Сегодня в Нуреке праздник!

Огромный черный дизель, установленный на бетонном фундаменте под шиферным навесом, издали казался каким-то чудовищем. Гостей встречали лозунги, написанные на двух языках: «С победой, труженики Нурека!», «Товарищи комсомольцы! Первый агрегат — наш первый шаг. Смелее вперед!»

Глаза Карпова сияли. «Первые лозунги Нурека! — подумал он.— Это войдет в историю республики! Хорошо бы создать кинолетопись великих строек. Хотя бы таких, как Нурек, самых крупных!..»

На площадке около агрегата собралось много рабочих.

Анвар достал из кармана пакет, развернул и подал начальнику стройки новенькие ножницы. Антон Григорьевич слегка дрожащими от волнения руками перерезал красную ленту. Машинист включил стартер. Агрегат заревел, и первые лампочки, помигав, ярко загорелись. Шум дизеля потонул в дружном радостном крике и аплодисментах.

Старик Карпов с благодарностью пожал огрубевшую руку Анвара. Потом он склонил седую голову перед рабочими, приложил руку к сердцу и поклонился.

— Спасибо, спасибо, товарищи!

Анвар оглядел строителей. Вначале он увидел Олега Ивановича, который, смеясь, махал рукой, поздравляя его. Потом его глаза встретились с глазами Миколы. Микола быстро отвернулся. «Все еще сердится на меня»,— подумал Анвар. А вот Ориф не отвел взгляда, он улыбнулся во весь рот. Бригадир Степаненко дружески подмигнул ему.

Анвар обратил внимание, что на торжестве не было Рахмата Рахимовича. «Нездоровится? — подумал Анвар.— Неужели не приедет? Может, задержался в пути? Ведь все же из Душанбе до Нурека неблизко. Да и дорога какая!»

Анвар взглянул на дорогу и узнал машину Холиды Джалиловны, она подъезжала к ДЭС. Сердце его дрогнуло: «Вероника нажаловалась, сама Холида прибыла...»

«Волга» остановилась. Из машины вышли Холида и девушка в ярко-красном атласном платье, золоченой тюбетейке, с обручем кос вокруг нее.

Анвара бросило в жар и в холод — это была Зульфия.

Рабочие расступились, здороваясь и пропуская гостей.

Холида Джалиловна приветливо здоровалась с Карповым, Анваром и другими. Зульфия, не ожидавшая такой торжественной

встречи, растерялась. Она, смеясь, подала руку Анвару, но, встретившись с его горячим взглядом, потупилась.

— Я вам еще одного инженера привезла.— Холида Джалиловна представила Карпову Зульфию и шутливо добавила: — Не знаю вот только, приживется ли она в Нуреке! — Она глянула на Анвара и улыбнулась.

— Приживется, а как же! — Антон Григорьевич, пожимая нежную руку Зульфии, повернулся к Анвару: — Нурек наш нуждается в таких девушках, верно, комсомол?

Анвар покраснел, он не в состоянии был сейчас выдавить из себя ни слова. Хорошо что Карпов продолжал говорить, объясняя секретарю ЦК комсомола причину торжества, а потом пригласил посмотреть на работу дизеля.

Зульфия смущенно оглянулась на Анвара, словно спрашивая: ей-то как быть?

Анвар к тому времени немного пришел в себя и наконец сказал:

— Честное слово, не могу поверить, что это вы!

— Хорошо еще, что узнали,— с укором отвечала девушка.— Ни разу проведать не приехали! Я думала, вы уж совсем забыли меня.

— Забыл? — воскликнул Анвар.— Да я просто боялся, что вы прогоните меня...

Зульфия засмеялась.

— С каких это пор вы стали меня бояться? Неужели однокурсников выгоняют? Может, вы не рады мне?

— Что вы! Слов нет, как рад! Всю землю на радостях вам подарить готов, весь Нурек преподнести! — выпалил Анвар.

— Дарите камни и сухую землю? — пошутила девушка и тут же нахмурилась, коротко вздохнула.— Я знаю, что мужчины с легкостью дарят первой встречной горы и реки, города и долины, весь мир. Но то, что необходимо каждой женщине, то, что идет из сердца, не каждый подарить может!

— Я до сих пор вас только инженером считал,— улыбнулся Анвар,— выяснилось, что вы еще и философ... Камни и земля, особенно горы и река здешние,— для меня самое близкое сейчас, и, ручаюсь, это очень дорогой подарок! — убежденно сказал Анвар.

— Это лозунг или?..— посмотрела в серьезные глаза парня Зульфия.

В душе она сердилась на Анвара: он не только ни разу не приехал, но после переезда в Нурек и письма не написал. Зульфии казалось, что сегодня она ехала в Нурек не из-за Анвара, просто хотела посмотреть место, где собиралась работать (так она себе говорила), Холида предложила Зульфии первой из таджикских девушек поехать в Нурек по путевке комсомола. Для себя Зульфия еще не решила, будет ли тут работать, поэтому определенного ответа секретарю не дала. Оставшись сейчас с глазу на глаз с Анваром, Зульфия поняла, что в первую очередь приехала именно из-за него! Главное — это Анвар! И где Зульфия будет работать, за-

висит от него, от этой их встречи. Вся ее будущая жизнь, судьба ее, счастье ее связаны с Анваром! Она любит Анвара и без него жить не может.

Зульфия знала, что признаться в этом она никогда не сможет,— девичья гордость не позволит.

Анвар не понимал Зульфию. Странная девушка! Всегда подсмеивается, слов его не принимает всерьез. Вот и сейчас: «Это лозунг или?..»

Анвар, глядя в сторону, произнес деревянным, чужим голосом:

— Зульфия! А ведь вы напрасно в Нурек приехали.

Девушка вспыхнула, нахмурила тонкие брови.

— Я не поняла вас. Почему напрасно?

— Почему? — с иронией сказал Анвар.— Пожалуйста, в Нуреке очень трудно неженкам.

— Я неженка? — испуганно, почему-то шепотом переспросила девушка. Она помолчала, закрыла лицо белым платочком.— Спасибо вам! Помогли вовремя исправить ошибку! — Зульфия побежала за Карповым и Холидой. «Неженка»! — повторяла она про себя.

Анвар был в ужасе! Ему хотелось закричать: «Постой, Зульфия! Постой! Я совсем не то сказал». Но было уже поздно. Он знал: гордая Зульфия больше не станет слушать ни одного его слова.

После этого все у Анвара пошло кувырком. А ведь в этот день было столько радостных событий!..

Карпов в хорошем настроении, с искренней отеческой теплотой принимал Зульфию и Холиду Джалиловну. Он показал им строительство ДЭС, фундаменты новых домов Нурека, потом повез в ущелье Каменного Моста — на место будущей плотины. Останавливаясь на каждом шагу, он интересно рассказывал им о будущем ГЭС, плотине, сказочных туннелях в горе Пор, которые были еще на бумаге, отвечал на каждый вопрос. Снова и снова агитировал Зульфию переехать работать в Нурек, даже зачем-то пообещал ей показать Катин портрет.

Старик так подружился за короткое время с Зульфией, что на обратном пути уже рассказывал о Катином женихе, о том, как они познакомились и как расстались на аэровокзале. И под конец, как заботливый отец, осведомился у Зульфии, есть ли у нее на примете молодец, если еще нет, то пусть она приезжает в Нурек и здесь он сам выберет ей джигита!

Антон Григорьевич спросил, а сам незаметно все же глянул на Анвара. Зульфия, до сих пор с интересом слушавшая Карпова, смеявшаяся его шуткам, после этих слов погрустнела и умолкла.

Сегодня Карпов и с Анваром был приветливее обычного. Он даже согласился выполнить его просьбу: Анвар хотел создать «летучий» комсомольский штаб, а для этого нужен был вагончик на колесах, чтобы привозить штаб туда, где необходима помощь комсомола.

Несколько дней назад начальник, хоть и признавал идею верной, вагончик выделить отказался. Они были на вес золота, в них жили — мест в общежитиях и для рабочих и для специалистов не хватало. Но сегодня Старик тут же сказал «добро». И даже пообещал, что вагончик завтра будет. Может, в присутствии Холиды Антон Григорьевич стал мягче? Или сегодня вообще день везения? Холида тоже сообщила приятную новость: нурекскому комсомолу выделили еще одну штатную единицу. Заведующего орготделом. На этом настояла Вероника. Но вначале нажаловалась на Анвара. Холида защищала: «Его не ругать нужно, а помогать!»

Зульфия уехала, даже не простившись. Только когда уже садилась в машину, незаметно для других показала ему язык! Что бы это значило? В последний раз посмеялась над ним или есть еще надежда?

IV

«Спасибо вам! Помогли вовремя исправить мою ошибку!»

В этих словах обиженной Зульфии Анвар теперь пытался разобраться. Какую ошибку она имела в виду? Может, приезд в Нурек к нему был ее ошибкой? «А я, дубина, что ей сказал? Неужели других слов не нашлось? Идиот! Ведь она же из-за меня приехала! Если что и не так, что ж из этого? Уж если девушка в Нурек приехала, нужно цветы ей кидать под ноги! Нужно на руках носить!..» Анвар был в отчаянии.

Он решил немедленно ехать вслед за Зульфией в Душанбе и найти ее там. Не мешкая, примчался на «Казанский вокзал» и застал битком набитый автобус.

— Сесть негде, стоя поедете? — спросил знакомый шофер.

— Ничего, обо мне не беспокойся, лишь бы телега твоя быстрей ехала.

Шофер бросил замасленную голубую фуражку на сиденье, извиняющимся тоном сказал Анвару:

— Я сейчас... Только воды попью! — И побежал к чайхане.

Анвар, еще не успевший втиснуться в жаркий автобус, увидел перед собой Салахяна, гладко побритого, причесанного, в новой полосатой рубашке. «Сегодня же суббота!» — вспомнил Анвар, пожимая крепкую руку Валеры.

— К Лиде едешь?

— Точно! — радостно засмеялся тот.— А ты?

— Тоже хочу с тобой в город махнуть.

— Браво! — обрадовался Валера.— У Лиды есть хорошая подруга, я тебя познакомлю! Кругленькая кореяночка. Наташа. Из ювелирного магазина.

Анвар поискал глазами шофера, тот бежал из чайханы.

— Давай заходи!

— Ты на этой развалюхе хочешь ехать? — удивился Валера.— К полуночи вряд ли доковыляете.

— А у тебя вертолет есть?

Валера не успел ответить, мимо шел газик, Салахян проголосовал. Газик остановился. Валера в один миг сговорился с водителем и махнул Анвару:

— Едем!

Солнце еще не село, когда они прибыли в Душанбе. Анвар попросил остановиться у театра Маяковского.

— Здесь нельзя останавливаться! — шофер объехал площадь Путовского и только там высадил Анвара.

— А со мной не пойдешь? — спросил Салахян, не собираясь вылезать.

— Нет, у меня тут дело,— показал Анвар на большое серое здание.

— Посмотри на часы! Все государственные учреждения давно уже закрыты! Зря стараешься!

— Нет, там всегда открыто.— Анвар стал рыться в карманах.

Валера остановил друга:

— Я рассчитаюсь. Скажи лучше, когда освободишься?

— Извини, ты не жди меня! — попросил Анвар.

— Я же тебе сказал, их две...— подмигнул Валера.

— Перестань... Я пошел!

— Ладно, не держу, но...— Валера удержал его за руку.— В гостинице скучно будет — позвони! — Он дважды повторил номер Лидиного телефона.

— Спасибо! — засмеялся Анвар.

Центральный Комитет комсомола республики помещался на третьем этаже в правом крыле здания. Анвар одним махом взбежал наверх и быстро пошел по устланному ковровой дорожкой коридору.

— Холида Джалиловна только что ушла,— девушка-секретарша, встав из-за стола, закрыла дверь кабинета на ключ.

— Могли бы и не запирать, я не влезу,— немножко обиделся Анвар.

— Разумеется. Но так полагается,— холодно ответила секретарша и снова села на место. У нее на столе лежала рукопись, и она торопливо начала печатать.

Анвар молча стоял посреди приемной. Он опомнился и задал сам себе вопрос: зачем так стремился сюда и что бы сказал Холиде Джалиловне, окажись она в кабинете. Говорить действительно было бы нечего. Анвар вздохнул, вышел из приемной и не спеша пошел по длинному коридору. Внезапно открылась одна из дверей, и выскочившая из комнаты девушка наткнулась на Анвара, пачка бумаг разлетелась по ковру.

— Господи! Что я наделала! — Вероника присела и, качая головой, стала собирать бумаги. От стыда она даже не взглянула на парня. Анвар стал помогать.— Спасибо! И извините! Ох, это вы, Анвар!

Вероника ухватила его за руку и затащила в кабинет, забыв, что шла по спешному делу.

— Садитесь, пожалуйста! Холида Джалиловна, вернувшись

сегодня из Нурека, много хорошего рассказывала о вас. Она всегда вас так расхваливает, что любая девушка, послушав, влюбится. Но не я!..— Вероника искоса бросила на него шутливый взгляд и хлопнула в ладоши.

— Хвалить-то меня не за что! — серьезно признался Анвар.

— Неужели? — удивилась Вероника.— Скромничаете? Или это юмор?

Анвар вздохнул.

— Нет, Вероника. Здесь нет ни юмора, ни иронии. Так на самом деле...

— Почему? Что вы говорите, Анвар?!

Девушка ласково взяла за руку Анвара, хотела усадить на диванчик, но вдруг взглянула на часы и снова заторопилась:

— Извините! Одну минутку! Я только отдам Холиде Джалиловне эти бумаги и вернусь.

— А ее уже нет! — сказал Анвар.

— Как? Только что они сидели в кабинете с Зульфией...

Вероника, не поверив его словам, вышла. Видно, очень ей хотелось сдать сегодня же подготовленные документы.

— Вы оказались правы! — сказала Вероника, вернувшись.— Они ушли в кафе «Бадахшон». Там интернациональный вечер молодежи. Если хотите, пойдемте туда! Сейчас... только я уберу бумаги и причешусь...

«Если хотите...» — повторил про себя Анвар. Разве может он не хотеть? Он побежит, не чуя под собой ног, туда, где Зульфия...

— Это городской комитет комсомола проводит,— объясняла по пути Вероника.— Но идея Холиды Джалиловны. В городе такой вечер дружбы проводится впервые. Там рабочие завода «Таджиктекстильмаш», работницы текстильного комбината и студенты вузов.

Все двери и окна в двухэтажном стеклянном кафе были открыты, и со второго этажа неслась веселая музыка. В обширном зале за столиками сидели нарядные парни и девушки. Взглядом Анвар отыскал Зульфию с Холидой.

Вероника с Анваром с трудом нашли два свободных места. На столике уже стояли шампанское, боржоми, лежали шоколад, конфеты, печенье.

Соседками их оказались две славные девушки — русская и таджичка. Познакомились быстро. Девушки попросили Анвара открыть шампанское.

Анвар, с трудом оторвав взгляд от Зульфии, взял в руки бутылку. И снова уставился на Зульфию. Сосед Зульфии по столу, смуглый парень в черном костюме, что-то увлеченно рассказывал. Зульфия смеялась, косы кокетливо вздрагивали, шевелились и блестели, освещенные яркими лампами.

Парень жестикулировал, привставал, откидывался на спинку стула. «В такую жару вырядился в черный костюм! — с неприязнью подумал Анвар.— Фасонит, конечно!..» Анвар понял, что он ревнует Зульфию к этому парню. Вот тебе и раз!

Он резко повернул пробку, она шумно вылетела и ударилась в потолок. Пена клочьями полетела на стол.

Обе девушки разом вскрикнули. Зульфия оглянулась и увидела Анвара. Брови ее поползли вверх.

«Как он сюда попал?» — Зульфия вопросительно посмотрела на Холиду. Холида шепнула ей на ухо:

— Видно, он за тобой приехал...

С этой минуты Зульфия перестала смеяться, стала серьезной. Парень в черном костюме почувствовал перемену в ее настроении, шутил, стараясь ее развеселить, потом смущенно умолк.

На середину зала вышли два студента и разыграли несколько смешных сценок из жизни Ходжи Насреддина. Зал покатывался от смеха. А Зульфия не смеялась. Она и не слышала ничего. «Зачем он пришел?» — спрашивала она себя.

Потом появился парень с гармошкой. Он поприветствовал всех присутствующих от имени рабочих «Текстильмаша» и спел печальным приятным голосом русскую песню.

И вдруг Вероника громко объявила, что слово предоставляется представителю нурекской стройки!

Анвар вздрогнул и от волнения не знал, с чего начать.

— Дорогие друзья! — взял он наконец себя в руки.— Я всех вас приглашаю в интернациональную семью нурекчан!

Зал взорвался горячими аплодисментами.

— Теперь, с вашего разрешения, я прочту лирические стихи одного из наших древних поэтов...

Любовь мою отвергаешь ты,
  Но люблю я тебя, как прежде,
Ты злейший недруг моей души,
  А я люблю всем сердцем...

Под вежливые аплодисменты —люди не поняли, зачем такой печальный стих читать в столь торжественный вечер — Анвар сел на место.

— Он вызвал тебя на мушоиру [1],— тихо сказала Холида Зульфии.— Ты должна ответить!

В этот момент стройная узбечка уже запела песню «Я твоим садовником стану...».

После нее встала Зульфия.

— Товарищи! — начала она дрожащим голосом.— Здесь представитель Нурека пригласил нас в свою интернациональную семью. Мы принимаем его приглашение!

Зал зааплодировал снова.

— Я тоже прочту стихи.— Зульфия качнулась назад, чтобы отбросить косы за спину, и нараспев прочитала:

Любви драгоценней жемчужины нет!
Храни в чистоте, чтоб не меркла ее свет,
Ведь только в ее непорочном сиянье
Содержится сущность всего мирозданья!..

---

[1] **Мушоира** — состязание в чтении стихов.

Анвар сияющими глазами смотрел на Зульфию. Девушка тоже улыбнулась ему, но тут же незаметно для других показала кончик языка.

Оркестр заиграл вальс. Анвар, встав, попросил у Вероники прощения и, пройдя между опустевшими столами — все пошли танцевать,— пригласил Зульфию.

— Я провожу вас сегодня, можно? — прошептал ей Анвар. Ему казалось, сердце его стучит так громко, что Зульфия не услышит этих слов.

Но девушка кивнула, потом глянула на Анвара:

— Она не обидится?

— Кто?

— Вероника...

— Почему она должна обижаться? — улыбнулся Анвар.

«Зульфия ревнует? Неужели?!» — подумал он.

Тетка Зульфии жила на улице Хамзы, рядом с Ботаническим садом. В студенческие годы Зульфия часто приглашала подруг в Ботанический сад, а потом в гости.

Анвар и Зульфия не сели в автобус, хоть он и был почти свободным.

— Если задержитесь, тетя не будет ругать? — спросил Анвар.

— Какая хорошая тетя не ругается? — ответила Зульфия.— Будет, конечно...

— Жаль, что тетя ваша не знает, с кем вы,— шутливо сказал Анвар.— Если бы знала, может, не ругала бы...

— Наоборот! — засмеялась Зульфия.— Если бы знала, что я сегодня с вами встречусь, она бы из дому меня не выпустила!

— Ох, какая плохая у вас тетя!..— Анвар повернул девушку к себе.

— Вовсе нет! Она хорошая! — Зульфия мотнула головой, и коса ее упала на ладонь Анвара.

Он бережно взял волосы, поднес к лицу, поцеловал и стал обворачивать вокруг своей шеи.

Закрыв глаза, Зульфия чувствовала, что губы Анвара приближаются к ее губам... Разве можно тушить огнем огонь?

Поцелуй был долгим и горячим.

— Хватит...— простонала девушка и, обняв руками шею Анвара, откинула голову.

Сердце Анвара не могло успокоиться. Не отпуская ее, он смотрел в глаза Зульфии и снова целовал ее.

— Ты меня задушишь, милый!..— умоляла она.

— Я люблю! Люблю тебя!..— шептал он.

ГЛАВА ПЯТАЯ

I

С приездом Карпова кончились спокойные дни Нурека. Каждый день сколачивались новые бригады, новые строительные отделы. Работа закипела. Необычные для слуха названия управле-

ний слетали с языков: «Супэгэс», «СУГЭС», «Суплотина», «Гидроспецстрой», «Удээр», «Умээр», «Бэтээмм».

Почти на всех участках проводились земляные работы. Строители готовили фундаменты сразу для шести четырехэтажных домов. Велось строительство завода железобетонных конструкций и базы ремонта техники. Одновременно были пущены четвертый и пятый агрегаты ДЭС. От нее протянулись на левый берег провода и дали жизнь электрическим экскаваторам.

Но споры о судьбе Нурека все еще не прекращались. Камнем преткновения, как правило, была плотина. Вокруг нее чаще всего и развертывались дискуссии.

Молодого таджикского инженера Мирзо Набиева, уроженца Обигарма, расположенного выше Нурека по течению Вахша, Карпов назначил начальником строительного управления, сооружающего плотину.

— Вот, теперь сам будешь плотину строить! — Карпов довольно улыбался.

Мирзо Набиев, хорошо знающий местные условия, все-таки никак не ожидал, что ему поручат строительство плотины.

— Спасибо, Антон Григорьевич! — поблагодарил он и подумал, что назначение его на эту должность говорит о многом, в частности и о характере конструкции.— Значит, плотина будет не из бетона? — спросил Набиев.

— Конечно, Мирзо! — устало улыбнулся Карпов.— Ведь даже если мы вдвое увеличим мощность Душанбинского цемзавода, то и тогда он не сможет удовлетворить потребности Нурека. А если возить цемент из соседних республик, нужно строить железную дорогу. В горных условиях провести такую дорогу очень сложно. Тем более что после завершения строительства дорога окажется ненужной! К тому же трехсотметровая плотина из бетона, которую мы построим в условиях повышенной сейсмичности, ненадежна. Я лично сомневаюсь в ней. А вот плотина, насыпанная из местной земли и суглинка, по-моему, будет стоять сотни лет. Ибо, по моим, да и, наверное, твоим наблюдениям, суглинок Нурека и Лангара имеет такие свойства, что, если его немного увлажнить и уплотнить, он станет крепче бетона и воду будет хорошо держать и, самое главное, такая плотина не пострадает от землетрясения!

— По-моему, в этом отношении суглинок Сафедоба лучше лангарского,— оживился Набиев.— Его преимущество еще и в том, что к стройке он ближе, чем Лангар...

— Молодец, Мирзо! — обрадовался Карпов.— Это тоже очень важно. Из Сафедоба возить глину легче. Но это нужно хорошенько проверить! Мы обратимся в научно-исследовательский институт. Хорошо бы с помощью ученых, особенно сейсмологов, построить модель плотины и испытать ее.

Набиев достал из портфеля газету, протянул Карпову:

— Это мне товарищ из Москвы прислал. Итальянцы пишут, что заграничные специалисты высказываются против нашего про-

екта. Они утверждают — из суглинка такую высокую плотину построить невозможно!

Карпов, надев очки, посмотрел газету, потом взял русский перевод, внимательно прочитал. Минуту подумал и сказал:

— Им издали советовать легко...— он поднялся и заходил по кабинету.— Мы кое-что знаем о зарубежном опыте. Их смелость — двести метров. Для земляной плотины. В Японии плотина Макио — 106 метров, во Франции Сер-Понсон — 130 метров. А самая высокая в США плотина Орвилл — 224 метра. Мы же хотим поднять земляную плотину на триста метров. На высоту Эйфелевой башни! А раз так, то повышенный интерес к нашей плотине зарубежных специалистов вполне естествен!..

Набиев хотел закурить, но удержался. Карпов после очередного сердечного приступа курить бросил. Однако Антон Григорьевич уловил желание Мирзо. Он снова прошелся по кабинету. Шел, опустив голову и сцепив руки сзади. Вдруг остановился и попросил сигарету.

— У меня «Памир»...— Набиев удивился просьбе Антона Григорьевича, опустил руку в карман, но сигареты не вытащил.

— Ладно, давай! — Карпов махнул рукой.— Таджики верно говорят, что горечь горечью перебивается...

Закурили. Помолчали. Потом Набиев нерешительно спросил то, о чем хотел спросить давно:

— Когда приедет новая комиссия?

Карпов подержался за сердце, сел в кресло.

— Комиссии, как челноки, снуют — одна против, другая за, а судьба Нурека все еще не решена. Я боюсь, если мы сейчас не обеспечим людей работой, они разбредутся по другим стройкам. Настанет зима, где будем искать рабочих? Я полагаю, нужно сохранить имеющиеся силы. Нужно поддерживать веру людей в Нурек! Я верю, через месяц-другой правительство решит вопрос с Нуреком. Ведь нужен же он для будущего республики! По-моему, в Центральном Комитете это хорошо понимают!..

Опять затянулись. Табак был злой, и Мирзо подумал, что зря дал закурить Карпову.

— Соскучился по жене и сыну? — вдруг спросил Антон Григорьевич.

Набиев, прикрыв глаза, жадно втягивал дым.

— По сыну соскучился...— сказал он наконец.

— Только по сыну? — Карпов внимательно посмотрел на Набиева и, увидев печаль в его глазах, замолк.

В этот момент он вспомнил свою семью и тяжело вздохнул.

— Если хочешь, я тебя в Ташкент в командировку пошлю,— внезапно предложил Карпов.— Все равно одному из нас надо быть в проектном институте. Там объяснишь наши требования к плотине. И вообще нужно ускорить разработку проекта Нурека...

II

Исмаил Акрамов поздоровался с начальником строительства холодно. Карпов по тону, нахмуренным бровям и опущенным глазам директора понял, что он сегодня будет наступать. Но, несмотря на это, очень спокойно спросил:

— Что нового?

— Все по-старому. Если сказать одним словом — безобразие! — Акрамов положил на стол Карпова пачку бумаг.— Я ни одну из них не подпишу!

— Почему? — снова спокойно спросил Антон Григорьевич и, надев очки, стал просматривать документы.— Что-нибудь не так?

— Не так не в этих бумагах! — с сердцем произнес Акрамов. Он налил себе в стакан чаю из термоса.— Не так в самих делах, Антон Григорьевич! Я выяснил, что все фундаменты домов — сплошной брак! Рабочие не умеют еще делать фундаменты простых домов! А ведь с ними нам нужно построить плотину!

Директор говорил резко, брезгливо скривив губы. Его тон не понравился Карпову. Но сейчас он не мог спорить с Акрамовым. Ведь если тот все выяснил, значит, имеет право так говорить.

— Ну, так что вы выяснили?

Исмаил Акрамов удивленно уставился на начальника: «Неужели он ничего не знает?»

— Я вас слушаю! — Карпов откинулся на спинку стула.

Акрамов поднес стакан к губам, хлебнул и обжегся — чай был слишком горячий. Отодвинув стакан, тем же брезгливым тоном сказал:

— Фундаменты домов после дождя осели, местами трескаются. Необходимо было, прежде чем делать бетонные фундаменты, увлажнить и утрамбовать землю. Но никто об этом не подумал! Дома строят по неутвержденному проекту. Разве в наш век без генерального плана можно строить город?!

Антон Григорьевич почувствовал, как кровь ударила в виски, кольнуло сердце. Карпов выпрямился и прижал руку к груди.

— Дорогой Исмаил Акрамович! Давай лучше оставим сейчас мысли о городе, а в первую очередь отремонтируем старые кибитки и поселим в них людей. Потом привезем из Волгограда легкие деревянные дома. Еще что-нибудь придумаем...

— Значит, вы за то, чтобы город не строить, а создавать временные пристанища?

— Точно! — кивнул Антон Григорьевич.— Зачем нам город меж этих четырех гор? Наша основная задача — скорее построить ГЭС! Министерство энергетики СССР тоже за это...

— Это новая тема для спора, Антон Григорьевич! — недовольно пробурчал Акрамов.

— Нет, дорогой мой Исмаил Акрамович,— сказал Карпов,— это одна из трудных проблем времени. Мы хозяева большой и бескрайней страны и строим много гидростанций. Если мы около каждой ГЭС будем возводить новые города, а потом оставлять их

под свинофермы, что будет? Может, в будущем мы создадим такие города, которые после окончания строительства легко будет перенести на другое место. Но пока...

— Но пока,— сердито перебил Акрамов,— я не дам денег под бесплановые работы! Потому что в кармане у меня один партбилет, Антон Григорьевич!

— У меня тоже не два,— усмехнулся Старик.— Я никогда не предполагал, что ты такой боязливый!..

Акрамов снова вспыхнул.

— Не зря люди предупреждали меня, что вы кадр первых пятилеток и до сих пор таким остались! Партизанщина у вас в крови! А мы коммунизм строим по плану!

Карпов больше не мог сдерживаться.

— План, проект, закон! — закричал он, вскочив.— Знаешь, кто ты, Акрамов? Ты сорока, что сидит у дороги и клюет каждую букву инструкции!

— А ты старая ворона, что на все каркает! — гневно ответил Акрамов.— И твое карканье вещает приближение зимы!

— Прекрасно! — усмехнулся Антон Григорьевич.— Наконец разъяснил мне, кто я.

— Сначала вы мне разъяснили! — все еще сердито возразил Акрамов.

— Ладно, это еще ничего,— Карпов вздохнул, снова прижал руку к груди.— Поскольку положение очень трудное, я прошу тебя принять «форму-2». Иначе рабочим туго придется! Они под палящим солнцем работали, все почернели.

Акрамов сидел молча, нахмурившись, глядя в сторону. Боялся посмотреть на Карпова, чтобы не размякнуть. Акрамов решил твердо — Антон Григорьевич должен признать свою ошибку! Пусть фундаменты строят заново. Он не допустит партизанщины. Будущий город Нурек будут строить только по генеральному плану!

— Ты меня слушаешь или нет? — спросил Карпов.

— Говорите, я слушаю...— холодно сказал Акрамов.

— Я хочу теперь же любым путем обеспечить людей работой и зарплатой!

— Даже незаконным путем? — скривил губы Акрамов.

— Как это незаконным? — вспыхнул Карпов.— Сам же сказал, что в этих документах путаницы нет. Люди трудились и должны получить за труд!

— А кто тогда будет отвечать за бракованные фундаменты?

— Кто же еще? Конечно, мы с тобой! — с горечью заявил Карпов.— Здесь рабочие не виноваты. Только мы с тобой в ответе!..

— Интересно! — Акрамов от возмущения даже привстал.— Вы что же, считаете, что за ваши оплошности должен отвечать я? Так знайте, ничего я не подпишу! — он резко отодвинул стул и быстро вышел из кабинета.

Карпов задумчиво посмотрел в окно. Погода уже три дня хму-

рам — дует афганец. В такую погоду и здоровые с трудом дышат. «Дождичка бы! — подумал Старик.— Воздух бы чище стал...»

Потом он решил поехать осмотреть фундаменты. Собрал со стола документы и запер в сейф. «Акрамову объяснить что-либо трудно,— размышлял Антон Григорьевич.— Придется обратиться в партком. Партком должен поддержать интересы рабочих. Необходимо беречь людей, любым путем удержать их на стройке!..»

Покидая кабинет, Карпов уже точно знал — он будет стоять на своем!

На улице, как всегда, начальника ждал Женя. Газик направился к бракованным фундаментам. Подъехав, Карпов услышал, как Валерий Салахян ругается с длинным рябым главным механиком Кудратовым. Стройке нужен был кран. Валера хотел перегнать его из Орджоникидзеабада собственным ходом, а главный механик не разрешал. Он говорил, что такой тяжелый кран не осилит перевала, кроме того, имеющиеся мосты не выдержат и автоинспекция не разрешит...

— Разрешат! — доказывал отчаянно Салахян.— Для Нурека разрешат!

Глядя на растрепанного, дочерна загоревшего молодого прораба, отчаянно бившегося за ускорение работ, Антон Григорьевич невольно вспомнил свою молодость и молодежь Вахшстроя. Они тоже тогда, в начале тридцатых, гнали экскаваторы до берега Вахша своим ходом. Зарубежные фирмы, узнав об этом, заявили, что в таких условиях эксплуатировать их продукцию нельзя, что они откажутся от дальнейших поставок, поскольку будет нанесен ущерб авторитету фирмы. Молодой Карпов на это самоуверенно заявил: а мы и сами больше покупать у вас не будем. В дальнейшем будем пользоваться отечественной техникой!.. Ведь так потом и вышло! Хорошо, что сейчас краны отечественные, а то бы Салахян устроил международный скандал...

— Я решительно не согласен! — сорванным, хриплым голосом повторял главмех.

— Ну, а сколько нужно на демонтаж? — спросил Антон Григорьевич.

— Двадцать дней.

— А кран нам необходим сейчас! — вмешался Салахян.

— Что ж делать? — Карпов посмотрел на Кудратова и, видя, что тот молчит, повернулся к Салахяну: — Раз нужно, так нужно. Перегоняйте кран!

— Спасибо, Антон Григорьевич! — Валера по-мальчишески подпрыгнул от радости.

— Но я ответственность за эту шутку на себя не беру! — решительно заявил главмех.— И за технику и за жизнь людей кто будет отвечать, Антон Григорьевич?!

— Я отвечу! — опять не выдержал Салахян.

— Ты не очень-то командуй, Валера! Молод еще! — усмехнулся главмех.

— А вы не очень-то бойтесь, товарищ Кудратов! — дерзко ответил Салахян.— Жизнь труса недолгая!

— Кудратов верно говорит, Валера! — попытался успокоить возбужденного Салахяна Карпов.— Ты много на себя не бери! Будь осторожен, работай аккуратно. Разрешение нужно взять в республиканской инспекции. Они дорогу освободят для крана. И максимум внимания, чтобы никто не пострадал — ни люди, ни техника.

— Ясно, Антон Григорьевич!

Прораб хотел исчезнуть, но Карпов остановил его:

— Ты, Салахян, не убегай! У меня к тебе серьезный разговор. Директор не подписал наряды. Он говорит, что все ваши фундаменты не годятся. Брак!

— Он прав,— виновато признался Валерий.— У нас не было опыта, допустили ошибку. Теперь поняли. Больше не повторится.

Карпов думал, что прораб будет оправдываться, приводить веские доводы, ссылаться на объективные причины, как это водится у строителей, а он честно признался! Антон Григорьевич в душе был этому рад,— значит, и проверять нечего. Но ведь теперь нужно наказать прораба за оплошность.

— Салахян, ты лучше скажи, что теперь делать намерен? — грустно поинтересовался начальник стройки.

Валера потер шею, вздохнул.

— По-моему,— сказал он, глядя прямо в глаза Карпову,— два первых фундамента можно отремонтировать. А другие надо ломать и снова переделывать...

— Ты что говоришь? — ужаснулся Антон Григорьевич.— Ремонтировать, ломать... А кто за это платить будет?

Валера снова потер шею, задумался. Почему-то в голову пришло, что волосы отросли, в парикмахерскую надо...

— Пусть Салахян рабочим из своего кармана платит! — ехидно предложил главмех.— Другой раз думать будет, а не рот разевать!..

— Ну и заплачу... Со временем...— покладисто сказал Валера.

Антон Григорьевич задумался. По нахмуренным бровям было видно, что он очень сердит.

— На этот раз я тебе, Салахян, специальным приказом объявлю строгий выговор! — Начальник повернулся к главмеху и добавил: — Но этот выговор должен стать уроком для всех нас. Взвалили все на мальчишку и даже не проверили...

Кудратов тоже невольно опустил голову.

III

Анвар после работы надолго задержался в комсомольском штабе, который размещался теперь в голубом вагончике. Вероника просила помочь привести в порядок членские карточки, анкеты, протоколы, ведомости. Сама она занималась этим целыми

днями. Анвар и Валерий ей помогали. «Во всем должен быть порядок!» — говорила им каждый раз Вероника, по привычке ударяла в ладони и смеялась, покачивая тонким станом.

Валера с первой встречи смотрел на Веронику немного недоверчиво. Он не верил, что такая высокомерная особа, какой казалась она Валере, добровольно осталась в Нуреке.

— Ты и вправду насовсем приехала? — как-то спросил он Веронику.

— Как видишь! — улыбнулась Вероника.

— Специально приехала постановления писать? — поддразнил Валера.

— Приехала, чтобы научить вас писать постановления!

— Ты думаешь, без ваших постановлений не смогут ГЭС построить? — не унимался Валера.

— Вы напрасно смеетесь! — обиделась Вероника.— Я верю, что нужна в Нуреке! Для этого и приехала.

— Ого! — протянул Салахян и, удивленно покачав головой, посмотрел на Анвара.

— Немедленно сдавайся, Валера! — посоветовал Анвар. В душе он уже проникся искренним уважением к Веронике.

Однако Салахян сразу не желал сдаваться. Только со временем, видя, как умело работает Вероника, он признался Анвару, что действительно без нее не получится. Вероника оказалась к тому же хорошим товарищем. Она всегда спрашивала, где и кому и какая нужна помощь. И если не могла справиться сама, то поднимала всех на ноги и никому не давала покоя, пока просьба не выполнялась.

Однажды, просматривая ведомости за последний месяц, Вероника увидела, что Салахян не уплатил членские взносы. Она вскочила: что это такое! Как же это так? Валера не платит вовремя взносы! Тогда с других что требовать? Нужно немедленно увидеть Салахяна!

Она разузнала, что Валера перегоняет кран, что с ним главмех, который по-прежнему возражал против самоходного варианта. «Почему их до сих пор нет? — встревожилась девушка.— Может, они на перевале застряли? Что они будут делать в такой темноте? Может, им помощь нужна?»

У Анвара болела голова, он был голоден. И в ответ на беспокойство о Салахяне спросил:

— А что у тебя в сумке?

— Сухой хлеб и немножко сыра,— растерялась девушка, но тут же добавила: — Но тебе я не дам...

— Почему?

Вероника вдруг смутилась.

— Ты можешь успеть где-нибудь поесть. А Салахян, если вернется ночью, останется голодный...

— Так ты для него сухой хлеб будешь беречь? — со смехом спросил Анвар.

— А ты хочешь, чтоб я тебе отдала? — Вероника тоже засмея-

лась, открыла сумку, но тут же закрыла.— Я тебе отдам, если в вашей палатке есть что-нибудь съедобное.

— В палатке мы ничего не держим, а то мыши заведутся...

— Понятно,— кивнула головой девушка и, снова открыв сумку, достала бутерброд с сыром.— Вот один. Больше ты ничего не получишь!

— Мне и этого достаточно! — Анвар мгновенно уничтожил бутерброд.

Вероника покачала головой.

— Нельзя так жить, Анвар! — сказала она.— И ты, и Валера доведете себя до дистрофии. Такой жизнью вы себя погубите!

— Ну, а что ты посоветуешь? — запив бутерброд водой, спросил Анвар.

— Жениться надо, если не умеете сами готовить! Жена хоть накормит вас!

Анвар удивился. На минуту он даже позабыл о голоде и о головной боли. До сих пор никто ему так просто не говорил, что надо жениться, и не приводил таких аргументов, Валера с Анваром не раз спорили о верности и о «свободной любви». Зульфия доказывала необходимость «беречь жемчужину любви». А Вероника говорит иначе: жена тебя накормит!

— Наверное, ты права,— улыбнулся Анвар и выпил еще глоток холодной воды.

— Когда приедет Зульфия? — спросила без всякого перехода Вероника.

— Пока неизвестно,— пожал плечами Анвар.

— А если не приедет?

Анвар посмотрел в глаза девушки.

— Она приедет, Вероника!..

Вероника поднялась со стула.

— Пока, Анвар, я пойду в общежитие. Если придет Валера, ты отдай это ему.

Она протянула Анвару сверток с бутербродами.

...Внезапно пошел дождь. А вроде и намека на него не было. Молния прочертила сразу почерневшее небо.

Анвар собрал бумаги со стола, взял под мышку сверток с бутербродами, закрыл дверь вагончика и побежал к управлению: что слышно там от Валеры? А если с гор двинется сель? Как они кран перегонят через перевал?! Беспокойство Анвара нарастало, хотя он еще не знал, что беда уже случилась и его ищут.

Навстречу ехала грузовая машина. Анвар отошел к обочине, но машина, осветив его фарами, остановилась. В тот же миг из кабины выскочила Вероника.

— Тревога! Мост сломался, кран засел!

Анвар вздрогнул от неожиданного известия и на миг застыл.

— Кто тебе сказал? — выдавил он из себя.

— Вот этот товарищ от них приехал,— Вероника указала на шофера.

Шофер распахнул дверцу:

— Привет, инструктор! Я почти час ищу вас в Нурекграде... «Туткаулец»,— вспомнил Анвар и протянул руку шоферу.

— У меня было срочное дело в Орджоникидзеабаде, я ехал, а мост сломался, кран засел. Дороги нет, я повернул и сюда...

Вскоре волнующее слово «тревога!» облетело общежития. Известие о беде с Салахяном и его товарищами никого не оставило в стороне. Весь Нурек поднялся им на подмогу. Каждый считал, что именно его помощь нужна! И самое важное, никто не обвинял Валеру в легкомыслии или самонадеянности, все понимали, что кран необходим стройке как можно скорее!

Машины отъехали от Нурека в сильнейшую грозу. Молнии сверкали над горами, гремел гром, дождь и ветер крепчали.

— Кто пить хочет, пусть рот откроет! — пошутил кто-то.

— Смотри, чтоб от ветра не раздуло! — ответил другой.

— Ничего, тогда футбольный мяч покупать не нужно будет! — сказал третий.

— В городе и стадиона-то нет, зачем вам футбол? — проворчал недовольный голос.

— Ты, Микола, не ворчи! А то из тебя никогда хорошего человека не получится! Нужен будет стадион — сами построим. А мяч купить ничего не стоит...

— Сейчас стадион не обязательно, в первую очередь танцплощадку нужно! — вмешался еще один.

— Что, потанцевать захотелось?

— Конечно! После работы обнимешь девушку, заскользишь под музыку — вся усталость пропадет!

— Ишь о чем размечтался! — вмешался еще кто-то.— При одном только упоминании о девушках у меня сердце заходится!

IV

Гроза удалялась. Дождь перестал, небо прояснилось. Над близкими горами, там, где час назад сверкали молнии, сейчас помигивали ясные звезды.

— Ну вот и все, мир снова прекрасен! — сказал Салахян.

Но главный механик Кудратов был настроен иначе.

— Напрасно радуешься! — недовольно пробурчал он.— Все еще впереди!

— Что может быть впереди? Впереди у нас победа! — Несмотря на неожиданно трудную дорогу и внезапно возникшее препятствие, Валерий оптимистически и добродушно подтрунивал над Кудратовым.— Сейчас подъедут ребята и эту игрушку на руках вынесут.— Валерий показал на длиннохоботный кран, два колеса огромной платформы которого свешивались с моста.

— Товарищ Салахян! — не выдержал и закричал главмех.— В последний раз прошу вас прекратить шутовство!

— Вот тебе и дела! — почесал в затылке Валера.— И шутить запрещено! Чем же тогда заняться? Здесь и костра даже не разжечь — все отсырело...— Валерий обиженно замолчал.

...Гроза их настигла перед самым перевалом. Мощные «КрАЗы» и «ЯЗ» (с танковым двигателем!) потихоньку продвигались вверх, без труда тащили огромный кран. Начал накрапывать дождь, усилился ветер. Кто-то крикнул «стой!». Салахян, переглянувшись с главмехом, быстро соскочил с высокой платформы, побежал к переднему «КрАЗу» и влез в кабину.

— Останавливаться нельзя! — сказал он шоферу.— Только следи за интервалом!

Вокруг потемнело, дождь перешел в ливень, дорога мгновенно превратилась в реку. Бывшему матросу Валерию Салахяну показалось, что он не в кабине «КрАЗа», а в рубке корабля!

— Что делать? — с тревогой спросил шофер. Он боялся, что платформа может заскользить — тогда «ЯЗ» ее не удержит.

— Не паникуй! — успокаивал Валера.— Ведь «ЯЗ» не один. Передние «КрАЗы» тоже поддерживают и тянут...

— Все же на перевал взбираться опасно! — возразил шофер.

— Ты думаешь, на месте стоять лучше? А если камнепад? Разве не знаешь, что в этих горах за одним камнем могут тысячи пойти!..

— Интересно! — рассердился шофер.— Раз вы это знали, зачем этот проклятый кран потащили целиком?

— Другого выхода не было! — пояснил Салахян.— Стройке срочно нужен кран!

Посмотрев на недовольное лицо шофера, он догадался, что этот ответ его не удовлетворил, и добавил:

— Думали, дождик чуть побрызгает. Кто знал, что такой будет...

— Все надо было предусмотреть! — шофер бросил косой взгляд на Салахяна.

«КрАЗ», огибая крутые выступы, полз вверх. Валера хорошо понимал, что каждый поворот, каждая неровность дороги угрожает опасностью автопоезду. Успех дела зависел сейчас только от их осторожности и умения, поддержки и взаимовыручки. Главмех действовал решительно, четко, и в душе Валера был ему признателен: хоть перед Карповым он и снимал с себя ответственность, но в действительности всю ответственность брал на себя...

Наконец автопоезд выполз на перевал и по приказу главмеха остановился на ровном месте.

— Передохнем,— сказал Кудратов.

— Перекурим! — подал голос шофер «ЯЗа», подкручивая усы, и протянул руку за сигаретой.

Дождь лил как из ведра. Начался спор: ехать дальше или нет? Шофер «ЯЗа» предложил переждать до утра: «Зачем спешить? Днем светло, солнце выйдет, обсушит дорогу, тогда и поедем...» Оба водителя «КрАЗов» были за то, чтоб ехать: «Нельзя оставаться! Если утром подморозит, то возможен гололед».

Салахян тоже был за то, чтобы ехать. Он добавил еще, что до утра может где-нибудь размыть или завалить дорогу.

Наконец главмех дал команду «вперед!», но внутренне он тер-

зален. «А если уже где-нибудь размыло дорогу? Или камнепад их настигнет? Или платформа на повороте заскользит? Валера — авантюрист! Мальчишка! — думал он.— Почему это Карпов с ним согласился? Мне нужно было стоять на своем! А я уступил. Теперь, если что-нибудь случится, прежде всего я отвечаю».

Дождь продолжал лить. Сверкали молнии, и гремел гром. Внезапно молния так ярко осветила кабину «ЯЗа», что шофер закрыл глаза от страха.

— Господи! Убьет нас! — воскликнул он.

Главмех сидел молча, не сводя глаз с дороги. Автопоезд еле полз, постоянно рискуя съехать вниз.

К счастью, они благополучно миновали перевал. Но радоваться было еще рано. Автопоезд приближался к деревянному мосту над обрывом.

«Может, лучше переждать здесь до утра?» — подумал Кудратов, сомневавшийся в надежности деревянного моста. Но не остановил автопоезд сразу, а потом было уже поздно: первый «КрАЗ» выезжал на мост. «Выдержит ли?» — Кудратов высунулся из кабины, посмотрел вперед. Впереди за мостом светились огни — это ехала встречная машина. «Какого еще дурака несет?! — выругался главмех.— Передний «КрАЗ» не должен тормозить! На мосту нельзя останавливаться!..»

Но передние «КрАЗы», будто назло механику, один за другим остановились. У них не было другого выхода — навстречу несся грузовик!

В середине моста что-то затрещало. Этот жуткий звук Кудратов услышал ясно. Он стремительно выскочил из кабины, с фонарем в руках побежал вперед и, увидев, в чем дело, закричал от ужаса. Два задних колеса платформы проломили доски настила.

— Может, «КрАЗами» дернуть — и вылезет? — предложил подбежавший Салахян.

— Перестаньте! — закричал на него Кудратов.— Прошу вас, больше ни слова!

С фонарем в руках главмех спустился, скользя, под мост, осмотрел — колеса повисли, и если дернуть посильнее, то может получиться еще хуже!..

— Почему остановили переднюю машину? — с загоревшимися от гнева глазами спросил Кудратов.

— В этом я виноват! — сказал незнакомый Кудратову шофер грузовой встречной машины.

— Ты, несчастный, откуда взялся? — скрипя зубами от досады, подошел к нему Кудратов.— Почему ты полез на мост?!

— Извините, я не знал...— шофер попятился и хотел уже скрыться, но Кудратов быстро схватил его за ворот.

— Мы тебя не извиним! Мы тебя под суд отдадим, собачий сын!

— Пусти! Я тебе не собачий сын! — тот пытался вырваться из железных рук Кудратова, но не смог.

— Тогда объясни-ка мне, кто ты.

— Отец мой Шариф-партизан! Я Шарифов Азиз.

Тут вмешался Салахяп:

— Отпустите его! Пусть искупит свою вину — поедет в Нурек и привезет ребят!

Азиз Шарифов тотчас сел в машину и погнал ее в Нурек.

И вот сейчас помощь приближалась.

Кудратов смотрел на огни многочисленных машин и глазам своим не верил. Он никогда не предполагал, что в такую мрачную ночь столько людей, забыв о сне, придут им на помощь.

Анвар громко объявил, чтобы никто не слезал с машин. Это было необходимо, чтобы все разом не бросились на помощь и не создали неразберихи.

— А мне можно! — сказала Вероника, вылезая из кабины.

— Лезь обратно! Не устраивай беспорядка! — не оборачиваясь, приказал ей Анвар.

— Ты можешь приказывать мужчинам, а не мне! — Вероника прошла мимо Анвара и направилась к мосту. Она хотела скорее узнать, не случилось ли что с Валерой.

— Не поскользнись! — крикнул ей вслед Анвар.

— Будь спокоен! — повернувшись, ответила Вероника и, побежав, обняла вышедшего навстречу Салахяна.

— Подожди, я весь в грязи,— сказал, смеясь, Валера.

— Ничего, пусть грязь!..— Вероника целовала в темноте лоб, глаза, губы Салахяна.

Кудратов, проходя рядом, пробормотал:

— Эх, молодежь!..

«ЯЗ» фарами освещал мост. Анвар и Олег Иванович принесли первый домкрат. За ними Азиз Шарифов и еще трое рабочих тащили длинный трос.

Кудратов хотел перенять у Анвара домкрат.

— Нет, товарищ главный механик, вы теперь немного отдохните,— сказал ему Анвар.— Или вы мне не доверяете? Ведь я раньше на ремонтной базе работал, это моя специальность.

— Пожалуйста, в вас я уверен!

Валера в это время подошел к главмеху, сунул ему в рот бутерброд, сказал Анвару:

— С мостом ничего не случилось! Основные балки крепкие, это только настил сломался...

— Салахяп! Прошу тебя больше не вмешиваться! — рявкнул Кудратов.— Оставь, пусть понимающие в этом люди сами делают!

— Почему же? — сопротивлялся Валера.— Я тоже понимаю...

Ранним утром, когда солнце только осветило верхушки гор, автопоезд торжественно въехал в Нурек. Всю ночь не спали. Кран водрузили на строительной площадке первых многоэтажных домов.

— Да здравствует Нурек! — взволнованно крикнул кто-то.

Рабочие подхватили Салахяна и Кудратова и начали подбрасывать.

— Эй, ребята, оставьте, не нужно! — умолял главмех.— Ведь я с самого начала был против этого! Я и сейчас против!..

— Бросайте его выше! — кричал Валерий.

Анвар тихонько пожал руку Вероники.

— Потом принесите мне вашу с Валерой одежду, я постираю,— просто сказала девушка и, не прощаясь, потихоньку ушла.

V

Партком и управление строительством помещались в единственном кирпичном доме старого Нурека. Около двери своего кабинета Рахмат Рахимович остановился — на ней кнопками был приколот «Комсомольский листок».

«Товарищ партком! На участке строительства домов вовремя не привозят бетон, поэтому рабочие просиживают без работы!

В овощных ларьках уже неделю нет лука и картошки! Просим принять меры!»

В конце была и подпись красными печатными буквами: «Комсомольский штаб Нурека».

Рахмат Рахимович оглянулся по сторонам — никого! — и сорвал листок. «Это дело Анвара! — с раздражением подумал он, входя в кабинет.— Паршивец! Много на себя берет! Его Карпов с Холидой испортили...»

Секретарь парткома скомкал листок и швырнул его на стол. Рахмат Рахимович припомнил, как недавно Карпов хвалил Анвара — общение с ним, мол, возвращает мне молодость. Похож, мол, на комсомольца первых пятилеток. Да и первый секретарь ЦК комсомола Холида Джалиловна много говорила об Анваре. Оказывается, он сознательно отказался от спокойной работы и приехал в Нурек, согласился на меньшую зарплату. Рахмата Рахимовича возмущали эти похвалы. «Зачем это о молодом парне с высоких трибун говорить? Таких, как Анвар, слава только портит!»

Про себя Рахмат Рахимович постоянно опасался, что Анвар передаст Карпову их разговор, поэтому истинное свое отношение к Саидову скрывал, обращался с ним по-дружески. Чтобы расположить к себе Анвара, он сам съездил в институт, поговорил с секретарем партийной организации и с его помощью получил две рекомендации для вступления Саидова в партию: потом вместе с Анваром побывал на его бывшем месте работы — ремонтной базе. Там тоже дали Анвару самую лучшую характеристику. И нужна была рекомендация от комсомола, за ней секретарь парткома демонстративно обратился к самой Холиде, потом к секретарю райкома комсомола. А он, «мулло Анвар», неблагодарный, сегодня вот листовку на дверь прилепил...

«Дрянь! — мысленно ругал Рахмат Рахимович Анвара.— Я ведь ему ничего плохого не сделал! Наоборот, помогаю, как могу, человеком стать».

Внезапно Рахмату Рахимовичу пришло в голову, что, может, Анвар давно предал его.

Секретарь парткома распахнул сейф, схватил документы Анвара. С каким наслаждением он разорвал бы их на мелкие куски! Но надо сдерживаться. Большим усилием Рахмат Рахимович заставил себя положить документы на стол и сесть. Руки его дрожали, в ногах появилась противная слабость.

«Что делать? — думал он, обхватив ладонями голову.— Как проучить этого щенка?»

Напрямую действовать нельзя. И так много недовольных парткомом, размышлял секретарь, но, опять же, если не подтянуть узду, этот непутевый Анвар его опозорит! Сейчас еще даже и не член партии этот сосунок, а уже на него бросается, что же будет потом, когда права его возрастут?! Опять же, не принять его в кандидаты никак нельзя! Придется принять. Но прежде надо с ним объясниться! Неужели этот беспутный не поймет, что поведение его до добра не доведет? Недолго ведь и шею сломать!

Рахмат Рахимович решил официально пригласить Анвара в партком. А чтобы разговор скорее состоялся, послал за Саидовым машину.

Анвар явился быстро. Он решил, что речь пойдет о каком-то срочном поручении.

Секретарь парткома не встал, как обычно, навстречу, только взглянул и коротко бросил:

— Садись!

Анвар сел за длинный стол и увидел, что перед Рахматом Рахимовичем лежит сорванный с двери листок и какие-то бумаги, видимо его документы. Сердце Анвара дрогнуло. Он вспыхнул и весь подался вперед.

Рахмат Рахимович ничего не говорил, будто и не замечал Анвара, перебирал свои бумаги. Он хотел помучить Саидова молчанием. Пусть подумает, может, кое-что поймет! Он ожидал, что Анвар станет извиняться, раскаиваться, и тогда с ним объясняться будет легче.

Но он ошибся. Анвар несколько минут подождал, а потом, видя, что Рахмат Рахимович вовсе не спешит разговаривать, молча встал. Секретарь парткома, подняв голову, снял очки.

— Куда?

Анвар остановился, держась за ручку двери.

— Где вы напечатали эти гнусные листки? — спросил Рахмат Рахимович, кивнув на скомканную бумагу.

— Отпечатать несколько слов не так уж трудно.

— В ЦК комсомола о твоих проделках знают?

— Нет.

— Очень хорошо...— Рахмат Рахимович задумался и невольно встал.— Выходит, решил с парткомом бороться? Послушай, дорогой, может, я тебе не нравлюсь? Допустим, что так. Сам ты сообразил на меня нападать или кто посоветовал?

Анвар стоял молча, тоскливо глядя в окно.

Рахмат Рахимович сбавил тон:

— Ведь ты должен знать, что все равно тебе секретарем парткома быть рановато...

После этих слов терпение Анвара лопнуло.

— Мне-то, может быть, и рановато, но вы-то уж совсем тут не на месте.

Анвар вылетел и захлопнул дверь за собой.

Рахмат Рахимович растерялся. «Что теперь будет? — со страхом думал он.— Если эти разговоры дойдут до людей?.. Карпов узнает?!» Рахмат Рахимович еще не пришел в себя, как открылась дверь и вошли Карпов и Акрамов.

«Черт их принес в такое время!..» — Рахмат Рахимович быстро отодвинул документы Анвара и накрыл их чистым листом бумаги.

— Пожалуйста, садитесь! — сказал он, не глядя на вошедших.— Я сейчас чай велю...

— Нам чай не нужен,— тут же начал Акрамов. Брови его, как всегда, были насуплены, в голосе звучал металл.— У нас времени мало. Я сейчас даже не буду жаловаться на оскорбления Карпова в мой адрес...

— Когда будешь жаловаться, про свои оскорбления не забудь! — буркнул Карпов.

— А как же.— даже не [illegible] к начальнику строительства Акрамов.— Сейчас [illegible] только о делах.

Директор строящейся ГЭС [illegible] требовал, чтобы строители фундаментов, [illegible] были наказаны. Далее он заявил, что запрещает [illegible] без генерального плана! Но это не значит, что он, как Карпов, против строительства города! Он за порядок, он против [illegible].

Все это Акрамов высказал четко, [illegible], без пауз. Потом стал говорить Карпов. Он тоже был очень сердит.

— Ты, дорогой мой Исмаил [illegible], не сказал главного! Вопрос, строить или не строить город, не нам с тобой решать...

Акрамов тут же перебил:

— А вы не скрывайте перед наркомом свое нежелание строить город!

— Предположим, что так! — сдвинул рыжие лохматые брови Карпов.— Попрошу больше не перебивать! Если не согласен, потом выскажешься...— Старик выдержал паузу, посмотрел на Акрамова и, увидев, что он молчит, спокойно продолжил: — Те, кто допустили ошибку в строительстве фундаментов, уже наказаны по административной линии специальным приказом. Они поняли свой просчет и сейчас заняты исправлением. Нужно признаться, что большинство из них люди честные и самоотверженные. За одну ошибку мы их не можем выгнать. Наоборот, им нужно помочь...

— А я и не настаиваю, чтобы выгонять,— пожал плечами Акрамов.

— Нет, друг мой! — погрозил пальцем Антон Григорьевич.— Это только на словах. А в действительности не так!

— Клевета! — закричал Акрамов.— Это не делает вам чести!..

— Хорошо, скажи мне, почему не подписываешь «форму-2»? — спросил Карпов.

— Вы знаете, почему,— сказал Акрамов.— Я «форму-2» тогда подпишу, когда ее подпишут секретарь парткома и все члены бюро!..

— Вот тебе и на! — удивленно протянул Антон Григорьевич.— Может, ты потребуешь, чтоб «форму» подписывал сам министр энергетики?

— Я над этим подумаю...— Исмаил Акрамов быстро достал наряды из папки и вручил их секретарю парткома: — Пожалуйста, можете подписывать...

Рахмат Рахимович невольно взял бумаги и, глядя в них, задумался.

«Этот дурак не лучше Анвара! Допустим, тот еще молод и ума не набрался. А этот то чего? Если начальник строительства подписал, плати себе деньги! Ведь не из своего же кармана! Государство для Нурека отпускает! Зачем же тебе ругаться с этим русским, которого все равно не переспоришь».

В кабинете царила тяжелая пауза. Это разозлило Акрамова.

— Ну? Подпишете или нет? — нетерпеливо спросил он у секретаря парткома.

— Где тут нужно подпись ставить?

Рахмат Рахимович храбро взял ручку и, не читая, стал расписываться. Он не так глуп, как Акрамов. Он уважает Карпова! И пусть Карпов это видит!

Он подписал последний наряд, не спеша собрал все и, довольный, протянул Карпову.

Антон Григорьевич, сидевший до сих пор с опущенной головой, встрепенулся и показал взглядом, что надо отдать директору.

Но Исмаил Акрамов бумаг не взял.

— Чего ты еще хочешь? — удивился Карпов.— Он же подписал!

Исмаил, тяжело вздохнув, встал.

— Раз он подписал, пусть сам деньги и платит! — не глядя на Рахмата Рахимовича, он слабо махнул рукой.— А я лучше пойду заявление напишу, чтобы освободили меня от обязанностей директора строительства ГЭС...

Антон Григорьевич прижал руку к груди.

Акрамов взял папку под мышку и вышел из кабинета.

VI

Антон Григорьевич сел на заднее сиденье газика.

— Вези домой! — попросил он Женю. Машина, развернувшись, направилась к Лангару.

Карпов прикрыл глаза, припоминая только что состоявшийся разговор с главным инженером строительства Семеном Алексеевым.

Антон Григорьевич по-отечески попросил Семена пойти к Акрамову и от его имени извиниться. Семен удивился:

— Знаете, Антон Григорьевич, Акрамов ведь на все со своей колокольни смотрит. Вы для всего народа стараетесь, для всей страны. А он только для своей республики...

Карпов рассердился:

— Ты что, Семен! Такими, как Акрамов, нужно гордиться. Они свидетельство победы Советской власти в Таджикистане! Исмаил поступает как инженер и советский гражданин. Как коммунист!.. За правду он, Семен, борется.

— За правду? — возмутился Алексеев.— Так правда-то теперь в том, чтобы рабочим их труд оплатить. А Акрамов наряды бросил. Где мы теперь денег возьмем?!

— И тем не менее он прав,— задумчиво сказал Карпов.— Мы с тобой должны сделать серьезные выводы. Акрамов верно говорит, приехавшие создавать невиданную плотину еще не умеют построить обыкновенных фундаментов! Значит, нужно учить людей! Это наша с тобой задача. Надо бы в Нуреке открыть профтехучилище. Необходимо написать об этом министру...

— Все понятно,— тяжело вздохнул Семен.— Но чем сейчас платить рабочим? Если им хотя бы аванса не дать, плохо будет. Работу бросят...

— Аванс, говоришь? — эта мысль понравилась Карпову.— По-моему, Акрамов на аванс согласится...

Антон Григорьевич велел немедленно подготовить ведомости для аванса.

— Наряды в моем сейфе держать? — снова спросил Семен.

— Пока подержи,— попросил Карпов.

Сейчас он, сидя на заднем сиденье, вспоминал разговор и еще раз взвешивал все, оценивал.

Таких трудных моментов — какое там, и потруднее! — в жизни инженера Карпова бывало немало. На строительстве Туркменского канала тоже возник серьезный конфликт. Когда Карпова назначили начальником, он проехал по всей трассе будущего канала и отверг утвержденный проект. Во-первых, проектировщики явно занизили сроки, стоимость и объем работ. Во-вторых, трасса канала проходила вдали от населенных мест, что тоже не годилось.

Туркменские товарищи сказали: «Ты строй канал, как сам знаешь, а мы тебя поддержим». Антон Григорьевич, конечно, и не сомневался в поддержке. И все же решительно потребовал, чтобы были заново сделаны все перерасчеты и проект! Состоялось специальное совещание. Карпов со своим предложением остался один, никто его не поддержал. Наоборот, нашлись товарищи, которые пытались его обвинить бог знает в чем. «Карпов нарочно оттягивает строительство канала! Он хочет всю ответственность за проволочки свалить на других. Он не понимает, какое политическое

и государственное значение имеет Каракумский канал!..» Тяжело было, что и говорить, но Карпов этих обвинений не испугался. Такое в его жизни уже бывало. И после постройки в тридцатых годах первой плотины на Вахше и большого оросительного канала враги пытались уличить Карпова во множестве грехов. Началось расследование, которое длилось двадцать шесть месяцев. И потом, уже на других стройках, все бывало — и радости, и печали. Сердце Старика никогда не билось спокойно. Привык уж. Поэтому и обвинение в том, что «он нарочно оттягивает строительство», на Карпова не подействовало. Он настаивал на своем...

Специальным самолетом его отправили в Москву — Иосиф Виссарионович Сталин сказал, что хочет сам побеседовать с инженером, «который против канала».

Когда Карпов вошел в огромный светлый кабинет, ему показалось, что там никого нет. Только секундой позже он увидел человека с трубкой, застывшего у окна. Карпов посмотрел на Сталина и сразу про себя отметил, что вид у него очень усталый. «Разговор должен быть коротким!» — решил Антон Григорьевич. И тут же услышал приглашение: «Садитесь!..» В этом спокойном мягком голосе чувствовалась подчеркнутая вежливость. Карпов сел на один из стульев за длинным столом, куда показала рука с трубкой.

Сталин, размеренно шагая, приблизился и остановился напротив.

— Я хотел задать вам только один вопрос...— Он поднес трубку к губам, но не затянулся. Карпов слышал, что «он обычно врагов трубкой выкуривает!».— Хочу знать: вы действительно отрицаете необходимость для страны Туркменского канала?

Антон Григорьевич хотел встать для ответа, но снова рука с трубкой мягким жестом усадила его на место. Карпов ответил не сразу. Он еще раз подумал, потом твердо сказал:

— Не отрицаю, товарищ Сталин!

Сталин постоял молча, как бы оценивая ответ.

— Теперь я вас слушаю...

Карпов увидел, что он наконец взял трубку в рот и закурил. «Что бы это значило? Выкуривает?..» Но Карпов не намерен был легко сдаваться, он уверенно говорил все, что считал нужным.

Сталин ни разу не перебил Карпова, невозмутимо выслушал до конца и потом очень спокойно сказал:

— Что ж, если не построим за эту сумму, построим за сумму в пять раз большую. Если не построим за семь лет, построим за семнадцать. А строительство необходимо...— он сделал многозначительную паузу, снова взял трубку в рот.

В конце концов Большой Туркменский канал начали строить по расчетам и проекту Карпова... Да! Тогда Карпов был прав. Это доказала сама жизнь, а с Нуреком все еще впереди. Но жаль, что теперь он не тот Карпов. Наверное, Акрамов верно сказал, что он теперь «старая ворона» и каркает к месту и не к месту!..

...Газик выехал на высотку у Лангара, остановился у деревянных голубых ворот. Карпов сидел в прежней позе, прикрыв глаза.

— Уже приехали,— повернулся к нему Женя.

Антон Григорьевич кивнул и тяжело приподнялся.

Женя открыл заднюю дверь, помог Старику выбраться.

— Спасибо,— поблагодарил Карпов и направился в открытую калитку. Теперь он шел по узкой дорожке, опустив плечи, заложив руки за спину.

«И как только выдерживает такую нагрузку!» — сочувственно подумал Женя, глядя вслед своему начальнику.

...На столе Антон Григорьевич увидел нераспечатанное письмо. «От Берды»,— узнал он знакомый почерк. Теплое, радостное чувство шевельнулось в душе, и даже усталость стала меньше. «Дорогой мой Берды, хорошо, что ты не забыл меня, старика!» — повторял он, дрожащими руками вскрывая конверт.

«Дорогой Антон Григорьевич! — писал Берды.— Я так по вас соскучился, как никогда и по отцу не скучал. Конечно, в этом нет ничего удивительного. Вы мне дороже отца и больше отца обо мне заботитесь...»

В горле пересохло, Карпов налил боржоми в стакан, выпил и, поправив очки, продолжал читать.

Берды писал, что жена его Угулнабот и сынишка Санджар с любовью вспоминают Карпова и часто о нем спрашивают. Потом он сообщал, что, несмотря на желание, приехать в Нурек не может, потому что скоро они начинают новую линию канала и Берды назначили начальником строительства!

Антон Григорьевич и обрадовался и огорчился. Огорчился, что Берды не приедет в Нурек и они еще не скоро увидятся. Антон Григорьевич быстро привязывался к своим ученикам и потом болезненно переживал расставание с ними. В то же время Карпов порадовался за Берды — давно пора было его повысить в должности. «Конечно, такого специалиста Туркмения легко не отдаст! — подумал Антон Григорьевич.— Берды им самим необходим. Для Нурека людей проще найти, а в той пустыне не каждый сможет работать».

В дверях появился Женя и заявил, что готов сегодня выполнять обязанности повара.

— Что приготовить? — шутливо поклонившись, спросил он.

— Что хочешь, лучше что-нибудь легкое,— ответил Карпов и взял перо, чтобы написать Берды письмо, пока готовится ужин. Он хотел поздравить Берды и пожелать ему успехов.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

I

Аэропорт в Ташкенте был многолюден. Солнце палило нещадно. У летнего багажного павильона толкались пассажиры, торопившиеся получить свой багаж. Мирзо Набиева сжали со всех

жары. Он тяжело дышал и обливался потом. Внезапно два здоровых парня рванулись вперед, и молодая женщина, чтобы не упасть, ухватилась за рубашку Мирзо. Рубашка затрещала. От воротника отлетела пуговица. Мирзо сердито повернулся и встретился с растерянным взглядом женщины.

— Извините... Я пришью вам пуговицу...— сказала она по-русски, хотя не была похожа на русскую.

Мирзо не ответил. Да и отвечать было некогда, его опять толкнули. Мирзо жалел, что свой почти пустой чемоданчик сдал в багаж.

Наконец он выбрался на площадь. Теперь нужно было идти на стоянку такси. Но и тут людей скопилось много. Стоять под палящим солнцем никто не хотел, и поэтому к каждой свободной машине бежали все разом, норовя влезть в нее побыстрей.

Мирзо вздохнул — не скоро он уедет, а ведь впереди еще устройство в гостиницу.

Раньше было все по-другому: родственники жены толпой выходили встречать, с почетом усаживали в свою машину и везли домой. Сегодня он впервые оказался в таком положении. Может быть, зря не послал телеграмму — и сейчас все-таки стоит поехать в дом тестя?..

— Эй, брат, идите быстрей! — окликнул кто-то Мирзо по-таджикски.

Рядом остановилось такси. В открытое окно высунулась женщина, та самая, что оторвала пуговицу от рубашки.

Мирзо, обрадовавшись, подхватил чемоданчик и побежал к машине.

— Оба в одну сторону едете? — улыбнулся шофер, сверкнув золотыми зубами.

— Вам куда? — женщина повернулась к Мирзо. У нее были прелестные свежие губы и умные веселые глаза, спрятанные в длинных пушистых ресницах.

Мирзо, сдвинув густые брови, сидел в задумчивости. Наконец он назвал адрес «Средазгидропроекта».

— Знаю! — кивнул шофер.— Мой дом рядом...

— Очень хорошо, мы к вам в гости зайдем выпить по пиале чая,— перейдя на узбекский, пошутила женщина.

— Добро пожаловать! — засмеялся шофер.— Пусть чаще будут в моем доме такие красивые женщины!

Женщина смущенно улыбнулась.

— А то как же! — подмигнул ей шофер.

Женщина отвернулась к окну, видимо, она уже пожалела о своей шутке, тем более что спутник ее был угрюм и шутки не принял.

...Такси, развернувшись на площади у проектного института, остановилось. Мирзо открыл и достал кошелек. В этот момент женщина протянула шоферу новенькую трешку.

— Вам разве тоже здесь? — удивился шофер. В голосе его прозвучало сожаление.

Женщина ничего не ответила, молча вылезла из машины. Шофер достал из багажника вещи. Обдав пассажиров пылью, машина умчалась. Будто и не было ни такси, ни золотозубого шофера.

— Зачем вы вылезли? — спросил Мирзо.

— Я не хотела ехать с этим шофером,— наклонив голову, сказала женщина,— он смотрел нехорошо...

Мирзо, погладив пальцами усы, усмехнулся. «А чем он виноват? — говорит его взгляд.— Ведь шутить с ним сама начала».

— Вы, вероятно, в командировку приехали? — несмело подняла глаза женщина.

Мирзо ответил холодно:

— Верно. В командировку.

— А я приехала к Гуле, подруге моей, на свадьбу,— сообщила она.— Ей двадцать четвертый год, а она только замуж выходит. Мы в ПТУ вместе учились. В детдоме она была мне как сестра... Свадьба сегодня. Хотите, я вас возьму с собой? Все равно вы вечером в гостинице скучать будете. А я вам заодно и пуговицу пришью. У подружки, как и у меня, никого родных нет. Она рада будет гостям...

Женщина говорила искренне, без всякого кокетства. Это обезоружило Мирзо, и он дружелюбно сказал:

— Благодарю... Из-за пуговицы не переживайте. Ничего...

— Ну, а на свадьбу пойдете?

— К сожалению, нет... у меня тут много дел...

— Дело ваше, конечно,— удрученно сказала женщина,— но, если б пошли, не пожалели. Пусть бы все думали, что я привела хорошего земляка,— насильственно засмеялась она и добавила: — Хотя мы еще и не познакомились... Да вы только чего-нибудь плохого не подумайте! Я так... от чистого сердца. Мы же сироты, брат!..

Женщина спрятала глаза, отвернулась.

— Вон такси остановилось! — воскликнула она и взяла чемодан из его рук.— Спасибо вам! — она храбро протянула ему руку.— Меня зовут Тахира. Вернетесь в Душанбе — звоните...

Она быстро достала из сумки блокнот и карандаш, написала на листке имя и телефон и дала Мирзо. Потом Тахира помахала рукой, будто прощаясь с давним другом.

Мирзо долго смотрел ей вслед — странная женщина. Правда, в искренности ее он не сомневался.

«И имя странное...— думал Мирзо.— Почему бы не Зухра? Может, в детдоме уже была Зухра и не хватало Тахира? [1] Где ей дали такое необычное, совсем мужское имя?..»

---

[1] Тахир и Зухра — герои народного эпоса.

II

В проектном институте главный инженер Нурекского комплекса, лысый, всегда улыбающийся Петр Кондратьевич Злобин приветливо принял Набиева. Они знали друг друга давно. Петр Злобин участвовал в проектировании нижних Вахшских ГЭС и Головной, не раз бывал на тех стройках. Тогда он был еще рядовым инженером.

Всем было известно, что между Злобиным и Карповым мира никогда не было. Карпов был человеком добросердечным и, самое главное, справедливым. Но спокойный Злобин и мягкий Карпов, общаясь, всегда сердились, становились едкими и насмешливыми. Даже заочно они не могли друг о друге говорить без волнения.

...Злобин усадил Набиева в мягкое кресло, по привычке погладил ладонью загорелую лысину и с улыбкой спросил:

— Как здоровье Антона Григорьевича?

— Хорошо. Привет вам передавал,— невозмутимо сказал Мирзо.

— Привет или чемодан проклятий? — сверкнул глазами из-под очков Злобин.

— Почему чемодан? — не понял Набиев.

— Потому что для меня у него больше ничего нет!

— Ну так в чемодане-то плоды вашей работы...— уточнил Мирзо.

— Естественно! — Злобин с карандашом в руке внимательно рассматривал лицо Набиева, будто собирался рисовать его.

— Я хотел узнать, в каком положении проект плотины? — перешел к главному Набиев.

— Все еще не готов! — постукивая карандашом по стеклу стола, ответил Злобин.

— Очень хорошо,— обрадовался Набиев.— Мы внесем изменения... Раньше думали ядро плотины делать из суглинков Лангара, теперь пришли к выводу, что суглинки Сафедоба лучше...

Главный инженер вдруг вспыхнул, вскочил с места.

— Так!.. Сначала говорили — из бетона, потом — из суглинков Лангара. Карпов там дом, что ли, построил?! Сегодня говорите — из суглинков Сафедоба, завтра придете, скажете — из пыли горы Лал плотину строить будем!

Злобин заложил руки за спину и зашагал по кабинету. Он так разгневался, будто перед ним был не сдержанный Набиев, а сам Карпов, готовый в любой момент перейти в атаку.

— Дорогой Петр Кондратьевич! — спокойно и дружелюбно начал Набиев.— Сафедоб, прежде всего, ближе к плотине, чем Лангар, и перевозить глину удобнее. Потом, водоудерживающие свойства глин Сафедоба лучше лангарских. Если глины Сафедоба немного увлажнить и уплотнить, то они станут крепче бетона. По всем расчетам, это намного удешевит строительство плотины и ускорит работы... Жизнь, поймите, сама жизнь, опыт подсказали, что так лучше! Расчеты вот...

— Извините, я еще не знаю вашей новой должности,— остановившись, с деланным спокойствием вдруг перебил Злобин.

Мирзо пожал плечами и безразличным голосом сообщил, что он назначен начальником СУ плотины.

— Хорошо, хорошо! Поздравляю! — без всяких эмоций бросил Злобин, а про себя подумал: «Карпов знает, кого выставить против меня! Набиев прекрасно изучил местные условия, и инженер он с головой...»

Злобин понял, что спорить с Набиевым нет смысла. Не переспоришь! Пусть ломают копья другие. Он выглянул в приемную и попросил секретаршу вызвать Канбарова.

Феликс Канбаров был полной противоположностью Злобину. Худой, желтый, болезненный с виду, с неожиданно хитрыми круглыми глазами. В проектном институте для сослуживцев он был загадкой. Он быстро менялся, вел себя по-разному в разных обстоятельствах, и поэтому за ним закрепилось прозвище Икс. Появившись в кабинете Злобина, Канбаров переложил в другую руку наполовину выкуренную сигарету, молча пожал руку Злобину и кивнул Набиеву.

Мирзо лично не знал Канбарова, но о прозвище его слышал.

— Инженер Канбаров непосредственно занят проектом плотины,— сказал Злобин.— Надеюсь, вы найдете общий язык...

Злобин протянул Канбарову кожаную папку Набиева и пояснил:

— Карпов требует, чтобы мы внесли серьезные изменения в проект плотины, ознакомьтесь!

Канбаров сунул папку под мышку. Настроение начальника он уловил с первого взгляда, с первого слова. Но пока молчал.

Икс со свойственной ему проницательностью быстро догадался, что Набиева не так просто разыграть, он ни одного слова зря не скажет, особенно теперь, когда выложил свои требования Злобину. И главное, он убежден: они с Карповым правы! Канбаров посмотрел сначала на Злобина — как бы советуясь,— потом на Набиева и, будто невольно подвинув папку к Набиеву, сказал:

— А может, мы еще немного подождем? Возможно, вы и Карпов еще подумаете, другие требования предъявите. Зачем спешить?..

— У нас других требований нет,— коротко и решительно ответил Набиев.— Строители ждут проект.

Икс улыбнулся, не спеша затянулся и выпустил дым через нос.

— Других, значит, нет? — переспросил он и, будто советуясь, продолжил: — Как же мы можем работать, если завтра или послезавтра Карпову опять не понравится готовый проект? Мне кажется, любой наш проект вам с Карповым не подойдет. Карпов все равно будет делать по-своему.

— Вы зря волнуетесь,— улыбнулся Набиев.— Товарищ Карпов никогда не поступает по своему хотению. Но если он знает, что прав, то будет бороться за правду. Ведь еще и поэтому он начальник строительства!

— То есть он начальник, а мы все его слуги? — вращая белками глаз, спросил Капбаров.

Набиев обратился к Злобину:

— Я не буду бессмысленно с вами препираться. Если хотите, давайте обсудим наше предложение серьезно.

— Видна школа Карпова! — процедил сквозь зубы Злобин.

— А я никогда этого и не скрывал! — согласился Набиев.— Счастлив, что ученик Антона Григорьевича. Школа Карпова — гордость страны!..

Злобин, видя, что этим заявлением Набиев закончил «дружеский» разговор, перепоручил Капбарову вместе с гостем изучить расчеты нурекских товарищей.

Капбаров с разрешения начальника повел Набиева в свой рабочий кабинет. Там было четыре стола, но сейчас Икс сидел один.

— Одна женщина в декрете, двое других сотрудников в командировке,— объяснил он.

— Так вот почему с проектом тянете,— сказал Набиев,— никто им не занимается!..

Икс хмыкнул, но ничего не ответил. Он прошел за стол у окна, открыл папку.

Набиев посмотрел в окно на проходивший мимо с грохотом трамвай. Этот номер ходит до Чакара. На нем он ездил сотни раз в дом тестя. И сегодня поедет.

...Икс стал придираться с самого начала. Набиев закурил свой «Памир» — ему приходилось бороться за каждую цифру, за каждую запятую, объяснять, настаивать! Икс делал вид, что ему все неясно, все непонятно и ненужно. А Набиев доказывал обратное. Икс издевался над ним. Набиев внутренне кипел, но терпеливо и настойчиво продолжал борьбу.

Глядя в хитрые глаза Капбарова, он с удивлением думал: «Чего он хочет? Неужели он против плотины или вообще против Нурека? Видно, Карпов был прав, когда говорил, что главный инженер проекта Злобин не верит в Нурек. Зачем же тогда он сидит здесь?»

Икс, почувствовав состояние Набиева, стал нервничать. «Что теперь будет? А если он уйдет?..»

— Мне кажется, вы устали,— сказал он.— Может, на сегодня хватит, а в понедельник продолжим?

Набиев понимал, что Капбарову нужны эти два дня передышки, чтобы продумать ситуацию. Но возражать не было смысла.

Мирзо Набиев очень сожалел, что его друга, талантливого узбекского инженера, страстного защитника Нурека Хамзу Алиева недавно перевели на другую работу. На его месте теперь работал Капбаров. Нет, это хорошо, что Хамзу повысили. Ему дали самостоятельную, еще более ответственную работу. Теперь он сам главный инженер нового большого комплекса будущего строительства в Узбекистане. Мирзо, конечно, рад за друга. Жаль, повидаться не удалось: Хамза в командировке и, как сказали Набиеву,

вернется не раньше, чем через две недели. Очень жаль... Хамза наверняка помог бы ему хотя бы советом...

Мирзо и Хамза познакомились и подружились еще в годы учебы в Москве. Хамза при первой встрече с гордостью рассказал, что его дедушка в двадцатые годы открывал первую советскую аптеку в Душанбе, а позже, когда стал министром здравоохранения (в те годы Таджикская АССР входила в состав Узбекистана), много делал для организации здравоохранения в труднодоступных горных районах республики...

Между прочим, он дружил со знаменитым узбекским поэтом Хамзой Хаким-заде Ниязи. И его именем назвал своего первого внука.

Что ж, внук в своей инженерии тоже стал настоящим поэтом. Не зря он так страстно защищал Нурек. Ведь построить ГЭС в горах это тоже поэзия. Хамза всегда был на стороне Карпова. Он с самого начала активно поддерживал его идею о возможности включения Нурека в единое энергетическое кольцо Средней Азии и Казахстана. Как и Мирзо, считал, что строить плотину Нурека нужно не из бетона, а из местных грунтов. Поэтому Набиев нисколько не сомневается, что, будь Хамза Алиев в Ташкенте, он непременно помог бы ему...

Канбаров, по обычаю гостеприимства, проводил Мирзо до вестибюля и предупредил еще раз, что в понедельник в десять часов его ждет.

Набиев кивнул и сбежал по мраморным ступеням. Он действительно устал. Кроме того, хотелось есть и пить. Скорее в дом тестя, чтобы увидеть сына Бахромджона!

Выйдя на улицу, он купил на лотке пирожок и, поспешно жуя, пошел на остановку трамвая.

III

Дом тестя, деда Хотамбека, располагался в Старом городе. По рассказам тетушки Мастонбиби, жены Хотамбека, половина земли теперешней махалли[1] раньше принадлежала Хотамбеку. Еще за несколько лет до революции он был подрядчиком одного ташкентского бая в Оренбурге. Бай за многолетнюю верную службу наградил его сразу большой суммой денег, и Хотамбек купил эту землю, построил усадьбу и развел сад, благо вода была рядом. В жены он взял красивейшую девушку Ташкента Мастонбиби, шестнадцати лет от роду.

Дед Хотамбек[2], соответствуя своему имени, был щедр и умен. После революции он первый в Ташкенте добровольно отдал в пользу государства свои сады и землю и кормил семью честным трудом.

У Хотамбека и его жены было одиннадцать детей, в годы Оте-

[1] Махалля — квартал в городе или кишлаке.
[2] Хотам — легендарный царь, славившийся своей щедростью.

ственной войны они вырастили еще девочку и мальчика, эвакуированных с Украины. Сейчас все дети уже взрослые, а у деда с бабкой много внуков и правнуков. Тетя Мастонбиби удостоена звания Матери-героини.

Этот дом был уважаем всем многолюдным кварталом. И эта семья с первого дня приняла Мирзо как сына. Мирзо бесконечно был благодарен деду Хотамбеку и тетушке Мастонбиби. Они везде так прямо и говорили, что своего таджикского зятя любят как сына.

Как-то их сын Джалолиддин, аспирант САГУ, шутливо спросил:

— Может, он из рода пророка, что вы в нем души не чаете?

— А то нет? — тут же ответила тетушка Мастонбиби.— Коли ты ученый, то скажи — на чей язык впервые был переведен Коран?

За большим столом все засмеялись. Тетушка Мастонбиби, ободренная смехом, продолжила:

— Не знаешь? Коран тысячу лет назад был переведен на таджикский язык! А на наш до сих пор не переведен! Почему? Потому, что вы — такие ученые, как ты,— не можете!

— Вот тебе и весь сказ! — покраснел Джалолиддин.— Я, если захочу, Коран за месяц переведу. Но зачем? Не лучше ли вместо него читать вам «Скорпиона из алтаря»? [1]

— «Скорпиона из алтаря»? — опешила мать и косо глянула на сына.— Сам ты скорпион!..

Снова раздался общий хохот. Джалолиддин пытался что-то сказать в свое оправдание, но Мухиддин его опередил:

— Проиграл! Признавайся, что проиграл! — похлопал он брата по плечу.— Вытри пот со лба. Мать верно говорит. Она тебе просто хотела сказать, чтобы ты перед Мирзо не важничал. Отец с матерью хорошо делают, что любят его нисколько не меньше, чем нас с тобой. Зять тоже — сын!..

— Пророк Мухамед тоже привечал своего зятя! — задумчиво сказал дед Хотамбек, который обычно не принимал участия в разговоре своих ученых сынов, а только в очень нужные моменты вставлял слово.

И сейчас в тесном, битком набитом трамвае, стиснутый со всех сторон пассажирами, Набиев все это перебирал в памяти и волновался. Как-то теперь его примут?

Ведь, наверное, не секрет для стариков, что жена Мирзо Барчиной в последнем письме написала: «Если хочешь официально подать на развод, я согласна...»

...Первой Мирзо увидела тетушка Мастонбиби. Распростерла сухие руки — приготовила объятия. Мирзо склонил перед нею голову. Мастонбиби с материнской искренностью ласково похлопала его по плечу, сказала:

---

[1] «Скорпион из алтаря» — знаменитый роман узбекского писателя Абдуллы Кадыри.

— Добро пожаловать, сынок! Слава богу, жив, здоров, Бахромджон очень соскучился. Все время о тебе спрашивает...

Бахромджон катался на велосипеде. Завидев отца, он помчался к нему, гордый тем, что может показать отцу свое умение. Мирзо вспомнил, что велосипед ему в день шестилетия подарил дед, это было как раз два месяца назад.

Мальчик быстро соскочил с велосипеда, отдал его в руки бабушки, бросился к отцу и крепко обнял его за шею. Он тяжело дышал и от радости ничего не мог сказать. Отец тоже молча прижимал к себе теплое худенькое тельце сына и все целовал и целовал его...

Тетушка Мастонбиби потихоньку вытерла концом платка глаза и заторопилась в дом, чтобы позвать деда.

Дед Хотамбек, узнав о приезде «таджикского зятя», опираясь на палку, поспешил навстречу. Его усталые глаза светились. Старик поглаживал бороду, пытаясь этим движением успокоить себя. Мирзо с мальчиком на руках подошел к тестю, хотел поздороваться с Хотамбеком, но мальчик уцепился за шею отца и с рук не слезал.

— Ладно, сынок, не обижай мальчика! — сказал старик.

Мастонбиби расстелила свежий дастархан и пригласила сесть. Тесть и теща душевно встречали зятя. «Они о письме Барчиной не знают»,— подумал Мирзо, внимательно наблюдавший за лицами стариков.

Мирзо поблагодарил за радушие, но сесть первым отказался:

— Пока отец не сядет, я не сяду.

Старик тоже сел, а за ним уселся и Мирзо. Теща вместе с появившейся младшей невесткой, красавицей Азизой, принялась таскать на стол все, что было в доме. Виноград и яблоки, дыни и арбузы, горячие лепешки, холодное мясо и прочее и прочее...

— Нашел, Бахромджон, отца? — шутила Азиза, сама еще бездетная и любившая мальчика, как своего братишку.— Теперь не отпускай! А то твой папа беглец...

— Скажи ей, Бахромджон: он хоть и беглец, но не бездельник, как твой муж,— тут же поддержал зятя старик.— Тот целыми днями дома спит. А еще аспирант!..

— Не спит, папа, книги читает! — покраснела Азиза и убежала, но тут же вернулась с букетом красных роз в красивой вазе. Она снова обратилась к Бахромджону: — Скажи папе, чтоб теперь совсем переезжал в Ташкент. Мы с сестрой из Ташкента никуда, скажи, не поедем. С ней, скажи, не поспорите...

— Оставь эти разговоры! — стукнул палкой старик, рассердившись.— Что за разговоры? И по шариату, и по закону жена должна следовать за мужем! Вы с мужем оба безграмотные, газет не читаете! Зять строит в Нуреке знаменитую ГЭС. Какая жена не поедет к такому мужу?!

— Ага! — воскликнула Азиза.— В этот Нурек заедешь — назад не выберешься! — она махнула рукой и убежала в дом.

Старик гневно посмотрел ей вслед, покачал головой и промолчал. Свободной рукой погладил кудрявую головку Бахромджона.

— Угощай отца лучше!

Через некоторое время старик, попросив извинения, отправился в мечеть. Солнце садилось, и поэтому во дворе парило. Азиза в золоченых шлепанцах поливала двор из длинного шланга, запах теплой земли бил в ноздри.

Мирзо незаметно глянул на часы. «Уже девятый час, а Барчиной все нет!..»

— Когда твоя мама придет? — спросил он у Бахромджона.

— Она ушла к подруге,— склонив голову на плечо отца, ответил мальчик.— Темно будет, придет.

— Не знаешь, к какой подруге она пошла? — снова спросил Мирзо.

— Нет. У мамы подруг много...

Мирзо подумал: чем сидеть в душном дворе в ожидании Барчиной, лучше погулять с сыном по городу.

У ворот он остановил первую попавшуюся машину и попросил подвезти в центр, к фонтану у оперного театра. После душного двора здесь дышалось легко и свободно. Глядя на игру струй, Мирзо невольно вспомнил день своей женитьбы. Тогда они тоже тут гуляли. Барчиной в наряде невесты шла рядом, держалась за его руку. Каждый прохожий с удовольствием смотрел на них, и в тот день Ташкент показался Мирзо таким красивым, что он неожиданно воскликнул: «Я готов всю жизнь прожить в Ташкенте!» Конечно, тогда он сказал это просто от полноты чувств, от счастья молодости, ни о чем серьезно не думая... Через три дня они с Барчиной улетали: он оканчивал инженерно-строительный институт в Москве, она — двухгодичные курсы сценаристов.

Но она ухватилась за эти слова: «Слово мужчины должно быть твердым! После института приедешь в Ташкент!»

Однако душой Мирзо уже был на берегу Вахша. Он знал, что сейчас заканчивается строительство Перепадной ГЭС и начинается строительство Головной, а потом, выше по Вахшу, предусмотрен Нурек. Он просил направить его на работу на берег Вахша. Барчиной решительно была против. «Для тебя в Ташкенте найдется тысяча дел, а я не могу отрываться от киностудии!» — говорила она. Мирзо напомнил, что в Душанбе тоже есть киностудия. Барчиной тут же вручила ему пачку исписанных листов бумаги «На, отвези!..» Мирзо сначала не понял ее. Потом уяснил, что она поставила условие: если на «Таджикфильме» согласятся поставить фильм по ее сценарию, то она готова переехать в Душанбе. До поздней ночи Мирзо читал сценарий. То была история о старом композиторе, который от болтовни жены, назойливости и зависти друзей, от шумов городской жизни сбежал из дому и, скрывая свое имя и профессию, отправился бродить по миру. Сначала он всех чурался. Потом стал присматриваться к людям труда, встречаться с пастухами, простыми рабочими, строителями, инженерами и врачами и, вдохновленный их трудолюбием и жиз-

нерадостностью, создал симфонию, посвященную торжеству труда и жизни.

Мирзо сценарий понравился, но на «Таджикфильме» длинный, худой, желчный редактор отнесся к нему по-другому. «Тема устарела»,— заявил он и долго и много говорил о несоответствии образов...

Барчиной в тот же день, рассердившись, улетела из Душанбе. Мирзо ничем больше не мог ей помочь. Он вяло согласился с доводом жены, что ей лучше попробовать счастья в Ташкенте. Но на «Узбекфильме» сценарий тоже отвергли. Несмотря на это, Барчиной в Душанбе не возвратилась...

— Папа, вон мороженое! — сказал Бахромджон, прервав размышления Мирзо.

— А, сейчас...— Мирзо попросил два мороженых.

— Нет, папа, мне нельзя мороженое! — вдруг забеспокоился мальчик.

— Почему? — удивился Мирзо.

— Потому что мне удалили гланды.

— Когда? — вздрогнул Мирзо.

— Недавно,— грустно взглянул на отца Бахромджон.— И мама сказала, пока нельзя мороженого...

Мирзо весь покрылся испариной. Он не знал, что ребенку сделали операцию! Барчиной писала о чем угодно, всякую ерунду, а об этом ни слова! Кроме того, оказалось, что Барчиной во время операции не было в Ташкенте. Оставив сына в больнице, она улетела на фестиваль в Алма-Ату. «Современная мать! — гневно думал Мирзо.— Поговори с ней! Она, видите ли, любит свою профессию».

Мирзо прижал к себе и поцеловал мальчика. Бахромджон, отвечая на его ласку, решил утешить отца:

— Мама говорит: «Я тебе нового папу куплю». Я ей сказал, что мой папа хороший, другого не надо!

Они уже не один десяток раз обогнули фонтан. На душе у Мирзо скребли кошки, нервы напряглись до предела. Он кусал губы.

— Пойдем домой,— устало предложил Бахромджон.— Мама пришла, наверное...

Они вернулись домой, но Барчиной все еще не было.

— Вы пройдите в вашу комнату, отдохните. Она, наверное, сейчас придет,— посоветовала Азиза.

«В вашу комнату...» — усмехнулся Мирзо. Он сполоснулся под колонкой во дворе, умыл сына, Азизахон подала полотенце. Они прошли с сыном в «свою комнату». На радость Мирзо, Бахромджон стал уже самостоятельным парнем — он быстро разделся, надел пижаму, залез в свою кроватку и не забыл перед сном поцеловать папу.

Барчиной впорхнула в дверь неожиданно.

— О'кей! Друг мой Горацио-о! — пропела она возбужденным голосом.

Мирзо сидел в кресле около кроватки сына. Он не встал навстречу жене. Барчиной не обратила на это внимания. Нагнувшись, поцеловала его в висок и прижалась щекой. Потом, вытянув губы, стала искать ими рот мужа, но Мирзо ладонью отвел ее подбородок — от Барчиной остро пахло коньяком и сигаретами.

— Сегодня был день рождения Фарогат, моей подруги... Мы немного выпили... Я не знала, что ты приехал...

— А если бы знала, не пошла?

Барчиной неуверенно пожала плечами.

— Может, вместе пошли бы?..

— Вместе? Я даже не знаю, кто такая Фарогат!

— А-а...— наклонилась к нему Барчиной.— Разве я не говорила? Тебя ведь всю жизнь нет рядом!

— Ты тоже всю жизнь не хочешь быть около меня! — с горечью вырвалось у Мирзо, и тут же он пожалел о сказанном: «Зачем так себя унижать?»

— Ну, не хочу... и что? — жеманно откинулась назад Барчиной. Затем она отошла к шифоньеру и стянула с себя атласное платье. Бросив платье на кровать, пьяно раскрыла объятия.— Если хочешь, иди...

Мирзо не взглянул на нее. Несмотря на это, жена подошла и обняла его.

— Несчастный мой муженек. Неужели ты думаешь, что сердце мое не болит за тебя?!

Тело жены впервые показалось Мирзо холодным и отвратительным. Он вскочил как ужаленный и ударил Барчиной по лицу. Она застонала и, повалившись на кровать, зарыдала.

Мирзо потянулся за сигаретами, но, взглянув на кроватку Бахромджона, закурить не решился. Медленно, стараясь неслышно ступать, двинулся к двери.

Барчиной видела и понимала, что на этот раз муж ее бросает совсем, но обида сковала ее, и она не произнесла ни слова.

От двери Мирзо вернулся, наклонился к ребенку и поцеловал его в лоб. Мальчик спал крепко... Набиев вышел на улицу.

IV

Икс Канбаров без веревки привязал Мирзо к Ташкенту. Набиев теперь даже и не знал, на какое число ему покупать обратный билет.

Шагая по кривым, узким улочкам старого Ташкента, Мирзо выбрался наконец на Хадру[1]. На Хадре всегда стоят такси. Одна из машин подкатила к нему вплотную, и водитель даже дверцу распахнул. Мирзо сел. Приехав к гостинице, он не нашел в кошельке рубля, пришлось протянуть трешку, вместо сдачи он в ответ услышал «катта рахмат»[2]. Посмеиваясь над ловким шофером, Мирзо вошел в гостиницу.

---

[1] Хадра — площадь в Старом городе.
[2] Катта рахмат — большое спасибо.

Дежурная администраторша, женщина лет тридцати, [illegible] подходил к ней, твердила одно и [illegible] открыв паспорт Мирзо, она у[illegible] осведомилась:

— Сколько вы у нас п[illegible]

— Пока на сутки. [illegible]

— Говорите опр[illegible] — [illegible] она брови.— Мне не до шуток. Я на работе!

— Понятно, понятно. [illegible] обидел, простите...

Женщина на этот раз [illegible]:

— Интересный вы человек!..— И, вернув паспорт, подала ему бумажки: — Заполните это. Завтра, если до двенадцати не уедете, доплатите...

На другой день Мирзо, проснувшись в затемненном номере на третьем этаже гостиницы, посмотрел на часы — было ровно двенадцать!.. (Он впервые отоспался за многие бессонные ночи!) И первое, что вспомнилось [illegible] — это предупреждение администрации об оплате...

Голова была тяжелая, [illegible]. Мирзо [illegible] вчера и не поужинал, даже не выпил той [illegible] чая, что [illegible] ему тесть. Голова, наверное, раскалывалась от [illegible]...

Мирзо быстро встал, [illegible] и, оделшись, спустился вниз. Администраторша [illegible] — теперь на ее месте сидела светловолосая [illegible] срок его проживания в гостинице еще на [illegible]

Теперь нужно бы [illegible], но Мирзо [illegible], что не брит. Сначала [illegible] привести в порядок. Все равно в Т[illegible]. Даже знакомых никаких, [illegible] выпить чай! Мирзо подумал, что зря [illegible] с Т[illegible] на свадьбу.

Мирзо прошептал [illegible] имя «Т[illegible]»... Своей простотой и непосредственностью [illegible] заинтересовала Мирзо. «Для нее, кажется, нет никаких [illegible] — с доброй улыбкой подумал Мирзо.— Все, что в душе, высказывает вслух. Без всякого кокетства или наигранности. «Я пришью вам пуговицу», «Я поведу вас на свадьбу», «Вернетесь в Душанбе,— обязательно позвоните!..» Она и с шофером шутила просто, искренне, а он ее понял, идиот, по-своему, смутил бедную. Она даже из такси вышла...»

Сейчас Мирзо жалел, что ни о чем не расспросил Тахиру. Так и осталась она для него загадкой.

О ней Мирзо думал и в очереди в парикмахерскую, предался этим размышлениям и в кресле пожилого парикмахера, который ласково называл Набиева сыном.

А ведь в суете жизни он и забыл, что по сути еще молод. Действительно, тридцать лет — это ведь не так уж и много.

Мирзо вышел из парикмахерской ободренный, помолодевший и похорошевший. На время даже забыл о предстоящих заботах. Но голод вновь напомнил о себе, и он отправился в ресторан.

В большом роскошном зале ресторана Мирзо с удивлением оглянулся — он был один. Робко сел за стол у окна. В эту минуту откуда-то из кухни донесся смех женщин и тут же появилась официантка.

Мирзо, поскольку был изрядно голоден, велел подать и завтрак и обед вместе. Приняв заказ, официантка удалилась. А Мирзо подумал, что ему надо бы поскорее возвращаться в Душанбе, посоветоваться с учеными сейсмологического института, построить модель плотины и проверить ее прочность при землетрясении. Тогда преимущество сафедобских суглинков всем будет ясно. И Злобин не сможет противиться! Скорее бы пришел тот день... А пока Мирзо вынужден болтаться в Ташкенте, спать, есть и ничего не делать. Мирзо, не привыкший к безделью, сейчас сам себя ненавидел и злился...

Когда он вышел из ресторана, солнце стояло почти в зените, воздух был горяч. Мирзо вернулся в свой полутемный номер, где все же было прохладнее. Хотел послушать радио, но репродуктор не работал. Какой-то постоялец, видимо, «выключил» его, уронив на пол, потому что внутри коробки все болталось и гремело. Мирзо взял радио в руки и обрадовался: нашлось дело. С помощью перочинного ножа он занялся починкой, и вскоре в комнате зазвенела душещипательная песня: «Слово одно разлучило нас, как мне быть?..»

Эта песня вновь вернула Мирзо к семье. Он закурил. Теперь он твердо знал, что не любит Барчиной. Наверное, и раньше между ними не было такой любви, за которую люди готовы отдать жизнь. Барчиной даже не захотела поехать с ним в Нурек. Конечно, многое было ясно с первого дня свадьбы, но Мирзо тогда не придал значения ее словам. Подумал, что это — пустой разговор. А вот сейчас, когда в душе воцарилось спокойствие, Мирзо анализировал действия Барчиной с самого начала. Каждый из них всегда жил своими радостями и печалями, а за последнее время они и вообще так отдалились друг от друга, что стали совершенно чужими. У каждого свои знакомые, свои друзья... Может, и сыну Барчиной не зря сказала: «Я куплю тебе нового папу...»?

Мирзо стиснул руками голову: «Как, как оторвать от сердца Бахромджона? Для Барчиной сын только лишняя обуза. Может, она отдаст мальчика отцу?» Вряд ли. Еще и потому не отдаст, что благодаря ему она ежемесячно получает ползарплаты Мирзо. Все ее приобретения, наряды из этого «пособия». Мирзо вздохнул и одернул себя: «Фу, как противно об этом думать! Разве дело в деньгах?! Дело в Бахромджоне! Отец ответствен за сына!..» Когда Мирзо бывал у родителей в Оби-Гарме, то всегда завидовал своим братьям — у них нормальные семьи, куча детей. Возвращаются братья вечером с работы — и эта босоногая, голопузая ребятня с шумом, криком радостно мчится навстречу.

А дедушка с бабушкой все еще мечтают увидеть и «городского, ташкентского» своего внука (будто этой оравы им мало) и с

немым укором и непониманием смотрят на своего незадачливого сына...

«Заживо разлученные...» — вслух сказал Мирзо. Какой ужасный приговор! Неужели он так и проживет всю жизнь один-одинешенек, а где-то вдали будет расти без него Бахромджон? Ну нет, это свыше его сил! Мирзо резко встал — сейчас же он пойдет в дом тестя и своего дорогого мальчика прижмет к груди! Да, сейчас же, не медля ни минуты!.. Сын утром, наверное, спохватился, начал искать отца; плакал, может. А что ему сказала Барчиной? Что купит нового папу?

Мирзо застонал и, понимая, что не в состоянии сделать ни одного шага, снова опустился в кресло.

В понедельник он пришел в институт раньше назначенного Капбаровым часа. Злобина Мирзо встретил на площадке лестницы между этажами.

— Ассалом алейкум, дорогой гость! — по-таджикски приветствовал гостя Злобин.— Жаль, что в пятницу вы ушли, не повидав меня. Капбаров не спросил, где вы остановились, а я хотел в выходные дни вас за город повезти, на природу...

— Благодарю, Петр Кондратьевич,— сдержанно ответил Набиев.— Беспокоиться незачем. Я окрестности Ташкента и сам немного знаю. Раньше бывал.

— Ну, если так, хорошо.

Злобин стоял в раздумье на лестничной площадке, словно не зная, вверх идти или вниз. Мирзо спокойно облокотился на перила и достал из кармана пачку «Памира».

До Злобина вдруг дошло, что нехорошо держать гостя в таком неподходящем месте, он слегка смутился и пригласил Набиева в кабинет.

Петр Кондратьевич прошел к своему столу и набрал номер, велел Капбарову явиться к нему с материалами.

Икс возник в дверях неожиданно быстро, приветливо поздоровался. В руках у него была кожаная папка Набиева.

Злобин снял очки, подышал на них, протер платком и, надев снова, спросил:

— Вы изучили новые требования наших нурекских друзей?

Икс заморгал, не зная, что сказать. Он внимательно просмотрел все расчеты. Поспорить, конечно, можно по некоторым неясным вопросам, но в основном инженер Набиев прав. Нет никаких оснований отвергнуть требования нурекчан. Если они хотят оттянуть проект, то можно привести один довод — нужна проверка.

Злобин, видя, что Капбаров замолчал надолго, рассердился:

— Говорите же!

Глянув на Злобина, тот подобострастно начал:

— Вы, Петр Кондратьевич, тогда верно сказали. Если мы примем требования нурекских товарищей, необходимо будет заново пересмотреть проект плотины и вообще всего строительства.

Я внимательно изучил расчеты инженера Набиева. Их нужно проверить не спеша, обстоятельно. Много спорного. Но дело не в этом. Я боюсь, если мы начнем работу по этим требованиям, то не сможем уложиться в обозначенные сроки. Кроме того, если мы займемся вплотную только проектом плотины, то на генеральный план города и всего строительства сил не хватит. Как посмотрит на это товарищ Карпов?.. По-моему, надо хорошенько изучить вопрос и поставить на обсуждение. Всесторонне проверить. А это требует времени.

Злобин в душе был доволен ответом Канбарова — в данный момент, пожалуй, только путем сомнений и можно отодвинуть исполнение требований Карпова и Набиева. Почувствовав явное облегчение, Злобин спросил Мирзо, сколько дней он пробудет в Ташкенте.

— Я сегодня же вернусь в Душанбе! — заявил Набиев, как будто это решение возникло давным-давно.

— Жаль...— сказал Злобин, постукивая карандашом по стеклу стола и раздумывая.— У вас мало времени...

— Какая необходимость мне быть здесь? — удивился Набиев.

Злобин переглянулся с Канбаровым.

— Мы можем свои соображения прислать официально на имя Карпова,— заторопился Канбаров.

— А может, и сами в Нурек пожалуете? — усмехнулся Мирзо.— Или пыли Сафедоба опасаетесь?

Эта шутка кольнула Злобина, но он не подал виду и поднялся, чтобы попрощаться.

— Передайте наш привет Карпову...

Мирзо кивнул, пожимая мягкую руку Злобина.

V

Предстоящему отъезду Мирзо был рад. Скорее нужно браться за дело, скорее осуществлять проверку модели плотины и этим, экспериментальным, путем доказать свою правду.

Кассиры Ташкентского аэропорта всем отвечали одинаково: билетов нет! Мирзо подошел к дежурному по аэровокзалу, показал свое командировочное удостоверение — бесполезно. Нашел главного диспетчера. Снова промах. Наконец он вынужден был пойти к начальнику аэропорта. Ответ начальника не отличался от ответов кассира. Мирзо поставил чемоданчик, вытер пот со лба, достал пачку «Памира». Закурив, он собирался обдумать дальнейшие действия, и тут вдруг раздался знакомый звонкий голос:

— Брат Мирзо!

Обернувшись, Мирзо увидел смеющуюся Тахиру и, будто что-то застряло в горле, прокашлялся.

Тахира, взглянув на нахмуренные брови Мирзо, спросила:

— В Душанбе возвращаетесь?

— Хотел, но нет билета...— затягиваясь, сердито сказал Мирзо.

— Достать билет?

— Как? — вскинул брови Мирзо.— Я к самому начальнику ходил, не вышло...

— Давайте деньги,— улыбнулась Тахира.

Набиев достал кошелек, отсчитал деньги на билет.

— Еще пять рублей,— попросила Тахира.— Теперь за моим чемоданчиком присмотрите! — Она подбежала к длинноусому носильщику, что-то шепнула ему на ухо. Длинноусый засмеялся, оглянулся по сторонам, быстро спрятал деньги в карман. Вместе они ушли в здание аэровокзала.

Через несколько минут Тахира появилась снова.

— Идем, регистрация началась!

— Неужели билет есть? — не поверил Мирзо.

— Конечно... Вот! — Тахира протянула билет Набиеву и хотела взять свой чемодан, но Мирзо не дал.

— Вы бедовая девушка, я восхищен! — сказал он, подхватив чемодан.

— А то как же? Вы, начальники, всегда нос задираете, рабочих не видите. Думаете, только вы все можете.

Мирзо невольно улыбнулся.

— Откуда вы узнали, что я начальник?

— Чувствую! — кокетливо качнула головой женщина и поправила рассыпавшиеся волосы.— По вашим нахмуренным бровям чувствую. Вы боитесь, чтобы кто-нибудь не увидел, как вы разговариваете с рабочей женщиной.

— Может, я совсем не того боюсь. Может, у меня жена ревнивая...

Тахира, прикрыв глаза, отрицательно покачала головой.

— Жены таких, как вы, не ревнуют.

— Почему? — с удивлением спросил Мирзо.

— Вы слишком хладнокровны, на чужих женщин смотрите спокойно.

— Вот как? — не найдя ответа, протянул Мирзо, с интересом глядя на собеседницу.

— Вот так! — подытожила Тахира.— Мой муж тоже был, как вы, хладнокровный, я его прогнала. Но... теперь жалею!

— Почему?

— Хладнокровный мужчина, в общем, хороший муж, не изменяет, денег на ветер не бросает. Но у него есть один большой недостаток...

— Какой? — даже приостановился Мирзо.

— Он мало ласкает жену! — Тахира со смехом отвернулась.

— А-а...— снисходительно улыбнулся Мирзо.— Но ведь, наверное, всему есть предел?

— Нет, ошибаетесь! — с укором сказала Тахира.— Молодая женщина хочет, чтоб любовь мужа была безграничной! Чтоб всегда кипела! А вы, хладнокровные мужчины, постоянно занимаетесь делами и иногда даже забываете, что рядом с вами женщина...

— Я с вами не согласен,— возразил Мирзо.— Если в семье ис-

чезает любовь, то, по-моему, виноваты оба. Умная современная женщина не допустит этого.

— Интересно! А что, по-вашему, должна собой представлять современная женщина?

Мирзо задумался, помолчал и сказал:

— Современная умная жена должна каждое утро и каждый вечер заново влюблять в себя своего мужа.

— А по-моему,— серьезно заявила Тахира,— современная женщина должна быть разной. Всегда разной.

— Браво! — громко расхохотался Мирзо.— Но признайтесь мне, когда вы пришли к этому выводу: до замужества или после развода?

Тахира покраснела, но не замолчала:

— Пусть это останется для вас тайной! Я боюсь, что если все мои секреты открою вам сразу, то вы потом со мной и разговаривать больше не захотите. В Душанбе, как только сойдете с самолета, скажете «прощай!», и все...

Сердце Мирзо неожиданно дрогнуло. «Странно,— подумал он.— Почему этот разговор меня так задел?»

— Вы меня извините,— быстро пробормотала Тахира,— я бестолковая, иногда, не думая, ляпну что-нибудь такое, потом сама ругаю себя за это...

Мирзо ясно видел, что женщина жалеет о сказанном, даже голос у нее дрожал.

— Ничего, вы...— Мирзо растерялся, не зная, чем утешить ее, но в этот момент репродуктор над их головой объявил посадку.

— Это же наш! — радостно дернула Мирзо за рукав Тахира.

— Наш! — улыбнулся он и обнял Тахиру за плечи.

Она быстро вывернулась из его объятий.

— Нехорошо, брат! — серьезно сказала она, тут же со смехом добавив: — Вы ведь сами говорили, что жена ревнивая...

Мирзо промолчал. Они поднялись в самолет, сели рядом в среднем салоне. Тахира выбрала место у окна, но в окно не смотрела. Она оперлась лбом о спинку переднего сиденья и закрыла глаза. Мирзо ей не мешал, только, когда принесли конфеты, тихонько предложил:

— Возьмите конфету.

Тахира помотала головой и заткнула уши ватой. Вытащила она ее, только когда самолет сел в Душанбе.

— Теперь можно с вами разговаривать? — шутливо спросил Мирзо.

— Пожалуйста.

— Слава богу. В дороге я очень соскучился. Сорок пять минут полета показались мне годом,— сказал Мирзо.

— Вот видите! — бросила лукавый взгляд Тахира.— Такая я женщина, что посидите рядом со мной — полчаса годом покажутся...

— Значит, если кто с вами сидит, у того жизнь продлевается?

— Не знаю... Может быть, укорачивается,— задумчиво ответила она и снова умолкла.

В общей толчее они вышли из самолета, взяли чемоданы в багажном отделении и пошли искать такси. Такси нашлось быстро.

Всю дорогу молчали, занятые своими мыслями. У гостиницы Мирзо не спеша вышел, взял чемоданчик. Потом молча постоял, пока шофер снова сел за руль, и, наклонившись к открытому окну, где сидела Тахира, сказал:

— Я вам позвоню!

VI

Мирзо удалось получить в гостинице хороший номер. Правда, он был на двоих, но Мирзо сразу же заявил администратору, что человек он нервный и не сможет спать, если рядом кто-то будет храпеть. Дело уладилось легко и просто — Набиев заплатил за весь номер, после чего и оказался полновластным его хозяином. Бестолково слоняясь по просторной комнате, обдумывал, правильно ли он поступил, оставшись в Душанбе еще на сутки. Может быть, разумнее было уехать в Нурек? Впрочем, нет. Ведь сегодня же нужно пойти в институт сейсмологии и посоветоваться насчет создания модели плотины, чтобы потом не тратить времени на эту поездку.

Узнав через справочное номер телефона директора института сейсмологии, Набиев сразу же позвонил туда.

Обид Каримович с интересом выслушал просьбу нурекчан и немедленно выразил готовность сотрудничать и помогать и пригласил Набиева в институт, чтобы обговорить условия...

Уходя из номера, Мирзо задержался у зеркала. Причесался. Разгладил по привычке брови и усы. Спросил шутливо свое отражение: «Теперь можно и на прием к профессору, а?» Отражение ответило: «Сойдет, Мирзо. Но если бы, допустим, ты шел к женщине, тогда дело другое! Тогда усы не мешало бы чуть укоротить и к парикмахеру наведаться».

Мирзо взглянул на часы— добралась ли Тахира до дома? Пожалуй, давно уж. Он стал искать бумажку с ее телефоном и в этот миг вдруг понял, что в Нурек-то он не уехал из-за Тахиры, именно из-за нее, а не из-за предстоящего визита к Обиду Каримовичу.

Мирзо снова сел в кресло у телефона и поднял трубку. От неожиданного волнения сердце его застучало и щекам стало горячо. Дрожащим пальцем набрал номер. Гудки были длинными, но никто не брал трубку. «Неужели она еще не добралась? — удивился Мирзо.— Или уже ушла куда-нибудь? Или я ошибся номером?..»

Он позвонил снова и долго ждал. Наконец услышал жизнерадостный голос Тахиры:

— Алло-о... Кто вам нужен?

— Вы нужны, дорогая!..— робко сказал Мирзо.

— А-а... Это вы?..— рассмеялась Тахира.— Я тоже так подумала, потому что никто мне больше сегодня звонить не должен...

Подождите, пожалуйста, минуточку. Я принимала душ... Даже вытереться толком не успела...

— И даже не оделись? — шутливо спросил Мирзо.

— Представьте себе!..— снова рассмеялась она.— Я сейчас...

Мирзо услышал стук трубки о стол и быстрые шаги. Ожидая возвращения Тахиры к телефону, он признался себе, что ни об одной женщине никогда не думал так нежно, так страстно, как сейчас о Тахире.

— Алло-о... я слушаю вас...— снова услышал он ее звонкий голос.

Сбиваясь и путаясь, Мирзо начал уговаривать Тахиру встретиться вечером. Тахира согласилась в восемь быть у почтамта.

В институте Мирзо старался не затягивать беседы. На все условия Обида Каримовича тут же соглашался, и профессор дал слово, что с завтрашнего дня выделит для Нурека лучших специалистов и сам будет руководить ими.

Мирзо невольно поглядывал на часы, и, наверное, поэтому наблюдательный Обид Каримович не стал задерживать гостя. Позже Мирзо ругал себя за такое поведение. Может, профессор еще что-то важное хотел сказать, а он, невежа, ерзал на стуле да все время следил за стрелкой.

К почтамту Набиев подошел значительно раньше назначенного срока. А Тахира, наоборот, на десять минут задержалась. Эти десять минут Мирзо не находил себе места. Он страдал, волновался, пока наконец в толпе не увидел Тахиру.

Она, в ярком атласном платье, шла легкой летящей походкой, доверчиво улыбаясь Мирзо издалека. Когда Тахира протянула ему руку, он так сжал ее, что Тахира охнула.

— Поосторожней, брат...— сказала она, с упреком посмотрев на него.

Мирзо покраснел, но руку женщины не отпустил.

— Так и будем стоять? — спросила Тахира смущенно.

Мирзо вздохнул и разжал пальцы.

— Ну, наконец-то,— улыбнулась она.— Что вы наделали? Даже больно,— она растирала руку.

— Извините,— упавшим голосом сказал Набиев.

— Да что вы, я же пошутила...

Мирзо стоял как истукан, мешая прохожим, лихорадочно пытаясь сообразить, куда повести Тахиру.

— Что-то вы надолго задумались,— засмеялась Тахира.— Может, мы где-нибудь посидим?

— Давайте,— согласился Мирзо и быстро предложил: — Поужинаем в ресторане, не возражаете?

Тахира была в нерешительности. Она не привыкла ходить по ресторанам. Но как это объяснить Мирзо?

— Вам не нравится такой вариант? — забеспокоился Набиев.

— Нет, почему же? Раз вы хотите...

Мирзо тихонько взял Тахиру за рукав, и она покорно пошла рядом. Пройдя через площадь, они с трудом втиснулись в пере-

полненный троллейбус. Их так прижали друг к другу, что от горячего дыхания молодой женщины, от близости ее тела у Мирзо замерло сердце и закружилась голова. Когда троллейбус тронулся и пассажиры распределились по салону, стало немного свободнее. Мирзо с сожалением отодвинулся назад и вытер платком взмокший лоб.

В ресторан попали быстро, народу было не так много. Первый тост предложил Мирзо:

— За то, что мы живы-здоровы остались после езды в этом троллейбусе! — Набиев протянул Тахире наполненную рюмку.

Тахира взяла рюмку.

— Ладно, но я выпью за вас,— засмеялась она как-то искусственно, и Мирзо в ее глазах увидел вдруг печаль.

Выпили молча.

— Пожалуйста, закусывайте! — Мирзо пододвинул женщине тарелку. Но Тахира ни к чему не притронулась. На минуту прикрыв длинными ресницами глаза, она помолчала и, коротко вздохнув, сказала:

— Не думала я, что так получится... Встретились мы все же...

— Прекрасно, что встретились.— Мирзо как-то обескуражил грустный тон Тахиры.— Ведь, если говорить правду, я сегодня из-за вас остался в Душанбе, а то бы давно был в Нуреке...

— Кто знает, может, лучше было бы вам уехать,— прошептала Тахира, и вдруг взгляд ее стал злым.— Возможно, вы в командировке соскучились, не встретилась сговорчивая женщина, теперь меня нашли...

— Тахира, что вы говорите! — воскликнул Набиев.

— А что? — спокойно улыбнулась она.— Вы мужчина привлекательный.

— Тахира, вы надо мной насмехаетесь?

— Ненавижу... И себя тоже!..— Тахира резким движением подняла рюмку и выпила до дна.— На мои слова не сердитесь, дорогой! — Тахира вдруг ласково погладила руку Мирзо.— Выпейте, выпейте за меня! Прошу вас, не смотрите на меня так. Надеюсь, мы с вами будем хотя бы на время друзьями. Как только в Нуреке вам станет скучно, можете приезжать ко мне. У меня есть дом. Не нужно тратиться на гостиницу... Наверное, слушая меня, вы думаете: бабенка опьянела и болтает. Нет! Я вам правду говорю. Не от опьянения, от обиды.

— Хватит! — закричал Мирзо и подумал: «Надо сейчас же ее проводить и расстаться навсегда!» Он подозвал официантку, чтоб уплатить по счету.

Тахира не возражала. Она сидела молча, а когда Набиев стал платить, оттолкнула его руку и протянула новенькую двадцатипятирублевку.

— Подождите, пока вы мой гость!

Мирзо еще больше рассердился, выхватил ее деньги и бросил перед ней.

— Берегите свои деньги, они вам самой пригодятся!

— И вы тоже! — дерзко ответила она.

Мирзо вскочил, сунул официантке в карман десятку и быстро пошел к выходу.

По дороге решил, что зайдет в гостиницу, возьмет чемоданчик и, поймав попутную машину (последний автобус уже ушел), уедет в Нурек.

В дверях ресторана он оглянулся. Смеющаяся и грациозная Тахира, как будто ничего не случилось, спокойно шла к нему.

— Что же вы так легкомысленно ведете себя, как капризный мальчик? — с упреком сказала она, приближаясь.— Положите это в карман. Сдача. Если деньги заработаны честно, не надо ими разбрасываться.

Она протянула ему смятый рубль и несколько монет.

Мирзо все еще стоял молча, нахмурив брови.

— Ну, проводите или мне одной идти? — спросила Тахира и, засмеявшись, бросила на него лукавый взгляд. И Мирзо тут же сдался, простил Тахире ее глупые слова. Теперь ему было даже стыдно за свою вспыльчивость.

Они пошли по густой аллее. Пожалуй, нигде больше вы не увидите таких тенистых чинаровых аллей, как в Душанбе. Не раз Набиев, гуляя здесь, усталый и раздраженный, обретал душевное равновесие.

— Ладно, тут я сяду на троллейбус,— внезапно сказала Тахира, останавливаясь.

Мирзо в смятении не знал, как ему реагировать на эти слова. По ее лицу он увидел, что она волнуется.

— Я у вас хотела спросить,— Тахира пыталась овладеть собой.— Я слышала, что в Нуреке строителям платят больше. За жару...

— Да, там коэффициент...

— Коэффициент? — переспросила она.— Если это правда, я бы тоже поехала работать в Нурек. Потому что, хотя в Душанбе тоже жарко, никаких коэффициентов нет. А у меня двое парней. Одинокой женщине воспитывать двух детей, сами понимаете, непросто...

— А какая же у вас специальность? — поинтересовался Мирзо.

— Я с семнадцати лет на строительстве! — вскинула она голову и, протянув руки, показала Мирзо.— Все строительные специальности знаю. Штукатурить, красить, бетонировать, все что хотите!..

Тахира и не знала, как обрадовался Набиев. Для Нурека она нужный человек. Нуреку необходимы рабочие! На строительство почти не идут местные женщины. А тут готовый мастер по всем специальностям! Только с квартирами сложно. В Нуреке не хватает жилищ. Большинство еще ютятся в палатках! Такие условия для Тахиры не годятся, если у нее двое маленьких детей. Впереди зима. Карпов как-то сказал ему: «И тебе построим дом, привози

семью!» Но Мирзо ответил, что пока не нужно. Теперь пожалел. Все равно и ему дом нужен...

— Что вы так задумались? — обиделась Тахира.— Не хотите, чтобы я в Нурек ехала? Жена ревновать будет?

— Нет, не думайте так! — поспешно искал объяснения Мирзо.— В Нуреке коэффициент... Работы тоже много... Только с квартирами трудно.

— Ну и что,— беспечно засмеялась она.— Я же от вас дворца не требую. Как все, будем жить в каком-нибудь углу в общежитии. А потом и квартира будет...

— Будет, обязательно будет. А когда вы сможете в Нурек переехать?

— Брат Мирзо, что с вами? — Тахира удивленно смотрела на его взволнованное лицо.— Если вы не хотите, мне не обязательно ехать в Нурек...

— Нет... Я хочу... Хочу! Поверьте! — Мирзо пожимал дрожащими руками ее руку, смотрел в ее взволнованные глаза.

Тахира вдруг, рванувшись вперед, прижалась головой к груди Мирзо.

— Дорогая, милая! — шептал Мирзо, задыхаясь. Он поцеловал ее в голову, потом стал целовать брови, глаза, щеки, губы.

— Брат, оставьте... нехорошо...— слабо возражала Тахира, обнимая Мирзо за шею...

Они долго и жадно целовались, ласкали друг друга. Тахира, видя, что Мирзо не собирается уезжать, пригласила его домой. Она так просто и сказала: «Пойдем ко мне».

Без всяких размышлений он остановил проходящее мимо такси.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

I

— Ну вот, сын мой, я рад за тебя! — торжественно сказал Рахмат Рахимович, с деланной сердечностью пожимая руку Анвара.

«Сын мой» не верил своим ушам. Прежде он всегда был «мулло Анвар» или «комсомол», а сегодня вдруг «сын мой». Ну, а чего, собственно, удивляться? Рахмат Рахимович с первого знакомства был ласков, наверное, и Анвару пора ответить ему тем же.

Они недавно вышли с бюро райкома и сейчас на газике секретаря парткома возвращались в Нурек. В Нуреке сегодня важное событие. Метростроевцы Москвы, приехавшие по приглашению Карпова, начали на левом берегу строительство туннеля. На три часа они наметили первый большой взрыв, чтобы расчистить место для входного портала. Анвар, давно ждавший великих взрывов в Нуреке, с огромным волнением и радостью торопился к Каменному Мосту. В этот момент все представлялось ему легким и возможным. Даже мысль о его отношениях с Рахматом Рахимовичем показалась сейчас мелкой и ненужной. Там, где совершаются большие дела, разве остается время на жалобы, обиды и всякие под-

лости? Нет! Звук первого взрыва сегодня должен заглушить все мелочные разговоры, рассеять злословия, обиды, бессмысленные жалобы!..

Анвара приняли в кандидаты. Рахмат Рахимович считал это еще одним своим добрым делом для Анвара. Ведь это он предложил, он помог, поэтому и приняли! Кто бегал за анкетой в райком? А на партийном собрании? Ведь выступление на собрании Рахмата Рахимовича как секретаря парткома, его личная рекомендация имели решающее значение! Понимает ли все это неблагодарный Анвар? Или снова завтра на дверь листовку приклеит? Его выходка и Карпову не понравилась. Старик об этом на партсобрании очень сердито говорил. Крепко Анвара отчитал. Этот мальчишка и Карпова обидел. Но так ему и нужно! Он сам Анвара захвалил, этим и испортил. Анвар зарвался, всех начал учить. Заместителя Ульмасова в штаб комсомола затащил, обсуждали всю ночь, поесть даже не дали! За что? За то, что он машину с хлебом куда-то послал, а она в дороге сломалась! Машина сломалась, а чем Ульмасов виноват? Ульмасов рассердился, утром заявление Карпову подал об увольнении... Нет, этот жеребенок совсем распустился. Нужно его разок проучить как следует! Но как? Снова Карпов и Холида его защищать будут: молодые кадры, за ними будущее, то, другое!.. Даже хорошо, что его в кандидаты приняли. Это будет уздой для необъезженного конька. Анвар теперь год от Рахмата Рахимовича зависеть будет. Так думал секретарь парткома, развалившись рядом с шофером газика.

Анвар на заднем сиденье тоже был занят своими мыслями. Утром он получил письмо от Зульфии. Она писала, что наконец приняла последний экзамен у студентов. Теперь можно уволиться и ехать в Нурек. Скорее бы! Зульфия просила посоветоваться с Антоном Григорьевичем и подыскать ей работу. «Старик тоже рад будет,— подумал Анвар.— Он всегда про нее спрашивает».

— Мулло Анвар! — обернулся Рахмат Рахимович.— Ты уснул?

— Нет,— ответил Анвар.

— Чего молчишь?

«Хочет, чтобы я благодарил его»,— понял Анвар.

— О чем так задумался! Или о свадьбе мечтаешь? Карпов говорил мне, что скоро твоя невеста в Нурек приедет и комсомольскую свадьбу справим...

Анвар промолчал.

— И эти слова тебе тоже не нравятся? — снова, повернувшись, сердито посмотрел на Анвара Рахмат Рахимович.

— Нет, почему? Говорите, я слушаю...

— Может, и слушаешь, а мысли в другом месте, братишка! — усмехнулся Рахмат Рахимович.

— Почему это? — поднял брови Анвар.

— Вижу. А ведь это я говорю, о тебе заботясь, дорогой! — продолжал Рахмат Рахимович.— Жаль, что ты до сих пор друзей от врагов не отличаешь!..

Снова наступила тяжелая пауза.

При въезде в Нурек Рахмат Рахимович глянул на часы, было время обеденного перерыва. Кивком он велел шоферу ехать налево, в Дисабур. Он хотел немного отдохнуть дома. Анвар решил, что секретарь парткома забыл о взрыве, и спросил:

— А вы в ущелье не поедете?

Рахмат Рахимович опять взглянул на часы.

— Еще рано...

— Как же рано? Потом поздно будет! Ведь взрыв ровно в три!..

— В три так в три, мулло Анвар! — раздраженно сказал Рахмат Рахимович.— Не вступив еще в партию, не надо поучать секретаря парткома, сын мой! Сами знаете, я человек больной, суеты не терплю. Кроме того, я вам еще целый год нужен буду, сын мой...

Терпение Анвара лопнуло от наставлений парторга. Он попросил остановить машину.

Шофер, парень лет двадцати, вопросительно глянул на «хозяина» и по его лицу понял, что сбавлять скорость не надо.

— Остановите, я выйду! — потребовал Анвар.

— Уж очень ты нетерпеливый, браток,— усмехнулся Рахмат Рахимович.— Нужно заехать домой, городскую одежду сменить, жалобы живота удовлетворить, потом поедем куда нужно. Зачем так спешить?

— Ладно, вы жалобы живота удовлетворяйте, а я здесь слезу.

«Издевается,— подумал Рахмат Рахимович.— Теперь кандидат, теперь он на коне! Теперь меня запросто продаст Карпову...»

Анвар открыл дверцу, шофер вынужден был притормозить, быстро выскочил и сильно хлопнул дверкой.

«...Это я говорю, о тебе заботясь... Жаль, что ты до сих пор друзей от врагов не отличаешь!..» — вспоминал по пути Анвар.— Получается, Рахмат Рахимович мне друг, а Карпов враг?» — Анвар даже засмеялся. Карпов на партсобрании все недостатки Анвара высказал ему прямо в лицо, а Рахмат Рахимович, наоборот, поддерживал Анвара. Действительно, критика Карпова была острой. Он даже сказал: «Ты начальника строительства не подменяй, я еще сам могу работать!» Но порицания Карпова были отеческими. Он все высказал для пользы Анвара. Потом, под конец, сам же предложил принять Анвара в кандидаты. Насколько критика его была сильной, настолько же искренней была и рекомендация. Как же такого человека считать врагом? Разве настоящий коммунист, настоящий друг не таким должен быть?! Друг не тот, кто прикроет твой грех и посмеется за спиной. Наоборот, друг тот, кто вину твою вовремя укажет.

Раздумывая об отношениях с Рахматом Рахимовичем, Анвар вышел на большую дорогу. Внезапно за его спиной резко затормозил грузовик.

— Вы дадите мне работать или нет?! — сердито закричал шофер, высунувшись в окошечко. Это был Азиз Шарифов.

— Пожалуйста, проезжайте! — ответил Анвар, узнав туткаульца.

— Так ведь через Каменный Мост не пускают! Везде ваши люди стоят с красными флажками! Понимаете ли вы, что мне платят за тонно-километры?!

— Ну, а что делать? — спросил Анвар, сообразив, в чем дело.— Из-за твоего тонно-километража закрыть строительство? Взрыв ведь ожидается.

— Вы меня не разыгрывайте! — уже серьезно сказал Азиз Шарифов.— Я понимаю, что Нурек закрыть нельзя. Но раз вы из-за подвоза крупногабаритов и из-за взрывов каждый день перекрываете дорогу, то сделайте нам другую! Раз уж вы закрываете ущелье Каменного Моста, то ведь этим отрезаете дорогу к целой области. Об этом кто-нибудь думает или нет?

Анвар после этих слов внимательно посмотрел на загорелое лицо шофера.

— Азиз Шарифов, я не сомневаюсь, что ты человек хороший. Слова твои разумные. Ты верно говоришь, что для Куляба нужно другую дорогу построить. Так многие думают. Но ведь одними думами дорогу не сделаешь. Для этого, как ты сам знаешь, нужны средства, нужны машины и, самое главное, нужны люди! Деньги у нас есть, машины тоже найдем, но людей не хватает! Если бы побольше критикующих пришли нам на помощь, дело, конечно, двинулось бы!

Азиз Шарифов задумчиво уставился на прямую асфальтированную трассу, ведущую к Пули Сангину, где проводились последние приготовления к большому взрыву. Инструктор прав. Жалобами и упреками дела не сделаешь.

Может, и на самом деле проститься с новенькой машиной, с автобазой, где тебя ценят, где хороший заработок, и прийти в Нурек? А как насчет зарплаты? Говорят, что основные работы в Нуреке еще не начались и поэтому зарплата у рабочих пока не очень высокая.

— Послушай, друг, ты подвезешь меня до Пули Сангина? — спросил Анвар.

— Пожалуйста, куда хотите отвезу,— согласился Азиз.— Все равно сегодня дорога закрыта...

— Напрасно не расстраивайся, Азиз! — довольный Анвар уселся в кабину.— Мы нарочно тебе дорогу каждый день закрываем, а то ты проезжаешь мимо, не обращая на нас внимания! — пошутил он.— Лучше переходи на стройку. Автобаза на твое место человека быстро найдет. А вот Нурек в таких, как ты, хороших ребятах нуждается!..

При въезде в ущелье Каменного Моста люди с красными флажками остановили машину:

— Дальше нельзя!..

— Товарищ Карпов проезжал? — спросил Анвар, посмотрев на часы. До взрыва еще было время.

— Не знаем...

— Какой-нибудь газик проезжал?

— Если только до этого места. Дальше машины мы не пропускаем!

— Ясно...— Анвар решил подождать Карпова здесь.

Он поблагодарил Азиза и объяснил, что до окончания взрыва и расчистки дороги ехать ему некуда. Азиз развел руками: ждать так ждать, потом поедет в Туткаул. Пригласил к себе в гости Анвара. Анвар пообещал, что специально для этого выберет время.

— Я не забуду этого обещания! — предупредил Азиз.

Вскоре на дороге показался быстро мчащийся газик. Анвар подумал, что это, конечно, начальник строительства. Но, когда газик приблизился, все удивились: впереди, где всегда сидит начальник, сидела девушка! Кто бы это? И почему она на месте начальника! А начальник вроде бы сзади. И с ним кто-то еще.

«Ведь это, кажется, Зульфия! — не поверил своим глазам Анвар.— Если бы она! Моя дорогая, моя умница, сердце мое!..»

Газик остановился, из него действительно выскочила Зульфия, и Анвар бросился ей навстречу. За Зульфией из машины вылезли Карпов и Вероника. Зульфия и Анвар, забыв в этот момент обо всем, обнялись.

— Дорогая моя, любимая...— шептал ей на ухо Анвар.— Хорошо, что приехала. В самое время. Я очень хотел тебя видеть сегодня. Чтоб ты именно сегодня была со мной!..

— Только сегодня? — нахмурив брови, спросила Зульфия и высвободилась из объятий.

— Нет, нет! Чтобы ты больше никогда от меня не уходила, чтоб всю жизнь была со мной!..

— Ну, если так, я согласна! — Зульфия засмеялась, тряхнула головой, отбрасывая косы назад. Сегодня она, как невеста, заплела волосы в мелкие косички. Анвар обрадовался: «Она меня любит! Теперь мы поженимся!»

— Ну, давай и я тебя поздравлю! — сказал Антон Григорьевич, пожимая руку Анвару.— Хочу, чтоб ты был достойным коммунистом!

— Спасибо! Я постараюсь оправдать ваше доверие! — пообещал Анвар.

— Я тебе тоже привез добрую весть,— сказал Карпов.— Из Душанбе позвонили, что о строительстве Нурека вышло распоряжение Совета Министров Союза! Будет Нурек строиться!..

— Поздравляю! — с волнением обнял Анвар Старика.

— А если я тоже поцелую Анвара, Зульфия не будет ревновать? — засмеялась Вероника, подходя к Анвару.

— Сегодня еще можно, но завтра уже нельзя! — весело ответила Зульфия.

— Видишь, она разрешила, так что не бойся! — Вероника радостно поцеловала Анвара.

— Спасибо, Вероника! Ты настоящая сестра! — сказал Анвар.

Антон Григорьевич уже вернулся к машине.

— Ну-ка, друзья, садитесь! Время! Поедем в убежище.

II

Ровно в пятнадцать ноль-ноль прозвучали сначала два предупредительных взрыва, а затем раздался такой грохот, что чуть не лопнули перепонки в ушах! Земля дрогнула. Даже Карпов испугался. В чем дело? Неужели ребята ошиблись в расчетах? Первый взрыв не должен быть таким сильным.

Все ущелье Пули Сангин затянуло облаком красной пыли. Карпов и его спутники ничего не видели из своего убежища и ужасно волновались, как там...

А нужно было еще ждать. Ждать последнего взрыва. Услышали и его слабый звук. Но из укрытия все еще выходить было рано. Из передового наблюдательного пункта сообщили, что обвалилась большая часть горы, завалила кулябскую дорогу и камнепад еще продолжается!

— Рыхлая порода! — сердито сказал Карпов, прекрасно понимая, что эти обвалы путают им все карты.

Теперь нужно заново проверить расчеты. Никто не предполагал, что уже при первом взрыве отвалится полгоры и закроет и без того узкую проезжую часть! А должны были это предвидеть! Кто? Прежде всего изыскатели. Проектировщики. Проходчики. Ведь они за многие годы перепахали эти горы! И могли бы предвидеть все! А ведь в этой горе нужно просверлить еще три строительных туннеля! Как их строить? Теперь и к ним дорога закрыта! Отрезаны проходчики, которых Карпов разместил в Туткауле, и главная дорога на Куляб. Целая область отрезана от столицы! Нужно было потребовать, чтобы сначала построили дорогу в Куляб. А он разрешил начать взрывы. Если бы стоял на своем, правительство республики тоже поддержало бы его. А теперь вот выкручивайся!..

Антон Григорьевич, конечно, не боялся ответственности. Просто он упрекал себя, что произошла осечка. Если бы на его месте был молодой, неопытный руководитель и совершил такое, возможно, простили бы, потому что молод и впредь будет умнее! А тут... Директор Акрамов верно говорил: ты старая ворона, иногда без толку каркаешь!.. Вот именно, каркал много, а недоглядел...

По приказу Карпова всех ответственных работников собрали на срочное совещание. Это собрание фронтовикам напомнило совещание перед боем. Люди были молчаливы и серьезны. Карпов начал говорить, но его речь прервал звонок из Душанбе.

Присутствующие по лицу Карпова и по его отдельным словам быстро поняли, с кем и о чем идет разговор. Звонила Холида Джалиловна, она требовала, чтобы членов пленума ЦК комсомола любым способом перевезли через ущелье: завтра в десять утра начинается пленум. Карпов пытался объяснить невозможность этой задачи, хмурил брови, сердился. И вдруг внезапно переменился.

— Холида! — мягко сказал Старик.— Ты знаешь из истории, что делегаты Десятого съезда партии прямо с заседания пошли на

подавление контрреволюционного мятежа. А что, если делегаты пленума комсомола помогут нам скорее открыть дорогу?

Потом он долго молча выслушивал Холиду Джалиловну, наконец произнес «спасибо!» и положил трубку.

— Комсомол, как всегда, поможет нам,— спокойно объявил он.

— Ай да комсомол! — с радостью воскликнул кто-то.— С молодым задором дело быстрее сделается!

Карпов встал, вскинул голову.

— Да, комсомол нам поможет. Но ведь могло этого досадного промаха и не произойти! Можно было предусмотреть сегодняшние события? Конечно! Тогда и не нужны были бы эти чрезвычайные меры. Не пришлось бы затрачивать силы и энергию на расчистку дороги.

Он перевел дух, тяжело опустился на стул. В кабинете наступила долгая пауза. Все знали, что Старик прав. Поэтому сейчас каждый чувствовал себя перед ним немного виноватым.

Наконец попросил слово Анвар. Он заговорил горячо, отчаянно жестикулируя:

— Поручите электрикам скорее установить там мощнейшие прожекторы. Все машины и бульдозеры отдайте в распоряжение комсомольского штаба. Мы поднимем всех комсомольцев и молодежь Нурека на расчистку дороги. Если к вечеру подъедут из Кулябской зоны делегаты пленума, мы вместе с ними будем работать всю ночь и к утру откроем дорогу!..

Анвар мгновение подождал, что скажет Карпов, и, догадавшись, что Старик дает возможность другим обдумать это предложение, хочет выслушать и их мнение, тихонько сел на место.

Предложение Анвара многих удивило: он брал добровольно на себя фактически всю ответственность за расчистку дороги, а ведь мог бы, как другие, делать только то, что ему поручают. Этого для него было бы достаточно. Да еще устанавливает такие короткие сроки. За ночь! Что можно сделать за несколько часов, когда, по инженерным предположениям, тут несколько дней требуется?

«Эй, сопляк, откусывая большой кусок, не раскрывай широко рот! — подумал Рахмат Рахимович.— Ведь только вчера на партийном собрании Старик предупредил тебя, чтоб не подменял начальника строительства!»

Предложение Анвара и для Антона Григорьевича было в какой-то степени неожиданным. В глубине души он сомневался в возможности расчистить дорогу за одну ночь.

Первым взял слово прораб Салахян.

— Я полностью поддерживаю предложение Анвара! — сказал он с волнением.— Мы должны все ему помочь и быть вместе с ним. Кулябскую дорогу нужно открыть к утру. Дорога завалена по нашей вине, и мы должны скорее ее расчистить!..

После выступил Мирзо Набиев:

— Через полчаса вся техника и работники управления строительством плотины выйдут на расчистку дороги. Большинство

наших рабочих — молодежь, много среди них комсомольцев. Если комитет комсомола захочет создать из них ударные отряды или ударные группы, мы согласны...

— Спасибо, Мирзо Набиевич! — откликнулся Анвар.

Тут же решили, что все управления и отделы строительства и все трудоспособные жители города Нурека направятся на расчистку дороги. Возглавит ее комсомольский штаб.

— Пожалуйста, мы все в твоем распоряжении! — сказал Антон Григорьевич в конце, пожимая руку Анвару, и по-отечески предупредил: — Будьте осторожны! И чтобы никаких чепе.

III

В голубом вагончике комсомольского штаба Вероника и Зульфия с нетерпением ожидали Анвара и Валеру. Кто видел Зульфию час назад, сейчас не узнал бы. Вместо золотошвейной бухарской тюбетейки на голове у нее был шлем проходчика, вместо модного платья — комбинезон, вместо туфель-лодочек — кирзовые сапоги.

— Какой у тебя свадебный наряд! — шутила Вероника.

— А что, не идет? — оглядывала себя Зульфия. В рабочей одежде она сама себе очень нравилась.

— Идет,— сказала Вероника, разглаживая ладонью складки на комбинезоне Зульфии.— Так идет, будто на тебя сшит... Теперь все дело в том, полюбит ли тебя Анвар в таком одеянии? — снова пошутила она.

— А твой Валера? — в ответ спросила Зульфия.— Ты ведь тоже в комбинезоне?

— Мой Валера,— вздохнула Вероника.— Он такой невнимательный, что одень меня хоть царицей, и то не обратит внимания.

— Ну и преувеличиваешь ты, подруженька! — обняла Веронику Зульфия.— Неужели к такой прекрасной девушке, как ты, могут быть равнодушны ребята! Если правду сказать, с того вечера дружбы, когда я увидела тебя вместе с Анваром, я все время беспокоюсь, не влюбился ли он еще в тебя.

— Успокойся, Зульфия! — сказала Вероника.— Анвар только тебя любит. Он всегда ждал тебя. Теперь, раз ты приехала, сыграете свадьбу. А я буду тебе подругой, Анвару сестрой...

В этот момент в дверях появились Анвар и Валерий и остановились удивленные.

— Ну-ка, которая здесь твоя? — Валерий подмигнул Анвару, переводя взгляд с одной девушки на другую.

— Пусть они сами выбирают! — засмеялся Анвар.

Зульфию в этой одежде он видел впервые и действительно сначала не узнал ее. А когда узнал, обрадовался — его невеста и в простой рабочей одежде очень красива!..

— Хорошо с вами! Не уходил бы,— сказал Валера,— и все же сейчас шутки в сторону. Мы пришли еще раз определить обязанности каждого члена штаба и активиста.

Уже работали городские динамики, милицейские рупоры, те-

лефоны разных строительных управлений — все средства связи собирали людей в Пули Сангин. Одновременно по радио проводилась разъяснительная работа, объяснялись правила техники безопасности, напоминалось об осторожности и внимательности.

Через час к месту завала подошли мощные бульдозеры, машины с людьми. Анвар, увидев с горы, что дорога заполнилась людьми и техникой, побежал вниз. Передний бульдозер внезапно застрял, загородив дорогу.

— В чем там дело? — еще издали закричал Анвар.

— Зажали! — ответил бульдозерист.

Анвар пригляделся. За рычагами был Олег Иванович, рядом с ним сидел Ориф.

«Хорошо, что Ориф с ним, — подумал Анвар. — Олег Иванович из него человека сделает... А где Микола? Что-то давно его не видно. Надо бы Орифа спросить...»

Бульдозер Олега Ивановича не мог двинуться ни взад, ни вперед. Сзади его прижали два бульдозера и машины. Впереди преградили путь огромные красные глыбы камня. Чтобы подняться по завалу, нужно было либо столкнуть камни в реку, либо оттащить в сторону. Отодвигать камни в узком ущелье было некуда, решили столкнуть их в реку. Но и это было непросто сделать. Пришлось сдвинуть назад всю колонну. Потом вручную окопали полузасыпанные глыбы, зацепили их стальными тросами. Только после этого бульдозер сдвинул одну из глыб. Анвар тоскливо посмотрел на часы. На один камень потрачено столько времени! С ломом в руках он полез наверх — пора распределять по местам ударные бригады и звенья. Нужно проверить работу электриков, а то, не успеешь оглянуться, темно будет. В этом узком ущелье стемнеет раньше, чем в других местах...

В разгар работы со стороны Туткаула показалась колонна машин с красными знаменами.

— Ура! — закричала Вероника, они с Зульфией таскали носилки с землей. — Члены пленума идут нам на помощь!

— Почему до сих пор не зажгли прожекторы? — крикнула пробегавшему мимо Анвару Зульфия, но Анвар не услышал.

— Эй, Валера! — помахала Вероника Салахяну. — Поди скажи, чтоб свет дали!..

Валерий, забросив лопату на плечи, пошел к электрикам.

— А чего он лопату-то с собой тащит? — удивилась Зульфия.

— Правильно, что взял лопату, — ответила Вероника. — Если электрики не согласятся зажечь свет, отлупит их лопатой! Нурек должен встречать гостей светом!..

Но электриков уговаривать не пришлось, прожекторы вспыхнули сразу, осветив ущелье и скалы. Встревоженно закричали и взвились вверх обеспокоенные птицы.

Посланцы ЦК комсомола тут же включились в работу. Работали весело, легко, от души. Они поистине могли в эту ночь горы свернуть. Незнакомые быстро знакомились и через минуту-дру-

гую уже были на «ты», понимали друг друга с полуслова и, чуть что, спешили на помощь.

— Эх, молодость! — сказал Карпов, всю ночь вместе со всеми не смыкавший глаз. К рассвету он чувствовал усталость, налившую тяжелым свинцом ноги, и с восторгом смотрел на комсомольцев, дружно раскидывавших землю.— Вечная сила!..

...К утру по ровной и широкой дороге проехала в сторону Куляба первая грузовая машина. Встретили ее восторженными криками и аплодисментами, вмиг забыв усталость и бессонную ночь, подхватили шофера на руки и стали подбрасывать его вверх.

Анвар и Валерий тоже пожали ему руку, обняли по очереди.

— Поздравляем, туткаулец! — сказал Валера.

— Не туткаулец, а нурекчанин,— поправил Анвар.— Азиз Шарифов с этого дня становится нурекчанином!

— И не он один,— вмешалась Вероника.— Еще Зульфия. И вот Светлана,— она вытолкнула вперед невысокую круглолицую девушку.— Это дочка Олега Ивановича. Вчера только в Нурек приехала, и сразу боевое крещение.

— Очень хорошо, будем знакомы! — засмеялся Анвар.

Вслед за первой машиной проехали участники пленума комсомола. Дорога начала действовать. Оставалось только заасфальтировать ее.

Анвар и Валерий вместе с Зульфией и Вероникой собирались завтракать, когда к ним подъехал Женя.

— Быстро собирайтесь! Я вас повезу в Душанбе! — сказал он.— Старик велел...

Оказалось, они должны как представители Нурека отправиться на пленум. Анвар с Валерой переглянулись — больше всего сейчас им хотелось завалиться спать.

— Обязательно побрейтесь! — напомнила Вероника.

— Пусть все с завистью смотрят на парней Нурека! — добавила Зульфия.

Когда председательствующая Холида Джалиловна объявила, что представители комсомола Нурека приглашаются в президиум, участники пленума встали и аплодисментами приветствовали их. Слово предоставили Анвару.

Он вышел на трибуну и минуту молча смотрел на собравшихся. Что сказать? «Товарищи, я хочу часок поспать?!»

Анвар заметил, что перед ним стоит стакан воды. Он выпил глоток и начал:

— Мы счастливы заявить пленуму, что комсомол Нурека в эту ночь сдал серьезный экзамен. Комсомольцы и молодежь, выполнив за одну ночь работу целого месяца, доказали, что на строительстве они решающая сила. Мы заверяем пленум Центрального Комитета комсомола республики, что и впредь готовы к выполнению любого ответственного задания во имя нашей великой Родины!.. Еще я хотел от имени рабочих и строителей Нурека от всей души поблагодарить тех членов пленума, которые в эту ночь, тоже самоотверженно работая с нами, поддержали нас морально и внесли

большую долю своего труда в открытие дороги Душанбе — Куляб!..

Анвар попросил пленум помочь в привлечении молодых рабочих и специалистов на строительство Нурека.

Пленум единодушно решил, что комсомол республики берет шефство над строительством Нурекской ГЭС и объявляет ее ударной комсомольской стройкой! Тут же было принято и обращение к комсомольцам и молодежи Таджикистана.

IV

После переезда Зульфии в Нурек забот у Анвара прибавилось. Зульфия до свадьбы жила с Вероникой в женском общежитии, а Анвар с Салахяном все в той же палатке.

У Зульфии не было матери. Она умерла, когда девочке едва исполнилось двенадцать лет. Отец вскоре снова женился. Мачеха невзлюбила Зульфию, и она убежала к сестре, которая вместе со своим мужем преподавала в сельской школе. Отец, бывший полностью под властью молодой жены, даже не стал искать дочь. Зульфию воспитывали, учили и растили сестра с мужем. Поэтому Зульфия хотела, чтобы Анвар поехал к ним и получил их благословение. Она так и сказала. Не к отцу, а к сестре с мужем... Кроме того, и самому Анвару нужно было проведать родителей и получить их согласие. Но на все эти поездки и церемонии у Анвара не оказывалось времени. Он предложил Зульфии написать письма ее родственникам и его родителям. Если Анвар и Зульфия любят друг друга, разве родня будет против? Нет, конечно. Они тоже хотят счастья молодым... Такой ответ Анвар с Зульфией и получили.

Наконец настал долгожданный вечер. Друзья после комсомольской свадьбы, по таджикским и русским традициям, с песнями и припевками проводили молодых в ту же палатку на берегу реки. (Салахян еще утром торжественно отнес свою раскладушку в молодежное общежитие.)

Зульфия в наряде невесты неподвижно сидела на новой железной кровати, которую Анвар купил только сегодня. На голове ее сверкала золотошвейная бухарская тюбетейка. Белый шелковый платок соскользнул на плечи. Из-под него выбились несколько мелких косичек и рассыпались на груди...

Анвар был опьянен счастьем. Какая прекрасная, необыкновенно красивая у него жена. Неужели это счастье досталось ему?..

Анвар поднес ее руку к губам и прижал к лицу.

— Спасибо тебе, родная...

— За что? — удивленно подняла брови Зульфия.

— За то, что захотела стать моей женой.

Зульфия положила голову на плечо мужа. Анвар, взволнованный податливостью и теплом ее тела, биением ее сердца, обнял и крепко поцеловал жену в нежные губы. Задыхаясь от его поцелуев, Зульфия прошептала:

— Анвар... я боюсь... Очень боюсь...

— Милая, дорогая, любимая...— Анвар ласкал Зульфию.— Чего ты боишься? Разве ты мне не веришь?

— Нет... Я люблю тебя! — плача, сжимала ему руку Зульфия.— Но я боюсь, что не смогу жить здесь. Тут трудно. Я уже поняла. Давай переедем в город. Временно поживем у тети, потом квартиру получим или снимем. Меня не раз приглашали в министерство. И сейчас возьмут, и тебе там работу найдем какую-нибудь...

— Зульфия! Что ты говоришь? — руки Анвара ослабли. От ее слов он застыл. Неужели все мечты и надежды сразу рухнут? Он ошибся? Нет, нет! Она, наверно, хочет сказать что-то другое. Анвар, возможно, не понял смысла ее слов.

Зульфия, уткнувшись в подушку, всхлипывала.

— Я не могу. Я правду сказала!..— снова и снова умоляюще повторяла она.

«Нужно объяснить ей! — думал Анвар.— Она должна понять, что... Что понять? В Нуреке, конечно, жизнь очень трудная. Не каждый может выдержать эти лишения. Но Зульфия... Ведь она же...»

Он взял в руки ее косы и поцеловал.

— Я тебя обидела? — будто жалея о своих словах, подняла Зульфия голову от подушки.

Анвар ласково обнял ее за плечи, поцеловал в лоб и, достав из кармана платок, вытер ее мокрые глаза и лицо.

— Ты меня простишь? — Зульфия кокетливо взглянула на мужа и положила голову ему на грудь.— Я все это зря наговорила. Первая ночь молодоженов должна проходить радостно...

— Конечно, дорогая! — обрадовался такой перемене Анвар.— Я знаю, что ты умница и все сама понимаешь. Раз мы с тобой любим друг друга, то...

— ...должны быть счастливы! — продолжила Зульфия.

— Да! Сто раз верно! Тысячу! — Анвар легко поднял ее на руки.— Я тебя вот так понесу на берег Вахша. Река — всегда символ чистоты и верности! Мы с тобой на великом Вахше поклянемся в вечной верности друг другу!

— Ладно! И хорошо...— Зульфия крепко обняла Анвара за шею.— Пойдем. На берег Вахша пойдем. Пусть великий Вахш будет свидетелем нашей счастливой жизни навечно!..

Анвар, поцеловав ее, вынес из палатки.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

I

— Ты придурок! — сказал Микола, скрипя зубами.— Настоящий волк тот, которого другие волки съесть не могут. Знаешь, что в волчьей стае слабого волка съедают? Люди тоже так...

Ориф задумался. Слова Миколы задели его. Действительно, то, что случилось с ним и с его отцом, подтверждает этот вывод: слабого съедают!..

Ориф отца не помнил. Только по рассказам матери знал, что отец его был мужчина высокий, смуглолицый, с черными бровями и глазами. И еще он был слабохарактерный, такой добрый, что и муравья не обидит... А его убили. Без всякой жалости. Их сосед Шакир-магазинщик нанес отцу семнадцать ударов ножом. Будто бы из ревности. Будто бы он влюбился в мать Орифа. А она его не пожелала. Сказала: «Ты рябой и противный!» Тогда он зарезал ее красивого мужа...

Вырос Ориф без отца. В нужде и горе. Даже мать его не любила. Может, оттого, что мальчишка был колодкой на ее ногах. Ибо не каждый мужчина возьмет в жены женщину с ребенком.

С раннего детства Ориф завидовал соседским ребятам, у которых был велосипед. Сколько пришлось унижаться, пока научился ездить. Однажды он попросил мать, чтобы она купила ему велосипед. В ответ мать стукнула его кулаком по голове. «Я во вдовстве своем не могу одеть, накормить тебя, а тебе еще и кататься захотелось!..»

Как-то послала его мать в магазин за хлебом. У магазина он вдруг увидел новенький велосипед. Хозяина рядом не было. Ориф забыл, зачем шел, и двумя руками ухватился за велосипед. Кто-то из магазина крикнул: «Эй, мальчик, не трогай...» Но Ориф не обратил внимания. Его мечта — вот она! Вскочив на велосипед, он помчался по улице. Конечно, скоро его поймали и сдали в милицию. Нашлись несколько свидетелей, подтвердивших, что он среди бела дня украл велосипед, хотя о краже Ориф и не помышлял, он хотел просто покататься.

Следователь был очень добродушный и ласковый человек. Он не угрожал, не допрашивал с пристрастием. «Молодец,— говорил,— герой. Велосипед украсть не каждый может!» Похваливая Орифа, он составил протокол, в котором приписал Орифу хищение еще четырех велосипедов. Хотя Ориф не желал в этом сознаваться, он уговорил, сказал: «Не бойся, тебе ничего не будет, возьмешь все на себя, а мы тебя не обидим. Заступимся, когда надо будет!..»

Вот так Ориф и получил четыре года. Сначала попал в детскую колонию, а потом, когда исполнилось восемнадцать, в настоящую тюрьму. Почему, за что? До сих пор он пытается ответить на эти вопросы. Может, действительно Микола прав: слабого съедают!.. А как стать сильным? Таким, чтоб тебя все уважали и боялись?

Орифа взял в ученики опытный бульдозерист Олег Иванович Горбунов.

— Олег твой тот еще гусь! — говорил Микола, покуривая.— Ишак ему нужен...

— Нет,— воспротивился Ориф,— я сам просился к нему!

— Может, ты и просился,— расхохотался Микола,— но ска-

жи мне, если бы ты ему не был нужен, как ишак, взял бы он тебя? Нет! Согласен?

Ориф пожал плечами.

— Вот видишь! Каждому нужны те, кто за них работать будет.

— Я не зря работаю, я зарплату получаю...

— Сколько? — усмехнулся Микола.

— Ну, по-разному,— пожал плечами Ориф,— с выработки...

— Послушай, сирота! — ударил Орифа по плечу Микола.— Да твоих денег только и хватает еле-еле концы с концами свести. Если хочешь, давай со мной, я тебе покажу, где денежки водятся!..

Микола вот уже несколько месяцев как перешел к проходчикам. Ориф знал, что они получают большие деньги.

— В прошлом месяце в нашей бригаде всем по триста закрыли наряды! — похвалился Микола.

— Неужели? — не поверил Ориф.— Наверно, и работа под землей трудная?

— Да нет, не очень. Во всяком случае, легче и безопаснее, чем на бульдозере. Бульдозеры в наших условиях часто вместе с водителем в реку сваливаются. Сам ведь знаешь. А среди горняков пока никого не задавило...

— Как это часто? — удивился Ориф.

— Вчера свалился! Не слышал, что ли?!

— Слышал. Вчера свалился, но до этого вроде не сваливались...

— И раньше тонули,— беспечно махнул рукой Микола,— и дальше будут. Еще больше. Пока эту трехсотметровую плотину построят... эге!.. Сотни бульдозеров утонут!..

— По-твоему, только бульдозеры валятся? — рассердился Ориф.— Если помнишь, однажды и гора свалилась. Целую ночь не спали, заравнивали...

— Сколько в ту ночь бульдозеров пропало? — снова спросил Микола.

— Ни одного!

— А ты откуда знаешь? Каждую ночь и каждый день в этом Нуреке машины и бульдозеры пропадают! Только мы с тобой не знаем. Потому что такие вещи не говорят, скрывают. Это политика! Понял?

— Врешь! — решительно сказал Ориф.— В Нуреке в одном конце чихнешь, в другом скажут «будь здоров!». В ту ночь я там был. Если бы что случилось, все услышали и увидели бы...

Они сидели в комнате общежития в Дисабуре, теплой, но вонючей — от мокрых грязных портянок Миколы, разложенных на печке, шел пар. Парни пили чай. На улице валил снег.

— Хорошо...— задумчиво глядя в окно, протянул Микола.

— Что хорошо? — не понял Ориф.

— Снег! — неожиданно ободрившись, пояснил Микола.— Чем больше снегу, тем скорее вся живность с гор вниз полезет. Завтра охота будет удачной.

— Вы завтра на охоту пойдете? — с интересом спросил Ориф, который, хоть и родился в Таджикистане, никогда не охотился в горах.— Сколько вас?

— Я да Генка Шатров, двое. Если хочешь, и тебя возьмем. Утром рано поедем. У Генки мотоцикл с люлькой.

Ориф видел не раз длинного Генку на мотоцикле вместе с Миколой. Как-то вечером даже шли вместе домой, втроем. Генка тоже был проходчиком. Тогда Генка сказал, что если удастся достать аммонит, то пойдут на охоту... Значит, теперь у них есть аммонит. Но как это можно охотиться с аммонитом? Этот Генка, видно, пройдоха. Он все может. Микола с тех пор, как нашел Генку, почти забыл Орифа. Генка даже перетащил Миколу в свое общежитие. Сейчас они вместе живут в одной комнате на двоих. А Ориф, как и прежде, в комнате на пятерых. Но товарищи по комнате — все ребята хорошие, Орифу даже лучше.

Микола допил чай, не спеша встал, обернул ноги портянками, надел сапоги. Потянулся зевая.

— Спать охота! — показав свои желтые зубы, усмехнулся.— А у тебя и водки нет!..

— Если хочешь, я сбегаю,— сказал Ориф, с готовностью поднимаясь со скамейки. Сам пить он не собирался, ему было важно, чтобы Микола не упрекнул в жадности.

— Нет, не нужно, вот будет завтра у нас удачная охота, тогда уж выпьем... Кстати, встань завтра пораньше, прихватим тебя по пути.

II

Ориф, проводив Миколу, закрыл дверь на ключ и собрался спать. Он радовался, что его берут на охоту. Завтра выходной. Что делать дома одному? Светлана завтра работает, и в кино сходить не с кем. Кинофильмы теперь показывали регулярно — старый амбар отремонтировали под клуб. Ориф все больше привязывался к Светлане. А ведь произошло случайно. Однажды Олег Иванович после работы пригласил Орифа домой поужинать. До этого они оба попали под ливень и промокли до нитки. В новой квартире Олега Ивановича Ориф еще не был. «Заодно и посмотришь»,— сказал Олег Иванович. Квартирой он очень гордился — ему и его жене, передовым рабочим, выделили для жилья отдельный вагончик.

Встретила их Светлана, протянула Орифу маленькую руку и звонко назвала свое имя. Зоя Сергеевна была на работе. Олег Иванович впервые тогда сам налил водки Орифу.

— Она, проклятая, в общем-то вещь неплохая,— пошутил он.— Но пить ее надо умеючи!..

Светлана неодобрительно покосилась на отца и сказала:

— Вы, мужики, от скуки водку пьете, а что нам с мамой делать?!

Олег Иванович добродушно рассмеялся.

— Слышал, Алик? Критикует!

Светлана в простеньком платье, перебирая на груди толстые золотистые косы, только усмехнулась.

— Я тоже, как вы... Иногда не знаю, чем в свободное время заняться! Тоскливо тут...— поддержал девушку Ориф.

— Нет, по-моему, вы, мужчины, отлично знаете, чем заняться. Все свободное время переводите на то, чтобы водку пить. От тоски у вас это лучшее лекарство,— насмешливо сказала Светлана.

Ориф попытался возразить, но Светлана не сдавалась. Спор разгорелся. Особенно крепко досталось от Светланы молодым парням.

Олег Иванович, видя, что Ориф не в силах отразить нападки девушки, вмешался в разговор:

— Алик, не трать свои нервы. Свете в Нуреке скучно одной, и она всю обиду свою на тебе хочет выместить. Лучше пригласи ее в кино!

Светлана смутилась от слов отца и покраснела. И тут же, махнув рукой, выбежала в другую комнату.

— Картошка подгорает! — из-за двери крикнула она.

Олег Иванович подмигнул Орифу и поднял свою рюмку.

Ориф пить не стал. Он невольно все поглядывал на дверь, ожидая, когда появится Светлана. Хоть ему и шел двадцать первый год, но ни в кино, ни на танцы с девушкой он никогда не ходил. Поэтому очень волновался. Сердце его было полно радости и волнения: «Приглашу девушку в кино!»

Наконец Светлана принесла на двух тарелках котлеты с жареной картошкой.

— За горелую картошку вы в ответе! — засмеялась она.— Потому что вы меня в разговор втянули и отвлекли внимание...

Ориф уже собирался заговорить о кино, но девушка неожиданно опять скрылась за дверью.

— Ты, Алик, так не делай,— сказал Олег Иванович, подавая гостю рюмку.— Выпей водку, тарелку тоже подвинь к себе! Ведь на дожде промок, нужно согреть нутро, а то заболеешь!

«Какой добрый человек,— думал Ориф.— Зря Микола о нем плохо говорит. Олег Иванович — настоящий человек!..»

Ориф ничего не успел ответить, опять появилась Светлана и спросила Орифа, какой чай заварить — черный или зеленый. «Надо же, спрашивает! Со мной считается!» Ориф был потрясен — сроду, пожалуй, специально никто ничего для него не делал.

— Зеленый,— попросил Ориф. Светлана кивнула и ласково посмотрела на гостя. Глаза ее искрились весельем, и губы сами собой складывались в улыбку. Когда девушка внесла чай, Ориф робко сказал:

— Светлана, давайте сейчас сходим в кино. Я провожу вас потом...

Светлана повернулась к отцу. Олег Иванович понял вопросительный взгляд дочери.

— Конечно, пойди, дочка,—

Светлана побежала в другую комнату, вмиг сменила платье,

повесила на шею медальон, расчесала волосы и, вернувшись, предстала перед Орифом.

— Я уже готова!

Ориф не мог отвести глаз от девушки. До чего же она была хороша! Какое-то новое, неведомое ранее чувство переполнило его душу...

Ворочаясь на железной койке, Ориф не мог успокоиться. А ведь нужно сегодня заснуть пораньше. Завтра рано на охоту!

Вообще, наверное, надо ближе держаться к Миколе и Генке. Они ребята сильные, если нужно будет, смогут защитить Орифа. Микола к Орифу тянется. Сегодня вечером сам пришел к нему. Соскучился, говорит. Он хочет и Орифа перетащить к себе работать. Деньги они большие получают. По триста в месяц! Конечно, это лучше. Но, жаль, Ориф сейчас не может перейти. Олег Иванович обучает его профессии бульдозериста! Отличный он человек. Потом Светлана... Она любит Орифа. Это она сама сказала. Она все говорит Орифу прямо. Однажды Ориф провожал ее домой после кино. Светлана сама обняла его и поцеловала. Потом они зашли в подъезд незаселенного дома. Светлана припала к Орифу и положила голову ему на плечо. Ориф взял ее толстые золотистые косы, водил ими по своему лицу и целовал. Светлана прошептала: «Я люблю тебя!»

Ориф, взволнованный воспоминаниями, почувствовал, что совершенно расхотел спать. Теперь он наверняка не сможет встать рано. Нехорошо, если Микола с Генкой ждать его будут...

Ориф закрылся с головой одеялом и постарался уснуть, но разные мысли лезли в голову.

Почему, например, Микола так ненавидит Олега Ивановича, который никогда и слова плохого не сказал о нем? Наверное, Миколе не понравится его дружба со Светланой. Пусть лучше он пока не знает ничего об этом. Ориф потом, позже сообщит друзьям, что женится на Светлане.

Олег Иванович, наверное, не будет против. Зоя Сергеевна тоже относится к нему хорошо. Света ей давно рассказала об их отношениях, и Зоя Сергеевна всегда принимает Орифа приветливо и уважительно.

III

Разбудили его товарищи по комнате. Вернувшись с ночной смены, они, не раздевшись и не умывшись, повалились на кровати. Кто-то крикнул Орифу:

— Не включай свет! — и он на ощупь стал искать свою одежду. Потом, взяв портянки и сапоги, вышел в прихожую и тихонько прикрыл дверь. В прихожей горел свет, Ориф, опираясь о стенку, намотал портянки и сунул ноги в сапоги.

Миколу с Генкой Ориф встретил у дверей общежития. Он давно уже стоял на улице и был свежий и бодрый.

— Из тебя хороший охотник выйдет! — похвалил его Генка

Шатров, заглушая мотор.— Вот бы и Миколе с тебя брать пример. А то он кабанов любит во сне стрелять! Я его целый час будил!..

— А сам в мечтах о встрече с дикой свиньей всю ночь не спал, а? — засмеялся Микола.

— Вы только на кабанов охотитесь? — немного разочарованно спросил Ориф.

— А ты хочешь, чтоб я тебе тигра или медведя подстрелил? — пошутил длинный Генка.

— Эх, Генка, неужели ты не понимаешь, что Алик таджик! — пояснил Микола.— Мусульмане не едят свинины! Магомет им запретил.

— Он был толковый мужик,— Генка нажал педаль, снова заводя мотор,— если бы он этого не сделал, то мы бы здесь ни одного кабана не нашли!

— Ты эгоист, Генка! — заметил Микола.— Только о себе заботишься! Про Алика не забывай, ведь он тоже наш товарищ!

— В этой жизни не будешь о себе сам заботиться, скоро помрешь! Но мы и Алика не забудем. Если он мясом кабана брезгует, мы ему поросенка добудем!..— пообещал Генка.

Ориф молча сел сзади Генки, Микола развалился в коляске. В колонии и тюрьмах Ориф вынужден был есть свинину и привык к ней, так что шутки товарищей в цель не попали, просто охоту на кабана он почему-то считал менее интересной, чем на птицу.

Быстро миновав город, они поехали вдоль реки вверх по течению. В это тихое утро великий Вахш тек величаво и спокойно, как и тысячу лет назад. Но сейчас он напоминал мудрого старика, который, поняв все божьи тайны, нахмурил брови и закрыл рот печатью молчания.

— Вода в реке зимой замерзает? — спросил Микола.

— Нет,— засмеявшись, качнул головой Генка.— Говорят, что в Нуреке Вахш может испариться и пересохнуть, но замерзнуть он никак не может.

— Да...— задумчиво подтвердил Микола.— Я тоже слышал, что летом в Нуреке куриные яйца пекут прямо в песке...

— А вообще-то Таджикистан — край сказочный! — сделал вывод Генка.— Для нас с тобой здесь рай земной. Тут мы можем взять все, что хотим. Даже даром!..

— Вот Алика уже задаром в плен взяли! — хлопнул Орифа по плечу Микола.

— Ты так не говори! — поправил Миколу Генка.— Это мы с тобой пленники Алика. Он здесь хозяин!

Мотор у мотоцикла был новый и сильный. Генка уверенно гнал по тропам и в гору по бездорожью. Они преодолели несколько больших и малых распадков, подъехали к горам, покрытым снегом, который слепил глаза.

Наконец в одном из безымянных ущелий Генка остановил мотоцикл и выключил мотор.

— Приехали? — спросил Ориф.

— Да вроде бы...— Генка оглянулся по сторонам.— Мне кажется, здесь хорошее место для охоты. Сюда редко человек заходит!

Ориф с Миколой слезли, с любопытством осмотрелись. Везде был снег и снег. Толстое одеяло снега прорезали только острые темные скалы. Кое-где пробивались кустики горного миндаля.

Генка Шатров, который не раз охотился в горах, очень быстро и легко определил тропинки, по которым могут спускаться кабаны. Тут же в узком проходе между выступами скалы и засыпанными снегом кустами они заложили патрон и протянули от него шнур. Генка, приделав шнур к батарее от карманного фонаря, велел Орифу и Миколе спрятаться за скалой и затихнуть. Без его разрешения запрещено шевелиться или подавать голос!

— Нигде никого не видно, чего молчать-то?! — недовольно проворчал Микола.

— Тихо! — пригрозил Генка кулаком Миколе.— Они уже спускаются!..

Микола и Ориф, затаив дыхание, спрятались за скалой. Они были восхищены Генкой: прямо с вершины над их головой спускалось небольшое стадо — вероятно, это шли кабаны.

Генка опасался, что его товарищи разговором или неосторожным движением спугнут кабанов и все их старания пропадут напрасно! А Микола и Ориф радовались, что охота идет так быстро и легко.

— Хоть бы жирная свинья попалась! — прошептал Микола на ухо Генке. Тот, разозлившись, стукнул Миколу по голове кулаком, чтоб замолчал и пригнулся. Микола невольно вжался лбом в снег.

Кабаны, как опытные альпинисты, не спеша спускались по тропе. Они были уже хорошо видны.

— Это вовсе не кабаны! — снова не выдержал нетерпеливый Микола. На этот раз Генка так дал ему в подбородок, что у него лязгнули зубы.

Ориф тоже, увидев первое, с крутыми рогами, животное, удивился. Он пытался вспомнить, кто это. И вдруг вспомнил. В «Зоологии» был такой на рисунке. Это же горный козел! В Таджикистане охота на них запрещена. Их очень мало осталось! Нужно сказать Генке! Их нельзя убивать!

— Генка! — закричал Ориф и вскочил, чтобы напугать козлов. Но было уже поздно. Первый козел приблизился к смертоносным кустам и, испугавшись крика Орифа, поднял голову, навострил уши. В этот миг раздался сильный взрыв. Козла отбросило на острый гребень скалы.

На белое одеяло снега полетели мелкие камни! Остальные козлы рассыпались во все стороны, спасая свою жизнь. И только первый лежал с обожженной шерстью, с окровавленной мордой и разорванным брюхом.

— Какие у него красивые рога! — сказал удивленно Микола.— Я впервые вижу такого удивительного зверя!

— Посмотри, и кишки жиром заплыли, жирный козел попался,— радовался Генка, подбегая к козлу.

«Коза — о жизни, а мясник — о требухе!» — вспомнил народную пословицу Ориф.

— Ты не рад нашей удачной охоте, Алик? — с удивлением спросил Микола.

— Нет, почему? — вздрогнув, не зная, что ответить, пробормотал Ориф.— Я только боюсь, что если нас поймают, то отдадут под суд. Охота на этих животных давно запрещена...

— Ты не бойся! — погладил ласково по шее Орифа Генка.— Охота на козлов запрещена, а есть их мясо не запрещено. Тебе не нужно больше охотиться. Теперь твоя задача состоит в том, чтобы есть и молчать! Понял?

— Не нужно мне мяса,— возразил Ориф, сдвинув брови.

— Генка, он нас продаст! — закричал Микола и, вытаращив глаза, хотел кинуться на Орифа, но Генка не дал.

— Погоди, не спеши! — Он повернулся к Орифу.— Объясни, почему ты отказываешься брать мясо?

— Я с детства не люблю козьего мяса! Мать говорила, что от козьего мяса в теле чесотка появляется...

— «Мать говорила»!..— передразнил Микола.

— Ничего, здесь твоей мамы нет,— ехидно усмехнулся Генка.— Сейчас мы это мясо — оно ведь не дармовое, мы за него вон сколько рисковали! — разделим поровну, на три части. Ты тоже бери свою. Не хочешь есть, продай! В магазинах Нурека не всегда мясо бывает. Особенно такое свежее, не мороженое! Любой у тебя возьмет!

— Слушай, тебе и продавать не придется! У меня есть другое предложение,— вмешался Микола.— Отнесешь это мясо Олегу Ивановичу, от радости он тебя своим зятем сделает! Ведь у него же есть доченька красивенькая, свеженькая! Как там ее?

— Светка! — вместо Орифа ответил Генка.

— Да, верно! — хохотнул Микола.— Вот эту Светочку-деточку в жены возьмешь! Кейфовать будешь, дурачина!

— Но с одним условием,— добавил Генка, сделав сердитое лицо,— что ты рот закроешь!.. С этой минуты преступники не только мы с Миколой. Потому что мясо мы делим на троих. И впредь все, что мы добудем, станем делить поровну на всех. Запомни это хорошенько, мальчик! — голос Генки зазвучал грозно.— А если не согласен,— кивнул он вниз на чернеющий мотоцикл,— твое место займет этот жирный козел!

Ориф был унижен. Удовольствие от охоты ему боком вышло. «Они из меня идиота хотят сделать! — подумал он.— И о Свете уже знают. А я хотел скрыть...»

— Почему молчишь? — Микола говорил ласково, вкрадчиво.— Возьмешь мясо или нет?

Ориф думал. Условие было для него очень тяжелым. Микола

достиг своей цели. Ведь столько старался зацепить Орифа на крючок, сделать его своим послушным рабом! Наконец сегодня он, кажется, получает то, что хотел...

Ориф посмотрел вниз — снега и снега, безлюдные, пустые горы... Проглотив слюну, он кивнул головой, соглашаясь.

— Молодец! — похвалил его Генка.— Я верил, что ты мужик! Давай лапу!

Ориф протянул руку.

Генка и Микола с удовлетворением ее пожали.

IV

Микола завернул Орифову долю в обожженную и продырявленную шкуру козла и сказал:

— Шкура тебе, а рога мне!

Ориф стоял, опустив голову, и руки его висели, как неживые.

— На, держи! — протянул Микола.

Ориф взял сверток. Это был не сверток, а горный камень! Его тяжесть не только руки и спину, но и голову Орифа согнула...

Парни нарочно подвезли Орифа прямо к дому Олега Ивановича. Генка даже посигналил, чтоб выходили встречать. «Им нужен живой свидетель! — подумал Ориф.— Они боятся, что я выброшу мясо, а потом не признаюсь!»

Светлана была дома одна. Услышав, что Ориф привез мясо, обрадовалась:

— Прекрасно! Дома мяса нет.

Светлана пригласила и Генку с Миколой:

— Заходите, ребята! Я только что пришла с работы, чай хотела ставить. Вы, конечно, замерзли. Выпьете чаю, согреетесь...

— Спасибо! В другой раз,— Генка с мотоцикла не слез, его длинные ноги стояли на земле. Всем своим видом он показывал, что безразличен к девушке.

Микола же, наоборот, не отрывал взгляда от ее лица и невольно облизывал свои толстые обветренные губы. Света заметила это и покраснела.

Генка нажал на педаль.

— Пока, девушка! — сказал Микола, все еще не отрывавший жадных глаз от Светланы. Повернувшись к Орифу, он нехорошо усмехнулся и толкнул его в плечо.— Иди, сирота. Счастье твое... Но не забывай наш договор! Чао!

— Не болтай, Микола! — одернул его Генка.

Мотоцикл рванулся вперед, разбрызгивая грязный подтаявший снег.

Ориф и Светлана проводили парней взглядами.

— Кто эти люди? — спросила Светлана.

— Рабочие... Проходчики...— неохотно ответил Ориф.

— Тебя кто-нибудь обидел? — Света озабоченно оглядела Орифа.

— Нет, так... немного устал...— вздохнул он.

— А, поняла! Ты приехал усталый и, как все заботливые мужчины, принес еще и свежего мяса! А я, бестолковая женщина, не чувствуя твоего состояния, задаю бессмысленные вопросы. Надо поцеловать тебя и встречать с распростертыми объятиями. Ввести в дом, как жены мусульман, поклониться, раздеть тебя, подать пиалу зеленого чая. Потом, как японские жены, снять твои носки, вымыть горячей водой твои ноги и вытереть. Потом, как Лейли, обнять тебя за шею и петь тебе о вечной любви!..

У Орифа от ее шуток поднялось настроение. Девушка рассмеялась.

— Все бы это я сделала. Мешает одно — я еще не жена. Но все же пойдем, я введу тебя в теплый дом и обрадую.

— Чем? — с любопытством спросил Ориф.

— Например...— Света на миг прикрыла свои голубые глаза, подумала и снова весело сказала: — Допустим, из свежего мяса я приготовлю вкусный суп, будешь рад?

Ориф пожал плечами — разговор о мясе был ему неприятен.

— Знаю! Ты, конечно, будешь рад! Потому что для влюбленного неважно, какую пищу приготовит любимая. Что я ни приготовлю, для тебя все вкусно! Давай быстрей, будешь мне помогать! Ты почисть картошку. Возможно, братишка сейчас из школы придет, потом родители подойдут. Все они обрадуются горячему и нам с тобой спасибо скажут!..

С этими словами Светлана затащила Орифа в дом, принесла горячей воды, полила на руки, подала полотенце. Тут же поставила перед ним ведро с картошкой, дала нож и велела:

— Чисть!

Вскоре явился братишка Светланы Коля. Он с треском распахнул дверь, увидев Орифа, радостно швырнул портфель в угол и сам обнял его.

— Как хорошо, что ты здесь! — закричал Коля.— Сегодня мы после уроков большую войну устроили. Настоящую! Вместо снарядов снежки. Девчонки боеприпасы готовили. Мы с Каримом атаковали! Противник отступил! Мы их гнали до тупика. Передохнуть не давали. И они сдались, руки подняли. В этом бою друг мой Карим был настоящим героем. Не обращая внимания на удары врагов, он шел вперед! Мы его наградили двумя значками. Карим хочет, как и я, стать танкистом и бульдозеристом. Ты возьмешь его в ученики? Не отказывайся, потому что я уже обещал!..

— Колька, не лиши! — легонько шлепнула брата по затылку Светлана.— Дай ему картошку почистить.

— Не лезь! — огрызнулся Коля.— Алик тебе еще не муж!

— Это ты не лезь не в свое дело! — Светлана покраснела до ушей.

— А чего? — с удивлением обернулся к ней Колька.

— Ну, погоди, я тебе еще покажу! — пригрозила Светлана.— Я вот хороший суп приготовлю, а тебе не дам!..

— Ну-у,— гордо протянул Колька.— Ешь сама свой суп! А мы с Аликом и в рот не возьмем! А? — подтолкнул он Орифа.

Ориф, склонив голову, достал из ведра картофелину.

— А будешь меня ругать, Алик на тебе не женится! — разошелся Коля.

— Заткнись, поросенок! — рассердилась Светлана.

Колька быстро схватил из ведра пару картошек и одну за другой бросил в сестру. Та вовремя отклонилась, картошка попала в тарелку и разбила ее, на пол посыпались осколки. Боясь гнева сестры, Колька выскочил за дверь и оттуда прокричал:

— Теперь тебе не будет пощады!

После этого в комнату полетело все, начиная от веника и тряпки, что попадало Кольке под руку.

— Колька, перестань! — закричала Светлана.

Но тот и не думал прекращать. И требовал, чтоб сестра подняла руки и сдалась! Вмешался Ориф, но Колька не слушал и его.

Наконец в разгар беспощадного нападения в тылу у Кольки появился Олег Иванович. Он моментально успокоил сына. Колька, конечно, прощения просить не стал, но все же утихомирился.

Олег Иванович, как всегда, тепло поздоровался с Орифом. Светлана тоже похвалила Орифа, сказала, что хороший помощник: умеет картошку чистить! И мясо достал!.. Когда пришла Зоя Сергеевна, уже оба — и Светлана и отец,— будто соревнуясь друг с другом, сообщили ей и о мясе, принесенном Орифом, и о почищенной картошке.

— Молодец, Алик! — улыбнулась Зоя Сергеевна.— Золотые руки у тебя!

Все эти похвалы только усиливали смятение Орифа. Сейчас, сидя за столом, он ясно осознал, какую непоправимую ошибку совершил! Нужно было сразу признаться Свете, как ему досталось мясо. Нужно было сказать, что он вместе с Генкой Шатровым и Миколой совершил преступление!

У русских есть хорошая пословица: «Лучше поздно, чем никогда!» Можно сейчас обо всем рассказать Олегу Ивановичу, посоветоваться! Олег Иванович добр к Орифу, как отец, он правильно все поймет.

Ориф только открыл рот, но его опередила Света.

— Пожалуйста! — она поставила перед Орифом дымящуюся тарелку с супом. От его запаха Орифу вдруг стало нехорошо — он вспомнил обожженного, с разорванным животом козла. Ориф откинулся на спинку стула и резко отодвинул тарелку.

Олег Иванович вопросительно посмотрел на парня.

— Я с детства...— застеснялся тот,— терпеть не могу козьего мяса...

— Поэтому нам и принес? — засмеялся Олег Иванович и громко позвал жену: — Зоя, ты слышишь? Ориф, оказывается, терпеть не может козьего мяса!

— Неужели? — Зоя Сергеевна удивленно взглянула на дочку.

— Нет, нет! — захлопала в ладоши Светлана.— Я знаю причину. Ориф шутит. Он это для Кольки делает. Колька просил его не есть то, что я приготовила!

— Совершенно верно! — выскочил из-за стола Колька.— И я есть не буду! Я давно Алику сказал, что она плохая девчонка. Алик не возьмет ее в жены! Ха-ха-ха!..

— Ну и дела! — Олег Иванович огорченно положил ложку на край тарелки.

Светлана поймала Кольку и взяла за ухо.

— Скажи, что больше не будешь!

— Нет, нет! — терпя боль, кричал упрямый Колька.— Алик не возьмет тебя! Алик не возьмет тебя в жены!

— Убью! — сердито крикнула Светлана и дала ему затрещину.

— Светлана, пусти его! — вмешалась мать. Колька в тот же момент подскочил к Орифу.

— Отделал я ее! — как большой, подмигнул он.— Так ей и надо! Ты не ешь ее суп! Я сейчас сам сварю яйца.

— Еще чего! — сердито закричала Светлана.— Кто не хочет есть суп, как хочет! Пусть ложится спать голодным!

В результате суп поели только родители. Расстроенная Светлана так и не притронулась к еде. Орифу и Коле Зоя Сергеевна изжарила яичницу, но и ее Ориф есть не смог. Он сидел бледный, неподвижно уставившись в одну точку. Теперь поздно было признаваться. Олег Иванович мог неверно все понять. Сказал бы, что и его одурачили, сделали соучастником преступления.

Бедная Света! Какого же она теперь мнения об Орифе? Ведь она предполагает, что маленький мальчишка мог руководить его поведением. О ужас! Как теперь выпутаться из этой истории?

— И яичницы не поел? — с упреком произнес Олег Иванович.— Или тебя кто обидел в нашем доме? — отец взглянул на дочь.

Светлана с нахмуренными бровями поднялась, чтобы убрать посуду.

— Подожди, сядь на место! — недовольно прикрикнул на нее отец.

Светлана покорно села, но ни на кого не смотрела.

— Извините меня...— стал оправдываться Ориф.— Мне ничего не хочется. Голова болит...

— Простудился? — Олег Иванович потрогал лоб Орифа.— Немного горячий... Ничего. На ночь таблетку аспирина выпьешь, и все пройдет.

Зоя Сергеевна тут же достала аспирин. Ориф взял лекарство, поблагодарил и, еще раз извинившись, встал.

Родители и Колька проводили Орифа до двери, искренно озабоченные его состоянием, только Светлана даже не посмотрела в сторону гостя. Ориф заметил, что девушка тыльной стороной ладони вытерла катившиеся по щеке слезинки...

V

Микола с Генкой сделали свое дело, зацепили его на крючок! А ведь Ориф их друзьями считал. Вот тебе и друзья...

Утопая в лужах и скользя по грязи, спускался Ориф с высоты Лангара вниз к Дисабуру, где было общежитие. Внезапно он увидел Миколу с Генкой. Они неподалеку возились с мотоциклом, делая вид, что чинят его. Ориф отлично понял, что на самом деле они ждут его возвращения. Они в нем не уверены.

Орифу не хотелось встречаться с ними снова, он решил повернуть, но его уже увидели.

— Вам помочь? — спросил Ориф, приближаясь.

— А, ты пришел?! — с деланной радостью и удивлением поднял голову Микола.— Представь себе, эта расхлябанная Генкина телега утонула в глине Лангара, замучила нас, Алик...

— Не горюй, Микола! — Генка вытянулся во весь свой рост с другой стороны мотоцикла.— Если Алик нам поможет, мы втроем запросто вытащим телегу из грязи!..

— Э, постой-ка, а почему это он один? — допытывался Микола и, повернувшись к Орифу, спросил: — А что, Светочка не захотела с тобой сегодня в кино пойти?

— Что ты понимаешь в жизни, Микола! — засмеялся Генка.— Алик не такой простак, как мы, чтобы брести в темноте по грязи с девушкой ради кино в старом сарае! Он в теплой комнатке наслаждался со свеженькой Светочкой! А мы облизываемся.

— Кто знает?..— поддразнивал Микола.— А может, в самый момент их Олег Иванович застал и выгнал из дому Орифа.

— Возможно...— подмигнул Орифу Генка.

— Не возможно, а точно! — заявил Микола.— Посмотри на него. Как побитая собака! Ха-ха-ха...

Ориф понял, что этим шуткам и насмешкам не будет конца, и решил распроститься с ними по-хорошему.

— Извините меня, друзья! — сказал он примирительно.— Голова болит, нездоровится мне, пойду в общежитие, лекарство выпью! — из кармана куртки достал аспирин.

— Отчего это у тебя голова болит? — не успокаивался Микола.— Может, Олег Иванович прямо по мозгам дал?

— Брось свои шутки, Микола,— упрекнул друга Генка.— Слышал, мужик болеет. А мы с тобой, раз друзья, должны скорее доставить его в общежитие.

Микола понял Генку: нужно быстрее доставить Орифа в общежитие, чтобы не шатался он по улицам и не болтал. Микола подтолкнул Орифа к коляске.

— Тебя в твою комнату отвезти или с нами ночь переночуешь? — спросил Генка по дороге.

— Пусть лучше эту ночь с нами побудет,— сказал Микола, ласково положив руку на шею Орифа.— Ведь нездоровится ему...

Но Ориф наотрез отказался, и они были вынуждены привезти его в общежитие.

— Ладно, хорошенько завернись в одеяло и спи. Мы еще придем проведать! — пообещал Генка.

— Завтра на работу не выходи! — дал совет Микола.— Если грипп, то нужно три дня дома отлежать...

Ориф молча кивнул.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

I

Начальник отдела кадров, усатый, хмурый, грозный на вид, зашел к Карпову и пожаловался, что Анвар и Семен Алексеев заставляют его брать на работу таджиков из горных кишлаков. Люди эти совершенно незнакомы с техникой и даже боятся ее. Он категорически против того, чтобы оформлять их на стройку.

Антон Григорьевич, не перебивая, выслушал начальника отдела кадров до конца и, нахмурив брови, задумался. Потом очень спокойно спросил:

— Ты сколько уже работаешь в Таджикистане?

— А что? — недовольно спросил кадровик.

— Может, ты ответишь на вопрос? — рассердился Карпов.

— Шесть месяцев...

— А я с тысяча девятьсот двадцать четвертого, со времени рождения республики,— внушительно сказал Антон Григорьевич и, встав с места, подошел к начальнику отдела кадров.— Анвар с Семеном верно говорят. Нужно брать на работу жителей горных кишлаков...

— А кто потом будет отвечать за аварии? — взволновался кадровик.

— Ты возьми себя в руки, успокойся! — посоветовал Карпов. Он вернулся за стол.— Причину каждой аварии нужно расследовать отдельно. Но...— Он секунду помолчал, глядя в упор на начальника отдела кадров, и решительно продолжил: — Это тебе и любому другому тоже не дает права каждое происшествие валить на неумение горцев и поэтому не брать их на работу! Чем больше мы возьмем на работу местных и обучим их специальности, тем лучше для строительства. После Нурека они поработают еще на других стройках. И помни: таджики русских братьями зовут.

Усатый, опустив голову, вышел.

«Есть же такие еще среди нас!..— с обидой думал Карпов.— Чтоб их черт побрал! Из-за них иногда со стыда сгоришь...»

Дверь в кабинет внезапно приоткрылась, заглянул главный инженер Семен Алексеев.

— Можно? Что с вами, Антон Григорьевич? — спросил он, встревоженный расстроенным видом Старика.

— Заходи. Все в порядке,— Антон Григорьевич жестом показал на стул.

Семен был в хорошем настроении.

— Я хотел вас обрадовать,— тут же начал он.— К проходчи-

кам ходил. Видел бригадира метростроевцев Леонида Осипова — вы его знаете, сами приглашали из Москвы,— он четверых тутка-ульцев взял к себе в бригаду. Трое из них бывшие колхозники, один шофер. В проходке ничего не понимают, но хотят учиться. Бывший шофер Азиз Шарифов за два дня изучил СБУ[1] и начал на ней работать. Я посмотрел на его работу. Осипов говорит, что из него хороший проходчик выйдет.

Антон Григорьевич действительно обрадовался.

— Это хорошая инициатива!.. Ее нужно поддержать и распространить!..— Он сделал паузу, что-то обдумывая, потом спросил: — А где Анвар? Он знает об этом?

Семен даже удивился.

— Конечно! Организатором этого и является Анвар. Говорят, он день и ночь из туннеля не выходит. Жена его уже жалуется Веронике, что Анвар ее взял, чтобы палатку караулить!..

Семен думал, что Старик посмеется этой шутке, но тот переспросил:

— Зульфия жалуется? — и снова, нахмурив брови, замолчал. Потом неожиданно спросил, какого мнения Семен о начальнике отдела кадров.

— Недалекий он человек,— сказал Алексеев.— Я уже знаю, что он у вас был. Вышел, ни на кого не смотрит...

«Ни на кого не смотрит!..— размышлял Карпов.— И ладно, если он просто недалекий... Конечно, приказу он теперь подчинится, примет много новых таджиков. Их учить надо мастерству, специальности».

Да, людей надо учить... Уже и сейчас по настоянию Карпова многих направили за счет строительства в другие города изучать специальности машинистов кранов, бульдозеристов, экскаваторщиков. Часть из них, закончив краткосрочные курсы, уже возвращалась в Нурек. Но этого было мало. Необходимо в самом Нуреке открыть профессиональное училище, чтобы рабочие могли и работать и учиться по вечерам.

Карпов терзался, что вопрос с открытием училища в Нуреке, как и многие другие важные вопросы, до сих пор не решен. Министр энергетики СССР поддержал это предложение, быстро ответив на его письмо. Но где теперь эта важная бумага, в столе какого бюрократа затерялась, сейчас пока неизвестно.

Алексеев, видя, что Старик задумался, поднялся и попросил разрешения уйти, чтобы не мешать Карпову.

— Ну, будь здоров,— ответил Антон Григорьевич, но тут же передумал и задержал главного инженера. Карпов попросил его позвонить в нужные учреждения, послать письма, телеграммы, чтобы ускорить открытие училища в Нуреке. Дать задание Зульфии и Веронике составить уже сейчас список желающих учиться. Нужно заодно позаботиться и о зданиях училища и общежития. Может быть, один из новых домов выделить для этой цели и при-

---

[1] Самоходная бурильная установка.

способить под учебные классы.— Посоветуйтесь с Анваром и сообщите мне свое мнение,— сказал Антон Григорьевич.

Семен по привычке занес все в записную книжку и, уходя, поинтересовался, поедет ли Карпов в Москву. Он знал, что Катя выходит замуж и пригласила отца на свадьбу.

Лицо Старика стало печальным, и он, будто сам с собой рассуждая, глядя в окно, произнес:

— Володя тоже не собирается приезжать. Матери написал, что из-за свадьбы не может он из Братска в Москву лететь. Галина на нас очень обиделась...

— Лучше бы вы поехали,— сказал Семен, страдавший за Карпова. Устал Антон Григорьевич. В прошлом году тоже в отпуске не был. Пусть бы на свадьбу хоть поехал, семью повидал, дома пожил, отдохнул немного с близкими...

— Я уже послал Кате и Толику поздравительную телеграмму,— Старик вздохнул.— Сейчас не время в отпуск идти. На днях авторы проекта приедут. Снова будет спор. Я прошу тебя, Семен, помоги Мирзо с моделью плотины. С успехом провести испытания модели для нас очень важно!..

— Это мы хорошо понимаем, Антон Григорьевич! — Семен хотел как-нибудь успокоить Карпова, сделать так, чтобы он все же съездил в Москву. Но Карпов только рассердился:

— Ты меня не успокаивай, Семен! Я не привык к безответственности! Ты, как главный инженер, за плотину наравне со мной отвечаешь, понял?!

— Понимаю, понимаю!..— виновато потупился Семен.— Мы с Мирзо постараемся провести испытание модели скорее. Вы же знаете Мирзо, он с того дня, как получил задание, не знает покоя. Ведь это его предложение о суглинках Сафедоба!..

Старик удовлетворился таким ответом, но через миг, испытующе глядя на Семена, сказал:

— Кстати, ты не знаешь, почему Набиев в последнее время печальный и духом пал?

Семена удивил этот вопрос, он ничего не замечал.

— Не знаю,— нерешительно протянул он.— По-моему, просто все его мысли сейчас о плотине. Он ночами просиживает над проектом и расчетами. А днем с утра до вечера занят моделью...

— И все же висит у него на сердце какой-то тяжелый камень... Мучается парень,— не согласился Карпов.— Я думал, вы задушевные друзья и он тебе что-нибудь рассказал. По моим наблюдениям, после поездки в Ташкент он очень изменился.

— Может быть... Я не догадался.— Семен чувствовал себя неловко: как же он-то не заметил состояние друга? — Может, ему квартиру подобрать, чтобы семью привез, тогда лучше будет?

— Это верная мысль! — обрадовался Карпов.— Квартиру не мешало бы... Я тоже подумаю...

Они распрощались, договорившись, что через пару дней Алексеев зайдет.

По дороге Семен думал:

«Он, как всегда, о других печется... Второго такого нет, как Карпов! Старик должен для всех нас служить примером. Человечности нам у него нужно учиться!»

II

Телефонный звонок, долгий и громкий, вывел Антона Григорьевича из оцепенения — в памяти он все еще перебирал разговор с начальником отдела кадров.

— Карпов слушает...

Из Душанбе звонил секретарь ЦК Мансуров:

— Я вам нашел хорошего помощника. Очень молод, но имеет опыт партийной работы...

Карпов горячо поблагодарил.

— Спасибо, Зариф Мирович!

Старик был рад, что новый помощник молод, как и сам секретарь ЦК. Мансурова избрали на этот пост всего два месяца назад, на последнем пленуме. Антон Григорьевич тоже от всей души голосовал за него. Ему прежде всего понравилась молодость нового секретаря. Он должен руководить в республике промышленностью и строительством, которые за последние годы очень развились, стали сложными и многоотраслевыми. После ввода в строй Нурекской ГЭС разовьется дальше и горнодобывающая промышленность. Бесчисленные сокровищницы гор еще не раскрыты! Такие грандиозные дела вершить молодым. Мансуров, несмотря на молодость (ему всего тридцать шесть!), известный геолог, имеющий крупные открытия и труды. Он непосредственный шеф Нурека. В первый же день работы в новой должности приехал в Нурек. В резиновых сапогах и каске на голове вошел в туннель. Как бывший геолог, привыкший к горным выработкам, он чувствовал себя там свободно. Сразу же принялся что-то обсуждать с мастерами и проходчиками, будто они сто лет знакомы. Рабочие разговаривали с ним откровенно, делились всем, что было на душе. С первой встречи они поняли: Мансуров в Нурек не любоваться приехал, он приехал строить!..

Двое суток пробыл Мансуров тогда в Нуреке, обошел все объекты строительства, общежития, столовые, магазины, школы, клубы, библиотеки, даже работу почты и киосков проверил. Познакомился с десятками коммунистов, рабочих и служащих, почти со всеми руководителями отделов и управлений строительством, выслушал их жалобы, предложения, пожелания. Потом в кабинете Карпова, когда они были одни, сказал:

— Мне кажется, на строительстве не чувствуется влияния партийного комитета, а?..

— Да, секретарь нашего парткома, Рахмат Рахимович, нездоров, он в больнице,— решительно объяснил Карпов.

Зариф Мирович поднял брови, помолчал, лицо его приняло озабоченное выражение. И Карпов догадался, что секретаря ЦК не удовлетворил его ответ.

— Рахмат Рахимович уходит на пенсию? — спросил Мансуров.

— Да, он уже подал заявление...

— Об этом знают все члены парткома?

— Нет...— ответил Карпов.— Пока только райком и я...

— Ведь, если партком не будет работать, вам трудно придется.

Большие глаза Мансурова с искренним сочувствием смотрели на усталое лицо Старика. Карпов в этот момент вспомнил, что сам Мансуров несколько лет был секретарем парткома на одном из горных комбинатов республики и знает работу хорошо!..

Они решили, что нужно провести отчетно-выборное собрание парткома. Кандидатуру нового секретаря постарается подобрать Центральный Комитет.

Сейчас Зариф Мирович сообщил, что кандидатура есть, что человек этот очень молод, но с опытом партийной работы. Карпов верил, что чем больше вокруг него молодых, тем лучше. Заветной мечтой Старика было, чтобы великое дело стройки полностью взяли в руки молодые и с молодой энергией вели его дальше.

Карпов, довольно улыбнувшись, встал. Сейчас он чувствовал прилив сил и энергии и не мог сидеть без дела.

III

Партийное собрание закончилось поздно. Коммунисты единодушно признали работу партийного комитета стройки неудовлетворительной!.. Это решение не на шутку растревожило нового секретаря парткома Захара Денисовича Павлова. Кто знает, что будет через год, думал он в бессонную ночь. Может, на отчетно-выборном собрании в будущем году эти же товарищи и его работу признают неудовлетворительной и ему тоже скажут: «Скатертью дорога!» Ведь пока коммунисты поверили ему авансом. Уважая мнение ЦК партии и учтя взволнованное выступление Зарифа Мировича, которого уже хорошо знали и ценили, коммунисты единогласно проголосовали за Павлова.

Опыт работы у Захара Денисовича был большой — с семнадцати лет он работал в разных комсомольских организациях. Но до сих пор был связан в основном с сельским хозяйством и не видел ни одного большого строительства, поэтому сразу убедился, что даже с терминами, которые употребляли в своих выступлениях коммунисты стройки, он не знаком. Павлов заочно учился на третьем курсе механического факультета сельскохозяйственного института и специфики строительства, естественно, не изучал. Конечно, он понимал, что Нурек от всех других строек сильно отличается. Такого в мире не было. Может, еще и поэтому каждый вопрос, связанный с Нуреком, становится причиной дискуссий и споров и обсуждается так широко. Новый секретарь парткома на первом же собрании ощутил, какая огромная ответственность ложится на его плечи. Тревожило его и то, что ни в одной большой организации он не работал еще самостоятельно. Два по-

следних года Павлов был третьим секретарем райкома в Центральном районе столицы республики. Первый секретарь обращалась с ним, как любящая и заботливая сестра. Прекрасно зная свое дело, она очень помогала Павлову. Теперь здесь, в Нуреке, нет «сестры». И Павлову придется за все отвечать самому.

Вот трудный вопрос — отношения с Карповым. Это, может, труднее всего! Карпов — генерал, человек известный в стране, у него огромный авторитет и всеобщее уважение, его имя даже за границей известно. И он, Павлов, должен работать с этим гигантом в партийном контакте, помогать ему. Товарищ Мансуров в беседе в ЦК так прямо и сказал: «Старику нужно помочь!» Павлов должен и учиться у него и помогать ему. Но как? «Ты цыпленок, вылупившийся вчера, еще инженерных терминов не понимаешь, а меня учить будешь!» Может он так сказать? Накануне Старик в присутствии всех пожаловался секретарю ЦК на Исмаила Акрамова, что он безжалостный директор! С Карповым нельзя быть, конечно, безжалостным. Наоборот, с ним нужно всегда быть ласковым и заботливым. Такого славного Старика надо беречь как зеницу ока! «Каждый день его для Нурека бесценен!» — это слова Мансурова. Зариф Мирович уважает Старика как отца, но не стесняется и противоречить ему. Гнет свое, а Старик не обижается. Захар Денисович с удовольствием отмечал, что Мансуров умеет ладить с людьми. Особенно с пожилыми. Таджики с детства воспитывают детей в любви и уважении к старшим. В этих отношениях — одна из великих мудростей Древнего Востока. Каждый, кто обидит старика, сам будет обижен в старости!.. Исмаил Акрамов тоже, конечно, воспитан в таком духе. Он тоже Карпова искренне почитает, но Старик на него не зря жаловался. На вчерашнем собрании ясно стало: здорово он Старика задевает.

Павлов видел, как Исмаил Акрамов с газетой в руках нарочно попался Карпову на глаза. Карпов спросил:

— Что читаете?

— «Литературная газета», свежий номер!..

— Есть что-нибудь о Нуреке?

— Конечно! Вчера вы сами верно сказали, что говорить и писать о Нуреке к месту и не к месту стало заразной болезнью!..

Карпов рассмеялся и повернулся к Зарифу Мировичу:

— Если верить журналистам, они Нурек уже давно построили и нам здесь больше делать нечего!..

— Уважаемый Антон Григорьевич, вы зря так ругаете своих единомышленников,— сказал Акрамов.

— Нет, извините меня, Исмаил Акрамович!—ответил Старик.— Я братьям журналистам никогда не был единомышленником...

— Вот как? — удивился Исмаил Акрамович и тут же, развернув газету, стал читать: — «Если около каждой ГЭС мы будем строить новый город, а потом оставлять его под свинофермы, то что будет?!» Ведь это же ваши слова, Антон Григорьевич!..

Старик сначала не поверил, потом взял и сам пробежал глазами статью, потирая широкий морщинистый лоб, улыбнулся:

— Если таково общественное мнение, разве я виноват?!

— Это не общественная мысль, это ваши мысли, Антон Григорьевич! Я точно знаю, что журналист написал такое после беседы с вами!..

— Разве тут чего скроешь! — сказал Старик, разводя руками, и просящим помощи взглядом посмотрел на Мансурова.— Теперь вешайте Карпова!

В вопросе строительства города Павлов был сторонником Акрамова и Мансурова. Ведь мнение Мансурова — мнение правительства республики, мнение ЦК Коммунистической партии Таджикистана. Но Карпов продолжал упорствовать. Наверное, на это была серьезная причина! Старик вчера сказал: «Нурек — последняя моя стройка...» Сейчас все его помыслы направлены на скорейшее завершение строительства. Он мечтает окончить его через пять лет. Он хочет зажечь огни Нурека своей рукой. Поэтому всю рабочую силу и материалы направляет на ГЭС. В Министерстве энергетики СССР от него тоже только этого и требуют!.. Ну, а если строительство затянется, спрашивал себя новый секретарь парткома, почему он об этом не думает? Построить такое сложное сооружение, как Нурек, в короткие сроки представляется маловероятным. Ведь на партийном собрании из выступлений коммунистов выяснилось, что проходка туннеля идет плохо, кадров не хватает, стройматериалами и оборудованием вовремя не обеспечивают. Кроме того, многие важнейшие вопросы стройки до сих пор спорны. Если строительство продлится больше пяти лет и даже пять лет, строителей не удовлетворят палатки и временные жилища. Рабочие и специалисты имеют право на современное хорошее жилье! Карпов и его сторонники считают, что после завершения строительства город никому не будет нужен (для свиноферм?). Это мнение целиком неверное, потому что город Нурек необходим и для будущего республики. Сам Антон Григорьевич выдвинул смелые проекты построить на этой реке еще более крупные ГЭС! Он предлагает воды памирских рек по каналам направить в Вахш. Тогда Вахш станет больше Волги (и без того специалисты называют его спящей Волгой). И тогда Нурек пригодится для энергетиков Таджикистана. Неужели Карпов не думал об этом? Нет, он и это знает. Несомненно, знает.

С этими мыслями Захар Денисович и уснул, поплотнее завернувшись в одеяло, чтобы не дуло.

IV

— Старик-то наш с ума сошел! — мрачно сообщил Акрамов, внезапно появившись перед Захаром Денисовичем.

— Как это? — не понял Павлов.

— В кабинете играет с чьими-то детьми, не принимает! Велел секретарше никого к нему не пускать!..

— В особенности директора Акрамова! — смеясь, добавил новый секретарь парткома, принимая все за шутку.

Акрамов обиженно взглянул на Павлова.

— Вы не смейтесь, Захар Денисович, я парткому серьезно хочу заявить! Карпову нужно внушить, чтобы отменил приказ!..

— Какой приказ?

— Он велел все силы бросить на строительство города...

— Ну, а что в этом плохого?

Павлов был удивлен, почему Акрамов приказ о строительстве города хочет немедленно отменить, ведь еще вчера он на таком приказе настаивал.

— Он не имел права отдавать такой приказ! — Акрамов раскраснелся, глаза его горели.

— Почему? — серьезно спросил Павлов.— Товарищ Карпов — начальник стройки. Такие права он имеет. Наоборот, мы с вами, уважаемый Исмаил Акрамович, не имеем права отменять приказы начальника!..

— Товарищ Павлов! — Акрамов взял наконец себя в руки, заговорил спокойно.— По-моему, Старик меня нарочно не принял.

— Мы это сейчас узнаем,— секретарь парткома поднял телефонную трубку. И подумал: почему Акрамов то и дело цепляется к Старику?

— Карпов слушает...

— Здравствуйте, Антон Григорьевич. Говорит Павлов.

— Понял...— сказал Старик. Голос его звучал бодро, видно, и настроение было хорошим.— На меня вам уже нажаловались. Жалоба верная. Сегодня я никого не могу принять, занят до конца рабочего дня...

— У вас какое-нибудь совещание? — прикинулся непонимающим Павлов.

— Нет, детей нянчу. Минуточку...— Старик, прервав разговор, сказал: — Женя, смотри, чтоб каша не подгорела! Видишь, девочка голодная...

— Какая глупость! — снова вспыхнул Акрамов.— Начальник огромной стройки... в рабочее время...

— Антон Григорьевич,— не выдержал Павлов.— каша сварится, мы с Акрамовым есть придем! Кроме того, у нас дело. Вы не против?

— Я решительно против! — быстро ответил Карпов.— Я сегодня не начальник стройки, меня воспитателем назначили...

— Кто вас воспитателем назначил, если не секрет?

— Нет, не секрет. Утром две работницы-штукатуры из СУПГС пришли и оставили мне мальчика и девочку. Велели до постройки детсада смотреть за ними...

— Значит, это занятие вам не на один день? — посмеиваясь, спросил Павлов.

— Если честно, то мне это занятие очень нравится,— с удовольствием сказал Карпов.— Я сегодня чувствую себя счастливым. Вы знаете, никакая радость в мире не сравнится с той, когда вы с детьми...

— Даже в рабочем кабинете! — добавил Павлов.

— Да, даже в рабочем кабинете,— согласился Карпов и продолжал: — Ведь я стар. Пора на пенсию. Может, скоро и я дедом стану. Катя ведь замуж вышла...

Павлов не знал, как себя вести.

— Что нам делать? — вздохнул он в трубку после долгого молчания.— Напрасно вы нас сладкой каши лишаете...

— Для вашего сотоварища,— тут же ответил Старик,— и сырой капусты достаточно...

— Значит, нам с Акрамовым капуста? Так...

Павлов положил трубку. Помолчал, недовольный собой.

Акрамов, заложив руки за спину, нервно расхаживал по кабинету. Наконец он остановился посреди комнаты и четко, громко произнес:

— Я снова утверждаю, товарищ Карпов не имел права отдавать такой приказ!..

— А я вам говорю,— поднял голову Павлов,— что имел право. И впредь будет иметь!

— Ну, я пока... пойду? — Акрамов двинулся к двери.

— Нет, почему же? — Павлов взглянул в спокойные глаза Акрамова, показал на стул и в душе ругнул себя: «С этого надо было начинать!..» — Объясните, почему вы считаете, что Карпов не должен был отдавать такой приказ?

Акрамов подробно объяснил. Еще нет генерального плана города— не готов. Проектировщики, конечно, отстали от строителей. До сих пор нет проекта средств связи будущего города, водоснабжения! Панельные дома, что везут в Нурек, давно устарели, не отвечают современным требованиям, потому что и комбинат домостроительный в Орджоникидзеабаде делает эти панели по давно забытому проекту!..

Акрамов довольно быстро понял, что новый секретарь парткома многого не знает, и рассказал еще о неудачном опыте Карпова. Прошлой осенью Старик по предложению какого-то «мудреца» дал задание закупить панели для Нурека в Волгограде. По предварительным расчетам, для строительства каждого дома (а их тогда было всего четыре) требовалось два месяца. Карпов обманулся именно на том, что хотел ускорить строительство этих панельных коробок. Но, когда поставили коробки, выяснилось, что они не рассчитаны на условия повышенной сейсмичности Средней Азии. Поэтому технадзор и Госстрой республики запретили использование этих домов...

— Ну, а что мы сейчас требуем от Карпова? — спросил секретарь парткома.— Вчера все вместе заставляли Старика строить город, сегодня хотим, чтобы он его не строил...

Акрамов невольно улыбнулся, его смуглое морщинистое лицо, на миг просветлев, показалось Павлову симпатичным. Но Акрамов тут же снова стал серьезным.

— Дорогой Захар Денисович! Опасение и беспокойство мое оттого, что, если в таком положении, когда нет генерального проекта, начнется быстрое строительство города, строители вынуж-

цены будут брать проект по частям, по листам. В этих условиях некоторые, как мы уже знаем из прошлого опыта, начнут строить по своему разумению, не дожидаясь проекта!

— Представляю, что получится! — Павлов высоко поднял брови.

— Вот именно! — подтвердил Акрамов и замолчал.

Павлов задумчиво поднялся, подошел к окну и посмотрел на улицу. Небо закрыли плотные облака, хлопьями шел снег. В Нуреке обычно зимы теплые. Но в этом году зима выдалась холодная и снежная. Чаще всего снег тут же таял и превращал дороги в сплошное мягкое месиво. Жилья не хватало, многие жили еще в палатках, в капитально отремонтированных старых домах. Плохо было с детскими дошкольными учреждениями, не зря же матери привели детей к начальнику стройки. И Карпов тоже будто добровольно взялся нянчить и считает себя счастливым... В эту секунду мелькнула в голове Павлова мысль: «Старик нарочно, всем нам назло дал приказ ускорить строительство города! Чтобы мы своими глазами увидели, на какое преступление его толкаем! Старик подал нам «капусту», и мы вынуждены проглотить ее!»

— Захар Денисович,— нарушил молчание Акрамов,— может, сообщить Мансурову?

Акрамов чувствовал, секретарь парткома хотя и пытается это скрыть, но все же обескуражен, что Карпов не принял и его.

Павлов ничего не ответил. Он помолчал, раздумывая, а потом с улыбкой повернулся к Акрамову:

— Я мнение Мансурова вам наперед могу сказать: он доверяет начальнику стройки.

— Значит, мы...— Акрамов от удивления раскрыл глаза и невольно привстал.

— Нам с вами лучше заниматься исполнением своих обязанностей и не соваться без толку в дела начальника строительства. Все равно мы никогда не сможем взять на себя его ответственность и заменить его не сможем!..— сухо сказал Павлов.

— Даже в то время, когда он детей нянчит? — ехидно спросил Акрамов.

Секретарь парткома не ответил. Он считал разговор оконченным.

Акрамов, холодно простившись, вышел.

«И этот обиделся,— провожая его взглядом, думал Павлов.— Может, нужно было принять совет и позвонить Мансурову: спасите нас от старика Карпова!..— сам усмехнулся своим мыслям Захар Денисович.— Хорош секретарь. Да, Захар,— сказал Павлов себе.— Самостоятельно работать нелегко... А возьмет Карпов и завтра тебя тоже не примет, тогда что? Старик уже предупредил, что его «нянченье» может продлиться до тех пор, пока садик не построят! Что ты ему на это скажешь? Ничего!.. Ну, ладно, подождем, вспомним слова Саади:

Мужчина должен быть неустрашимым,
Трудности нет непреодолимой!..

Павлов вдруг увидел в окно, как два бульдозера разваливают на той стороне дороги глиняные кибитки и ровняют площадку. Два других бульдозера рушили кибитки в конце улицы. Несомненно, они по приказу начальника расчищали место для будущего города. Плохи теперь дела Акрамова! Пока он в Душанбе дойдет до соответствующих инстанций, от старого кишлака останутся одни воспоминания.

Павлов быстро надел пальто и шапку и вышел на улицу.

Широко шагая и перепрыгивая через лужи, Захар Денисович вспомнил слова Мансурова о том, что на строительстве до сих пор не чувствуется влияния парткома. Павлову казалось, именно сейчас он понял, почему это так. Ведь Нурек строят не только Карпов и Акрамов, Нурек строят рабочие, а с ними-то и не было контакта у партийных руководителей.

V

Знаменитого бригадира проходчиков Осипова найти было нелегко. В управлении туннелей, расположенном на берегу реки в длинном, крытом шифером одноэтажном здании, Захара Денисовича встретили не очень любезно. Все же сказали, что бригада Осипова работает в четыре смены, что в данный момент Осипов на работе, но где он, точно никто не знает. Полненькая белолицая девушка приняла Павлова за журналиста и очень смутилась, когда узнала, кто перед ней. Чтобы загладить вину, она подарила секретарю парткома красивую золотистую каску.

— Пусть останется на память от нашего управления,— сказала девушка.— Она всегда должна быть у вас в машине. Все равно вы по должности вынуждены будете заходить к проходчикам в туннель. Такой каски в магазине не купите!..

— Вот как? — удивился Павлов и, поблагодарив девушку, надел каску.

— Ох, вам идет! — радостно заявила девушка.

— Будто не проходчик, а жених! — добавила другая, только что появившаяся в комнате с кипой бумаг.

— Не говори так, Валя! — остановила ее белолицая.— Это товарищ Павлов, секретарь парткома...

— Ну и что? — пожала плечами Валя.— Я же тебя не ревную!

«Вот тебе и на!..» — засмеялся Захар Денисович и поспешил уйти. Но задиристая Валя все не унималась.

— Чего ты сердишься, хороший жених! — услышал Павлов слова, сказанные за дверью, и подумал, что надо скорее привозить жену...

Слабо освещенный портал туннеля высотой метров двенадцать и шириной в два «МАЗа» пугал неопытного человека своей грандиозностью. Вверху помигивали редкие фонари. Захар Денисович, оглянувшись по сторонам, медленно пошел по туннелю. Внезапно навстречу выплыли два ярких светящихся пятна. Павлов

отпрянул в сторону. Совсем близко на большой скорости промчалась машина, груженная камнем, обрызгав его грязью.

Боясь поскользнуться, осторожно ступая, Павлов шел вперед. И вдруг кто-то ему закричал:

— Куда ты дел лопату? Я тебя уже целый час ищу!

— Меня? — удивленно спросил Павлов.

Звеньевой Генка Шатров тут же понял, что ошибся. «Это не Микола. Микола где-то в уголке видит сладкие сны!..» Но Генка, несмотря на это, не сдавался.

— Новенький? Кто тебя направил в нашу бригаду? — недовольно спросил он.

— Я сам пришел, меня никто не направлял...— ответил секретарь парткома.

Длинный Генка, чтобы показать, что он тоже начальство, приказал назвать фамилию.

— Павлов Захар Денисович...— секретарь надеялся, что имя его известно. Но он ошибся.

— Недавно наш бригадир принял в бригаду четырех местных,— заявил длинный Генка,— в конце месяца выяснилось, какой это было глупостью...

— Почему? — с любопытством спросил Павлов.

— Что тебе объяснять! — усмехнулся Генка.— Ну, уж ладно! Заработок бригады делится на всех. Знаешь арифметику? Чем больше людей, тем меньше денег, понял? А тут еще ты появился! Бригадир наш в Нуреке человек известный. Кого ни спроси, куда хочет идти работать, говорит, в бригаду Осипова!..

— Ну, ладно, не хотите — не принимайте, ваше дело,— сказал секретарь парткома.

— Будь я бригадиром, больше бы никого не принял! — решительно сказал Генка. Сняв каску, он взъерошил волосы.— Но бригадир наш славу любит. Он хочет из этих четырех сделать проходчиков и еще больше поднять свой авторитет!..

— Ну, а что в этом плохого? Вы старайтесь, чтобы новенькие скорее обучились и создали бригаду. Тогда вам легче будет!..

— Это от меня не зависит, да и мало меня касается. Новые не в моем звене,— удовлетворенно улыбнулся Генка.— Вот только как бы он мне тебя не навязал.

— Можете меня не бояться,— Павлов засмеялся.— Я вам в тягость не буду...

Генка немного удивился, но, не желая сдавать позиций, распорядился:

— Ты лучше бери лопату и прочищай канавку. Не видишь, вода заливает! А с тобой потом бригадир решит...

— А где он сейчас, не знаете?

— Ты еще ленивей Миколы, кажется! — рассердился звеньевой.— Тебе предлог нужен, чтобы не работать?

— Нет, почему же?

— Тогда бери лопату! Бригадир скоро придет. Он за взрывчаткой ушел. До конца смены появится...

Не стоять же без толку, подумал Павлов и спросил, где взять лопату.

— Здесь должна быть! — поискал Генка.— Микола час назад здесь работал...

— А кто это Микола?

— Один наш рабочий... я велел ему канавку прочистить. Придет бригадир, ругаться будет...

— Микола без спросу ушел?

— Есть у него такая привычка... Здесь ведь хочешь — работай, не хочешь — нет...

— Это странно! — покачал головой Павлов.

— В нашей стране нет безработицы,— усмехнулся Генка.— Прогоним Миколу, он в другое место уйдет... А, вот она! — Генка выволок из мусора лопату.— На, парень! И не горюй, возьму тебя в свое звено! С бригадиром договоримся. Но вечером полбанки принесешь! Горняки по привычке после работы горло водкой промывают, понимаешь? Ты еще многих правил наших не знаешь, но не горюй, всему научим!..

— Спасибо! — поблагодарил Павлов и взялся за лопату. Вода весело побежала по канавке. Это новое занятие в тусклом туннеле понравилось Павлову, и он серьезно увлекся им. А звеньевой, убедившись, что дело идет, ушел.

Павлов шел вдоль канавки, прочищая путь воде, и размышлял о только что состоявшемся разговоре. Он то думал, что в прославленной бригаде Леонида Осипова все рабочие как на подбор. Выходит, что и здесь некоторые хотят — работают, не хотят — нет! Не зря же Генка говорит: «У нас нет безработицы!» Вот ведь как получается! Наше великое достижение используется против нас же. Отсюда и философия прогульщиков и бездельников! Необходимо серьезно заняться этим. Но сначала надо поговорить с коммунистами, с самим Осиповым. Что они об этом думают? Вечером пойти в общежитие. Лучше вместе с бригадиром. Посмотреть, действительно ли после работы «горло промывают»...

Павлов огляделся по сторонам — где же звеньевой? И вдруг внезапно погас свет. Авария, что ли? Вспомнилось, что на партийном собрании Осипов упрекал секретаря парткома и начальника стройки: «Вы не знаете наших условий! Вы бывали в туннеле во время обрыва кабеля или поломки компрессора? Не были и представить себе этого не можете!..» Павлов надеялся, что сейчас появятся люди и свет зажжется, но минута шла за минутой, никто не появлялся — и света не было. Стояла жуткая тишина. Будто это не знаменитый туннель стройки, а заброшенная пещера в древних горах!

В туннеле вдруг задрожал свет — это ехал пустой «МАЗ». Захар Денисович отошел в сторону. «Он приехал за породой,— понял Павлов,— но кто его в темноте загрузит?..»

Он решил пойти вслед за «МАЗом», поискать рабочих. «Неужели вся смена сидит без дела?..» — недоумевал секретарь.

В это время в туннеле появилась еще одна машина. «Может,

бригадир?» И Осипов, будто чувствуя, что здесь кто-то есть, остановил машину и громко крикнул:

— Шатров! Где вы?

Тут же послышался голос звеньевого:

— Мы здесь!

Захар Денисович горько вздохнул: «Это надо же, быть рядом и даже не окликнуть новичка».

— Ребята! Зажгите фонари! — громко сказал звеньевой, и тут же в разных местах вспыхнул слабый свет. «Мне тоже нужно было ручной фонарь взять»,— посетовал Павлов. Но все же теперь ему легче было продвигаться — впереди светились огни.

Павлов подумал, что ему следует побыть в роли новичка еще некоторое время и посмотреть, как поступит бригадир.

— Почему «МАЗ» стоит пустой? — услышал он голос бригадира.

— Погрузчик не работает, как же его грузить?

Павлов, приближаясь к рабочим, взглянул на машину.

— Неужели столько человек не могут нагрузить одну машину? — недовольно сказал Осипов.

— Да здесь на десять машин породы!

— Значит, ваша смена ничего не делала! — рассердился бригадир.— А я ведь на вас надеялся. Для выполнения плана еще нужно пройти восемнадцать метров. Я надеюсь, что до конца месяца мы еще метров шесть-семь пройдем сверх плана. Тогда не меньше сорока процентов премии получим. Кроме того, мы обещали Старику, что план перевыполним!..

— А почему тогда предыдущая смена работу оставила недоделанной? — спросил рабочий.

— Вовсе нет! — возразил бригадир.— Первая смена забурила, вторая взорвала, вы должны породу убрать, а четвертая смена снова будет бурить...

— Ты, бригадир, всегда на наше звено самую трудную работу наваливаешь! — ворчал кто-то.— Теперь велишь нам вручную машину грузить!..

— Я так не приказывал! — поправил ворчавшего бригадир.— Я только сказал: чем без дела сидеть, не худо бы одну машину загрузить. Но никого не заставляю, кто не хочет, не надо.

Бригадиру не возразили, но и работать никто не кинулся. Люди молчали... Осипов ждал их решения. Потом взял у кого-то лопату и стал грузить. Звеньевой, испугавшись, хотел отобрать у Павлова лопату, но тот не дал.

— У кого нет лопаты, может бросать крупные камни руками! — посоветовал Осипов.

Все как-то сразу встрепенулись, задвигались и принялись за дело: одни швыряли мелкую породу лопатами, другие вдвоем, втроем брались за крупные камни.

— Будьте осторожны! Камнями друг другу ноги не отдавите! — напомнил Осипов.— Шатров! Если можешь, подними два фонаря повыше!

— Конечно, могу! — засмеялся звеньевой.
— Ему помощник не нужен! — пошутил кто-то.
— Пусть сам выберет, кого захочет.
— Сам, может, постесняется...
Настроение в бригаде изменилось, работали весело. Нагруженный «МАЗ» ушел, на его место подъехал следующий. Рабочие быстро нагрузили вторую машину и остановились, недовольные перерывом. Даже заядлые курильщики не стали закуривать.
— Устали, ребята? — Бригадир снял каску и вытер пот.
— Если б машины вовремя подходили, то усталости бы и не заметили! — заявил Шатров.
— Ничего, сейчас придут,— сказал бригадир.
Нагрузили и третью, и четвертую машину. Но куча породы была еще большой.
— Давайте передохнем, ребята! — предложил Осипов.— Эта работа действительно тяжелая! Я и сам устал...
— Ты посиди, Осипов! — посоветовал рабочий.— Мы знаем, что ты и в ночной смене вкалывал!..
— Загрузите остальное? — спросил Осипов.
— Конечно, будь спокоен! — ответил тот же рабочий.
— Теперь, раз уж начали, доведем до конца! — добавил другой.
— Спасибо, ребята! — поблагодарил бригадир.— Если так, пойду о другой смене побеспокоюсь. Вы породу и без тока погрузить сможете. А как они без электричества бурить будут?
Рабочие поддержали его:
— Верно, верно! Ты теперь можешь идти!
И в это время вспыхнул свет. Весь длинный туннель осветился, сверкающие скребки погрузчика задвигались и стали подбирать породу. Люди одобрительно загудели. Павлов тоже не сдержался и воскликнул:
— Молодцы, ребята!
Осипов, обернувшись, узнал секретаря парткома.
— Захар Денисович! Вы тоже здесь? Где вы были?
— Тут в сторонке стоял... Так интересней было...
— Как же так? Шатров!
Звеньевой, не понимая, чем бригадир так взволнован, подошел и уставился на «новичка».
— Я ему уже обещал, что возьму в свое звено!
— Кого возьмешь в звено? — расхохотался бригадир.— Захара Денисовича? Эх ты! Это же секретарь парткома!
— Я рад, что товарищ Шатров все же согласился меня взять в свое звено! — сказал Павлов серьезно.— А то ведь он сначала был недоволен, что каждый день новые люди приходят и в конце месяца получать меньше приходится...
— Вот как? — растерянно повернулся к звеньевому Осипов.
— Откуда мне знать, что он секретарь? — пробормотал Гена.— Он ведь не доложился...
— А ты и начал болтать! — укоризненно сказал один из рабо-

чих. — Бог, значит, тебя и наказал. Теперь узнали, кто ты есть, и сегодня же с работы выгонят!

— Эй, Петро, ты вместо Шатрова в звеньевые хочешь? — послышался задорный молодой голос.

— А что? Я, во всяком случае, не болтун, как Шатров! И водку не пью с такими, как Микола!..

Рабочие смеялись. Но Генка обиделся.

— Ты, Петро, зря себе перед начальством цену набиваешь! — выкрикнул он.— Тебе, дураку, грош цена в базарный день!

— Так, выходит, за болтунов больше дают?! — с усмешкой спросил Петро.

Слова его потонули в дружном хохоте. Генка не нашелся что ответить острому на язык Петру.

Внезапно общее внимание привлек появившийся человек в каске. Он шел как-то неуверенно. Его вид и движения были смешны. Захар Денисович не сразу понял, что человек просто пьян.

— Генка, беги, твой братишка пришел! — громко сказал Петро.

Генка, которому и без того сейчас было несладко, с тревогой подумал: «Он бутылку, что ли, припасенную с вечера, выпил?..»

— Да, я... брат! — вытянув руку, торжественно объявил Микола.— Но кому?.. Кому я брат?! Длинному Генке? — захихикал Микола.— Нет!.. Генке я не брат!..

— Хватит! Заткнись! — подбежал к нему Генка.— Выпил, иди спать! Зачем пришел?!

— Зачем? Хе-хе... Зачем? — сжав двумя руками голову, что-то пытался вспомнить пьяный Микола и, наконец вспомнив, обрадовался.— Вот!.. Я больше канавку чистить не буду. Надоело!.. Больше не хочу!..— он вытаращил красные глаза на Генку.

— Ну и хорошо! — сердито ответил Генка и, нагнувшись к Миколе, прошептал: — Лучше убирайся по-хорошему отсюда!

Но Микола, рассердившись на его совет, заорал:

— Прогоняете?! С работы гоните? Вы за это ответите!.. Я рабочий! В нашей стране хозяин — рабочий! Поняли?! И никто не имеет права выгонять рабочего!

— Все понятно! Пойдем! — потянул Миколу за руку Шатров.

— Куда? — пьяно мотнув головой, спросил Микола.

— Иди! Быстрей! — торопил его и тянул Генка.

— Постой! — оттолкнул его Микола и заявил: — Я плюю на всех вас! Вот так! Плюю!.. Вы...

Генка ладонью закрыл рот Миколе.

— Подожди, говорю! — отбивался Микола.

Но Генка, не отпуская его, тянул в сторону, потом принялся толкать. Микола все еще не хотел сдаваться, упирался ногами в камни и пытался вывернуться.

— Иди спокойно! — пригрозил Генка.— А то я тебе челюсти поломаю!..

— За что? Что я сделал? Скажи!..— взмолился Микола.

— Ты безгрешен! Невинный голубок! Иди! Иди по-хорошему!

— Хорошо, что братец у него есть! — снова рассмешил всех Петро.— А то что бы мы делали?!

— Ребята, продолжайте работу! — Осипов, красный от стыда, не смел взглянуть на секретаря парткома: «Что он подумает?!»

Рабочие молча принялись за дело. Друг за другом подъехали два «МАЗа». Петро направил длинный хобот погрузчика в кузов. Кузов загремел под тяжестью камней.

Осипов постоял, посмотрел на рабочих, потом, притронувшись к рукаву Павлова, сказал:

— Пойдем.

Они направились к выходу из длинного сумрачного туннеля.

VI

— Вы Шатрова и Миколу хорошо знаете? — спросил Павлов бригадира по дороге.

— Нет,— задумчиво ответил Осипов.— Я раньше думал, что человека с первого взгляда можно узнать. Теперь понимаю, что действительно сначала надо пуд соли вместе съесть!..

— А я вот считаю, что иногда человека можно понять даже по одному случайному слову,— поделился своими наблюдениями секретарь парткома.— Например, Шатров между делом сказал, что бригадир, мол, славу любит и хочет, сделав четырех таджиков проходчиками, поднять свой авторитет!.. После этого заявления уже ясно, что представляет из себя Шатров. А Микола? Что у трезвого на уме, у пьяного на языке. Наплевал на всех. Ведь подобные люди даже отсутствие безработицы у нас в стране поворачивают на пользу себе и во вред обществу. Я, говорит, рабочий! Значит, хочу — работаю, хочу — нет!.. Как, по-вашему, нужно с этими людьми поступать? — остановившись, посмотрел Павлов на усталое от бессонницы и работы небритое лицо Осипова.— Микола, самовольно бросив работу, пошел водку пить. Он сегодня больше не работник. Сегодня прогул! Возможно, что это повторится завтра или через два дня. Что вы сделаете как бригадир? Или я как секретарь парткома что должен делать?!

— Вообще-то в нашей бригаде хороших рабочих много,— начал Осипов.— Сегодня вы сами свидетелем были, как они в потемках работали вручную. Я верю, что, если бы тока не дали, они всю породу вручную погрузили бы!..

— Я тоже в этом не сомневаюсь,— кивнул Павлов.— Ну, а все же?

— Потом появился Микола и все хорошее ваше впечатление от бригады смазал!

— Нет, Леня,— мягко сказал Захар Денисович,— сейчас дело не в моем впечатлении. Я хотел узнать ваше личное мнение о том, что делать с такими, как Микола.

Бригадир нахмурил светлые брови, на минуту задумался и медленно, подбирая слова, заговорил:

— Подобные люди безответственные, их поведение позорит

честь рабочего. И, по моему мнению, каждый честный человек должен осудить и осуждает поведение Миколы. Но... конечно, этого мало. А выгнать разгильдяя из своего коллектива мы не имеем права...

— Почему? Разве, если рабочий совершил преступление, его нельзя наказать?

— Какое преступление? — удивленно спросил Осипов.

— Не преступление, когда рабочий самовольно бросает работу и идет пить водку? Да еще проходчик! Он же имеет дело со взрывчаткой!

— Что ж, всех, кто самовольно бросает работу и без причины прогуливает, надо судить как преступников?!

— А почему бы нет?! — очень серьезным тоном ответил секретарь парткома.— По-моему, их надо предавать беспощадному товарищескому суду! Суду рабочих! Суду людей, которые во всяких условиях выполняют свою работу, действительно показывают пример. Суду тех, кто действительно гордится своим званием и честь рабочую считает священной!

«Круто берет!» — подумал Осипов. Он понимал, что прогул — это нехорошо, это на качество работы, настроение людей и вообще на дисциплину коллектива оказывает плохое влияние, но до сих пор не считал, что прогул — это преступление. Наверное, Павлов прав. Предложение его разумно. Осипов решил, что поведение Миколы обязательно нужно обсудить в коллективе бригады.

Решение бригадира секретарь одобрил и попросил, чтобы Осипов сделал сообщение об этом на парткоме. Чтобы партком мог принять серьезные меры по ликвидации прогулов.

— Ладно, Захар Денисович! — сказал бригадир.— Только помогите мне. Я много читаю, но сам, возможно, не смогу хорошо говорить. Ведь всего семь классов окончил. В первые годы после войны трудно было, семья большая, вот и пришлось бросить школу и идти работать...

Леонид Осипов своей искренностью все больше нравился Павлову. Из его рассказа секретарь понял, что детство у них было похожим. Захар тоже в трудные послевоенные годы, бросив учение, пошел на завод слесарем. Но мечта учиться не оставляла его. Он и сейчас студент-заочник...

— Значит, и вы бывший рабочий? — обрадовался Осипов, с симпатией вглядываясь в лицо секретаря.

— Не бывший, а настоящий! Сегодня канавку чистил! — шутливо ответил Павлов.

— С этой поправкой я согласен! — весело расхохотался бригадир.

— То-то же! Ну, а доклад я помогу тебе написать. Ты составь черновик. Постарайся своими словами, просто и понятно. Потом вместе сядем и, если нужно будет, отредактируем. Но тогда будет уже соавторство! — предупредил Павлов.— Знаешь, есть у нас такая контора, которая специально следит за тем, чтобы авторские права охранять...

— Ладно, я признаю вас соавтором! — принял шутку Осипов. Они тепло простились, и секретарь парткома сел за руль своего газика. Он взглянул на часы, было около четырех. «Как быстро в Нуреке проходит время! Ничего еще не сделал, а уж к вечеру повернуло. А сколько еще впереди дел!..»

Вырулив на большую дорогу, Павлов прибавил скорость.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

I

Главный инженер встретил Набиева испытующим взглядом.

— Ты что, Семен, не узнаешь меня? — спросил Мирзо с удивлением.

— Нет, так просто,— смущенно засмеялся Алексеев. А сам подумал: «Мирзо действительно осунулся, под глазами темные круги...»

Семен и Мирзо — ровесники и работают вместе, почти каждый день по многу часов обсуждают вопросы строительства, сидят над моделью плотины, вместе чай пьют и сигареты курят, а ведь и правда, о друге-то Семен ничего не знает. Как это получилось, что о печалях Мирзо Старик больше догадывается, чем он, Алексеев? «Я думал, вы друзья закадычные и он тебе что-нибудь сказал!..» Но Мирзо ничего не сказал и не скажет. И спросить об этом у него нельзя. Такие люди и яд выпьют, но не скажут, что он горький! Вот и сейчас стоит он перед Алексеевым, глотает едкий дым «Памира» и еще усмехается. Попробуй спроси у него!..

— У меня для тебя хорошая новость...— Семен внимательно смотрел на усталое, серьезное лицо друга.

Набиев затянулся сигаретой.

— Ну, говори!

— Начальник стройки велел бывший дом Рахмата Рахимовича тебе отдать! Если видел, дом очень хороший...

Мирзо вскинул глаза на Семена — не шутит ли? Нет. Серьезно. Он еще раз затянулся и опустил голову.

— Тебе не нравится? — спросил Семен, ничего не поняв из его молчания.

— Нет, почему же? Я благодарен за заботу...

Алексеев не понял, почему Мирзо не радуется такому хорошему подарку.

— Утверждают, что там нурекский рай, а ты...— пошутил Семен.

— «Капризничаешь»? Ты это хочешь сказать?..

— Может, у тебя другое мнение? — допытывался Алексеев.— Если есть какие соображения, говори прямо, мы хотим сделать так, чтобы тебе было хорошо...

— Спасибо! — сказал Мирзо и, немного помолчав, добавил: — Я подумаю, потом отвечу тебе...— и как-то виновато усмехнулся.

— О чем хочешь думать-то? — не понял Алексеев.

— Брать или не брать дом! — ответил Мирзо.

...Алексеев и Набиев сели в газик главного инженера и поехали из Нурека вниз по Вахшу к речке Найзире, где соорудили модель плотины. Оставалось доделать кое-какие мелочи. День и час испытания начальник стройки уже назначил, были посланы телеграммы и ташкентским проектировщикам (основным авторам проекта), и другим научно-исследовательским институтам, которые помогали Нуреку.

— Есть ответ от авторов проекта? — спросил Набиев.

— Есть,— ответил Алексеев (он был за рулем).— Сегодня оба наших друга приедут. Злобин сообщил телеграммой Карпову.

— И Икс Канбаров приедет?

— Конечно,— сказал Семен и со смехом добавил: — Тебе тоже скучно не будет. Злобин к Старику будет цепляться, а Канбаров к тебе. Они рассчитали свои силы и подготовились к новой атаке!..

— Вряд ли они смогли заранее,— засомневался Набиев.— Ведь в Нуреке нас все равно больше. Еще есть и главный инженер. Или ты будешь стоять в стороне?

— Нет, я так думаю,— продолжил шутку Семен,— там, где вы с Карповым, мне слова не достанется. Кроме того, я уверен, что Злобин и Канбаров в Нурек едут именно с вами поспорить.

— Теперь мы можем игру начать по-другому! — поделился с другом Мирзо.— Например, объявим, что тема обсуждения: «Участие главного инженера строительства в упорядочении проекта». То есть намекнем, что главный инженер хочет отнять половину хлеба у проектировщиков!

— Даже и в шутку не принимаю,— недовольно поморщился Алексеев.— Мне только этого не хватало. Пусть Злобин сам ест свой хлеб. Каждый должен есть честный хлеб! Смотри, кажется, машина Старика...

Газики, поравнявшись, остановились.

Старик сегодня был в черном костюме, в белой рубашке и при галстуке. В обычные дни он галстука не повязывал и всю зиму ходил в генеральской шинели без погон. «Злобина встречать вырядился?» — подумал Мирзо.

— Дом смотрел? — поздоровавшись, спросил Карпов.

— Нет...— у Мирзо будто что-то застряло в горле.

— Почему? — Карпов по привычке посмотрел в лицо собеседника. Но Мирзо молчал. Вместо него ответил Алексеев:

— Он только услышал от меня, времени смотреть не было...

— Ладно, посмотришь позже.— Старик вдруг вспомнил, что Мирзо и в прошлом году не брал отпуска.— Если испытание модели пройдет хорошо, я тебя на неделю отпущу. Семью привезешь.

Набиев невольно прикусил губу. Проницательный Карпов, видимо, что-то почувствовал и тут же заговорил о работе:

— Сегодня будет много гостей. Злобина в аэропорту встретит Женя,— Антон Григорьевич повернулся к Жене. Женя лениво кивнул большой головой.— Вы проверьте, как готовится модель. И еще раз посмотрите проект перекрытия. Главное, чтобы не

было ошибок в расчетах. Со Злобиным, кстати, опять ожидается стычка. Он уже написал официальное письмо, что ни при каких условиях не может принять перекрытие реки взрывом! Мы должны доказать,— предупредил Карпов,— что в условиях Нурека направленный взрыв — единственно приемлемое решение!

Волнение Старика невольно передалось Набиеву и Алексееву. И хотя они все расчеты десять раз проверили, на душе у них стало тревожно. Старик хотел, чтобы противники не могли прицепиться ни к одной букве, ни к одной цифре! Он на этот раз заставит Злобина принять без поправок их проект перекрытия Вахша! Проектировщики таких больших строек, как Нурек, должны не издали заниматься бумажной волокитой, а приезжать на строительство и готовить проект вместе со строителями! Еще Карпов считал нужным поставить вопрос о том, чтобы главного инженера строительства сделать соавтором проекта, при решении всех важных вопросов стройки выслушивать его мнение и внимательно изучать его предложения! Потому что главный инженер строит непосредственно сам и, если с начала проекта с ним будут сотрудничать, несомненно, он построит лучше и быстрее!..

Старик втайне гордился своими учениками. Каждый раз, когда сердце у Карпова сильно прихватывало и ему становилось нехорошо, он думал о Семене и Мирзо. «Если со мной вдруг что случится, они оба смогут продолжить строительство. Как хорошо, что они так сработались! Нурек и без меня построят».

Вслух Старик никогда ничего подобного не говорил. Вот и сейчас, строго поглядев на них, кивнул и сел в машину. Семен и Мирзо тоже продолжили свой путь.

— Старик выглядит усталым,— заметил Семен,— вчера опять с Исмаилом на парткоме схватился.

— Чего еще нужно этому Акрамову? — рассердился Мирзо.— То кричал, что Карпов город строить не хочет, теперь кричит, зачем строит?..

Алексеев пожал плечами.

— Тут тоже большая вина проектировщиков. Они до сих пор не выдали генпроекта города. А Карпов был вынужден начать строительство. Во-первых, этого хотело руководство республики, а потом еще в этом году зима выдалась суровая, люди страдали от недостатка квартир. Старик хотел любым путем удержать рабочих в Нуреке. Сейчас все его ругают, что качество домов низкое. А было время заниматься качеством?..

— И что же будет? — спросил Мирзо.

— Будет!..— усмехнулся Алексеев.— Уже есть! Решили, как всегда, указать (будто Карпов не видит!), серьезно предупредить (будто он не знает!), принять срочные меры (будто он ходит руки в брюки!) и тому подобное...

— Понятно,— вздохнул Набиев.

Семен сбавил скорость. Впереди виднелась красноватая горка, напоминавшая издали древний курган. Это и была модель плотины ГЭС.

Испытание прошло успешно. Сейсмологи подтвердили, что будущая плотина, если она будет сооружена из суглинков Сафедоба, сможет выдержать сильные землетрясения и не пострадает!

Это была большая победа Карпова и Набиева. Злобин и Канбаров, скрыто переживая свое поражение, пожали руки победителям.

— Я всегда восхищался талантливостью нурекских инженеров! — громко заявил Злобин.

А Канбаров обнял Мирзо и торжественно произнес слова поздравления.

Карпов внимательно выслушал комплименты Злобина, потом, весьма довольный, сказал:

— Петр Кондратьевич, а мы тебе сюрприз подготовили...

Злобин вздрогнул, он боялся сюрпризов Карпова. Глаза его за стеклами очков заблестели. Поглаживая по привычке лысую голову, он ответил:

— Дорогой Антон Григорьевич! Ты нас не сюрпризами потчуй, а лучше [illegible] шашлыком из гиссарского барашка!

— Это ты верно говоришь, Петр! — Карпов нахмурил брови, сделал серьезное лицо.— Но ты ведь знаешь, что для приготовления шашлыка из гиссарского барашка нужно время: сначала из [illegible] выбрать подходящего, потом так его зарезать, чтобы не повредить шкуру, тут же отделить мясо от костей, [illegible], замочить в уксусе...

Злобин [illegible] Карпова:

— Если барашек молодой, то и в уксусе замачивать не надо! Его мясо сырым можно есть — само во рту тает!

— Ты не торопись, Петр, а то шашлык невкусный будет! Его надо готовить не спеша, очень внимательно!

Антон Григорьевич в душе наслаждался нетерпеливостью Злобина, но внешне спокойно и солидно продолжал:

— Таким образом, до того, как шашлык будет готов, у нас с тобой еще есть время. Чтобы ты в это время не скучал, главный инженер преподнесет тебе сюрприз...

И Карпов повернулся к Алексееву; тот тотчас же вынул из портфеля голубую картонную папку.

— Что это еще? — отодвигаясь от папки, спросил Злобин.

— Наши предложения о перекрытии Вахша.

— Направленным взрывом?

— Да!

— Не пойдет! О том, каким способом перекрывать реку, я написал официальное письмо на имя Карпова...

— Я тебе тоже направил официальный ответ, Петр,— напомнил Карпов.— Ты в своем письме верно разъяснил, что для перекрытия каждой реки нужно продумать соответствующий способ. Волгу перекрывали по-одному, Иртыш и Енисей — по-другому. А Вахш — река горная, в Пулисангинском ущелье берега сходят-

ся близко, нависают — и проще и дешевле всего взрывом перекрыть реку!

— Я не могу представить себе такого способа перекрытия Вахша! — Злобин уставился на Алексеева.

— Здесь нет ничего сложного,— пояснил Алексеев.— В ущелье Пули Сангин на правом берегу соберем триста тысяч кубометров камней и бетонита — это мы высчитали, потом взрывом направим все это в русло реки. И заставим реку остановиться и течь в туннель.

— Как просто! Одним взрывом Вахш перекроете?! — иронически спросил Злобин.— Ведь это же сказки! Вахш вам не игрушка, его не зря называют спящей Волгой! Вахш — горный дьявол, и гнева его надо бояться!

— Спасибо за добрый совет, дорогой Петр Кондратьевич! — спокойно сказал Карпов.— Мы постараемся его использовать. Но пока...— он выдержал паузу, что-то обдумал и, быстро взяв голубую папку из рук Алексеева, вручил ее Злобину,— ...пока ты возьми-ка наш проект и внимательно посмотри! Я верю, это то, что надо! Надеемся, проект будет принят. Кроме того, есть у нас еще одно требование. Мы требуем, чтобы главный инженер строительства был признан соавтором проекта. И со всеми вытекающими отсюда несомненными его правами!

У Злобина затрепетали ноздри, и он закричал:

— Я вас не раз просил прекратить партизанщину! Но вы неистощимы на выдумки. Нельзя же выдумывать без конца что-то новое! С вами нет никакой возможности сотрудничать. У вас с возрастом характер становится все хуже.

Карпов в ответ расхохотался. Потом, по привычке придерживая сердце рукой, показав на Набиева и Алексеева, сказал:

— Дорогой Петя, ей-богу, ты не прав! Ведь если я стар и выжил из ума, они-то молоды! Этот проект делали они, а не я!

— Антон Григорьевич! — саркастически усмехнулся Злобин.— Не считай меня дураком! Начинаешь все ты, а потом учеников вперед выставляешь. Щитом перед собой. Все делали они, говоришь. Если бить, их бейте, а если хвалить, меня хвалите! Это не новая тактика, и мы ее очень хорошо понимаем!

— Вот тебе и на! — добродушно сказал Карпов.— Дорогой мой Петр Кондратьевич! Мы надеялись, что авторы проекта, приехав в Нурек, по-товарищески поспорят с нами, укажут на недостатки нашего предложения, выскажут свои мысли о том, как нужно перекрывать реку. А ты вместо этого ругаешь нас! Тогда и мы имеем право на тебя пожаловаться!

Метнув гневный взгляд, Злобин протянул голубую папку Канбарову. Тот, как эстафету, перехватил папку, стрельнув игривыми глазами на Карпова, начал:

— Извините, Антон Григорьевич.

— Пожалуйста, без всяких извинений,— оборвал его Карпов.

— Вы упрекнули нас, что...— сделал паузу, чтобы привлечь внимание, Канбаров,— авторы проекта не высказали своих сооб-

ражений и не дискутируют. Какой смысл дискутировать с вами, когда вы не слушаете возражений и всегда все делаете по-своему?! Так было с плотиной и со строительством города. Теперь с перекрытием тоже так будет! Все считают, что с Карповым говорить бесполезно!..

— Ну хорошо, а что вы мне советуете делать? — спокойно спросил Карпов.

Канбаров покрутил головой.

— Ну, конкретно я не знаю, но такое ваше поведение ошибочно. Вы всех восстанавливаете против себя, отталкиваете. Наживаете себе врагов. А ведь наступит когда-нибудь день, когда терпение у всех лопнет. Ведь вы житья никому не даете!

Слушая Канбарова, Карпов вдруг побледнел.

— Может быть, ты и прав,— прошептал Антон Григорьевич и, прижав руку к груди, сел на уголок старого дивана.

Мирзо тут же налил в стакан воды. Семен извлек из кармана пиджака Карпова таблетку. Старик сначала взял стакан из рук Мирзо, выпил несколько глотков воды, потом положил под язык таблетку, откинувшись на спинку дивана, закрыл глаза.

III

Мирзо Набиев, просидев допоздна у постели Карпова, отправился домой уже в темноте. Вечером Старику стало хуже, из Душанбе вызвали врачей. Они сначала хотели тут же забрать Карпова в больницу, но потом, посовещавшись, решили пока подлечить его в Нуреке, а уже потом перевезти в столицу.

...Набиев не стал спускаться к нижней дороге, что проходила через город, а пошел по верхней, которую построили недавно. Эта дорога в ближайшем будущем должна превратиться в основную грузовую магистраль строительства. Сейчас, в позднее время, она была абсолютно пустынной. И Мирзо наслаждался тишиной и прохладой. «Настоящая весна наступает!..» — думал он, ослабив узел галстука и расстегнув верхнюю пуговицу рубашки.

Набиев вспоминал прошедший день. Весть, что Антону Григорьевичу плохо, облетела Нурек! Со всех участков строительства звонили бригадиры, рабочие, прорабы в partком и домой, справлялись о здоровье Карпова. Даже Исмаил Акрамов, у которого всегда нелады со Стариком, и то прибежал. «Карпов — отец Нурека! — говорил он всем.— Злобину и Канбарову придется выполнить требования нурекчан. Потому что это требования времени».

Мирзо так отдался своим мыслям, что не заметил, как дошел до «Казанского вокзала». Здесь новая верхняя дорога смыкалась с дорогой в Душанбе. Мирзо на секунду остановился, посмотрел в сторону чайханы. Хотелось пить. Вот бы пиалу зеленого крепкого чаю! Но чайханщик, видимо, уже спал — дверь была закрыта и окна не светились.

От «Казанского вокзала» в сторону Дисабура вели три дороги. Набиев выбрал среднюю, самую короткую, проходившую по ши-

рокому каменистому руслу бывшей реки. Но, начав спотыкаться о камни, скрытые темнотой, пожалел, что не пошел ровной дорогой. И ему вспомнилась народная мудрость: «Иди ровной дорогой, хоть и длинней она; не бери в жены старую деву, хоть и гурия она!» Грешен был Мирзо — оба греха взял на свою душу...

Хотя Барчиной и была старше его на семь лет, но в глаза эта разница не бросалась. Потому что, будучи от природы тоненькой, моложавой, она вдобавок умела со вкусом одеться и применить косметику. О ее возрасте Мирзо узнал не сразу, а только когда они пошли в загс. Барчиной тогда впервые дала ему свой паспорт и не велела в него заглядывать. «Почему?» — спросил Мирзо. «Потому что,— покраснела она, — я старая дева. Мне стыдно перед тобой!» «Старая дева!» — слова резанули ухо Мирзо, но он махнул рукой: какое это имеет значение! Но потом жизнь показала, что значение имеет.

Мирзо еще раз споткнулся, чертыхнулся. «Конечно, дело не только в возрасте...» — возразил он себе. Несчастье в том, что они с Барчиной остались чужими. Даже ребенок, сын, не смог их соединить!.. При мысли о Бахромджоне настроение Мирзо совсем испортилось. Он снова вспомнил последнюю встречу с сыном, радость мальчика при его появлении, прогулку у фонтана, и горло у него перехватило...

Набиев не заметил, как подошел к дому, в котором только что получил квартиру. Его размышления прервала соседская собачонка, с лаем бросившаяся под ноги.

— Эй, Алмос, не шуми! — ласково сказал Мирзо.— Это ведь я, твой новый сосед!

Собачонка сунулась в ноги Мирзо, понюхала и закрутила хвостом, извиняясь, что не сразу узнала соседа. Набиев нагнулся, погладил ее по голове.

— Ты мой хороший! Мы с тобой будем друзьями. Пойдем, я дам тебе колбасы...

Алмос весело побежал впереди, проводил Мирзо до дверей, но порога не переступал — хозяин дома должен был сделать это первым. Набиев зажег свет и пригласил Алмоса войти. Тот оказался вежливым гостем, знал правила — не шел дальше прихожей, выбрал себе угол и чинно уселся в нем, облизываясь.

Мирзо снял пиджак, вымыл руки. Потом открыл холодильник, достал колбасу. Алмос, учуяв запах, переступал в нетерпении лапами. Мирзо положил на тарелку несколько кусков колбасы и сахара. Прежде чем все это прибрать, Алмос, понюхав руку Набиева, лизнул ее и таким выражением признательности привел Мирзо в волнение.

— Знаю, сосед, ты никогда не станешь неблагодарным! — Мирзо еще раз погладил собаку.— Ешь на здоровье!

Потом Набиев пошел в спальню. Пока он переодевался, Алмос управился с ужином и, осмелев, отправился искать хозяина.

— А, сосед, хочешь посмотреть мой дом? — ласково спросил Мирзо.— Пожалуйста, смотри! Три огромные комнаты... И все

мос. А я один как перст! Но объяснить это друзьям трудно, сосед. Я только с тобой могу поделиться своей бедой...

Алмос внимательно слушал Мирзо, глядя прямо ему в глаза.

— Ясно, ты советуешь жениться. Но ведь сложно все это... Не знаю даже, как тебе объяснить, Алмос!

Собачонка вытянула морду и облизнулась. Потом снова уставилась на Мирзо сочувственным немигающим взглядом.

— Эх, Алмос, если бы и другие так понимали боль души, как ты. Тогда жизнь была бы легче...— горько улыбнулся Мирзо и взял из книжного шкафа фотографию.— Посмотри-ка, сосед! — Он присел перед собакой на корточки.— Какая красивая и веселая женщина!

Алмос понюхал фотографию и, снова облизнувшись, стал смотреть на Мирзо.

— Тебе тоже понравилась? — догадался Мирзо.— Я влюблен в эту женщину, сосед! Ты, конечно, понимаешь, что такое любовь. Это дело очень трудное! Особенно для меня! Потому что я теперь второй раз собираюсь жениться. От первой жены у меня сын. Я его очень люблю. Если ночью подумаю о нем, будто нож в сердце! Сон потом не берет...

Мирзо, поглаживая мягкую теплую шею собачонки, умолк и в тишине услышал клокотание чайника на плите.

Кухня уже наполнилась паром. Мирзо заварил чай, открыл окно и дверь в прихожую.

— Вот видишь, сосед,— сказал он пришедшей за ним собаке.— с моей рассеянностью недолго и до пожара! Честно говорю, надоело мне одиночество. Если Тахира согласится, я женюсь на ней и перевезу в этот дом. Как ты считаешь?

Алмос потряс головой и застучал хвостом по полу.

— Понимаю! — сказал ему Мирзо.— Советы давать трудно. В таких случаях и Платон, говорят, пасовал.

Мирзо был голоден. Разрезав кусок колбасы надвое, одну половину он положил на свою тарелку, другую на тарелку Алмосу.

— Если хочешь, ешь! Ты всю ночь сторожить будешь, проголодаешься. А мне на ночь много есть вредно.

Собачонка с аппетитом съела и этот кусок.

— Молодец, сосед! — похвалил Мирзо, наливая себе чаю.— Есть желание, жуй...

Потом он выпустил собаку, закрыл окно и дверь. Взяв пиалу с чаем, пошел в спальню.

Ожидая, когда остынет чай, думал о Тахире. Они всего одну ночь были вместе. И эту ночь Мирзо воспринимал как подарок судьбы.

Нежная, красивая Тахира! Если бы ты знала, как опьянел тогда Мирзо от своего неожиданного счастья! И сколько раз потом он с тайной радостью вспоминал эту ночь и удивлялся, почему с Барчиной никогда не испытывал ничего подобного.

А вот потом все изменилось. Тахира больше не приглашала Набиева домой и никуда не хотела идти с ним.

«Я не буду привыкать к тебе! — ответила она, тяжело вздохнув, на вопрос Набиева.— Это для меня очень плохо. Я не хочу, чтобы дети мои были заброшены...» В ту памятную ночь детей не было дома. Сыновей, погодков пяти и шести лет, она отправила к названой матери. Мирзо познакомился с Фаррухом и Фуркатом позднее, когда однажды с Тахирой пошел забирать их из садика. Мальчики сразу же уцепились за Мирзо, и возле дома младший наивно спросил: «Ты что, наш папа?»

От этого вопроса сердце Мирзо чуть не разорвалось. Неужели и его Бахромджон когда-нибудь также будет держать за руку чужого мужчину и так спрашивать?

«Я живу только ради них!..» — сказала Тахира. А когда уложила детей спать, рассказала Мирзо о своем детстве. Теперь он знал, почему ее зовут Тахира.

«Судьба хотела, чтоб я была мужчиной, поэтому мне на роду написано носить мужское имя!..»

В тяжелые военные годы — ей тогда и трех лет не было — привела ее бабушка в детский дом. «Заберите, девайте куда хотите!..» Она даже имени девочки не назвала: «Зачем ей имя, пусть так... Чтоб ее черти взяли! Жизнь родителей заела, жизнь сестер и братьев заела, теперь она и меня заест!»

В детдоме знали историю новенькой: на отца девочки пришла с фронта похоронка, мать слегла от горя и так и не поднялась. Братья и сестры поумирали от голода. И осталась на руках у полубезумной старухи одна девочка. Бабка почему-то считала ребенка несчастьем для всей, когда-то большой, семьи.

В день поступления девочки в детдом умер мальчик Тахир. Новенькую положили на его кровать, добавили к имени мальчика букву «а» и разом решили проблему.

Великие древние мудрецы не зря говорили, что человек цветка нежнее, камня тверже. Несмотря на все проклятия и несчастья, девочка выросла, человеком стала. Живучая оказалась...

...Мирзо задумчиво поднес к губам пиалу, выпил чай и прилег. Вспомнил, что Алексеев просил прийти завтра пораньше. Хочет продолжить незаконченный спор с проектировщиками о перекрытии Вахша. Злобин и Капбаров, потерпев поражение с плотиной, теперь, конечно, воспользуются временным отсутствием Карпова и постараются взять реванш. Однако Набиев верил, что победит правда. Уж они-то с Семеном не уступят, выиграют бой и без Карпова. Не зря же люди об Антоне Григорьевиче говорят: «Он как большая чинара. У него тысяча корней!»

С мыслью о том, что и он один из тысячи корней, Мирзо уснул.

IV

На третий день болезни врачи увезли Карпова на вертолете в Душанбе. Семен и Мирзо через день по очереди навещали Антона Григорьевича.

Мирзо радовался, что на этот раз очередь его пришлась на вос-

кресенье. В обычные дни к Старику попасть трудно, нужно просить дежурного врача. А в воскресенье свободно, заходи, когда хочешь, и беседуй. Никто тебя торопить не будет. Только бы Антон Григорьевич чувствовал себя хорошо.

В воскресенье Мирзо проснулся рано, раньше сигнала будильника, который поставил на полседьмого, быстро встал, умылся. Побрился. Налил из термоса в фарфоровую чашку (подарок Тахиры: «Каждое утро меня вспоминать будете!») кипятку, приготовил кофе. Надел черный костюм с белой рубашкой и новым галстуком, оглядел себя в зеркале. «Готовый жених! — сказал своему отражению.— Теперь дело за невестой!..» Из предосторожности, покидая дом, он проверил краны, газ, электричество, закрыл дверь на замок и сел в газик. Тут же подбежал Алмос.

— Я тороплюсь, сосед! — будто извиняясь, сказал Мирзо.— Вечером побеседуем. И угощение вечером.

Песик огорченно тявкнул.

— Понимаю,— засмеялся Мирзо.— Лучше сейчас съесть что найдется, чем ждать обещанный курдюк. Но что делать, я спешу. А ты пожелай мне доброго пути и успеха в деле!..

Собака положила голову на лапы и не спускала глаз с Мирзо.

— Будешь ждать с нетерпением моего возвращения? Молодец, Алмос! Я не забуду своего обещания...

Газик, коротко просигналив, поехал. Алмос проводил машину до ворот.

В половине десятого Мирзо уже был в Душанбе, зашел на Зеленый базар, купил гранат и яблок. «Что бы еще могло пригодиться больному? — обходя базарные ряды, подумал Мирзо. Увидев горячие лепешки, посыпанные тмином, обрадовался.— Старик их любит!..»

Антон Григорьевич лежал на спине, полуприкрыв глаза. В палате он был один. Услышав шаги Мирзо, открыл глаза и хотел встать. Но Набиев подоспел вовремя, не дал ему подняться: врачи запретили Антону Григорьевичу вставать, волноваться и курить. Рекомендовали также не думать о делах. «Вам нужен полный покой!» — предупреждали они его.

— Странные у них понятия! — жаловался Карпов.— Как это живой человек может ни о чем не думать и не волноваться!..

— Ничего, раз нужно, так нужно,— утешал Мирзо.— Пока придется подчиняться медицине. Все это временно. Пройдет...

— Ясно! Они и тебя подучили? — засмеялся Карпов.— Все вы мне, как попугаи, повторяете одно и то же: «Не волнуйся! Успокойся!..» Знаете ли вы, что я при всем желании не могу лежать спокойно. Я не привык так жить и привыкать не хочу!

У Карпова настроение было явно хорошее: видимо, самочувствие улучшилось. Мирзо это уловил и шутливо ответил:

— Понимаем, знаем, но...

— Заставляете! Так?

— Допустим...

— Это совершенно несправедливо! — вскинул вверх указатель-

ный палец Карпов.— Человека можно заковать в кандалы, но нельзя запретить ему думать! Мысль человека во всяком плену свободна!

Мирзо взял со стола салфетку и замахал ею.

— Белый флаг выкинул? — довольно засмеялся Антон Григорьевич.— Принимаю! И так было ясно, что у вас нет другого выхода!.. Ну, теперь сообщай о делах!

— Дела неплохи,— начал Мирзо и запнулся: он не знал, о чем говорить дальше.

— Вчера вечером заходил ко мне Исмаил Акрамов,— сказал Старик.— Привез хорошие вести. Проектировщики твердо обещали выдать генеральный проект города до конца месяца!

— Прекрасно,— согласился Мирзо и, помня, что Акрамов уехал в Ташкент вместе со Злобиным и Канбаровым, спросил: — А о нашем проекте он ничего не говорил?

— О перекрытии Вахша? — Карпов удовлетворенно рассмеялся.— Злобин заявил, что проектировщикам незачем голову ломать над перекрытием, Карпов все равно перекроет так, как хочет!..

— Значит, он согласился? — со скрытым волнением уточнил Набиев.

Антон Григорьевич, прикрыв глаза, кивнул.

Набиев с сожалением подумал, что Старик уже устал и больше нельзя его беспокоить деловыми разговорами. А Мирзо очень хотелось поговорить. Ведь именно сейчас Набиев нуждался в отеческом совете Старика.

После короткой паузы Карпов открыл глаза, посмотрел на Мирзо.

— В Ташкент за семьей не поедешь?

Набиев с трудом сказал «нет» и опустил голову.

Антон Григорьевич спокойно спросил:

— Разошлись?

Мирзо только вздохнул в ответ.

— Дети есть?

— Сын...— В сердце Мирзо снова будто воткнули нож, и от нестерпимой боли он содрогнулся.

— Сын...— еле слышно повторил Антон Григорьевич и снова прикрыл глаза.

Набиев, вспомнив тысячелетнее наставление Абу Али Ибн Сины[1], поднялся, чтобы попросить разрешения идти. Но Антон Григорьевич взял Мирзо за руку.

— Посиди еще немного,— сказал он и посмотрел на угрюмое лицо и сдвинутые к переносице густые брови Набиева.

Набиеву очень хотелось достать сигарету и закурить. Это его успокоило бы. Не зря говорят, что горечь горечью перебивается...

— У меня к тебе еще один вопрос, Мирзо! — сказал Карпов, вдруг оживившись.— Как ты понимаешь личное счастье человека?

---

[1] У него спросили, что сделать при посещении больного, чтоб он обрадовался. «Как можно скорее уйти!» — ответил Ибн Сина.

— Это вопрос трудный...— задумался Набиев.

Старик, видя, что Мирзо не знает, как ответить, продолжил:

— Я, лежа здесь, от безделья обо всем передумал... А есть ли у нас с тобой личное счастье? И что это такое?

— Для меня очень важно ваше мнение,— вскинул голову Набиев и с любопытством взглянул на Антона Григорьевича.

— А мне интереснее знать твое! — усмехнулся Карпов.— Потому что ты моложе меня, много моложе!..

— Именно потому, что молод, может, я кое-что неверно понимаю и делаю серьезные ошибки, мне кажется, непоправимые. Все это меня волнует, сильно волнует, и я все время в сомнении, так ли я должен был поступить...

— Понятно...— Старик говорил спокойно, но выступившие на шее красные пятна выдали его [illegible].— По-моему, личное счастье человека в его честности, справедливости. Быть честным ко всем — и к себе и к другим! Каждый, кто может справедливо судить о себе и [illegible] человек! Ты можешь спорить с этой [illegible]...

— Я это принимаю безоговорочно, Антон Григорьевич! — сказал Набиев.

Поговорили еще о повседневных делах, о больших и малых заботах строительства. Антон Григорьевич велел Набиеву с Алексеевым посоветоваться и с завтрашнего дня начать подготовку непосредственно к перекрытию Вахша. Это решение было самым важным для Набиева, да, наверное, и для всех строителей, потому что оно свидетельствовало о начале важнейшего периода в истории создания великой ГЭС. Мирзо теперь был обязан заняться своим основным делом, требующим полной отдачи и огромной ответственности.

Мирзо это знал и понимал, пока же он был полностью под впечатлением слов Старика о справедливости. Выйдя из больницы, только об этом и думал. Ну вот, например, в истории с Барчиной по совести он поступил или нет? Как это можно определить? Допустим, Барчиной сегодня вечером приедет в Нурек и скажет: «Теперь я всю жизнь буду с тобой. Больше ни на миг не хочу расставаться!» Допустим, она это скажет искренне и поклянется в правдивости своих слов. Допустим, Мирзо поверит в это. Значит, они снова будут жить вместе, класть голову на одну подушку?

Мирзо ясно почувствовал, что на этот вопрос сердце и совесть его отвечают отрицательно. Следовательно, он поступил правильно, разведясь с Барчиной. Это по справедливости! Они друг друга не любят. Их совместная жизнь была бы обманом.

А вот с Тахирой все иначе. Сердце замирает в груди лишь при одной мысли о расставании с ней. «Об этом не надо и думать!» — остановил себя Мирзо.

Да, Набиев любил ее. Любил всем существом, мечтал жениться на Тахире, перевезти ее в Нурек. Так и надо поступить, и поскорее. А детей он будет любить, как родной отец. Это же ее дети! И это будет высшей справедливостью.

V

«Моя жизнь тесно связана теперь с ней!» — повторял Мирзо, прибавляя скорость. Он хотел как можно скорее увидеть Тахиру и объявить о своем решении жениться на ней.

Не успел Набиев нажать на звонок, как Тахира вышла навстречу, широко распахнув дверь.

— В окно увидела тебя, я с утра жду!.. — сказала она, протягивая к нему обе руки.

— Какое великое счастье, что ты меня тоже ждала! — Мирзо, волнуясь, поцеловал ее руки.

Глаза Тахиры сияли.

— Я сон видела, что ты приедешь!

— Какой хороший сон!..

— Не смотри на меня так, а то мне неловко! — Тахира закрыла глаза и спрятала голову на плече Мирзо. Мирзо гладил мягкие ароматные волосы, наслаждался ее горячим дыханием.

Тахира вдруг подняла голову, опомнилась.

— А чего мы так стоим? Пойдем!..

Держась за руки, они вошли в квартиру.

— Я соскучилась по тебе, милый! — шептала она.

— И я тоже! И я... — повторил Мирзо.

Тахира вырвалась и, вбежав в спальню, приблизилась к зеркалу. Мирзо вошел за ней.

— Как я завтра на работу пойду? Губы распухли...

— Ты завтра не пойдешь на работу! — уверенно заявил Мирзо. — Я тебя увезу в Нурек!..

— Правда? Ты нашел нам квартиру?

— Еще какую! Три комнаты, газ, душ. И самое главное — садик близко. Всего двести метров. Мальчики сами будут ходить...

— За это я тебя особо поцелую! — Тахира нежно поцеловала Набиева в висок, но вдруг глаза ее наполнились слезами.

Мирзо, ничего не понимая, обнял ее, прижал к себе. А она, закрыв ладонями лицо, разразилась безудержными рыданиями. Мирзо не знал, как и утешить ее.

— Не надо, милая! — говорил он, гладя ее дрожащие плечи. — Я люблю тебя... и никогда не обижу. Поверь мне!

Она продолжала плакать и будто сама себе говорила:

— Нет, нет!

— Почему? — вздрогнул Мирзо, сообразив, что это ответ ему. Руки его разжались сами собой.

Тахира рванулась к шкафу, схватила полотенце.

— Извините меня! Посидите пока на диване! — сказала она, показывая на красный плюшевый диван.

И быстро вышла из комнаты.

Мирзо опустился на край дивана. «Что случилось, почему она вдруг перешла на «вы»?..»

Вскоре Тахира вернулась с чайником и пиалами в руках. Было

заметно, что она умылась холодной водой, не пощадив при этом и прическу — капли воды сверкали на волосах.

— Чай будете пить? — спросила она, пряча припухшие глаза.

Обращение на «вы» на этот раз рассердило Мирзо.

— Я гость?

— Конечно! — рассмеялась Тахира и, почувствовав, что Мирзо обиделся, тяжело вздохнула и села рядом с ним на диван.— Конечно, ты мой гость. Очень дорогой гость!

— Ответь мне, ты едешь со мной?

Тахира молчала.

Мирзо пошевелился, и женщина, видимо, испугалась, что он уходит. Она крепко обняла его и, коротко вздохнув, сказала:

— Я перееду в Нурек с условием, что ты мне предоставишь свободу.

— Ты не хочешь быть моей женой?

— Я хочу, Мирзо! — с трудом подбирая слова, пыталась объяснить Тахира.— Я тоже тебя люблю. Мне без тебя трудно. Но ты подумай! Если бы я была одна, дело другое. Я бы за тобой не то что в Нурек, на Дальний Восток поехала бы!..

— А пока и в Нурек ехать не хочешь? — не выдержал Набиев.

— В Нурек я поеду, конечно, — ласково взяв его за руку, продолжала Тахира.— Но ты должен еще очень серьезно подумать!..

— Я принимаю твоих детей в сыновья! Они меня полюбят!

— Надеюсь,— Тахира встала и, повернувшись к окну, дрожащим голосом произнесла: — Я хочу, чтоб мои дети выросли гордыми. Ни от кого не зависели!..

— Понял,— Мирзо тоже поднялся.— Ты боишься неизбежных упреков отчима: «Я вас кормил, одевал, я вас людьми сделал!..»

— Да, Мирзо,— кивнула Тахира,— я боюсь этого. И дала себе слово, что ради счастья детей пожертвую своим счастьем...

— Ты превосходная женщина, Тахира! — Мирзо обнял ее за плечи.— То, что ты сказала, может сказать не каждая! Но ты еще молода и красива. Поэтому...

— Пожалей свою молодость?! Так? — перебила его Тахира.

— А если так?

— Ты пришел мне давать наставления?!

Мирзо подошел к столу, выпил остывший чай.

Тахира, обессиленная разговором, присела на диван.

— Теперь гостю можно и уйти? — поставив пустую пиалу на стол, спросил Мирзо.

— Воля твоя! У меня нет привычки задерживать гостей! — усмехнулась Тахира.

Мирзо быстро вышел.

VI

Набиев снова сел в газик и, даже не взглянув в сторону дома, включил зажигание. Машина двинулась, и тут ему вспомнились слова Карнова о справедливости.

Мирзо пытался понять поступок Тахиры. Вначале он решил,

...она просто зазнайка! Но быстро отказался от этой мысли. «Это нехорошо, Мирзо! — упрекнул он себя.— Думать плохо об этой женщине тебе стыдно!»

Потом Мирзо понял, что Тахира не только гордая, но и дальновидная. Очень дальновидная. Она их взаимоотношения серьезно обдумала. Она заботится не только о своем счастье, но и о будущем своих детей. Молодой женщине мужа найти легко, а отца детям — трудно. Значит, правда на ее стороне. Зря он обиделся.

«Что теперь делать?» — снова и снова задавал себе вопрос Мирзо. Он, конечно, Тахиру любит и будет любить. Он был бы Фарруху и Фуркату заботливым отцом. Особенно потому, что оба они почти ровесники его Бахромджона и очень напоминают сына. Но что решит Тахира? Неужели она будет стоять на своем?

Раздумывая обо всем происшедшем, Мирзо и не заметил, как приехал в Нурек. У ворот его встретил лаем Алмос. Песик, встав столбиком, ждал, когда Мирзо вылезет из машины.

— Как, сосед? — сказал Мирзо, открывая дверцу.— Будь спокоен, я свое обещание не забыл. Я тебя угощу. Если хочешь, давай прокатись немного!

Собачонка вскочила в машину.

— Молодец, Алмос! — похвалил Мирзо и подъехал к дому.— Теперь можешь слезать! — выпустил он собаку и вышел сам.

Алмос бежал рядом, виляя хвостом и задирая голову, чтобы заглянуть в лицо друга.

— Сейчас, Алмос! Немного потерпи!..— Мирзо искал по карманам ключ, и в это время упали первые крупные капли дождя. В отдалении загремел гром. Приближалась гроза.— Весна, Алмос! Весна!..— объяснил Набиев, успокаивая пса.— Будет ливень или град. Хорошо, что я вовремя перевал проехал.

Мирзо, открыв дверь, пропустил вперед собаку, потом вошел сам, тут же достал из холодильника колбасу и холодное мясо и положил на тарелку Алмоса. Собачонка, от нетерпения пускавшая слюни, с аппетитом принялась есть.

В кухне было душно. Мирзо открыл окно, поставил на плиту чайник. Резкий порыв ветра сильно хлопнул створкой. Мирзо выглянул наружу. Небо покрыли тяжелые тучи. Гром грохотал беспрерывно. Как кукуруза из мешка, сыпался град.

Мирзо еще раз порадовался, что вовремя вернулся, и прикрыл окно. В такую погоду застрять на перевале можно было надолго.

Алмос, очистив тарелку, бил хвостом по полу и облизывался.

— Еще что-нибудь хочется? — спросил Мирзо и дал собаке несколько кусочков сахару.

Алмос грыз его с хрустом и не спускал глаз с Мирзо.

— Больше не надейся, сосед! Хорошего, говорят, понемножку! Много наешься, будешь всю ночь лаять, людям спать не дашь.

Алмос, будто поняв шутку Мирзо, уселся на задние лапы и покрутил головой.

— Тебе тоже нравятся такие разговоры? — погладил его Набиев.— Ведь только камень бесчувственный любит молчать.

Закипел чайник. Мирзо заварил чай в термосе. Есть ему не хотелось. Клонило в сон.

— Я сегодня очень устал, Алмос.— Мирзо выпустил на улицу собаку.— Побеседуем завтра.

Алмос неохотно вышел за дверь и тут же, радостно взвизгнув, помчался за кошкой.

Мирзо хотел, больше ни о чем не думая, броситься в постель и заснуть. Но, несмотря на огромную усталость, это ему не удалось. И в темноте смеющееся лицо Тахиры стояло перед глазами.

«Что же это такое?! — со страхом думал он.— Это же сумасшествие! Выходит, легенда о Меджнуне верна? Ведь я не семнадцатилетний юноша, мне тридцать два года! И Тахира не девочка!..»

Набиев вскочил, зажег свет, нашел в столе таблетку снотворного.

«Ну и дела!..— говорил он себе, глотая таблетку.— Если в тридцать два не могу заснуть без таблетки, что будет потом?!»

Он прошел в другую комнату, покрутил ручку приемника и услышал голос певца:

Где ты, солнце мое?
Холодно в доме моем...

— После таких песен уснешь! — усмехнулся Мирзо.— Теперь и таблетки не помогут...

Он выключил радио, походил по комнате, подошел к окну. На улице все еще бушевал ветер и лил дождь.

«Весенний дождь!..» — Мирзо вспомнил детство. Весеннему дождю в селе радовались все — от старого до малого, ребятишки босиком, простоволосые, бегали по улице и пели:

Дождик, дождик, пуще!
Расти, травка, гуще!
Травка коровушкам,
Молочко ребятушкам!..

И правда, ведь для людей, которые сеют пшеницу на богарных землях и пасут скот, может ли быть что-нибудь лучше весеннего дождя? Тогда пусть льет им на радость, им на счастье. Пусть будет весна дождливая! А для Мирзо в дожде нет ничего хорошего. Когда небо закрыто тучами и темно, то на душе у Мирзо тоска. Ведь эти весенние проливные дожди мешают многим работам на стройке. Обычно каждую весну они вызывают сели, а те всегда приносят неприятности.

Набиев долго стоял у окна, занятый мыслями о предстоящей работе. И вдруг в дверь постучали. Мирзо никого не ждал. Особенно в такую ночь! «Это ветер,— решил он,— или мне показалось...»

Стук в дверь повторился. На этот раз громче и смелее.

— Кто? — спросил Набиев.

— Я!..

Мирзо кинулся к двери и распахнул ее.

— Можно? — с милой улыбкой спросила Тахира, вся промокшая до нитки, с каплями дождя на лице.

Мирзо, не находя слов от радости, невольно обнял и прижал ее к груди.

— Подождите! — вырвалась Тахира.— Можно мне хоть снять мокрую одежду?

— Конечно, конечно! — Мирзо побежал в спальню, достал из шкафа халат.

— Этот свадебный халат мне шила мама. Сегодня ты наденешь его и будешь моей невестой!..

— Если шила мама, то для нас эта одежда священна! — радостно сказала Тахира и, сняв мокрое платье, завернулась в мягкий теплый халат.

— И горячий чай есть! — вспомнил Мирзо про термос.

— Хорошо бы пиалу горячего чаю!

Мирзо пошел на кухню, но вместо термоса принес бутылку коньяка.

— Это такой чай у холостяков? — пошутила Тахира.

— Конечно! — засмеялся Мирзо и протянул Тахире рюмку.— За весенний дождь! — Они чокнулись, выпили, и Мирзо молча притянул ее к себе.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

I

«Слабак! — ругал себя Ориф.— Подлец!» Он ненавидел себя. Сил и характера не хватило сказать правду даже Светлане или Олегу Ивановичу. Чего он испугался? Того, что они расскажут все о преступлении Миколы и Генки? Или того, что его посчитают соучастником? Так он действительно был соучастником. На охоту вместе с ними поехал, в дележе добычи участвовал и своими руками взял долю. И потом рта не раскрыл. Помог утаить преступление. Он тоже преступник! Испугался, что его вместе с Генкой и Миколой привлекут к суду, потому и не признался друзьям.

«Нет, это несправедливо! — с отчаянием думал Ориф.— Ведь я был против охоты на горных козлов! Даже пытался предупредить Генку и уберечь животное!»

Но, раз так, он должен был разоблачить преступников! А он побоялся их угроз и промолчал. Промолчать, и все будет прекрасно: и Микола с Генкой останутся друзьями, и Олег Иванович упрекать не будет, и Света ничего плохого о нем не узнает. Да и козел был старый, немощный и не мог убежать, ведь другие-то убежали! Если бы даже Генка его не убил, все равно он от старости скоро сдох. Или стал бы добычей волка или барса.

Ориф то казнился, то пытался утешить себя. Стыд сжимал его сердце, когда он вспоминал, как катились слезинки по щекам Светы, как Олег Иванович заботливо подавал ему пальто, чтобы не простудился, как Зоя Сергеевна искала для него аспирин. Как Ориф посмотрит им в лицо? Разве можно за доброту и любовь платить подлостью?

«Слабак!..— стукнул себя в лоб Ориф.— Есть ли у тебя понятие о чести?..»

Несколько суток мучился он и не мог прийти к решению. А Генка с Миколой, считая, что он страдает от любви, издевались.

— Ах, какая у Алика Светочка! — закатывал глаза Микола, подмигнув Генке.— Алик без нее жить не может!..

— Верно,— подтверждал Генка.— Любовь — дело трудное. Я тоже это переживал. Я тоже был влюблен в одну грудастую.

— Ну и повезло тебе, Генка!..— будто позавидовал Микола и тут же рассказал любовную историю: — Как-то летом захотел я поехать на Черное море искупаться, а в кармане ни шиша. Вдруг увидел я на улице красотку пышненькую, на шее ожерелье, на пальцах кольца золотые. По-моему, она только что маникюр сделала — шла и все на ногти посматривала. Я пошел за ней, узнал, где живет, ожерелье и кольца ее мне приглянулись! Вошла она в ворота роскошного дома. Вокруг дома большой забор. Днем я присмотрел, где перелезть можно. Ночью залез во двор, а из темного окна меня кто-то манит рукой. Подошел я, она пальчик к губам прижимает: «Тише! [illegible] заснул!» — говорит. Понял я, что она [illegible] подкидает. Стою, молчу, даже дышать перестал. Потом она велела мне в окно влезть, тут же на шею ко мне и прижимается. В ту ночь я почувствовал себя счастливым мужчиной.

— Ох, Микола! — погрозил пальцем Шатров.— Ты эту сказку сейчас выдумал?

— Ей-богу, правда! — поклялся Микола.

— Ну и забрал ты ее цацки? — заинтересовался Генка.

— Да нет, понимаешь... тогда на ней ничего не было...

— Ну, а потом?

— А потом все вкось поехало...— с большим сожалением продолжал Микола.— Потому что ее любовник тоже пришел, а она его за вора приняла. И мне пришлось уносить ноги...

— Так ты и не съездил на Черное море?

— Так и не получилось... Через месяц после того меня бесплатно на Север отвезли.

— Ничего, не горюй,— утешил его Генка.— Летом я тебя свожу в Сочи!

— Хорошо бы! — обрадовался Микола.— И Алика возьмем?

— Если захочет, возьмем! — ответил Генка и, обернувшись к Орифу, спросил: — Хочешь?

Ориф сидел молча, нахмурившись. Генка с Миколой для него совершенно чужие люди, и он среди них человек случайный. Зачем тогда с ними сидит и водку пьет? Орифу пить не хочется, а сказать об этом он боится. Генка с Миколой действительно крепко насадили его на крючок и теперь водят на леске.

— Ты что, в рот воды набрал? — толкнул его в худое плечо Микола.— Произнеси что-нибудь!

— Что, например? — Ориф впервые с ненавистью посмотрел в лицо Миколы.

— Ну, к примеру, скажи,— подал голос Генка, он сейчас был настроен миролюбиво,— поедешь на Черное море или нет?

Ориф тяжело вздохнул и отвернулся.

— Ты тут не вздыхай...— Микола встал и протянул ему полный стакан.— На, выпей!

— Спасибо, я больше не буду! — отказался Ориф.

— Что? Не пьешь? — серые глаза Миколы разом загорелись, и, показав свои желтые зубы, он усмехнулся.— Выпьешь!..

— Не буду! — заявил Ориф.

— Выпьешь! — Микола поднес стакан ко рту Орифа.— Если не выпьешь... я тебя...

Ориф сильно толкнул руку Миколы, и стакан полетел в реку.

— Ах, ты так?! — закричал Микола.— Ты хотел, чтобы рыбы выпили? Но... ты подумал, что им закуска нужна?

— Чего ты городишь, Микола? — пьяно захохотал Генка.— Зачем рыбам закуска? Они сами нам на закуску сгодятся! Хе-хе...

— Ты хочешь,— Микола подхихикнул Генке,— чтоб Алик достал нам рыбки из Вахша? Это мудрый совет...

Ориф невольно глянул с высоты на бурлящую внизу воду и без всякого страха поднялся на ноги, хотя и понимал, что если «друзья» ради своего удовольствия столкнут его в реку, то в живых он не останется. Но сейчас ему было все равно, потому что он вдруг почувствовал прилив смелости. Пусть-ка Микола с Генкой попробуют толкнуть его! Хватит! Долго он их боялся, а теперь страх пропал, больше Ориф им не товарищ!

— Зачем встал? — с угрозой спросил Микола.

— А тебе какое дело? Сам зачем встал?!

— Нет, ты послушай, как он разговаривает! — с удивлением обернулся Микола к Генке.

Генка, с удовольствием растянувшийся на свежей травке и не желавший подниматься, неожиданно принял сторону Орифа:

— Мужик верно говорит! Ты, сука, зачем сам-то встал?!

— Так, значит, я виноватый?

— А то кто же? Зачем ты первый встал?!

— Водки ему дал. А он ее не стал пить, стакан в речку сбросил! — напомнил Микола Генке.

— Ничего,— сказал беспечно Генка.— Ты ему другой стакан налей!..

— А если снова не будет? — спросил Микола.

— Выпьет, он парень хороший...

Ориф повернулся, чтобы уйти, но Микола схватил его за руку.

— Стой! Ты куда?

Ориф сердито скинул руку Миколы и, не оборачиваясь, пошел.

— Эй, Генка! Чего молчишь? — растерялся Микола.

— Пусть идет! — отозвался Генка, положил голову на траву и закрыл глаза.— Куда он от нас денется? Никуда не денется...

Микола посмотрел вслед Орифу, потом нагнулся и взял бутылку. От злости он вылил всю оставшуюся водку в большой стакан и залпом осушил его.

II

Ориф, печальный и расстроенный, шел в общежитие. И вдруг увидел Свету. Она была в белой кофточке с короткими рукавами и черной юбке, толстые косы ее свешивались на грудь. Света холодно поздоровалась с Орифом.

«Все еще сердится на меня»,— понял он. Хотел задержать девушку, чтобы поговорить с ней, но Света торопилась.

— Извини, я опаздываю на комсомольское собрание.

Ориф долго смотрел ей вслед. Опять ему вспомнились ее слезинки в тот злополучный вечер. С тех пор в доме Светы он ни разу не был, да и с девушкой встреч избегал. Ориф представлял, что думают о нем ее родители! Как и прежде, он каждый день работал с Олегом Ивановичем. В перерыве они, как всегда, вместе обедали. Олег Иванович, видя, что с Орифом что-то происходит, не только не выражал недовольства, но, наоборот, был еще ласковей с ним. Он будто был не отцом обиженной дочки, а любящим отцом Орифа. Об их отношениях со Светой он не говорил, понимая, что такие дела [illegible] решать сами. Правда, после того вечера домой Олег Иванович Орифа не приглашал. Опытный и умный человек, он видел больше, чем думал Ориф. Он давно догадался, что [illegible], как пауки, плетут сеть вокруг Орифа и [illegible] в какую-то авантюру. Несмотря на [illegible] Олег Иванович заметил, что он честен и трудолюбив, и [illegible] парня на верную дорогу. «Если [illegible] труд, сам постепенно отойдет от этих [illegible],— думал он. За короткий срок Ориф научился управлять [illegible], убедился, что справляется с машиной. [illegible] рос его интерес к работе. На смену парень приходил раньше назначенного времени, а с работы уходил неохотно. Особенно [illegible], когда они получили новый бульдозер, для учителя и ученика работа превратилась в праздник. Ориф так берег новую машину, что, если гусеница натыкалась на камень, готов был руками убирать препятствие. Олег Иванович, удовлетворенно улыбаясь, говорил: «Будь спокоен, бульдозер сам себе дорогу расчистит!..» — «Знаю,— соглашался Ориф.— Но не хочу покорежить что-нибудь в нашей машине».

Олег Иванович наблюдал за настроением Орифа и делал заметки для себя: «Доволен работой, старается...» Или: «Сегодня что-то не в себе. Что там еще случилось?..» Только иногда, удрученный молчанием и задумчивостью Орифа, учитель, чтобы встряхнуть парня, спрашивал: «Ну, как дела-то?» Или в конце смены, чтобы подбодрить, говорил: «Сегодня неплохо поработали, а?»

И все же Ориф догадывался, что его странное поведение в тот вечер осталось непонятным Олегу Ивановичу, что отец скрывает обиду за дочь и в глубине души у него затаилась боль. Со Светой надо помириться. Но как? Не зря говорят, что разбитое трудно склеить. А он! Бесчувственный, тупой, грубый... Ориф обхватил голову руками и в отчаянии, чуть не плача, так и шел по улице.

В общежитии вечером Ориф был один. Товарищи по комнате резкими шуточками в его адрес («Привык храпеть в одиночку!», «Чтоб тебе старуха приснилась!») ушли в ночную смену. Он включил радио, прилег на койку и вмиг уснул.

Он крепко спал, когда кто-то постучал в дверь. В комнате было темно. Только в щели пробивался свет из прихожей и слышался негромкий разговор:

— Эта сука в десять часов спать завалилась!..

— Ты с ним сегодня помягче, Микола,— это был голос Генки.

— Эй, ты живой или сдох? — закричал Микола.— Открывай наконец!

Ориф неохотно встал, зажег свет, открыл дверь.

— Привет! — недовольно поздоровался Микола и, не ожидая ответа, внес в комнату большой чемодан.

Генка тоже быстро вошел и закрыл дверь изнутри на ключ.

— Что это? — кивнул на чемодан Ориф.

— Потом узнаешь! — недовольный его любопытством, заворчал Микола.— Пока тащи стаканы!

Он вытащил из кармана широкого плаща бутылку водки и со стуком поставил на стол.

— Я что-то не понимаю, в чем дело? — сказал Ориф.

— Ничего особенного,— смягчился Генка, доставая из сумки хлеб, колбасу и еще какие-то свертки.— мы проголодались, хотим вместе с тобой поужинать.

— А что ж вы у себя дома не поужинали?

— Тебе же, сука, объяснили! — заворчал Микола.— Мы с тобой пожрать хотим!

— А что в чемодане?

— Вот зануда! — повернулся Микола к Генке.

— Ничего, ты не волнуйся! — Генка насильственно улыбнулся Орифу.— Сердишься, что пришли к тебе? Ведь мы друзья... А за чемодан не беспокойся. Взрывчатки в нем нет!

— Но что-то ворованное? Так? — уточнил Ориф.— Поэтому вы и понесли ко мне. Вы своих соседей опасаетесь! Подумали, что я сегодня один. Ошибаетесь. Через час все мои товарищи придут!

— Ты нас не пугай! — ткнул его в бок Микола. Он уже обшарил все тумбочки, достал стаканы и соль.— Ну, давай! Генка, открывай бутылку!

— Мне кажется, сначала надо заткнуть рот Алику, потом открывать бутылку,— пошутил Генка.

— Открывай! Мы пробкой ему рот заткнем. У него ротик, как у девочки, бутылочной пробки хватит,— расхохотался Микола.

Орифу надоели непрошеные гости, он двинулся к двери, чтобы уйти. Но Генка с Миколой моментально его перехватили. Микола вытащил из двери ключ, положил себе в карман и, легонько подталкивая Орифа, усадил его на скамью за обеденный стол.

— Посиди здесь спокойно! — сказал он.— Не тревожь себя понапрасну!

Потом сообщил, что они намерены переночевать здесь, а утром

поехать на базар в Дангару. Там распродать барахло из чемодана и погулять. Микола пообещал, что Ориф сможет там купить подарок для своей Светочки.

Ориф молчал. Микола, приняв его молчание за согласие, обрадовался и, положив на плечо руку, похвалил:

— Молодец, ты настоящий волк!

Затем Микола велел Генке разливать.

Генка взял в руки бутылку, но в этот момент Ориф вдруг подскочил к чемодану и начал его пинать.

— Эй, сумасшедший, ты что делаешь? — взвился Генка.

Они с Миколой схватили Орифа за руки, пытаясь оттащить, но Ориф не поддавался и все пинал чемодан. Он тяжело, хрипло дышал, гнев сдавил ему горло, и он не мог вымолвить ни слова. Он даже не подумал, что рядом есть соседи, которые в любой миг прибежали бы на помощь. А Микола с Генкой об этом помнили и поэтому хотели успокоить его по-хорошему.

— Эй, дурак, ты головой подумай! — мягко сказал Микола.— Ведь там же десять тысяч рублей!

— Ты подожди, Микола,— перебил Генка.— Мы с Аликом побеседуем,— он дал в руки Орифу стакан.— Но прежде всего для успокоения нервов нужно выпить!

Ориф выпил. Жадно выпил. Потом поставил стакан на стол, вытер ладонью губы.

— Вот это другое дело,— удовлетворенно улыбнулся Генка и, повернувшись к Миколе, будто ругнул его: — Ты сам, сука, чего рот разинул? Пей свою водку!

— Верно,— усмехнулся Микола и, выпив стоявшую перед ним водку, понюхал луковицу.

То ли выпитое подействовало, то ли Ориф взял себя в руки, но заговорил он спокойно:

— Хватит, друзья дорогие! Выпили вместе. А теперь лучше убирайтесь оба отсюда!

— Все шутишь, Алик? — рассмеялся Генка, жуя колбасу.

— Нет, я говорю серьезно! Вы знаете, что ночью посторонним находиться в общежитии запрещено. Кроме того, я же сказал, вот-вот вернутся ребята. А если появятся комендант или участковый, то и мне не поздоровится!

— А что, ты коменданта с милицией в гости приглашал? — усмехнулся Микола.

— Нет, я их не приглашал...

— Но можешь пригласить, так? — ехидно спросил Микола.— Пожалуйста. Только знай, что тогда мы с Генкой заявим, что чемодан этот твой!

— Мой?! — неожиданно обрадовался Ориф.— Стало быть, я могу им распоряжаться?

— Пожалуйста, если хочешь, бери! — сказал Генка.

— Возьму! Конечно, возьму! Я найду ему место!..— дрожа от возмущения, Ориф распахнул окно и поднял над головой чемодан, чтобы выбросить.

Генка, следивший за каждым его движением, схватился за чемодан.

— Ладно, хватит дурить!

Микола врезал Орифу пощечину и, скрипя зубами, сунул руку в боковой карман. Он готов был при первом же крике Орифа воткнуть ему нож в горло.

— Давай, чего там! — прохрипел Ориф.

Генка быстро встал между парнями, взглядом пытаясь внушить Миколе: «Не здесь!..»

Микола потряс кулаками и, повернувшись к столу, поднял бутылку. Она была пуста. Он с сожалением поставил ее на место и вопросительно посмотрел на товарища.

— Если хочется, найдем еще! — сказал Генка.

Микола махнул рукой: не стоит, дескать, и, подняв тяжелый чемодан, пошел к двери. Поставил чемодан у порога, вынул не спеша ключ. Потихоньку открыл дверь, снова взял в руку чемодан, но остановился, ожидая Генку.

— Пойдем? — спросил Генка.

Микола кивнул.

— Ладно, будь здоров, Алик! — Генка секунду помедлил, хотел что-то еще сказать, но передумал.

— Светочке от нас приветик! — с усмешкой облизнул губы Микола и, вытащив ключ из двери, опустил в карман.

— Оставь ключ! — закричал Ориф.

Микола усмехнулся.

— Не бойсь! Пошутил я...— он бросил ключ в Орифа.

Тот поймал его на лету и сказал:

— Знаю, вор в ключе не нуждается! Ключи нужны честному человеку!

Микола косо глянул на Орифа, хмыкнул. Генка Шатров уже ждал его в прихожей. Подхватив чемодан, Микола тоже скрылся.

Ориф с треском захлопнул за ними дверь и закрыл изнутри на ключ.

III

...В ту ночь он больше не заснул. Понимал, что от расплаты теперь не уйти. Но не это, а имя девушки, произнесенное проклятым Миколой, вот что лишило Орифа сна.

«Извини, я опаздываю на комсомольское собрание»,— сказала Света и убежала. Она даже ни разу не обернулась. А Ориф ведь смотрел ей вслед до тех пор, пока она не скрылась из виду. Он надеялся, что она, как всегда, оглянется, помашет ему рукой. «Она на меня обиделась! Сильно обиделась!..» — повторял Ориф в отчаянии.

На рассвете кто-то сильно постучал в дверь.

— Тревога! Тревога!..

Ориф вскочил испуганный. Первой мыслью было: «Генку с Миколой поймали! Вот бы!..» Он об этом и раньше думал и давно решил, если его вызовут свидетелем, рассказать все!..

13 Ю. Акобиров

Ориф выбежал на улицу. Около общежития стояли две открытые машины, и рабочие проворно садились в них. И тут Ориф понял, что причина тревоги совершенно другая: в горах прошли ливни, река вздулась, смыла один столб подстанции, под угрозой другой! В Нуреке объявлена общая тревога.

Ориф тоже вскочил в машину и, поглядев на небо, удивился. Оно было таким чистым, что от голубизны резало глаза. Не верилось, что в такую ясную погоду над строительством могла нависнуть беда.

— Это тебе горы, друг! — высказался пожилой рабочий, думая, видимо, о том же.

Ориф снова посмотрел на небо над далекими горами. Кое-где плыли белые облачка. Спокойным было небо, и земля под ним, казалось, тоже должна жить безмятежно. А ведь нет! Вахш разливается. Хочет поспорить с людьми. Показывает свою мощь. Чтобы люди не думали, что его легко можно перекрыть!..

Вход в узкое ущелье Пули Сангин уже был забит людьми и машинами. Люди громко разговаривали, машины гудели. Шоферы, споря друг с другом, пробивали себе дорогу. Ориф вдруг увидел и свой бульдозер, быстро соскочил с машины и помчался к нему.

Олег Иванович обрадовался, подвинулся, чтобы освободить ему место за рычагами. Ориф осторожно проехал сбоку дороги, спустился вниз и остановил бульдозер на сравнительно просторной площадке. Готовые к работе, теперь они ожидали распоряжений. Внезапно впереди раздался грохот, и все с ужасом увидели, как второй столб подстанции свалился в реку!

Олег Иванович выскочил из кабины и велел Орифу подать бульдозер ближе к подстанции. Сейчас уже было ясно, что там их помощь нужнее. Необходимо срочно укреплять берег, чтобы река меньше размывала оставшуюся площадку подстанции.

Ориф толкал бульдозером большой камень к берегу реки, когда человек с красным флажком помахал ему. Ориф остановил бульдозер, высунул голову из кабины, чтобы лучше увидеть, что происходит. Хобот большого экскаватора протянулся над рекой и опускался все ниже. В ковше стояли два человека. Когда стрела экскаватора достигла бушующей воды, те двое, наклонившись, что-то стали искать в воде, нашли и быстро привязали цепями.

Вода все поднималась, с новой силой и яростью билась о берег, Ориф испугался: вот-вот и экскаватор свалится в воду — и эти бесстрашные неминуемо погибнут!

На берегу все замерли. Никто не проронил ни слова. Каждая секунда ожидания казалась часом. Но вот над ковшом поднялся красный флажок — люди сообщали, что задание выполнили. Им приказали немедленно вылезать на берег. Один за другим они проползли по стреле и спрыгнули на землю. А стрела начала подниматься. Она поднимала упавшую опору подстанции.

Послышались крики одобрения. Мужество двух бесстрашных людей воодушевило всех!

— Эй, ты чего рот раскрыл! — закричал рабочий в каске на

Орифа. — Ты сюда работать пришел или смотреть? Не видишь, что вокруг делается?!

Все это придало Орифу решительности. Он даже почувствовал, как налились мускулы рук, сжимающих рычаги. Он управлял огромной машиной, как игрушкой. Двигаясь взад и вперед, поворачивая, он сбрасывал в реку тонны камней и гальки, шаг за шагом расширяя площадку под станции.

Но и река в борьбе с храбрецами Нурека не сдавалась. Не хотела признать себя покоренной. Она проглатывала тонны камней и гальки, но все же понемножку уступала!

Десятки машин подвозили все новые кучи камней и гальки, а Ориф сдвигал их, разравнивая созданный им берег, быстро продвигаясь вперед. Внезапно под бульдозером что-то треснуло, обвалилось, и машина одной гусеницей зависла над водой!

Люди закричали, чтоб Ориф бросил бульдозер и уходил. Ориф сначала растерялся и уже собирался выскочить из кабины, как вдруг до него донесся голос: «Не бросай!» Это была Светлана. Значит, она здесь, видит его и верит, что он может спасти машину.

Ориф, обливаясь потом, крепче сжал рычаги накренившегося бульдозера, внимательно посмотрел вперед — там виднелся край скалы. Пожалуй, выход есть! Есть надежда спасти машину и себя. Но, если скала покачнется или Ориф ошибется в своем расчете, то гусеницы, не зацепившись за камень, покатятся прямо в воду!

Люди кричали: «Бросай, бросай!» Но, собрав все силы, Ориф включил полную скорость и резко отпустил тормоза. Бульдозер каким-то образом прыгнул с места и перелетел через бездну! Никто не знал, что бульдозер может летать! Но вот же смог...

Как только Ориф остановил бульдозер на твердом месте, к нему подбежал пожилой крупнотелый мужчина и закричал:

— Ты думаешь, бульдозер тебе птица? А если бы вместе с бульдозером в реку угодил, тогда что?!

Инженер по технике безопасности, всегда уравновешенный и спокойный, сейчас так рассердился, что не мог сдержаться.

— Машина новая, жалко было...— виновато склонив голову, оправдывался Ориф.

— «Машина новая»! — все еще сердито ворчал инженер.— Я с тобой еще потом поговорю, мальчишка!

— Ну, ладно, поговорите, а пока мы Орифа поздравляем,— секретарь комитета комсомола Анвар Саидов пожал ему руку.— Он стал настоящим бульдозеристом. И верно подмечено: в руках умелого водителя и бульдозер может летать!..

Инженер по технике безопасности, что-то ворча, ушел.

Олег Иванович, улыбаясь, тоже пожал руку Орифу и сказал:

— Теперь слезай, отдохни!..

Ориф неохотно вылез из кабины, а на его место сел Олег Иванович. Бульдозер снова заработал.

В это время Ориф услышал, что кто-то рядом всхлипывает. Он повернулся. Светлана, вся в слезах, молча смотрела на него. Ориф рванулся к ней и крепко обнял.

13*

— Я это ради тебя сделал! — прижав ее золотую головку к груди, прошептал Ориф.— Ради тебя...

Света все плакала и плакала...

IV

На другой день в газете «Норак» появился репортаж «Летающий бульдозер», в котором подробно рассказывалось о вчерашнем подвиге Орифа. Под статьей была фотография ученика и учителя.

— На, почитай! — сказал Генка Шатров, протягивая Миколе газету.

— А что там?

Микола вообще читать не любил, а сейчас просто был не в состоянии. Распродав украденные вещи на базаре в Дангаре, парни уже сутки пили. Засыпали, просыпались и снова пили. Опухли от пьянки, но не прекращали. Наконец запас водки кончился, и Генка пошел в магазин, по пути прихватив и газету.

— Ты на эту суку посмотри! — потряс Генка газетой перед носом Миколы.

Микола, с трудом раскрыв глаза, склонился над листом.

— Ведь это же Алик, не узнал?

— Узнал! — рассвирепел Генка.— Узнал, потому и принес тебе!

— Ну, а мне оно на что? — захихикал Микола.— Это его учитель, Олег Иванович. Не человек — змея. Алика он утащил от нас.

— Надо было тогда его прирезать, а? — пьяно качаясь, спросил Генка. — Он теперь, раз от нас отделился, точно продаст!

— Ведь ты, сука, сам не дал! — сердито закричал Микола.— Его, предателя, давно убить надо было!..

— А теперь разве поздно?

— Нет, не поздно...— с трудом выговаривая слова, ответил Микола.— Но я удивляюсь, почему ты не дал мне прирезать его тогда?

— Ты глуп, Микола,— Генка открыл новую бутылку, налил в стакан.— Лучше было бы его своим сделать. Из него бы вышел хороший помощник. Но теперь он нас продаст!..

— Тюрьмы боишься! — привстал Микола.— А в душе небось тоже хочешь, как Алик, «героем» стать. И газету ты мне для того принес! Какие ты слова говорил о рабочей чести, когда в бригаде меня обсуждали за прогул и пьянку? А потом... вчера на пути из Дангары что ты говорил милиционеру, который нас остановил? Как ты канючил: «Я рабочий, понимаете? Я в Нуреке работаю!» Хе-хе...— насмехался Микола, водя пальцем перед лицом Генки.

— Во-первых, я не канючил, а требовал! — не соглашался Генка.— А ты действительно дурак, Микола! Всегда все делаешь не подумав! Если бы не я, тебя давно забрали бы и послали в «желанное место»! Я тебя в свое звено, под защиту взял. А ты, ничего не делая, зарплату получаешь...

— Понял,— закивал Микола.— Ты тоже хочешь воспитать из меня героя труда, как Олег Иванович Алика.

— Кончай, Микола, придуриваться! Работать тебе надо, а то в тюрьму угодишь!

— Меня тюрьмой не пугай. Мне все равно. Для меня тюрьма — дом родной!

— Ты опасный человек, Микола,— рассердился Генка.

— Почему опасный? — плюхнулся на стул Микола.

— Хуже любого зверя. Того можно укротить. А тебя ни по-хорошему, ни по-плохому человеком сделать нельзя!

— Ну и что, разве это обязательно — быть человеком? — насмешливо спросил Микола.

— Я тоже, думая об этом, голову сломал,— сказал Генка.— Удивляюсь, как ты на свете существуешь, да и дитя ли ты человеческое?..

— Перестань, сука! — погрозил Микола и опять встал.— Душе тесно! Давай пойдем на свежий воздух... Айда в кино!

— Или в вытрезвитель? — пошутил Генка, понимавший, что им лучше не выходить на улицу. Он боялся, что Микола по пьянке натворит что-нибудь и его с ним зацепят.

— Вставай, не бойся, в вытрезвитель попадешь, тоже не страшно...— Микола тащил Генку за плечо.— В Нуреке пока что рабочих не хватает. Узнают, что ты проходчик, тут же отпустят. А не отпустят, Леня Осипов придет, заступится. Он человек известный, его послушают! Да ты и сам мастер кричать. Снова закричишь, что ты рабочий, они и выпустят тебя.

— А тебя? — Генка тоскливо смотрел на Миколу.

— А мне безразлично! — беспечно ответил Микола.— Я, конечно, как ты, плакать не буду...

— В конце концов ты где-нибудь подохнешь, как собака! И от трупа твоего как от дохлой собаки вонять будет...

— Сам ты собака, паскуда! — Микола толкнул Генку в плечо.— Вставай!

Генка не спеша опрокинул стакан водки, поморщился, мотая головой, встал.

— Молодец! Пока на ногах стоять можем, значит, и на танцы можем идти...— рассмеялся Микола, обнимая Генку.

— По бабе соскучился? — Генка понюхал кусок хлеба.

— Клади хлеб в рот и пошли! — велел Микола.— Зачем нас бог создал? — захихикал он и сам ответил: — Для того чтобы девочки старыми девами не оставались! Понял?

— Ты думаешь, девочки с нами, волочими, захотят дело иметь? — засомневался Генка, выходя из комнаты.— Хоть бы какую вдову убогую...

— Ладно, пусть тебе будет вдова, а мне девочки нецелованные!..

Пошатываясь, вышли они на дорогу и остановили случайный газик. Пока Генка пытался уговорить шофера подвезти их, Микола открыл заднюю дверцу и сел. Молодой парнишка рассердился, закричал, что с места не тронется, но Микола сзади ухватил его за уши и потянул.

— Ладно, ладно, отвезу, пусти,— не выдержал шофер.

Генка влез в машину, Микола отпустил шофера. Тот по простоте своей посчитал это за глупую шутку, потер уши и сказал:

— Чуть уши мне не оторвали!

Но Микола не засмеялся. Он достал из-за пазухи финку и повертел перед шофером. У парня от страха потемнело в глазах.

— Вези в Лангар, сука! — приказал Микола.

— Х-х-хорошо...— заикаясь, ответил шофер и, с трудом удерживая дрожащими руками руль, повернул машину назад. Микола, успокоившись, спрятал нож.

День клонился к вечеру, наступали сумерки. Будто нарочно, на дороге, вечно людной и полной машин, сейчас было пусто. Шофер с ужасом думал, как избавиться от опасных седоков. Он корил себя за то, что остановил машину. Из-за «левого» рубля нарушил правила, взял пассажиров. Но сейчас он от всей души хотел — пусть его накажут за нарушение правил, лишь бы остаться живым!

На полной скорости шофер промчался через «Казанский вокзал», где всегда было много народу и проезжать быстро запрещалось (пусть ГАИ заинтересуется!), но никто его не остановил. Теперь он так же быстро гнал по центральной улице. И тут Генка толкнул его в бок.

— Поворачивай на верхнюю дорогу!

Парень снова нарочно грубо нарушил правила, резко развернувшись там, где разворачиваться не положено. Шофер автобуса, в который он чуть не врезался, и пассажиры посылали ему вслед тысячи проклятий, но парень был доволен — теперь ГАИ узнает!

После того как выехали на верхнюю дорогу, он до предела снизил скорость,— может, инспектор ГАИ нагонит!

— В чем дело? Почему тихо едешь? — спросил Микола.

— Не знаю, что случилось,— будто недовольный работой машины, пробормотал шофер.— Остановлю, посмотрю?

— Нет, нет! Гони! — забеспокоился Генка. В окно он увидел Орифа и Светлану. Они шли, держась за руки, и смеялись. Генке почему-то не хотелось, чтобы Микола встретился с ними сейчас.

— Ладно, пусть посмотрит...— сказал Микола.

— Сначала пусть в Лангар отвезет, а потом как хочет! — возразил Генка.

Но шофер, воспользовавшись словами Миколы, уже остановил машину и вылез из кабины. Он глянул назад, мотоцикла ГАИ нет! «Иногда ни за что цепляются, а когда нужно, нет их!..— недовольно подумал он, поднял капот и уткнулся в мотор, потихоньку все поглядывая на дорогу.— Неужели шофер автобуса не пожаловался? Ведь там и народу много было, неужели никто не сказал ничего милиции?»

В это время Микола увидел Светлану с Орифом.

— Генка! Вылезаем! — скомандовал он.

Генка, предполагавший, что за этим последует, в ужасе крикнул:

— Микола, не делай глупости!

Но Микола не послушался. Он вылез из машины и преградил дорогу Орифу и Светлане. Светлана хотя и знала его, но, увидев, что он пьян, испугалась и спряталась за Орифа.

— Поздравляю, герой!..— сказал Микола.

— Спасибо! — усмехнулся Ориф.

— Куда?

— Тебе какое дело, дай нам пройти!

— Не лезь, Микола! — снова предупредил подошедший Генка.— Не видишь, они как Ромео и Джульетта!..

— Ромео и Джульетта?! — со злостью плюнул себе под ноги Микола, и в нем вскипело все разом: ненависть, обида, гнев. Он пошатнулся и поднял руку, в ней сверкал нож!

Длинный Генка хотел перехватить руку Миколы, но тот с возгласом «эх, ты!» всадил в бок ему нож...

Генка коротко вскрикнул, согнувшись, упал на землю. Сзади Ориф стремительно бросился на Миколу и прижал его к земле. Светлана и шофер поспешили на помощь. Микола пытался сбросить с себя Орифа, но Ориф изо всех сил прижимал коленом его горло, а Светлана и шофер уже связывали руки его же ремнем...

Остановилась проходящая мимо машина. Люди окружили место происшествия.

Наконец откуда-то появился и мотоцикл инспектора ГАИ.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

I

Миколу арестовали. Это событие взволновало весь Нурек.

В тот же вечер созвали срочное заседание парткома строительства, в нем приняли участие начальники участков, партийные и комсомольские активисты.

— Основной вопрос заседания,— сказал Захар Денисович Павлов,— обеспечение общественного порядка в Нуреке!

Он сообщил, что только за последний день в Нурек приехали двести человек. Большинство из них холостые мужчины и незамужние женщины. Среди них есть и мир повидавшие, и те, кто вчера освободился из мест заключения. В таких условиях нужно обратить особое внимание на охрану общественного порядка.

Заседание постановило для помощи нурекской милиции создать рабочие дружины. По предложению Анвара Саидова рекомендовали в командиры дружины секретаря парткома Павлова и в начальники штаба — молодого коммуниста Валерия Салахяна. Бывший моряк, обаятельный и сильный парень, он стал в Нуреке общим любимцем. И Валерий поручение принял с гордостью. На заседании парткома он уже обдумывал план работы. Потом поделился своими замыслами с Анваром. Он предлагал членам штаба сшить особую форму, установить их права и обязанности. Друзья слушали его внимательно.

— Наша дружина,— разошелся Валера,— не будет иметь дела

с городской милицией, она будет самостоятельной! Мы сможем во всем городе и на стройке сами установить порядок! Поэтому Нуреку не нужна милиция.

— Валера! Ты хочешь упразднить милицию? — удивилась Вероника.

— Да, общественный порядок обеспечат полностью дружинники!

— Ты ошибаешься, Валера! Мы с тобой не имеем права ликвидировать милицию. Это государственный орган!

— Ну и что? — рассмеялся Салахян.— Если милиция — государственный орган, мы, рабочая дружина,— орган народа!

Вероника обратилась за помощью к Анвару:

— Ты что скажешь, Анвар?

Анвар, спокойно слушавший друзей, пожал плечами.

— На мой взгляд, и предмета для спора-то нет. Ведь в решении парткома ясно написано, что рабочие дружины создаются с целью помочь милиции Нурека в наведении общественного порядка, а не с целью ликвидации милиции.

— Нет, Анвар, спор наш не напрасен! — не согласилась Вероника.— Истина рождается в споре! Выяснилось, что Валерию не хватает политических знаний. Хорошо, что он не сказал это на парткоме. Авторитет комсомольского комитета сразу бы упал. А Валеру никто бы не назначил начальником штаба дружины!

— Э, Вероника, ты не кощунствуй! — сказал Салахян, взяв ее за руку.— Я не мог уронить авторитета комитета комсомола!

— Здрасте! — возмутилась Вероника.— Ты ведь пока еще член комитета! Если ты совершишь ошибку, то и мы в ответе за нее! Тебе необходимо снова внимательно проштудировать статьи Ленина о государстве и революции. Кроме того, сдашь в комитете экзамены по Конституции СССР!

— Ты меня экзаменами не пугай! — рассердился Валерий.— Я могу свои соображения и самому Павлову высказать. Если ошибаюсь, пусть он поправит!

— Вот-вот! Есть такие, что всю жизнь делают ошибки, а потом исправляют их!

— Ну вот! — воскликнул Валера.— Может, тебя нужно было назначить командиром дружины, а? Ты бы быстро со всеми бандитами справилась!

— А что? Может быть,— совсем раскипятилась Вероника.

— За такую храбрость можно я тебя поцелую? — миролюбиво наклонился к девушке Валерий.

И тут же получил по лбу.

— А это еще за что? — спросил он.

— За то, что девушку не целуют, предварительно спросив разрешения!

— Совершенно верно! — мужественно признался Салахян.— Впредь я тебя буду целовать всегда, когда захочу!

— Нет, когда я захочу! — поправила Вероника.

— Понятно!

— Но, несмотря на это, я тебя сейчас потащу к Захару Денисовичу! — объявила Вероника.— И скажу, что, прежде чем поручать тебе дружину, тебя надо самого воспитать!

— Значит, еще не жена, а уже в партком жалуешься?

Веронике было смешно, и она с трудом сдерживалась, стараясь оставаться серьезной.

— Эх, Валера, все тебя учу, учу...

— Не горюй, дорогая! — шутливо ответил Валерий.— Ты ничего не потеряешь! Представь себе, что я бочка, куда ты каждый день складываешь свои знания.

— Да ну тебя, Валера! — обиделась вдруг Вероника.— Я с тобой больше вообще говорить не буду! — Девушка сердито отвернулась от Валерия, взяла Анвара за локоть.— Пошли!

— Тебе придется просить у Вероники прощения! — наклонился к другу Анвар.

— Пожалуйста, я сто раз попрошу прощения,— сказал Салахян,— но в чем я виноват?

— Ты бесстыдник! — объяснила Вероника.— В этом твоя вина!

— Дорогая Ника, ведь я же люблю тебя! — растерялся Валерий.

Вероника вздохнула и снова потащила Анвара за рукав.

Анвар не хотел, чтоб друзья ушли рассорившись. Их надо было немедленно помирить. Но упрямая Вероника не принимала извинений Салахяна.

Неизвестно, как бы развернулись события, если бы не появился Павлов. Он шел домой. Семью в Нурек он еще не перевез, торопиться ему было некуда, и он обрадовался этой неожиданной встрече с молодежью.

— Захар Денисович! Как хорошо, что вы сами пришли! — выпалила Вероника.— Я хотела пожаловаться на некоторых.

— А кто это «некоторые»? — смеясь спросил Павлов.— Анвар с Валерой?

— Не Анвар, только Салахян.

— Не говори так, Ника, я ведь, еще не совершив греха, попросил прощения! — укоризненно взглянул на девушку Валерий.

— Знаю, ты невинный голубок! Ты слишком рано зазнался, Салахян! Если бы мы с тобой согласились, то ты, еще не задержав ни одного хулигана, уже упразднил бы милицию!

Вероника передала Павлову весь разговор с Валерием.

Секретарь парткома решил, что Салахян сделал свое заявление просто так, не подумав, и сейчас, конечно, уже понял, что народная дружина милицию не заменит. Поэтому Павлов спокойно еще раз объяснил Валерию задачи штаба народной дружины и попросил завтра зайти в партком, чтобы вместе посидеть над планом работы штаба.

Про себя же Захар Денисович подумал: нужно усилить идеологическую работу, особенно с молодыми коммунистами. Давно пора на строительстве организовать народный университет марксизма-ленинизма. Необходимость этого подсказывает сама жизнь. Хорошо

бы, чтобы известные профессора приезжали в Нурек читать лекции. Нужно об этом попросить президента Академии наук Таджикистана, он поможет. Ученые тоже не откажутся... Павлов вспомнил, как приезжали в Нурек поэты Мирзо Турсун-заде и Боки Рахим-заде. Поэты читали свои стихи прямо под открытым небом. Долго гремели аплодисменты. Умные и вовремя сказанные слова имеют великую силу.

Незаметно, обсуждая дела строительства, дошли до дома Павлова. По пути Вероника и Валерий помирились и шли уже радостные, взявшись за руки.

Прощаясь с ребятами, Захар Денисович спросил Салахяна:

— Ну, а свадьба скоро?

— Это Вероника знает! — засмеялся Валера.

— Ты ждешь, когда я тебя потащу в загс? — ответила бойкая Вероника.

— Ну, какая разница — я тебя поведу или ты меня?! — обнял ее Салахян.

— Стыда у тебя нет! — оттолкнула его она.

— Ну вот!..— засмеялся Валерий.

Захар Денисович и Анвар переглянулись.

— Знаете что,— сказал Павлов,— я утащу от вас Анвара. Пойдем, Анвар, ко мне, попьем чайку, потолкуем,— пригласил он.

II

— Ну, как жизнь? — наливая чай, спросил Павлов.

— Вы меня лучше только о деле спрашивайте,— нечаянно вырвалось у Анвара,— другой жизни у меня нет...

— Почему?

И секретарь парткома понял, что у парня случилась беда.

— Давай-ка расскажи мне все по порядку, а там посмотрим.

Анвар, закрыв глаза ладонями, молчал; тогда опять заговорил Павлов.

— Мы с Карповым посоветовались и решили рекомендовать Зульфию директором профтехучилища,— сообщил Павлов.— Антон Григорьевич ее, как дочку, любит. Старик говорит, что из нее выйдет хороший организатор.

— Зульфия в больнице...— с трудом ответил Анвар.

...Случилось все это недавно. Был поздний вечер, когда Анвар вернулся домой после собрания во вновь организованной комсомольской бригаде проходчиков, которой руководил Азиз Шарифов. Приближаясь к дому, он увидел, что свет в окнах почему-то не горит (жили они теперь в отремонтированном сарайчике, где по ночам шуршали мыши). Войдя в комнату, Анвар обнаружил, что она пуста,— одежда Зульфии пропала, а больше практически у них ничего не было. Сердце у Анвара сжалось от плохого предчувствия. И тут он увидел письмо:

«Прощай, Анвар.

Не ищи меня напрасно. Я жива-здорова, из твоего дома (вер-

нее, из мышиного дома!) ушла по своей воле. Я больше не могу так жить! Каждый день, зажигая свет, буду вспоминать тебя. С благодарностью, конечно. Потому что знаю, строительство ГЭС дело не шуточное...

Зульфия».

Анвар на миг растерялся. Неужели это Зульфия написала?! Он усомнился даже и, поднеся письмо ближе к лампе, перечитал еще раз. Сомнений не было. Ее рука! Подписываясь, она делала в конце своеобразный крючок в букве «я». Когда-то Анвар восторгался этим красивым (так казалось ему) росчерком. Сейчас он, как жало скорпиона, колол его сердце!..

После объяснения в первую свадебную ночь Анвар надеялся, что Зульфия привыкнет к Нуреку. Только нужно подобрать ей работу по душе. Конечно, она как инженер могла бы найти себе подходящую и даже интересную работу на любом участке строительства, но ее не покидала мысль переехать в город. Она довольно часто об этом заговаривала. Анвар всегда старался перевести разговор в шутку или на другую тему. Иногда говорил, что, когда построят Нурекское море, здесь будет лучшее место отдыха в Таджикистане! Или уговаривал: «Ты, милая, потерпи немного, скоро со всего мира люди будут приезжать, чтобы посмотреть Нурек. Мы с тобой счастливцы, что принимаем участие в строительстве такого уникального сооружения!..» Но все эти слова не действовали на Зульфию. Вернее, действовали на короткое время.

Как-то Зульфия поехала в Душанбе навестить тетю и пропала на два дня. Анвар забеспокоился: может, она заболела или что-нибудь случилось? К счастью, на третий день жена вернулась, и настроение у нее было хорошее. Анвару она с кокетством сказала:

— Я хотела тебя испытать, поедешь ты искать меня или нет...

Анвар обиделся.

— Зачем такие детские шутки? Ты могла бы и позвонить!

Зульфия ответила:

— У меня времени не было, я была занята беседой с учеными!..

— Это еще что за новости? — спросил Анвар.

— А что? — удивилась Зульфия.

Она подробно рассказала, что тетин сын защитил диссертацию и по этому поводу устроил «обмывку».

— Его «обмывка» была в сто раз пышнее нашей с тобой свадьбы! — заметила Зульфия.— На этом угощении были известные ученые Душанбе и Ташкента. Даже из Москвы приезжали!

Зульфия после того пира и «беседы с учеными» сделала для себя выводы.

— Теперь эпоха научно-технической революции! — сказала она однажды Анвару.— Поэтому все наши сверстники стремятся в аспирантуру...

— Ну что в этом плохого? — беспечно спросил он.

— Нет, Анвар,— с азартом продолжала Зульфия,— ничего плохого нет. Наоборот, очень хорошо. Надо и нам подумать о будущем...

— О будущем подумать неплохо,— улыбнулся Анвар.

— Ты насмехаешься надо мной? — вдруг рассердилась Зульфия. — А я, думая о твоем будущем, ночей не сплю! До каких пор ты будешь здесь в пыли возиться? Разве можно всю жизнь прожить на зарплату инструктора?!

Анвар еле сдержался, чтобы не оборвать Зульфию.

А она продолжала:

— Правда, я посмотрела на этих молодых ученых и позавидовала. Чем хуже мой Анвар, подумала я. Знаний у тебя не меньше, чем у любого из них! Кроме того, в институте все учителя тебя любили. Если мы переедем в Душанбе и ты поступишь в аспирантуру, с помощью твоих учителей ты в три года шутя защитишь диссертацию. Потом, даже если останешься на какой-нибудь кафедре, будешь получать не меньше трехсот рублей. Потихоньку станешь доцентом, доктором, профессором... там, может, и академиком! Говорят, что в будущем без ученой степени вообще никуда не устроишься...

— Понятно!..— перебил жену Анвар.— Значит, чтобы ускорить победу научно-технической революции, мы должны бросить Нурек? Так?!

— Анвар! — просительно сказала Зульфия.— Неужели ты сам не понимаешь, что за твою работу в Нуреке тебя никто героем не назовет! А если с кем из начальников характером не сойдешься, то так полетишь, что и мокрого места не останется!..

Анвар расхохотался.

— Ну и напугала ты меня! Кого ты имеешь в виду под начальниками? Карпова или Холиду?

— Неужели ты такой непонятливый, Анвар? — рассердилась Зульфия.— Ведь Карпов и Холида всю жизнь не будут тебя опекать! Антон Григорьевич с сердцем лежит, неизвестно, что завтра с ним будет...

— Вдруг он умрет? Так?

— Ну, допустим...

— А Холида? — с любопытством спросил Анвар.— Она что, тоже больная?

— При чем здесь ее здоровье! Но все может быть, и даже до съезда ее могут перевести на другую работу!

— То есть что тогда со мной будет? Значит, скорее мне надо стать аспирантом? Все равно будущее за ИТР!..

— Естественно! — победно подтвердила Зульфия.

— Теперь я тебе отвечу, ты можешь выслушать спокойно? — спросил Анвар.

— Пожалуйста, я слушаю! — пожала она плечами.— Если я ошибаюсь, можешь поправить.

— Что поправлять, Зульфия? Как у тебя язык повернулся о человеке, который тебя дочерью считает, спокойно сказать «завтра

умрет»? Что тебе плохого сделала Холида, что ты ее еще до будущего съезда с работы снимаешь?

— Я просто для примера! — вставила Зульфия.— Не со злым умыслом.

Но Анвар, хоть и хотел, больше не мог сдержаться:

— Потом, ведь не в личностях дело! Нурек не для Антона Григорьевича Карпова и Холиды строят!

— Я в этом немножко разбираюсь, Анвар! — усмехнулась Зульфия.

— Может, «немножко» и разбираешься,— пустил шпильку Анвар.— Но... Я тебя когда-то случайно назвал мещанкой, ты обиделась. Но, к сожалению, теперь выяснилось, что...

— ...я действительно мещанка?! — докончила фразу Зульфия.

Анвар, не ответив ей, молча встал. В этот момент ему пришла в голову мысль, что, может быть, он зря спорит? Если Зульфия хочет поступать в аспирантуру, пусть поступает! Только при этом не надо спрашивать мужа, до каких пор он будет в пыли возиться, или говорить, что за эту работу его героем не назовут! Ведь Анвар или Старик приехали в Нурек не за званием героя. Они знают твердо только одно — они Нуреку нужны! Поэтому терпят все трудности и не собираются никуда бежать. Анвар, конечно, понимает, что Нурек без него может существовать, но сможет ли Анвар без Нурека? Ведь Нурек стал смыслом его жизни. Он себя тут чувствует как рыба в воде. А рыба без воды жить не может!..

— Мы должны прийти к какому-то определенному решению! — заявила Зульфия, недовольная молчанием мужа.

Анвар сказал :

— Если хочешь, поступай в аспирантуру. Я не против...

Зульфия вздохнула, помолчала и тихо спросила:

— Значит, я для Нурека больше не понадоблюсь?

— Ты о Нуреке не волнуйся...

— Выходит, я здесь лишняя?! — плачущим голосом уточнила Зульфия.— Хоть вовремя сказал. Может быть, потом поздно было бы.

В ту ночь Зульфия впервые постелила себе отдельно. А на следующий вечер Анвар, придя домой, нашел только письмо.

...О том, что было дальше, рассказала ему сама Зульфия в больнице.

— Горькая правда в том,— призналась, плача, Зульфия,— что я тебе изменила. И это всего лишь результат моей глупости.

...Они познакомились на праздновании защиты диссертации двоюродного брата Зульфии. Молодой ученый Самандар Нусратзода то и дело тайком от других жадными глазами оглядывал Зульфию. Молодую женщину это смущало, она старалась держаться от него подальше и реже попадаться ему на глаза. Поэтому вопреки просьбам гостей посидеть с ними часто под разными предлогами выходила. В один такой момент, подхватив грязные тарелки, Зульфия вышла на кухню. Но Самандар пошел за ней.

— Какая вы хорошая!..— сказал Самандар, влюбленным взглядом окидывая ее с ног до головы.

— А вы это откуда знаете? — нахмурила брови Зульфия.

— Вы так похожи на вашу тетю! Тетя ваша — умная женщина! — продолжал Самандар.

— Тетя моя золотая! — со смехом согласилась Зульфия.— Никто не может с ней сравниться!

— Но вы в сто раз лучше ее. И по красоте и по уму!..

— Зачем эти комплименты?..— нахмурила брови Зульфия.

Самандар глубоко вздохнул.

— Тысяча сожалений, что не ходил я в этот дом раньше и не встретил вас!

— А если бы вы меня раньше встретили, что бы изменилось? — удивилась Зульфия.

— В нашей с вами жизни произошло бы великое событие! Я бы женился на вас!

Зульфия засмеялась.

— Другой человек это сделал раньше.

Самандар подошел ближе, хотел взять ее за руку, но Зульфия увернулась и выбежала во двор, где сидели за столом гости.

Да, в тот раз Зульфия легко отделалась от преследования Самандара Нусратзода. Но он задался целью покорить ее.

Однажды на «Волге» своего отца, директора научно-исследовательского института, он появился в Нуреке.

Зульфия, купив буханку хлеба в магазине, переходила дорогу, когда ей преградила путь голубая «Волга». Узнав хозяина машины, женщина покраснела и растерялась.

Самандар с приветливой улыбкой открыл перед ней дверцу.

— Приказывайте, отвезу куда хотите!

— Нет, нет, я сама...— поспешно отказалась Зульфия.— Дом близко, я пешком дойду...

— Не бойтесь, мы красивых женщин не едим! — пошутил он.— Давайте я вас покатаю!

Зульфия засмеялась и села в машину. В последние дни она постоянно была обижена на Анвара, и ей сейчас было все равно, куда и с кем ехать. Самандар был весел и деликатен. В тот день у тети она не рассмотрела его. Но теперь привлекательная улыбка, черные яркие глаза, приветливость делали его обаятельным. Может, поэтому, когда Самандар сказал: «Давайте, я вас покатаю!», она не отказалась. Только спросила, куда он хочет ее везти.

— Покатаемся где-нибудь неподалеку,— с улыбкой ответил Самандар.— Поедем в ущелье Пехо. Нет места красивее! Если захотите, заберемся и повыше. Там есть большая ферма. Ею заведует мой дядя. Увидит нас — барана зарежет.

— Нет, барана резать не надо,— быстро отказалась Зульфия.— Мне нужно вовремя домой вернуться.

— Боитесь мужа? — взглянул на нее Самандар.

Зульфия улыбнулась. Мужа она не боялась, была так на него сердита, что тут же решила, пусть он из-за нее поволнуется.

Быстро проехав Нурек и Лангар, «Волга» мчалась теперь по узкому ущелью Пехо. Самандар так вел машину, будто убегал от преследования. Зульфия это чувствовала, но ничего не сказала. Ей даже понравилась гонка по незнакомым местам.

Впереди открылись разноцветные скалы, огромные валуны, свалившиеся в реку, зелень склонов и холмов, сверкающие водопады и родники.

«Волга» хоть и снизила скорость, но не остановилась в ущелье, а взбиралась теперь по серпантинам выше. Вдруг Зульфия испугалась.

— Куда мы едем? — спросила она настороженно.

— Я же говорил, на ферму,— спокойно напомнил Самандар.

— Нет, на ферму не поедем! — попросила Зульфия.— Вернемся обратно...

Самандар, не слушая ее, гнал машину вверх.

— Я же вам сказала! — закричала Зульфия.— Поворачивайте назад, а то я рассержусь!

Самандар заглушил мотор и повернулся к женщине.

— Испугалась, что ли, красавица?

Зульфия сердито смотрела в окно.

— Если чем обидел, извини, милая!

Зульфия взглянула на него, хотела что-то сказать, но снова увидела его мягкую обаятельную улыбку. Этой улыбкой он и обезоруживал ее...

— Я слышал, что у тебя есть желание учиться в аспирантуре! — сказал Самандар.— Тетушка твоя моему отцу говорила. Они старые друзья. Покойная мать моя сильно ревновала отца к ней. Соседи говорили, что если сегодня мать умрет, то завтра Хосият-отун[1] станет женой Нусратзода! Но тетя твоя замуж за моего отца не вышла. Хоть уже семь лет прошло после смерти матери, а она стать женой профессора не хочет. Уж и не знаю почему...

Самандар заглянул в глаза Зульфии и хотел обнять ее, но она, сильно оттолкнув его, отстранилась. Самандар засмеялся, покачал головой, вылез из машины, открыл перед женщиной дверцу:

— Выходи! Все эти тюльпаны для тебя!

Зульфия продолжала сидеть в машине. Самандар не стал уговаривать, оставил ее в покое, ушел и вскоре вернулся с охапкой свежих тюльпанов и галантно преподнес ей. Она приняла цветы, взглянула на него и снова увидела его улыбку. В глазах у нее потемнело, голова закружилась. «Господи, что это такое!..» — подумала она с ужасом.

Самандар взял женщину за руку, помог выйти из машины. Но руку не отпускал. От сильного волнения сердце Зульфии замерло, и она прижала тюльпаны к груди.

— Поразительно — твое лицо и тюльпаны одинаково нежны! — сказал Самандар.

Зульфия несмело подняла голову. Глаза молодого красавца сия-

---

[1] Ученая женщина.

ли, как две яркие звезды, она быстро закрыла глаза, точно боялась ослепнуть. Губы его приблизились к ее губам; Зульфия молча подчинилась его воле.

Самандар Нусратзода шептал, что женится на ней, с помощью отца и знакомых устроит в аспирантуру и поможет написать и защитить кандидатскую диссертацию.

Зульфия лежала на душистой весенней траве, глядя в голубое бездонное небо, и думала о своей жизни. Самандар говорил и говорил. Наконец женщина, поверив сладким речам, приняла решение проститься навсегда с Анваром. Приехав домой за вещами, она так легко написала прощальное письмо, что даже Самандар удивился.

— Полагаю, ты уехала бы из Нурека, даже если бы не встретила меня? — шутливо спросил он.

— Да, я хотела уехать! — кивнула Зульфия.

...Профессор Нусратзода уехал вместе с Хосият-отун на Черное море, оставив дом и машину в полное распоряжение сына. Поэтому Самандар без всякого раздумья привез Зульфию домой и после первой же рюмки армянского коньяка объявил ей, что с этого часа она его законная жена!..

— Зачем так спешить? — остановила его Зульфия.— Подумайте серьезно! Женитьба — дело нешуточное... Кроме того, я, что бы там ни было, замужняя женщина, а вы вроде до сих пор холостой...

— Кто холостой? Я холостой?! — хохотал Самандар, попивая коньяк.— Я не холостой. У меня жена. Красавица и пери. И эта пери — вы!

— Во всяком случае, приедет отец, надо получить его согласие...

— Отец мой с твоей тетушкой. Я же тебе сказал. С Хосият-отун. Но я его не ревную. Пусть они вдвоем кейфуют, а мы тоже будем наслаждаться! — обнимая Зульфию, крепко целовал ее Самандар.

Не выпуская ее из объятий, Самандар достал дорогую сигарету, прикурил и затянулся.

Зульфия чуть не задохнулась от запаха коньяка и дыма, высвободилась из объятий и подошла к книжному шкафу (одну стену комнаты украшал красный ковер, противоположную занимали книги), с интересом рассматривая библиотеку профессора. Сзади подошел Самандар, опять обнял ее.

— Не горюй, ты тоже, как сын твоей тетушки, без всяких хлопот станешь ученой! — пьяно засмеялся он.

— Разве сын моей тетушки без хлопот стал ученым? — с удивлением спросила Зульфия.

— А то как же? — усмехнулся Самандар.— Ведь у него голова ничем не отличается от ослиной. Но он сын Хосият-отун. Сын красивейшей женщины Душанбе! Именно поэтому ему было необходимо стать кандидатом наук! И, как мы видим, он запросто достиг этого ученого звания. Потому что для профессора Нусратзода написать кандидатскую — не проблема. Он такие диссертации стряпал за две недели.

— Из твоих слов выходит...— с сомнением и удивлением проговорила Зульфия,— кандидатскую ему написал профессор Нусратзода?

— Если не веришь, я это тебе сейчас докажу! — сказал Самандар и, выйдя в другую комнату, быстро вернулся со стопкой бумаг.— Вот настоящая рукопись кандидатской сына твоей тетушки. И это от начала до конца написано рукой профессора!..

— Ведь это же преступление! — чуть не закричала Зульфия.— Неужели профессор пишет за ученика диссертацию?! Это ужасно!

Но младший Нусратзода, рассмеявшись, бросился на диван.

— Удивляюсь я, как это в мире живут еще такие, как ты, простушки и недотепы! Сейчас в таких делах никто не сомневается. Оценки учителя и даже его авторитет превратились в товар! Его можно купить и продать. Но надо уметь! Не каждому это дано. Профессор Нусратзода умеет. Он все умеет! И Хосият-отун умеет. Молодец она! Оседлать такое чудовище, как профессор Нусратзода, дело нешуточное. У него такая слава и такой внушительный вид, что, если захочет, сто деревьев без ветра закачаются и любая река остановится в своем течении!

— Тогда его нужно скорее послать в Нурек! Там простые люди несколько лет бьются над перекрытием Вахша. А он может одним дуновением остановить!..— печально и насмешливо сказала Зульфия.

Самандар не обратил внимания на ее слова. Наоборот, он начал хвалиться:

— Но я их обоих общипаю! — Он сделал паузу, налил себе коньяку, не спеша выпил и положил в рот кусочек шоколада.

— Кого?

— Тетушку твою, Хосият-отун, и ее любовника, профессора Нусратзода! — Самандар, пьяно рассмеявшись, помахал, как веером, рукописью диссертации.— Эти бумажки я им не меньше чем за пятьдесят тысяч продам!

— Пятьдесят тысяч?! — с ужасом повторила Зульфия и вспомнила, что Анвар в Нуреке получает семьдесят рублей в месяц.

— Ты представляешь, что такое пятьдесят тысяч? — приблизившись к пораженной женщине, пояснил пьяный Самандар: — За пятьдесят тысяч мы можем полгода наслаждаться жизнью на берегу Черного моря!

— А что потом? — испуганно спросила Зульфия.

— Потом?..— усмехнулся Самандар.— Потом, если хочешь, поступай в аспирантуру...

— А если не хочешь, нет?! Так?!..— у Зульфии вдруг прорвался гнев.— То есть через полгода ты меня, как увядший цветок, выбросишь в мусорный ящик? Так?!

Всезнающий Самандар Нусратзода, считавший до сих пор Зульфию простушкой и недотепой, растерялся.

— Ну, ладно, красавица! Зачем эти серьезные разговоры?!

Он хотел снова обнять ее и поцеловать, но Зульфия изо всей силы влепила ему пощечину.

— Я до сегодняшнего дня не знала, что человек может быть таким подлым и бессовестным! — дрожа от гнева, закричала она.— Ты не человек, бог знает какая ты подлая тварь! Народ не зря сказал, что ученым стать легко — человеком стать трудно!..

Больше не глядя в лицо своего любовника (его артистическая улыбка теперь не могла ее обмануть!), Зульфия взяла чемодан. Самандар, совсем отрезвев, схватил ее за руку.

— Милая! — умолял он.— Куда же ты пойдешь, бросив меня? Ведь сейчас ночь, темно. На улице дождь. У тебя даже плаща нет!

— Ты обо мне заботишься? — с усмешкой спросила Зульфия.— Жалеешь меня?

— Конечно, ведь... во всяком случае, я тебя люблю!..

— Так-таки любишь? — повторила женщина.

— Да, конечно...

Зульфия, решительно оттолкнув его, вышла.

— Если ты промокнешь и простудишься, знай, что сама виновата! — выкрикнул вслед Самандар, боявшийся теперь за себя (а вдруг она пожалуется!).

Зульфия остановилась и засмеялась.

— Не бойся. Всю вину я возьму на себя!..

На улице дождь лил как из ведра. Свежий весенний ветер пронизывал своим холодным дыханием.

Дом Хосият-отун был недалеко от дома профессора, Зульфия и пешком могла бы за несколько минут дойти до него. Но она идти туда не хотела. Теперь она не хотела видеть и тетю, кокетливую и расчетливую, и ее единственного ученого сынка. Ей почему-то было немножко жалко профессора Нусратзода. Зульфия видела его на вечере у Хосият-отун и прониклась к нему уважением. Он производил очень приятное впечатление. Сейчас, шагая под проливным дождем и холодным ветром по темным молчаливым улицам, она думала о том, какие несчастья навалили на красивую седую голову профессора ее тетя и младший Нусратзода. Родной сын готов на любую подлость по отношению к отцу!

Зульфия снова и снова корила себя за то, что так легко отвернулась от Анвара. Выходит, Анвар верно назвал тогда ее мещанкой. «Ты сделала ошибку, Зульфия! Серьезную ошибку и непростительную!..» — сказала она себе.

Несмотря ни на что, она решила вернуться в Нурек. Всю ночь мокла она под дождем, очень устала, но утром села на первый нурекский автобус. Зульфия решила все рассказать Анвару,— попросить прощения.

Она поняла, что любит Анвара всей душой, любит его теперь больше, чем раньше. Но поймет ли Анвар ее правильно?

В автобусе Зульфия почувствовала себя плохо. То ей было нестерпимо жарко, то бросало в холод. В глазах темнело, голова кружилась. Она не помнила, как вышла из автобуса у «Казанского вокзала» и как оказалась рядом с ней Вероника, которая и привела ее домой. Поняв, что подруге совсем худо, Вероника дала Зульфии таблетку жаропонижающего и побежала к телефону вы-

звать «скорую помощь». По дороге Вероника попросила соседского мальчишку срочно сбегать за Анваром.

Анвар и машина «скорой помощи» появились почти одновременно. Зульфию быстро увезли в больницу.

В полдень медсестра сообщила Анвару (он не выходил из приемной), что у его жены выкидыш, не больше двух месяцев...

— А сама как? Сама?

— О жене не беспокойтесь. Жизнь ее сейчас вне опасности. Ее вылечат...

Раза два в день Анвар навещал Зульфию. О злополучном письме не напоминал. Только ругал себя в душе, что был мало внимателен к Зульфии, часто приходил поздно домой. Зульфия как-то жаловалась Веронике: «Анвар взял меня дом караулить!» Вот со зла и написала это письмо. Так полагал Анвар.

Но Зульфия через несколько дней, когда немного окрепла и встала с постели, призналась Анвару во всем, что с ней произошло...

...Эту-то печальную историю и поведал Анвар Павлову.

— Ну и к какому выводу ты пришел? — спросил секретарь парткома, покашливая.

— Не знаю, Захар Денисович,— задумчиво сказал Анвар.— Я все еще люблю ее...

— Если действительно любишь, то надо, наверное, ее простить,— мягко посоветовал Захар Денисович, собираясь налить Анвару еще чаю.

— Спасибо, я больше не хочу,— уныло отказался Анвар.

— Когда Зульфия выйдет из больницы?

— Доктор обещал выписать в начале будущей недели.

— Уже скоро! Не горюй. Все утрясется. Вы еще будете счастливы!

— Если бы...— невесело улыбнулся Анвар.

— Но ты впредь береги Зульфию! — серьезно сказал секретарь.— У красивых женщин обычно много искушений. И молодой муж должен быть всегда начеку... А для нас Зульфия — человек нужный. Ты ей это тоже растолкуй. Чтобы она большую ответственность почувствовала! Внуши ей, что и партком так считает!

— Хорошо, Захар Денисович,— пообещал Анвар и встал.

Павлов проводил его до дверей и тепло попрощался.

III

...На другой день Павлов, позвонив Анвару, официально пригласил его в партком.

Анвар застал секретаря озабоченным; хмуря брови, он серьезно посмотрел на Анвара.

— Вчера ты сказал, чтоб я у тебя спрашивал только о работе. Сейчас я и хочу говорить с тобой о работе.

— Пожалуйста,— спокойно ответил Анвар.— Разве какое чепе?

— По-твоему, если бригадир борющейся за звание коммуни-

стического труда бригады постится, чепе это или нет? — гневно спросил секретарь.

— Это действительно чепе! — подтвердил Анвар и поинтересовался, кто этот бригадир.

— Все и дело-то в том, что это случилось в бригаде, над которой шефствует секретарь комсомольского комитета! Во всяком случае, так говорится в анонимном письме, которое я получил.

— Азиз Шарифов? Неужели?! — Анвар никак не мог поверить, что Шарифов постится! Ведь его, как активнейшего представителя нурекского комсомола, восхваляли на всех собраниях. Конечно, может, это и неправда. Мало ли какими мотивами руководствовался анонимщик, когда писал свое письмо.

Павлов также рассказал, что Старик звонил из больницы, он недоволен ходом подготовки к перекрытию. Особенно он опасается за работу проходчиков. Карпов высказал предположение, что, возможно, часть рабочих в месяц рамазана постится и это отражается на производительности труда.

— Антон Григорьевич думает об этом, лежа в больнице,— усмехнулся секретарь парткома,— а мы с тобой забыли. На вот прочитай это и проверь!

Захар Денисович подал Анвару письмо.

— Если это правда,— добавил он,— я на тебя крепко обижусь. Ведь Азиз Шарифов — твой кадр. Ты сам выдвигал его в бригадиры! И Карлов обидится. А ему лишние волнения ни к чему. Он и так не может спокойно лежать в постели.

Анвар дважды внимательно прочел безграмотные каракули о том, что бригадир ударной комсомольской бригады сам постится и других членов бригады к этому принуждает. Он говорит, что поститься лучше, чем водку пить! В заключение рекомендовалось крепко наказать бригадира и освободить его от бригадирства.

— Я сейчас же этим займусь! — пообещал Анвар.

— Вечером доложите в парткоме о результатах! — попросил Захар Денисович.— Если факты подтвердятся, значит, плохо мы с тобой работаем, братец!

Анвар старался не показать, как обеспокоило его это известие.

— А когда Антон Григорьевич выйдет из больницы, не говорил? — спросил он, направляясь к выходу.

— У тебя дело к нему?

— Нет, так...— покраснел Анвар, деланно рассмеявшись.— В Нуреке без него как-то труднее работать. По-моему, если б он был здесь, было бы легче...

— Конечно, с опытным руководителем работать всегда легче,— усмехнулся Захар Денисович.— Но мы с тобой должны научиться работать самостоятельно!

Совет секретаря задел Анвара. «Действительно, до каких пор мне нужна нянька? — подумал он.— Изволь теперь своей головой работать. Антон Григорьевич болеет. Ничего не делать и ждать его возвращения просто бессовестно. И если все держится на одном человеке, то зачем тогда мы?!»

Потом Анвар невольно сравнил Павлова с Рахматом Рахимовичем. Павлов совсем другой. Он в первые дни был с Анваром официален, сдержан. Близкого знакомства заводить не торопился и только когда заметил, что у Анвара неприятности, привел к себе домой, расспросил. Если речь идет о недостатках или об ошибках, то Павлов становится жестким, безжалостным, и прежде всего к себе. «Мы с тобой виноваты!» — говорит он. Павлов считает, что они оба равно виноваты, значит, и ответственность у них одинаковая. Требуя от Анвара, Захар Денисович этим самым показывает, что верит в него, и Анвар за это доверие благодарен ему!..

С этими мыслями Саидов спустился со второго этажа и внизу встретился с Мирзо Набиевым и Семеном Алексеевым. Оба инженера были в хорошем настроении. Семен только что сообщил Мирзо, что Злобин на их требования относительно проекта перекрытия Вахша ответил официальным письмом, в котором согласился с мнением нурекчан.

— Но, несмотря на это,— предупредил главный инженер,— тебе необходимо еще раз съездить в Ташкент.

— Нет, дружище,— решительно воспротивился Мирзо,— теперь ты поезжай, потому что ты хороший дипломат. Антон Григорьевич верно говорил, главный инженер строительства должен быть соавтором проекта.

Анвар, не вмешиваясь, слушал разговор друзей.

— То есть вы с Карповым добровольно отказываетесь от соавторства? — пошутил Семен и после паузы добавил: — Если говорить по справедливости, то главным автором проекта Нурека является Карпов. И мысль перекрыть Вахш одним направленным взрывом он подал. Как-то он признался, что это была мечта его молодости. Еще с тридцатых годов, будучи начальником Вахшстроя, он думал об этом!..

— Знаю,— сказал Мирзо.— Он об этом и мне рассказывал. Они даже тогда еще с успехом использовали направленный взрыв при взломе перемычки. Поэтому Старик так и настаивал на своем!

— Да! Теперь остальное от нас зависит. Если бы ты в назначенное время завез триста тысяч тонн бетонита на берег, мы бы в начале будущей весны перекрыли Вахш!

— Одним взрывом?

— Одним взрывом!

— Это же сказки! — вспомнив слова Злобина, весело расхохотался Мирзо.

— Друг мой,— возразил Семен,— народ наш давно привык, что все сказки сбываются. Пусть теперь эта сказка сбудется в Нуреке!

— Пусть! — поддержал Анвар.

— Вот видишь, и комсомол с нами! — Семен обнял Анвара за плечи.

— Знамя ударников в Нуреке всегда у комсомольцев! — Мирзо ласково взглянул на Анвара.

— Куда теперь спешишь? — спросил Семен.

— Пойду к проходчикам,— несколько смущенный похвалой, от-

ветил Анвар.— Говорят, там некоторые пост соблюдают, работу ослабили...

— Да ну! — развел руками Мирзо.— Правильно! Иди к ним. Если ты будешь сам присматривать за ними и они вовремя сдадут первый строительный туннель, то мы, плотинщики, не подведем Семена с Карповым. Свой бетонит уложим в срок!

Попрощавшись с инженерами, Анвар вышел на дорогу. Проехало несколько грузовиков, нагруженных бетонитом.

«Бетонит Мирзо!..» — повторил про себя Анвар и, вытянув руку, остановил одну из машин. Шофер распахнул дверку, но тут же извинился, сказал, что груз тяжелый и он не сможет переехать на правый берег.

— В этом нет нужды! — успокоил парня Анвар.— Довези меня до Пули Сангина. А там я пешком добегу. Я в Нуреке давно привык бегать!

IV

Подойдя к бригаде Азиза Шарифова, Анвар удивился: никто не работал, все громко разговаривали, смеялись, курили.

Азиз-бригадир тоже сидел с рабочими. Заметив Анвара, он быстро встал и подошел к нему.

— Сейчас взрыв будет,— объяснил Азиз причину перекура.— Я и в ночную смену здесь был. Ребята здорово поработали. Если взрыв хорошо пройдет, то мы в этом месяце план перевыполним...

Анвар, посмотрев на усталое лицо бригадира, на пропыленные усики, поверил его словам. «Если он проработал ночь и сейчас еще на работе, то что с ним будет, если он еще и постится?» — подумал секретарь комитета комсомола и поинтересовался:

— Ты обедал?

— Нет, еще даже и не завтракали...— засмеялся Азиз.

— Ты пост, что ли, соблюдаешь? — в упор глядя на бригадира, спросил Анвар.

— Какое там! — простодушно ответил бригадир.— Нам бы сюда блюдо плова, мы бы его стрескали! Вы бы тоже, по-моему, не отказались. Но, к сожалению, здесь у меня сейчас и куска сухого хлеба нет. Вчера привез буханку хлеба и батон колбасы, так ночью вместе с ребятами съели...

Не было сомнения, что автор анонимки возводил напраслину на бригадира. Но Анвар дружески взял Азиза за локоть, отвел подальше в сторону и дал ему письмо.

В этот момент земля дрогнула и раздался грохот. Бригадир невольно сжал письмо в руке и обернулся к выходу из туннеля. Оттуда тянулся беловатый дымок. Потом показались два человека в касках и комбинезонах — взрывники.

— Хорошо взорвалось,— сказал один из них бригадиру.

— Полумесячный план перевыполним! — добавил второй взрывник.

— Читай письмо! — напомнил Анвар, когда отошли взрывники.

Шарифов пробежал глазами письмо и рассмеялся, хотя чувствовалось, что ему неприятно.

— Это же проделки сына мулло...

— Какого мулло? — не понял Анвар.

— Туткаульского мулло Тошбека,— сказал Азиз, поглаживая длинными пальцами лоб.— Работать в колхозе ему не нравилось, без дела шлялся. Я и взял его в свою бригаду по просьбе отца. С условием взял, что он пить бросит. Но он слова не сдержал, продолжал пить. Как-то и в ночную смену вышел пьяный. Не сказать нельзя было — ночью мог под машину попасть. Я его прогнал с работы и в наряде прогул записал. Он потом ругаться со мной стал. Я и пошутил: «Ты же, говорю, сын мулло, вместо того чтобы в месяц рамазан пост соблюдать, водку пьешь!» Он спросил: «Пост соблюдать лучше, чем водку пить?» Я ему ответил, что, конечно, лучше. Вот он мне и приписал «политическую вину»...

— А сколько человек в бригаде пост соблюдают? — обеспокоенно спросил Анвар.

— Двое.

— Ты с ними беседовал?

— Беседовал. Но ведь заставить их не делать этого мы не можем. По Конституции — верить можно! — напомнил бригадир.

— Они комсомольцы?

— Нет. Бывшие колхозники. Табаководы. Теперь вот проходчиками стали. Пост соблюдают открыто, не таятся. Кто запретит? Человек, когда становится рабочим, права свои тоже лучше знает...

Анвар задумался. Бригадир прав. Те двое бывших табаководов действительно хорошо понимают, что никто пост соблюдать не запретит. С одной стороны, вчерашние колхозники, приехав в Нурек, сегодня чувствуют себя полноправными рабочими, свободными людьми. С другой стороны, пережитки еще так тяготеют над ними, что не в силах они справиться с собой, а веру свою, опираясь на закон советской власти, сохраняют. Вот ведь как получается! Только с людьми этими нужно много-много еще заниматься, объяснить им, что с тех, кто имеет большие права, много и спрашивается, на них лежит большая ответственность. И об антирелигиозной пропаганде забывать не следует, рано от нее отказываться...

Бригадира насторожило молчание Анвара. Может, не верит его словам, сомневается? И он предложил:

— Если хотите, вместе побеседуем с рабочими. Пока воздух в туннеле очистится, у нас есть время.

Анвар улыбнулся.

— Ладно. Письмо сына мулло для нашей беседы с рабочими хороший повод. Им, конечно, интересно будет узнать, как сегодня сын мулло раскрывает «религиозность» бригадира-комсомольца.

— Очень хорошо! — согласился Азиз Шарифов.— Пожалуйста. Автор письма Асрор Тошбеков тоже здесь!

Рабочие действительно с большим интересом выслушали письмо. Его серьезно и не спеша прочитал сам Анвар и в заключение попросил всех, кто хочет, высказаться по этому поводу.

Первым заговорил высокий рабочий с козлиной бородкой:

— Кто бы это письмо ни написал, он трус. Мужественный человек не будет скрывать своего имени! А раз он имя свое скрывает, мы ему не верим!

— Ты, наверное, сам постишься, вот и бригадира поддерживаешь! — выкрикнул молодой круглолицый толстяк с усиками, который все время ерзал на месте.

Азиз Шарифов подтолкнул локтем Анвара:

— Это автор письма!

Анвар недовольно покосился на него: не мешай!

— Эй, Асрор! Если ты написал это письмо, то честно встань и скажи! — сказал первый выступающий.— Не закрывайся, как баба, средь бела дня занавеской, мы тебя все равно узнаем.

Рабочие захохотали, а сын мулло, покраснев от гнева, вскочил.

— Я тебе не баба! — заорал он.— Думай, что говоришь! Я здесь никого не боюсь, и мне нечего скрывать. Да, это письмо написал я, Асрор Тошбеков. И готов ответить за каждое свое слово!

— Почему ж на людей-то клевещешь! — укоризненно покачал головой коренастый рабочий.

— Ты, коротышка убогая, молчи! — разъярился Асрор.— На кого я клеветал? Есть у нас в бригаде постящиеся? Есть! Значит, я правду написал!

— Какую же правду, если бригадира в постящиеся записал?! — обличил его коренастый.— Ребята, скажите по совести, соблюдал ли хоть раз пост Азиз? Если когда и не пообедал, то только потому, что не успел! Аппетит бригадира мы знаем! — шутливо закончил рабочий.

— Он организует круглосуточную работу бригады,— продолжил его мысль высокий.— Бригада работает в четыре смены, и он часто тоже в четыре смены работает! Каждую ночь на работе и каждый день! За два месяца бригадирства мотоцикл угробил!

— У него был старый мотоцикл! — бросил реплику Асрор Тошбеков.

— Так вспомни, за какие деньги ты ему этот старый мотоцикл продал, а еще и клевету написал?!

— Мотоцикл я дешево продал,— начал оправдываться опозоренный Асрор.— Он сам согласился с ценой. А насчет поста я немного преувеличил. Потому что я был на него зол!

— Ну, а зачем ты скрыл имя? — спросил коренастый.

— Для того...— покраснел сын мулло.— Я слышал, что письмо без подписи быстрее проверят.

— Для этого и пошутил! — усмехнулся Азиз Шарифов.

— Да, бригадир! — признался Асрор.— Ты меня сильно обидел, бригадир! Я мстил тебе. Теперь мы сравнялись. Поэтому можешь на меня не жаловаться.

— Он на тебя не жалуется,— заявил высокий.— Мы сами тебе придумаем наказание, достойное сына мулло. Заставим немного похудеть. Для этого ты должен неделю поститься! Семь дней без обеда! Работай все обеденные перерывы!

Люди дружно поддержали высокого. Но Асрор закричал:

— Это ваше наказание не верно ни по законам советской власти, ни по законам религии! По религиозным правилам те, кто едет в дальнее путешествие или занят тяжелой физической работой, как и кормящие грудью женщины, в святой месяц рамазан освобождаются от поста. По этим правилам, раз я на трудной горной работе, от поста освобождаюсь. Это сам аллах прощает! А советская власть вообще посты не одобряет! А ты, козлобородый, я знаю, из щегольства постишься. Чтоб другие тебя уважали, считали истинным мусульманином!..

— Чтоб тебе пропасть! Откуда ты узнал такое?

— От отца узнал!

— Это отец, наверно, нарочно для тебя придумал, чтобы тебя перед аллахом оправдать, пьяницу несчастного? — насмешливо спросил коренастый.

— Отец в пользу строительства Нурека говорил! — объявил сын мулло.

— Коли отец твой такой знающий и о пользе Нурека хлопочет, то почему не позволяет перенести туткаульское кладбище? — не унимался коренастый.— Половина людей Туткаула, послушав твоего отца, не переезжают. А скоро реку перекрывать. Из-за одного старого кладбища не закрывать же стройку!

— Пойдите к моему отцу да сами и разговаривайте, ко мне-то чего привязались? — рассердился Асрор.

Анвар понял, что пора ему прекратить эту перепалку. Он шагнул вперед.

— Товарищи! — сказал он.— Хотя такие письма и не делают чести их авторам, но сегодня это письмо послужило поводом для хорошего разговора. Вы оценили и недостойное поведение автора (хорошо, что он все же сам признался!), и деятельность бригадира. Но, к сожалению, благодаря случайному письму Асрора (мы надеемся, что больше он таких анонимок писать не будет, а если захочет что сказать, то скажет прямо!)...

— Верно! — подтвердил Асрор.

— ...к сожалению, в вашей бригаде чепе — пьянство. Это может помешать бригаде стать бригадой коммунистического труда...

— Мы же ежемесячный план перевыполняем! — напомнил кудрявый юноша.

— За выполнение плана вам спасибо! Но, товарищи, для получения почетного звания бригады коммунистического труда одного выполнения плана мало. Мы в Нуреке не только испытываем новейшую технику, но и человека! Некоторые в вашей бригаде обсуждают вопрос, что лучше — пьянка или соблюдение поста? Я могу вас заверить, что и то и другое никуда не годится. Мы должны дружески объяснить людям, что это сильно вредит их здоровью и строительству! Асрор верно сказал,— усмехнулся Анвар,— что и по религиозным правилам, и, я бы добавил, по законам чести рабочие Нурека освобождаются от соблюдения поста в

[illegible] рамазан. А в трудной профессии проходчиков и в жарких условиях Нурека соблюдать пост и работать очень трудно...

После Анвара выступил Азиз Шарифов, который еще раз напомнил о том, что проходчик не имеет права являться на работу в нетрезвом виде. А если кто впредь нарушит это требование, будет от почетной работы проходчика отстранен.

— Верно, верно! — поддержали рабочие. Тут же кто-то предложил за пьянство и анонимку выгнать Асрора из бригады.

— Нет, товарищи,— пояснил бригадир.— Сейчас мы никого из своей бригады выгонять не будем. Наша задача не в том, чтобы собрать в бригаде только хороших людей и прославиться. Задача наша в том, чтобы, помогая друг другу, исправлять ошибки по-дружески. Бригада коммунистического труда должна быть дружной единой семьей. Сейчас мы хорошо поговорили, и, я думаю, Асрор сделал для себя выводы! А теперь давайте работать. Воздух в туннеле уже очистился.

Рабочие поднялись и направились в туннель.

— Когда в вашей бригаде начнутся ленинские уроки? — спросил Анвар Азиза, прощаясь с ним.

— По плану, через неделю,— ответил бригадир.— Но мы можем начать и раньше.

— Если можно, давайте с понедельника. В первом занятии я приму участие...

— Здорово! — обрадовался бригадир.— Я и сам хотел просить вас об этом...

Весь обратный путь Анвар думал, как лучше организовать занятия. Конечно, хорошо бы для чтения лекций пригласить опытных ученых-атеистов. Тут же Анвар попенял, что почти ничего не знает о мусульманской религии, а в теперешней его работе эти знания необходимы. Например, тот рабочий с козлиной бородкой постился по своему кишлачному обычаю. А разъясни ему вовремя, что к чему, он, вероятно, и не стал бы пост соблюдать. А ведь чтобы разъяснить, самому знать надо. «Учиться, учиться и учиться!» На первых ленинских чтениях нужно будет обязательно напомнить эти слова Ильича!..

V

Выписке из больницы Карпов радовался, как ребенок. И тут же помчался в Нурек. В одно мгновение забыл все свои клятвы врачам о том, что немедленно поедет лечиться. Его и выписали с условием — полный срок пробыть в каком-нибудь санатории Подмосковья.

Пробираясь по забитым машинами улицам Душанбе, Карпов шутил с Женей.

— Ну как, в мое отсутствие девушки часто навещали наш дом? — спросил он, весело поглядывая на Женю.

Женя пожал плечами.

— Днем и вечером каждый день сотни человек являлись, о вас спрашивали...

— Они только меня спрашивали, а не тебя? — усмехнулся Карпов.

— Они у меня о вашем здоровье справлялись. Говорили, что на работе заняты, в Душанбе съездить вас повидать не имеют возможности. Кроме того, к больному ведь так много людей не пустят.

— Это верно,— согласился Антон Григорьевич.— А с какой девушкой ты приезжал ко мне?

— С кем бы это? — не сразу вспомнил Женя.— А, это с той, высокой?

— Да, да, с ней! — подтвердил Антон Григорьевич.— Как ее зовут?

— Вероника.

— Да, да, Вероника. Очень шустрая и деловая девушка,— похвалил Карпов.

— Она скоро замуж выходит...

— Неужели? — разочарованно сказал Карпов.— А я знаю ее жениха?

— Конечно, знаете. Вы же его первым прорабом Нурека назначили.

— Валерий Салахян?! Храбрый сын армянского народа? Говорят, он создал в Нуреке такую рабочую дружину, что перевоспитал всех пьяниц и хулиганов!

— Да,— подтвердил Женя.— Вероника небось за это его и полюбила.

— Ну ладно, ты не горюй, как только Вахш перекроем, найдем и тебе хорошую невесту и закатим большую свадьбу!

— Спасибо,— смущенно ответил Женя.— Я пока жениться не тороплюсь...

— Почему? Ведь тебе давно пора...— сказал Карпов, а сам подумал: «Слаб я еще. Чуть пошутил, посмеялся, и опять сердцебиение». Он откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза.

Заметив это, Женя сбавил скорость и повел машину еще осторожнее. «Пусть Старик отдохнет немного,— решил он.— Ведь из лап смерти только что вырвался и снова в Нурек едет. А там опять дел по горло. Хотя люди его любят искренне. Очень по нему соскучились. Возвращение Старика в Нурек — для всех праздник!»

Карпов не заметил, как уснул. Женя аккуратно вел новый газик, стараясь не потревожить спящего. Так они миновали перевал, а Карпов все не открывал глаз. Проснулся Антон Григорьевич только перед въездом в долину Нурека. Он положил руку Жене на плечо, и Женя понял, что надо остановиться.

Антон Григорьевич вышел. По его лицу Женя уловил, что Старик взволнован. Он тоже быстро выскочил из машины, подошел к Старику: может, нужно помочь? Но Антон Григорьевич жестом остановил его.

— За меня будь спокоен! — тихо сказал он.

— Вы опять за сердце держитесь...— смущенно пробормотал Женя.

— Это просто старая привычка...— улыбнулся Карпов, и, при-

держивая сердце рукой, стал спускаться вниз, к воде. Там блестела на солнце, слепя глаза, великая река. Бурный Вахш, вырвавшись из теснины Пули Сангина, плавно огибал городок Нурек и в этом месте широко разливался, точно переводил дыхание, чтобы с новой силой устремиться вниз, в теснину.

Женя остался наверху и с удивлением смотрел на Старика. «Что он собирается делать? Если хочет напиться или умыться, я помог бы ему. Нет, видимо, он хочет побыть один! Старик знает язык реки, они побеседуют, как старые друзья!»

Нагнув серебристую голову, Карпов стоял на влажном песчаном берегу некоторое время молча. Потом он выпрямился и, подняв голову, устремил взгляд на волнующуюся, сверкающую воду.

— Здравствуй, избалованный жеребенок гор! Вот я снова навестил тебя...

Великая река будто вздрогнула и на минуту затихла, вся превратившись в слух.

— ...Я лучшие песни моей молодости пел тебе, скакун! — шепотом продолжал Антон Григорьевич.— И теперь пришел к тебе [illegible] на старости! Я полюбил тебя на всю жизнь, стригунок! В молодости голос твой постоянно тревожил меня и не давал покоя. И на смертном одре только твой голос может успокоить меня. Да, теперь я пою тебе свою последнюю песню. Что поделаешь. Стар я, болен, немощен... Но я не хотел бы умереть, пока не [illegible] тебя, скакунок! А уж если умру, ты прости меня! Если не придется дожить до последней победы, пусть за меня порадуются [illegible]! Ведь у каждого человека должно быть что-то, что ему дороже жизни. Для меня это был ты, скакунок, и навек останешься! Ты, друг мой, вечен! И каждого, кто любил тебя и был твоим другом, ты приобщаешь к вечности. Такая в тебе чудесная сила, скакун. Ибо ты сам чудо и всегда чудом останешься!..

Долгим взглядом Старик посмотрел на противоположный берег, где появился поселок — Новый Туткаул.

— На твоих берегах все обновляется и молодеет, только я старею, стригунок!..

Антон Григорьевич присел на корточки, зачерпнул пригоршню мутной холодной воды и выпил. На зубах заскрипел песок. Карпов зачерпнул еще воды, внимательно всмотрелся в нее.

— Еще Петр Великий знал, что в воде твоей много золота. Но думал ли он, что сама вода твоя — драгоценность? Она ведь — как солнце! Может дать много тепла и света!

Старик умылся. Потом встал и медленно вернулся к удивленному Жене.

— Поехали!

— Куда? — не сразу понял шофер.

— Куда же еще? — Карпов легко сел в машину.— В Нурек, дорогой. В Нурек вези!..

При въезде в Нурек Карпов снова положил руку на плечо шофера.

— Остановить? — спросил Женя.

— Нет, ты посмотри на это! — взволнованно сказал Карпов.

Напротив на стене первого четырехэтажного дома висел плакат, на нем был изображен рабочий с решительным, энергичным лицом, а ниже подпись:

Я знаю —
город будет!
Я знаю —
саду цвесть...

— ...Хорошо! — мягко улыбаясь, похвалил Старик. Женя засмеялся.

— Я каждый день сто раз это вижу! Чего здесь удивительного?

— Я раньше тоже не задумывался об этом, Женя! А сегодня вот понял. Если и ты подумаешь, обязательно поймешь...

Антон Григорьевич, отсутствовавший в Нуреке несколько месяцев, сейчас смотрел на каждую улицу и аллею, на каждый дом и дерево другими, новыми глазами. Он радовался, что теперь точно город будет и сады в городе зацветут!

Они уже подъезжали к новому зданию управления, когда Карпов на обочине заметил женщину, которая никак не могла перетащить через кювет коляску с близнецами, потому что на руках у нее был третий ребенок. Женщина толкала одной рукой коляску, а та, застряв в грязи, не двигалась с места.

— Иди, помоги ей! — велел Карпов.

Женя выскочил из машины, перенес коляску через кювет, а потом помог всему семейству перебраться через дорогу.

— Это учительница Зебогуль,— сказал он, возвратившись.— Сразу трех родила, и все мальчики!

Антон Григорьевич знал Зебогуль. У нее в прошлом году была одна дочка, и она как-то упрекала Карпова за то, что для яслей не строят хорошего помещения. Антону Григорьевичу до сих пор было стыдно, что он ответил тогда ей: «Раньше женщины по десять детей без яслей воспитывали, а вы одного родите, скорее в ясли его и кричите, что в яслях тесно!..»

— Зайдете в правление? — спросил Женя, включая зажигание.

— Нет, поедем в ущелье Пули Сангин... Посмотрим, чего там Мирзо наворочал.

В этот момент тяжелый «КрАЗ» обогнал газик, обдав их дымом.

— Бетонит возит! — кивнул на «КрАЗ» Женя.— Все «КрАЗы» и «МАЗы» день и ночь бетонит возят. Анвар называет их «Мирзоевыми бетонитами».

— Верно назвал!..— понравилось Антону Григорьевичу.— Этот вид бетонита — изобретение Мирзо!

...Мирзо Набиев от радости и волнения не верил своим глазам: в ущелье неожиданно появился Старик. Ведь только вчера Семен привез известие, что врачи не отпускают Антона Григорьевича в Нурек. Посылают его на долгое лечение в Москву... А он тут! Хо-

дит по берегу Вахша, здоровается с рабочими и инженерами, расспрашивает, снова и снова интересуется бетонитами, спрашивает, сколько сделано, сколько будет и сколько должно быть.

Мирзо не сразу заметил, что Старик тяжело дышит и обливается потом.

— Вы за мои бетониты не беспокойтесь,— успокаивал Мирзо.— График Семена мы не нарушим...

— Что это за график, о котором я не знаю? — Старик вроде даже обиделся.

— Мы вам говорили! — снова засмеялся Мирзо.— Мы с Семеном по вашему же заданию подготовили график работ перекрытия Вахша. Семен, по-моему, хотел сегодня везти вам на утверждение.

— Тогда сегодня же обсудим...— сказал Карпов.

Он радовался, что в Нурек приехал не напрасно. Нужно утверждать график. Это тоже важное дело. Прежде всего для самого Карпова. Тогда, где бы он ни был, точно узнает, когда и как будут перекрывать Вахш!..

Старик назначил совещание на вечер, а до начала решил объехать все важнейшие объекты. Он знакомился с положением дел, заходил в туннели, побывал на карьерах, встретился с разными людьми, порасспросил о делах, о жизни.

Вечером в просторном и светлом кабинете собралось важное совещание. Поскольку график подготовительных работ охватывал все отрасли стройки и был связан со строительством города, на совещании присутствовали руководители многочисленных управлений и отделов строительства.

Старик проводил в этом новом роскошном кабинете совещание впервые, и, когда садился в мягкое кресло, сердце вдруг сжалось и от непрошеной жуткой мысли стало тревожно. «Может, для меня это первое и последнее совещание в этом здании?» — подумал Карпов. Но потом быстро взял себя в руки, оглядел собравшихся, убедился, что пришли все, и начал:

— Если разрешите, я буду говорить сегодня сидя, очень устал...— Антон Григорьевич сделал паузу, потом продолжал: — Строительство Нурека вступило в очень ответственную стадию. Сегодня мы должны утвердить точный график подготовительных работ к перекрытию Вахша...

Люди чувствовали, что голос Старика дрожит от скрытого волнения и он не может никак с этим волнением справиться.

— До сего дня в Нуреке любая мелочь вызывала споры и сомнения, долгие дискуссии, но сегодня больше никто не сомневается, что мы теперь одним направленным взрывом перекроем Вахш и успешно завершим строительство невиданного сооружения!

Затем слово было предоставлено главному инженеру Алексееву. Он огласил собранию проект графика работ, показал его.

— Одним из главных затруднений,— сказал Семен,— является перенесение туткаульского кладбища и переселение окрестных жителей. Это мероприятие, по-моему, очень затягивается...

— Извините,— остановил Алексеева Антон Григорьевич.—

Прошу вас решение этого вопроса вынести из графика и не пытаться его ускорять...— Карпов даже забыл о своей усталости и нездоровье и поднялся.— Вопрос перенесения тысячелетнего кладбища и затопления древнего Туткаула дело нешуточное, товарищи! Это свидетельствует о коренном перевороте в сознании таджикского народа в советское время. Ибо таджики испокон веков самым дорогим местом считают место рождения и оттуда легко на другое место не переезжают. Поэтому к этому делу нужно подходить очень осторожно и очень серьезно!..

— Мы именно так и делаем...— ответил главный инженер и секунду помолчал, выжидая, не скажет ли начальник строительства что-нибудь еще.

— Пожалуйста, мы вас слушаем! — Карпов сел, надел очки и взял в руки карандаш.

Заседание продолжалось...

ОТ АВТОРА

На этом я и заканчиваю повествование об Антоне Григорьевиче Карпове. Последний раз я видел его именно на том историческом совещании, когда он утверждал график перекрытия Вахша... Следуя правде жизни, я собирался дописывать заключительную главу романа и уже поднял тяжелое перо, как вдруг случилось маленькое неожиданное событие.

На ветку у распахнутого в сад окна села пичужка (дело было летом, ранним утром, только занималась заря), с любопытством посмотрела на меня одним и другим глазом, помедлила, будто что-то соображая, и неожиданно разразилась неистовой ликующей песней. Я невольно отложил перо: самозабвенно запрокинув головку, трепеща всем своим маленьким тельцем, забыв обо всем — можно было протянуть руку и схватить ее,— она приветствовала восходящее солнце, наступление нового дня. Закончив песню, птичка вспорхнула и исчезла. На миг наступила тишина, а потом раздался такой мощный хор птичьих голосов во славу торжества жизни, что я больше уже не мог заставить себя сесть к столу и дописать то, что намеревался.

После долгих раздумий я понял, что не могу следовать правде жизни!

Мой Старик не может умереть, как простой смертный. Он был запевалой Нурека, он запел ту песню, которую подхватили его ученики и последователи, все те, кто, поверив ему, приехали и пришли сюда и руками своими творили чудо, увидеть и оценить которое они сами и мы, их современники, смогли спустя десятилетие.

В величии и мощи этой теперь уже построенной плотины, в грандиозности встающего за ней Рогуна вечно живет дух старого инженера Карпова, дух его молодых преемников, дух советского человека — творца и созидателя!

И нет конца песне жизни...

СОДЕРЖАНИЕ

Юсуф Акобиров

ЗЕМЛЯ ОТЦОВ
НУРЕК

М., «Советский писатель», 1984, 416 стр.
План выпуска 1984 г. № 324

Редактор *Э. О. Амитов*
Худож. редактор *А. С. Томилин*
Техн. редактор *Ф. Г. Шапиро*
Корректоры *Т. В. Малышева и А. В. Муравьева*

ИБ № 4326

Сдано в набор 14.07.83. Подписано к печати 31.01.84. А11229. Формат 60×90 1/16. Бумага тип. № 2. Обыкновенная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 26. Уч.-изд. л. 29,90. Тираж 200 000 экз. Заказ № 1974. Цена 2 р. 10 к. Издательство «Советский писатель», 121069, Москва, ул. Воровского, 11

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28